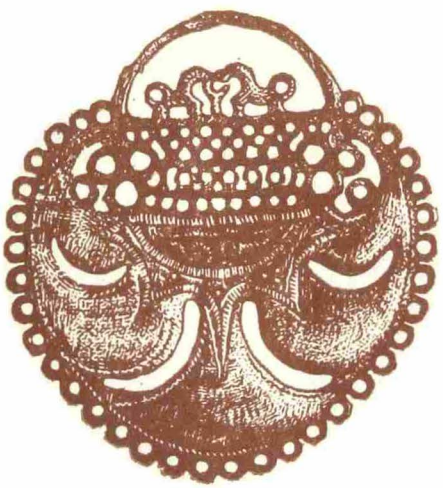
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2
1983

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2
1983

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора)
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Шарма Дж. Л., Щетенко А. Я. (Непал, г. Катманду, Ленинград). Каменный век Непала 5
Потемкина Т. М. (Москва). Алакульская культура 13
Буров Г. М. (Симферополь). О нижнем хронологическом пределе лебяжской культуры 34
Кобылина М. М. (Москва). Страницы ранней истории Фанагории 51
Макарова Т. И., Плетнева С. А. (Москва). Пояс знатного воина из Саркела 62
Охонько Н. А. (Ставрополь). Изображения на стенах гробницы с реки Кривой (Прикубанье) 78
Скоробогатова Т. В. (Москва). Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в. 92

Публикации

Розов В. Н. (Сочи). Боспорские монеты VI—V вв. до н. э. из случайных находок на Таманском полуострове (1975—1980 гг.) 109
Горончаровский В. А. (Ленинград). Пергамская керамическая мастерская и ее продукция на Боспоре 117
Ртвеладзе Э. В. (Ташкент). Могильник кушанского времени у Ялангтуштепе 125
Артеменко И. И., Левченко Б. М. (Киев). Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области 144
Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б. (Ленинград). Древнерусские строительные растворы 152
Могильников В. А., Коников Б. А. (Москва). Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье 162
Даркевич В. П., Стародуб Т. Х. (Москва). Иранская керамика из раскопок Старой Рязани 183
Беленькая Д. А. (Москва). Шиферная иконка из Зарядья 196
Алексеев В. А., Кузнецова Э. Ф. (Алма-Ата). Кенказган — древний медный рудник в Центральном Казахстане 203

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1983 г.

Заметки

Павлов П. Г. (Ленинград). Новые находки каменного века в Южной Киргизии 213
Пятых Г. Г. (Москва). Исследования могильника Новый Ризадей I (Среднее Поволжье) 216
Колтухов С. Г. (Симферополь). Кинжал из некрополя Неаполя Скифского 222
Ляшко С. Н. (Запорожье). Скифское изваяние из района Днепровского Надпорожья 224
Логинов В. А. (Сухуми). Новые материалы по археологии Диоскуриады 228
Виноградов Ю. А. (Ленинград). Тигель из Илурата 229
Гопак В. Д., Пачкова С. П. (Винница, Киев). Железные изделия с поселения Круглик на Буковине 231
Вихляев В. И. (Саранск). Металлургический горн рубежа I и II тысячелетий н. э. из Мордовии 237
Колосова И. О., Харлашов Б. Н. (Москва). Дружинное погребение Псковского могильника 241
Каменецкая Е. В. (Москва). Керамические клейма XI—XIII вв. из Смоленска 244
Морозов В. В. (Москва). Геральдика на иконе «Благословенно воинство» 247
Астраханский В. С. (Москва). Неизвестная статья В. Н. Татищева . . . 253

Критика и библиография

Стоколос В. С. (Сыктывкар). Существовал ли новокумакский горизонт? 257
Иванов В. А. (Уфа). Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М., 1977 264
Булкин В. А. (Ленинград). [Рец.]. Финно-угры и славяне (доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 15—17 ноября 1976 г.). Л., 1979 270
Краснов Ю. А. (Москва). Коробушкина Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X-XIII вв. Минск, 1979 275
Косарев М. Ф. (Москва). [Рец.]. Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, вып. 1, 1979; вып. 2, 1980 279
Белецкий С. В. (Москва). Новое в изучении длинных курганов (Аун М. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллин, Валгус, 1980) 286

Хроника

Савельева Т. В. (Алма-Ата). Всесоюзное совещание «Проблемы исследования средневековой археологии Средней Азии и Казахстана (XIII-XVIII вв.)» 291
Днепровский К. А. (Москва). Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье» 293
Станюкович А. К., Силантьев Г. Л., Лесман Ю. М. (Москва, Владивосток, Ленинград). Совещание «Физико-математические науки в изучении производительных сил» 296

AKADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 2
1983

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Sharma J. L., Shchetenko A. Ya. (Nepal, Katmandu, Leningrad). The Stone Age of Nepal 5
Potemkina T. M. (Moscow). The Alakul Culture 13
Burov G. M. (Simferopol). On the Problem of the Lower Dates of the Lebyazhsky Culture 34
Kobylina M. M. (Moscow). Pages from the Early History of Phanagoria . . . 51
Makarova T. I., Pletneva S. A. (Moscow). A Belt of a Noble Warrior from Sarkel 62
Okhonko N. A. (Stavropol). Mural Paintings in a Tomb on the Krivaya River of the Kuban Area 78
Skorobogatova T. V. (Moscow). One of the Groups of the 14th-Century Golden Horde Decorative Ceramics 92

Publications

Rozov V. N. (Sochi). 6th-5th-Century B. C. Bosporan Coins from Random Finds in the Taman Peninsula (1975-1980) 109
Goroncharovsky V. A. (Leningrad). The Pergamum Pottery Workshop and Its Products in the Bosporus 117
Rtveladze E. V. (Tashkent). A Kushan Burial Ground at Yalangtush-Tepe 125
Artemenko I. I., Levchenko B. M. (Kiev). A Sarmatian Burial at the Bashtechki Village of the Cherkassy Region 144
Mednikova E. Yu., Rappoport P. A., Selivanova N. B. (Leningrad). Old Russian Mortars 152
Mogilnikov V. A., Konikov B. A. (Moscow). A Burial Ground of the Potchevash Culture in the Middle Reaches of the Irtysh 162
Darkevich V. P., Starodub T. Kh. (Moscow). Iranian Ceramics from Staraya Ryazan 183
Belenkaya D. A. (Moscow). A Slate Icon from Zaryadye 196
Alexeyev V. A., Kuznetsova E. F. (Alma Ata). Kenkazgan — an Ancient Copper Mine in Central Kazakhstan 203

Notes

Pavlov P. G. (Leningrad). New Stone Age Finds from Southern Kirghizia . . 213
Pyatykh G. G. (Moscow). Studies of the Burial Ground Novy Rizadey-I (Middle Reaches of the Volga) 216
Koltukhov S. G. (Simferopol). A Dagger from the Necropolis in Scythian Naples 222
Lyashko S. N. (Zaporozhye). A Scythian Statute from the Area Upper Zaporozhye along the Dnieper 224
Loginov V. A. (Sukhumi). New Materials on the Archaeology of Dioscuriada 228
Vinogradov Yu. A. (Leningrad). A Crucible from Ilurat 229
Gopak V. D., Pachkova S. P. (Vinnitsa, Kiev). Iron Artifacts from the Kruglik Settlement (Bukovina) 231
Vikhlyaev V. I. (Saransk). A Hearth from Mordovia Dated to the Turn of the 2nd Millennium B. C. 237
Kolosova I. O., Kharlashov B. N. (Moscow). A Burial of a Warrior from the Pskov Burial Ground 241
Kamenetskaya E. V. (Moscow). 11th-13th-Century Ceramic Stamps from Smolensk 244
Morozov V. V. (Moscow). The Heraldry of the Blessed Host Icon 247
Astrakhansky V. S. (Moscow). An Unknown Article by V. N. Tatishchev 253

Book Reviews and Bibliography

Stokolos V. S. (Syktyvkar). To the Problem of the Existence of the Novy Kumak Horizon 257
Ivanov V. A. (Ufa). Khalikov A. Kh. The Volga-Kama Interfluve at the Beginning of the Early Iron Age (8th-6th-Centuries B. C.) Moscow, 1977 264
Bulkin V. A. (Leningrad). [Rev] The Finno-Ugrians and the Slavs (Papers of the 1st Soviet-Finnish Symposium on Archaeology, November 15-17, 1976). Leningrad, 1979 270
Krasnov Yu. A. (Moscow). Korobushkina T. N. Agriculture on the Byelorussian Territory in the 10th-13th Centuries. Minsk, 1979 275
Kosarev M. F. (Moscow). [Rev.].The Archaeology of the East-European Forest-Steppe Zone. Voronezh, Issue 1, 1979; Issue 2, 1980 279
Beletsky S. V. (Moscow). The New in the Study of the long (*Dlinnye*) Mounds (Aun M.) Burial Mounds of the Eastern Estonia in the Second Half of the 1st Millennium A. D. Tallinn, Valgus Publishers, 1980 286

Chronicle

Savelyeva T. V. (Alma Ata). An All-Union Conference on the «Problems of the Study of the Mediaeval Archaeology of Central Asia and Kazakhstan (the 13th-18th Centuries) 291
Dneprovsky K. A. (Moscow). An All-Union Scientific Conference on the «Cultural Ties of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan with the Neighbouring Regions in the Ancient Times and the Middle Ages» 293
Stanyukovich A. K., Silantyev G. L., Lesman Yu. M. (Moscow, Vladivostok, Leningrad). A Conference on «Physical and Mathematical Sciences and the Study of the Productive Forces» 296

ШАРМА Дж. Л., ЩЕТЕНКО А. Я.

КАМЕННЫЙ ВЕК НЕПАЛА

В 1963 г. археологи Индии отметили столетие со времени первой палеолитической находки в стране. 16 мая 1863 г. в местечке Паллаварам, в 16 км юго-западнее Мадраса, в слое латеритового гравия известный геолог и археолог Роберт Брюс Фут (1834—1912 гг.) нашел ручное рубило. Эту дату принято считать датой рождения индийского палеолитоведения[1]. Признанием заслуг индийских исследователей палеолита явилось приглашение их правительством Непала в качестве консультантов при создании Департамента археологии Непала и организации первых полевых работ по изучению каменного века страны.

Департамент археологии Непала формально был утвержден в 1952 г. в системе Министерства образования. В его функции входили охрана и учет древних памятников, сосредоточенных главным образом в долине Катманду. В 1960 г. для разработки плана реорганизации Департамента археологии в Непал был приглашен А. Гхош, возглавлявший тогда Археологическую службу Индии. Основные рекомендации А. Гхоша касались организации поисков местонахождений каменного века и изучения плейстоценовой геологии, поскольку в этом отношении в Непале ничего еще не было сделано.

Первые работы по изучению каменного века Непала были предприняты осенью 1961 г. индийским палеолитоведом Р. В. Джоши в долине Катманду, однако они дали негативные результаты: никаких следов людей каменного века не было обнаружено [3, с. 75—82]. Индийский ученый объяснял свою неудачу тем, что им была обследована очень маленькая площадь (всего 1% от общей территории Непала) и что, вероятно, отсутствие находок палеолитического возраста в долине Катманду вызвано геологически молодым возрастом долины. Здесь он ссылался на авторитет шведского геолога Тони Хагена, который первым из европейцев 14 лет изучал Непал и опубликовал прекрасный обзор своих исследований [4, с. 50—53, 57]. В то же время Р. В. Джоши высказал предположение, что в будущем более перспективными в плане находок орудий каменного века могут оказаться районы, расположенные в низовьях р. Багмати особенно там, где она прорывает горный массив Махабхарат и проходит Сиваликские горы, а также по берегам рек Рапти (около Хитауда) и Нараяни (около Бхаратпура). Во всех этих местах существовали благоприятные природные условия для заселения их человеком уже в эпоху каменного века.

Территория современного Непала, по мнению большинства географов [5, с. 434; 6, с. 21—49], делится на три основные части: горную страну (Пахар), образуемую отрогами Гималаев, с севера окаймляющую королевство; тераи — узкую (20—30 км) низменную полосу, являющуюся продолжением Индо-Гангской низменности, расположенную на крайнем юге страны на высоте 200—300 м над уровнем моря; срединную страну (или внутренние тераи), расположенную между двумя первыми. Последняя на севере ограничена хребтом Махабхарат (до 3000 м над уровнем моря), а на юге грядой Чоурия Гхати, одним из Сиваликских хребтов (500—700 м над уровнем моря). Именно на эту территорию и указывал

[1] Этому событию была посвящена специальная статья одного из ведущих исследователей палеолита Индии А. П. Кхатри [1], а памяти Р. Б. Фута — специальный номер журнала «Древняя Индия», рецензия на который опубликована в СССР [2, с. 257—260].

Р. В. Джоши, планируя будущие работы в Непале. О возможном успехе работ в этом районе свидетельствовал и положительный опыт работ археологов в соседних районах Пакистана и Индии.

Действительно, в 1934, 1935 гг. в северо-западной части Пенджаба были проведены большие исследования Североиндийской комплексной экспедицией Йельского университета, руководимой американским специалистом по четвертичной геологии Х. де Терра и его помощником, английским археологом Т. Т. Патерсоном [7, 8]. Здесь на примере разновременных речных террас р. Соана исследователями была создана классическая схема взаимосвязи гималайских оледенений Северо-Западной Индии с археологическими культурами палеолитического облика.

В дальнейшем, в 1951—1953 гг., О. Прюфер в долине Сатледжа на берегах р. Сирса (Индия) также установил взаимосвязь палеолитических комплексов с двумя уровнями террас [9]. Не менее важные результаты были получены индийским археологом Б. Б. Лалом в 1955 г. при обследовании им местности Гулер на р. Багмати (долина Биаса), где орудия соанского типа были связаны с уровнями трех террас [10]. В этом же районе предгорий Гималаев, в местности Биласпур, этим же исследователем был открыт еще один соанский комплекс [11].

В 1954 г. член итальянской экспедиции в Кара-Корум и Гиндукуш П. Грациози обследовал междуречье Инда и Джамны на западе и востоке и притоки Соана на севере и юге [12, 13]. Целью его работ являлась проверка схемы Х. де Терра — Т. Т. Патерсона. Однако ни его работы, ни исследования его предшественников не смогли опровергнуть основных выводов, предложенных руководителями Североиндийской экспедиции в 30-е годы. Но они и не подтвердили в целом ни археологической периодизации, составленной Т. Т. Патерсоном, ни геоморфологической привязки разных ее этапов, осуществленной Х. де Терра [14, 15]. Как бы то ни было, но существование своеобразной соанской культуры в северо-западных районах Индостана стало научным фактом и стимулировало целенаправленные поиски аналогичных комплексов в сопредельных с Пакистаном и Индией частях Непала.

Дело в том, что соанские комплексы увязывались с Сиваликскими формациями, которые, как мы видели выше, имеются и на юго-западе Непала. В 1968, 1969 гг. в этих районах Непала проводятся большие разведочные маршруты, предпринятые Департаментом археологии Непала при содействии Археологической службы Индии. Известный индийский археолог Н. Р. Банерджи и Дж. Л. Шарма были направлены директором Департамента Р. Дж. Тхапой на юг страны для продолжения работ, начатых их предшественниками — Р. В. Джоши и С. Б. Део[2].

Объектом исследования ученых стал бассейн р. Нараяни (другое ее название — Гандаки) с ее притоками: Марсианджи, Тризули, Будхи Гандаки, Кали Гандаки и др. Река Нараяни берет свое начало в Гималаях за пределами Непала, в Тибете. Она течет через тераи с севера на юг, а в Индии через штат Бихар и, наконец, впадает в Ганг. Обследование началось от Тривени Гхат, где у подошвы Сиваликских гор было выявлено четыре разновременных террасы, однако находок орудий и других следов деятельности человека на них не оказалось. Густые джунгли воспрепятствовали более детальному осмотру территории. Дальнейший маршрут был продолжен на лодке. В пяти пунктах были выявлены различные серии террас (от трех до пяти), но не везде оказались следы деятельности человека. Так, в Данде, в 6 милях от Ратанпура, отмечено пять террас, однако орудия найдены в галечном русле в сильно окатанном состоянии. Здесь представлены, по мнению Н. Р. Банерджи, ручные рубила, кливеры, чопперы и скребки [18, с. 6—9]. В другом месте, в Трибхувани Тар, найден скребок и еще несколько орудий (не указано каких) подобрано в Тарве. Все эти находки обнаружены в подъемном материале. К сожалению, описание их весьма поверхностно, фотографии

[2] С. Б. Део в 1964 г. предпринял разведочные маршруты в районе Лумбини, на юге Непала [16], а в 1965 г.— раскопки в Катманду [17]. В обоих случаях местонахождений каменного века обнаружено не было.

и рисунки отсутствуют, указан лишь материал, из которого изготовляли орудия — кварцит.

Таким образом, к 1978 г. у непальских и индийских археологов сложилось твердое убеждение, что на территории Непала должны были существовать необходимые условия для обитания людей палеолитической эпохи. Однако отсутствовали стратифицированные колонки, где палеолитические орудия были бы найдены с плейстоценовой фауной.

Почти ничего не было известно и о других эпохах каменного века: мезолите и неолите. Неолит был представлен только единичными, плохо документированными находками каменных топоров. Первая публикация, упоминающая о случайной находке каменного кельта, появилась лишь в 1970 г. [19, с. 109]. Орудие было найдено на возделываемом поле в Одхаре в Рамтеке (около Гангтока в Сиккиме[3]). Упоминалось также о фрагментах керамики с отверстиями в стенках, что, вероятно, предполагает наличие культурного слоя неолитического времени. Поскольку слово «одхара» на непали означает пещера, то Дж. Л. Шарма предположил, что в древности здесь существовала пещерная стоянка. Горный рельеф — южные склоны Гималайского хребта — подтверждает эту гипотезу.

Спустя два года появилась первая сводка о неолитических топорах Непала и Сиккима [20, с. 53—58]. Были приведены рисунки находок, но из 10 предметов лишь четыре имели приблизительное указание на место их обнаружения. Один топор происходил из Сиккима, остальные из различных районов Непала: из окрестностей Катманду (около Будханилкантха) и Макванпура, из области Данг Деокхури и долины Данга. В целом это район, за исключением долины Катманду, находится к югу от горной гряды Махабхарат и занимает центральную часть Непала. В остальных частях Непала находки неолитических орудий не были известны.

Наш маршрут 1978 г. первоначально проходил по окрестностям Катманду; были обследованы овраги и речные русла. Затем мы[4] предприняли двухнедельную поездку по маршруту Покхара — Бутвал — Бхайрава — Лумбини — Тилуаракот и обратно возвращались через Навалпур и Нараянгатх, а от Хейтауды через перевал Даман на Катманду (рис. 1). Таким образом, была обследована южная часть Непала, к западу от тех мест, где уже были известны неолитические находки. Во время наших поездок был выявлен ряд мест, перспективных для дальнейших исследований. Остановимся на двух из них: в окрестностях Катманду и Нараянгатха.

На северной окраине Катманду, сразу за кольцевой дорогой, к востоку от местечка Будханилкантха, где покоится одна из святынь индуизма — спящий Вишну, в русле речушки Дхоби-Кхола, нами были собраны изделия из кварцита (рис. 2—4). Предметы слегка окатаны, но не патинизированы, что часто наблюдается на артефактах из подобного материала.

В коллекции выделяются небольшие, до 4—5 см высоты, одноплощадочные конические нуклеусы, с которых снимались небольшие удлиненные отщепы. Есть нуклевидные сколы и один двуплощадочный нуклеус с фасетками первичной обработки на плоских сторонах. Представлены и отщепы — массивные, часто удлиненные до 9—10 см, ударные площадки их не фасетированы. На спинках отщепов часто прослеживаются негативы предыдущих сколов, на краях — крупные фасетки, образующие выемки. Некоторые изделия имеют сходство с остроконечниками, но следов систематической вторичной обработки на них не обнаружено. Основная категория орудий — выемчатые, но есть и атипичные скребловидные изделия[5].

[3] В настоящее время Сикким является 22-м штатом Индии.

[4] Кроме авторов в экспедиции приняли участие А. В. Кашкин и А. Аваков. А. В. Кашкин ярко описал эти открытия в журнале «Вокруг света» [21].

[5] Датировка орудий этого комплекса вызывает затруднения: типологически они близки верхнепалеолитическим сериям, распространенным в Юго-Восточной Азии, однако не исключено и отнесение их к мезолитической эпохе. Такое предположение высказал С. П. Гупта при знакомстве с нашими находками в Дели в марте 1978 г.

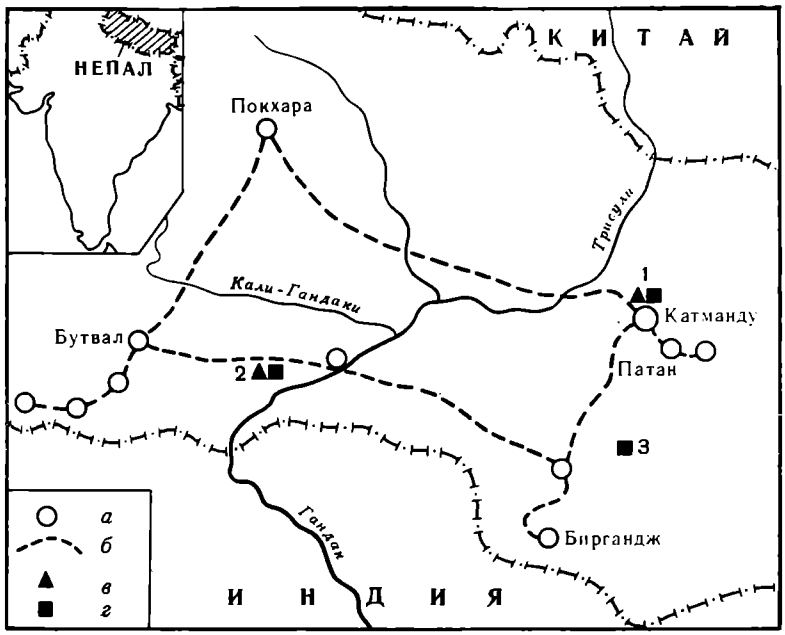


Рис. 1. Центральная часть Непала. *а* — современные города; *б* — маршрут экспедиции; *в* — палеолитические местонахождения; *г* — неолитические местонахождения. *1* — Будханилкантха, *2* — Коттанди, *3* — Макванпур

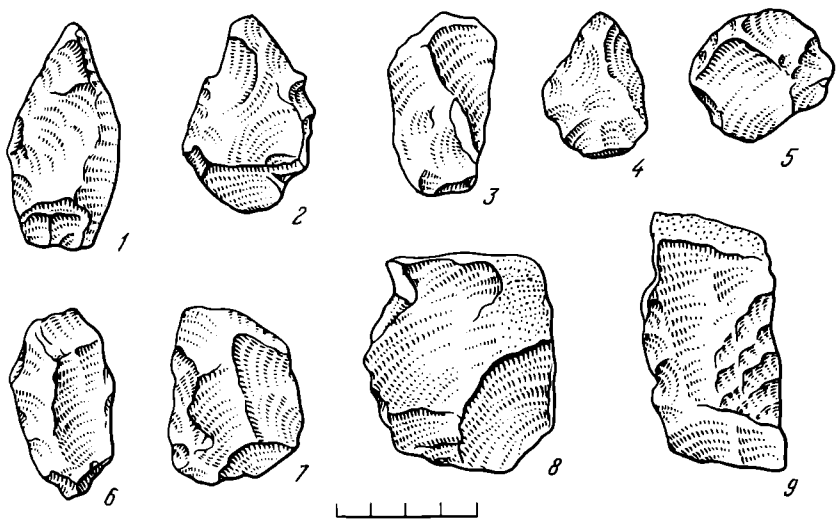


Рис. 2. Будханилкантха. Каменные орудия (кварцит): *1*, *2*, *4* — остроконечники; *3*, *5* — атипичные скребки; *6*—*8* — дисковидные нуклеусы; *9* — пластина с вторичной ретушью

Вероятно, эти изделия были вымыты из культурного слоя стоянки, расположенной выше по течению р. Дхоби-Кхола. Интересно напомнить, что один из неолитических топоров, уже опубликованных, происходил именно из Будханилкантха, но из русла другой речушки — Вишнумати. Следовательно, этот район долины Катманду весьма перспективен для поисков местонахождений каменного века.

Другой центр, где были найдены орудия каменного века, находится на юге Непала, в 36 км к западу от г. Нараянгатха. Здесь р. Данда сначала течет с севера на юг, затем, напротив деревни того же названия, делает резкий поворот и течет с востока на запад, образуя высокий мыс, состоящий из двух террас. Это местечко называется Коттанди, и здесь расположено отделение государственного заповедника, что, возможно, и сохранило нетронутыми остатки древних поселений от распашки местными жителями.

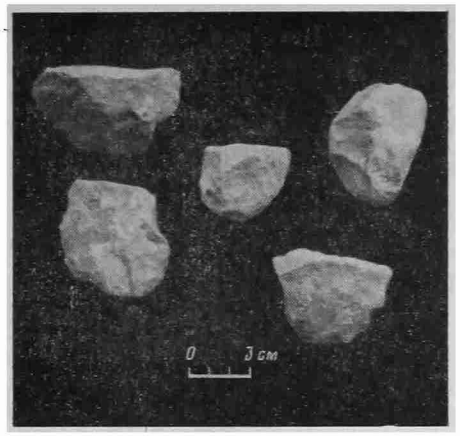


Рис. 3. Будханилкантха. Каменные орудия (кварцит): конические одноплощадные нуклеусы и остроконечник

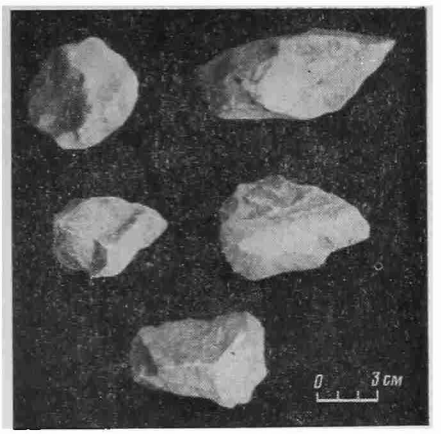


Рис. 4. Будханилкантха. Каменные орудия (кварцит): конические одноплощадные нуклеусы

Первая надпойменная терраса покрыта россыпями галечника, происходящего из конгломератов, четко прослеживаемых в стенках оврагов, которыми весьма богат южный обрывистый берег, подмываемый рекой. Из верхней линзы галечника нами были извлечены два грубых сильно окатанных чоппера (рис. 5; 6; 7, *2*, *3*) со следами первичных сколов и одна массивная толстая пластина[6]. В коллекции Дж. Л. Шармы, собранной в окрестностях этого пункта и хранящейся в Департаменте археологии, можно наметить восемь групп изделий: чопперовидные орудия, массивные отщепы и пластины, остроконечники, скребла, заготовки нуклеусов, сколы. Эта серия артефактов типологически может быть сопоставлена с соанскими материалами Пакистана, и наличие сиваликских формаций на юге Непала не противоречит такому предположению.

На верхней площадке второй надпойменной террасы нами были обнаружены остатки четырехугольного в плане поселения (30×30 м), сооруженного из сырцовых пахсовых блоков. Развалы стен достигали 3 м. По углам поселения располагались массивные контрфорсы, возможно первоначально служившие башнями. Рядом с городищем были найдены два фрагмента и один целый экземпляр каменных полированных топоров подтреугольных очертаний [22, с. 96, рис. 18]. Кроме каменных орудий найдены разного типа обломки керамики — гончарной и лепной, первая преобладает (рис. 6).

Гончарная керамика представлена тремя группами, которые различаются по цвету и примесям. В большинстве случаев черепки ярко-красного цвета, а в тесте примесь слюды и мелкого песка. Обжиг хороший. О формах сосудов судить трудно, но по фрагментам венчиков можно предположить, что это были открытые чаши или миски (рис. 6, *1—6*). Четвертую группу керамики составляет плохо обожженная серая кухонная посуда, с двух сторон закопченная.

Из трех каменных полированных орудий наибольший интерес представляет топор из кремнистого сланца зеленоватого цвета, подтреугольных очертаний с линзовидным сечением (рис. 6, *7*). Он близко напоминает как по форме, так и по технике изготовления каменное орудие, найденное в Катукшеваре, около Тильсипура — главного города района Данг Гхорахи, в долине Данга (рис. 7, *5*).

Эта находка, как и остальные девять топоров, датировалась 1000—200 гг. до н. э. [20, с. 57]. Но такая датировка не может быть принята. В упомянутой сводке намечается три типа орудий: восемь топориков подпрямоугольных очертаний, небольших размеров с частично или полностью

[6] Эти орудия, как и другие наши находки, были переданы в Департамент археологии Непала. Первая публикация на непали появилась 16 марта в газете «Самикча», где были помещены фотографии орудий.

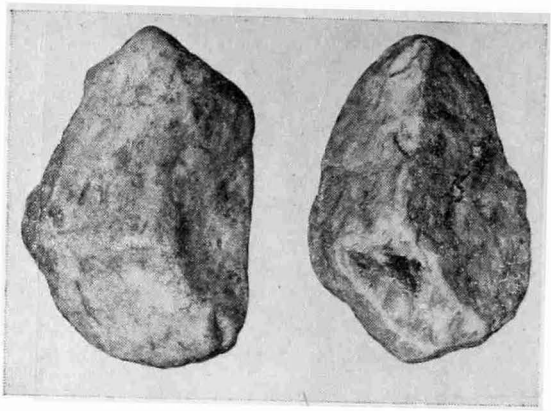


Рис. 5. Коттанди. Чопперы. (Фото П. М. Читракара. Департамент археологии Непала)

Рис. 6. Коттанди. Фрагменты венчиков керамики первой группы (*1—6*), каменный топор (*7*) и мотыга (*8*)

Рис. 7. Каменные орудия различных местонахождений Непала: *1* — фрагмент кельта из черного базальта из Восточного Непала; *2*, *3* — чопперы Коттанди; *4* — кельт из Сиккима; *5* — топор из Катукешевара

Рис. 5

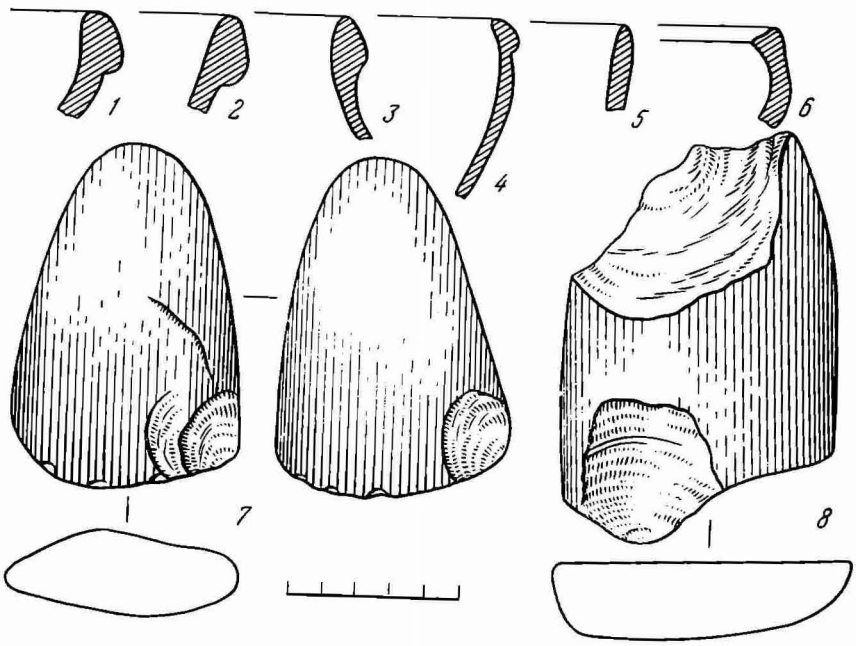


Рис. 6

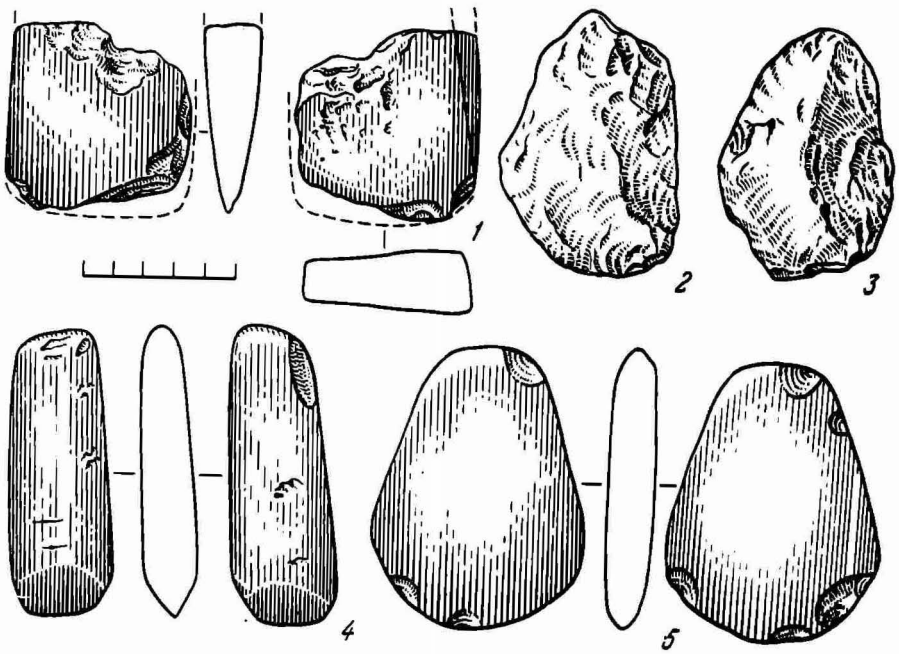


Рис. 7

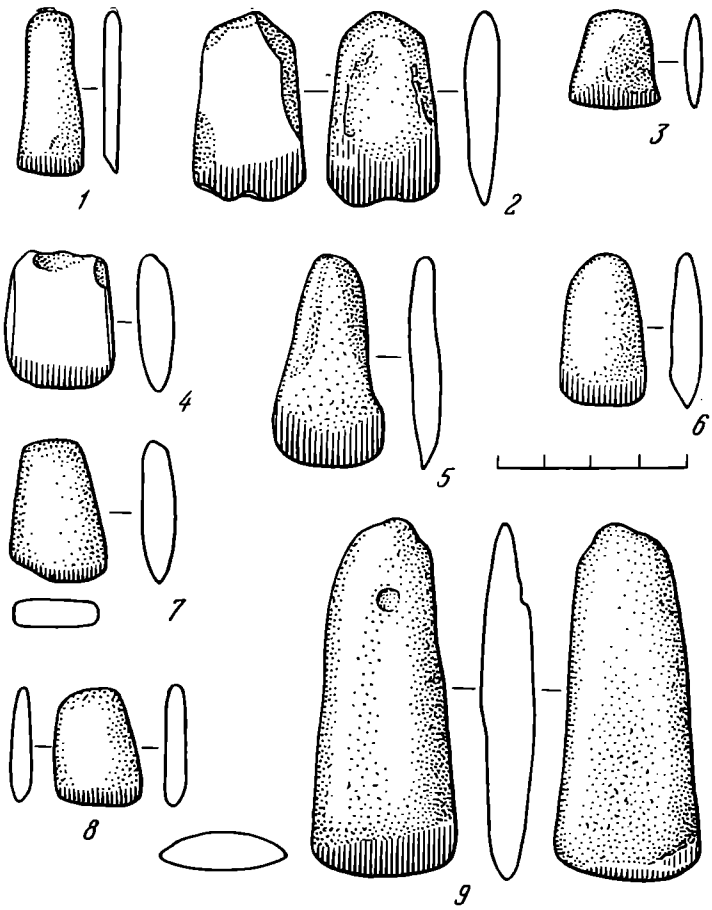


Рис. 8. Неолитические орудия из различных районов Непала (по Н. Р. Банерджи и Дж. Л. Шарма): *1* — из Сиккима, *3* — из Маквапура, *8* — около Будханилкантха, *9* — из района Данг Деокхури; *2*, *4*—*7* — местонахождение неизвестно

отполированной поверхностью составляют самую распространенную группу (рис. 8, *1*—*8*); один топор из Катикушевара имеет вытянутые трапециевидные очертания, приостренный обушок и выпуклое лезвие, он полностью отполирован (рис. 7, *5*); еще один клиновидный топор из Данг Деокхури имеет продолговатые очертания, полностью отполирован и на одной из его поверхностей есть круглое углубление (рис. 8, *9*) Первую группу топоров авторы справедливо связывают с комплексами из Ассама. Однако датировка этой группы в настоящее время может быть уточнена благодаря раскопкам многослойного поселения в Деоджали-Хадинге, где двум неолитическим слоям предшествовали находки хаобинской культуры. На основании типологии каменных орудий Т. Шарма склонен относить верхний неолитический слой, вполне справедливо, по нашему мнению, к 2000 г. до н. э. [23, с. 17]. Неолит перекрыт энеолитическим комплексом с металлом [22, с. 101, 102].

Два других типа топорков имеют большое число аналогий по всему Индостану. Их впервые выделил М. Уилер и относил к I тысячелетию до н. э. Однако находки полированных топоров с углублениями круглой формы на одной из сторон в хорошо стратифицированных и датированных комплексах Центральной Индии позволяют датировать их III—II тысячелетиями до н. э. [24, с. 54, рис. 15, *2*, *4*].

Но принадлежность поселения к неолитическому периоду еще не доказана, поскольку на западной окраине мыса в стенке оврага открыт комплекс с серой керамикой, которая относится к эпохе раннего металла. Отнесение городища к этой эпохе также не исключается.

Таким образом, из важнейших проблем древней истории Непала, которые предстоит решать в ближайшем будущем [25, с. 605, 606], для

эпохи каменного века намечаются две: первое появление человека в Непале (связь с соанскими комплексами Пакистана и Индии) и становление хозяйства производящего типа. Успешное решение этих проблем может быть осуществлено при тесном сотрудничестве советских и непальских археологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Khatri A. P.* A centure of prehistoric research in India.— AP, 1963, № 1—2, v. 6.
2. *Щетенко А. Я.*— СА, 1965, № 4.— Рец. на кн.: Ancient India. New Delhi, 1963, № 18/19.
3. *Joshi R. V.* Prehistoric exploration in Katmandu valley, Nepal.— AI, 1966, № 22.
4. *Hagen T.* Nepal. Geographical Publishers. Berne, 1960.
5. *Спейт О. Х. К.* Индия и Пакистан. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.
6. *Pradyumna P. K.* Nepal. A physical and cultural geography. Lexington, 1960.
7. *Paterson T. T., Drummond H. J.* Soan — the palaeolithic of Pakistan.— MDA, 1962, № 2.
8. *De Terra H., Paterson T. T.* Studies on the Ice Age in India and associated Human cultures.— CIWP, 1939, № 493.
9. *Prufer O.* The prehistory of the Sirsa valley, Punjab, India.— Quartär. Boon, 1955, B. 7/8.
10. *Lal B. B.* Palaeolithic from the Beas and Banganga valley, Punjab.— AI, 1956, № 12.
11. *Lal B. B.* India.— AsP, 1964, v. 7, № 1—2.
12. *Ранов В. А.* Новые работы по палеолиту Западного Пакистана.— ВА, 1957, вып. 25.
13. *Graziosi P.* Prehistoric research in Northwestern Punjab.— Italian expeditions to the Karakorum (K^2) and Hindu Kush.— Scientific reports. Prehistory-Anthropology. Leiden, 1964, v. 1.
14. *Ранов В. А.* Средняя Азия и Индия в эпоху палеолита (опыт сравнения археологической периодизации).— В кн.: Страны и народы Востока. М., 1972, вып. XII.
15. *Борисковский П. И.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1971.
16. *Deo S. B.* Archaeological investigations in the Nepal terai: 1964. Kathmandu, 1968.
17. *Deo S. B.* Archaeological excavations in Kathmandu: 1965. Kathmandu, 1968.
18. *Banerjee N. R.* Discovery of the remains of prehistoric man in Nepal.— AN, 1969, № 6.
19. *Sharma J. L.* A small neolithic celt found in a field at Ramtek near Gangtok in Sikkim.— Kanchentungha, 1970, v. 10, № 8/9.
20. *Banerjee N. R., Sharma J. L.* Neolithic Tools from Nepal and Sikkim.— AN, 1972, № 21.
21. *Кашкин А. В.* Командировка в каменный век.— Вокруг света, 1979, № 5.
22. *Щетенко А. Я.* Первобытный Индостан. Л.: Наука, 1979.
23. *Sharma T. C.* Recent Archaeological Discoveries in North-Eastern India.— Puratattva, 1974, № 7.
24. *Щетенко А. Я.* Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л.: Наука, 1968.
25. *Щетенко А. Я., Кашкин А. В.* Исследования в Королевстве Непал.— АО — 1978. М., 1979.

J. L. Sharma, A. Ya. Shchetenko

THE STONE AGE OF NEPAL

Summary

In 1978, Soviet and Nepalese archaeologists surveyed some places in Nepal for Stone Age sites (Fig. 1). Quartzite artifacts (Figs. 2, 3, 4) probably washed out from the cultural layer of a settlement situated up-stream were found in the northern outskirts of Kathmandu (the Bagmati zone), beyond the circuit road, to the east of Bidhanilkantha, in the bed of the Dhobi-Khola River. Though typologically they are close to the Upper Palaeolithic seriations of the South-East Asia, the Mesolithic dating cannot be totally excluded. Two choppers and a massive blade (Figs. 5, *6*; 7, *2*, *3*) were found in Kottandi (the Lumbini zone), 36 km to the west from Narayngath, on the right bank of the Dadna River, in the upper lens of the shingle beds of the first fluvial terrace above flood plain. Other, earlier finds, include chopper-like implements, flakes and blades, points, racloirs and core blanks. Typologically they can be compared to the Soan complexes from Pakistan. The upper platform of the second fluvial terrace above flood plain revealed the remains of a square settlement (30 by 30 m) made of adobe blocks. Fragments of five pottery types (Fig. 6, *1-6*), two fragments of polished siliceous schist axes and an undamaged one (Figs. 6, 7) were found nearby. The finds are referred to the Neolithic (3rd-2nd millennia B.C) on the strength of comparison between them and the earlier finds (Figs. 7, 8) and the study of new materials from the already dated complexes of North-Eastern India (Deojali-Hading). Thus, two problems come to the fore in the study of the Stone Age of Nepal: the appearance of man in the region and the consolidation of producing economy. Their successful solution depends on further scientific cooperation between Soviet and Nepalese archaeologists.

ПОТЕМКИНА Т. М.

АЛАКУЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

Благодаря развернувшимся в 60—70-х годах широким археологическим исследованиям на обширных пространствах Западной Сибири, Южного Урала и Казахстана накоплен значительный материал, позволивший по-новому осветить многие аспекты андроновской проблематики. Результаты этих многолетних исследований отражены в ряде монографий [1—9] и диссертационных работ [10—16]. Новые массовые материалы укрепили представления о локальных различиях андроновских древностей, которые большинством исследователей рассматриваются как культурно-историческая общность. Значительно расширились наши знания о культуре андроновского населения в целом, о различных сферах его деятельности, особенно хозяйственной, чему в значительной степени способствовали раскопки поселений большими площадями. Важные достижения имеются в области изучения металлургии и создании типологической и хронологической классификаций металлических изделий андроновских племен [16, 17]. Открытие новых предандроновских [18—25] и раннеандроновских [7, 26—28] памятников поставило на более конкретную основу решение вопроса о происхождении андроновских комплексов в различных регионах. Разработана более дробная периодизация андроновских древностей отдельных районов и уточнена их абсолютная хронология [4, с. 91—131; 12, с. 18—24; 13, с. 17—20]. Выделена северная периферия андроновского мира, так называемые андроноидные культуры Западной Сибири [14, с. 19, 149; 29]. В новом аспекте решается вопрос об общественном устройстве и этнической принадлежности андроновской общности: появляется все больше свидетельств социальной дифференциации андроновского общества [30; 31, с. 144—147; 32, с. 529—530], интерпретация этноса андроновцев все более уверенно связывается с индоиранцами [7, с. 51—57; 33]. Углубились и расширились представления о направлениях и характере связей андроновского населения, выяснению которых способствуют также широкие исследования синхронных культурно-исторических образований — полтавкинских, срубных, абашевских, черкаскульских, тазабагъябских.

На новом этапе осмысления андроновской общности обозначилась необходимость выделения внутри нее отдельных культур: алакульской и федоровской периода развитого бронзового века, саргаринской (по С. Я. Зданович) [15] или алексеевской (по Т. М. Потемкиной) [34, с. 27—29], бегазы-дандыбаевской [9] эпохи поздней бронзы. Алакульская и федоровская культуры большинством исследователей рассматриваются как параллельно существующие на смежных территориях и активно взаимодействующие на всем протяжении своего существования [10, с. 22, 25; 29, с. 244; 4, с. 24, 139, 144; 35, с. 63—64; 27, с. 192]. Алакульские древности связываются с кругом степных культур [14, с. 149—150; 36, с. 79], предполагаемое место их формирования и обитания — Южное Приуралье и Южное Зауралье, Западный и Северный Казахстан [3, с. 301, 347; 4, с. 139; 26; 29, с. 244; 37, с. 92]. Федоровские памятники тяготеют к кругу лесных культур южнотаежной и лесостепной зоны Зауралья и Западной Сибири [14, с. 149—150; 36, с. 79]. В своей классической форме (типа Федоровского могильника) они наиболее концентрированно представлены в районе г. Челябинска [3, с. 301, 341]. Правомерность выделения алакульских и федоровских комплексов в самостоятельные культуры обосновывается наличием у них специфических куль-

турных признаков, связанных прежде всего с особенностями посуды и погребального обряда [4, с. 132, 139; 10, с. 22].

Понятие «алакульская культура» включает уже не только сумму признаков, 30 лет назад выделенных К. В. Сальниковым главным образом на основе анализа погребальных памятников [3, с. 284—285; 38; 39]. Хотя К. В. Сальников рассматривал алакульские древности как один из трех этапов андроновской культуры, выделенные им признаки продолжают оставаться ведущими показателями алакульской культуры. Основываясь на этой характеристике и учитывая новые материалы, в первую очередь с поселений, кратко суммируем присущие алакульскому населению черты: обряд захоронения преимущественно под небольшими уплощенными курганными насыпями, создаваемыми путем многократных подсыпок; расположение могил вокруг центральных погребений, чаще всего кольцеобразно; наличие на дне могильных ям вдоль стен обкладки из бревен в один-два ряда и перекрытия бревенчатым накатником; преимущественное положение умерших на левом боку в скорченном положении со слегка подогнутыми ногами и согнутыми руками с кистями перед лицом; ориентировка неустойчива, с преобладанием южной и восточной (с отклонениями); среди погребального инвентаря обязательно присутствие глиняных сосудов, которые ставились обычно в головах покойников, реже — в ногах, часть сосудов помещалась на краю могильных ям; прочий инвентарь чаще всего представлен украшениями, значительно реже — орудиями труда; традиция жертвоприношений животных: череп и кости ног овцы, коровы, лошади, собаки помещались на краю могил или рядом, иногда в отдельных ямах; в ряде случаев найдены целые костяки лошади. Наиболее характерны небольшие поселки (до 10 или немногим более жилищ), расположенные на мысовых частях низких террас или возвышениях в поймах, приуроченных к ее наиболее широкой части. Жилища расположены чаще всего в ряд вдоль реки довольно плотно друг к другу и представляют собой неглубокие (0,4—0,9 м) полуземлянки прямоугольной или близкой к ней формы площадью немногим более 100 м^2 со столбовыми конструкциями, с очагами в виде кострищ на полу или в неглубоких ямах, реже — в форме небольших вымосток из кирпичиков и камней, сконцентрированных обычно в одной из половин жилищ. Хозяйственных ям немного (1—3), они небольшие (0,6—0,5×0,7—1,2 м) и неглубокие, расположены рядом с очагами [12, с. 8—11, 16—20; 13, с. 23]. По остеологическим материалам с поселений прослеживаются особенности хозяйственной деятельности: преобладание в стаде крупного рогатого скота (73,9—77,3%) наряду с мелким рогатым скотом (11,3—33,4%) и лошадью (3,9—16,7%), что предполагает занятие алакульского населения пастушеским скотоводством [13, с. 20—22] [1]; определенную роль в хозяйстве играло мотыжное земледелие. Наиболее ярким и специфичным признаком алакульских древностей является тип керамики — горшки с уступчиком на плечиках, орнаментированные чаще всего зонально (по шейке, плечикам и у дна), преимущественно резным способом, с преобладанием таких элементов орнамента, как горизонтальные линии, зигзаги (сплошные и прерывающиеся), заштрихованные треугольники. Имеются свои типы бронзовых украшений: желобчатые браслеты с закругленными или закрученными в спирали концами, крестообразные и листовидные привески, круглые бляхи с тисненым орнаментом из концентрических кругов [3, с. 245, рис. 32; 4, с. 45, рис. 11, *11*; 39, с. 56, рис. 5, *6*; 40, с. 111—114, рис. 36, 37, 39, 41; 41, рис. 3, *2—4*]. Многие другие украшения (различной формы бусы, очковидные привески, полушарные бляшки и др.), равно как и основная часть бронзовых орудий (ножи с выступами, вислообушные топоры, слабоизогнутые серпы, плоские тесла и др.), обладают общими чертами с изделиями синхронных культур лесостепной зоны — абашевской, срубной. Таким образом, алакульские древности характеризует целый ряд признаков, связанных с особенностями погребального обряда, типами поселков, жилищ,

[1] Проценты даны от общего количества костей домашних животных, собранных на поселениях.

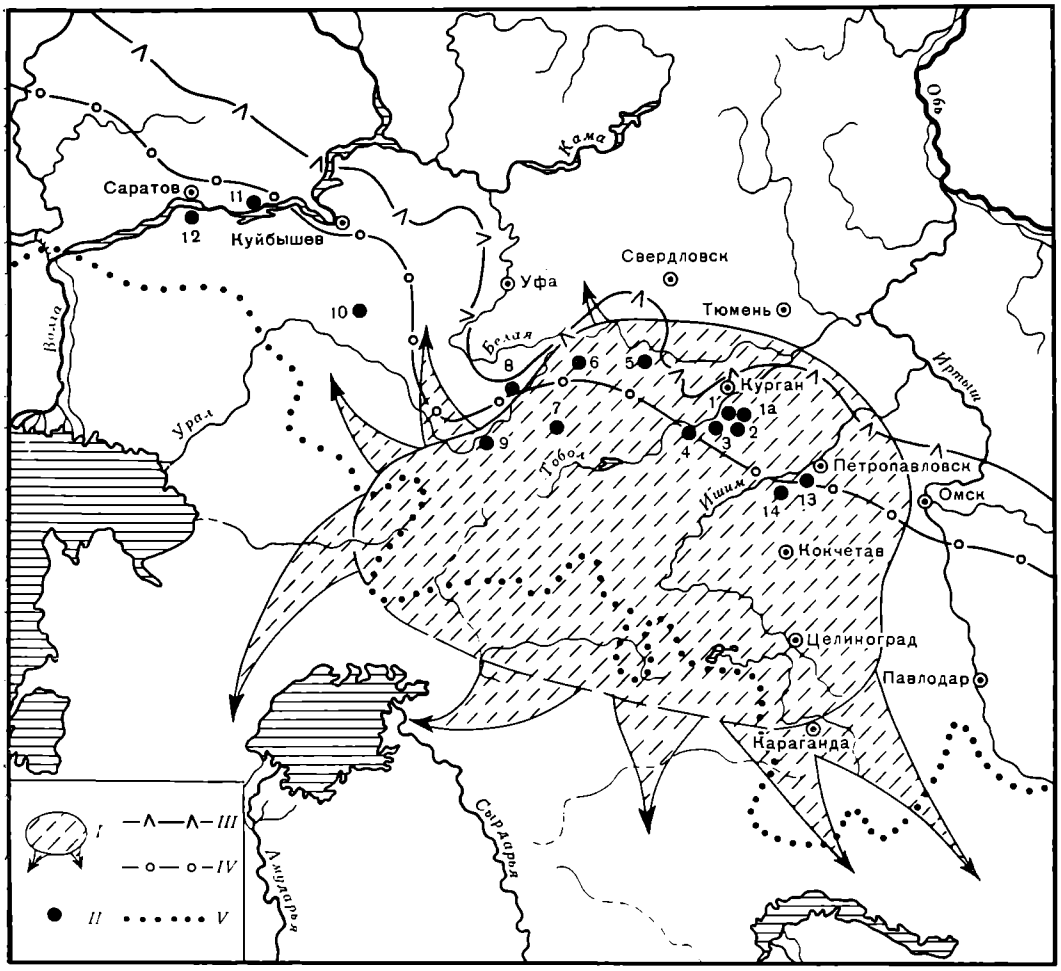


Рис. 1. Ареал алакульской культуры. I — территория распространения памятников алакульского типа и направление связей; II — памятники с керамикой новокумакского типа; III — южная граница современной лесной зоны; IV — граница лесостепей и степей; V — граница степей и полупустынь. *1* — Камышное I (поселение и могильник), *1а* — Камышное II; *2* — Раскатиха; *3* — Верхняя Алабуга; *4* — Убаган I; *5* — Алакуль; *6* — Степное; *7* — Синташта; *8* — I Альмухаметовские курганы; *9* — Новый Кумак; *10* — Герасимовка; *11* — II Алексеевский могильник; *12* — Покровский могильник; *13* — Петровка; *14* — Новоникольское

керамики, набора украшений и хозяйственной деятельности, позволяющих выделить их в самостоятельную культуру периода развитой бронзы.

Ареал алакульской культуры обширен и очерчивается следующим образом (рис. 1) [2]. Наиболее широко алакульские памятники представлены на Тоболе и Ишиме. В среднем Притоболье находится классический алакульский памятник (могильник на оз. Алакуль), материалы которого легли в основу выделения алакульских комплексов. В настоящее время здесь имеется восемь раскопанных могильников и семь поселений с керамикой алакульского типа. Кроме того, алакульская керамика присутствует на 75 поселениях, известных по разведочным данным, среди которых более 30 являются однослойными [42, с. 83—89, табл. 33, 35]. В Верхнем Притоболье, кроме хорошо известных Алексеевского поселения и могильника, Садчиковского поселения [43, рис. 4; 5, *1*; 12, *1*; 18, *1*, *2*; 22, *2*, *4*, *7*, *8*], где широко представлена алакульская посуда, экспедицией Кустанайского пединститута раскопано несколько новых алакульских

[2] При определении территории алакульской культуры учитывается в первую очередь массовое распространение алакульской керамики в ее классических формах (типа могильника Алакуль), как наиболее яркого и надежного культурного и этнического признака. Единичные находки керамики не учитываются и рассматриваются как результат взаимодействия алакульского населения с соседними культурными группами.

памятников, многие исследованы разведкой [44, с. 287—289; 45, с. 510; 46, с. 515]. На Ишиме в пределах Северо-Казахстанской, Кокчетавской и Целиноградской областей раскопками исследованы поселения и могильники с керамикой типа Алакульского могильника [12, с. 16; 26, с. 29, рис. 3; 41; 47, с. 448; 48, с. 520], десятки памятников известны по разведочным сборам.

В более восточных районах — на Иртыше, Оби, Енисее — алакульская керамика не известна. Здесь андроновская эпоха представлена федоровскими древностями. В Верхнем Прииртышье, главным образом в Восточно-Казахстанской области, федоровская керамика присутствует на памятниках канайского и малокрасноярского этапов наряду с другими разновидностями керамики [11, с. 31—34, 40; 49, с. 94, 98—100]. В Среднем Прииртышье на севере лесостепной зоны исследованы памятники черноозерского (по В. Ф. Генингу) или черноозерско-томского (по М. Ф. Косареву) типа [50, с. 53—64; 51, с. 19—23], которые рассматриваются как вариант андроновской общности, сформировавшийся на основе местного варианта раннебронзовой культуры при значительном влиянии и небольшом включении федоровского населения [52, с. 32—36; 53, с. 8]. Не исключается также приход населения, оставившего черноозерские памятники, из Восточного Казахстана, откуда оно было вытеснено федоровцами [14, с. 21—22].

На Верхней Оби и Енисее федоровское население считается пришлым с запада (Южное Зауралье) или юго-запада (Казахстан) [5, с. 41, 44—45, 49, 67; 6, с. 74, 75, 151; 8, с. 86, 125; 54, с. 141]. Имеется мнение, что андроновские комплексы этих районов не являются чисто федоровскими, им присущи и алакульские черты, что находит отражение в элементах орнаментации, отдельных типах украшений, способе погребения (трупоположение) [5, с. 44—45, 66—67; 8, с. 95—104]. Однако наличие алакульских признаков не меняет представления об андроновских памятниках Оби и Енисея в целом как федоровских. Они являются лишь свидетельством контактов различных групп населения. Исходя из вышеизложенного, восточная граница алакульской территории может быть проведена по водоразделу Ишима и Иртыша восточнее линии Петропавловск — Кокчетав — Целиноград (рис. 1).

Северная периферия алакульского ареала (Приишимье севернее г. Петропавловска, Притоболье ниже г. Кургана, район Исети, Ишимо-Тобольское междуречье) изучена почти исключительно по разведочным данным; раскопки производились на единичных памятниках: поселения Замараевское [55], Боборыкино II [56], могильник Чисто-Лебяжье. Благодаря целенаправленным полевым исследованиям Уральской археологической экспедиции в этом районе открыто около полусотни памятников эпохи бронзы, однако алакульская керамика найдена лишь на некоторых из них [58; 59, табл. I, с. 7, 13—18, 23—28]. В Приишимье посуда алакульского типа присутствует в коллекциях единичных памятников — селища Клепиковское, Ларихинское, Жиляковское, Стрехнино II [38] — совместно с керамикой сузгунской, основной район распространения которой находится в таежном Прииртышье [14, с. 23; 60, с. 127, 128]. В Притоболье наиболее северными памятниками с алакульской керамикой в районе широких пойм в устье р. Суери, являются могильник Чисто-Лебяжье, поселения Усть-Суерское, Высокая Грива, Волосниково [61, с. 89—102] и др. и памятники на Исети (Замараевское, Боборыкино II, VI), где алакульская посуда встречена совместно с федоровской и черкаскульской. Далее на север единичные находки керамики, сходной с алакульской, имеют место на поселениях лесной бронзы [62, с. 15—18, рис. 7, *9*].

Следовательно, северная граница алакульской культуры в настоящее время устанавливается в Приишимье приблизительно в районе г. Ишима, в Притоболье несколько севернее устья р. Суери с включением среднего течения Исети и совпадает с границей лесостепной и лесной зон (приблизительно между 56 и 57 параллелями). Низовья Исети, по всей вероятности, являлись районом стыка алакульской, черкаскульской и сузгунской

культур. На северо-западе границу алакульских древностей можно провести достаточно четко от г. Каменск-Уральска (выше устья Синары) вдоль Уральских гор немного западнее Челябинска. Севернее и западнее этой линии в лесной зоне Урала и Зауралья по соседству с алакульским населением обитали коптяковские и черкаскульские племена, возникновение и наибольшая концентрация которых отмечается в верховьях Исети и Синары [3, с. 354, рис. 56, с. 371; 4, с. 54—90, рис. 17; 63, с. 5, рис. 1, с. 59—63]. В пограничье леса и лесостепи, где остепненные пространства перемежаются с участками тайги, отмечается как смешанное расположение черкаскульских, федоровских, алакульских памятников, так и смешанный характер отдельных памятников [64, 65]. Черкаскульское влияние не ограничивалось контактной зоной, а распространялось далеко на юг и юго-восток, включая Среднее и Верхнее Притоболье [66, с. 37—39, рис. 2, *6—10*; 67, с. 102, рис. 2, *15*, *18*, *21—25*], Среднее Приишимье [26, с. 38; 68]. При этом в отдельных случаях можно говорить не только о контактах, но и о проникновении групп черкаскульского населения в южные районы, о чем свидетельствует присутствие на среднетобольских и среднеишимских поселениях керамики, тождественной посуде черкаскульских памятников лесной зоны.

В районе Челябинска алакульцы тесно соприкасались не только с черкаскульским, но и федоровским населением, представленным здесь компактной группой чистых федоровских памятников (могильники Федоровка, Смолино, Сухомесово и др.) [3, с. 272, рис. 40, с. 301, 341; 69]. Традиции гребенчатого геометризма, характерные для федоровской посуды, уходят своими корнями в эпоху энеолита и ранней бронзы этой территории — памятники кысы-кульского типа в верховьях р. Миасс [24, с. 35—39, табл. XII; 70] и суртандинского в районе Магнитогорска [18, с. 118, рис. 52; 71, с. 54, 55, 64, рис. 1], что позволяет предполагать автохтонное развитие федоровских древностей в Южном Зауралье [3, с. 340; 14, с. 9, 17]. Нельзя не отметить значительного сходства федоровских древностей с черкаскульскими по ряду существенных признаков: обряду погребения (трупосожжение, каменные выкладки), форме сосудов, орнаментации, на что указывали уже ряд исследователей [3, с. 356; 4, с. 141, 145; 6, с. 149; 36, с. 79]. Эта близость, вероятно, обусловлена не только тесным соседством и активным взаимодействием данных групп населения, но и единой подосновой в лице родственных энеолитических племен лесного Урала и Зауралья. Представляется, что преградой для дальнейшего расселения алакульского населения в северо-западном направлении явилась не только занятость примыкающей к Уральским горам территории другим населением, но и наличие здесь иной природной среды (лес, горы), непригодной для его основного занятия — скотоводства.

Намного сложнее выяснить юго-западную и южную границы алакульской культуры, расположенных в зоне степей. Огромные открытые пространства способствовали частым перемещениям скотоводческого населения различных культурных групп, смешению и нивелировке их культурных признаков, что затрудняет проведение конкретных границ археологических культур. Лесостепная и степная зона Южного Урала в эпоху развитой бронзы являлась зоной стыка алакульского, абашевского и срубного населения. Контакты с абашевцами относятся к раннеалакульскому времени, со срубниками — к периоду оформившегося алакульского общества [3, с. 104, 105; 72, с. 99; 73, с. 104, рис. 20; 75, с. 10, 20]. Восточный предел абашевского массива находился в бассейне р. Белой, где абашевское население считается пришлым с более западных территорий [3, с. 20, рис. 1, с. 140; 72, с. 88—112; 73, с. 70—139; 74, с. 16, рис. 1; 75, с. 8, 23]. Дальнейшему массовому продвижению абашевцев на восток мешали, по-видимому, Уральские горы. Но отдельные группы абашевского населения постепенно расселяются в более южные лесостепные районы Южного Урала [75, с. 23, 24] и проникают в обход Уральских гор в Зауралье вплоть до Тобола и Ишима [27, с. 191]. В процессе дальнейшего расселения абашевцев на юго-восток и активного взаимодействия с местным южноуральским населением [3, с. 112, 123; 73

с. 131; 75, с. 18] происходит смешение культурных традиций, что приводит к возникновению нового культурного образования новокумакского типа.

Территорию, занимаемую в Приуралье и на Южном Урале абашевскими племенами, позже заселяют срубники, появившиеся, как полагают, с территории Поволжья [3, с. 140, 142; 76, с. 13, 18]. Восточная граница срубной культуры и ее контактов с андроновской определяется исследователями по-разному. Авторы Свода андроновской культуры границу между срубной и западным вариантом андроновской культуры (т. е. алакульской) проводят в районе г. Соль-Илецка, далее на север восточнее Оренбурга по междуречью рек Урала и Белой. Южная часть Башкирии и западная часть Оренбургской обл. рассматриваются как зона контакта и взаимовлияния андроновской и срубной культур, с явным преобладанием последней. Находки андроновских древностей в этом районе интерпретируются как результат влияния андроновской культуры, возможно, спорадического проникновения сюда отдельных групп андроновцев, но не как андроновская территория [1, с. 8, 11]. Близкой точки зрения придерживается Э. А. Федорова-Давыдова, полагая, что в западных районах Оренбургской обл. имеют место срубные памятники, сходные с поволжскими, но не лишенные некоторых черт алакульской культуры. К югу от г. Оренбурга по р. Илек памятники эпохи бронзы сочетают особенности, присущие срубной и алакульской культурам, с преобладанием черт последней. Восточнее, в районе Орска и прилегающей территории, памятники близки алакульским [37, с. 87; 77, с. 166]. В. С. Стоколос проводит западную границу алакульских комплексов по течению р. Урал, хотя и отмечает здесь смешение срубных и алакульских черт [4, с. 134, 140]. Ю. А. Морозов восточные пределы срубной культуры ограничивает правобережьем р. Урал от ее истоков до г. Оренбурга [76, с. 3]. К. В. Сальников Оренбургский район считает исконно срубным, составляющим единое целое с Нижним Поволжьем; восточную границу сложения собственно срубной культуры отодвигает до линии Магнитогорск — Актюбинск, объясняя местное развитие срубников на базе проникших сюда ранее полтавкинцев; население Магнитогорского района и юго-западной Башкирии рассматривает как смешанное срубно-андроновское, полагая при этом, что андроновцы в этих краях были новоселами по сравнению со срубниками [3, с. 149, 226—228, 234, 308]. Таким образом, нет существенных различий во мнениях исследователей по поводу проведения срубно-андроновской границы. Большинство авторов очерчивают ее по верхнему течению р. Урал от Магнитогорска до Оренбурга, отмечая при этом наличие смешанных памятников в этом районе с преобладанием черт срубной или андроновской культуры.

Исследования последних лет в лесостепной и степной зоне Южного Зауралья показывают, что по берегам левых притоков Тобола находятся главным образом памятники только с керамикой алакульского типа или с алакульской и абашевской, федоровской, черкаскульской посудой [78, с. 92—108; 79, с. 139—142; 80, с. 143—147; 31; 81, с. 168; 82, с. 161; 83, с. 182]. Керамика срубного типа в бассейне Тобола практически не известна. Алакульскими в своей основе являются и памятники Орско-Актюбинского района [84, с. 70, 76, 83; 85, с. 44—61], хотя нельзя не отметить их своеобразия, проявляющегося в сильном влиянии федоровских традиций, прежде всего в орнаментации посуды при сохранении ее алакульских форм (так называемый кожумбердынский тип керамики). Эти особенности крайне западных алакульских памятников, по всей вероятности, следует объяснить влиянием федоровского населения Челябинского района, возможным продвижением отдельных его групп в более южные районы [3, с. 294—297; 4, с. 144; 77, с. 172; 86, с. 140, 141], облегчаемым близостью рек Миасса и Урала, верховья которых разделяют не более 30 км. Интересно отметить, что на поселениях и могильниках срубной культуры алакульская керамика представлена в основном кожумбердынскими формами [3, с. 229—230; 77, с. 172]. Исходя из вышеизложенного, юго-западной границей алакульской культуры можно счи-

тать верховья рек Урал и Илек по линии Магнитогорск — Орск — Актюбинск между 57 и 58 меридианом (рис. 1).

Еще сложнее обозначить южную границу алакульской территории. В Центральном Казахстане, особенно в южной его части, памятники только с алакульскими признаками в обряде захоронения, наборе и особенностях инвентаря встречаются редко [87, с. 230—240]. Большинство из них имеют смешанный характер, где алакульские комплексы встречаются совместно с федоровскими, причем последние, как правило, значительно преобладают [88, с. 164—198; 89, с. 25—41]. В районе Караганды и южнее выделены древности атасуского типа [2, с. 91—159; 90, с. 109—115], синхронные алакульским и, очевидно, родственные им, но имеющие свои специфические черты, отличные от алакульских, что отмечается казахскими археологами [88, с. 198; 89, с. 40]. Об этом своеобразии свидетельствует и характер сменивших атасуские бегазы-дандыбаевских памятников [2, с. 164—176; 9, с. 27, рис. 7; с. 30, рис. 9; с. 32, рис. 11], основой сложения которых, как нам представляется, послужили в основном комплексы федоровского типа при участии черкаскульских. На атасуских памятниках, наиболее юго-восточным из которых на сегодня является могильник Котанэмель I в Северном Прибалхашье [91, с. 114, рис. 4, *7*, с. 116], известны сосуды, сходные с алакульскими [2, с. 111, табл. VII, *1, 2*, с. 112, табл. VIII, *3*, с. 115, табл. X, *2, 3*; 89, с. 38, рис. 7, *1*]. Исходя из имеющегося материала, представляется наиболее целесообразным провести южную границу алакульского ареала в районе Караганды или несколько южнее, приблизительно по 49° параллели, включив в него бассейн р. Нуры. Эта линия в значительной мере совпадает с границей степей и полупустынь. В более южных районах керамика, близкая алакульской, встречается на территории тазабагъябской культуры в низовьях Амударьи, а также на Сырдарье, во внутренних Кызылкумах и рассматривается исследователями как результат взаимодействия алакульского населения со своими южными соседями, скорее всего в форме проникновения отдельных групп алакульцев в Приаралье в поисках сезонных пастбищ, освоения которых требовало развитие производящего скотоводческого хозяйства [92, с. 44, 104, 233; 93, с. 505]. Движение этих групп населения, по-видимому, находилось в зависимости от естественных водных источников [92, с. 104, 233; 94, с. 102].

На юге Средней Азии в предгорной полосе алакульская керамика практически не известна, за исключением единичных черепков, отдаленно сходных с алакульскими [96, с. 29, рис. 1, *3—5*; 96, с. 24, рис. 4, *8*]. Памятники так называемой «степной бронзы» в этом районе, в том числе и кайрак-кумской культуры, содержат керамику, сходную с тазабагъябской Приаралья и алексеевской (саргаринской) Северного и Центрального Казахстана [97, с. 145—149; 98, с. 85—93; 99, с. 149—291], и могут быть датированы эпохой поздней бронзы (последняя четверть II тысячелетия до н. э.) [95, с. 39—41; 96, с. 25, 26; 99, с. 252, 290, 291; 100, с. 147, 148, 153].

Таким образом, алакульская культура была распространена в основном в бассейнах рек Тобола и Ишима в их среднем и верхнем течении (зона лесостепи и степи). Разумеется, установленные границы алакульской культуры условны в той степени, в какой условны наши знания по рассматриваемой проблеме, с накоплением новых материалов они будут уточняться. Хотя на очерченной территории алакульские древности в период развитой бронзы являлись преобладающими, здесь на разных этапах становления алакульской культуры известны комплексы, сходные с абашевскими, федоровскими, черкаскульскими, а также смешанные между ними и алакульскими типы, что являлось результатом активного взаимодействия алакульского населения с его окружением.

Со времени выделения алакульских комплексов высказывались различные мнения о их происхождении. К. В. Сальников предполагал два варианта алакульских памятников, каждый из которых имел свою подоснову. Один вариант, по его мнению, складывался в Южном Приуралье

при участии полтавкинских древностей; второй вариант, синхронный первому, явился генетическим продолжением федоровских комплексов в северной части Южного Зауралья, в свою очередь продолживших линию развития автохтонного населения [3, с. 309, 343, 346]. Сложение алакульских древностей в Южном Приуралье и дальнейшее их проникновение в Зауралье предполагает Э. А. Федорова-Давыдова [37, с. 92]. Но она не считает полтавкинские памятники генетически предшествующими алакульским, а высказывает мысль о формировании раннесрубных и алакульских племен на близкой основе, чем, возможно, объясняется сходство срубной и алакульской культур [101, с. 149]. В. С. Стоколос основной территорией формирования алакульского населения считает Зауралье с прилегающими южными и восточными районами, полагая при этом, что на огромной территории сложения алакульских памятников будет несколько их вариантов, но ни один не будет иметь федоровскую основу [4, с. 139]. Однако до последнего времени все эти предположения носили гипотетический характер, поскольку на территории распространения алакульских памятников отсутствовали или почти отсутствовали материалы предшествующих энеолитического и раннебронзового периодов. Выделенная К. В. Сальниковым во II Малокизыльском могильнике группа полтавкинских погребений [4, с. 307, 309, 344; 70, с. 50—55], послужпвших основой для утверждения об участии полтавкинского населения в сложении алакульских памятников, не может считаться таковой, поскольку в этих погребениях, как уже отмечалось Н. Я. Мерпертом и В. П. Шиловым [102, с. 95, 96; 103, с. 105, 106], нет признаков, действительно характерных для полтавкинской культуры, прежде всего отсутствует керамика.

В 60—70-е годы накоплена новая значительная информация как о самой алакульской культуре, так и о предшествующих ей периодах. Важное значение имеет открытие в Северном Казахстане памятников петровского типа, предшествующих алакульским и генетически с ними связанных, сформировавшихся на основе раннебронзовых комплексов кротовского типа [26, с. 39—41]. Северный Казахстан рассматривается как один из районов формирования алакульской культуры, где этот процесс протекал на местной основе при постоянных контактах с населением Южного Урала и Поволжья [12, с. 22; 27, с. 191].

На материалах кургана 25 Новокумакского могильника под г. Орском как раннеалакульский был выделен новокумакский комплекс. Наличие на ряде других алакульских памятников Приуралья, Зауралья и петровских Северного Казахстана общих признаков в обряде захоронения и отдельных сосудов, сходных с новокумакскими, послужили основанием для объединения их в единую группу и включения в особый новокумакский хронологический горизонт, рассматриваемый как стратиграфически предшествующий алакульским комплексам и генетически с ними связанный [7, с. 22, рис. 7]. Авторы указывают на сильное воздействие в памятниках новокумакского типа полтавкинской, абашевской, многоваликовой керамики, на основании чего предполагают, что стимулом для формирования алакульской культуры явился западный импульс [7, с. 29—33].

В лесостепном Притоболье на материалах ряда памятников (могильники Верхняя Алабуга, Раскатиха, Камышное I, Убаган I, Царев курган, поселения Камышное I, II) [28, 41, 67] можно предполагать существование в раннеалакульское время двух тенденций культурного развития. Первая представлена керамическими комплексами, где ведущими являются сосуды следующих форм: банки (12—22%) (рис. 2, *12—14*, *17*, *18*; 4, *17*, *18*), банки с намечающимся уступчиком на плечиках или слабо выделяющейся шейкой (20—25%) (рис. 2, *11*, *15*, *16*), горшки с уступчатым плечом (32—65%) (рис. 2, *1—9*; 4, *13*, *14*, *16*, *20*) и переходные между ними формы (рис. 2, *10*). На одновременное существование всех этих форм сосудов указывают их находки в закрытых комплексах — погребениях и жилищах однослойного поселения Камышное I. В дальнейшем изложении эту посуду будем называть I группой. В орнаментации преобладают ряды из насечек или оттисков штампа, образующих горизон-

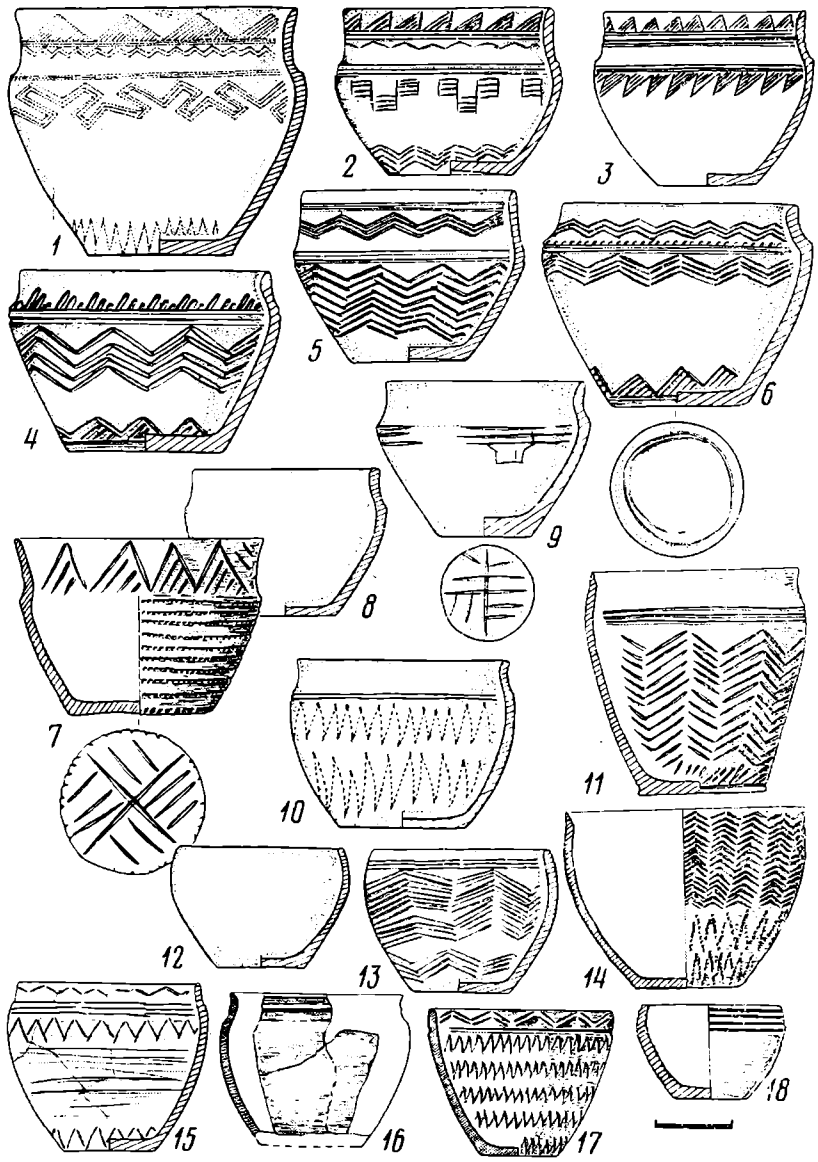


Рис. 2. Могильник Верхняя Алабуга. Керамика из I группы погребений (раннеалакульская): *1* — сосуд *20* (далее — везде с.), погр. 11; *2* — с. 53, кв. Л-15; *3* — с. 57, у края погр. 29; *4* — с. 50, погр. 25; *5* — с. 59, погр. 30; *6* — с. 55, погр. 20; *7* — с. 113, погр. 67; *8* — с. 23, погр. 14; *9* — с. 61, яма 19; *10* — с. 24, погр. 14; *11* — с. 68, погр. 48; *12* — с. 30, погр. 13; *13* — с. 34, погр. 12; *14* — с. 119, кв. О-22; *15* — с. 42, кв. Х-24; *16* — кв. У-16; *17* — с. 40, погр. 19; *18* — с. 114, погр. 67

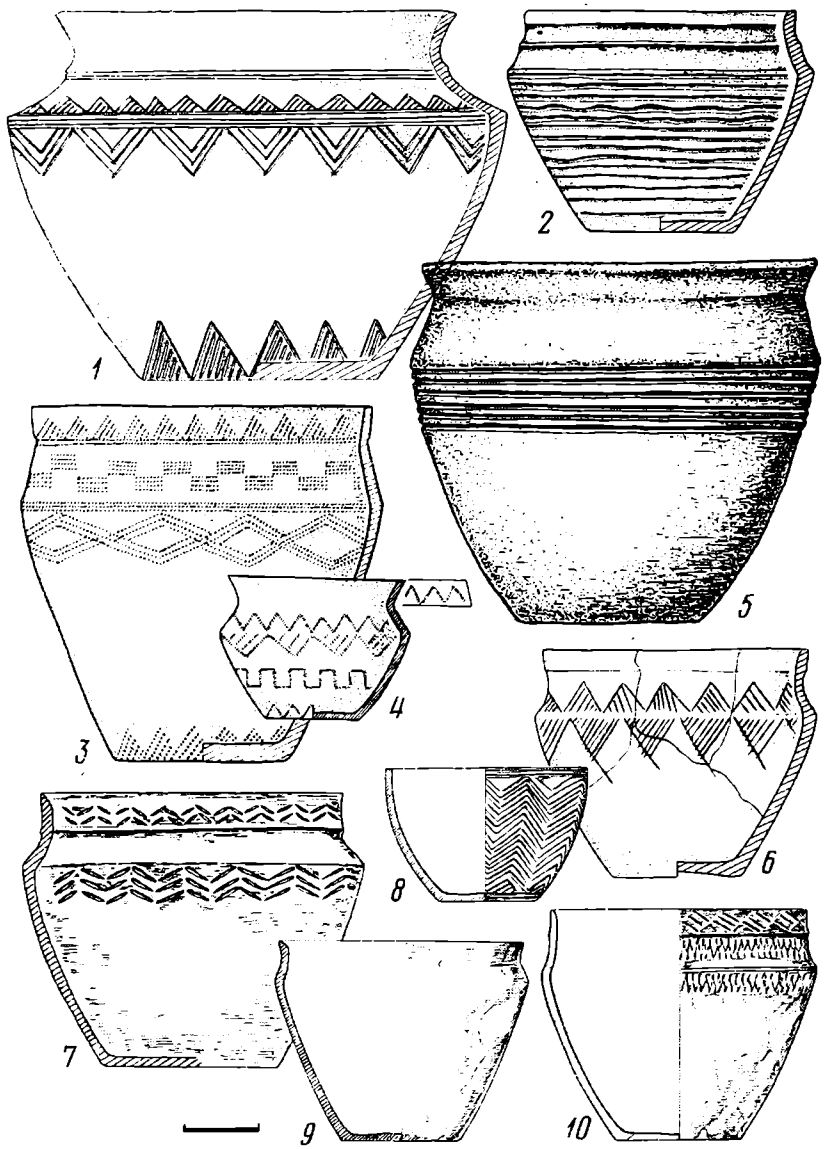


Рис. 3. Могильник Верхняя Алабуга. Керамика из II группы погребений (абашевская и абашевско-алакульская): *1—6* — погр. 6, сосуды: 11, 14, 13, 15, 12, 10; *7* — погр. 7; *8* — с. 2, погр. 2; *9* — с. 1, погр. 1; *10* — с. 3, погр. 2

тальную и вертикальную елочку, зигзаги, горизонтальные линии. Менее распространены геометрические узоры, в основном из заштрихованных треугольников. Рисунок располагается по всей поверхности сосудов, иногда включая дно, или по шейке и плечикам. Орнаментальная зона у дна встречается относительно редко. Данная керамика выявляет многие черты преемственности с посудой периода ранней бронзы и энеолита на рассматриваемой территории [104]. Продолжают сохраняться близкие раннебронзовым формы сосудов, что особенно заметно на примере банок и горшков со слабовыраженным уступчиком (рис. 2, *13*, *14*, *15—18*); в орнаментации широко используются распространенные ранее вертикальные и горизонтальные ряды из наклонных насечек и оттисков штампа, ряды шагающего штампа. Среди посуды I группы имеются сосуды, сходные с полтавкинскими: банки со скошенным внутрь венчиком; с широким гладким желобком в верхней части, образующим небольшой уступчик; орнаментированные по всей поверхности, кроме желобка, горизонтальными рядами елочки и шагающего штампа, что может свидетельствовать о хронологической близости полтавкинской и раннеалакульской керами-

Рис. 4. Керамика из памятников «новокумакского хронологического горизонта» (по К. Ф. Смирнову, Е. Е. Кузьминой). *1*, *4—6* — II Алексеевский могильник: *1* — погр. 8а, *4—6* — погр. 8, сосуды: 1, 3, 4; *2*, *10*, *13*, *14*, *17*, *19*, *20* — могильник Раскатиха, раскоп IV: *2*, *13* — погр. 2, с. 26, 24; *10* — погр. 13, с. 53; *14* — погр. 4, с. 33; *17* — с. 1; *19*, *20* — погр. 1, с. 12, 27; *3*, *7*, *11*, *16*, *18* — могильник Раскатиха, раскоп I: *3* — кв. Н-11, с. 44; *7* — кв. О-10, с. 11; *11* — яма 7, с. 34; *15* — кв. Л-12, с. 46; *16* — кв. М-7, с. 36; *18* — кв. М-8, с. 40; *8*, *9*, *12* — I Альмухаметовские курганы, курган 12, погр. 2

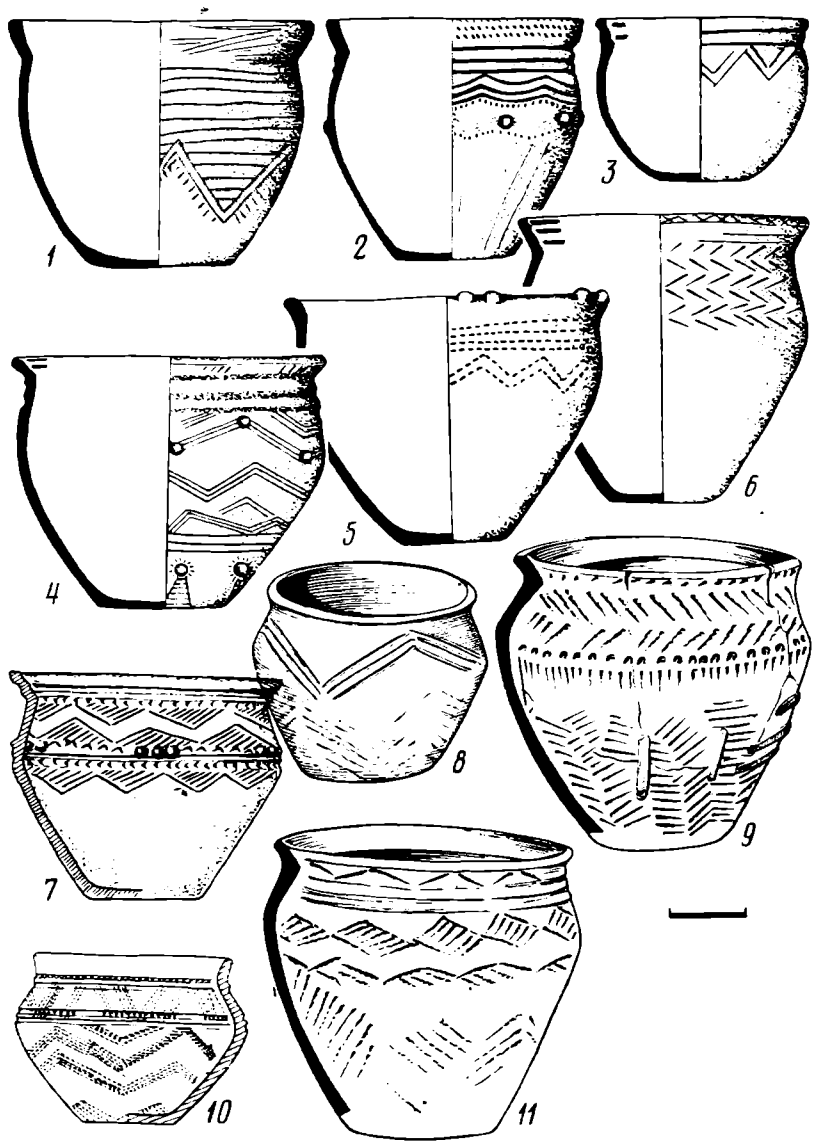


Рис. 5. Керамика абашевского (*1—6*) и новокумакского (*7—11*) типов. *1, 3, 5* — Подклетинский могильник; *4, 6* — курган у с. Введенки; *7, 10* — могильник Убаган I; *8, 9, 11* — Новокумакский могильник, курган 25: *8* — погр. 2; *9* — погр. 8; *11* — погр. 11

ки (рис. 2, *11, 14, 16;* 4, 17) [57, с. 14—22, рис. 4; 105, с. 34—36, рис. 5; 106, с. 71, рис. 17, *12, 15*; 107, с. 309, рис. 12, *6*, 15, *16*; 28, *5, 15*]. Основная часть керамики I группы, прежде всего горшки с уступчатым плечом, находят аналогии среди посуды Алакульского могильника [39, с. 64, рис. 9; с. 66, рис. 10, 11].

Вторая тенденция представлена сосудами с острым ребром на плечиках, часто с воротничком на шейке (в дальнейшем изложении — II группа посуды). Орнамент расположен, как правило, зонально (по шейке, плечикам, реже у дна) и состоит в основном из трех элементов: горизонтальных линий, зигзагов, заштрихованных треугольников (рис. 3, *1, 3, 6, 7, 9, 10*; 4, *7, 10, 11, 19*). Совместно с этими сосудами в закрытых комплексах встречаются горшки, сходные с абашевскими,— с резко выделенным острым ребром и отогнутой наружу шейкой, орнаментированной с внутренней стороны, с примесью раковины в глиняном тесте (рис. 3, *2, 4, 5*; 4, *1—2, 11, 15*; 5, *7*). Керамика с ребристым плечом не прослежена в более ранних памятниках лесостепного Притоболья, по крайней мере по тем материалам, которыми мы в настоящее время располагаем. Наибольшее сходство она имеет с сосудами новокумакского

комплекса [7, с. 12, 15] (рис. 5, *8*, *9*, *11*) и абашевскими Южного Урала и Приуралья [3, с. 84, рис. 13; 73, с. 73, рис. 15; с. 77, рис. 17, *1*] (рис. 5, *1—6*). Значительная близость прослеживается также с керамикой петровского типа в Северном Казахстане [27, с. 183—192, рис. 2, 3].

В могильнике Верхняя Алабуга устанавливается связь описанных разновидностей керамики с отдельными группами погребений. Первая (108 сосудов) (рис. 2) происходит из компактной группы погребений (64) и жертвенных ям (20), где могильные ямы характеризуются малыми (0,8—0,4×0,5—0,3 м), редко средними (2—1,2×1,4—0,4 м) размерами, лишь часть которых имеет следы деревянных конструкций; остатки жертвенных животных представлены почти исключительно костями мелкого рогатого скота; среди погребального инвентаря бронзовые изделия единичны: желобчатые браслеты с несомкнутыми концами (6 экз.), шилья (2 экз.), бусы, слиточки бронзы (3 экз.). Сосуды с ребристым профилем (II группа, 22 экз.; рис. 3) происходят из второй обособленной группы погребений (12) и ям (4), где могильные ямы крупных (2,8—2×2,2—1,6 м) и средних (2—1,4×1,2—0,9 м) размеров, прямоугольной и близкой к квадратной формы, во всех случаях с остатками деревянных конструкций (обкладки дна могилы и перекрытия). Среди остатков жертвоприношений преобладают кости лошади и крупного рогатого скота. В инвентаре — богатый и разнообразный набор бронзовых изделий: двулезвийные ножи — кинжалы с обособленной рукоятью (3); плоское тесло с параллельными гранями; шилья (2); желобчатые браслеты с несомкнутыми концами (12); перстни со щитком в виде закрученных в противоположные стороны спиралей (6); височные привески с заходящими концами из выпукло-вогнутой пластины, покрытые золотой фольгой (2); набор украшений из бляшек и обойм; бусы различных форм. Из прочего инвентаря следует отметить каменные наконечники стрел треугольной формы с усеченным основанием (10), клыки кабана, пест. Вторая группа погребений могильника Верхняя Алабуга обнаруживает сходство с материалами могильников Новый Кумак, Синташта и близких им комплексов не только в керамике, но и в деталях погребального обряда, наборе бронзового инвентаря [7, с. 12, рис. 12, с. 24, 25; 31, с. 144—146], что следует рассматривать как свидетельство контактов населения Притоболья со своими западными соседями, возможно, продвижения отдельных групп населения Приуралья и Южного Урала на Тобол. На западное направление связей указывают также результаты спектрального анализа бронзовых изделий[3]. Почти все бронзовые предметы из комплексов, где присутствуют сосуды, сходные с новокумакскими и абашевскими (могильники В. Алабуга, Раскатиха, Камышное I, Царев курган, поселение Камышное II), изготовлены из меди группы ЕУ, редко ТК, в единичных случаях ВУ. Изделия из комплексов, где отсутствуют остроребериые сосуды, относятся по химическому составу преимущественно к группе меди ВУ (поселение Камышное I).

Могильник Верхняя Алабуга является пока единственным памятником в Притоболье, где сосуды остроребериой формы связаны с определенной группой погребений и представлены в «чистом» виде (из 22 сосудов один баночной формы, остальные — остроребериые горшки) (рис. 3). В других случаях (I группа погребений могильника В. Алабуга, могильники Раскатиха, Камышное I, поселение Камышное II) сосуды II группы присутствуют совместно с посудой разных форм I группы, нередко в закрытых комплексах (рис. 4, *19*, *20*), составляя при этом незначительную часть керамической коллекции (8—15%). Имеют место также сосуды смешанных уступчато-остроребериых форм (рис. 2, *6*, *9*; 4, *10*). Посуда с ребристым профилем появляется в Среднем Притоболье, когда сосуды с уступчатым плечиком уже были достаточно широко распространены, что подтверждается данными стратиграфии поселения и могильника Камышное I [28].

[3] Анализ произведен в Лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР (образцы № 17907—17930, 27293—27324, 27860—27902) и Лаборатории технических средств ЛОИА АН СССР (регистрационный номер 4—73, образцы № 288—368).

Приведенные выше данные позволяют предполагать, что пришлые из более западных районов группы абашевского и близкого ему (новокумакского) населения вливались в местную среду, где уже сложилась культура алакульского облика. Местная алакульская тенденция являлась определяющей, что привело к постепенному растворению пришлых элементов в местной среде. На развитом этапе алакульской культуры (могильник Субботино, ранний слой поселения Язево I и др.) мы встречаем лишь реминисценции абашевских черт. Более значительную роль на этом этапе начинают играть связи с федоровским населением.

Таким образом, в лесостепном Притоболье алакульская культура складывается на основе местных предшествующих традиций. Раннеалакульские комплексы здесь существуют параллельно абашевским и новокумакским Южного Урала и тесно с ними взаимодействуют [4]. Наблюдающееся сходство раннеалакульских комплексов Притоболья и петровских Приишимья основано на общности исторических судеб населения этих районов: близости подосновы, наличия одних и тех же направлений культурных связей и т. д.

Выделенные на Южном Урале как раннеалакульские новокумакские комплексы генетически с алакульскими не связаны, а являются лишь одним из компонентов сложения последних. На очерченной алакульской территории керамика новокумакского типа корней в предшествующие ей эпохи не имеет.

На наш взгляд, комплексы новокумакского типа представляют собой поздний вариант абашевской культуры, сложившийся в результате взаимодействия абашевских групп населения, оторванных от основного своего массива, с раннесрубными и раннеалакульскими племенами, т. е. несколько трансформировавшиеся под влиянием инородной среды абашевские древности. В пользу этого предположения свидетельствуют следующие факты.

Во-первых, почти обязательное присутствие совместно с новокумакскими типично абашевских сосудов, в том числе и в закрытых комплексах. В кургане 4 могильника Степное в центральном погребении найдено два абашевских сосуда и один новокумакского типа, а рядом с могилой — четыре сосуда, близких к новокумакским [108, с. 9, рис. 3*а*, *б*, *г—е*, 4*а*]; в кургане 3 в могильной яме обнаружен абашевский сосуд [108, с. 7, рис. 2*а*], а в насыпи — шесть сосудов новокумакского облика [108, с. 7, рис. 2*в*, *г—е*, 3*а*]. В могильнике Раскатиха в могильной яме со слабофиксируемыми очертаниями (квадрат Н-11) на самом дне находился абашевский сосуд (рис. 4, *3*), а несколько выше — неорнаментированный горшок с уступчиком на плечиках и банка [109, с. 13, табл. VIII]. В погребении 6 могильника Верхняя Алабуга три абашевских сосуда (рис. 3, *2*, *4*, *5*) обнаружены совместно с тремя горшками, сходными с новокумакскими (рис. 3, *1*, *3*, *6*). и богатым бронзовым инвентарем. Во II Алексеевском могильнике под Хвалынском [5] абашевский сосуд (рис. 4, *1*) происходит из погребения взрослого человека (8а), перекрывавшего могилу с захоронением взрослого человека и двух младенцев (погребение 8) с керамикой новокумакского типа (рис. 4, *4—6*) [110, с. 8—13].

Во-вторых, значительное сходство поздних абашевских и новокумакских сосудов (рис. 5, *1—6*, *7—11*). Это сходство наблюдается в форме (наличие острого ребра на плечиках, раструбовидное горло с резко отогнутым венчиком и карнизиком на внутренней стороне, часто орнаментированным), составе теста (примесь раковины), ведущих элементах орнаментации (горизонтальные линии, опоясывающие сосуд под венчиком; сплошные и прерывающиеся зигзаги по тулову), в присутствии такого элемента декора, как налепные шишечки, расположенные чаще всего

[4] Вопросы хронологии раннеалакульских и одновременных им комплексов в данной публикации не рассматриваются, поскольку требуют специального исследования. Автор придерживается предлагаемой для них даты — XVI — начало XV в. до н. э. [7, с. 50; 12, с. 21; 73, с. 121].

[5] Приношу благодарность И. Б. Васильеву, С. А. Агапову, В. И. Пестриковой за разрешение использовать неопубликованные материалы.

попарно на плечиках [73, с. 88, 92—95, табл. 2]. Е. Е. Кузьмина и К. Ф. Смирнов считают налепные шишечки специфичными для новокумакской посуды [7, с. 23, 27]. Однако сосуды с шишечками имеются в абашевских памятниках на всей территории их распространения от Дона [73, с. 18, рис. 5, *9*, *12*, с. 24, рис. 6, *2*; 111, рис. 5, *1*] до Урала (рис. 5, *2*, *4*, *5*) [72, с. 93; 112, с. 74, рис. 2, *5*, с. 96) и, по мнению А. Д. Пряхина, заимствованы, так же как валики и защипы, у поздних катакомбников [73, с. 130]. Абашевцами этот элемент украшения керамики был распространен в более восточные районы вплоть до Тобола (рис. 5, *7*).

В-третьих, в абашевских и новокумакских погребениях присутствует сходный инвентарь. Среди орудий можно указать на бронзовые ножи с выделенной рукоятью, плоские тесла с расширенным основанием, кремневые наконечники стрел с усеченным или с легкой выемкой основанием, каменные песты; среди украшений — бронзовые височные желобчатые подвески с расширенными заходящими краями, иногда покрытые золотой фольгой, перстни с закрученными в спирали концами, очковидные подвески, браслеты желобчатые с сомкнутыми концами, ребристые пронизи, бусы разнообразных форм, полусферические бляшки [7, с. 12, рис. 3, *2*, *3*, *5*, с. 23; 73, с. 41—42, 62, 88, 112; 113, с. 53, 54; 114, с. 58, рис. 9, *1—4*, *12*, *13*, *20*, рис. 17, *4*, *7*, с. 80, рис. 26, 27]. При этом многие из этих изделий (тесла, ножи с намечающимся перекрестием и продольным ребром без ромбического окончания черенка, желобчатые браслеты и др.) исследователи абашевской культуры относят к наиболее позднему ее этапу; некоторые предметы (височные подвески, кремневые наконечники стрел, ножи с четко отделяющимся черенком, перехватом и без продольного ребра, а также с приостренной пяткой черенка) —к памятникам смешанного абашевско-срубного или абашевско-алакульского типа [73, с. 108, 109]. По всей вероятности, эта общность форм объясняется не только контактами абашевского, раннеалакульского и раннесрубного населения, но и единым южноуральским источником металла. По данным Е. Н. Черных, значительная часть абашевских изделий не только на Южном Урале, но и в Поволжье и Подонье изготовлена из зауральского металла группы ТК (месторождение Таш-Казган) [17, с. 108, 109]. К сожалению, мы не располагаем данными о составе металла изделий из всех новокумакских комплексов. Как уже отмечалось выше, в Притоболье бронзовые изделия из комплексов с абашевской и новокумакской посудой изготовлены преимущественно из группы меди ЕУ (месторождения Еленовка и Уш-Катта), реже — ТК.

В-четвертых, погребения новокумакского типа сочетают признаки как абашевского, так и раннесрубного (бережновского этапа) и раннеалакульского обрядов захоронения. К абашевскому обряду относится положение умерших на спине с подогнутыми ногами — погр. 11 Новокумакского кургана 25 [7, с. 13], погр. 2 кургана 12 Альмухаметовского могильника (рис. 4, *8*, *9*, *12*) [115, с. 24, 25][6]; ряд погребений могильника Синташта [31, с. 144]. К раннесрубному и раннеалакульскому обрядам относятся поза погребенных скорченно на левом боку с руками, согнутыми в локтях и протянутыми к лицу, преобладание восточной, часто с отклонениями, ориентировки — погр. 8 Новокумакского кургана 25 [7, с. 13, 14], погр. 8 Алексеевского II могильника [110, с. 8—13], погр. 3, 6 могильника В. Алабуга [116, с. 35, 36] и др., а также крупные размеры могильных ям прямоугольной или близкой к квадратной формы, наличие в них деревянной обкладки стен и перекрытия [117, с. 73], остатки на краю могил или рядом жертвоприношений в виде черепа и конечностей животных, присутствие сосудов не только в могильных ямах, но и рядом с ними на перекрытии [41, с. 7]. В то же время почти все эти черты погребального обряда (положение скорченно на боку, восточная ориентировка, большие могильные ямы, деревянные обкладка стен и перекрытие, кости животных, сосуды вне могил) имеют место и в абашевских памятниках [73, с. 17,

[6] Благодарю А. Х. Пшеничнюка, предоставившего материал могильника для публикации.

38—40, 63, 73, 87, 155; 75, с. 13, 14; 118, с. 58, 59; 119, с. 89]. По мнению А. Д. Пряхина, появление и распространение у абашевцев захоронений в скорченном положении на левом боку следует объяснять влиянием срубников, поскольку количество этих погребений резко возрастает в позднеабашевское время, особенно в синкретических абашевско-срубных погребениях [73, с. 39]. Что касается воздействия полтавкинской культуры в новокумакских комплексах, отмечаемого исследователями [7, с. 32—33], то в настоящее время нет никаких данных об абашевско-полтавкинских контактах. Наиболее ранние свидетельства о проникновении абашевцев в Поволжье дают срубные памятники [119, с. 95—97; 120, с. 11].

В-пятых, по имеющимся в настоящее время данным, древности новокумакского типа представлены группами погребений (Новый Кумак, Синташта, Верхняя Алабуга), единичными погребениями (в могильниках II Алексеевский, Альмухаметовский, Камышное I, Убаган I) или отдельными сосудами (могильники Степное, Раскатиха, поселение Камышное II) на памятниках, в основе своей раннеалакульских и раннесрубных. Так, во II Алексеевском грунтовом могильнике погребение новокумакского типа является единственным среди семи срубных погребений [110, с. 3]. В кургане 35 I группы погребений Покровского могильника у г. Энгельса, раскопанного П. С. Рыковым в 1927 г., погребение 2 содержит наряду с сосудами срубно-абашевского типа горшок, аналогичный новокумакской керамике, и сходный инвентарь[7] [121, с. 52, рис. 11, *3*, 12, *9*, *10*, 13, *2*, 15, *6*, *12*]. В могильнике Степное из 21 сосуда, обнаруженного в I курганной группе, пять являются типично абашевскими [108, рис. 1*а*, *б*, 2, 3*б*, *е*], остальные имеют смешанный алакульско-абашевский облик и сопоставимы с новокумакскими. В могильнике Камышное I только одно погребение (№ 4) из семи исследованных содержит сосуд, близкий новокумакской посуде, остальные — керамику алакульского типа [28, рис. 3, *5*]. В целом в керамическом комплексе данного могильника из 22 сосудов два сходны с новокумакскими [28, рис. 3, *4*, *5*], все остальные имеют алакульский облик. На одновременном могильнику поселении Камышное II (ранний слой) керамика новокумакского типа (остроребериая) [67, с. 102, рис. 2, *16*, *17*] составляет приблизительно 12% посуды I группы, основная часть которой состоит из алакульских сосудов. Алакульская и новокумакская керамика встречена здесь совместно в наиболее ранних на поселении сооружениях — оборонительных рвах, не потревоженных более поздними перекопами [67, с. 100, 101]. В могильнике Раскатиха из 120 целых сосудов три аналогичны абашевским (рис. 4, *2*, *3*, *15*), около 20 горшков имеют смешанный алакульско-абашевский облик, с более (8 экз.— рис. 4, 7, *11*) или менее (12 экз.— рис. 4, *10*, *19*) выраженными абашевскими чертами, остальные являются типично алакульскими (рис. 4, *13*, *14*, *20*). В керамической коллекции могильника Верхняя Алабуга (132 целых сосуда) три горшка абашевских (рис. 3, *2*, *4*, *5*), 50 — в разной степени сочетают алакульско-абашевские черты и в большинстве своем сходны с новокумакскими (рис. 3, *1*, *3*, *6—10*), 79 — с уступчатым плечом и банки (алакульские) (рис. 2).

Таким образом, посуда, выделяемая как новокумакская, встречается, как правило, в смешанных срубно-абашевских и алакульско-абашевских памятниках в сравнительно небольшом количестве с обязательным присутствием абашевских сосудов. Пока еще нет ни одного памятника — ни могильника, ни поселения, которому были бы присущи черты только новокумакского хронологического горизонта. Картографирование памятников с керамикой новокумакского типа показывает, что все они приурочены в основном к пограничной зоне лесостепи и степи и находятся в районе активных контактов абашевского населения со срубным и алакульским за пределами основного абашевского массива (рис. 1). Не случайно некоторые исследователи абашевской культуры отмечают для абашевских памятников, тяготеющих к степи, значительную близость с новокумакскими комплексами, что проявляется прежде всего в наличии сходной керамики [75, с. 18, 24; 119, с. 90, 91].

[7] Фонды Саратовского краеведческого музея. Инв. № 922.

Итак, есть все основания считать новокумакские комплексы абашевскими и связывать их с небольшими группами абашевского населения, в результате дальнейшего расселения оказавшегося в инородной среде, иногда в других экологических условиях и в той или иной степени утратившего свои культурные признаки. На примере многих памятников, как срубных, так и алакульских, видно, что абашевский компонент вливался в уже сложившуюся раннесрубную и раннеалакульскую среду и постепенно растворялся в ней [73, с. 82, 104, 105; 120, с. с. 11; 122, с. 68—70; 28]. По-видимому, это были только отдельные группы абашевцев, поскольку чистых абашевских памятников на срубной и особенно на алакульской территории мало; большинство из них носит синкретический характер [3, с. 347; 120, с. 12, табл. 2]. Особенно интенсивные контакты абашевского населения со срубным и алакульским наблюдаются на позднем абашевском этапе. В результате такого рода взаимосвязи и появился целый пласт памятников смешанного абашевско-срубного и абашевско-алакульского типа [73, с. 119; 74, с. 23], к числу которых следует относить и новокумакские. В литературе имеются многочисленные примеры взаимодействия абашевцев со срубным и алакульским населением [3, с. 83, 108, 142; 73, с. 31—37, 104—105; 108, с. 3—20; 118—120]. Интересно отметить, что памятники, выделенные в новокумакский хронологический горизонт [7, с. 22, рис. 7], рассматриваются здесь исследователями как смешанные абашевско-алакульские или даже как абашевские [3, с. 35; 73, с. 81; 74, с. 29, рис. 1; 108, с. 11].

Отсутствие генетических корней новокумакских комплексов в более древних памятниках на алакульской территории и связь их с абашевской культурой, а также распространение далеко на запад (до Волги) за пределами основной алакульской территории не позволяют считать памятники новокумакского хронологического горизонта генетически связанными с алакульскими, как полагают некоторые исследователи [7, с. 3, 34, 51]. Являясь результатом взаимодействия абашевского населения с раннеалакульским, новокумакские древности были лишь одним из компонентов сложения алакульской культуры. В равной мере памятники новокумакского типа явились одним из компонентов сложения срубной культуры. На участие абашевцев в формировании срубной и алакульской культур указывали многие исследователи [3, с. 346; 106, с. 193; 123, с. 12, 13; 124, с. 52]. Наличие абашевского компонента в сложении алакульской и срубной общностей наряду с другими факторами (близкая подоснова — ямные, полтавкинские и родственные им культуры; сходная экологическая среда и хозяйственный уклад; единый источник металла и др.) определило близость материальной культуры этих групп населения.

Алакульская культура сложилась в бассейне рек Тобола и Ишима в зоне лесостепи и степи на основе предшествующих местных культур энеолита и ранней бронзы при активном взаимодействии с культурами Поволжья и Прпуралья. Раннеалакульское время здесь представлено памятниками петровского типа, имеющими при общем сходстве в различных районах алакульского ареала свои специфические черты. За пределами тобольского и ишимского бассейнов алакульские памятники следует рассматривать как результат дальнейшего расселения алакульских племен, главным образом в связи с интенсивным развитием скотоводства и переходом его от пастушеского к полукочевому, а также как результат активного взаимодействия с населением сопредельных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андроновская культура.— САИ, вып. 1, В 3—2. М.— Л., 1966.
2. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966.
3. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967.
4. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972.
5. *Матющенко В. И.* Андроновская культура на Верхней Оби.— ИИС, 1973, вып. XI.
6. *Косарев М. Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974.
7. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
8. *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978.

9. *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979.
10. *Федорова-Давыдова Э. А.* Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1968.
11. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1970.
12. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
13. *Потемкина Т. М.* Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1976.
14. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1976.
15. *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1979.
16. *Аванесова Н. А.* Проблемы истории андроновского культурного единства (по металлическим изделиям): Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1979.
17. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
18. *Матюшин Г. Н.* Памятники эпохи раннего металла Южного Зауралья.— КСИА, 1971, № 127.
19. *Чалая Л. А.* Пеньки 1, 2.— В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972.
20. *Зайберт В. Ф.* Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим.— КСИА, 1973, № 134.
21. *Зайберт В. Ф., Плешаков А. А.* Результаты исследования памятников энеолита и ранней бронзы на р. Чаглинке.— СА, 1978, № 1.
22. *Матющенко В. И.* Самусьская культура.— ИИС, 1973, вып. X.
23. *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977.
24. *Крижевская Л. Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
25. *Ковалева В. Т.* Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1979.
26. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, 1973, № 12.
27. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка.— СА, 1980, № 3.
28. *Потемкина Т. М.* О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье.— КСИА, 1981, № 169.
29. *Косарев М. Ф.* О культурах андроновского времени в Западной Сибири.— СА, 1965, № 2.
30. *Кузьмина Е. Е.* Купухта — могильник андроновской знати.— КСИИМК, 1963, № 93.
31. *Генинг В. Ф., Ашихмина Л. И.* Могильник эпохи бронзы на р. Синташта.— АО — 1974. М., 1975.
32. *Бекишева А. Е., Бойко Т. А., Зданович Г. Б., Хабдулина М. К.* Археологические памятники Среднего Приишимья.— АО — 1978. М., 1979.
33. *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен.— СА, 1977, № 4.
34. *Потемкина Т. М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье.— СА, 1979, № 2.
35. *Потемкина Т. М.* К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов.— ИИС, 1970, вып. VII.
36. *Членова Н. Л.* Пути и распространение связей древних культур Поволжья и Приуралья в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976.
37. *Федорова-Давыдова Э. А.* К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье.— АЭБ, 1964, т. II.
38. *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, 1951, № 21.
39. *Сальников К. В.* Курганы на оз. Алакуль.— МИА, 1952, № 24.
40. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ, 1948, вып. XVII.
41. *Потемкина Т. М.* Раскопки у с. Раскатиха на р. Тобол.— В кн.: Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. IV. Челябинск: Южноуральск. книжн. изд-во, 1969.
42. *Потемкина Т. М.* Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы: Канд. дис. М., 1976.— Архив ИА АН СССР, р-2, д. 2208б.
43. *Кривцова-Гракова О. А.* Садчиковское поселение.— МИА, 1951, № 21.
44. *Евдокимов В. В., Логвин В. Н.* Исследования в Кустанайской области.— АО — 1971. М., 1972.
45. *Евдокимов В. В.* Работы в Кустанайской области.— АО — 1976. М., 1977.
46. *Бунаева В. Д.* Исследования Кустанайского музея.— АО — 1975. М., 1976.
47. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я., Зайберт В. Ф., Бойко Т. А., Хабдулина М. К.* Работы в Северном Казахстане.— АО — 1972. М., 1973.
48. *Зданович С. Я., Зданович Г. Б., Малютина Т. С., Хабдулина М. К.* Работы в Целиноградской области.— АО — 1975. М., 1976.
49. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 88.
50. *Генинг В. Ф., Ещенко Н. К.* Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье I.— ИИС, 1973, вып. V.

51. *Викторов В. П., Борзунов В. А.* Городище эпохи бронзы у с. Черноозерье на Иртыше.— ИИС, 1974, вып. XV. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1974.
52. *Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М., Стефанов В. И., Трофименко В. С.* Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Приртышья.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970.
53. *Генинг В. Ф.* Исследования Уральской археологической экспедиции в 1970 году.— ИИС, 1974, вып. XV.
54. *Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И.* Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1980.
55. *Сальников К. В.* Замараевское селище.— В кн.: I Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.
56. *Сальников К. В.* Отчет о полевых исследованиях Южно-Уральской археологической экспедиции в 1957 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 1559, 1560; 1958 г. р-1, № 1757, 1757а.
57. *Качалова Н. К.* О выделении полтавкинской культуры.— КСИА, 1967, вып. 112.
58. *Генинг В. Ф.* Отчет об археологических исследованиях Уральской археологической экспедиции в 1961 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 2362; 1962 г. р-1, № 2480; 1963 г., р-1, № 2718.
59. *Голдина Р. Д.* Перечень работ Уральской археологической экспедиции в 1963 г.— ВАУ, 1969, № 8.
60. *Мошинская В. И.* Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири.— МИА, 1957, № 58.
61. *Потемкина Т. М.* Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Курганского пединститута в 1970 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4189, 4189а.
62. *Ковалева В. Т.* Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени.— ВАУ, 1973, вып. 12.
63. *Хлобыстин А. П.* Поселение Липовая Курья. Л.: Наука, 1976.
64. *Кузьмина Е. Е.* О соотношении типов андроновских памятников (по материалам Кинзерского могильника).— В кн.: Памятники древнейшей истории Европы. М.: Наука, 1975.
65. *Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
66. *Потемкина Т. М.* Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол.— СА, 1975, № 1.
67. *Потемкина Т. М.* Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол.— КСИА, 1976, вып. 147.
68. *Зданович Г. Б.* Поселение Явленка I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана.—ИИС, 1973, вып. VII.
69. *Сальников К. В.* Андроновский курганный могильник у с. Федоровки.— МИА, 1940, № 1.
70. *Сальников К. В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы.— АЭБ, 1962, т. 1.
71. *Матюшин Г. Н.* К проблеме энеолита Южного Урала.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970.
72. *Пряхин А. Д.* Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1976.
73. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1977.
74. *Пряхин А. Д.* Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь.— В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1980.
75. *Горбунов В. С.* История племен абашевской культуры в бассейне р. Белой. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1977.
76. *Морозов Ю. А.* История племен срубной культуры Бельско-Уральского междуречья. Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1977.
77. *Федорова-Давыдова Э. А.* Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
78. *Чебакова Т. Н.* Андроновские поселения верховьев р. Увельки.— ВАУ, 1975, № 13.
79. *Чебакова Т. Н., Овчинников В. А.* Разведка в зоне Березовского водохранилища.— ВАУ, 1975, № 13.
80. *Стефанов В. И.* Разведки в Челябинской и Оренбургской области.— ВАУ, 1975, № 13.
81. *Генинг В. Ф., Виноградов Н. Б.* Новый могильник середины II тысячелетия до н. э. на р. Синташта.— АО — 1975. М., 1976.
82. *Виноградов Н. Б., Зданович Г. Б.* Первый памятник петровского типа на Южном Урале.— АО — 1978. М., 1979.
83. *Меньшин Н. М., Бухонин А. А., Линченко Г. В.* Разведки в степной зоне Южного Урала.— АО — 1978. М., 1979.
84. *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане.— МИА, 1962, № 120.
85. *Кузьмина Е. Е.* Периодизация могильников Елеповского микрорайона андроновской культуры.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.

86. *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника.— КСИА, 1964, вып. 101.
87. *Кобанов Ю. Ф., Кожин П. М., Черных Е. Н.* Андроновские находки на р. Алтынсу.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
88. *Маргулан А. Х.* Комплексы Былкылдак.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, Наука, 1970.
89. *Кадырбаев М. К.* Могильник Жиланды на р. Нуре.— В кн.: В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974.
90. *Аванесова Н. А.* Жаман-Узен II — атасуский могильник Центрального Казахстана.— КСИА, 1975, № 142.
91. *Кадырбаев М. К.* Археологические раскопки в Северном Казахстане.— В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972.
92. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья. М.: Наука, 1977.
93. *Акишев К. А.* Новые андроновские памятники в Каратау.— АО — 1976. М., 1977.
94. *Виноградов А. В., Кузьмина Е. Е., Смирин В. М.* Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
95. *Аскаров А.* Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана.— В кн.: История материальной культуры Узбекистана. Вып. 3. Ташкент, 1962.
96. *Сарианиди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане.— СА, 1975, № 2.
97. *Оболдуева Т. Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области.— КСИИМК, 1955, вып. 59.
98. *Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г.* Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине.— КСИИМК, 1956, вып. 63.
99. *Литвинский Б. А.* Памятники эпохи бронзы и раннего железного века Кайрак-Кумов.— В кн.: *Литвинский Б. А., Окладников А. М., Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов. Тр. АН ТаджССР, Институт истории. Т. XXXIII. Душанбе, 1962.
100. *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков. М.: Наука, 1964.
101. *Федорова-Давыдова Э. А.* К проблеме андроновской культуры.— В кн.: Проблемы археолгии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
102. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
103. *Шилов В. П.* Очерки по истории древнейших племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
104. *Потемкина Т. М.* К вопросу об энеолите лесостепного Притоболья.— В кн.: Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху меди. Куйбышев, 1982.
105. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы.— В кн.: Древняя история Поволжья. Научн. тр. Куйбышевск. пед. ин-та, т. 230. Куйбышев, 1979.
106. *Синицын И. А.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60.
107. *Смирнов К. Ф.* Курганы у с. Иловатка и Политотдельское.— МИА, 1959, № 60.
108. *Стоколос В. С.* Курганы эпохи бронзы у ст. Степного.— В кн.: Краеведческие записки. Вып. I. Челябинск: Книжн. изд-во, 1962.
109. *Потемкина Т. М.* Отчет о раскопках могильника у с. Раскатиха на р. Тобол в 1966 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3424.
110. *Агапов С. А., Пестрикова В. И.* Отчет о раскопках Алексеевского II грунтового могильника в Хвалынском районе Саратовской области в 1977 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6701.
111. *Синюк А. Т., Килейников В. В.* Курган у с. Введенки на Дону.— СА, 1976, № 1.
112. *Пряхин А. Д., Горбунов В. С.* Могильники уральской абашевской культуры у с. Береговки на территории Башкирской АССР.— В кн.: Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1979.
113. *Горбунов В. С.* Украшения племен Уральской абашевской культуры.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976.
114. *Ефименко П. П., Третьяков П. Н.* Абашевская культура в Поволжье.— МИА, 1961, № 97.
115. *Пшеничнюк А. Х.* Отчет об археологических исследованиях на территории Башкирии в 1975 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5424.
116. *Потемкина Т. М.* Отчет об археологических исследованиях Тобольского отряда Западносибирской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6808, 6808а; 1978 г. р-1.
117. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— СА, 1978, № 3.
118. *Сагайдак В. И.* О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье.— В кн.: Древняя история Поволжья. Научн. тр. Куйбышевск. пед. ин-та, т. 230. Куйбышев, 1979.
119. *Кузьмина О. В.* Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья.— В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
120. *Качалова Н. К.* Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья.— АСб. ГЭ, 1976, № 17.
121. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.

122. *Зудина В. Н., Кузьмина О. В.* Поселения эпохи бронзы на юго-западае Куйбышевской области.— В кн.: Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Научн. тр. Куйбышевск. пед. ин-та, т. 220. Куйбышев, 1977.
123. *Смирнов А. П., Мерперт Н. Я.* (Введение). Куйбышевская археологическая экспедиция.— МИА, 1954, № 42.
124. *Пряхин А. Д.* Абашевская общность по данным исследования поселений.— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). Куйбышев, 1976.

T. M. Potemkina

THE ALAKUL CULTURE

Summary

The results of large-scale field investigations of the last two decades led the author to conclude that the Alakul antiquities can be viewed as an individual culture. She determines the area of the Alakul culture as a large territory stretching from the upper reaches of the Ural and Miass rivers in the west to the interfluve of the Ishim and Irtysh rivers in the east; from the borderline between the forest-steppe and the south-taiga zones in Western Siberia (approximately, the 56th parallel) in the north to the borderline between the steppe and semi-deserts of Kazakhstan (between the 49th and 48th parallels) (Fig. 1) in the south. The autochtonous development of the Alakul antiquities on this territory, primarily in the forest-steppe zone of the Tobol and Ishim rivers is supported by the early Alakul sites of Petrovka type demonstrating continuity with the local Aeneolithic and Early Bronze Age which is especially supported by ceramic assemblage (Fig. 2; 4). The author forwards an opinion that the sites of the Novy Kumak chronological horizon viewed by K. F. Smirnov and E. E. Kuzmina as stratigraphical predecessors of Alakul sites and genetically closely connected with the latter is not quite correct as the former have not local roots within the bounds of the Alakul culture area. The Novy Kumak sites are related by the author to the late Abashevo sites (Fig. 5) and are considered by her as syncretic Abashevo-Timber Grave and Abashevo-Alakul sites, one of the formative components of the Alakul and the Timber-Grave cultures.

БУРОВ Г. М.

О НИЖНЕМ ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПРЕДЕЛЕ ЛЕБЯЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На Европейском Северо-Востоке автором и В. И. Канивцом выделена самобытная лебяжская культура, локализованная главным образом в Печорском бассейне и на востоке Привычегодья. По нашему мнению, она охватывает конец медно-бронзового века (озъягский этап) и начало железного (ластинский). В. И. Канивцом же памятники ластинского типа определены в качестве самостоятельной культурной общности, имеющей лебяжское происхождение [1, с. 134—136].

Озъягский этап включает множество открытых поселений и две пещеры — Канинскую на Верхней Печоре [2, с. 72—76] и Адакскую I на р. Усе [3, рис. 47]. Поселения расположены в восточной части Привычегодья [4, с. 100—104, рис. 10, *2*, *3*, *5*, *6*; 5, с. 83—85; 6, с. 29—35, 61; 7, с. 124], Печорском Приуралье [8, с. 79, 80, табл. X, *1*; 9, с. 231; 10, с. 68—70, 76, 77; 11, с. 13—19, 46—49; 12, с. 54—57, 70—87, рис. 33; 13; 1, с. 41—48, 56—60; 14, с. 109—112], в районе устья Ижмы [1, с. 32—41, 48—52; 15, с. 77—82, 91—93]; на Северном Тимане [16, рис. 4, *15*; 5, *1—3*, *9*, *14*; 8, *2*] и верхней Мезени [17, с. 43, 44]. Кроме того, типичная озъягская керамика встречена в отрыве от компактно размещенных раннелебяжских памятников, в Архангельском Беломорье, на р. Галдарее[1]. На нашей карте озъягских памятников (рис. 1) в отличие от составленной В. И. Канивцом [1, рис. 67] не указаны пункты с маловыразительной керамикой, которая может принадлежать как к раннелебяжскому, так и к другим типам, в особенности к ластинскому и чаркабожскому (Пустозерск IV и VI, Адзьва LXV, Палью VIII и Тыбью); нет позднелебяжского комплекса в Висе I; Нижнепетрушинского поселения крестовой керамики и стоянки Сыпянырд III, материал которой не описан в отчете и не опубликован. Зато на карте показаны поселения Северного Тимана, Мезени и Беломорья, расширяющие ареал памятников с керамикой озъягского типа к западу, и раннелебяжские памятники Припечорья, не распознанные исследователем (Баля-Ягнюр I, Галово I, Самкоди II, Щельябож III, Адзьва XLVII и LVI, Адакская I пещера).

На раннелебяжских, как и более поздних поселениях, ни разу не отмечались признаки полуземлянок, что говорит о наземном характере жилищ. Облик культуры определяет керамика (рис. 2, 3). У сосудов с закругленным дном в большинстве случаев выражены плечики и значительно отогнут венчик, в результате чего образуется «перехват». Венчик значительно выше, а стенки в целом тоньше, чем у посуды устьвымского типа. Два сосуда из Озъяга II имеют с внутренней стороны непосредственно под выпуклостями ямок рельефное украшение, представляющее собой горизонтальный налепной валик трапециевидного сечения, расчлененный прямой насечкой и плавно сходящий на нет (рис. 2, *22*). Одиночные сосуды из Чудинты II (рис. 2, *7*) и Кыско снабжены полуовальными выступами у венчика. В глину добавлялись толченые кварц и слюда, изредка раковины.

Орнамент крайне редко спускается ниже середины тулова сосуда и состоит в основном из длинных линий, нанесенных узким зубчатым штампом, нередко с косыми зубцами, причем среди мотивов наиболее часты горизонтальные линии. Встречаются также ряды очень сильно скошен-

[1] ГИМ, № 35 103.

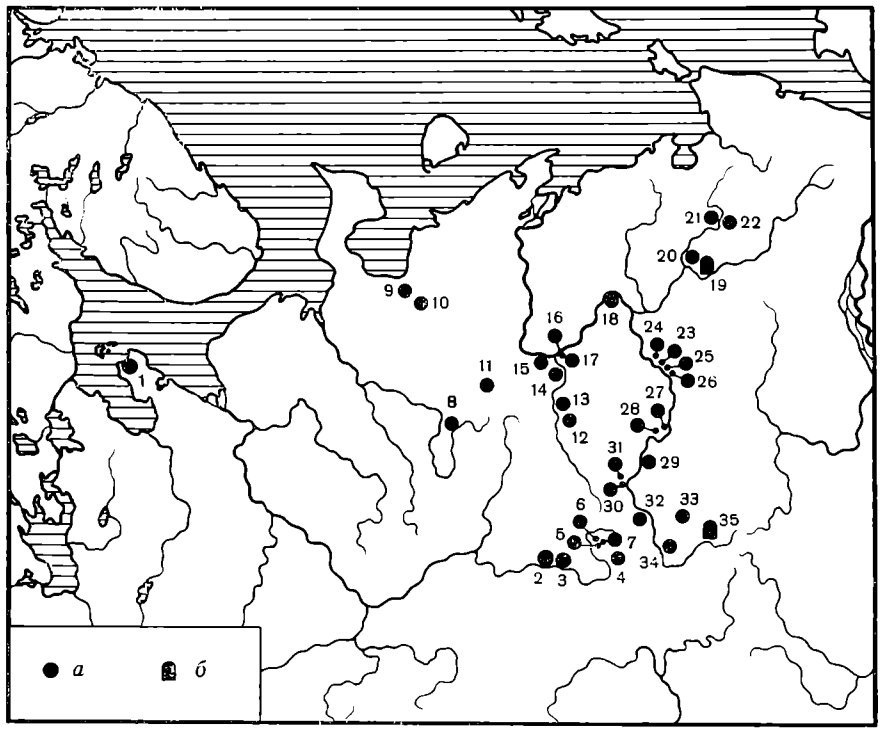


Рис. 1. Распространение раннелебяжских памятников. *1* — Галдарея; *2*, *3* — Озъяг I, II; *4* — Сёдтыдин; *5*, *6* — Чудинты I, II; *7* — Ягкодж I; *8* — Лёкчойди; *9* — Ружникова; *10* — Кыско; *11* — Пижма II; *12* — Турун-Нюр I; *13* — Баля-Ягнюр I; *14* — Галово I; *15* — Кельчиюр II; *16* — Самкоди II; *17* — Щельяюр II; *18* — Щельябож III; *19* — Адакская I; *20—22* — Адзьва V, XLVII, LVIII; *23*, *24* — Конецбор I, VII; *25* — Аранец II; *26* — Ичет-Нюр; *27* — Яко I; *28* — Лебяжский I; *29* — Шердино; *30*, *31* — Сотчемъёль I, III; *32* — Затон II; *33* — Габо; *34* — Знаменка; *35* — Канинская. *а* — поселение открытого типа; *б* — пещера

ных оттисков (обычно не менее чем на 50° по отношению к вертикали), иногда образующие горизонтальную елочку, косую сетку и зигзаги. Гребенчатый орнамент обычно слабо углублен и часто едва заметен, особенно на срезе венчика. Нередко отмечаются расположенные в горизонтальный ряд короткие горизонтальные же или косые отпечатки прямого либо дуговидного зубчатого или гладкого штампа (рис. 2, *17*, *18*, *20*, *22*; 3, *4*) и ряды крестовых вдавлений (рис. 3, *1*), иногда группы таких оттисков (Лебяжский I, Знаменка, Ягкодж I, Канинская пещера) и отпечатки простой веревочки — Озъяг II, Лёкчойди (рис. 2, *16*, *19*). Последние получают широкое распространение и доминируют на ластинском этапе. Особенность лебяжской керамики заключается в обязательном наличии под венчиком ряда круглых ямок небольшого диаметра (2,0—3,5 мм), но значительной глубины (около 3—5 мм); эти углубления, которым изнутри соответствуют выпуклости, в озъягское время всегда наносились на одинаковом расстоянии друг от друга. Иногда ямки расположены в шахматном порядке, причем нижний ряд может быть более разреженным (рис. 2, *8*).

Обычно озъягский сосуд украшен гребенчатым орнаментом, включающим от одного до трех мотивов, нанесенных зонально. Косые оттиски, будучи чаще всего расположенными между горизонтальными линиями, имеют вместе с ними вид заштрихованных полос, а ряды коротких горизонтальных отпечатков служили для их разграничения. Под венчиком часто проходит ряд наклонных зубчатых оттисков, каждый из которых своим верхним концом сливается с ямкой. В других случаях на фоне ямок тянется горизонтальная гребенчатая линия, а парные ряды углублений чаще всего соединяет загзаг. Зубчатые узоры могут дополняться крестовыми оттисками (рис. 3, *1*), встречающимися (чаще всего в сочетании с одними ямками) только на южных поселениях, что отмечалось

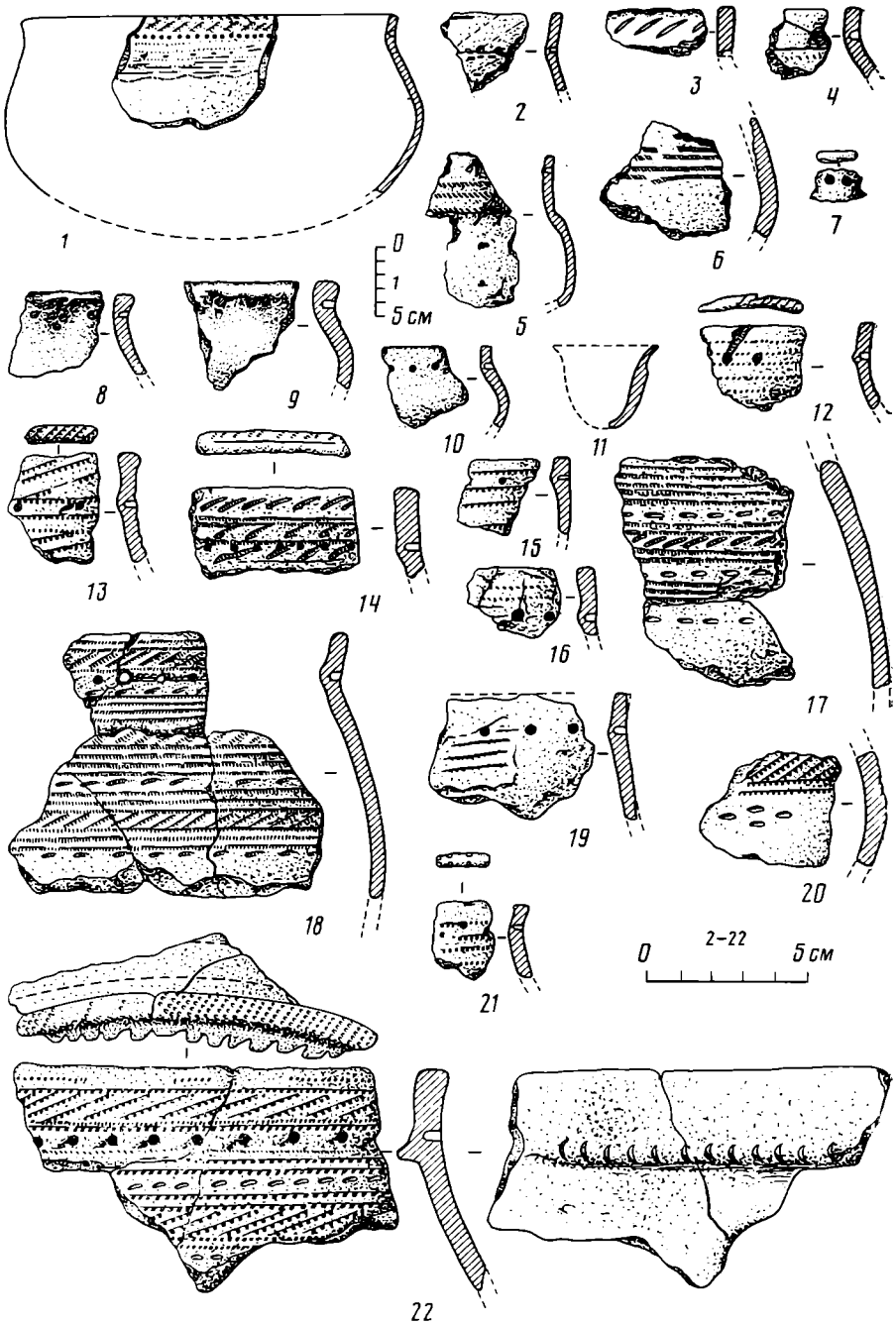


Рис. 2. Керамика озъягского этапа лебяжской культуры. *1* — Сёдтыдин; *2—11* — Чудинты II (раскоп 1); *12—22* — Озъяг II

В. И. Канивцом [1, с. 127]. На южном и юго-западном краях ареала (Чудинты I и II, Ягкодж I, Канинская пещера, Лёкчойди) распространены, а порой и доминируют сосуды, украшенные только ямками (рис. 2, *8—10*; 3, *7*, *8*). Интересен сосуд из Конецбора I с прочерченным изображением человеческой головы в «какой-то плетеной шапочке». В Яко I, Лебяжском I, Затоне II, Знаменке и Чудинты II найдены миниатюрные сосудики (рис. 2, *11*; 3, *3*; 4, *28*) с шейкой или без нее, иногда орнаментированные.

Кремневый инвентарь состоит из скребков, наконечников стрел, проколок и крупных ударных орудий пикообразной формы. Последние найдены на стоянках Турун-Нюр I, Кельчиюр II, Лебяжский I, Щельяюр II и Ичет-Нюр (рис. 4, *22—24*). Характерны скребки с одним слабо выпуклым рабочим краем либо с полукруглой рабочей кромкой, реже с

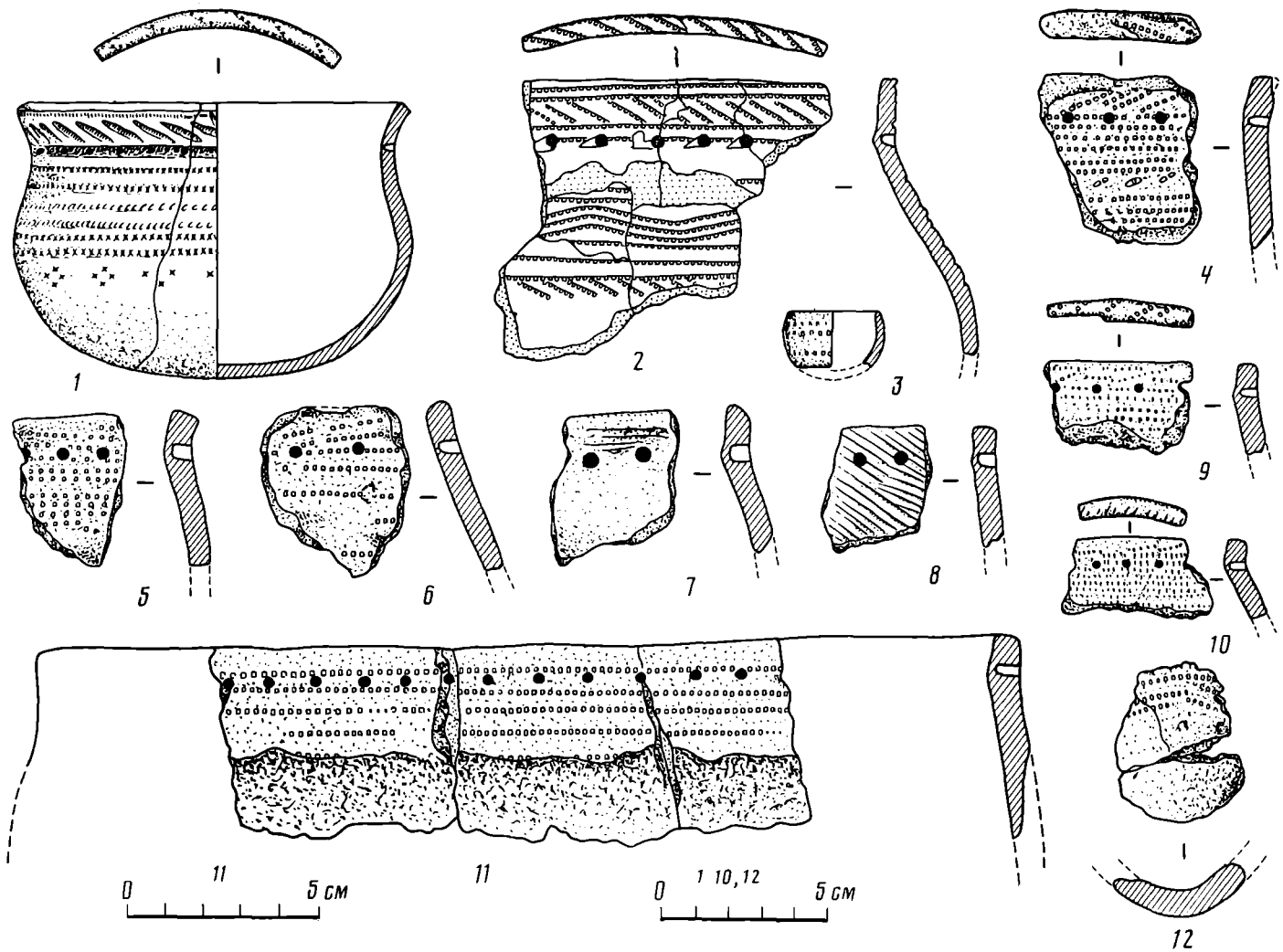


Рис. 3. Керамика озъягского этапа лебяжской культуры (по В. И. Канивцу). *1, 2* — Знаменка; *3 — 12* — Яко I

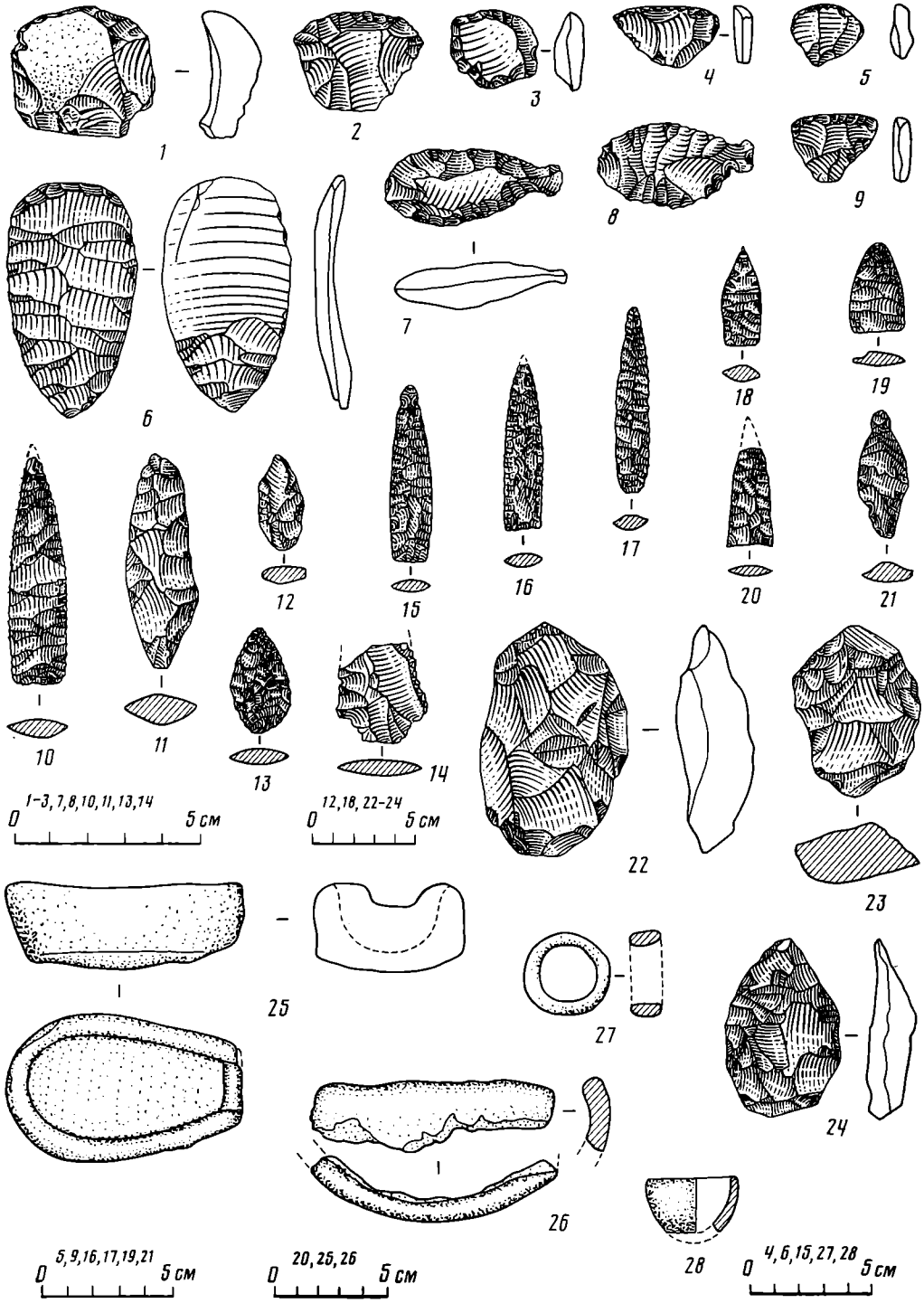


Рис. 4. Озъягский этап лебяжской культуры. Кремневый инвентарь (*1—24*) и керамика (*25—28*). *1—6*, *9* — скребки; *7*, *8* — изображения рыбы; *10—21* — наконечники стрел; *22—24* — пикообразные орудия; *25*, *26* — литейные тигли; *27* — кольцо; *28* — миниатюрный сосудик. *1*, *13—14* — Озъяг I; *2*, *8* — Адзьва V; *3* — Озъяг II; *4*, *6*, *15*, *27*, *28* — Знаменка; *5*, *9*, *16*, *17*, *19*, *22*, *25* — Лебяжский I; *7* — Ягкодж I; *10* — Яко I; *11* — Галово I; *12*, *26* — Щельяюр II; *18*, *24* — Ичет-Нюр; *20* — Щельябож III; *21* — Шердино; *23* — Турун-Нюр I (*2*, *8* — по Г. А. Чернову, остальное — по В. И. Канивцу и В. Е. Лузгину)

двумя рабочими краями, образующими угол, или подтреугольные, обработанные непрерывной краевой ретушью (рис. 4, *1—5*, *9*). Орудия с подтесанной спинкой для лебяжской культуры не характерны и представлены только единственным экземпляром из Знаменки (рис. 4, *6*), где отмечен крестовый орнамент на керамике. Форма наконечников стрел установлена в 12 случаях. Четыре экземпляра (Лебяжский I, Знаменка, Яко I) — ланцетовидные с усеченным основанием — беломорский тип (рис. 4, *10*, *15—17*), два (Лебяжский I, Ичет-Нюр) — широкие с таким же насадом (рис. 4, *18*, *19*); один экземпляр (Щельябож III) короткий с выемкой у основания (рис. 4, *20*). Два наконечника (Озъяг I и Щельяюр II) принадлежат к миндалевидному типу (рис. 4, *12*, *13*). Одиночными изделиями (рис. 4, *11*, *14*, *21*) представлены типы с четырехугольным (Озъяг I) и намечающимся треугольным черешком (Шердино), а также ромбовидный (Галово I). На стоянке Адзьва V обнаружено кремневое изображение рыбы (рис. 4, *8*), аналогичное миниатюрной скульптуре из Ягкоджа I (рис. 4, *7*), что позволяет связывать последнюю с лебяжским комплексом поселения. Ножевидных пластин найдено только две, в Озъяге I и Ичет-Нюре; вероятно, они относятся к каменному веку.

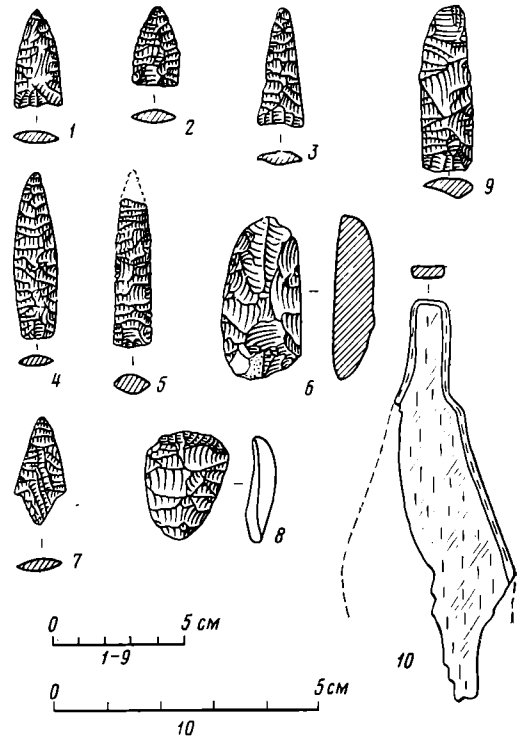


Рис. 5. Кремневые изделия Канинской пещеры (*1—9*) по В. И. Канивцу и бронзовый нож с поселения Чудинты I (*10*). *1—5*, *7* — наконечники стрел; *6* — тесло; *8* — скребок; *9* — вкладыш кинжала; *10* — бронзовый нож

Из металлических изделий на лебяжских поселениях обнаружен лишь поврежденный двулезвийный нож с прямоугольным черешком и, по-видимому, листовидным лезвием, тыльные края которого притуплены (рис. 5, *10*) [18, с. 104, рис. 3, *5*]. Имеющийся у черешка выступ представляется дефектом литья; длина сохранившейся части — 7,8 см. Орудие из Чудинты I находит параллели в памятниках предананьинского хронологического горизонта: в Сабанчеевском кладе [19, рис. 2, *4*], погребении 1 Балымского поселения [20, рис. 27] и на Гулькинской стоянке приказанской культуры [21, рис. 17, *1*], хотя и выделяется непропорционально узким черешком. Того же типа нож известен по литейной форме из с. Сухая Речка в ТАССР [22, табл. IV, *11*], относящейся, по А. Х. Халикову [23, с. 279] и Е. Н. Черных [24, табл. Г, *61*], тоже к указанному горизонту. Еще один такой нож из раскопок и сборов Ф. Д. Нефедова на Ананьинском могильнике [25, табл. 13, *28*], вероятнее всего, датируется концом медно-бронзового века, поскольку в раннеананьинских могильниках представлены исключительно однолезвийные режущие орудия [26, с. 142, 143]. Б. Г. Тихонов [22, с. 73, 74] и А. Х. Халиков определяют рассматриваемый тип как приказанский.

На поселении Лебяжский I обнаружен удлиненный подковообразный тигель-льячка с выемкой у венчика на узком конце, предназначенной для слива расплавленной бронзы (рис. 4, *25*). По-видимому, четырем таким же тиглям принадлежат ошлакованные керамические обломки из Щельяюра II (рис. 4, *26*) и Чудинты II. Собраны также слитки меди и бронзы. Предметы металлургии соотносятся с очагами, в которых производилась плавка металла. В Знаменке обнаружено глиняное кольцо непонятного назначения (рис. 4, *27*).

Керамика раннелебяжского типа впервые была найдена К. П. Ревой в 90-х годах XIX в. на р. Галдарее. Несколько стоянок с такой посудой открыто в 1952 и 1955 гг. Г. А. Черновым в Печорском Приуралье, но они не раскапывались. В 1957 г. памятники озъягского типа обнаружены автором на верхней Вычегде, где в 1958 г. нами были проведены раскопки. Тогда же, в 1958 г., геолог Б. И. Гуслицер нашел раннелебяжскую керамику в Канинской пещере. В 1960 г. памятники озъягского облика были выделены в отдельный тип эпохи раннего металла [4, с. 114, 115], а затем отнесены к одноименному этапу, датированному началом I тысячелетия до н. э. [27, с. 103—106]. Одновременно нами намечены близкие аналогии им в Печорском Приуралье, а В. И. Канивцом поставлен вопрос о выделении новой археологической культуры «второй половины II тысячелетия до н. э.» в Печорском крае и восточной части бассейна Вычегды [28, с. 97]. Новая культура названа лебяжской по стоянке у починка Лебяжский на Печоре. В 1959—1974 гг. множество раннелебяжских памятников было открыто и исследовано Г. М. Буровым, В. И. Канивцом, В. Е. Лузгиным и В. С. Стоколосом, в результате чего очерчен ареал культуры и выявлены ее основные особенности.

Отмеченные расхождения между датами, предложенными автором и В. И. Канивцом, связаны с тем, что мы учитывали прежде всего некоторую близость лебяжской культуры к ананьинской, принадлежность позднелебяжских памятников к железному веку и орнаментацию озъягской посуды крестовым узором (характерным для довольно поздних памятников Зауралья). В. И. Канивец строил свою хронологию исключительно на возрасте предметов сейминско-турбинских типов, найденных совместно с раннелебяжской керамикой в Канинской пещере. Вскоре исследователь согласился с нами, что лебяжская культура доживает до ананьинского времени, однако нижней хронологической границы озъягских памятников не изменил [2, с. 82, 83]. Полемизируя с В. И. Канивцом по поводу хронологии лебяжской культуры, мы в одной из работ указали на невыразительность аналогий между инвентарем Канинской пещеры и могильников сейминско-турбинского типа [5, с. 87, 88]. Кроме того, в кремневом инвентаре пещеры хорошо представлены ланцетовидные наконечники стрел с усеченным основанием, нередко с пильчатой ретушью (рис. 5, *4*, *5*),— форма, чуждая Сейминскому и Турбинскому могильникам.

Позднее В. И. Канивцом были дополнительно выделены бронзовые и медные предметы, имеющие параллели в Сейме и Турбине, а также кремневые вкладышевые орудия [2, рис. 14, *11*, *13*; 21, *8—12*; 22, *2*, *4*, *5*]. К медно-бронзовому веку он отнес 43 поврежденных изделия из металла. Однако определенно можно судить лишь о типе 13 орудий[2], из которых восемь были правильно сопоставлены с инвентарем Сеймы, Турбина и синхронных памятников: два двулезвийных ножа сейминского типа, с широким прямоугольным черешком (рис. 6, *1*, *2*) [29, рис. 43, 44, 47]; два различных кинжала, от которых сохранились фрагменты рукоятей (рис. 6, *13*, *14*), близкие рукоятям кинжалов Сейминского [29, рис. 50, 51,А] и Турбинского [30, рис. 113] могильников; три дугообразных скобеля, подобных сейминским (рис. 6, *9—11*) [29, рис. 55], а также пилка (рис. 6, *12*) — эта категория орудий представлена в Сейме [29, рис. 53, 54]. Остальные выразительные предметы, по нашему мнению, тоже находят аналогии в Турбинском могильнике [2, рис. 21, *2*, *3*, *6*, *7*; 22, *3*; 30, рис. 65; 66; 72; 73, А; 74; 75, А; 81, А; 82, А; 31, рис. 36, *2*]. Среди них — нож турбинского типа, с параллельно расположенными лезвиями (рис. 6, *3*); маленький ножик в виде высокого треугольника (рис. 6, *4*); три небольших резака (рис. 6, *5—7*) и плоское рубящее орудие (рис. 6, *8*). Кроме последнего, все упомянутые орудия полностью укладываются в рамки сейминского хронологического горизонта [24, с. 99—105, табл. Г]. Приведенных аналогий достаточно для признания того, что канинские металлические изделия медно-бронзового века датируются сейминским

[2] С интерпретацией «рыболовного крючка» согласиться трудно, так как он скорее всего представляет собой скобку, близкую найденной на гаринско-борском поселении Галово II [15, рис. 9, *50*].

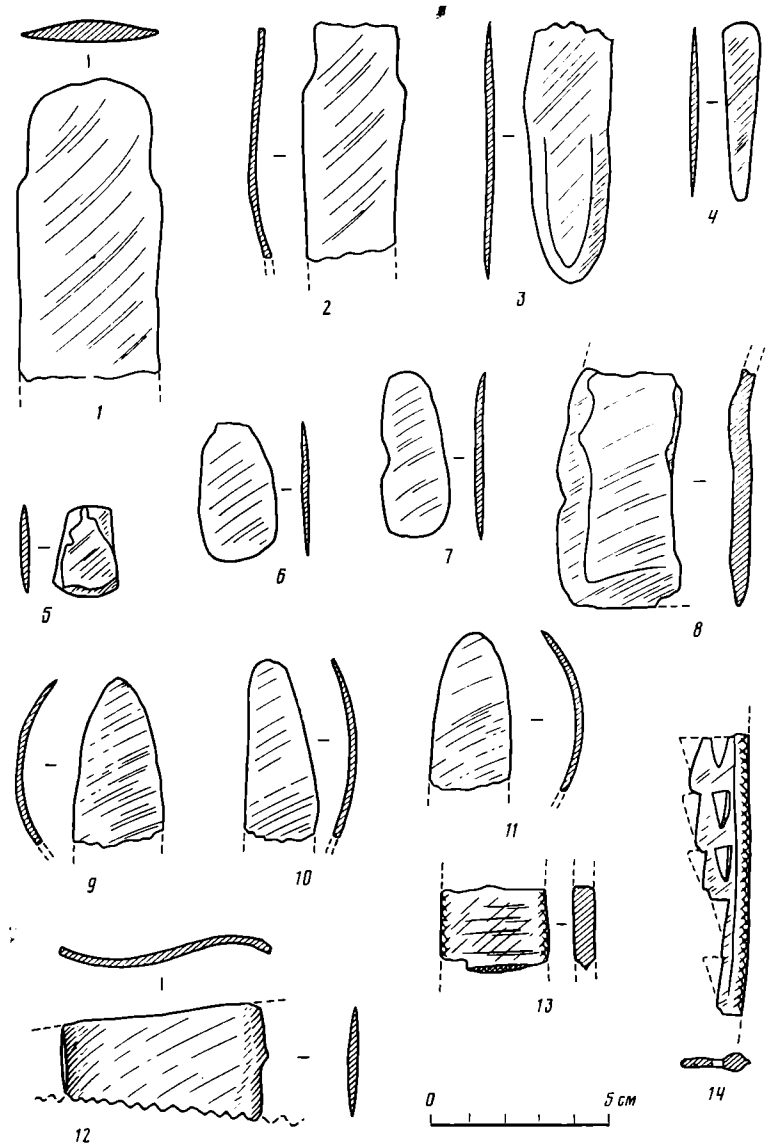


Рис. 6. Металлические изделия медно-бронзового века из Капинской пещеры (по В. И. Канивцу). *1—7* — ножи; *8* — плоский топор; *9—11* — дугообразные скобели; *12* — пила; *13*, *14* — рукоятки кинжалов (*1*, *4—6*, *10* — бронза или медь; *2*, *3*, *7—9*, *11—14* — бронза)

временем, но мало для утверждения, что нижняя хронологическая граница лебяжской культуры — рубеж XVI и XV вв. до н. э.

Во-первых, по Е. Н. Черных, граница сейминского и предананьинского хронологических горизонтов приходится на XII или даже XI в. до н. э. Поэтому капинский металл может относиться как к третьей, так и к последней четверти II тысячелетия до н. э.[3]

Во-вторых, нет доказательств совместного залегания сейминско-турбинских вещей Капинского святилища с лебяжской керамикой. Поскольку материал медно-бронзового века в значительной степени перемешан с более поздними вещами, вполне можно предполагать, что в пещере представлены два комплекса этого времени, которые, будучи близкими друг другу по возрасту, не разграничиваются стратиграфически. Совершенно перемешанный культурный слой обнаружен на другом полихронном памятнике Печорского Урала — в Уньинской пещере [5, с. 181].

Установив, что капинскую керамику с крестовым орнаментом, получающим распространение в конце медно-бронзового и раннем железном

[3] Н. Л. Членова [32, с. 135—138], опираясь на восточные аналогии, датирует сейминско-турбинские бронзы даже XI—VIII вв. до н. э., прибегнув к трудно приемлемому отождествлению сейминского хронологического горизонта с предананьинским.

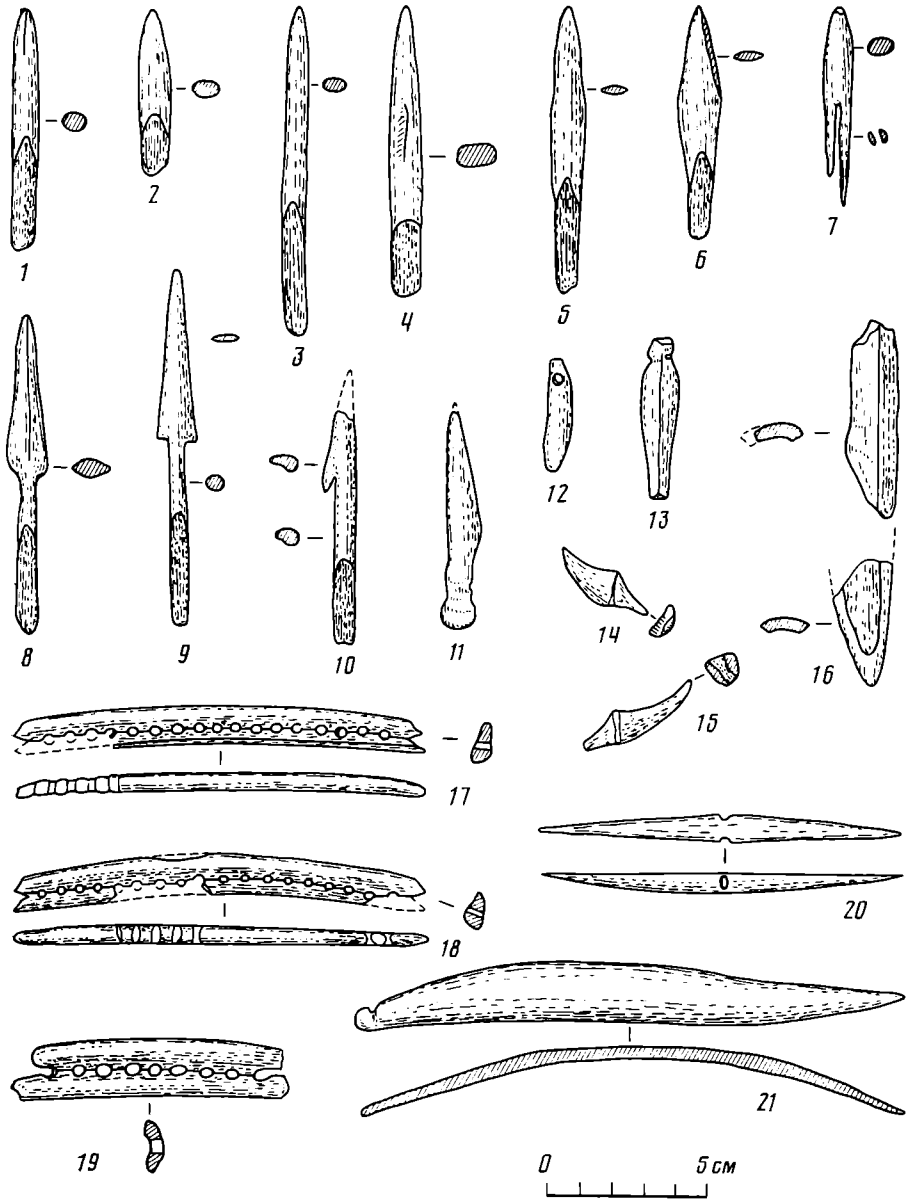


Рис. 7. Костяные изделия медно-бронзового века из Канинской пещеры (по В. И. Канивцу). *1—10* — наконечники стрел; *11* — проколка; *12*, *13* — подвеска; *14*, *15* — острия составных удильных крючков; *16* — кинжал; *17—19* — изделия с отверстиями; *20* — жерлица; *21* — орудие неизвестного назначения

веке, нельзя датировать началом второй половины II тысячелетия до н. э., В. Е. Лузгин пришел к выводу, что сосуды, орнаментированные рядами косых крестов, не связаны с остальным материалом медно-бронзового века, несмотря на залегание в одном и том же культурном слое, а затем что «Канинская пещера является не ранним, как считалось прежде, а сравнительно поздним лебяжским памятником» [15, с. 85; 33, с. 97]. К такому же заключению, видимо, пришел в одной из своих последних работ и сам В. И. Канивец: по его мнению, крестовые узоры, имеющиеся на керамике из пещеры, появляются, «вероятно, не ранее последней четверти II тысячелетия до н. э.» и канинские сосуды с ними «относятся к концу медно-бронзового века» [1, с. 127, 142]. Тем не менее нижняя хронологическая граница лебяжской культуры обоими исследователями по-прежнему проводится между XVI и XV вв. до н. э. Если Канинское святилище — «сравнительно поздний памятник», то какие же основания для того, чтобы начало лебяжской культуры датировать XV в. до н. э. А если к канинскому металлу не причастна крестовая лебяжская посуда,

то какая гарантия, что остальная керамика этой же культуры, найденная в пещере, имеет к нему какое-либо отношение?

При интерпретации и расчленении канинских находок на комплексы должны быть учтены восточные, отчасти, видимо, этнические связи Турбинского, Усть-Гайвинского, Сейминского и Решенского [34] могильников [30, с. 130—151; 35], к которым близки Ростовский некрополь в Западной Сибири [36, 37] и древности глазковского типа в Прибайкалье [24, с. 83—85, 94, 99; 30, с. 130—151; 35; 38]. Можно думать, что с металлом Канинской пещеры соотносится бо́льшая часть каменных орудий этого памятника: частично шлифованное тесло (рис. 5, *6*), вкладыши кинжалов (рис. 5, *9*), многие наконечники стрел (рис. 5, *1—5, 7*), близкие турбинским [30, рис. 90, 92; 93; 100,А], сейминским [29, рис. 60, 61] или глазковским [39, табл. I; рис. 18, *1—14, 18—26*; 38, 39, 85—87, 99, 100, 103, 166—168], и предположительно скребки с подтесанной спинкой (рис. 5, *8*). Последние известны по Турбинскому могильнику [30, рис. 96] и не отмечались на типичных раннелебяжских поселениях, но в верховьях Вычегды и Печоры встречены на стоянках с крестовой керамикой (Знаменка, Мыёлдино).

С металлом связывается также основная масса канинских костяных изделий: стержнеобразные наконечники стрел (рис. 7, *1—4*), с листовидным пером (рис. 7, *5, 6*), с расщепом у черешка (рис. 7, *7*) и гарпуновидный (рис. 7, *10*); острия составных рыболовных крючков (рис. 7, *14, 15*); кинжалообразные орудия (рис. 7, *16*); изделие с выемками (рис. 7, *13*) и пр. Эти вещи, не сопоставимые с материалами Сеймы, Турбина, Усть-Гайвы и Ростовки (где кость не сохранилась), имеют соответствия в глазковской культуре [39, рис. 19, *5, 6*; 21, *3*; 26, *1*; 27, *2, 3*; 30, *6*; 34, *1*; 35, *1, 6—8*; 41; 55, *3*; 98, *3, 6*; 100, 132] и почти не находят аналогий в Восточной Европе, например в абашевских и срубных памятниках [40, рис. 2, *1*; 25, *1*; 41, рис. 8, *10—19*; 42, рис. 12], древностях Латвии [43, табл. XII, XIII] или Кольского полуострова [44, табл. 3]. Загадочные канинские костяные «продолговатые предметы со сквозными отверстиями» (рис. 7, *17—19*) тоже имеют параллели в Восточной Сибири — в Сартакском кладе и на поселение при устье Подкаменной Тунгуски [32, с. 116, рис. 36, *69—71*; 45, рис. 15] [4].

Поскольку погребальный обряд Сеймы, Решного, Турбина, Усть-Гайвы и Ростовки исключал помещение в могилы бытовой глиняной посуды, приходится сомневаться в том, что, сейминско-турбинский комплекс Канинского жертвенного места содержал ее. Кроме того, бросается в глаза очень резкое различие между керамикой глазковской [39, рис. 49—52, 133—135] и лебяжской культур, в то время как металлические и костяные предметы Канинской пещеры сходны с восточносибирскими [5]. Вопрос

---

[4] Канинское святилище — наиболее северный памятник сеймино-турбинского типа, если не учитывать кельтов с обедненным орнаментом, найденных в Южной Финляндии, примерно на той же широте. На Европейском Северо-Востоке, кроме Канинской пещеры, известен сеймино-турбинский кельт, случайно найденный в уроч. Зарни-Яг (Красная Гора), на территории современного Сыктывкара [5, с. 94; 46]. По классификации Е. Н. Черных, кельт относится к группе, украшенной наиболее богато — заштрихованными треугольниками и ромбами [24, с. 58, рис. 47, *44, 46—56*]. Такие кельты распространены от Верхнего Поволжья до Восточной Сибири [22, табл. XI, XII]. Больше всего орудий этой группы происходит из Сеймино-го могильника [29, с. 101—106]. Сходные одноушковые кельты обнаружены в бывш. Вятской губ. [22, с. 43, 44], а перекрестная штриховка отмечена на орудии из Усть-Гайвы [30, рис. 116]. Подобно медным вещам абашевского Ульяновского потребения [5, с. 91—94] сыктывкарский кельт мог принадлежать одиночному захоронению с костяком, не сохранившимся в песке.

[5] В. И. Канивец, подчеркивая «североевропейский характер» лебяжского [28, с. 97], оговорил лишь сходство лебяжской крестовой керамики с посудой каменногорской (гамаюнской) культуры Зауралья [1, с. 127; 2, с. 82]. Мы считаем лебяжскую общность культурой западносибирского круга, хотя сама она как будто бы не распространяется за Уральский хребет. Полуовальные выступы у венчика, неорганическая примесь к глиняному тесту, ряд ямок под венчиком, пышная гребенчатая орнаментация, использование узкой гребенки и дуговидных штампов — все это сближает озъягскую посуду с синдорской раннего медно-бронзового века. Вместе с тем памятников переходного синдорско-лебяжского облика на Европейском Северо-Востоке мы пока не знаем, и между двумя группами поселений намечается значитель-

о связи сейминско-турбинского святилища с найденной на нем лебяжской керамикой может быть решен при сравнении этого памятника с раннелебяжскими поселениями.

Типы наконечников стрел, прежде всего ввиду их единообразия на обширной территории, в основном совпадают. Но отмечено отсутствие на поселениях вкладышей кинжалов в виде прямоугольного треугольника, столь характерных для памятников сейминско-турбинского типа в Восточной Европе. Ни разу не отмечались также шлифованные рубящие орудия, подобные канинскому, турбинским или глазковским. А единственное бесспорно лебяжское металлическое изделие не принадлежит к сейминско-турбинским формам.

Решающее значение имеет несходство между медно-бронзовыми предметами Канинской пещеры и лебяжских поселений по химическому составу. Спектральному анализу, полуколичественному или количественному (таблица), подвергнут металл 26 канинских предметов и шести вещей, найденных на стоянках лебяжской культуры (Чудинты I, Галово I, Кельчиюр II, Щельяюр II и Знаменка). На поселениях, как и в Канинской пещере, отмечены все разновидности раннелебяжской керамики: гребенчатая, с одними ямками (Чудинты I) и с крестовым орнаментом (Знаменка). Следовательно, не приходится говорить о принадлежности канинской посуды, с одной стороны, и керамики поселений — с другой, к разным стадиям или вариантам лебяжской культуры. Идентичность металла из святилища и со стоянок свидетельствовала бы в пользу лебяжской принадлежности канинского сейминско-турбинского металла, а существенное различие доказывало бы разнокультурность и разновозрастность канинских металлических предметов и керамики.

Чтобы наглядно сравнить канинский и лебяжский металл, мы, по методу Е. Н. Черных, использовали частотные гистограммы, отражающие распределение концентраций диагностических примесей. Эти гистограммы (рис. 8) ярко свидетельствуют об абсолютном несходстве между металлом пещеры по всем основным элементам. Обращают на себя внимание двухпиковые гистограммы олова, свинца, мышьяка и сурьмы, указывающие на использование канинцами, с одной стороны, меди, а с другой — искусственных сплавов. О неоднородности лебяжского металла говорит трехвершинная гистограмма олова и двухпиковая сурьмы.

Более четко членение на группы прослеживается на графиках при корреляции пар: Sn—Pb; Sn—Sb; Ag—Sb и As—Sb (рис. 9). Вполне определенное место, ближе к нулю, на всех графиках занимает металл группы МП — выплавленный из медистых песчаников [24, с. 27, 28] и содержащий примеси в минимальном количестве (гаринско-борское поселение Галово II, № 1—6; Ульяновское погребение абашевской культуры, № 8, 10; Уньинская пещера, № 8; Вис I, № 37). К этой «чистой меди» примыкает слиток из Щельяюра II (№ 44), где несколько повышена концентрация серебра (около 0,1%). По мнению Е. Н. Черных [24, с. 27; 48, с. 104, 105], подобная медь абашевских комплексов представляет собой металл группы МП, сплавленный с медью иной химической группы.

Лебяжский металл характеризуется, далее, пятью предметами, из которых три (№ 42, 43, 46) представляют собой медь и два (№ 41 и 45) оловянистую бронзу. Возможно, эти пять вещей составляют единую химическую группу, поскольку они компактно расположены на графиках зависимости между концентрациями диагностических примесей. Условно выделяемая лебяжская химическая группа характеризуется высокой естественной концентрацией олова, свинца и мышьяка в меди, небольшим содержанием серебра и обычным присутствием золота, причем бронза

ный разрыв во времени. Возможно, какие-то связующие звенья между ними существуют в слабо изученных районах Зауралья [47]. Явно зауральское происхождение имеет также встречающийся на лебяжской посуде крестовый орнамент. Наконец, «личина», обнаруженная на сосуде из Конецбора I, находит себе параллели в Западной Сибири [1, с. 87]. С другой стороны, распространение на усть-вымской и озъягской керамике орнамента в виде чередующихся горизонтальных и косых линий может свидетельствовать о каком-то родстве лебяжской культуры с усть-вымской [5, с. 87].

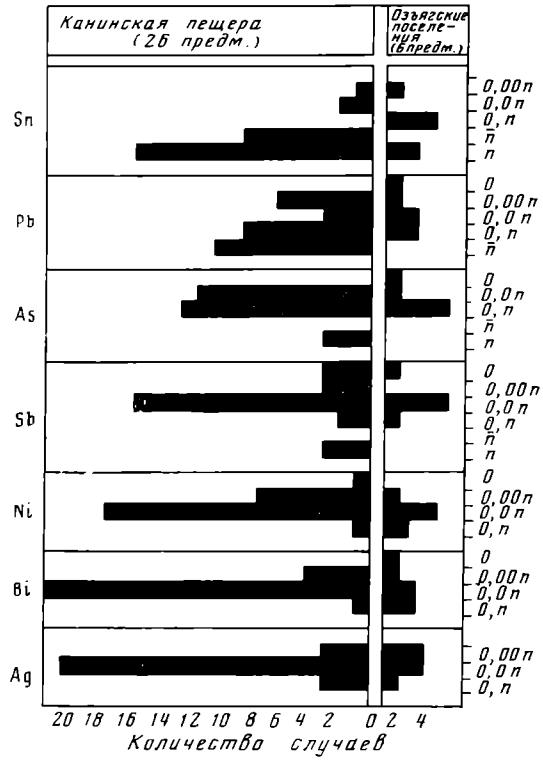


Рис. 8. Частотные гистограммы концентраций примесей к меди Канинской пещеры (ранний комплекс) и раннелебяжских поселений

Рис. 9. Корреляция между концентрациями некоторых примесей к меди эпохи раннего металла, найденной на Европейском Северо-Востоке. *1* — группа ПМ; *2* — лебяжская группа; *3* — металл Канинской пещеры; *4* — прочие предметы; *5—9* — группы I—V канинских меди и бронзы

Рис. 8

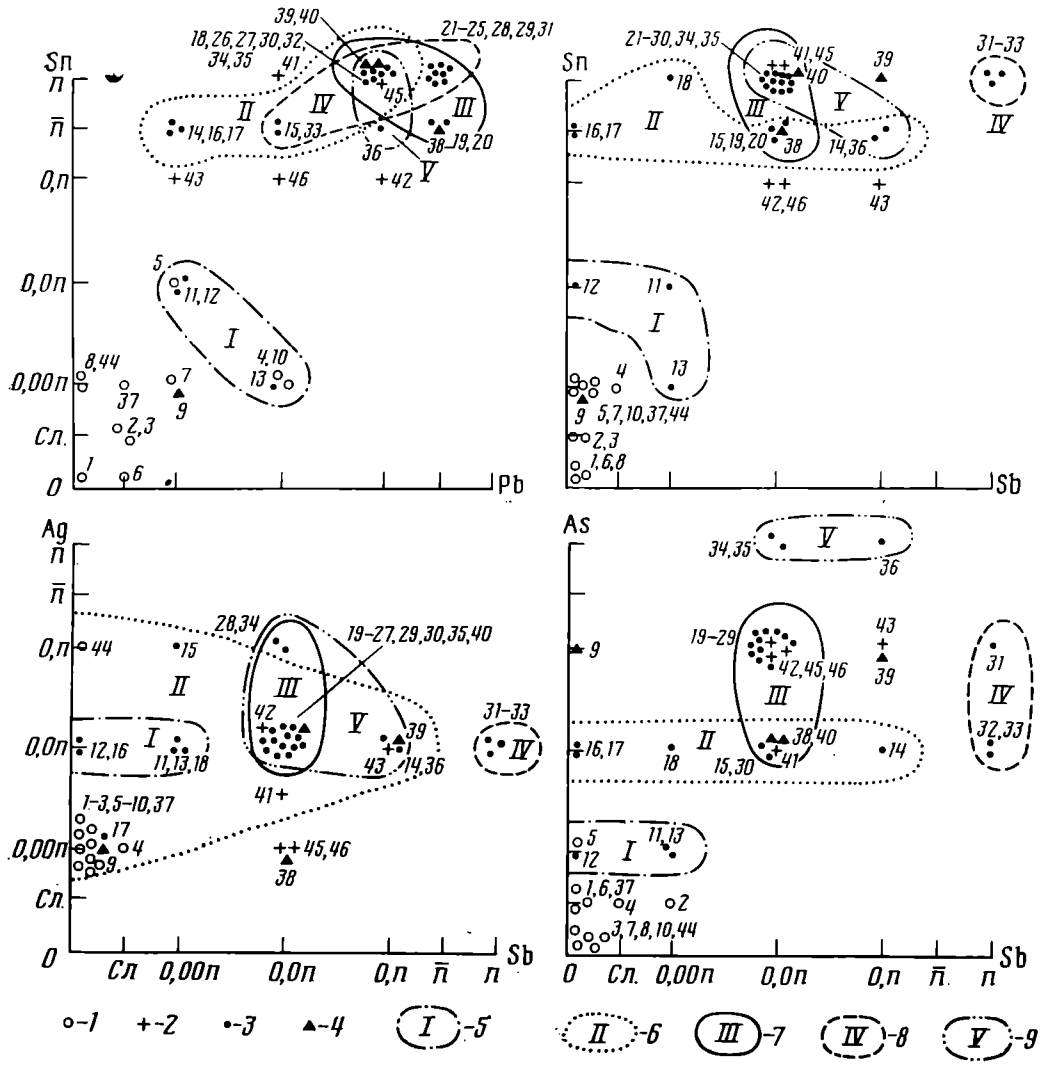


Рис. 9

Данные спектрального анализа металлических изделий медно-бронзового века, найденных на Европейском Северо-Востоке

Номер пробы	Памятник	Предмет	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Ni	Bi	Co	Fe	Mn	P
1	Галово II, р. I	Шило	–	–	–	Сл.	–	0,05	–	–	–	–	?	0,02	0,04
2	Галово II, р. II	Скобка	Сл.	Сл.	–	Сл.	–	0,03	–	–	–	–	?	0,02	0,04
3	Галово II, р. III	Капля	Сл.	Сл.	–	–	–	0,03	–	0,001	–	–	?	0,03	0,04
4	Галово II, р. V	Слиток	0,008	0,02	–	Сл.	Сл.	0,05	–	0,001	–	–	?	0,01	Сл.
5	Галово II, р. VI	То же	0,01	0,002	–	0,01	–	0,08	–	Сл.	–	–	?	0,1	0,04
6	Галово II, р. VII	»	–	Сл.	–	Сл.	–	0,08	–	Сл.	–	–	?	0,02	Сл.
7	Ульинская пещера	Шило	0,00n	0,00n	–	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–
8	Ульяновское погребение	Бляшка	–	0,00n	–	–	–	+	–	0,00n	–	–	0,0n	–	?
9	То же	Шило	0,00n	0,00n	–	0,n	–	+	–	0,00n	–	–	0,00n	0,00n	?
10	»	Проволочное изделие	0,00n	0,0n	–	–	–	+	–	0,00n	–	–	0,0n	0,00n	?
11	Каинская пещера	Нож (№ 1)	0,0n	0,00n	0,00n	0,0n	0,00n	0,0n	–	–	0,00n	–	0,00n	0,00n	–
12	То же	Слиток (№ 2)	0,0n	0,00n	–	0,0n	–	0,0n	–	0,00n	0,00n	–	0,0n	0,00n	–
13	»	Слиток (№ 3)	0,00n	0,0n	–	0,0n	0,00n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,n	0,00n	–
14	»	Нож (№ 4)	n	0,00n	–	0,0n	0,n	0,0n	–	0,00n	0,0n	–	0,00n	0,00n	–
15	»	Нож (№ 5)	n	0,0n	–	0,0n	0,0n	0,n	–	0,00n	0,0n	–	0,00n	0,00n	–
16	»	Нож (№ 6)	n	0,00n	–	0,0n	–	0,0n	–	0,00n	0,0n	–	0,00n	0,00n	–
17	»	Пилка (№ 7)	n	0,00n	–	0,0n	–	0,00n	–	0,00n	0,00n	–	0,00n	0,00n	–
18	»	Кинжал с ажурной рукоятью (№ 13)	n	0,n	–	0,0n	0,00n	0,0n	–	0,00n	0,n	–	0,0n	0,00n	–
19	»	Нож сейминского типа (№ 8)	n		–	0,n	0,0n	0,0n	–	0,00n	0,0n	–	0,00n	0,0n	–
20	»	Нож турбинского типа (№ 11)	n	n	0,00n	0,n	0,00n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,n	0,00n	0,0n
21	»	Дугообразный скобель (№ 9)	n	n	–	0,n	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,00n	–
22	»	Дугообразный скобель (№ 10)	n	n	–	0,n	0,0n	0,0n	Сл.	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,00n	–
23	»	Кинжал с желобчатой рукоятью (№ 12)	n	n	–	0,n	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,00n	–

Продолжение таблицы

Номер пробы	Памятник	Предмет	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Ni	Bi	Co	Fe	Mn	P
24	Каинская пещера	Слиток (№ 14)	n	$\bar{n}$	–	0,n	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–
25	То же	Слиток (№ 15)	n	$\bar{n}$	–	0,n	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,00n	–
26	»	Слиток (№ 16)	n	0,n	–	0,n	0,0n	0,0n	Сл.	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,0n	0,0n
27	»	Слиток (№ 17)	n	$\bar{0}$,n	–	0,n	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,n	0,00n	0,0n
28	»	Слиток (№ 18)	n	$\bar{n}$	–	0,n	0,0n	0,n	–	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,00n	0,0n
29	»	Слиток (№ 19)	n	$\bar{n}$	–	0,n	0,0n	0,0n	Сл.	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,0n	0,0n
30	»	Слиток (№ 20)	n	$\bar{0}$,n	–	0,0n	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,00n	–
31	»	Нож (№ 21)	n	$\bar{n}$	–	0,n	n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,n	0,00n	–
32	»	Режущее орудие (№ 22)	n	0,n	0,0n	0,0n	n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,00n	0,00n	–
33	»	Нож (№ 23)	$\bar{n}$	0,0n	–	0,0n	n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,00n	–
34	»	Нож сейминского типа (№ 24)	n	0,n	–	n	0,0n	0,n	Сл.	0,0n	0,00n	–	0,0n	0,00n	–
35	»	Слиток (№ 25)	n	0,n	–	n	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,00n	–
36	»	Топор (№ 26)	$\bar{n}$	0,n	0,0n	n	0,n	0,0n	–	0,n	0,0n	0,00n	0,0n	$\overset{+}{0}$,00n	–
37	Вис I	Плоское изделие	0,00n	Сл.	–	Сл.	–	0,00n	–	–	–	0,00n	0,00n	0,00n	Сл.
38	То же	Слиток	$\bar{n}$	$\bar{n}$	–	0,0n	0,0n	0,00n	–	0,0n	0,0n	0,00n	0,0n	0,00n	–
39	Вис II	Нож	$\overset{+}{n}$	0,n	–	0,n	0,n	0,0n	0,00n	0,0n	0,n	0,00n	0,00n	0,00n	?
40	То же	Копье	$\overset{+}{n}$	0,n	–	0,0n	0,0n	0,0n	0,00n	0,00n	0,00n	0,00n	0,00n	0,00n	?
41	Чудинты I	Нож	$\overset{+}{n}$	0,01–0,1	–	0,01–0,1	0,01–0,1	0,005–0,05	–	0,05–0,5	0,005–0,005	–	0,01–0,1	–	+
42	Галово I	Капля	0,5	0,3	–	0,1	0,01	0,03	0,002	0,01	0,5	0,001	?	0,02	Сл.
43	Кельчиюр II	То же	0,1	0,005	–	0,1	0,1	0,03	0,01	0,2	0,5	–	?	0,02	Сл.
44	Щельяюр II	Слиток	$\overset{+}{0}$,00n	–	–	–	–	$\bar{0}$,n	–	0,00n	–	–	–	0,0n	–
45	Знаменка	То же (№ 1)		0,n	0,00n	0,n	$\overset{+}{0}$,0n	0,00n	Сл.	0,00n	0,0n	0,00n	$\overset{+}{0}$,n	0,0n	0,n
46	Знаменка (№ 2)	Слиток (№ 2)	0,n	0,0n	–	0,n	$\overset{+}{0}$,0n	0,00n	Сл.	0,0n	0,0n	–	0,0n	0,0n	0,n

Примечание. Основа — медь. Содержание элементов выражено в процентах. Знак $\overset{+}{n}$ — более 1%; $\bar{n}$ — примерно 1%; $\bar{0}$,n — около 0,1%; $\overset{+}{0}$,n — ближе к 1%; $\overset{+}{0}$,0n — ближе к 0,1%; $\overset{+}{0}$,00n — ближе к 0,01%. Элементы, не имеющие диагностического значения и способные попадать в образец из почвы [50, с. 152], не даны. Анализ выполнен Т. И. Ивановой, Г. А. Марковой и Г. Е. Юшковой в Институте геологии Коми филиала АН СССР. Таблица составлена по опубликованным материалам [51, прил. I; 2, табл. 2; 1, табл. I; 11, с. 18, 19; 7, табл. 7; 15; табл. I]. В скобках указаны первоначальные номера проб.

была оловянистой. К лебяжскому металлу близок слиток с поселения Вис I (№ 38), что особенно хорошо прослеживается по содержанию серебра; поэтому слиток следует предположительно связывать с позднелебяжской керамикой, распространенной на поселении.

В. И. Канивец [2, с. 67], подчеркивая, что канинский металл химически «за некоторыми исключениями, однороден», предполагал «разные источники руд» для предметов с сурьмой и без нее (№ 12, 16, 17). Корреляция показывает, однако, что такое членение неправомерно. На всех четырех графиках компактное место занимает небольшая группа канинских медных предметов (№ 11—13), приближающаяся к группе МП, но характеризующаяся несколько более высоким содержанием ведущих примесей, присутствием висмута, в двух случаях сурьмы и в одном цинка. Остальные канинские предметы, как было установлено еще В. И. Канивцом [2, с. 67—70], представляют собой бронзу, оловянистую (группы II и III, № 14—30), сурмяно-оловянистую (IV, № 31—38) и мышьяково-оловянистую (V, № 34—36). Сплавы, содержащие свыше 1% олова или несколько процентов мышьяка, могут считаться искусственными [24, с. 15, 16, 25]. Второе подтверждается материалами самой Канинской пещеры — двухвершинными гистограммами и корреляцией концентраций пары As—Sb. Значительный процент свинца (около 1%) может, очевидно, объясняться легированием меди оловянно-свинцовой лигатурой, о чем говорят корреляции пары Sn—Pb и аналогичные наблюдения Е. Н. Черных при исследовании срубного металла [24, с. 16].

Пятью группами канинского металла составлены четыре металлургические: медь и три вида бронзы. Оловянистая бронза наряду с основной химической группой (III) включает и второстепенную (II, № 14—18), для которой характерно пониженное содержание серебра, причем членение демонстрируется также при корреляции концентраций Sn—Pb и Sn—Sb. Группы III—V химически, по-видимому, едины: на всех графиках они занимают крайнее верхнее и правое положение. Нет оснований для вычленения внутри группы III более мелких подразделений: показанные на графиках пробы расположены отдельными скоплениями, но в непосредственной близости друг от друга. Можно думать, что при количественном анализе они разместились бы компактно и разграничение групп было бы более четким. Высокая концентрация диагностических примесей в бронзе по сравнению с медью может объясняться наличием таких же примесей в легирующем металле.

Итак, носители лебяжской культуры широко использовали медь без искусственных примесей, хотя группа МП известна только в одном случае. Обычной была медь с высокой концентрацией олова, свинца и мышьяка, присутствием золота и незначительным содержанием серебра. Бронза встречена лишь оловянистая. В Канинской же пещере металл медно-бронзового века представлял собой, как правило, бронзу, часто мышьяковую или сурьмово-оловянистую, в основном с повышенным содержанием серебра и обычно без примеси золота, причем в меди и оловянистой бронзе содержание свинца и мышьяка невелико. Три медных предмета по концентрации ведущих диагностических элементов занимают промежуточное положение между группой МП и лебяжской. Ни один из шести металлических предметов, найденных на лебяжских монохронных поселениях, по своему химическому составу не соответствует ни одному из 26 канинских изделий и слитков! Это обстоятельство совершенно исключает возможность использовать Канинское святилище в качестве узлового памятника для датировки лебяжской культуры, точно так же, как незначительная степень металлургической близости турбинского и гаринско-борского металла свидетельствует о «полной непричастности Турбинского могильника к прикамским стоянкам» [24, с. 85].

Если бы мы датировали самые ранние памятники лебяжской культуры третьей четвертью II тысячелетия до н. э., то должны были бы заключить, что ее сосуды, напоминающие ананьинскую керамику,— наиболее древняя посуда подобного рода. Появление котлообразных сосудов с отогнутым венчиком и рядом ямок под ним в Волго-Камье (памятники

маклашеевского типа) и на Южном Урале (курмантау) приходится на конец II — начало I тысячелетия до н. э. [23, рис. 55; 41, с. 376—388; 49]. К числу памятников этого круга принадлежит к хорошо датированное по металлическим вещам погребение 1 на Балымской стоянке, в котором оказались сосуд, близкий раннелебяжским, и нож, аналогичный чудинтыйскому. Формирование же ананьинской историко-культурной общности, включающей и лебяжскую культуру на ее позднем этапе, шло, конечно же, не только на Вычегде и Печоре, но и в Волго-Камье, причем основной территорией сложения этой общности были именно более южные скотоводческо-земледельческие районы. Поэтому вряд ли здесь посуда протоананьинского облика возникла позже, чем на Севере. На относительно молодой возраст озъяга указывает и наземный характер жилищ, сближающий его с памятниками ананьинского и более позднего времени, а не со стоянками неолита и раннего медно-бронзового века, на которых встречаются полуземлянки. Следовательно, лебяжская культура относится к началу I тысячелетия до н. э. Не исключено, что она сложилась еще в XII—XI вв., но для большего удревнения мы оснований не видим.

Так обосновывается непричастность канинского металла к лебяжской керамике. Вероятно, лебяжское население использовало пещеру не как святилище, а в качестве убежища от непогоды; этим объяснимо происхождение отщепов и осколков (81 экз.), оставленных, по предположению В. И. Канивца, «в качестве приношения» [2, с. 54]. Сам исследователь допускает, что другая пещера, Уньинская, в медно-бронзовом и раннем железном веках еще не была местом жертвоприношений [2, с. 31].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Канивец В. И.* Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974.
2. *Канивец В. И.* Канинская пещера. М.: Наука, 1964.
3. *Канивец В. И.* Отчет о работах I Печорского археологического отряда в 1970 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4282, 4282а.
4. *Буров Г. М.* Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде.— Тр. Коми ФАН, 1960, № 9.
5. *Буров Г. М.* Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965.
6. *Буров Г. М.* Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 1967.
7. *Буров Г. М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967.
8. *Чернов Г. А.* Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры.— Тр. КИЧПЭ, 1948, вып. VII.
9. *Чернов Г. А.* Новые стоянки древнего человека на Средней Печоре.— СА, 1959, № 2.
10. *Чернов Г. А.* Стоянки в бассейне р. Адзьвы (Большеземельская тундра).— МАЕСВ, 1962, вып. I.
11. *Канивец В. И., Лузгин В. Е.* Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1963.
12. *Канивец В. И.* Древние поселения Южно-Печорской равнины.— МАЕСВ, 1965, вып. III.
13. *Канивец В. И.* Стоянка Якэ I — памятник лебяжской культуры на средней Печоре.— ИКФВГО, 1965, вып. 10.
14. *Лузгин В. Е.* Археологическая разведка в бассейне Илыча в 1963 г.— МАЕСВ, 1965, вып. III.
15. *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972.
16. *Стоколос В. Е.* Стоянки бронзового века на водораздельных озерах Центрального Тимана.— МАЕСВ, 1973, вып. V.
17. *Ашихмина Л. И.* Раннеананьинские поселения на верхней Мезени.— МАЕСВ, 1977, вып. VI.
18. *Буров Г. М.* Из результатов археологической разведки 1957 г. на верхней Вычегде.— ИФС Коми ФАН, 1960, вып. 5.
19. *Мерперт Н. Я.* Сабанчеевский клад.— В кн.: Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
20. *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг.— МИА, 1954, № 42.
21. *Збруева А. В.* Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье.— МИА, 1960, № 80.
22. *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА, 1960, № 90.
23. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
24. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.

25. *Нефедов Ф. Д.* Отчет об археологических исследованиях в Прикамье.— МАВГР, 1899, т. III.
26. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII — VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977.
27. *Буров Г. М.* Основные итоги и проблемы изучения археологии Вычегодского края.— ВАУ, 1961, вып. 1.
28. *Канивец В. И.* Археологическое изучение Печорского Приуралья.— ВАУ, 1961, вып. 1.
29. *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970.
30. *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М.: Наука, 1964.
31. *Гуслицер Б. И., Канивец В. И.* Пещеры Печорского Урала. Л.: Наука, 1965.
32. *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972.
33. *Лузгин В. Е.* Предананьинское время на Печоре.— Уч. зап. ПГУ, 1967, № 148.
34. *Бадер О. Н., Черников В. Ф.* Новый могильник сейминского типа на Оке.— СА, 1978, № 1.
35. *Шилов В. П.* К вопросу о происхождении ананьинской культуры.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
36. *Матющенко В. И.* Турбино-Ростовка-Самусь.— В кн.: V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 1967.
37. *Матющенко В. И.* Работы Томской экспедиции.— АО — 1967. М., 1968.
38. *Сафронов В. А.* О древнейших металлургах Приуралья.— ВЛУ, 1965, № 20.
39. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.— Л.: Наука, 1955, ч. III.
40. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953).— МИА, 1959, № 60.
41. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967.
42. *Буров Г. М.* Курганы бронзового века близ Ульяновска. Ульяновск: Приволжск. книжн. изд-во, Ульяновск. отд., 1974.
43. *Граудонис Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига: Зинатне, 1967.
44. *Гурина Н. Н.* Древние памятники Кольского полуострова.— МИА, 1973, № 172.
45. *Андреев Г. И., Фомин Ю. М.* Новые находки в устье Подкаменной Тунгуски.— КСИА, 1968, вып. 114.
46. *Sidorov A.* Tüllenaxt von Ustsysolsk.— ESA, 1931, t. VI.
47. *Буров Г. М.* Две основные группы культур бронзового и железного веков на Крайнем Европейском Северо-Востоке.— В кн.: V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 1967.
48. *Черных Е. Н.* О металле абашевской культуры.— В кн.: Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.
49. *Денисов В. П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры.— Уч. зап. ПГУ, 1967, № 148.
50. *Черных Е. Н.* Исследование состава медных и бронзовых изделий методом спектрального анализа.— СА, 1963, № 3.
51. *Канивец В. И.* Первые результаты раскопок в Уньинской пещере.— МАЕСВ, 1962, вып. 1.

G. M. Burov

ON THE PROBLEM OF THE LOWER DATES OF THE LEBYAZHSKY CULTURE

Summary

The Late Copper-Bronze Age in the north-eastern fringe of the European part of the USSR corresponds to the earlier, Ozyag stage of the Lebyazhsky culture (Figs. 1-4). Early Lebyazhsky ceramics is dated to the early 1st or, possibly, to the late 2nd millenium B.C. on the basis of its pre-Ananyino features. An opinion according to which the lower date of the Lebyazhsky culture is the 15th century B.C. based on the assumption that the Seima-Turbino complex of the Kanin cave sanctuary (copper-bronze, bone and stone implements, Figs. 5, *1-9*; 6, 7) includes Ozyag pottery should be considered incorrect, which is supported by the absence of ceramics of every-day use from burials of the Seima-Turbino type, typological differences between stone-bronze industry from the early Lebyazhsky settlements and from the cave, and, primarily, by complete dissimilarity in chemical and metallographic characteristics of the Lebyazhsky and the Kanin Cave metal objects (Figs. 8, 9). The Lebyazhsky culture population used copper marked by the high natural content of tin, lead and arsenic, with traces of gold and negligible silver content; in some cases they used tin bronzes. The Seima-Turbino metal from the Kanin Cave was, as a rule, arsenic or antimonide-tin bronze with higher concentration of silver, gold was usually absent, while copper and tin bronze contained lead and arsenic in comparatively small proportions.

КОБЫЛИНА М. М.

СТРАНИЦЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ ФАНАГОРИИ

Фанагория находилась на самом берегу Таманского залива, по Страбону (Strabo, XI, 2, 10 — Корокондамитского озера). Городище ее сильно пострадало за прошедшее тысячелетие, так как во время сильного ветра море размывало берег и уносило культурные напластования города вместе с постройками.

Подводные исследования 1958, 1959 гг. под руководством В. Д. Блаватского выяснили, что морем разрушена треть городища (рис. 1), при этом уничтожены слои первых веков нашей эры и средневековья; на расстоянии 200 м от берега, на глубине 4 м еще сохранились нижние слои — эллинистические и более древние [1, с. 130, 131; 2, с. 271—279].

Но не только море разрушало городище Фанагории. Отсутствие строительного камня в окрестностях было причиной того, что жители города для новых построек выбирали камни из отживших старых. Более всего пострадала центральная часть города, где жизнь была особенно интенсивной.

Характерна неравномерность сохранности строительных остатков, как показали работы на Центральном раскопе 1959—1975 гг. Великолепно сохранились сооружения верхнего слоя — последнего периода существования города (IX—X вв.): улица, ведшая к порту, жилые и хозяйственные постройки [3, с. 235 сл., рис. 76б]. Но более ранние слои подвергались интенсивной деятельности искателей камня, например от первых веков нашей эры до нас дошли лишь фрагменты сооружений: часть большого жилого дома — подвал I в. н. э. со стенами до 2 м высотой, превращенный в III в. н. э. в жилое помещение [4, с. 130, рис. 2], и отдельные кладки стен и фундаментов жилых домов, части черепичных крыш и деревянных перекрытий, мостовые, колодцы, разрушенные керамические и стеклодувные печи, котлованы которых сильно повредили нижележащие эллинистические слои.

Напластования III—II вв. до н. э. на Центральном раскопе не сохранили сколько-нибудь значительных остатков строительной деятельности. Но на западной окраине нижнего плато городища, где строительство первых веков было ограниченным, сохранилась значительная часть эллинистического большого общественного здания (предполагаемого гимнасия), существовавшего с конца IV по II в. до н. э. [5, с. 24, сл., рис. 5—10].

Фанагорийской экспедицией ИА АН СССР в течение 1969—1972 гг. был открыт на Центральном раскопе довольно хорошо сохранившийся комплекс (рис. 2), относящийся к началу существования города (конец VI — начало V в. до н. э.) и первому его расцвету в V—IV вв. до н. э.; на глубине 5,40 м фундамент здания, лежащего на мощной субструкции V в. до н. э., а под субструкцией на материке остатки сгоревших деревянных построек конца VI в. до н. э. (на глубине 6,50 м).

Субструкции характерны для строительства Фанагории, особенно там, где материк — песок. Они состоят из чередующихся слоев битой керамики, песка и золы и отличаются исключительной прочностью[1]. Вновь открытая субструкция двухслойная: нижний слой — песок толщиной

[1] Так, например, субструкция богатого эллинистического дома III в. до н. э., открытая на склоне холма «Г» (оставленная при раскопках только под узкой полосой фундамента), простояла на открытом воздухе более 10 лет. Строительная техника Фанагории в этом отношении аналогична Ольвийской. О раскопках на холме «Г» см. [6, с. 26, 27].

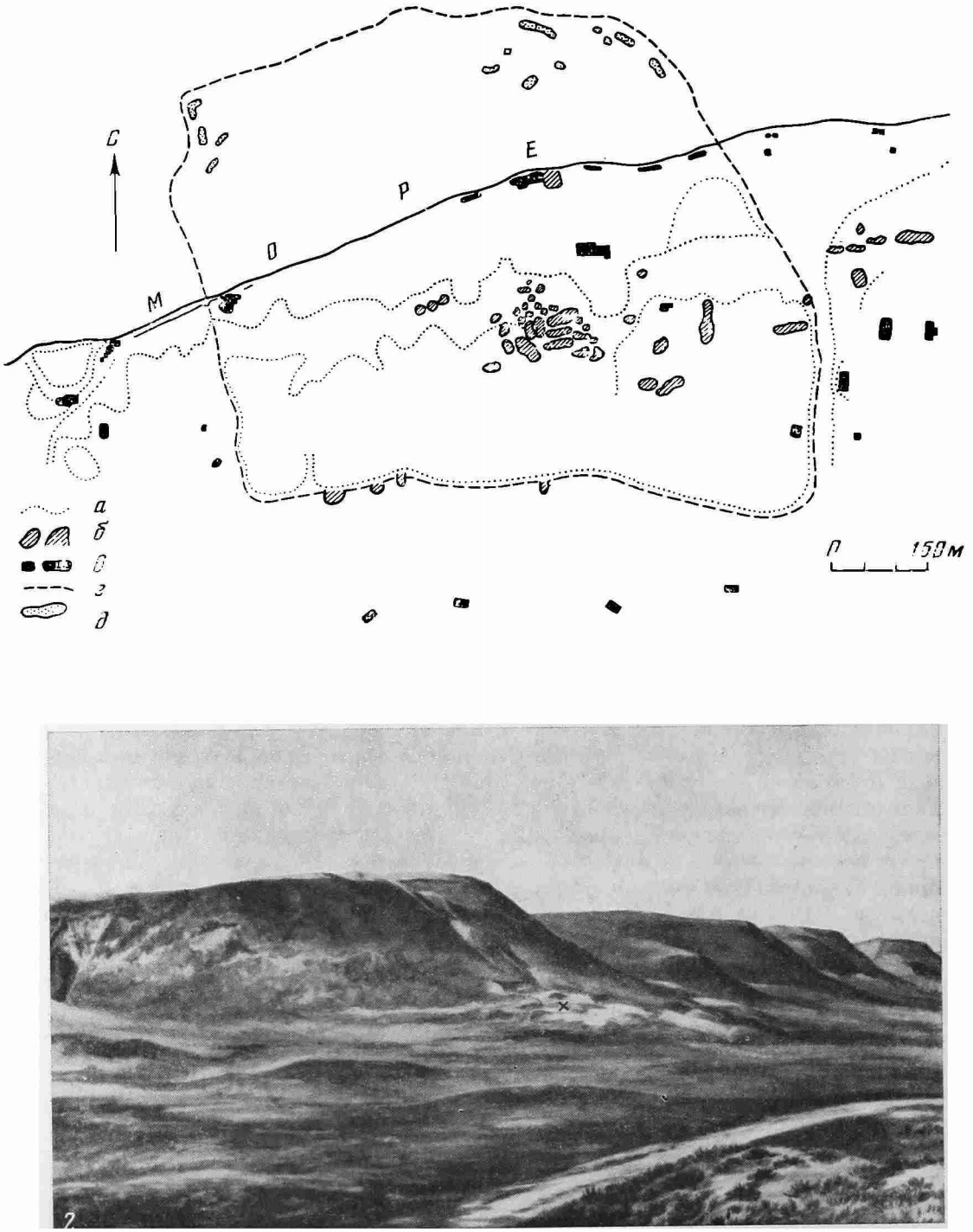


Рис. 1. *1* — схематический план городища Фанагории: *а* — границы скатов; *б* — старые раскопы; *в* — новые раскопы (1936—1959 гг.); *г* — граница городов; *д* — скопление камней на дне моря; *2* — общий вид городища Фанагории

0,20—0,30 м насыпан непосредственно на пожарище, местами имеются скопления копоти и золы. Верхний слой черепяный, в нижнем горизонте он чрезвычайно закопчен, черепки лежали в горелом грунте, местами совершенно черном.

Черепяный настил субструкции состоял из огромного количества обломков архаических амфор, главным образом хиосских пухлогорлых, расписанных полосами красной и черной краски, иногда по белому фону; среди них есть ручки с маленькими врезанными клеймами в виде квадратов и ромбов, фрагменты архаических киликов, чаш и хиосских кубков.

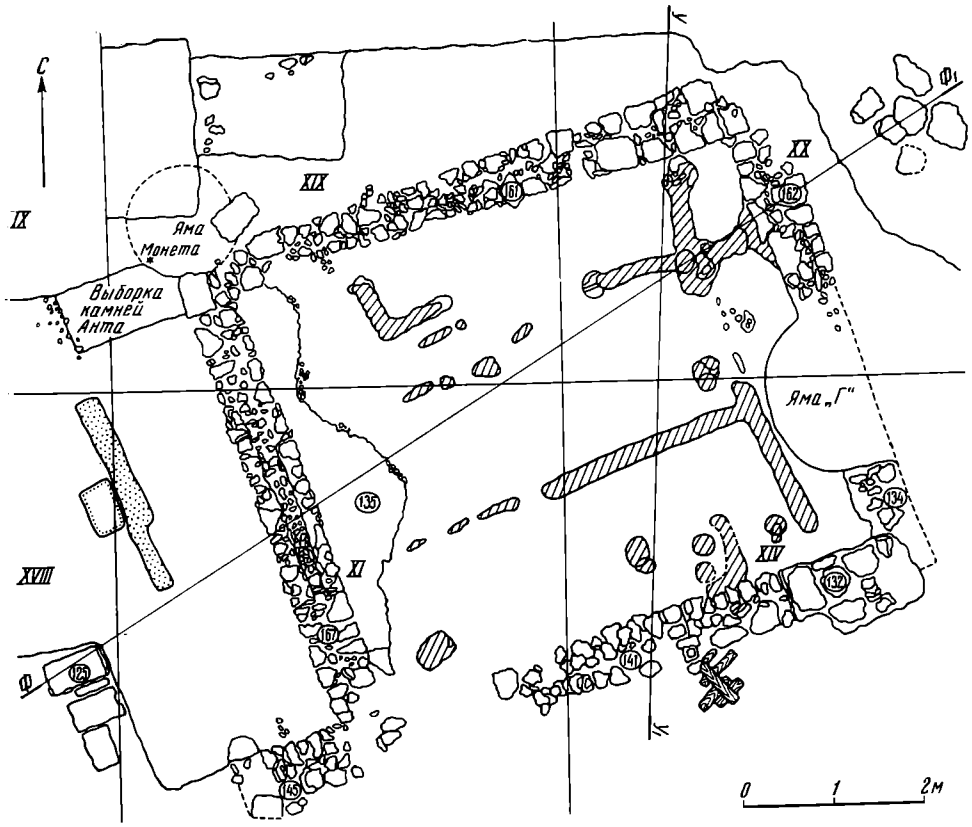


Рис. 2. План фундамента храма V—IV вв. до н. э. и следы сооружения VI в. до н. э. под ним (даны штриховкой)

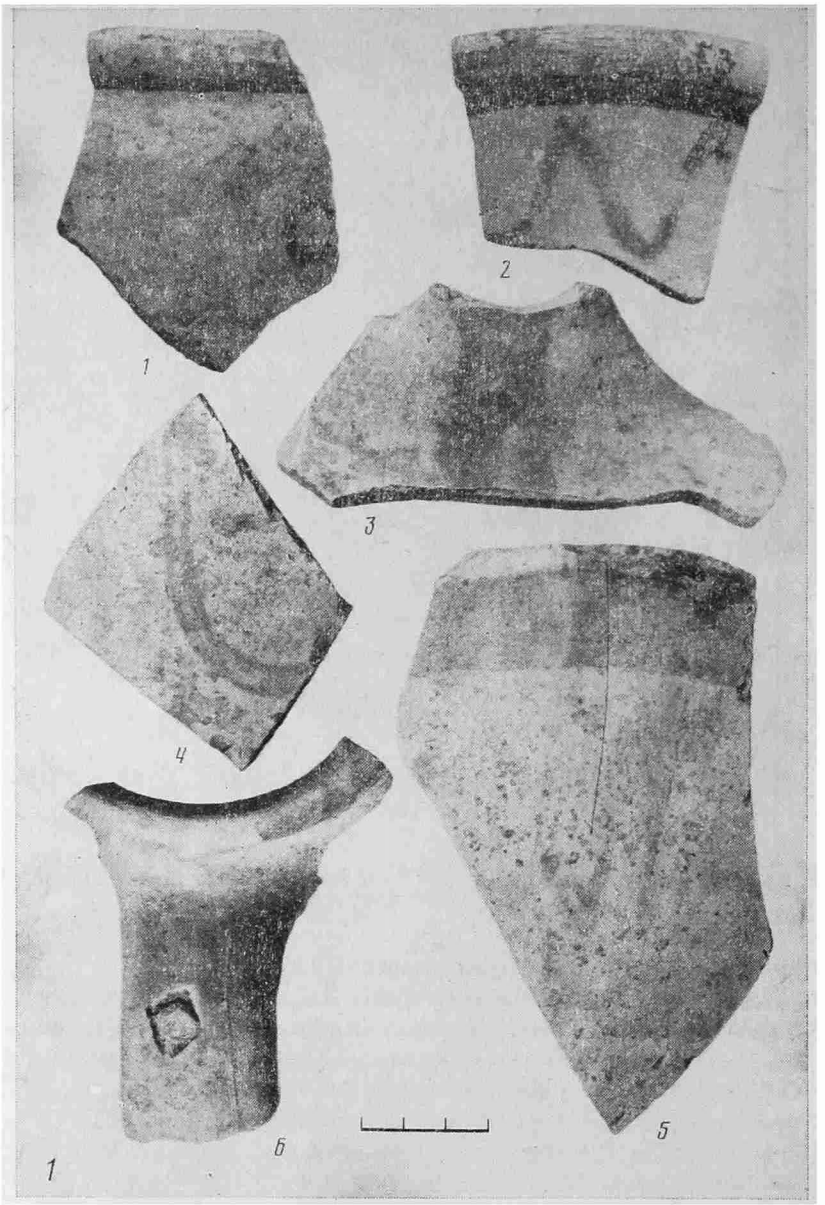
Кроме керамики в горелом грунте, местами совсем черном, были найдены куски железных мечей и кинжалов (рис. 3).

Восстановлен клинок меча длиной больше 0,56 м. Он аналогичен мечам V в. до н. э. из кургана Ахтанизовского лимана, мечу из кургана Куль-Обы [7, табл. II, рис. 3, 6] и мечу из Мирмекия [8, с. 77][2]. Меотским определил его и К. Ф. Смирнов (рис. 3, *3*).

Наличие обломков оружия, в том числе и местного происхождения, в слое пожарища позволяет думать, что пожар возник во время каких-то военных действий в древнейшей части города. Бесспорный факт какого-то бедствия у первых греческих поселенцев Фанагории является ярким подтверждением высказывания В. Д. Блаватского о наличии временами враждебных отношений вновь возникших городов с местным населением [9, с. 18]. Однако судя по тому, что Фанагория очень быстро выросла в V в. до н. э. (территория города разрослась от нижнего плато по верхнему плато до современной железной дороги), конфликты с местным населением отошли в прошлое и город быстро рос, пополняясь новыми переселенцами.

На описанной субструкции сооружен каменный фундамент, нижний его массив относится к V в. до н. э., верхние части — к IV в. до н. э. (рис. 4, 5). Фундамент представляет собой в плане четырехугольник, немного вытянутый, ориентированный с востока — северо-востока на запад — юго-запад, с западной стороны он завершается антами. Длина фундамента вместе с антами 8 м, ширина 6 м: размеры внутреннего пространства 5,5×4,5 м. Северный ант (рис. 2) прослеживается по темному грунту, оставшемуся после выборки камней, длина этого анта 1,10 м, ширина 0,60 м; южный ант № 145 такой же длины и ширины, конец разрушен. Ширина кладок в лучше сохранившихся частях 0,60 м, высота 0,35—0,60 м. Кроме антов, никаких других деталей не сохранилось, если

[2] В. Д. Блаватский считает, что вытянутая форма меча из Мирмекия (длина 0,565 м, ширина 0,07) и общие очертания делают вполне вероятным его синдо-меотское происхождение.



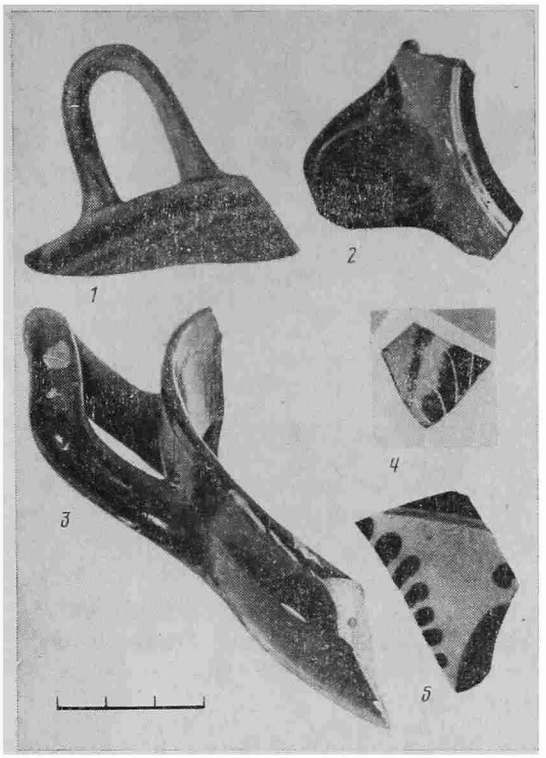
не считать, в средней части западной кладки № 167 узкую кладку из мелких прочно связанных между собою камней шириной 2—3 см, протягивающуюся вдоль кладки № 167 на 2 м. Возможно, это остатки порога, ведшего во внутреннее помещение (рис. 5, *1*).

Фундамент, сооруженный в V в. до н. э., довольно хорошо сохранился; его составляют кладки № 161, 162, 141, 167, 145; от перестройки его в IV в. до н. э. остались только части кладок — № 132, 134 или же отдельные камни, очевидно, связанные с позднейшими разрушениями.

Фундамент V в. до н. э. состоит из необработанных крупных камней мраморовидного известняка, мрамора, булыжников, розового мергеля [10, с. 98]; камни уложены на глине в два панциря, между ними мелкие камни[3]. Кладки IV в. до н. э. сложены из камней более или менее правильной формы, в основном известняка, плотно уложенных в два панциря на глине. Как и кладки V в. до н. э., кладка IV в. до н. э. лежит на подстиле из мелких камней.

---

[3] Фундаменты V в. до н. э., открытые на южной окраине Фанагории, сложены из таких же камней [10, рис. 31, 32].



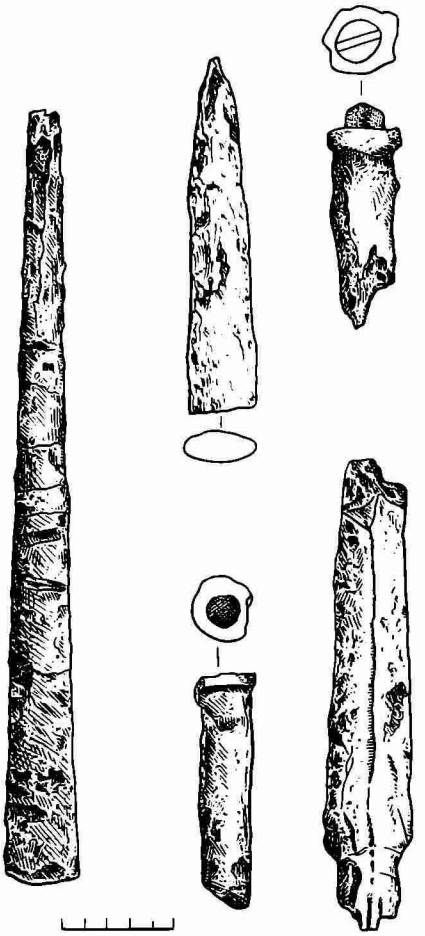


Рис. 3. Комплекс находок из субструкции V в. до н. э. *1* — фрагменты архаических и V в. до н. э. амфор; *2* — фрагменты ионийских и аттических расписных и чернолаковых сосудов; *3* — обломки железных кинжалов и мечей

3

Восточная кладка № 162 связана в переплет с северной кладкой № 161 (рис. 5, *3*). Южная часть кладки № 162 уничтожена огромной ямой «Г»[4].

Южная кладка № 141, датирующаяся V в. до н. э., на восточном конце прикрыта кладкой IV в. до н. э. длиной 0,95 м. Эта кладка № 132 (рис. 5, *4*) сложена из больших камней известняка, плохо обработанных, уложенных во всю ширину кладки на песчаном подстиле толщиной 0,30 м. Под кладкой обнаружен массив глины — очевидно, это слежавшиеся сырцовые кирпичи развалившейся южной стены здания V в. до н. э.

Западная кладка № 167 сложена из нерегулярных камней конгломерата, мраморовидного известняка, красного песчаника, булыжников белого и зеленовато-белого цвета и известняка. Сохранились три ряда кладки № 167. Общая высота 0,50 м. Верхний и средний ряды повреждены, в нижнем ряду вместо камней вставлены два ряда сырцов (возможно, в связи с повреждением фундамента). Кладка № 167 в переплет связана с антом № 145. Как и кладка № 167, ант № 145 лежит на субструкции № 135.

О ремонте здания в IV в. до н. э. говорит черепяный настил № 133 внутри помещения — субструкция пола, которая была насыпана над субструкцией V в. до н. э., ее толщина 15—20 см.

Субструкция № 133 состояла из слоя битой керамики, в основном из крупных обломков черепицы (черепица крашеная, много каллиптеров) и амфор — гераклейских, «колпачковых», фасосских (среди них фрагмент ручки с изображением Геракла лучника) и архаических хиосских

[4] При расчистке ямы «Г» была обнаружена плохо сохранившаяся кладка, примыкающая впритык к фундаменту № 162 с востока. Для выяснения было необходимо раскрытие площади к востоку от № 162. По независящим от автора причинам эти раскопки не состоялись.

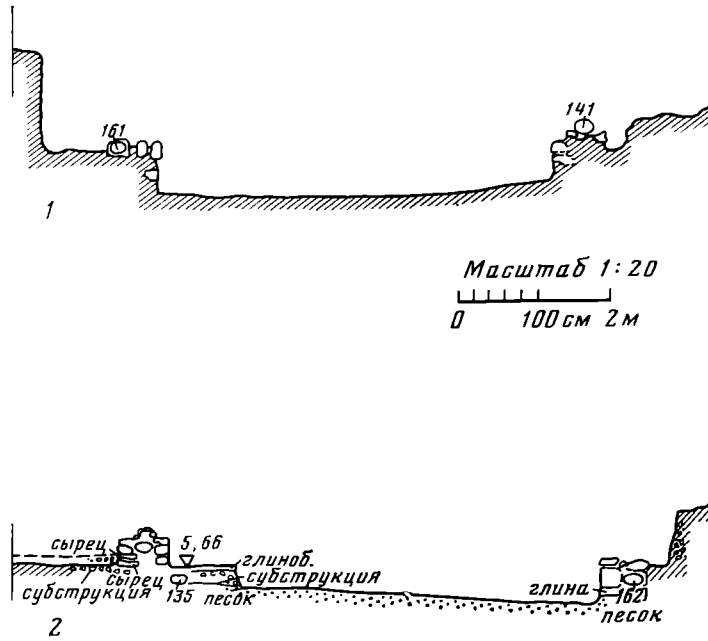


Рис. 4. Разрезы фундамента храма V—IV вв. до н. э. *1* — разрез по линии У — $У_1$; *2* — разрез по линии Ф — $Ф_1$

с полосами красной краски, мелких обломков аттических чернолаковых киликов, рыбных блюд и чаш V и IV вв. до н. э. и простых тонкостенных кастрюль и чашек.

Настил № 132 и фрагменты кладок IV в. до н. э., связанные с ремонтом здания, свидетельствуют о стремлении сохранить сооружение в том виде, как оно было построено в V в. до н. э. Очевидно, что здание имело какое-то особое значение. Следует отметить, что культурный слой IV в. до н. э. на этой территории был очень мощным (толщиной 0,60 м), богат фрагментами греческой чернолаковой и краснофигурной керамики (например, найден в обломках большой краснофигурный кратер IV в. до н. э. с вакхической сценой).

Сопоставление типа фанагорийского сооружения с небольшими храмами в Греции и Малой Азии определяет его как храм в антах. Такие маленькие дистили были сооружены в Аттике: старый храм Диониса Элевферия в Афинах, храм Немесиды в Рамнунте [11, с. 88, рис. 34].

Аналогии фанагорийскому храму находим также среди ионийских храмов конца VI и начала V в. до н. э. Они имели простой план, например храм в Таксиархи в Этолии состоял только из квадратной целлы и пронаоса, стены сооружены из нерегулярных камней [11, с. 88, 89].

Лучшей аналогией фанагорийскому храму является храм Афины на Калабек-Тепе в Милете (рис. 6), датирующийся второй половиной VI в. до н. э. [12, с. 86, рис. 26; 13, с. 241, рис. 14]. От этого храма сохранился фундамент из нерегулярных мраморных плит, уложенных в два панциря, пустоты между ними заполнены обломками известняка и землей. Фундамент сохранился не полностью, но восстановлен пронаос глубиной 1,95 м, определена ширина прохода пронаоса и место колонн портика. Целла храма почти квадратная (4,50×4,59 м).

Храм в Милете был сооружен на выровненной скале и ориентирован на юг с небольшим отклонением к востоку. Стены храма были сложены из ломаного камня. Храм был покрыт черепицей из красной милетской глины и, вероятно, имел терракотовый декор.

Ионийцы перенесли этот тип храма в Фанагорию (Dion. Peripl. 541—563). Фанагорийский храм — тоже тип храма в антах, по пропорциям он близок милетскому храму, его целла почти квадратна (4,80× ×5,70). Но он имеет свои местные особенности как в материалах, так и в конструкции фундамента: песчаный материк вызвал необходимость

мощных субструкций, кладки фундамента сложены из различных привозных камней и булыжников, стены были сырцовые. Западная часть фанагорийского храма, кроме антов, не восстанавливается, внутренние членения неизвестны.

Милетский храм Афины на Калабек-Тепе и фанагорийский храм сохраняют традицию древнейшего типа храма, восходящую к храму-мегарону; например, Деметры в Элевсине, Аполлона в Дреросе, Геры в Перахоре [14, 15, с. 49, рис. 10—13].

Какому божеству мог быть посвящен фанагорийский храм? Центральный раскоп, на котором открыт храм, находится у подошвы большого холма верхнего плато городища, близ ямы выборки камня, где в 1853 г. были открыты постаменты с посвятительными надписями[5] (рис. 1, 2). Надпись на одном из постаментов гласит: «Аполлодор, сын Фанагора посвятил Афродите Урании, Владычице Апатура, при Перисаде архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех маитов» [17, № 418; 18, с. 41, № 1; 19, № 971].

На другом постаменте надпись: «Кассалия, дочь Посия, посвятила Афродите Урании при Перисаде, Архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, маитов, фатеев, досхов» [20, № 347; 17, с. 290; 19, № 972, с. 552].

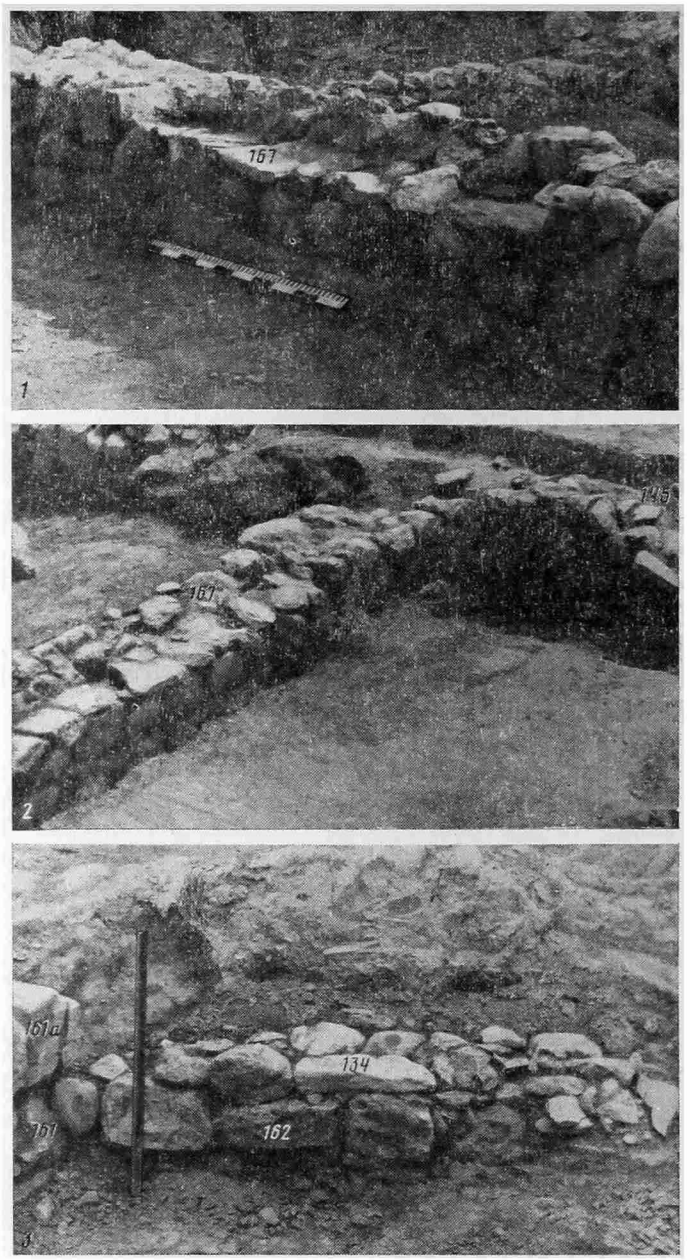
Обе надписи относятся ко времени правления Перисада I (349—310 гг. до н. э.). На обоих постаментах на верхней поверхности имеются углубления для статуи Афродиты.

О культе Афродиты на исследуемом участке Центрального раскопа свидетельствуют и две мраморные статуэтки III в. до н. э., открытые в 1974 г.: от одной из них сохранилась верхняя часть — обнаженный торс Афродиты до пояса; от другой, немного большего размера, нижняя часть фигуры в гиматии, спускающемся тяжелыми складками с ноги, поставленной на возвышение (сюжет, близкий большой мраморной статуэтке Афродиты из Кеп [21, с. 41—43; 22, с. 68—72; 23, с. 111]. Свидетельства о культе Афродиты на Азиатском Боспоре до нашей эры и позднее открыты Н. И. Сокольским в Кепах, небольшом городе, основанном Милетом недалеко от Фанагории [24, с. 88 сл.]. Он относит к концу IV—началу II в. до н. э. остатки сооружения в Кепах, в котором он предполагает святилище Афродиты [25, с. 101 сл., рис. 1].

К югу от городища Фанагории на грязевом вулкане (так называемой Майской горе) И. Д. Марченко раскопала часть фундамента из крупных кусков плотного песчаника, который она восстанавливает как святилище типа храма в антах IV—II вв. до н. э. и на основании терракот относит его к культу женского божества Деметры и Афродиты [26, с. 86—90; 27]. Общий характер находок вблизи большого холма верхнего плато (раскопки 1851—1859 гг.) и на Центральном раскопе 1959—1975 гг. позволяют предполагать здесь часть большой площади, где находились общественные сооружения, посвятительные плиты и статуи. К такому посвящению относится мраморная рельефная плита раннего V в. до н. э. с изображением фигуры в гиматии, возможно, какого-то заслуженного гражданина из первых переселенцев [28, с. 121 сл., рис. 1—4]. Этот памятник перенес длительное существование — рельеф был найден как строительный материал в средневековой кладке VI в. на Центральном раскопе в 1959 г. От плиты осталась только часть, но рельеф сохранился великолепно (как его стиль, так и особенности деталей, позволяющие определить сюжет изображения). Видимо, в данном месте находилась агора Фанагории и здесь был выстроен храм уже в V в. до н. э.

Обилие находок: фрагментов архитектурных деталей, эллинистических хорошо отесанных продолговатых квадров — заставляет предполагать, что в период эллинизма на месте маленького храма V—IV вв. до н. э. был построен храм более монументальный, с каменными стенами, с ионийскими колоннами (найден фрагмент ионийской капители и часть карниза с зубчиками и лесбийским киматием).

[5] Архив ИА. Дело 37/1953 г. Лист 2. Записка директора Керченского музея коллежского советника Люценко [16, с. 70].



Важным свидетельством является и фрагмент монументальной кладки № 125, сохранившийся в 2 м к западу от западной стены храма, параллельно последней; она состоит из продолговатых квадров известняка и примыкающих к ним мелких камней. Поверхность ее обнаружена на глубине 3,85 м. Кладка лежит на солидной субструкции из пяти пластов керамики (толщиной каждая 3—4 см) и тонких слоев глины и песка между ними. Аналогичные квадры найдены и в лежащих выше слоях. Эллинистическое здание, которое было сооружено над древнейшим храмом, разрушено полностью из-за выборки хорошего тесаного камня.

Кроме древнейшего храма на Центральном раскопе, открылась еще одна интересная деталь истории города. Как указывалось выше, храм был воздвигнут над архаическим пожарищем; скопления золы, угля, горелой глины, обломки закопченой керамики были использованы для прочности субструкции храма.

Территория к югу от храма и внутри его целлы была исследована до материка. Материк — влажный желтый песок с включениями железняка, его глубина от поверхности 6,50 м. На глубине 7 м обнаружен довольно обильный источник питьевой воды, вероятно, использовавшийся первыми переселенцами.

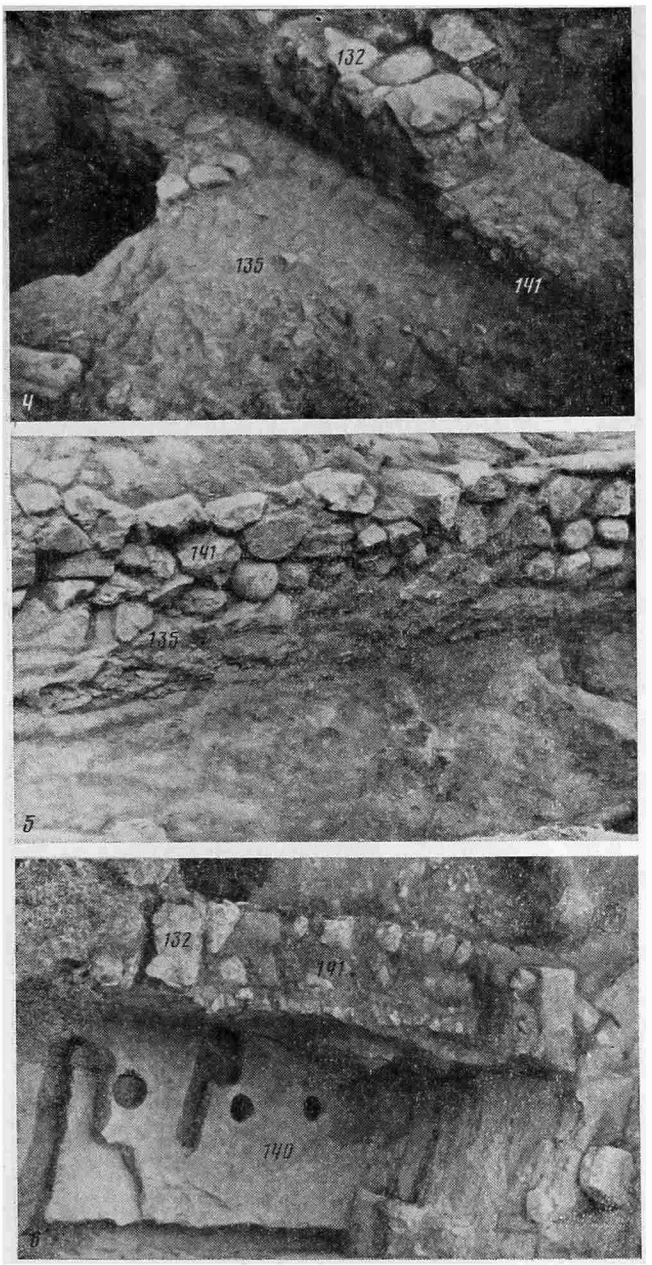


Рис. 5. Детали фундамента храма V и IV вв. до н. э.: *1* — кладка № 167 с юго-запада; *2* — кладка № 167 и ант № 145 с северо-запада; *3* — кладка № 161—161а и № 162—134 с юго-запада; *4* — кладка № 141—132; субструкция IV в. до н. э. № 135 с северо-запада; *5* — кладка № 141, субструкция V в. до н. э. № 135, архаический пол с юго-востока; *6* — кладка № 141—132, архаический пол со следами деревянной постройки (северо-запад)

На материке, под субструкцией, как раз внутри целлы храма V в. до н. э., был зачищен пол. Пол представлял собой плотный тонкий слой глины толщиной 3—4 см, зеленоватого цвета, местами почерневший, горелый (рис. 5, *6*).

В полу выявлены круглые углубления диаметром 0,20 м, глубиной 0,13—0,34 м, очевидно, оставшиеся от деревянных столбов, и канавки шириной 0,20, глубиной 0,26 м — от стенок (рис. 5, *6*); эти углубления были заполнены глиной с песком, мелкими камнями и галькой, в этом грунте найдены в небольшом количестве очень мелкие фрагменты ионийской архаической керамики (рис. 7): край тонкой полосатой чашечки, обломки хиосских архаических амфор, ручка хиосского кубка с белой обмазкой, обломок чернофигурного килика конца VI в. до н. э. с изображением мужской фигуры.

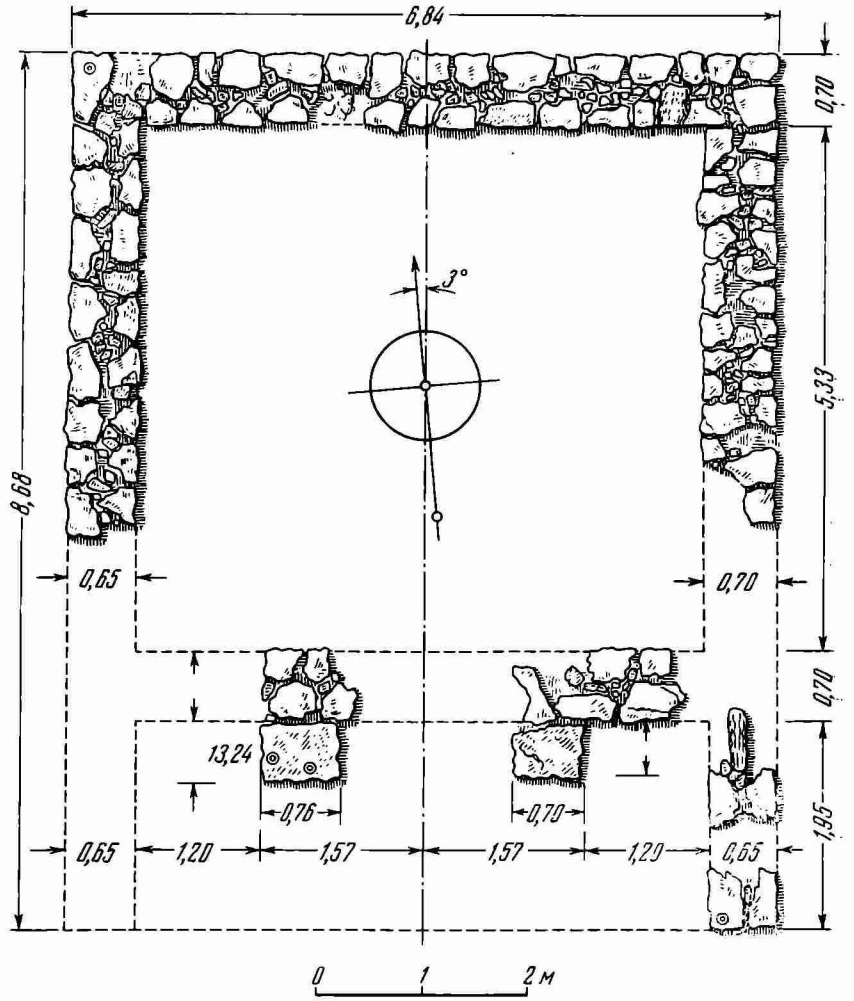


Рис. 6. Храм богини Афины в Милете на Калабек-Тепе VI в. до н. э.

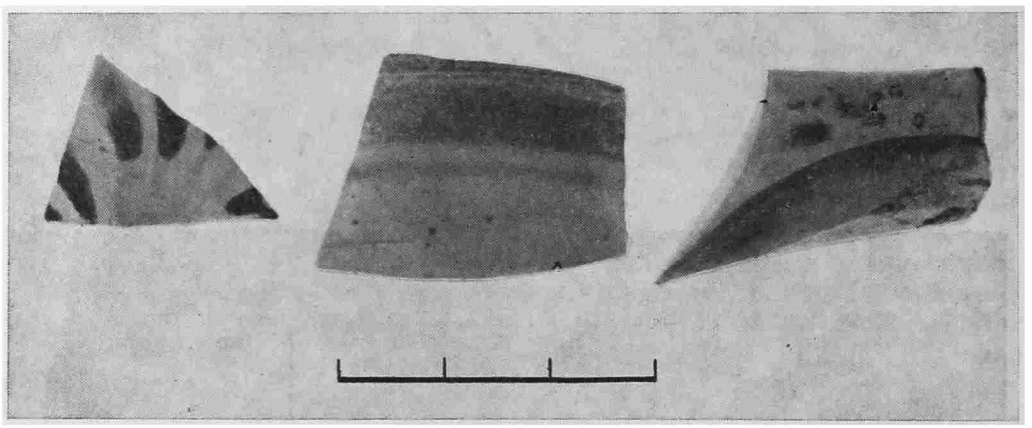


Рис. 7. Обломки ионийских и аттических чаш конца VI в. до н. э. из отверстий в архаическом полу

Круглые углубления обнаружены только близ южной кладки фундамента храма. Канавки сильно деформированы, они хорошо сохранились только в юго-западной части, но восстанавливаются по незначительным следам, продолжающим направление углублений на запад и на север. Так восстанавливается восточная стенка сооружения (длина 4 м) и две продольные стенки под прямым углом к ней (длина 4 м), между ними — довольно большое вытянутое пространство шириной 3 и длиной 4 м (рис. 2). С южной стороны фундамента V в. до н. э. сохранилась часть упавшей крыши, обуглившиеся деревянные жерди длиной 0,40; 0,50;

0,70 м, шириной 0,12 м каждая. Можно предположить небольшую постройку, может быть, древнейшее святилище, предшествующее храму V в. до н. э.

Как известно, древнейшие переселенцы были небогатыми [29, с. 28]. К югу от храма на материке обнаружены следы сгоревших деревянных жилищ, скопления золы и горелой глины и беспорядочно лежащие отдельные крупные обломки стенок ионийских амфор.

Параллельное расположение стен и одинаковая ориентация свидетельствуют о связи между этими двумя постройками VI и V вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блаватский В. Д., Кузищин В. И.* Подводные разведки древней Фанагории в 1958 г.— Вестн. АН СССР, 1959, № 1.
2. *Блаватский В. Д.* Подводные раскопки Фанагории в 1959 г.— СА, 1961, № 1.
3. *Кобылина М. М.* Раскопки Фанагории.— КСИА, 1951, вып. XXXVII.
4. *Кобылина М. М.* Исследование Фанагории в 1959—1960 гг. и в 1962.— СА, 1963, № 4.
5. *Блаватский В. Д.* Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг.— Тр. ГИМ, 1941, вып. XVI.
6. *Кобылина М. М.* Раскопки Фанагории. Фанагория.— МИА, 1956, № 57.
7. *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи.— МИА, 1954, № 33.
8. *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
9. *Блаватский В. Д.* Архаический Боспор.— МИА, 1954, № 33.
10. *Кобылина М. М.* Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагории.— КСИА, 1969, вып. 116.
11. *Dinsmoor W. B.* The Architecture of ancient greece. London — New York — Toronto — Sydney, 1950.
12. *Кобылина М. М.* Милет. М.: Наука, 1965.
13. *Gerkan A.* Kalabek-Tepe. Athenia und Umgebung, in Wiegand Th. Milet. B. 1, H. 8. Berlin, 1925.
14. Всемирная история архитектуры. М., 1949, т. II, кн. 1.
15. *Hampe R., Simon E.* Un Millenaire d'art grec 1600—600. Triburg (Suisse), 1980.
16. *Герц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.
17. IPE, v. IV.
18. МАР, 1901, № 23.
19. КБН.
20. IPE, v. II.
21. *Сокольский Н. И.* Раскопки на Таманском полуострове.— Художник, 1964, № 8.
22. *Сокольский Н. И.* Афродита Таманская.— Искусство, 1964, № 7.
23. *Кобылина М. М.* Раскопки центральной части Фанагории.— АО — 1974. М., 1975.
24. *Сокольский Н. И.* Культ Афродиты в Кепах конца VI в. до н. э.— ВДИ, 1973, № 4.
25. *Сокольский Н. И.* Святилище Афродиты в Кепах.— СА, 1964, № 4.
26. *Марченко И. Д.* Некоторые итоги раскопок на Майской горе.— КСИА, 1963, вып. 95.
27. *Марченко И. Д.* Новые данные об античном святилище близ Фанагории.— Сб. 50 лет ГМИИ. М., 1962.
28. *Кобылина М. М.* Древняя стела из Фанагории.— Сб. МГУ в честь 60-летия А. В. Арциховского. М., 1962.
29. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964.

M. M. Kobylina

PAGES FROM THE EARLY HISTORY OF PHANAGORIA

Summary

The diggings of the Phanagoria expedition on the territory of what is supposed to be an agora, in the centre of the city, in 1959-1972 revealed a well-preserved complex — a convincing evidence of the early Phanagorian history. At a depth of 6.5 metres, on the continent, archaeologists found burnt wooden constructions of the first Greek settlers, fragments of Ionic and Attic vessels of the second half of the 6th century B.C., fragments of iron swords and daggers, some of which can be combined to form a Meotic sword. Evidently, the local population was not friendly towards the settlers. The 5th century B.C. saw the construction, on this place of a small temple with adobe walls resembling Ionic and Attic temples in antis from which the foundation of imported hard stone, relating to two construction periods of the 5th and 4th centuries B.C., was preserved. The temple is supposed to be dedicated to Aphrodita, Urania Apatura, widely popular in Phanagoria. Inside the masonry one may distinguish traces of an archaic wooden construction — the clay floor with pole pits and wall ditches. They are, most probably, related to the ancient temple built at the end of the 6th century by Greek settlers.

МАКАРОВА Т. И., ПЛЕТНЕВА С. А.

ПОЯС ЗНАТНОГО ВОИНА ИЗ САРКЕЛА

В 1949 г. в культурном слое Саркела был найден богатый клад. Первое издание его было осуществлено М. И. Артамоновым. Сделано это было в обобщающей статье о Саркеле — Белой Веже, начинающей серию томов, посвященных работам первой большой новостроечной экспедиции — Волго-Донской. Кладу отведено в этой статье всего полстраницы [1, с. 54; рис. 34*а*, *б*; 35]. Поскольку в нем было обнаружено девять целых и целый «комок», по выражению М. И. Артамонова, рубленых серебряных дирхемов, он привлек внимание нумизматов. Определения монет сделаны А. А. Быковым, который не опубликовал результатов своих исследований, предоставив начальнику экспедиции только даты самой ранней и самой поздней монет: 907 и 954 гг. Упоминают об этом кладе В. Л. Янин, ошибочно, считающий, правда, что монеты были пришиты к кожаному поясу [2, с. 105, сноска 1], и В. В. Кропоткин в небольшой статье о распространении куфических монет в Восточной Европе [3, с. 84, № 75]. Научная ценность вещей, зарытых в кладе вместе с дирхемами, представляется настолько значительной, что заставляет нас вернуться к этому замечательному комплексу.

Согласно сохранившейся дневниковой записи от 30 сентября 1949 г.[1], клад обнаружили в западном углу крепости (кв. $И_5$— $К_6$) на глубине 1,75 м от пикета $И_6$, что в пересчете на глубины от отнивелированной в древности поверхности подошвы крепостной стены означает +0,64 м[2] (рис. 1).

Первоначально вещи клада были помещены в большой толстостенный кухонный горшок, лепной, подправленный на кругу. Горшок был наполнен просом, среди которого и были запрятаны драгоценности. М. И. Артамонов справедливо указывает на то, что горшок с кладом побывал в пожаре, поскольку просо обуглилось и на некоторых предметах хорошо видны следы огня. Горшок был разбит: от него до нас дошло только дно с обожженным просом. Вещи из горшка высыпались, а значит, нет оснований быть уверенным в том, что состав клада был таким, каким он был найден, согласно данным дневника, «среди плотного мусорного слоя». Однако следует отметить, что дошедшие до нас вещи сохранились прекрасно: поясные бляхи оказались связанными между собой обугленными, но нераспавшимися, туго свернутыми кожаными ремнями. Монеты позволяют определить время зарытия клада — это середина X в. М. И. Артамонов связывает его со взятием Саркела в 965 г. князем Святославом Игоревичем [1, с. 55; 3, с. 428]. Помимо монет, клад состоял из богатого серебряного с позолотой и чернью поясного набора, набора с круглыми бронзовыми с позолотой бляхами, мониста из сердоликовых бус, перемежающихся с дирхемами, крупной пронизки-«пружинки». Наибольшую ценность представляет первый, серебряный поясной набор. В него входят 13 продольных продолговатых бляшек-личин, 21 поперечная бляшка, три такие же, но с прямоугольными отверстиями, пять мелких бляшек трилистников, небольшие бляшки с круглыми отверстиями, два наконечника, одна трубочка-обойма и одна пряжка.

---

[1] Дневник А. С. Бобровой, тетрадь 3, с. 44.

[2] Пересчет на глубины от подошвы стены был произведен в 1951 г., когда открыли максимально большую площадь отпечатков кирпичей на глиняной материковой подошве и установили, что уровень ее всюду одинаков.

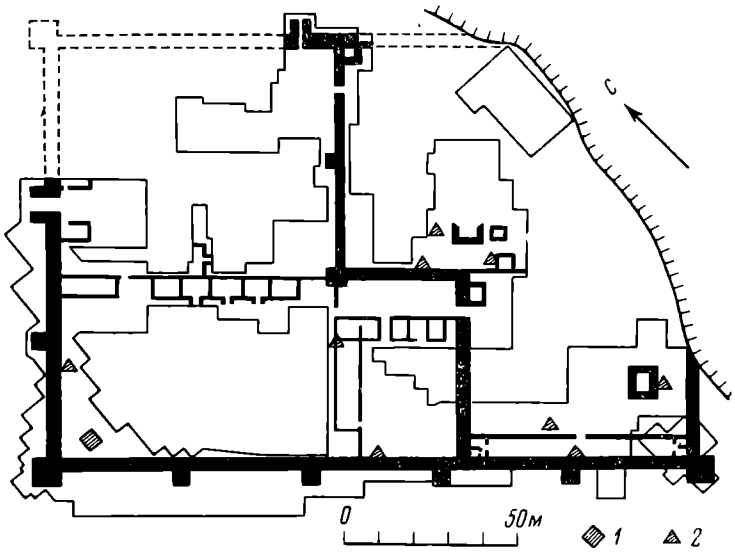


Рис. 1. Схематический план Саркела с указанием мест находки клада с поясом и находок стилистически близких бляшек. Условные обозначения: *1* — находка клада, *2* — находки бляшек

Бляшки, входящие в этот набор, можно по форме и орнаментации разделить на пять типов. Бляшки первого типа — «продольные личины» — довольно тонкие (1 мм), но литые из серебра, с дополнительно проработанной резцом поверхностью, двумя штифтиками с оборотной стороны для прикрепления к поясу (рис. 2, *2*). У некоторых пробиты дырочки, которые служили также для креплений. «Личина» очень выразительна: вздернутые углом сросшиеся брови, как бы переходящие в острые ушки, опускающийся от угла нос, пышные усы и острый подбородок (или бородка?). Глаза и щеки круглые, выпуклые. Бордюр бляшки узкий сверху (отсутствует только на ушках) и с краев и довольно широкий на подбородке. Бляха, как и все известные в салтовских древностях бляхи-личины, «двузначна»: перевернутая вверх бородкой и вниз ушками, она представляет собой пышно разросшееся древо жизни: борода — верхний лист или плод этого древа, усы — боковые листья, нос — ствол, брови и уши — корни, от которых вверх с обеих сторон ствола отходят четырехлепестковые побеги. Бордюр здесь играет более выразительную роль: сверху он опушает плод, а у корней представляет землю, сквозь которую прорезается продолжение ствола — небольшая выпуклость. Поверхность бляхи вызолочена и на все выпуклые места наведена чернь, подчеркивающая выразительность рисунка: на концах ушек, вдоль носа (ствола), на усах, на бородке (сердцевине плода), на каждом из листиков боковых побегов (т. е. на глазах и щеках личины).

Бляшки второго типа — «поперечные личины» — сделаны той же техникой (рис. 2, *3*). Поскольку бляшки поперечные, то личина на них широкая, как бы сплющенная: брови не вздернуты, нос очень короткий, усы короткие и опущены резко вниз концами, подбородок маленький, чуть выдается из усиков. В то же время глаза огромные, занимающие почти все лицо. Соответственно изменены и пропорции рисунка древа. Верхний плод небольшой, листья охватывают его (плод недозрел), ствол короткий, а его боковые ответвления очень большие. Земли под ним больше, и выпуклость центрального корешка очень заметна. Очень крупны боковые побеги — их листья так же велики, как листья центрального ствола. Причем здесь изображен не четырехлистник, а трилистник на небольшом стволике (в бляшках первого типа этот стволик превращен в четвертый нижний лист равной с остальными величины). Все бляшки этого типа также покрыты позолотой, а на выпуклых местах в специально процарапанных углублениях — чернью.

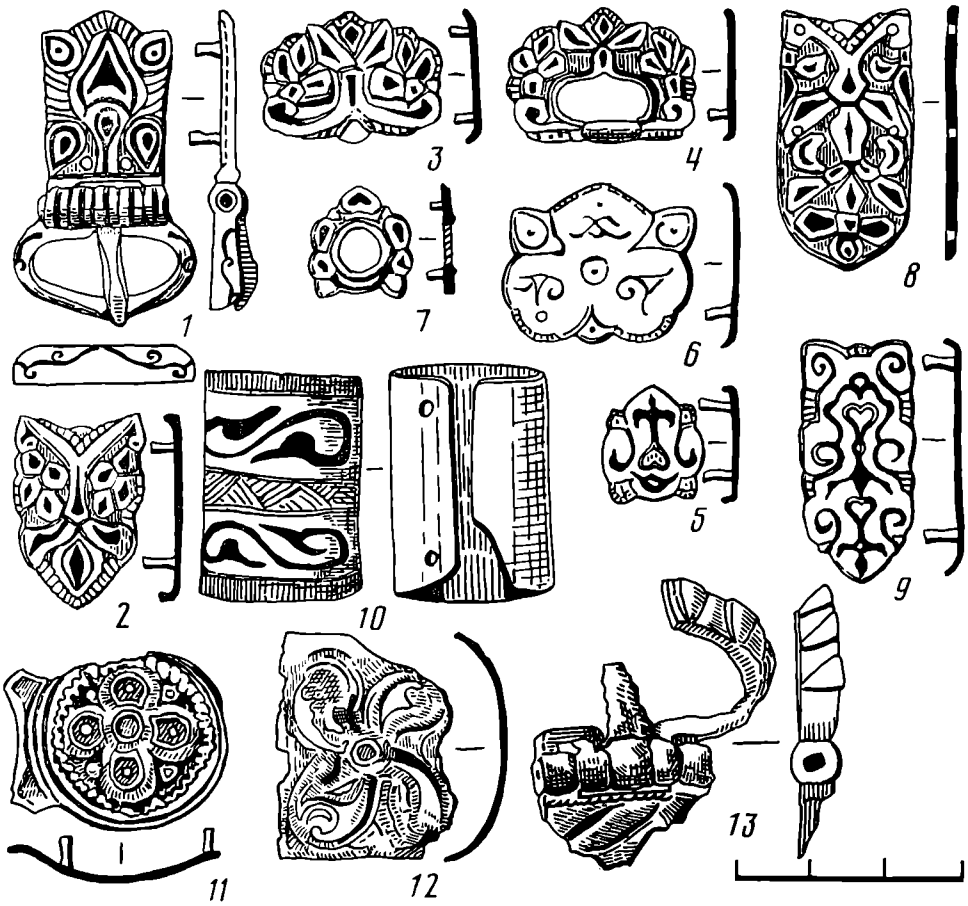


Рис. 2. Типы пряжек, бляшек и наконечников двух поясных наборов клада

Третий тип бляшек — поперечные с отверстием (рис. 2. *4*). Мотив их рисунка тот же, что и у двух первых типов. Однако если на бляшках первого типа преобладала антропоморфность, несмотря на выразительность и красоту растительного мотива, а в бляшках второго типа явно более выразителен растительный мотив (личина с трудом в нем просматривается), то в бляшках третьего типа личина только угадывается, а преобладающим несомненно является растительный узор: древо жизни с побегами. Верхний плод и боковые листья почти не изменили очертаний, но ствол дерева как бы раздвинут (разорван) продолговатым отверстием. Он огибает отверстие с обеих сторон и переходит в боковые завитки, из которых, как на бляшках второго типа, отходят маленькие стволики, разветвляющиеся в широколистные трилистники. Низ сердцевидного отверсия — узкая неорнаментированная полоска, свидетельствующая о том, что сквозь отверстие продевался ремешок и эта полоска была им закрыта. Бляшки с отверстием, как и предыдущие два типа, обрамлены рифленым бордюром. Поверхность у них позолочена и все выпуклые места подчеркнуты «мазками» черни, нанесенной в неглубокие, прорезанные резцом выемки.

Четвертый тип бляшек следует именовать трилистниками, хотя в общих очертаниях бляшек сквозит абрис головы зверя кошачьей породы, с небольшими ушками (рис. 2, *5*). Центральный лист трилистника широкий со слегка заостренным верхом, боковые листья — просто круглые завитки, поднимающиеся вверх. Бляшки имеют, кроме того, четыре симметрично расположенных полукруглых маленьких выступа, края которых покрыты тончайшим рифлением, что позволяет нам связывать эти очень резко отличающиеся на первый взгляд от первых трех типов бляшки с тем же комплексом находок. На центральный лист трилистника нанесен

чернью схематический рисунок древа: верхний «плод», боковые листики, тонкий ствол и основание древа в виде сердцевидной фигуры. Под ней процарапана еще одна овальная фигура с отростками (семя?). Центральный лист трилистника отделен от боковых изящными завитками, напоминающими лебединые головки. Эти завитки, плод и ствол дерева наполнены чернью. Остальная поверхность бляшек позолочена. Сами бляшки очень тонкие, создается впечатление, что они штампованные. На обратной стороне — два довольно массивных шпенька для закрепления на ремне. Несомненно к этому виду поясных блях относится единственная в кладе, явно не связанная ни с одним из наборов большая серебряная, штампованная на тонкой пластине бляшка в форме схематизированной пальметты, составленной из трех «сердечек» и двух зерновидных фигур (рис. 2, *6*). По периметру бляха сверху и снизу обведена узким рифленым бордюром. На плоскостях пальметты помещены врезанные точки, кружок и завитки растительного орнамента, по стилю аналогичные завиткам на бляшках четвертого типа. Близки они и общими очертаниями, хотя большая бляха более растянута вширь. Бляха эта, несмотря на изолированность ее от основных наборов, представляет интерес еще и потому, что позволит нам связать клад с некоторыми находками из культурного слоя городища.

В пятом типе бляшек — с круглым отверстием, как и в четвертом, преобладает растительный мотив, хотя общий абрис их также напоминает голову зверя с круглыми ушками и острым подбородком (рис. 2, *7*). Верхний «плод» или лист имеет сердцевидную форму, по бокам круглого отверстия, как и на бляшках третьего типа, как бы «раздвигающего» ствол, помещены продолговатые листья, отходящие от изогнутых «корней». Поверхность верхнего листа украшена повторяющей контур листа сердцевидной фигурой, на боковых листьях — также повторяющие их очертания черневые «мазки». Бляшки позолочены, чернь нанесена в прорезанные лоточки. Бляшки тонкие, штампованные, к ремню прикреплялись двумя массивными штифтиками.

Все пять типов бляшек связаны между собой не только общностью «двузначного» сюжета, но и общими изобразительными приемами и общей технологией, хотя очевидно, что орнамент двух последних типов бляшек значительно более растительный, чем у бляшек первого и второго типов. В этом отношении третий тип бляшек является «промежуточным» — орнаментация его полностью растительная, но стиль изображения древа с побегами в виде широко раскинутых крупных листьев абсолютно идентичен первым типам бляшек.

В этом же стиле выполнен и один из двух наконечников пояса (рис. 2, *8*). В верхней его половине отчетливо выявляется **«личина» со** вздернутыми сросшимися бровями, коротким широким носом, треугольными глазами, висячими усами и острой бородкой. Под нею помещен запутанный и слабо связанный с основным сюжетом растительный узор из крупных листьев, кончающийся четырехлистной розеткой. Сверху над бровями наконечник венчается полоской рифленого бордюра с полукруглым выступом в образованном бордюром углу. Наконечник на поясе висел именно так, как рассмотрели его мы,— вниз цветком, вверх личиной. Характерно, что растительный узор, если перевернуть наконечник вниз личиной, неорганичен, беспорядочен. Наконечник литой (толщина его 1 мм), был, очевидно, пришит к ремню, поскольку на нем пробито семь небольших круглых отверсий. Поверхность наконечника позолочена, все выпуклые части рисунка покрыты мазками черни, нанесенной, как и на бляшках, в процарапанных углублениях.

Второй наконечник сделан в стиле бляшек четвертого типа (рис. 2, *9*). В его очертаниях угадываются семь слившихся сердцевидных фигур (в бляшках — три). Между ними, подчеркивая это членение, пропущен характерный для всего комплекса рифленый узкий бордюр. Черненый силуэт древа с сердцевидным основанием (зерном?) на наконечнике повторен дважды (один над другим), а сегментовидная фигурка под древом имеет длинные отростки, сливающиеся с парой боковых завитков.

Всего таких завитков на бляшках одна пара, а на наконечнике шесть — по три с каждой стороны. Наконечник позолочен, все узоры на нем сделаны чернью. Как и бляшки четвертого типа, он изготовлен из значительно более тонкого листа серебра (штампован). На ремне он был закреплен двумя шпеньками. Таким образом, представляется очевидным, что этот наконечник и пять бляшек четвертого типа являются хотя и близкими ко всем остальным бляхам пояса, но все же не едиными с ними. Это как бы своеобразный вариант поясного набора, стилистически сходный, но самостоятельный.

Стилистическое единство основного состава пояса особенно ярко выступает и подчеркивается орнаментом на щитке пряжки (рис. 2, *1*). Пряжка относится к отделу треугольнорамчатых с пятиугольным щитком [5, с. 37]. Она литая, соединена со щитком шарниром. Щиток массивный, прикреплен к ремню тремя шпеньками. Поверхность щитка позолочена, как и сама пряжка. На ней от середины в стороны отходят тонкие изящные завитки, выгравированные и покрытые чернью. На щитке изображено древо жизни с толстым стволом и большим удлиненным плодом (сердечком). На четырех углах щитка, симметрично располагаясь вокруг древа, помещены зерновидные фигурки-побеги. Над плодом и по обеим его сторонам расположен довольно широкий рифленый бордюр, окантовывающий плод.

Пряжка, украшенная растительным геометризованным лаконичным узором, сделана с большой тщательностью. Несмотря на отсутствие в рисунке пышных листьев, отходящих от ствола, сам ствол и плод над ним стилистически близок древу, изображенному на бляшках первого типа. Кроме того, рифленый бордюр и черневая окантовка, подчеркивающая все выпуклые детали рисунка, связывают пряжку с бляшками первого — третьего и пятого типов и первым наконечником.

Последним предметом, несомненно входившим в этот поясной набор, является небольшая уплощенная трубочка, вернее, обоймочка из серебряного позолоченного листа (рис. 2, *10*). Орнамент на ней нанесен на лицевой стороне, загнутые края не орнаментированы, на одном из них два круглых отверстия для скрепления с ремнем. Орнамент зональный: по краям мелкорифленый бордюр, на середине длины такая же мелкая насечка — своеобразная имитация плетенки. В обеих зонах между этими полосами размещен изящный S-видный зигзаг — изогнутая веточка древа. Рисунок слегка углублен, и затем углубление заполнено чернью. Позолота сохранилась только на рифленых поясках. Материал, из которого изготовлена трубочка, технологические приемы сближают ее с остальными вещами пояса, хотя стилистически орнаментация вполне самобытна.

Второй пояс отличается от первого значительно меньшим количеством блях, их качеством (материалом) и ювелирными приемами, которые применялись при изготовлении его блях. Он состоит из семи бронзовых круглых бляшек, прямоугольной накладки и обломка пряжки (рис. 2, *11—13*).

Круглые бляшки литые, крупные, выпуклые, с выступом, имеющим вогнутую грань, окружность которой равна окружности бляхи. Поверхность блях была позолочена, с обратной стороны они вогнутые, на плоском выступе и на противоположном от него крае имеют три массивных шпенька для прикрепления к ремню. Орнамент на бляшках очень простой: по краю идет двойной ряд ложной зерни, а на выпуклой и центральной части размещен четырехлистный «цветок» из пяти кружков. «Цветок» инкрустирован бронзовой расплющенной проволочкой более светлого, «золотистого» цвета. Лепестки его украшены выложенной из такой же проволоки круглой точкой в центре, центральный кружок гладкий. Между лепестками помещены полушария ложной зерни, связывающие центральный орнамент с ложнозерненым бордюром.

Прямоугольная массивная бляха также слегка выгнута, орнамент на ней сделан инкрустацией, однако он более сложен, чем на круглых бляхах: от центрального кружочка отходят четыре широких завитка, оканчивающиеся кружочками. В целом рисунок представляет собой свастическую фигуру. Сама бляха и орнамент на ней сохранились плохо, прово-

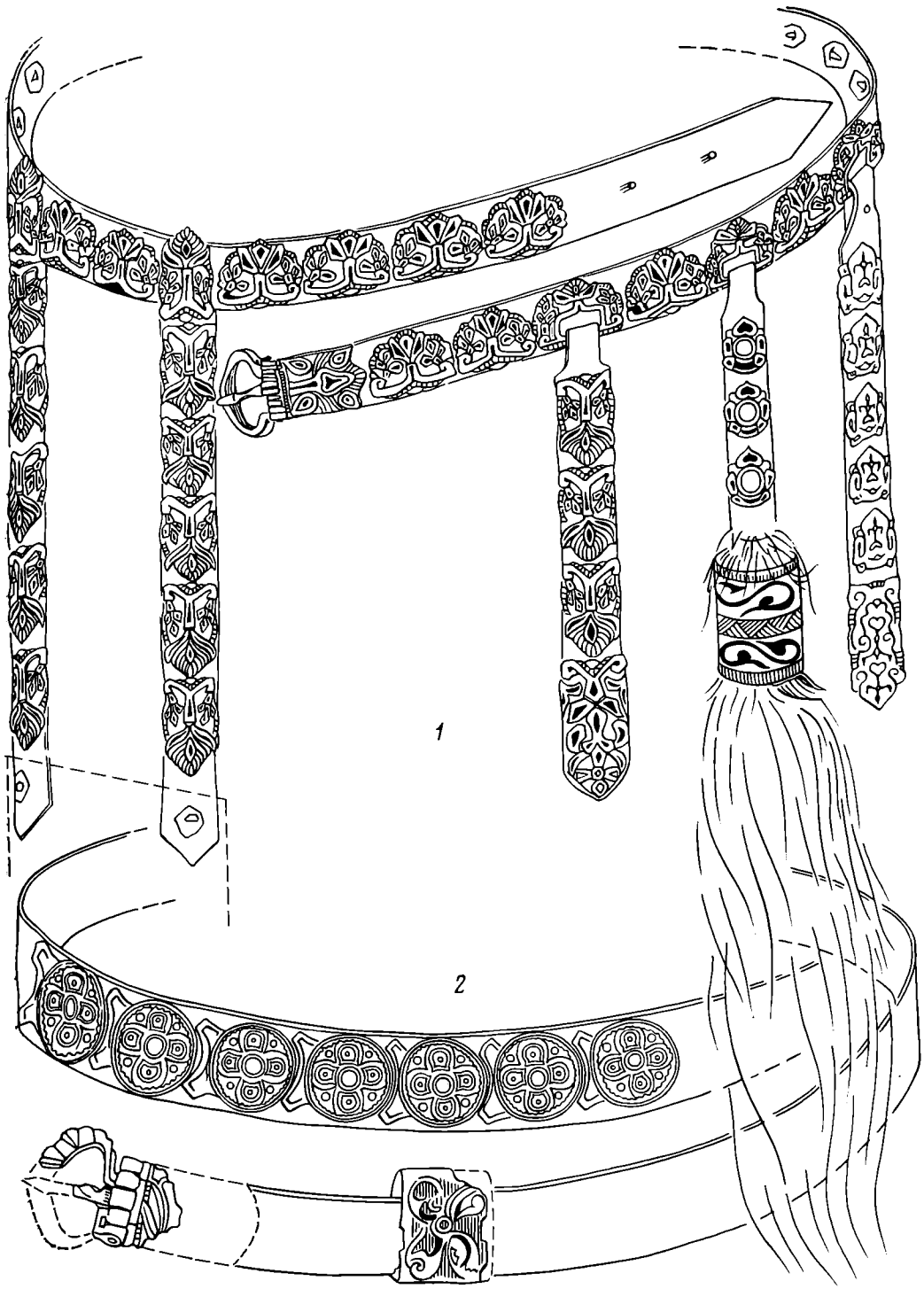


Рис. 3. Реконструкция двух поясов из клада: *1* — парадный пояс с серебряными бляшками; *2* — повседневный пояс с медными бляшками

лочки инкрустации местами обвалились, и восстановить полностью изгибы пышных лепестков-лучей не представляется возможным.

Сохранившаяся часть крупной литой бронзовой пряжки позволяет отнести ее к отделу овальнорамчатых [5, с. 18]. Со щитком она соединена шарниром — единственной полностью сохранившейся частью пряжки. Язычок у пряжки железный, щиток нес на себе какой-то геральдический рисунок.

Итак, мы рассмотрели оба поясных набора. Попробуем теперь реконструировать их, используя известные реконструкции аварского пояса, сделанные Д. Ласло, и прориси пянджикентских росписей, изображающих опоясанных воинов [6, с. 163, 223; 7, рис. 50, 51, 55, 57].

В настоящее время можно считать вполне доказанным, что пояс являлся знаком воинского-рыцарского достоинства. Чем больше было бляшек на поясе, тем знатнее и славнее был носивший его воин. Д. Ласло доказал, что не только количество, но и форма блях имели значение при определении ранга воина [6, с. 158, 181]. Так, особенно большую роль играли наконечники поясов, наличие или отсутствие их на поясе. На материалах одного из аланских салтовских могильников (Дмитриевского) нам удалось проследить иерархический характер накладных украшений пояса [8, с. 164]. В юности воина просто опоясывали ремнем с пряжкой, снабженной геральдическим щитком. По-видимому, после участия в походе или сражении такому воину разрешалось прикрепить к поясу наконечник. Затем уже по мере возмужания воина и продвижения его по иерархической военной лестнице количество бляшек и наконечников все более увеличивалось. Все сказанное свидетельствует о том, что серебряный саркельский пояс принадлежал очень богатому и очень знатному рыцарю.

При классификации бляшек серебряного набора стало ясно, что он состоит из трех стилистических (возможно, и хронологических) групп (рис. 3, *1*). К первой относятся бляшки четвертого типа и наконечник второго типа, составляющие, как говорилось, единую стилистическую группу (рис. 2, *5*, *9*). Представляется весьма вероятным, что это был первый поясной набор молодого воина, состоявший всего из пяти бляшек, наконечника и пряжки, которая в данном наборе не сохранилась. Следует помнить, что пряжка — самая утилитарная часть пояса, поэтому она быстрее изнашивалась и ее чаще меняли. Тот факт, что эти бляшки самые ранние, подтверждается как будто их большей, сравнительно с остальными деталями пояса, стертостью.

Вторая группа — основной набор пояса — состоит из пряжки, 13 продольных «личин», 21 поперечной, трех поперечных блях с отверстиями для продевания ремешков и наконечника (рис. 2, *1—4*, *8*). Поскольку до нас дошли только обрывки ремней, на которых держались бляшки, мы располагаем их на поясе, руководствуясь не фактическими данными, а аналогиями и некоторыми логическими соображениями. Естественно, что роскошно украшенная пряжка находилась в центре пояса. Поперечные пряжки покрывали сплошь всю поверхность пояса, не превышавшего шириной 2 см. Располагались они на поясе, по нашему мнению, вверх плодом, т. е. основную роль в них играл растительный узор. Это и понятно — сплющенная личина значительно менее выразительна, чем широко раскинутые листья древа жизни. Наоборот, на продольных бляхах «личина» (человеческая или львиная) выявляется очень четко, хотя рисунок древа тоже очень четок и оригинален. Представляется очевидным, что продольные бляхи находились на продольных (вертикальных), отходящих от пояса ремешках. Иначе их рисунок (и личина, и древо) просто потеряли бы смысл. Мы считаем возможным, что 10 этих блях были прикреплены на двух вертикальных ремешках справа от пряжки. При этом бляшки, входившие в ряд с поперечными, были повернуты, как и последние, плодом вверх, т. е. в них основную роль играл растительный мотив, а остальные четыре бляшки, расположенные ниже, были повернуты к зрителю «личинками». На этих двух ремешках, вероятно, была прикреплена небольшая сумочка типа капторги. Поскольку сам пояс носил скорее символический, чем практический, характер, то и сумочка эта была, видимо, хранилищем разных амулетов и других предметов культа, необходимых знатному воину потому, что он обязан был участвовать в исполнении различных ритуальных действ. Еще три продольные личины украшали ремешок, на котором висел наконечник данной группы набора. Думается, что этот вертикальный ремешок был прикреплен не рядом с сумочкой, а слева от пряжки. Предлагаемую реконструкцию подтверждает и тот факт, что в пояс входило три поперечных бляшки с овальным отверстием. Именно от таких бляшек и отходят вниз, судя по аналогиям, ремешки с наконечниками. От одной из них опускался ремешок с тремя продольными личинами и наконечником второй (основной) группы пояса;

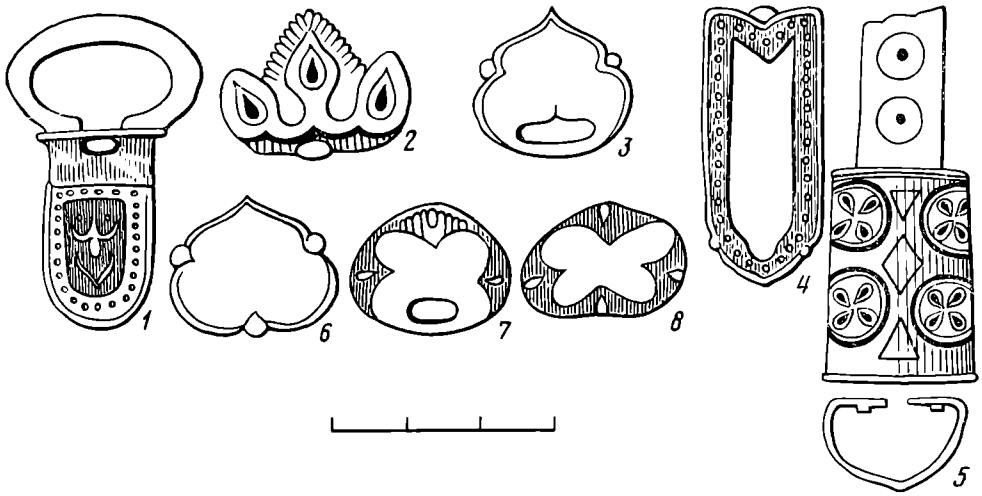


Рис. 4. Поясной набор из Дардонского погребения

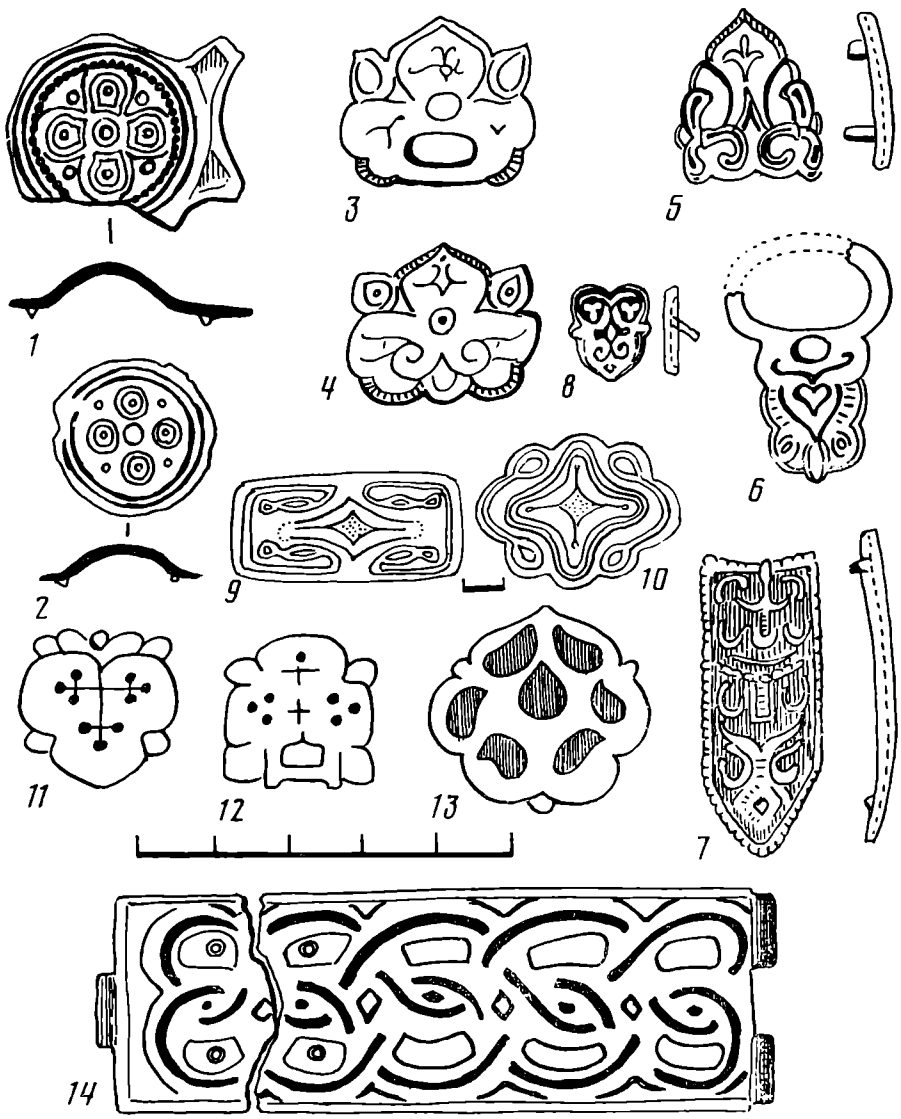


Рис. 5. Детали поясов, обнаруженные в культурном слое Саркела (*1—8*), бляшки из Табаевки (*9*, *10*), из Венгрии (*11—13*), обруч из Саркела (*14*)

от другой — ремешок с ранним наконечником и бляшками: первый воинский набор был сохранен на рыцарском поясе в виде почетной подвески. От третьей бляшки отходил еще один ремешок, оканчивающийся серебряной обоймочкой (трубочкой). Основанием для такой реконструкции является находка подобной трубочки-обоймы в одном из разрушенных, случайно дошедших до нас аланских комплексов Дардонского могильника на Северном Кавказе (рис. 4, *5*). Трубочка полая, тоже свернута из листка (бронзового и посеребренного) и украшена орнаментом из четырех кружков с четырехлистниками внутри, нанесенным на поверхность чернью. Шпеньками и заклепками трубочка прикреплена к узкому (1 см) ремешку, украшенному бронзовыми гладкими круглыми мелкими бляшками. Очевидно, так же была прикреплена и трубочка на саркельском поясе. Ремешок, на котором она висела, был украшен тремя небольшими бляшками с круглым отверстием (рис. 3, *1*). Мы уже говорили, что орнамент на этих бляшках является примитивным (упрощенным) вариантом орнамента больших бляшек с отверстием. Бляшки сделаны грубее, завитков и листьев на них меньше, создается впечатление, что они являются позднейшим подражанием большим роскошным бляшкам основного состава. Это наблюдение, а также полное несоответствие рисунка обоймочки и даже техники нанесения бордюра на ней позволяют предполагать, что сделаны они были неодновременно и скорее всего позднее основного набора. Мы считаем, что их можно отнести к третьей группе изделий, т. е. к третьему стилистическому пласту пояса. Серебряная тонкая трубочка охватывала, видимо, какой-то мягкий и легкий предмет. Вполне возможно, что это был волчий или лисий хвост (как на бунчуках), являвшийся знаком высокого ранга воина, полученного им уже в зрелом возрасте. То обстоятельство, что такие обоймочки не встречаются в погребениях рядовых, хотя и имеющих пояс воинов, говорит не просто о высоком, но и о исключительном ранге имеющего право носить ее воина.

Второй поясной набор состоял из небольшого количества круглых блях (рис. 3, *2*). Можно предположить, что эти бляхи украшали один из сбруйных ремней. Судя по находкам сбруйных наборов и по изображениям оседланных лошадей, именно круглые бляхи были наиболее частым сбруйным украшением. Однако круглые бляхи без геральдического узора нередко прикреплялись и ко второму — повседневному поясу воина. Тот факт, что в кладе найдены обломки второй очень массивной пряжки, позволяет считать бляхи остатками второго пояса. Второй пояс был, в отличие от воинского, повседневным, практически необходимым поясом. Он был широким, не менее 3 см, поскольку на нем висели все предметы, которыми пользовался воин в жизни, в походе, в бою: ножи, кресало, колчан и лук, сабля, кинжал и пр. Украшался такой пояс много скромнее — только спереди. Бляхи саркельского пояса благодаря выступам с полукруглой вогнутостью, в которую вписывалась окружность следующей бляхи, покрывали пояс спереди как бы единой бронзовой пластинкой. Прямоугольная пластинка служила, возможно, обкладкой «бегунка», в который вставлялся конец пояса. Пряжка застегивалась сбоку, так, чтобы все семь блях находились на самой видной и незанятой поперечными ремнями части пояса. Интересно, что и этот вполне утилитарный пояс нес, видимо, какую-то дополнительную символическую нагрузку оберега: форма блях и орнамент на них связываются с солнечной символикой, количество их — семь — тоже вряд ли случайно.

Нет никаких сомнений в том, что бляшки поясных наборов, оказавшихся в саркельском кладе, сделаны разными мастерами: они различны по стилю и технологии. Не вызывает сомнения тот факт, что мастера работали именно в Саркеле. Об этом говорят находки в культурном слое города. Остановимся на них подробнее.

Круглая бляха, идентичная круглым бляхам повседневного набора, найдена поблизости от клада, у северо-западной стены (рис. 5, *1*). Вторая была найдена в центре городища, у стены кирпичной постройки. Она представляет собой упрощенный вариант круглых блях пояса: орнамент на ней выполнен не инкрустацией, а повторен в литье, по окружности

нет ложной зерни, а поверхность лишена позолоты (рис. 5, *2*). Стратиграфически глубина, на которой обнаружена бляха (+0,7 м), близка глубине залегания клада, т. е. она потеряна примерно в то время, когда был зарыт клад. Эта находка очень важна; она говорит о налаженном изотовлении стилистически одинаковых, но не равноценных изделий, что является всегда убедительным свидетельством хорошо налаженного производства.

То же можно сказать и относительно бляшек серебряных наборов. У юго-восточной стены крепости на глубине 0,85 м была найдена серебряная штампованная бляшка, аналогичная бляшке, которая была обнаружена в кладе в единственном экземпляре (рис. 2, *6*; 5, *3*). Ее отличие от последней — овальное отверстие для продевания ремешка. Еще одна такая бляшка без отверстия тоже была найдена в культурном слое, но точных стратиграфических и топографических данных о ней не сохранилось (рис. 5, *4*). Все эти три бляшки, несмотря на явное сходство, различаются по деталям орнамента. Поэтому нельзя считать их принадлежавшими к одному поясному набору. Очевидно, и в данном случае можно предполагать серийное производство сходных бляшек в одной мастерской. Это подтверждается тем, что они были отштампованы на одной колодке: контуры бляшек совпадают.

В культурном слое Саркела встречаются аналогии и бляшкам основного поясного набора с пышным растительным орнаментом. Так, в цитадели у юго-западной стены найдена бронзовая литая позолоченная бляшка со следами черни в углублениях процарапанного орнамента (рис. 5, *5*). В несколько упрощенном орнаменте этой бляшки легко угадывается ее прототип: древо с пышными листьями в обрамлении рифленого бордюра. Близкая ей бронзовая пряжка с рифленым бордюром и сердцевидной фигурой в центре щитка обнаружена у стен донжона (рис. 5, *6*).

Саркел дает нам и некоторые данные о перерождении, отмирании этого стиля. В этом отношении интерес представляет серебряный литой наконечник пояса, обнаруженный в цитадели в русском слое конца X в. (рис. 5, *7*). Растительный узор в нем превращен в узкие, не связанные друг с другом завитки, плод древа ромбический с точкой в центре, рифленые полоски, аналогичные бордюру, в нескольких местах пересекают растительный узор. Очевидно, художник уже утратил искусство изображения свободно раскинутых, связанных стволом широких изогнутых листьев.

В русском же слое, относящемся к концу X — началу XI в., в Саркеле — Белой Веже была найдена у внутренней стены цитадели маленькая литая серебряная бляшка с поверхностью, проработанной резцом, и заполненными чернью углублениями фона (рис. 5, *8*). Растительный орнамент на ней заметно геометризирован.

Обе эти вещи демонстрируют финальный этап металлообработки в Белой Веже. Орнаментация уже значительно видоизменилась. Однако прием черни еще не забыт.

При анализе сложного серебряного поясного набора саркельского клада мы пытались показать три стилистических пласта. Каждый из них соответствует, как нам представляется, хронологическим этапам в металлообработке Юго-Восточной Европы IX — начала XI в.

Первый из них представлен в кладе пятью бляшками и наконечником с позолотой и чернью по гравировке, которые мы считаем первым поясом молодого воина (рис. 2, *5*, *9*), а также единичной крупной бляхой, имеющей, как говорилось, близкие аналогии в культурном слое Саркела (рис. 2, *6*; 5, *3*, *4*). Форма этих бляшек отличается растительной моделировкой, при которой контур бляшки повторяет в плавных изгибах растительный орнамент, нанесенный на ее поверхность. При этом каждая бляшка образована несколькими сердцевидными фигурами, соединенными общим контуром. Эта очень важная черта характерна и для некоторых бляшек, найденных в комплексах X в. в Венгрии (рис. 5, *11—13*). Венгерские бляшки представляют собой упрощенную редакцию саркельских, но они сохранили самую характерную их черту — мягкую моделировку

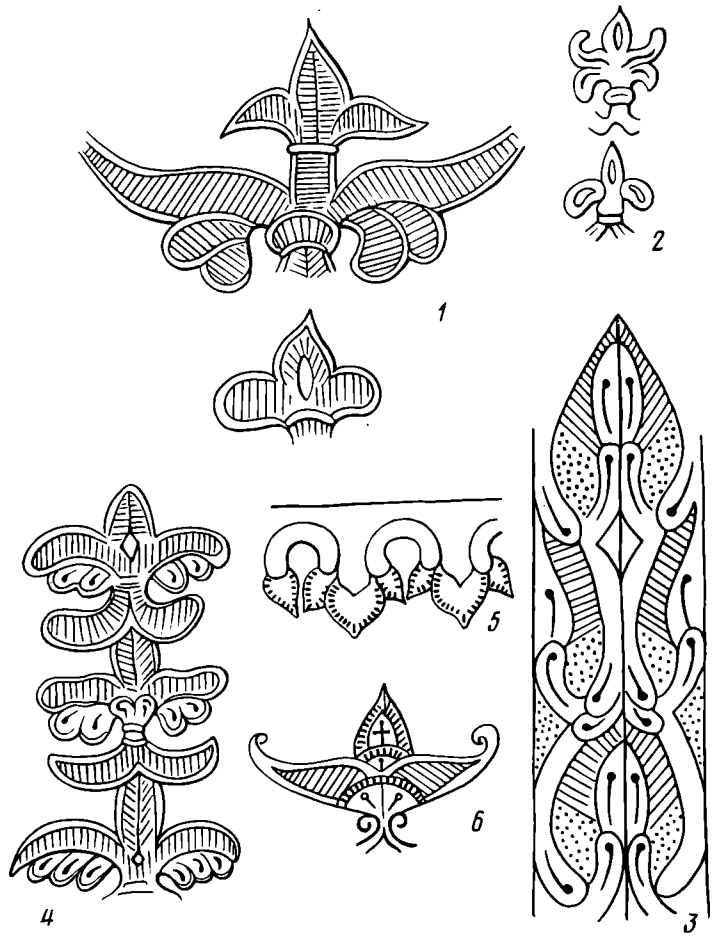


Рис. 6. Орнаментальные мотивы на предметах воинского быта: *1* — оковка малого турьего рога из Черной Могилы; *2* — сабля Карла Великого; *3* — сабля из Киева (реконструкция орнамента); *4* — рукоять меча из Киева; *5* — сосуд из Сент-Миклошского клада; *6* — венгерская сумка

формы, восходящую к уже утраченной растительной орнаментации. Сопоставленные с саркельскими по одному этому признаку, они убедительно становятся в один с ними эволюционный ряд, замыкая его. Характерно, что на них еще применено золочение, но уже нет черни. Чернь не была освоена венгерскими ремесленниками и в более позднее время.

В отличие от них в Юго-Восточной Европе традиция украшения вещей чернью в X в. не исчезла. Об этом свидетельствует маленькая бляшка из Белой Вежи (рис. 5, *8*), а также поясной набор из разрушенного погребения Дардонского могильника, в который входят два предмета с чернью — бляшка и трубочка[3] (рис. 4, *2*, *5*). Однако в данном случае нас интересуют в этом наборе бляхи без черни (рис. 4, *6*, *8*), имеющие сходство с венгерскими.

Второй пласт характеризуют бляшки с пышным растительным орнаментом, являющиеся основой пояса знатного воина. Этот набор знаменует собой наивысший этап в освоении таких сложных технических приемов, как литье в формах, дающее рельефный рисунок с последующей правкой его резцом, золочение и чернь. Необходимо отметить исполнение этими приемами хорошо отработанного растительного орнамента, особенностью которого является двузначность его композиций, читающихся с одной стороны как растительные, с другой — как зооморфные или антропоморфные. Стилистически орнаментацию бляшек основного набора можно по-

[3] Благодарим Г. Е. Афанасьева за предоставление рисунков этого набора для публикации.

ставить в один ряд с орнаментацией большой группы изделий художественного ремесла, хорошо известных в настоящее время в русских и венгерских древностях X в.

Это прежде всего воинские сумки, покрытые серебряными бляхами с богатым растительным узором [10, табл. 338, 360, 400, 403] (рис. 6, *6*) и обкладка малого турьего рога из Черной Могилы [11, рис. 19] (рис. 6, *1*). Их отличает единство основного элемента — трилистника со сплошной штриховкой или штриховым обрамлением и композиционное сходство, заключающееся в построении узора из широко раскинутых крупных листьев, вырастающих из одного ствола.

Подобная композиция или отдельные ее черты встречаются на рукояти меча из Киева (рис. 6, *4*), на так называемой сабле Карла Великого из Вены (рис. 6, *2*), сабле из Киева (рис. 6, 3). Орнамент на лезвии последней, удвоенный по принципу зеркальной симметрии, дает нам композицию из плодов, окруженных листьями с традиционной штриховкой [10, табл. 438, 439; 12, с. 33, 65, рис. 8, *15*].

Композиция из раскинутых листьев и мотив штриховки в бордюрах встречается и на сосудах знаменитого Сент-Миклошского клада (рис. 6, *5*) [10, табл. 288—302; 13, рис. 67—70]. Видимо, это может быть основанием для отнесения сентмиклошских сосудов к тому же кругу художественных явлений, к которому мы относим вещи второго хронологического этапа металлообработки Юго-Восточной Европы.

Примером отмирания пышного стиля можно назвать серебряную бляшку с чернью из Дардонского погребения (рис. 4, *2*). На ней в сильно геометризованном варианте воспроизведены типичные элементы этого стиля: плоды с чернью и штриховым бордюром.

Третий этап связан в саркельском кладе с изготовлением последней почетной привески к поясу, состоящей из трех мелких бляшек с круглым отверстием и трубочки-оковки. Этот этап характеризуется как бы «усыханием» растительного орнамента, ощутимой тенденцией к его геометризации.

Она выразилась в замене растительных побегов и листьев плетением, S-видными завитками и кружочками с точкой в центре. S-видный завиток является основным орнаментальным мотивом на саркельской трубочке, кружочки — на трубочке из Дардонского погребения (рис. 2, *10*; 4, *5*). Плетение доминирует на еще одной группе изделий, технологически и хронологически близкой с саркельским кладом. Это сбруйные наборы из богатых кочевнических погребений X — начала XI в. в Ново-Каменке, Старо-Шведского, Горожено на Херсонщине [14, с. 238—246, рис. 2, 3; 15, с. 29, рис. 13], Сарайлы-Кият в Крыму и Гаевки на Среднем Дону [15, с. 26—30, табл. VIII—XI]. Все они изготовлены из серебра с использованием техники литья, позолоты, черни. Законченность композиции из растительных и геометрических мотивов свидетельствует о зрелости мастерства и тонком эстетическом вкусе исполнителей (рис. 7).

На некоторых предметах наборов из Гаевки и Ново-Каменки геометрический мотив плетения полностью вытеснил растительный. Аналогию этому плетению мы находим на серебряном обруче (рис. 5, *14*), обнаруженном в одном из кочевнических подкурганных погребений у Саркела — Белой Вежи [16, с. 224, рис. 26]. Погребение по остальным вещам комплекса можно датировать началом X в.[4] Таким образом, саркельский обруч с чернью — самый ранний из вещей этого рода, найденных в Восточной Европе. Это первая находка, свидетельствующая об использовании в X в. чернения при изготовлении женских украшений.

Иными техническими приемами отличается от серебряного саркельского пояса так называемый повседневный пояс. Там на позолоченных медных бляхах орнамент инкрустирован медной же проволокой другого цвета. Это не единственное в Восточной Европе изделие с инкрустацией.

---

[4] В публикации могильника С. А. Плетнева, не зная еще о существовании целой серии вещей с чернью и плетенкой, датирующихся столь ранним временем, ошибочно связала обруч с древнерусскими начала XII в.

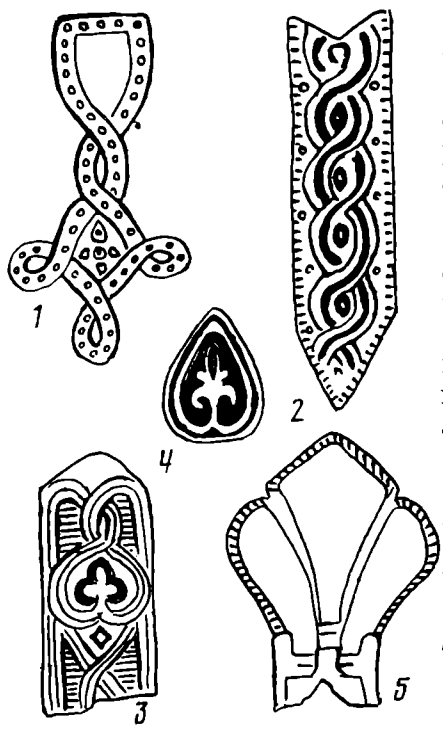


Рис. 7. Орнаментальные мотивы уздечных наборов третьего хронологического этапа: *1*, *2* — на уздечном наборе из Сарайлы-Кият; *3—5* — на наборе из Гаевки

В Табаевском курганном могильнике Черниговской обл. в одном из дружинных русских погребений обнаружен сбруйный набор [17, табл. 4, 9]. В него входило несколько медных блях с инкрустацией серебряной и медной проволокой (рис. 5, *9*, *10*).

К этой же группе изделий надо отнести и найденные в 1977 г. около г. Алексеевки Белгородской обл. в разрушенном погребении, расположенном на территории салтовского поселения, удила с псалиями и стремена, инкрустированные позолоченными серебряными пластинами и проволокой.

Основным элементом орнамента на псалиях является трехлепестковая розетка мягких очертаний (рис. 8, *1*). Сами псалии заканчиваются также рельефными розетками. Эти розетки весьма близки по форме некоторым бляшкам пояса молодого воина и другим бляшкам поясов, изготовленных салтовскими мастерами [8, с. 163, рис. 44]. Трапециевидные выступы каждого псалия украшены серебряной накладкой с вырезанным в ней древом с семью ветвями, оканчивающимися розетками-плодами («процветший» семисвечник). Последнее можно считать дополнительным доказательством изготовления алексеевской находки в хазарской среде.

Что касается самого древа со своеобразными плодами, то аналогии ему дают некоторые салтовские бляшки [8, рис. 44, 47]. Кроме того, на горле одного из сосудов Сент-Миклошского клада изображено ветвистое древо с подобными же плодами [10, т. III, табл. 301, 302], отличающееся от алексеевского количеством и формой асимметрично раскинутых ветвей (рис. 8, *3*).

Стремена украшены бордюром из накладных позолоченных серебряных сердцевидных фигур, образованных зеркально расположенными S-видными завитками (рис. 8, *2*). Такие же завитки изображены на хомутке петли стремени.

Аналогичный узор из завитков (рис. 8, *4*) использован на наконечниках сбруйного набора из Каменки [15, табл. 10, *1*].

Все эти изделия, характеризующиеся применением техники инкрустации серебряной и медной проволокой, позволяют выделить целый пласт в металлообработке Восточной Европы. Его можно датировать концом IX—X в.

Результатом сравнительного анализа саркельского пояса с вещами и комплексами, связанными с ним технологически и стилистически, является установление относительной хронологии этих произведений прикладного искусства, а вместе с тем и хронологии выделенных нами этапов металлообработки.

Прежде всего следует помнить, что оба саркельских пояса надежно датируются временем не позднее 60-х годов X в.

Бляшки пояса молодого воина — самые ранние в комплексе клада. Они находят параллели в бляшках салтово-маяцкой культуры, расцвет которой относится к IX в.

Венгерские аналогии бляшкам иллюстрируют вырождение породившего их «салтовского» стиля и, очевидно, относятся к более позднему времени, т. е. ко второй половине X в. Это вполне соответствует дате венгерских комплексов, в которых они обнаружены. Видимо, к этому же вре-

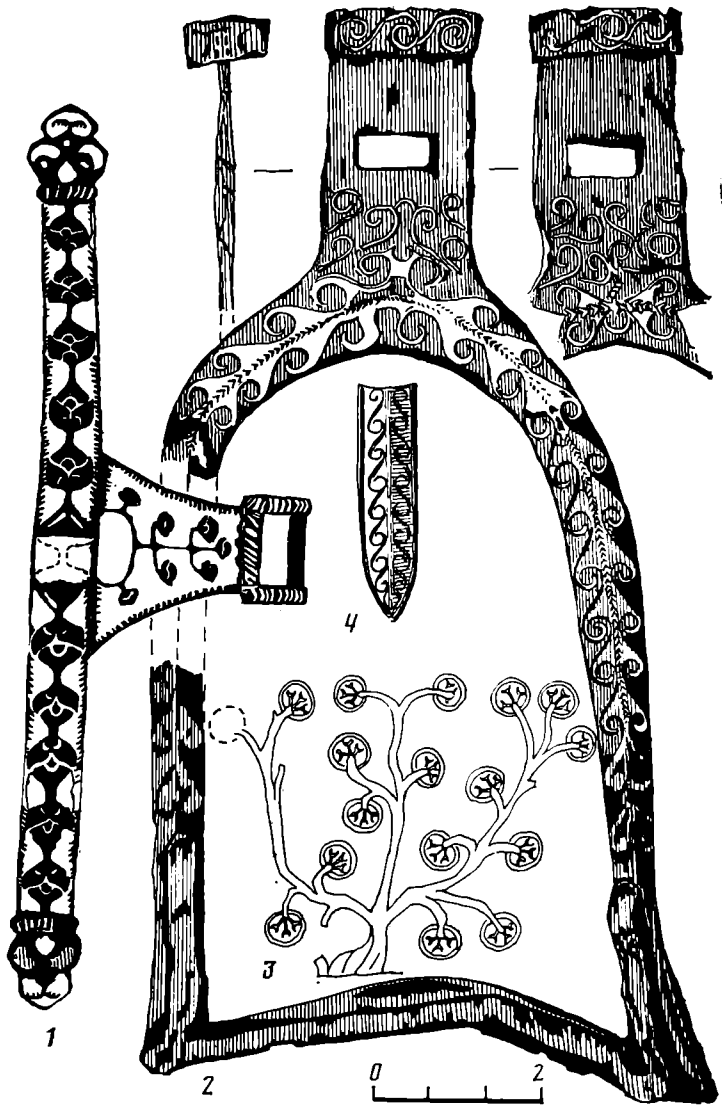


Рис. 8. Псалии и стремя с инкрустацией и позолотой из разрушенного погребения около г. Алексеевки (*1*, *2*), древо на горле кувшина из Сент-Миклошского клада (*3*), орнамент на наконечнике сбруйного набора из Каменки (*4*)

мени относится и погребение из Дардонского могильника, в котором есть бляшки, аналогичные венгерским.

Особенный интерес в установлении хронологии представляет основной набор пояса, украшенный «пышным» орнаментом. Датируется он серединой X в. Синхронна ему Черная Могила, также точно датированная монетами серединой X в. [11, с. 29], а значит, и малый турий рог, покрытый листьями того же «пышного» орнамента.

К этому же времени расцвета «пышного» орнамента относятся и обкладки знаменитых венгерских воинских сумок.

Наличие в погребении из Дардонского могильника бляшки, представляющей переразвитие этого стиля, подтверждает более позднюю сравнительно с кладом дату этого комплекса.

Последний хронологический этап набора саркельского пояса представлен трубочкой, украшенной геометризованным S-видным завитком. Это самое позднее добавление к поясу было сделано, вероятно, незадолго до зарытия клада.

Таким образом, вещи с геометризованной орнаментацией можно относить ко второй половине X в. Как мы знаем, они доживают до начала XI в. (Гаевка) [15, с. 26].

Параллельно с этой технологией развивалась техника инкрустации. Саркельский повседневный пояс позволяет нам утверждать, что она появилась в Восточной Европе не позже первой половины X в. Характер орнамента инкрустированных удил и стремян, имеющий прямые аналогии в уздечных наборах второй половины X в. (Каменка), показывает, что техника эта получила особенное развитие в последние десятилетия X в.

Орнаментация некоторых сосудов Сент-Миклошского клада неоднократно давала нам возможность для сопоставления с нею рассмотренных в данной статье предметов. Как нам кажется, это сопоставление показало несомненную общность орнаментики всех этих столь разных по назначению изделий, хорошо датирующихся в пределах X в.

Воинские пояса, оружие, стремена, удила, конская сбруя или такие предметы воинского быта, как турьи рога и роскошная золотая и серебряная посуда, использовавшаяся на дружинных пирах, тесно связаны с жизнью правящего класса феодального общества — средневековых воинов и высшей знати.

Изготовлялись эти дорогие вещи в мастерских, возникавших на феодальных дворах, чаще непосредственно под эгидой верховной власти князя, императора или хана. В этих мастерских были объединены лучшие ремесленники и художники разных народов: свободные пришлые из соседних и дальних стран, свободные местные, пленные и купленные на международных рынках рабы. Неудивительно поэтому, что из этих мастерских выходили подлинные шедевры златокузнечного дела. Они несли на себе черты искусства многих народов, объединенные тем единством стиля, который может быть выработан только в мастерских очень высокого художественного уровня [18, с. 167—170, табл. 54]. Именно в таких мастерских, работавших и возникавших в X в. в Хазарии и на Руси, изготовлялись рассмотренные выше произведения прикладного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I.— МИА, 1968, № 62.
2. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во МГУ, 1956.
3. *Кропоткин В. В.* Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе.— НЭ, 1971, вып. IX.
4. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
5. *Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки.— САИ, вып. Е 1-2. М., 1079.
6. *László Gyula.* Études archéologiques sur L'Histoire de la Société des avares. Budapest, 1955.
7. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.
8. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура.— МИА, 1967, № 142.
9. *Selmeczi L.* Der landnahmezeitliche Fund von Kétró.– Acta archaeologica, 1980, t. XXXII.
10. *Hampel Joseph.* Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn. B. III. Braunschweig, 1905.
11. *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— МИА, 1949, № 11.
12. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Т. I.— САИ, вып. Е 1-36. Л., 1966.
13. *László Gyula — Rácz István.* A Nagyszentmiklósi kincs. Budapest, 1977.
14. *Кубышев А. И., Орлов Р. С.* Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки.— СА, 1982, № 1.
15. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, вып. Е 1-36. Л., 1973.
16. *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник близ Саркела — Белой Вежи. Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III.— МИА, 1963, № 109.
17. *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам"ятники Шестовиці. Київ: Наукова думка, 1977.
18. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. М.: Наука, 1976.

T. I. Makarova, S. A. Pletneva

A BELT OF A NOBLE WARRIOR FROM SARKEL

Summary

The article describes the Sarkel belts from the 1949 hoard. The dirhams found there date it to the first half of the 10th century. Stylistically, as well as according to technologies and ornamentation the belts comprise three groups each of which has analogies among East European and Hungarian antiquities. That makes it possible to relate them to individual stages in the metallworking techniques of the time. The belt from Sarkel, according to the authors, is one of the many artifacts of every-day use made in shopworks of feudal rulers of Khazaria and Rus in the 10th century.

ОХОНЬКО Н. А.

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СТЕНАХ ГРОБНИЦЫ С РЕКИ КРИВОЙ (Прикубанье)

Речка Кривая является притоком р. Кяфар, впадающей в Большой Зеленчук. Здесь был открыт могильник, состоящий из 11 дольменообразных склепов. Среди них выделяется склеп № 1, имеющий большие размеры и тщательную обработку составляющих плит. Но особую уникальность памятнику придают рельефные изображения, покрывающие все стены, что делает объект нашего исследования «единственным в своем роде могильным сооружением Северного Кавказа» [1, с. 52]. Конструкция погребального памятника и его датировка получили уже достаточное освещение в литературе по археологии Северного Кавказа [1; 2, с. 83—89; 3, с. 106—118; 4, с. 345; 5, с. 76; 6, с. 150—155; 7, с. 68, 69]. Напомним, что мавзолей (так этот памятник иногда называют) был сооружен в эпоху бронзы. В аланское время гробница была очищена, восстановлена и использована для впускного захоронения. Тогда же на ее стенах были нанесены изображения. Это произошло, как считают исследователи, в VIII—XII вв. [6, с. 154, 155; 2, с. 83—89; 1, с. 52—56; 8, с. 137, 138]. Сами изображения, по предположению В. А. Кузнецова, датируются XI—XII вв. [3, с. 111]. Смысл их до сих пор не выяснен, если не считать некоторых замечаний В. А. Кузнецова по этому поводу. Таким образом, получается, что наиболее интересная сторона памятника не изучена.

История изучения дольменообразного склепа с р. Кривой насчитывает более века. Историографический обзор этой проблемы уже дан в работах В. А. Кузнецова. Но ни один из обращавшихся к этой теме авторов не пытался рассматривать все сцены памятника как единую взаимосвязанную систему, стоящую в прямой связи с представлениями алан о погребальном обряде и загробной жизни. В то же время сюжеты южной стены раскрываются на основании кавказского героического эпоса, главным образом нартского. Кроме того, исследователи не привлекли ряд аналогий, в частности каменные кресты из с. Эльхотово (р. Кунбелея) и с. Камбилеевки (Северная Осетия), каменный крест с греческой надписью из ст. Губской Краснодарского края и фрагменты плит дольменообразных склепов, аналогичных описываемому, из Верхнего Прикубанья.

В предлагаемой работе делается попытка поисков путей подхода к трактовке изображений мавзолея. Анализ рассматриваемых рельефов, конечно, не может быть выполнен в настоящее время на одном уровне научной доказательности для всех сцен и фигур памятника. Неизбежно что-то выглядит очень и очень предположительным и требует оговорок. Но уже сейчас вырисовывается принципиальная смысловая схема, в соответствии с которой и наносил изображения средневековый мастер. Предлагаем эту схему, аргументируя наши выводы, насколько позволяет объем статьи.

Центральной частью композиции памятника служат рельефы передней, или восточной, стены (рис. 1). Если на остальных плитах изображения плоские, то здесь чувствуется стремление к объемной передаче фигур. Вся сцена хорошо скомпонована на трапециевидной по форме плите. Композиция уравновешена, все фигуры располагаются вокруг отверстия с крестами, которое служит ее центром. Представленные здесь персонажи, имея полное портретное сходство, различаются по атрибутам, размеру и положению. Семантическим центром композиции служит фигура воина,

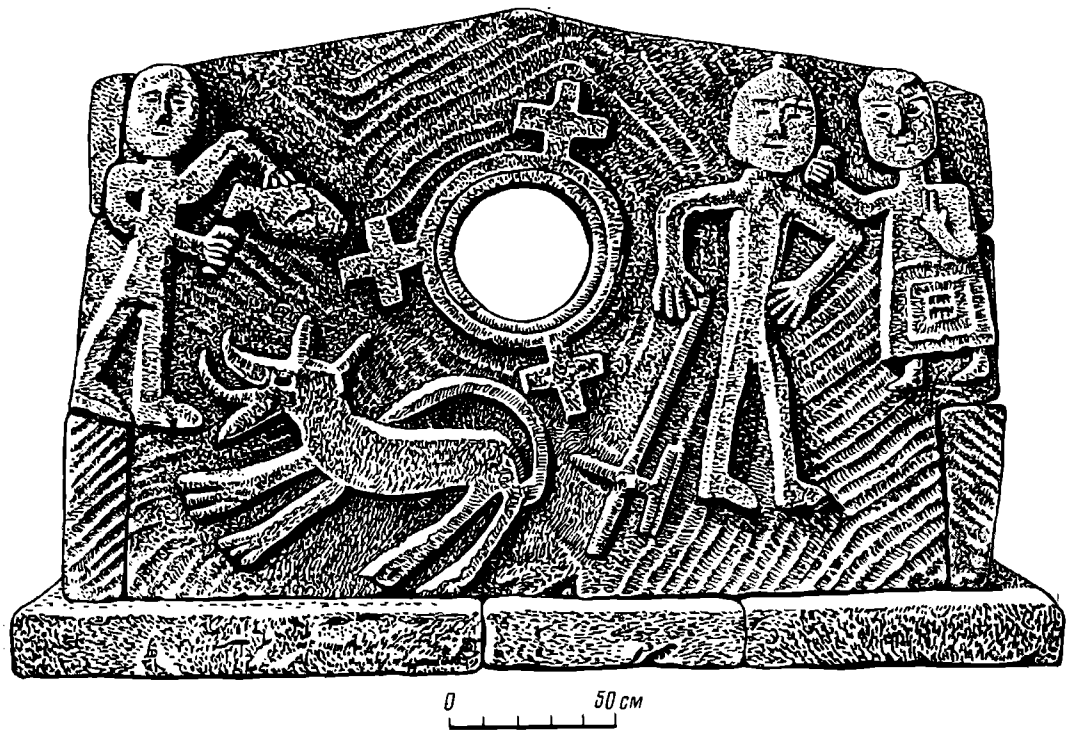


Рис. 1. Передняя (восточная) стена гробницы

выделяющаяся величественной позой, ростом, вооружением. Поскольку эта же личность с указанными атрибутами — в центре композиций всех остальных плит (кроме северной стенки гробницы — рис. 2), становится ясно, что перед нами главное действующее лицо всех изображенных сцен.

Как показал анализ всех фигур, художник не стремился наделять персонажей индивидуальными чертами. Но зато важное значение для него имели атрибуты, которые указывали на положение человека и выделяли его среди других.

Обращает на себя внимание секира в правой руке воина. Ее размеры сильно преувеличены и подчеркнуто выпячиваются на первый план, что особенно хорошо видно на передней и задней стенах гробницы (рис. 3). Это наводит на мысль о секире как главном атрибуте этого персонажа.

Воин выражает идеал вождя или правителя раннефеодального средневекового общества. Он выделяется среди окружающих высоким ростом, осанкой. Так же выделялись конунги в исландских сагах, князья в древнерусской литературе, герои нартского эпоса. Слева от правителя или вождя,— будем его так условно называть,— видна фигура в широкой одежде с рельефным изображением «вавилона» на подоле. Внутри прямоугольника когда-то был крест, который сейчас разрушился. Судя по всему, это священник в рясе. Левая его рука прижата к груди и означает благословение. «Христианская церковь... установила, чтобы архиереи и священники преподавали благословение десницею (первые могут и обеими руками), слагая персты так, чтобы ими означались начальные две буквы имени Иисуса Христа (ИС. ХС)» [9, с. 54].

Правой рукой священник протягивает правителю бокаловидный сосуд, в котором было бы заманчиво видеть потир с елеем для причащения умирающего. Отсюда можно предположить, что сцена воссоздает причащение перед смертью знатного лица, погребенного затем в настоящем мавзолее. Предположение подкрепляется наличием фигуры справа от центральной, которая наливает что-то из кувшина в бокал. Такой формы сосуды — обычная деталь погребального обряда средневековых алан.

Сходный по своим функциям персонаж присутствует в росписях на стенах керченских катакомб первых веков нашей эры, изображения ко-

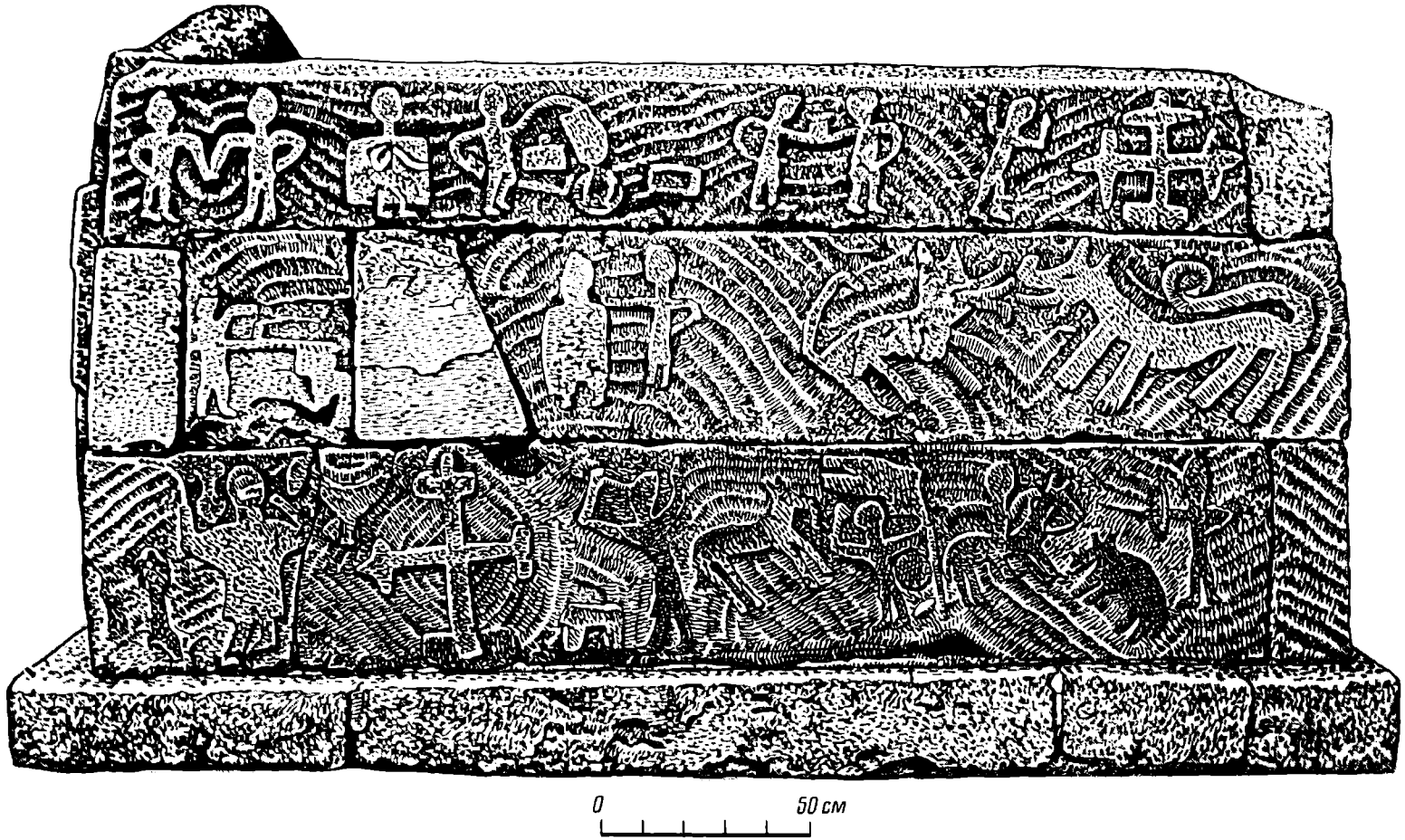


Рис. 2. Северная (боковая) стена гробницы

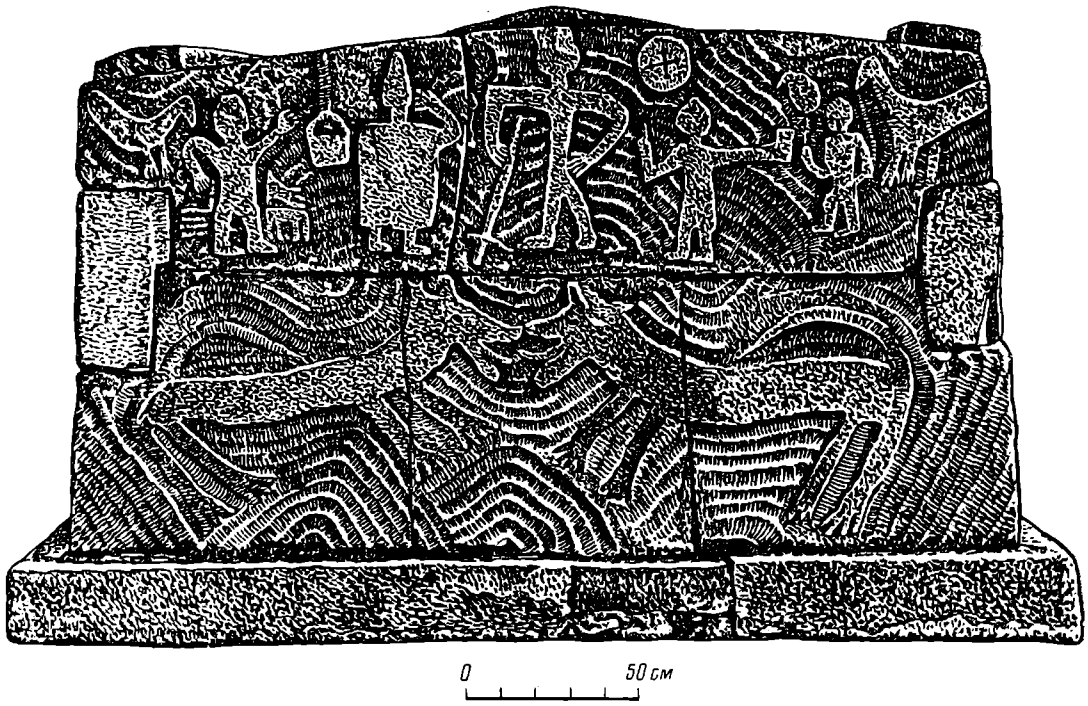


Рис. 3. Задняя (западная) стена гробницы

торых также преследовали цель показать проводы умершего и прославить его. Наиболее частым сюжетом росписей служит сцена так называемой «семейной трапезы» или «религиозного обряда возлияния» [10, табл. VI; 11, рис. 37—39]. Здесь центральной фигурой всегда представлен умерший. Справа от него (иногда слева) присутствует виночерпий, подающий усопшему бокал или наливающий что-то в него. Виночерпий, как правило, изображен умышленно маленьким, что указывает на его подчиненное положение. Исследователь росписей катакомб Боспора и Керчи Ю. Кулаковский отмечал, что умерший был обычно «туземцем в туземном костюме», а в тексте посвятительной надписи одной из керченских катакомб автор прочел имя того, кто соорудил катакомбу,— Сорак. В этом имени Ю. Кулаковский предлагает видеть имя туземца Сармата [10, с. 30, 31].

Фреска катакомбы, открытой в Керчи в 1875 г., показывает всадника «в сарматском одеянии и с луком», которому пешая фигура подает бокал [11, рис. 142]. Если вспомнить, что присутствие алан и сарматов в Причерноморье в первых веках нашей эры установлено достаточно твердо, то не исключается версия о том, что на стенах росписей керченских катакомб и мавзолее с р. Кривой мы наблюдаем одну и ту же традицию, навеянную погребальным обрядом сармато-аланского мира.

В росписях катакомб Керчи главный герой представлен как на коне, так и без него. То же наблюдается и на средневековых памятниках аланской территории Северного Кавказа. На западной стороне эльхотовского креста, рельефы которого очень близки и во многом совпадают с рельефами мавзолея с р. Кривой как по смыслу, так и по технике исполнения, умерший отправляется в загробный мир на коне. При этом маленькая коленопреклоненная фигура подает ему бокал. В. Ф. Миллер очень удачно связывает этот сюжет с обрядом посвящения коня покойнику у осетин [12, с. 128—130]. Обряд посвящения коня очень архаичен и, без сомнения, бытовал у алан [13, с. 33—37].

Следует отметить также два фрагмента передних плит дольменообразных склепов, полностью аналогичных склепу с р. Кривой. На обоих изображены всадники: один вооружен копьем, а другой — луком [7, рис. 2, *3*; 3, рис. *4*]. Видимо, во всех вышеотмеченных случаях мы сталкиваемся

с традицией изображать на надмогильных памятниках знатных покойников. Как правило, они размещались на передних плитах.

Обратимся к изображениям боковых стен. У автора сложилось твердое убеждение, что здесь рельефы наносились на каждой плите отдельно, так как к этому времени возведенное в эпоху бронзы сооружение уже было разрушено. Подтверждением этого служит, во-первых, тот факт, что при обнаружении мавзолея верхние его плиты лежали в стороне и лишь нижние были найдены in situ [4].

Во-вторых, вся поверхность плит проработана инструментом так, что создан равномерный фон из частых волнистых линий. Этот общий фон мы наблюдаем лишь на торцах нижних плит, торцы же верхних плит не обработаны. Видимо, мастер обрабатывал под общий фон ту поверхность, которая была перед ним. Торцы нижних плит, таким образом, были обработаны вместе с поверхностью торцов нижних блоков, а торцы верхних плит в комплексе не обрабатывались. Этот вывод имеет принципиальное значение, так как мастер, нанося изображения на отдельные плиты, старался создать на них цельные, законченные композиции. В то же время отдельная композиция является частью общего замысла. В соответствии с этим необходимо рассматривать изображения стен как единое целое, разделяя его на соответствующее количеству плит число звеньев.

После изображений на восточной плите продолжим рассмотрение композиций на северной стороне, а затем на западной. На северной стене (рис. 2) наиболее удачно раскрываются рельефы верхней плиты. Они показывают последовательное разворачивание какого-то действия. Направленность действий всего яруса изображений — слева направо. Сначала перед нами предстают парные фигуры. Затем — человек в широкой одежде, похожей на бурку. Правее помещена целая производственная сцена. Левой рукой мастер раздувает кузнечный мех. Печь (или горн) показана условно кружком. В правой руке кузнец держит молот. Между ним и печью — схематическое изображение молота и наковальни. Правее печи изображен четырехугольник, который пока не расшифрован. Так понимает эту сцену В. А. Кузнецов, связывая кузнеца с мифическими кузнецами нартов Тлепшем и Курдалагоном [14, с. 101]. Предположение это очень удачно подкрепляет нашу версию.

Рельефы северной и западной сторон необычайно схожи с рельефами эльхотовского креста. На северной стороне этого памятника наблюдается следующий порядок размещения фигур. В самом низу помещен висящий на цепи котел, к которому протянул руку стоящий рядом человек (сравните с такой же сценой на западной стороне мавзолея — рис. 3). А в нижней части западной стороны креста изображена такая сцена: один человек подводит быка, в то время как другой готовится заколоть его кинжалом. Еще две фигуры стоят по обеим сторонам высокого сосуда с двумя ручками и невысоким горлом. Причем одна фигура держит в левой руке кубок. Точно такая же сцена видна на передней стороне каменного истукана с р. Этоки (Ставропольский край). Эти сцены ближе в смысловом отношении к сцене военно-охотничьего турнира нижней плиты мавзолея.

Выше изображений фигур у кувшина на эльхотовском кресте трижды показан всадник. Маленькая коленопреклоненная фигурка подает ему бокал. По мнению В. Ф. Миллера, это умерший, постепенно переходящий с земли на небо. Его ожидает правитель загробного мира, изображенный на самом верху северной стороны. Между правителем загробного мира и прибывающим к нему умершим — две парные фигуры в широких одеждах и высоких шапках.

Смысл этих сцен удачно раскрывается на основании погребального обряда осетин, сохранившего очень архаичные черты.

В день погребения у осетин режут какое-нибудь животное и приготовляют ушат браги. «Затем посвящаемого покойнику коня подводят к изголовью могилы и посвятитель произносит длинную речь о том, что ожидает покойника в загробном мире... Наконец, исполнитель обряда...

берет дорожную провизию покойного — сосуд араки (водки) или чашу пива и чурек и произносит: „Эта пища и это питье да будут неистощимы для тебя, пока ты не достигнешь дзенета" (рая.— *Н. О.*)» [12]. Этот первый этап погребального обряда связывается с нижними сценами мавзолея, эльхотовского креста и этокского истукана.

Следующий ярус изображений может показывать покойника, который отправляется в загробный мир. На мавзолее это траурная сцена средней плиты северной стороны, а на эльхотовском кресте — фигура всадника над сценой с котлом и она же, трижды изображенная на западной стороне. По представлениям осетин, путь в дзенет направлен снизу вверх и с востока на запад. Фигура умершего на эльхотовском кресте показана трижды, в постепенно увеличивающихся размерах по мере перехода с земли (внизу) на небо (наверху). Причем наверху покойник изображен с оружием [12, с. 129]. На западной стене мавзолея умерший также показан вооруженным (рис. 3), в то время как на северной стороне он безоружен.

Между прибывающим в дзенет и местом прибытия располагаются две парные фигуры (на памятнике из Эльхотово они помещены последовательно одна над другой и одеты в широкие одежды и высокие конические шапки, а на мавзолее они без этих атрибутов). Вместе с парными фигурами на мавзолее изображен кузнец. Имена этих небожителей упоминаются в речах посвятителя коня покойнику. В одной из них покойному дается наставление пойти к небесному кузнецу Курдалагону, который скует коню булатные подковы и изготовит ему прекрасную попону и дорогую уздечку. В другой речи говорится, что, в то время как вестник в виде ласточки спешит известить св. Георгия о смерти его друга на земле, «все святые и ангелы были на угощении у Курдалагона, который, сварив большой котел пива, пригласил их к себе» [12, с. 130]. Парные личности также упоминаются в речи посвятителя коня покойнику. Они живут в дзенете со святыми и снабжают умершего разными предметами, необходимыми для его снаряжения [12, с. 130, 131].

Не вдаваясь в излишнюю аргументацию, подведем итоги изображениям северной стороны. На нижней плите — культовые действия и сцена военно-охотничьего турнира (может быть, в честь умершего). На средней — проводы в загробный мир. И путь в загробный мир — на верхней плите. При этом выявилась такая закономерность: некоторые персонажи, располагающиеся между двумя мирами (этим и загробным), главным атрибутом имеют широкие одежды, иногда в сочетании с высокими коническими шапками. На эльхотовском кресте этими атрибутами обладают парные посредники, а на мавзолее — сам умерший.

Рельефы западной стороны являются логическим продолжением северной. Западная сторона составлена из двух плит (рис. 3). Нижнюю занимают изображения двух зверей, позы которых повторяют положение звериных фигур на средней плите северной стороны. Искренне веря в загробную жизнь, аланы, как и их ближайшие потомки — осетины, считали необходимым снабдить умершего всем необходимым для существования в загробном мире. Живые обязаны были проявлять заботу об умерших, совершая поминки с той целью, чтобы мертвые не голодали на том свете. Нам кажется, что с этими представлениями и связаны изображения западной стены.

Центральной фигурой композиции является все тот же главный герой, который, в соответствии с предыдущими рассуждениями, должен теперь обитать на небесах. Слева и выше от него помещен круглый диск с крестом в центре. Так у алан часто изображалось солнце.

Сюжет еще более прояснится, если мы привлечем данные этнографии. У осетин и других кавказских народов бытовало представление о так называемом «солнце мертвых». В нартском эпосе попавшего в царство мертвых иногда отпускают к живым, но с одним условием — вернуться назад до захода солнца. У осетин существует поверье, что мертвого следует похоронить до захода солнца, так как после этого ворота царства мертвых закрываются и умерший не будет допущен туда.

Восток и запад наделялись древним человеком особым смыслом. В языческих представлениях осетин, чеченцев и других народов Кавказа запад ассоциировался с потусторонним миром. «Солнце мертвых» нартского эпоса также связывается с западом и загробным миром. Ассоциация заходящего солнца с загробным миром отмечена в первобытных религиях многих народов [15, с. 326, 505, 507]. Подобные поверья отмечены у ряда народов Кавказа, которые считают, что потусторонний мир находится в том месте, где заходит солнце, т. е. на западе. Поэтому если рассматривать все рельефы мавзолея последовательно, то восточная сторона показывает погребенного при жизни, а изображения западной стены показывают его уже обитателем загробного царства.

Подобное соотнесение востока и запада со светлым и темным началами присуще и христианскому мировоззрению, которое к XI—XII вв. утверждается среди аланской знати. Зримое отражение символика сторон света находила в устройстве христианских соборов, где на запад ориентировался фасад собора. На западных стенах изображались сцены Страшного суда [16, с. 265]. В христианской религии запад связывается с «концом света», а восток — с прошлым.

Уместно будет предположить, что сюжет западной стены помещен в соответствии с представлениями о расположении загробного мира на западе. В христианском обществе, к которому уже принадлежал погребенный в мавзолее, понятия жизни и смерти связывались не только с понятиями востока и запада, но соотносились с понятиями верха и низа, что можно наблюдать на северной стороне нашего памятника и эльхотовского креста. Сцены нижних плит показывают земные картины, а верхние сюжеты эльхотовского креста и западная сторона мавзолея с р. Кривой представляют умершего пребывающим на небесах.

Обитая в царстве мертвых, погребенный в мавзолее выполняет те же функции, что и при жизни. Не зря поэтому он изображен с секирой в руке и в полном соответствии с рельефом передней стены, где подчеркивается его высокая роль при жизни. «По убеждению кавказских горцев, загробная жизнь есть только более светлое повторение жизни земной, конечно, для людей, отличавшихся достойной жизнью. Души покойников продолжают в загробном мире заниматься тем же, чем занимались на земле: они едят, пьют, охотятся, джигитуют и совершают набеги» [12, с. 125].

Попробуем конкретизировать смысл изображений западной стены, исходя из этих посылок. Перед человеком у котла стоит жертвенный столик с головой животного. Висящий на цепи котел должен символизировать очаг. Голова животного у многих народов Кавказа считается самой почетной частью и, как правило, приносится в жертву. У осетин жертвенное животное перед закланием непременно должно было коснуться очажной цепи, лишь тогда оно будет принято богом [17, с. 267]. В данном случае жертва может быть адресована покойному.

Связь очага с поминальным культом хорошо зафиксирована у осетин. Считалось, что, пока горит огонь семейной общины и пока совершаются у этого огня священные возлияния и жертвоприношения, души предков ни в чем не нуждаются, посылая в награду за это различные блага живущим на земле [17, с. 328].

Ниже кисти руки (правой) стоящего рядом с котлом персонажа четко выделены рельефом пять полос. Л. Н. Глушков, а за ним В. А. Кузнецов предлагают видеть здесь палочки для гадания [14, с. 103], которые применялись еще скифами, затем аланами и осетинами. Это предположение хорошо подкрепляет наш ход рассуждений. Добавим, что в обязанности гадальщиков помимо всего прочего входил выбор жертвенного животного. «Бог строго наказывает, если не в свое время и не по гаданию гадальщика выбирается ему нывонд (жертва.— *Н. О.*)» [18, с. 55].

Итак, в предложенном сюжете позволительно видеть служителя культа, приносящего жертву почитаемому предку. Посредником при этом служит все та же личность в широкой одежде и высокой шапке, которая, судя по ее позе, как бы обращается к находящемуся на небесах.

Сцена жертвоприношения в память покойного усиливается фигурой справа, стоящей в необычной позе. В ее левой руке изображен кубок, а в правой — предмет в виде палочки (или же это указательный палец, направленный на главного героя). Около этой фигуры помещена другая поменьше, «управляющая» кувшином, парящим в воздухе. Не исключено, что эта сцена имеет какую-то связь с осетинским обрядом при погребении. У осетин на поминках один из присутствующих берет в руку (обычно в правую) шашлык или кусок мяса, а в другую — чашу с пивом и молит о том, чтобы все лежащее перед ним дошло до покойника [12, с. 126]. Отметим, что этот обряд очень устойчив и сохранялся вплоть до последних лет.

Вся сцена верхней плиты западной стороны освящена какими-то птицами, размещенными по верхним углам плиты. Здесь стоит вспомнить, что птица и парящий в воздухе кувшин присутствуют в сцене культового характера на нижней плите северной стороны. Там видна фигура в широкой одежде, стоящая в молитвенной позе перед чем-то, напоминающим большой светильник. Этот сюжет можно трактовать как сцену поклонения огню. Поклонение огню у алан — доказанный факт [19].

Как видим, общая схема восточной, северной и западной сторон очень удачно соотносится с представлениями о погребальном обряде. Изображения южной стены стоят особняком и отражают сцены героического характера (рис. 4). Попытка объяснить их на основании героического эпоса народов Кавказа, и прежде всего нартского, показала, что совпадают не просто отдельные сюжеты эпоса и изображений, а целые циклы сказаний соотносятся с композициями отдельных плит. Особенно ярко это отразилось на изображениях нижней плиты.

Слева виден огромный орел, держащий в клюве черепаху. Ему явно противопоставлен главный герой, фигура которого является семантическим центром композиции нижней плиты. Какой смысл можно видеть в этой сцене? В нартском эпосе осетин нарт Хамыц берет себе в жены дочь владыки вод — Донбеттыра, которая может жить на земле лишь в образе черепахи. Этот сюжет очень устойчив и повторяется в нартских сказаниях кабардинцев, абхазцев и других с той лишь разницей, что у них дочь Донбеттыра выступает в образе лягушки или крохотной женщины.

Другим устойчивым мотивом эпоса служит борьба нартского героя за обладание женщиной. Подкрепим это примерами. В кабардинском сказании «Как Шауей женился на красавице Шхацфице» [20, с. 496—504] говорится следующее. Красавица Шхацфица жила там, где восходит солнце, и дороги к ней не было. Много храбрецов пытались добраться до нее, но все они погибали. Между землей нартов и местом, где жила Шхацфица, обитал огромный орел. Он уничтожал всех, кто пытался добраться до красавицы. Нарт Шауей сумел добыть Шхацфицу, но орел украл ее. Упорный герой все же настиг орла и победил его, освободив суженую.

Согласно другим осетинским версиям, гигантский орел уносит нарта Урызмага в страну водного владыки Донбеттыра. Жена героя, выступающая в образе маленькой женщины, лягушки или черепахи, как правило, происходит из рода Донбеттыра. Представители этого рода рисуются крохотными, но воинственным и крепким народом, который у осетин носит имя «бцента», у кабардинцев — «испы» или «спи», у абхазцев — «ацаны». Так, нарт Хамыц однажды на охоте встретил маленького человечка — охотника, убившего оленя. Он так поразил Хамыца своей силой, что тот решил породниться с ним, взяв в жены его сестру, имевшую облик лягушки и бывшую дочерью Донбеттыра.

Здесь стоит обратить внимание на воинственную фигурку позади нашего героя на нижней плите. Маленький воин как бы защищает своего союзника со спины, замахиваясь мечом на фигуру справа, которая действительно способна на коварство, о чем скажем ниже.

Итак, намечается сюжет союза героя с карликовым народом против их общего противника орла. Стоит добавить, что не только дочери водного царя ассоциируются с лягушками и черепахами. Так, абхазские аца-

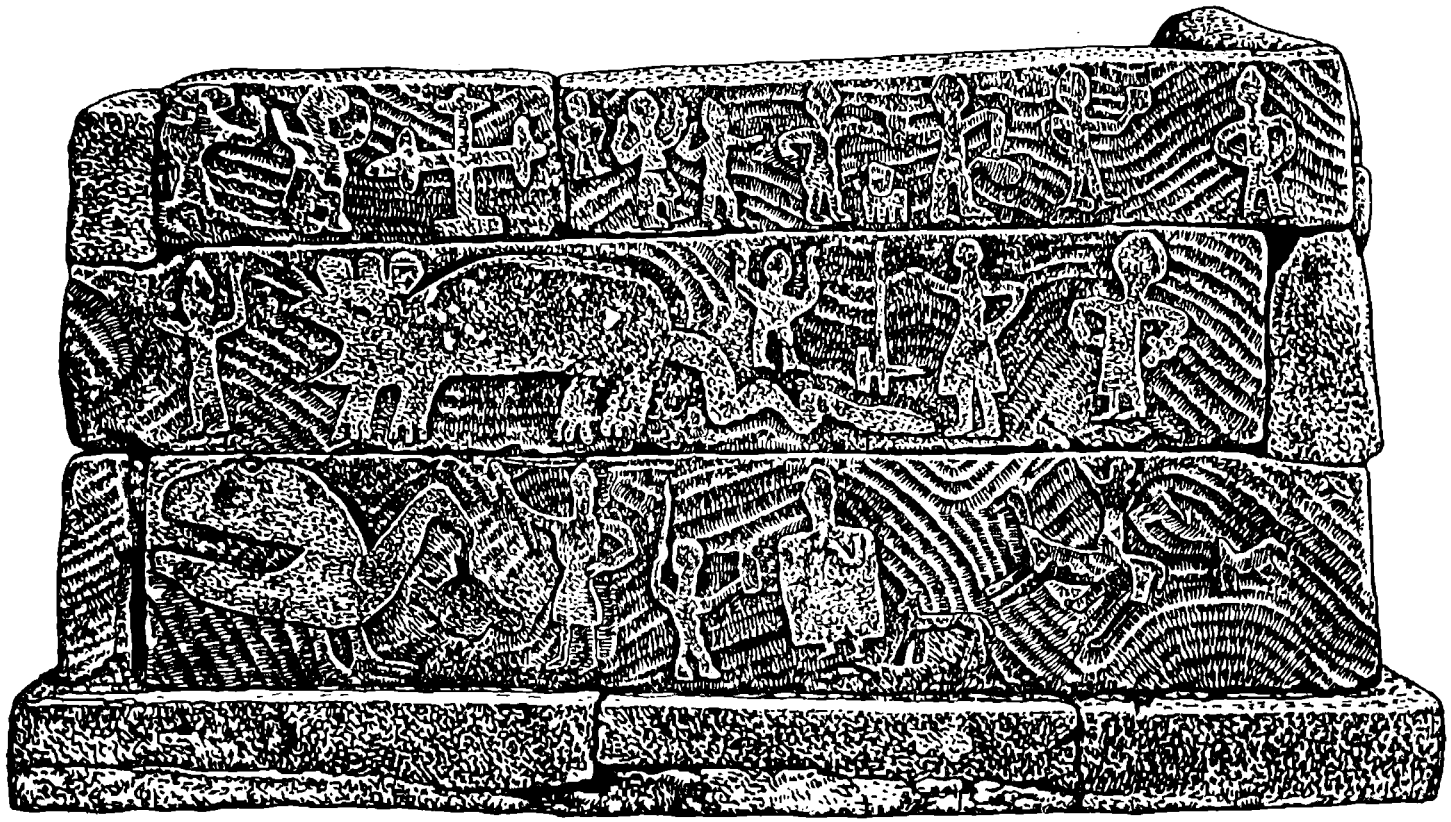


Рис. 4. Южная (боковая) стена гробницы

ны, бросившие вызов богу (так же, как нарты в свое время), были истреблены. Но некоторые из них спаслись, будучи превращенными в лягушек [21, с. 166].

Легенда о карликовом народе очень древняя. Греки верили, что на берегу мифической реки Океан обитает карликовый народ «пигме». И каждую осень карлики ведут войну с прилетающими на юг журавлями. А на стенах одной из керченских катакомб запечатлена картина битвы пигмеев с журавлями. Римский автор III в. н. э. Гай Солин, заимствовав сюжет из «Естественной истории» Плиния Старшего (I в. н. э.), упоминает о борьбе «скифских пигмеев с журавлями». Здесь уместно будет вспомнить абхазское название журавля — «апка», у которого общая основа с «апкара», что значит «бить», «избиение» [21, с. 170].

Что же касается черепахи, то она, согласно древнейшим поверьям, часто совмещалась с образами «мифических черепах рек. Их облик принимали некоторые духи воды, в том числе из ближайшего окружения „духов-правителей" крупнейших водных артерий» [22, с. 48].

Можно предположить, что рассматриваемая сцена отражает мотив борьбы героя за невесту против гигантского орла. В союзе с главным героем выступает воин карликового племени, из которого, согласно нартским сказаниям, происходит и «героиня» в клюве орла. Более древние сказания отражают борьбу пигмеев с враждебными им птицами (еще одна параллель с росписями керченских катакомб). В нартском эпосе в борьбе против птицы на первое место выступает героический нарт, заключающий союз с Донбеттыром посредством династического брака (очень устойчивый мотив эпоса у осетин, абхазцев и кабардинцев).

Не исключено, что версия о происхождении нартов от водного божества Дзерассы, которая настойчиво проходит через весь эпос, в свое время была официальным обоснованием происхождения правящей аланской династии. Особенно необходима была эта версия для раннефеодального общества, на стадии которого и находилось общество, воздвигнувшее мавзолей.

Не противоречат общему ходу рассуждений и изображения остальных фигур этой плиты. Выше было отмечено враждебное отношение маленького воина (союзника главного героя) к фигуре в широкой одежде и высокой шапке. Эта личность всегда занимает промежуточное положение между миром живых и миром мертвых, что мы и наблюдали на эльхотовском памятнике, а также на северной и западной сторонах мавзолея.

Обратимся опять к нартскому эпосу. В нем немалую роль играет хитрый Сырдон, аналогией которому служит Батоко Шертуко у чеченцев и ингушей. Сырдон, согласно сказаниям, обладает способностью отправляться на тот свет и возвращаться назад. Что касается Батоко Шертуко, то о нем рассказывают следующее. У одного из нартов умерла мать, и он очень горевал о ней. Батоко Шертуко посоветовал ему для утешения зарезать какое-нибудь животное — это, мол, облегчит жизнь умершей. Так нарт и сделал. Он зарезал петуха, курицу и вместе с корзиной чуреков раздал это беднякам. В это время Батоко Шертуко с доверенным лицом отправились на тот свет и видели умершую мать, у которой были петух, курица и корзина чуреков. Вернувшись обратно, они рассказали нарту, что его жертвы дошли до покойной. И Сырдон и Батоко Шертуко обладают способностью быть посредниками между мертвыми и живыми, что позволило У. Б. Далгату сделать вывод о том, что «мифическая природа Шертуко связана с языческими представлениями вайнахов о загробном мире и культе предков» [23, с. 154].

Помимо отмеченных качеств, Сырдон и Шертуко сочетают в себе доброе и злое, положительное и отрицательное. Они то вредят нартам, то оказывают им помощь. Например, когда нарт Хамыц женился на дочери Донбеттыра, живущей на земле в образе черепахи, то Сырдон ломал голову, как они живут? И однажды ночью он забрался под кровать супругов, притаившись там. Перед сном дочь водного царя сбросила свой черепаший наряд, превратившись в женщину ослепительной красо-

ты. После того как супруги уснули, Сырдон выбрался из укрытия, схватил черепаший панцирь и бросил его в огонь. Жена Хамыца не смогла после этого жить на земле без своего обычного одеяния и, покинув мужа, возвратилась в водное царство, оставив зародыш будущего нарта Батраза в спине Хамыца. По другим версиям, Сырдон оскорбляет жену Хамыца, живущую в образе лягушки или маленькой женщины, тем самым разлучая их. Было бы заманчиво соотнести фигуру в широкой одежде с героем эпоса типа Сырдона. Но все это, конечно, лишь предположение, которое требует более серьезных обоснований.

Слева от фигуры в широкой одежде изображен скачущий всадник. Необычна его посадка. Правая рука поднята вверх, а в левой он держит прямоугольный предмет. Слева и впереди от всадника виден жеребенок, а справа и позади — собака. Что если в этом всаднике видеть популярнейшего святого у осетин — Уастырджи (св. Георгия)? Именно на южных сторонах каменных крестов из Эльхотово и Кунбелея мы опять видим его в образе всадника, поражающего дракона (тоже героическая сцена).

В осетинском сказании о рождении Сатаны излагается следующее. Уастырджи воспылал страстью к родоначальнице нартов Дзерассе — дочери Донбеттыра, но никак не мог добиться ее. Умирая, Дзерасса приказала своим сыновьям Урызмагу и Хамыцу сторожить ее склеп, чтобы Уастырджи не мог надругаться над ней. Когда наступила очередь Хамыца, он, не сдержав обещания, отлучился. В это время появился Уастырджи верхом на лошади. В одной руке он держал фандыр и пел веселые песни (обратите внимание на «веселую» посадку всадника и загадочный прямоугольный предмет в левой руке). С ним были жеребенок и собака. Оживив Дзерассу, Уастырджи овладел ею. Уходя, он оставил жеребенка и собаку сторожить мертвую Дзерассу, от которой родилась Сатана. Собака и жеребенок якобы явились прародителями всех собак и лошадей на земле.

Интересно отметить, что Сырдон, отцом которого был водный дух Батаг, первым узнает о рождении Сатаны от мертвой Дзерассы и пользуется этим, чтобы пристыдить Урызмага и Хамыца.

Как видим, на основании сравнения дошедших до нас нартских сказаний намечается их связь с изображениями нижней плиты. Все параллели группируются вокруг цикла о происхождении нартов. Главные герои цикла Хамыц, Урызмаг и Сатана—старшее поколение нартов. Следующим поколением были Сослан и Батраз, черты которых просматриваются в сценах средней плиты.

Здесь внимание сразу же привлекает образ чудовища с огромным хвостом и когтистыми лапами. В огромной распахнутой пасти видны острые зубы, на морде рог, на голове три округлых отростка. Описание похожего чудовища сохранилось в нартском эпосе. Однажды бог плодородия одарил нартов семенами чудесного проса, которое заперли в медном амбаре, выставив охрану. Но чудовище Еминеж, заклятый враг человеческой радости, решил украсть эти семена. Темной ночью он пробрался в селение нартов, подполз к амбару и «ударил по нему своим хвостом». Удар был так силен, что прогремел гром и вспыхнула молния, озарившая ночное небо. Нарт, охранявший амбар, был убит этой молнией, а сам амбар раскололся надвое. Еминеж схватил чудесные семена проса и убежал, «чудовище скрылось в ущелье, волоча свой хвост». В конце концов нарт Сосруко победил Еминежа, сбросив его с высоты облаков. Чудовище упало в пропасть, и оттуда вспыхнуло пламя — это хвост Еминежа ударился о скалу, высекая молнии [20, с. 62—67].

Как видим, вся сила монстра в его хвосте, размеры и свойства которого всячески подчеркиваются. Длина хвоста у изображенного на мавзолее зверя необычна и превышает длину тела чудовища. Именно на хвост герой с победоносным видом опускает секиру.

Грузинский автор XII в. дает описание грозного зверя, которого побеждает героический царь Джимшер II: «Тот зверь величиною ... с трех слонов... один рог у него длиною в 10 локтей, которым (чудовище.—

Н. О.) поднимает все, за что ни возьмется. Когти у него лютые... Глаза налиты кровью, зубы так остры, что если положить железо, то и его он легко разжует...» [24, с. 40, 41]. Ну не прекрасная ли иллюстрация нашего чудовища!

В осетинском эпосе говорится о чудовище с огромным хвостом, которое держало в плену захваченных им людей. Оно имело три волосинки, в которых заключалась его сила. В единоборстве нарт Хамыц срезал три волшебные волосинки зверя, изгнав его прочь. Нет ли здесь связи с тремя отростками на морде монстра с мавзолея?

Характерной особенностью сказаний о чудовищах является сюжет борьбы за женщину, или так называемое героическое сватовство. «Основной сюжетный стержень нартских сказаний составляют мотивы героизма — походы за добыванием славы, прежде всего против человеконенавистников-великанов, и борьба за создание и утверждение семьи (так называемое героическое сватовство)». И далее: «Нартскому эпосу присущ ряд самых характерных признаков. Самым решающим среди этих признаков является героический характер содержания эпоса (борьба с чудовищами и великанами в целях обретения жены, которую зачастую герой до этого никогда не видел)...» [21, с. 186].

В сказаниях о хазарских царях Джимшере I и Джимшере II, дошедших до нас с XII в. в чистом виде, герои то и дело бьются с чудовищами, побеждают их и добывают себе жен.

В соответствии с предложенной трактовкой, фигуру, изображенную правее сцены битвы героя с чудовищем, можно считать женской. К этому склоняет нас сюжет героического сватовства, который был очень популярен в то время, и очертания самой фигуры с пышной прической и в платье без пояса — обязательного атрибута мужской одежды.

Трудно сказать, что изображал средневековый мастер — сцены из эпических сказаний, приравнивая к ним знатного покойника, возведенного в ранг эпического героя, или же это простые иллюстрации к сказаниям. Но если учесть, что эпос тогда был живой историей, то можно предположить, что художник изобразил главного героя, наделив его качествами знаменитых героев нартских сказаний.

Как мы уже заметили, наиболее близкие совпадения наблюдаются между изображениями и нартским эпосом осетин и кабардинцев, несколько меньше — абхазцев. В этом нет никакой путаницы, если учесть, что в средние века Верхнее Прикубанье было занято собственно аланами и предками адыгских народов [1, с. 64]. Именно в той среде заканчивал свое формирование нартский эпос.

Как правило, похождения героев в эпических сказаниях заканчиваются счастливым концом и пиром. Не это ли изображено на верхней плите? Здесь видны танцующие люди, совершающие возлияния. Действия группы пирующих направлены к отдельно стоящей фигуре слева. Ей подается кубок. На нартских пирах первый почетный кубок подавали достойнейшему и храбрейшему. Может быть, это главный герой, которого чествуют на пиру за славные подвиги, изображенные на предыдущих плитах?

Крест и молящиеся перед ним фигуры слева не нарушают общую картину веселья, так как аланы хотя и приняли христианство, но не отказались еще от язычества и совмещали две религии. У осетин до последнего времени при совершении различных обрядов пили пиво, резали жертвенных животных, танцевали и здесь же совершали молитвы перед христианскими иконами и крестами.

В сцене пира мы снова видим столик на четырех ножках, который сравнивается с осетинским фынгом — жертвенным столиком. Такие столики из дерева иногда находят в аланских погребениях. Видимо, сохранилось их очень мало. Но можно думать, что их клали в могилы чаще и они каким-то образом связаны с погребальным обрядом.

Чтобы составить более полную картину о памятниках подобного рода и еще раз показать, как удачно их изображения соотносятся с представлениями осетин и некоторых других народов Северного Кавказа, с по-

гребальным обрядом и сказаниями нартского эпоса, следует проанализировать с предложенных позиций все известные памятники этого круга. Автором уже кое-что сделано в этом направлении. В данной статье мы приводим главным образом доказательства, основывающиеся на изображениях мавзолея с р. Кривой. Но полученные выводы подкрепляются изображениями на других памятниках (эльхотовский крест, крест с р. Камбилеевки и др.), рассмотрение которых будет темой отдельной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106.
2. *Кузнецов В. А.* Наземные гробницы на р. Кривой в Ставропольском крае.— КСИА, 1959, вып. 76.
3. *Кузнецов В. А.* Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья.— КСИА, 1961, вып. 85.
4. *Кузнецов В. А.* Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края, в 1953 году.— МИСК, 1954, вып. 6.
5. *Марковин В. И.* Составной дольмен у села Адербиевка и дольменовидные гробницы в бассейне р. Кяфар.— КСИА, 1975, вып. 142.
6. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
7. *Минаева Т. М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольск. книжн. изд-во, 1971.
8. *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971.
9. *Брокгауз Ф. А., Ефрон А. И.* Энциклопедический словарь. СПб., 1897, т. XX.
10. *Кулаковский Ю.* Две керченские катакомбы с фресками.— МАР. СПб., 1896.
11. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889, вып. 1.
12. *Миллер В. Ф.* Отголоски кавказских верований на могильных памятниках.— МАК, 1893, вып. 3.
13. *Калоев Б. А.* Обряд посвящения коня у осетин.— Тр. VII МКАЭН. М., 1970.
14. *Кузнецов В. А.* В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство, 1977.
15. *Тэйлор Э.* Первобытная культура. М.: Госсоцэкгиз, 1939.
16. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.
17. *Магометов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Ир, 1968.
18. *Гатиев Б.* Суеверия и предрассудки у осетин.— ССКГ, 1876, вып. IX.
19. *Абаев В. И.* Дохристианская религия алан.— Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.
20. Нарты. Кабардинский эпос. Изд. 2-е. М.: Гослитиздат, 1957.
21. *Инал-Ипа Ш. Д.* Памятники абхазского фольклора: Нарты. Аданы. Сухуми: Алашара, 1977.
22. *Ларичев В. Н.* Скульптура черепахи с поселения Малая Сыя и проблема космогонических представлений верхнепалеолитического человека.— В кн.: У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978.
23. *Далгат У. Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты. М.: Наука, 1972.
24. *Джанашвили М. Г.* Известия грузинских летописей и историков о Херсонесе, Готии, Осетии, Хазарии, Дидоэтии и России.— СМОМПК, 1899, вып. XXVI.

N. A. Okhonko

MURAL PAINTINGS IN A TOMB ON THE KRIVAYA RIVER (THE KUBAN AREA)

Summary

The author takes as his subject the interpretation of the mural paintings found in a stone tomb of a representative of 10th-11th-century Alan nobilty. He does it basing himself on the archaeological, epic and mythological sources, and the burial rites of the North Caucasian peoples, the Ossetes in the first place. Semantically, the paintings are interpreted in the following way:

The front, east oriented, plate shows the main hero starting his journey to the next world and receiving blessing from a priest. His departure is accompanied by pagan libation which is symbolised by a cup-bearer in the left (Fig. 1). The continuation is on the northern wall (Fig. 2), which consists of three plates. The lower one is rather in-

comprehensible, depicting, probably, the military, hunting and religious rituals dedicated to the deseased. The middle plate presumably shows the hero's travel to the next world. The reliefs on the upper plate illustrate his journey to heaven and the inhabitants of the next world whom he encounters on his way. The western wall depicts the hero's life in heaven (Fig. 3) while on earth funeral sacrifices are made to him. The south wall, like the northern one, consists of three horizontally placed plates. The picture on the lower one can be explained with the help of the Narts' epos related to their origin. It may even be regarded as an attempt at substantiating the Nart extraction of the ruling Alan dynasty. The middle plate bears the scene of the hero's match-making, with the deseased who has become an epic hero after his death in the centre. The upper plate crowns the hero's glorious feats with a happy end.

Pagan cults and Christianity are mixed in the paintings.

СКОРОБОГАТОВА Т. В.

ОДНА ИЗ ГРУПП ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КЕРАМИКИ XIV В.

Поливная орнаментированная керамика является важной частью прикладного искусства золотоордынских городов XIV в. Керамическое ремесло Золотой Орды не имело своих традиций ни в производстве поливной керамики, ни в ее орнаментации. Оно складывалось под влиянием таких высококультурных центров, как Китай, Средняя Азия, Иран и т. д. В связи с этим проблема систематизации и классификации поливной керамики является важной задачей в изучении всего прикладного искусства Золотой Орды.

Художественная керамика неоднократно привлекала к себе внимание как советских, так и зарубежных исследователей. Рассматривалась поливная керамика Крыма, Хорезма, Закавказья, Ирана, Китая и других центров. Немало работ посвящено и золотоордынской поливной керамике. Первые шаги на пути изучения художественной керамики Золотой Орды были сделаны К. Н. Папа-Афанасопуло [1], А. Ю. Якубовским [2], Э. К. Кверфельд [3], наиболее подробную классификацию керамики дал Н. М. Булатов [4—6].

Но все исследователи, занимавшиеся изучением художественной керамики как золотоордынских городов, так и других центров, уделяли основное внимание хронологической, производственной, технологической сторонам проблемы. Орнаменты же, не являвшиеся основной темой исследования, рассматривались лишь в связи с изучаемыми вопросами и не были специальным объектом исследования. В результате этого нигде, за редким исключением, не публиковалась внешняя сторона сосудов. В. И. Шляховой была сделана попытка классифицировать орнаментальные мотивы лишь на одной небольшой группе художественной керамики — керамике на кашинном[1] тесте с кобальтовой росписью под прозрачной бесцветной поливой [7]. Искусствоведческой стороне проблемы была посвящена значительная глава в книге Г. А. Федорова-Давыдова «Искусство кочевников и Золотой Орды» [8].

Данная работа ставит задачей на основе материалов с Селитренного и Царевского городищ[2] провести классификацию поливной керамики Золотой Орды по орнаментальным мотивам, проследить аналогии этим орнаментальным мотивам и выделить основные центры заимствования.

Художественная керамика объединяет в себе посуду, различную не только по своей орнаментации, но и по составу теста, формам, поливам, характеру росписи[3]. В связи с этим классификация керамики на основании одних лишь орнаментальных мотивов без привлечения технологических исследований невозможна. Такие технологические исследования были проведены Н. М. Булатовым по материалам раскопок золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа 1959—1968 гг. [4—6].

---

[1] Кашинная керамика — керамика с пористым, рассыпчатым тестом, с белым черепком (иногда черепок бывает кирпичного цвета, что является, видимо, производственным браком).

[2] Основной материал происходит из гончарной мастерской на Селитренном городище — более $^2/_3$ всего материала. Исследован материал раскопок 1966—1980 гг.

[3] Под характером росписи подразумевается набор красок, наличие или отсутствие рельефа и т. д.

На основании имеющегося керамического материала (всего было обработано 929 образцов) по составу теста, характеру росписи и орнаментальным мотивам вся поливная керамика была разделена на три отдела: 1 — кашинная керамика с подглазурной росписью под прозрачной поливой (562 образца); 2 — кашинная керамика с надглазурной росписью и непрозрачной поливой (35 образцов); 3 — красноглиняная керамика (332 образца) [4]. На основании характера росписи и орнаментальных мотивов каждый отдел был разбит на несколько групп, которые в свою очередь были разделены на несколько типов.

Из-за ограниченного объема статьи не представляется возможным дать классификацию всей поливной орнаментированной керамики. Поэтому здесь будет рассматриваться лишь одна группа кашинной керамики с подглазурной росписью под прозрачной поливой (1-й отдел). Кашинная керамика с подглазурной росписью под прозрачной поливой (1-й отдел) включает в себя три большие группы: I — с полихромной росписью (314 образцов); II — с росписью черным по бирюзовому фону (87 образцов); III — с росписью типа «кобальт» (161 образец) [5]. В статье будет подробно рассматриваться I группа — с подглазурной полихромной росписью [6].

Эта группа керамики представлена в основном различными пиалообразными чашами, незначительным количеством остроребериых сосудов и несколькими блюдами.

В отличие от отделов и групп типы выделялись в первую очередь на основании орнаментальных мотивов, а также принимался во внимание и характер росписи. Орнаментальные мотивы на внутренней стороне сосудов этой группы очень разнообразны, а на внешней стороне выделяются довольно устойчивые орнаментальные схемы. В связи с этим в основу классификации были положены орнаментальные схемы на внешней стороне сосудов [7]. На их основании вся группа была разделена на четыре типа: А — с полихромной росписью с рельефом; Б — с полихромной росписью без рельефа; В — с полихромной росписью и орнаментом «рисовое зерно» [8]; Г — с росписью синим и черным по белому фону и с орнаментом «рисовое зерно».

Тип А. Керамика с подглазурной полихромной росписью с рельефом. Этот тип представлен в основном пиалообразными чашами; все остроребериые сосуды с полихромной подглазурной росписью относятся к этому типу (всего тип А включает 132 образца).

Важнейшим отличительным признаком типа А является арочный орнамент на внешней стороне сосудов (рис. 1, *1*). Он представляет собой узкие двойные рельефные арки, расцвеченные крупными синими точками [9]: одна вверху и по две, реже по три или четыре точки на каждой вертикали. Внутри каждой арки проходит полоса из косых штрихов (наиболее распространенный вариант), либо прямая линия, либо прямая линия с нанесенными на ней синими точками. Сверху арки могут

---

[4] Первые два отдела совпадают с отделами, выделенными Н. М. Булатовым [5, с. 98]. Красноглиняная поливная керамика была разбита им на два отдела [6, с. 75, 76]. На основании орнаментальных мотивов автор статьи всю красноглиняную керамику объединяет в один отдел.

[5] Н. М. Булатов керамику с полихромной росписью и с росписью типа «кобальт» объединяет в одну группу — керамика с прозрачной бесцветной поливой [5], разбивая лишь на типы. На основании орнаментальных мотивов объединять их в одну группу не представляется возможным.

[6] К этой группе относится 55,87% всей обработанной керамики 1 отдела.

[7] Первые два типа, выделенные автором по орнаментальным мотивам, совпадают с типами, выделенными Н. М. Булатовым по технологическому принципу [5, с. 99—101], поэтому, хотя классификация проводилась на основании орнаментальных мотивов, принимаются названия типов, данные Н. М. Булатовым, названия вторых двух типов дается в соответствии с первыми двумя. К тому же давать названия типов по орнаментальным мотивам затруднительно, так как пришлось бы приводить в названии их довольно подробное описание.

[8] Этот орнамент представляет собой сквозные отверстия в стенках сосудов, заполненные тонким слоем поливы, что создает впечатление ажурности орнамента.

[9] Замечание Н. М. Булатова о беспорядочном размещении точек неверно — расположение и количество их вполне определенно [5, с. 100].

Рис. 1. Селитренное городище. *1*, *2* — кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью с рельефом; *3* — фрагмент кашинной чаши с подглазурной полихромной росписью без рельефа

перекрываться скобочкой-связкой, иногда роль такой связки выполняют две-три небольшие темно-зеленые точки. В ряде случаев связка отсутствует. Аналогичные арки, но не расцвеченные синими точками, известны в керамике Ирана XIV в. [9, рис. 1, *4*], встречаются они и в одновременной керамике Западного Казахстана (Сарайчик) [10, с. 193, рис. 11], об арочном орнаменте на внешней стороне хорезмийских сосудов упоминает и Н. Н. Вактурская [11, с. 322].

Как разновидность арочного орнамента можно рассматривать двойные рельефные вертикальные линии с крупными синими точками и с полосами из косых штрихов или прямой линией между ними.

В этом типе известны лишь два образца, представляющих исключение. На одном образце полосы из штрихов образуют косые кресты, ограниченные сверху и снизу горизонтальными линиями. Повторяясь несколько раз, они образуют ромбы и треугольники. В ромбы вписаны двойные медальоны с синей точкой в центре и пятью вокруг нее. Вокруг медальонов расположены группы из трех темно-зеленых точек. В треугольники вписаны круги с одной синей точкой внутри либо ромбовидные фигуры с пятью точками внутри; вокруг каждой фигуры расположено по три темно-зеленые точки. Орнамент имеет легкий рельеф (рис. 1, *2*). Этот орнамент более характерен для керамики типа Б.

Аналогии ему имеются на иранском хувшине XIII в. [12, с. 42, рис. 67].

На другом образце в нижней части дана неширокая горизонтальная полоса с косыми крестами, от которой вверх отходят вертикальные полосы: полосы из трех широких синих линий, а между ними полосы с орнаментом, напоминающим листья папоротника[10], орнамент также более характерный для керамики типа Б. Весь орнамент не имеет рельефа.

Керамика этого типа имеет еще два обязательных признака: расцветка всех основных деталей орнамента крупными синими точками и заполнение свободного поля мелкими темно-зелеными точками, реже штришками или спиральками в один виток. Заполнение фона мелкими точками известно в иранской и самаркандской керамике уже в домонгольское время [13, с. 53, рис. 110(А), 55(Н), 55(С)].

Для керамики типа А характерна роспись по белому, реже по бирюзовому фону. Роспись производилась тремя красками: темно-зеленой (ее оттенок мог колебаться от зеленой и зеленовато-серой до темно-коричневой и черной), синей, бирюзовой (она использовалась в качестве подцветки орнамента крупными расплывчатыми пятнами и не являлась обязательной для каждого орнамента, на некоторых бирюзовая краска отсутствует)[11].

Этот тип керамики отличается тем, что при фактически единой орнаментальной схеме на внешней стороне пиалообразных чаш на внутренней их стороне не прослежено ни одной устойчивой орнаментальной схемы. Здесь выделяется лишь небольшой набор отдельных элементов, из которых создаются многочисленные орнаментальные схемы, отличные друг от друга, что придает каждому сосуду неповторимую индивидуальность.

Наиболее распространенными на сосудах этого типа являются растительные мотивы. Они представлены цветком с лепестками подтрапециевидной формы (рис. 2, *9*), который располагается в основном в центральной части сосудов. Располагаясь на стенках сосудов, этот цветок образует так называемый «колесовидный орнамент» — цветы располагаются на тонких стеблях с маленькими листочками тремя рядами в шахматном порядке над центральным кругом (рис. 3, *1*). И цветок с лепестками подтрапециевидной формы, и «колесовидный орнамент» встречаются в одновременной хорезмийской керамике [14, с. 34, рис. 7, 8].

Одним из самых распространенных элементов орнамента является цветок лотоса (рис. 4, *5*), который может располагаться как в центральной части сосуда, так и в крупных медальонах, на его стенках. Наиболее близкий цветок лотоса встречен в сирийской и египетской керамике XIII—XIV вв. [9, рис. 1, № 12(А); 15, табл. XVIII, *68*; XXI, *75*], известен он и на китайских сосудах [16, табл. II, *5*, *6*].

Растительные побеги на керамике данного типа представлены крупными мясистыми листьями на маленьких тонких стеблях. Такой рисунок листьев характерен только для керамики типа А. Аналогии ему прослеживаются в керамике Западного Казахстана [10, с. 188, рис. 1, *4*; с. 193, рис. 7, 10, 11], Хорезма [11, рис. 29, *1*], Самарканда [17, рис. 295; 18, рис. 124]. Растительные побеги могут располагаться в виде отдельных орнаментальных полос (рис. 3, *1*), нередко служат обрамлением центрального орнамента (рис. 4, *5*; 5, *2*, *3*), реже встречаются в виде различных переплетений как в центральной части сосудов (рис. 5, *5*), так и на его стенках.

---

[10] В дальнейшем этот орнамент будет называться просто «листья папоротника».

[11] На некоторых образцах с бирюзовым фоном роспись была не полихромной, а выполнена черной краской, а в ряде случаев отсутствовал даже рельеф орнамента (рельеф орнамента как обязательный признак керамики данного типа был выделен еще Н. М. Булатовым [5, с. 99]). Это, вероятно, можно объяснить тем, что здесь происходит смешение двух групп керамики — с подглазурной полихромной росписью и с росписью черным по бирюзовому фону. Не исключена возможность, что эти образцы (они все происходят из мастерской на Селитренном городище) являются следствием производственного брака.

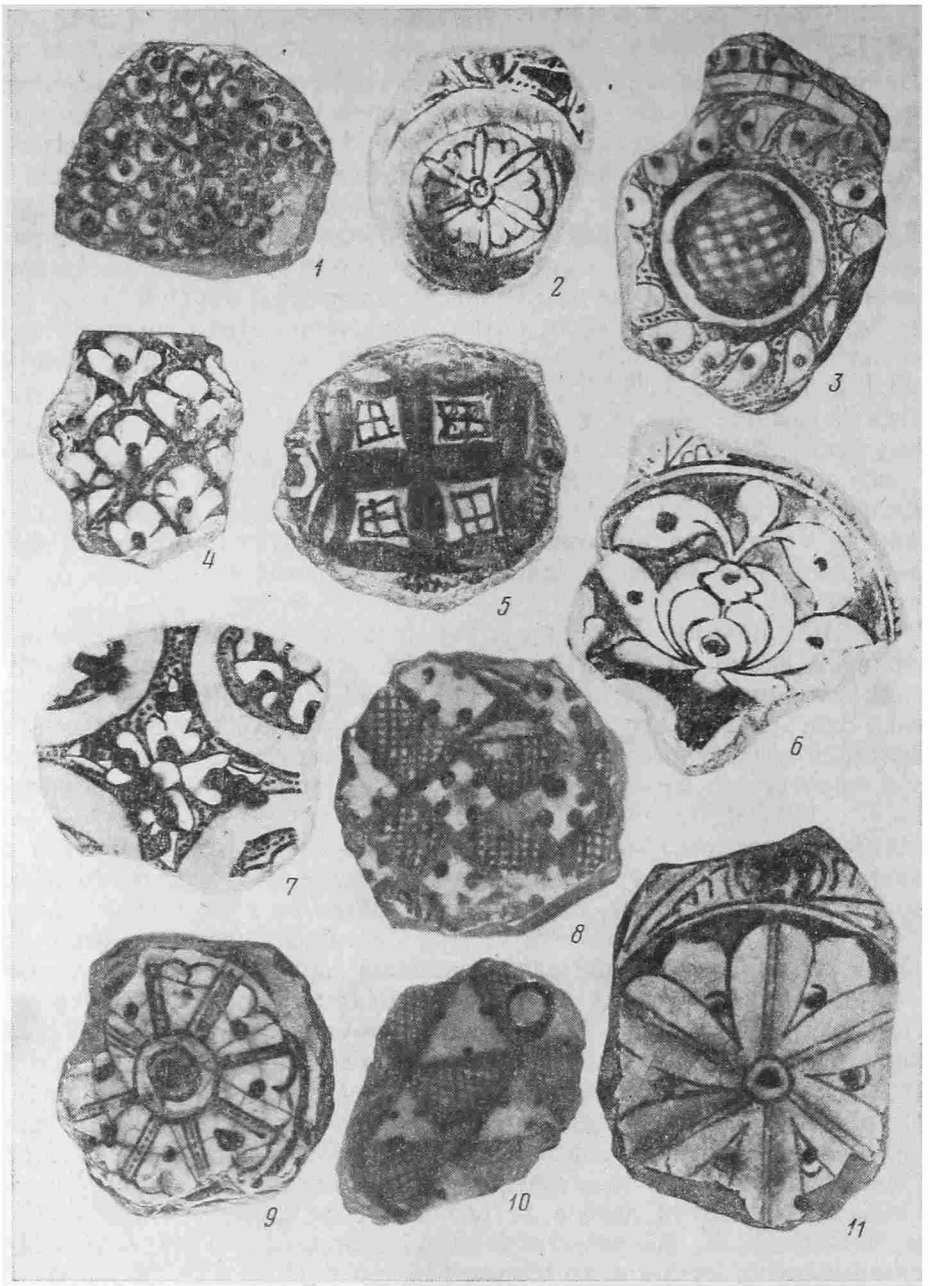


Рис. 2. Селитренное городище. *1*, *3*, *4*, *7*, *9* — фрагменты кашинных чаш с подглазурной полихромной росписью с рельефом; *2*, *5*, *6*, *8*, *10*, *11* — фрагменты кашинных чаш с подглазурной полихромной росписью без рельефа

Одним из наиболее часто встречающихся элементов является трилистник, который может располагаться отдельной орнаментальной полосой, занимать всю центральную часть сосуда (рис. 2, *1*) или его стенки (рис. 2, *4*), в качестве составного элемента он может входить и в другие орнаменты. Аналогичные трилистники известны в иранской керамике XIII в. [19, табл. 703(B)], встречаются они и в керамике Хорезма [11, рис. 29, *1*]. Известна геометризованная форма трилистника, когда у небольшого ромба лишь намечаются лепестки. Аналогия этой форме трилистника известна на самаркандской чаше XIV в. [17, рис. 295].

Среди растительных мотивов встречается цветок с маленькой круглой серединой и четырьмя лепестками-трилистниками, средний лепесток каждого трилистника сильно удлинен (рис. 2, *7*). Вариантом этого цветка

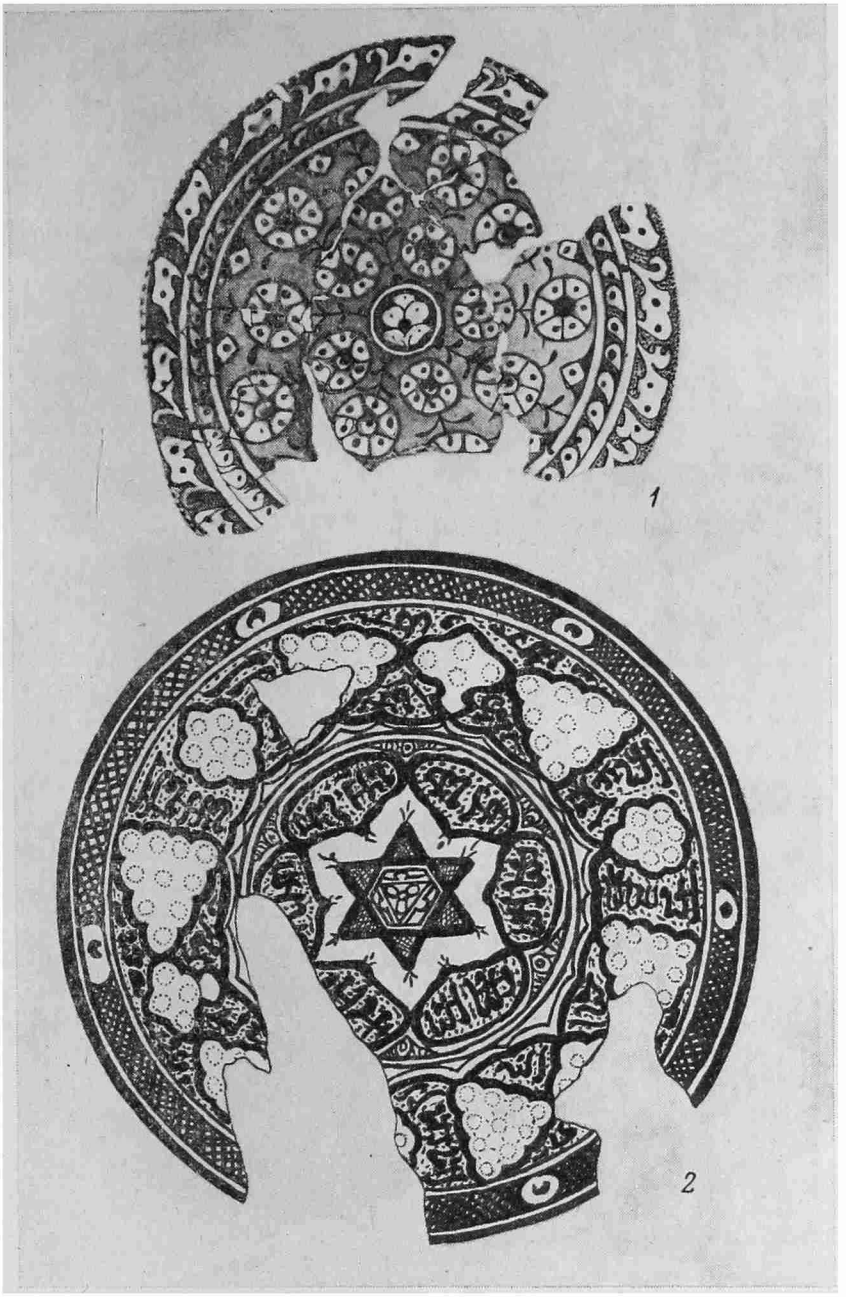


Рис. 3. Селитренное городище. *1* — кашинная чаша с подглазурной полихромной росписью с рельефом; *2* — кашинная чаша с подглазурной полихромной росписью и с орнаментом «рисовое зерно»

является цветок с тремя лепестками-трилистниками на длинном, раздвоенном в верхней части стебле (рис. 5, *2*).

К одним из самых распространенных можно отнести и орнамент «павлиний глаз», представляющий собой крупные мазки с синей точкой в нижней более широкой части. Чаще всего он встречается в виде отдельных орнаментальных полос (рис. 2, *3*; 3, *1*; 4, 5), иногда в качестве составного элемента он входит в другие орнаменты. Мотив «павлиньего глаза» встречается в самаркандской керамике предмонгольского времени [13, с. 53, рис. 55(Н)], хотя расположение и форма его несколько отличны от золотоордынского варианта. Известен он и в синхронной керамике Хорезма [11, рис. 35, *3*, *4*] и Западного Казахстана [10, с. 193, рис. 7, 10, 11].

Из зооморфных мотивов известен лишь мотив водоплавающей птицы (рис. 5, *3*). Птицы располагаются только в центральной части сосудов

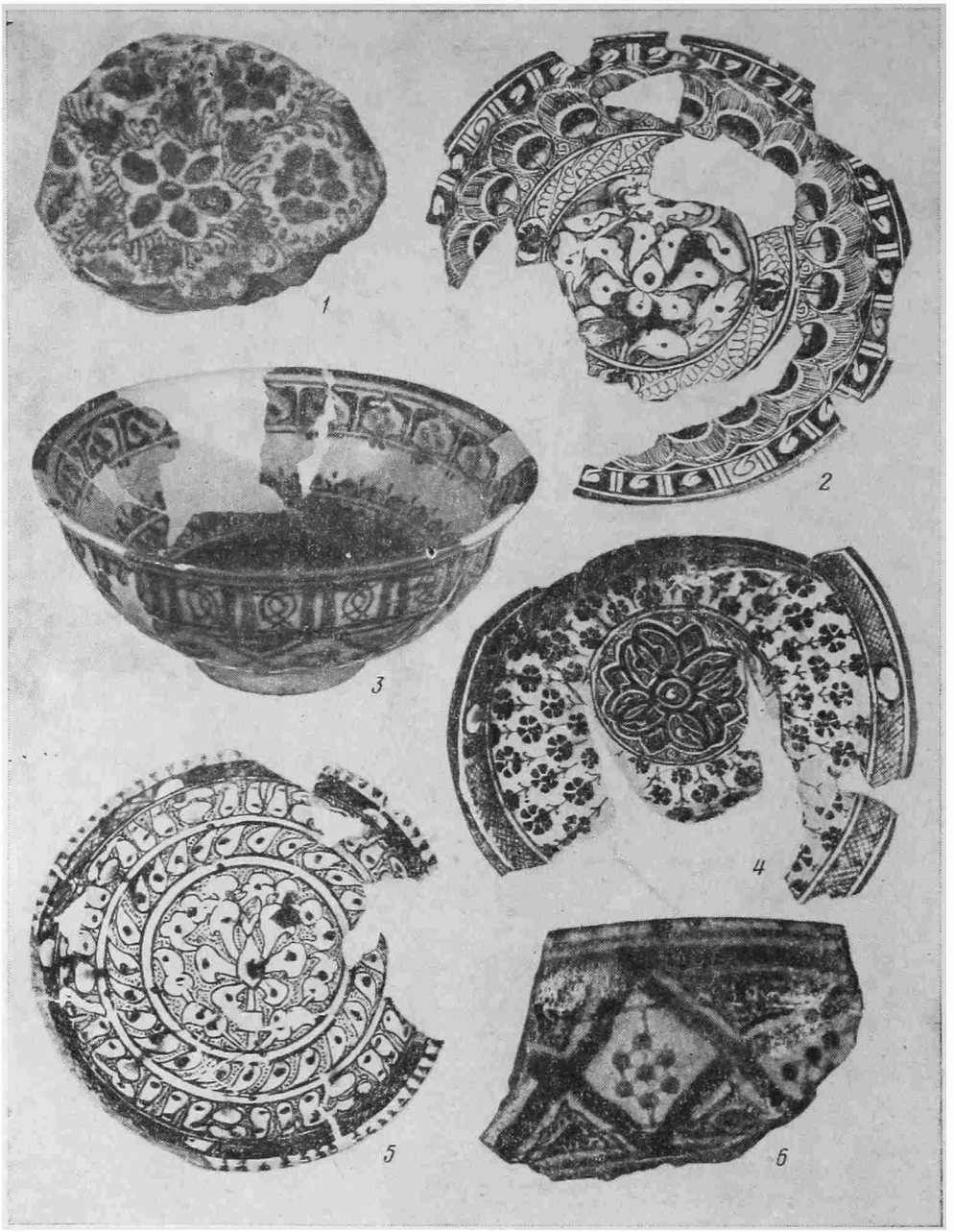


Рис. 4. Селитренное городище. *1* — фрагмент кашинной чаши с подглазурной полихромной росписью без рельефа; *2—4* — кашинные чаши с подглазурной полихромной росписью без рельефа; *5* — кашинная чаша с подглазурной полихромной росписью с рельефом; *6* — фрагмент кашинной чаши с росписью синим и черным по белому фону и с орнаментом «рисовое зерно»

в обрамлении растительного орнамента. Подобные птицы известны на самаркандских чашах XIV в. [17, рис. 295; 18, рис. 124], в керамике Сарайчика [10, с. 193, рис. 7, 10, 11], Хорезма [11, рис. 29, *1*].

На одной из чаш с Селитренного городища в центральной части сосуда изображен сфинкс[12]. Аналогия ему прослеживается в иранском искусстве XII в. [13, с. 55, рис. 110; 19, рис. 746(А); 12, рис. 52], хотя там и наблюдается ряд отличий.

Эпиграфический орнамент представлен повторяющимся стилизованным арабским словом «успех». Располагается он всегда отдельной широкой полосой (рис. 4, *5*). Аналогичный эпиграфический орнамент хорошо

[12] Подробное описание и рисунок его дан в статье В. А. Филипченко [20, с. 246, 247, рис. 1].

Рис. 5. Селитренное городище. *1*, *4* — фрагменты кашинных чаш с подглазурной полихромной росписью без рельефа; *2*, *3*, *5* — фрагменты кашинных чаш с подглазурной полихромной росписью с рельефом; *6* — фрагмент кашинной чаши с подглазурной росписью синим и черным по белому фону и с орнаментом «рисовое зерно»

известен в синхронной керамике Хорезма [11, рис. 35, *3*, *4*] и Западного Казахстана [10, с. 193, рис. 7, 10, 11].

Среди геометрических орнаментов наиболее часто встречается шестиконечная звезда, представляющая собой два взаимопересекающихся треугольника, образующих в центре шестиугольник, над каждой стороной которого расположен треугольник. Орнамент наносился в шестиугольнике, в каждом треугольнике и между лучами звезды. Мотив шестиконеч-

ной звезды был широко распространен на Востоке и в Византии, был известен он и в средневековой керамике Херсонеса [21, с. 190].

К геометрическим орнаментам относится и сетка, располагающаяся полосой, чаще всего под венчиком сосуда, и прерывающаяся овальными медальонами с бирюзовым пятном внутри (рис. 4, *5*). Иногда сетка могла располагаться в центральном круге как основной орнамент (рис. 2, *3*). Сетка всегда наносилась синей краской и, где бы она ни располагалась, никогда не имела рельефа.

Орнамент «елочка» встречается в данном типе керамики не часто, в основном на керамике с бирюзовым фоном, и, так же как и сетка, никогда не имеет рельефа. Если этот орнамент нанесен по белому фону, то контуры его темно-зеленые и он попеременно расцвечен синей и бирюзовой красками. Если же орнамент нанесен по бирюзовому фону, то он обычно черный.

Край венчика всегда оформлялся крупными синими точками (рис. 1, *1*, *2*; 3, *1*; 4, *5*). Сплошная линия, идущая по краю венчика, встречена лишь на двух образцах, что можно считать редким исключением для данного типа. Оформление края венчика точками имело широкое распространение в керамике Ирана с XII—XIII вв. [19, табл. 660(А), 662(А), 662(В), 663(В), 664, 672].

На сосудах типа А орнамент имеет кольцевидное расположение. Радиальный орнамент известен всего на трех образцах и представляет собой полосы с переплетением растительных побегов и с горизонтальными рядами зигзагов. Орнаментальные полосы отделяются друг от друга широкими рельефными поясками с редкими крупными синими точками. Полосы с сеткой и орнаментом «елочка» отделяются от других полос узкими нерельефными поясками без точек.

На остроребериых сосудах, хотя они и представлены несколькими образцами, можно говорить об определенной, вероятно, устойчивой орнаментальной схеме. Об орнаменте в центральном круге на внутренней стороне этих сосудов судить трудно, так как он встречен всего лишь на одном незначительном фрагменте. Над центральным кругом, по-видимому, обязательно, идут цветы с серединой — синей точкой и четырьмя округлыми лепестками и отходящими вверх вертикальными линиями, расположенными между цветами. Далее идет широкая неорнаментированная полоса. Под венчиком располагается ряд крупных трилистников. На внешней стороне под венчиком идет полоса с синей сеткой. Ниже помещается широкая полоса с трилистниками, расположенными основаниями вверх. Ребро выделяется разграничивающим пояском с крупными синими точками. Ниже, под ребром, идет характерный для всего типа арочный орнамент либо его разновидность — вертикальные рельефные линии.

Тип Б. Керамика с подглазурной полихромной росписью без рельефа. Этот тип керамики, как и тип А, представлен в основном пиалообразными чашами; к типу Б относятся и все известные блюда (всего 170 образцов).

Орнаменты на внутренней стороне сосудов этого типа значительно разнообразнее, чем на сосудах типа А, резко отличаются друг от друга; орнаменты почти половины всех образцов известны пока лишь в единственном экземпляре. Объединяющим признаком для данного типа является орнамент на внешней стороне сосудов.

Орнамент на внешней стороне сосудов типа Б представляет собой широкую полосу, ограниченную горизонтальными линиями под венчиком и в придонной части, внутри которой полосы из штрихов образуют косые кресты (рис. 1, *3*). Повторяясь несколько раз, эти кресты образуют треугольники и ромбы. В треугольники вписываются углы с широкими синими контурами, а в ромбы — круги, также с широкими синими контурами. Вариантов этого орнамента нет. Лишь на одном образце вокруг синих кругов расположено по четыре темно-зеленые точки; также на одном образце в ромб вписан цветок — синий круг с темно-зеленой спиралью внутри, на тонком стебле с тремя листочками, вокруг цветка и углов в треугольниках расположены темно-зеленые точки.

Рис. 6. Селитренное городище. *1* — фрагмент кашинной чаши с подглазурной полихромной росписью без рельефа; *2*, *3* — фрагмент кашинных блюд с подглазурной полихромной росписью без рельефа

На некоторых фрагментах сосудов дан орнамент в виде групп из трех вертикальных синих линий, между которыми расположено по две взаимопересекающихся спирали, раскручивающихся в разные стороны. Орнамент на внутренней стороне этих сосудов позволяет отнести их к данному типу. Не исключено, что эта орнаментальная схема также характерна для типа Б, но является редко встречающимся вариантом.

В данном типе керамики на внешней стороне сосудов встречается еще несколько орнаментов, но они представлены в единственном числе на очень незначительных фрагментах, в связи с чем трудно выделить определенную орнаментальную схему, орнаменты же на внутренней стороне этих фрагментов позволяют отнести их к типу Б.

При росписи керамики типа Б применялись два набора красок: темно-зеленая, синяя и бирюзовая (ее использование аналогично типу А) либо черная и синяя с очень редким использованием бирюзовой краски.

В отличие от керамики типа А на керамике типа Б выделяются две устойчивые орнаментальные схемы на внутренней стороне сосудов.

Орнаментальная схема I. На внешней стороне сосудов здесь встречается расположенная под венчиком полоса, разделенная двойными вертикальными синими линиями на квадраты, в которые вписаны двойные взаимопересекающиеся полуокружности[13]. Эта полоса характерна только для орнаментальной схемы I, но вместе с тем не является для нее обязательной.

В середине центрального круга на внутренней стороне изображался синий цветок с шестью лепестками, вокруг которого располагались такие же цветы, окруженные растительными побегами, расцвеченными крупными синими точками. Над центральным кругом располагался ряд крупных синих точек, как бы взятых в скобки, с небольшими штрихами вверху между скобками. На одной из чаш над центральным кругом расположена дополнительная полоса с зигзагообразной линией (рис. 4, *3*). Далее шла широкая незаполненная полоса, в верхней части которой под разграничивающим пояском иногда помещалась волнистая линия, либо двойные штрихи, либо точки. Под венчиком располагалась полоса с фигурными арочками, в которые вписывалось по четыре крупные синие точки (рис. 4, *1*, *3*). Близкая орнаментальная схема на внутренней стороне сосудов известна в кашинной керамике Хорезма XIV в. [11, рис. 24, *2*].

Орнаментальная схема II. Для этой схемы характерен определенный набор элементов, расположение которых может быть различно. Вполне устойчивое положение имеет лишь крайняя полоса под венчиком. Она разделена тройными вертикальными линиями на прямоугольники, в которые вписаны фигуры, напоминающие крупные запятые. Фон прямоугольников чередуется: три — синих, один — бирюзовый (рис. 4, *2*; 6, *1*). Орнамент этой полосы характерен только для данной орнаментальной схемы.

Для схемы II также характерна полоса с «листьями папоротника», прерывающаяся в нескольких местах овальными медальонами с синими точками (рис. 6, *1*) или маленькими синими цветочками (рис. 4, *2*). Существует несколько образцов, где этот элемент встречается в другой орнаментальной схеме. Похожий орнамент известен в иранской керамике IX—X вв. [22, с. 95, рис. 57], самаркандской керамике XI в. [23, рис. 20], почти полная аналогия с незначительным отклонением известна на иранской чаше XIII в. [19, табл. 646(В)], близкий орнамент известен и в анийской керамике [24, рис. 9].

Следующий элемент орнамента, характерный для этой схемы, представляет собой фигуры, напоминающие перо павлиньего хвоста[14]. «Павлиний хвост», расположенный в один ряд, может идти отдельной неширокой полосой либо, заключенный в крупные медальоны (один в медальоне, два вверху между медальонами, один внизу),— широкой полосой. Подобный орнамент, но входящий в другие орнаментальные схемы, известен в хорезмийской керамике XIV в. [11, рис. 32, *5*, *6*].

Если полоса с «листьями папоротника» расположена над центральным кругом, то над ней идет полоса с «павлиньим хвостом», расположенным в один ряд (рис. 4, *2*). Если же полоса с «листьями папоротника» расположена в верхней части сосуда, то над центральным кругом располагается полоса с «павлиньим хвостом», заключенным в медальон (рис. 6, *1*).

В центральный круг вписывался цветок лотоса, имеющий несколько вариантов (рис. 2, *6*; 4, *2*; 5, *1*). Аналогии ему прослеживаются в китайской керамике сунского времени [25, рис. 60, 61(а)]. Некоторые варианты цветка лотоса не имеют аналогий, являясь, видимо, самостоятельным золотоордынским вариантом этого орнаментального мотива.

---

[13] Не исключена возможность, что этот орнамент является упрощенным, как бы сокращенным вариантом второй, редко встречающейся орнаментальной схемы на внешней стороне сосудов, соединенной с наиболее употребляемой орнаментальной схемой.

[14] В дальнейшем этот орнамент будет называться «павлиний хвост».

В центральном круге может располагаться и цветок с двумя группами лепестков: часть лепестков разделена двойными вертикальными линиями надвое и расцвечена бирюзовой краской, вторая расположена за первой, каждый лепесток у основания имеет крупную точку, перекрытую небольшой скобочкой (рис. 2, *11*). Судя по тому, что на всех фрагментах с этим цветком над центральным кругом расположена полоса с «листьями папоротника», здесь, видимо, существует лишь один вариант этой орнаментальной схемы: цветок — «листья папоротника» — «павлиний хвост», расположенный в один ряд,— «квадраты с запятыми». Фон в центральном круге чаще всего синий, у цветов лотоса иногда встречается бирюзовый или заштрихованный фон.

Все остальные орнаментальные мотивы на керамике типа Б не составляют устойчивых орнаментальных схем. Далее можно говорить только об отдельных элементах орнамента либо о некоторых устойчивых их сочетаниях в основном на центральной части сосудов. Наиболее характерны для данного типа растительные и геометрические орнаменты. В центре сосудов встречаются многочисленные цветковые розетки с различным количеством лепестков и различной конфигурации (рис. 2, *2*; 4, *4*). Большинство из них, как уже говорилось, известно в единственном экземпляре и не имеет аналогий.

Наиболее часто встречаются цветы на маленьком стебле с одной или двумя парами округлых лепестков, сверху перекрытых еще одним более крупным лепестком. Середина цветка выражена небольшой скобочкой (рис. 6, *2*, *3*) [15]. Подобный цветок известен на херсонесском красноглиняном сосуде XII в. с гравированным орнаментом [21, табл. XIX, *1*], в одновременной керамике Азербайджана [26, с. 142, рис. 68].

Характерным для данного типа является изображение хризантемы. Она может располагаться как в центральной части сосуда, так и на его стенках, заключенная, аналогично цветку лотоса, в крупные медальоны. Изображение хризантемы появляется в Китае в сунское время и получает в юаньское время широкое распространение [27, с. 72].

На стенках значительного количества сосудов наносился рисунок который ближе всего стоит к колесовидному орнаменту типа А: это мелкие цветы на тонких стеблях, расположенные рядами в шахматном порядке над центральным кругом (рис. 4, *4*). Прямая аналогия этому орнаменту прослеживается на иранской чаше XIII в. [19, табл. 733(В)]. Подобный орнамент известен и на хорезмийских сосудах XIV в. [11, рис. 32, *4*].

Довольно часто в центре изображался крупный цветок, серединой которого служил большой круг, а внутри последнего растительные побеги образовывали треугольник. Фон внутри круга бирюзовый. Над кругом расположены большие ромбовидные лепестки, заполненные сеткой с бирюзовой точкой в центре. Цветок окружала широкая полоса со стилизованным эпиграфическим орнаментом (арабское слово «успех») (рис. 5, *4*).

Из геометрических орнаментов, как и в типе А, наиболее часто встречается шестиконечная звезда, орнаментация которой производилась аналогично типу А. На одном фрагменте встречена звезда с пятью лучами. А. Л. Якобсон указывает, что подобный вариант звезды «встречается в Херсонесе в качестве слабо рельефной метки на позднесредневековой черепице» [21, с. 190].

Нередко в центральной части сосудов изображались различные крестовидные фигуры, в центре и в лучах которых располагались цветы лотоса, цветы с округлыми лепестками на маленьком стебле, растительные побеги (рис. 6, *3*), эпиграфический орнамент.

В центральный круг также мог вписываться квадрат, составленный восемью узкими лепестками с широкими синими контурами и бирюзовой серединой. Такие же лепестки делят этот квадрат на четыре маленьких, в каждый из которых вписывалось маленькое квадратное или округлое

[15] Аналогичные цветы как исключение известны на двух образцах типа А: один цветок с тремя лепестками и один — с пятью (рис. 3, *1*), так же как и в типе Б, они не имеют рельефа. Не исключена возможность, что эти цветы являются стилизованным, упрощенным вариантом цветка лотоса.

«окошко» (рис. 2, *5*). Аналогичное построение орнамента встречается в сунской керамике Китая [25, рис. 56(Н)], хотя оформление его там отличается от золотоордынского варианта. Наиболее близкая аналогия ему известна в согдийской керамике XI в. [28, табл. LXVI, *1*].

Большую группу составляют сосуды, центральная часть которых или стенки разделены на квадраты (рис. 2, *8*), прямоугольники или треугольники (рис. 2, *10*), расположенные в шахматном порядке: часть из них заштрихована сеткой, часть имеет у каждой из сторон небольшую точку. Это единственный вид орнамента, где основным может быть не только белый, но и бирюзовый фон[16]. Аналогия этому орнаменту прослеживается в согдийской керамике VIII — середины IX в. [28, табл. XLI, *1*, *6*].

Не менее характерной, чем в типе А, является сетка, которая может быть расположена как горизонтальной (рис. 4, *4*), так и вертикальной полосой.

Как и в керамике типа А, на керамике типа Б часто встречается эпиграфический орнамент. Но здесь кроме стилизованного арабского слова «успех» нередко помещается нечитаемая надпись. Эпиграфический орнамент не имеет, как в типе А, строго определенного начертания и располагается на каждом сосуде в различных фигурах и полосах в соответствии с орнаментальной схемой данного сосуда (рис. 5, *4*; 6, *2*; 7, *2*).

По краю венчика чаще всего наносилась сплошная линия (рис. 4, *2—4*; 6, *1*). Если для керамики типа А характерны точки на венчике, а сплошная линия — редкое исключение, то в типе Б наблюдается обратное — точки на венчике встречаются довольно редко. Орнамент на керамике типа Б мог располагаться как кольцевидными, так и вертикальными полосами, которые отделялись друг от друга узкими разграничивающими поясками.

Тип В. Керамика с подглазурной полихромной росписью и с орнаментом «рисовое зерно». Наиболее важным отличительным признаком этого типа является одинаковый принцип орнаментации полосы, расположенный над центральным кругом. Это орнамент «рисовое зерно», вокруг которого идет широкий синий контур, а на свободном поле нанесен стилизованный эпиграфический орнамент (арабское слово «успех»). Расположение орнамента «рисовое зерно» на всех чашах различно, в связи с этим различен и контурный рисунок. Орнамент на внешней стороне совпадает с орнаментом на этой полосе. Небольшое отличие состоит лишь в том, что внешняя сторона, являясь менее значительной, чем внутренняя, орнаментировалась не так тщательно — в некоторых местах эпиграфический орнамент становился нечитаемым и более упрощенным, также несколько упрощался и контурный рисунок (рис. 3, *2*; 7, *1*).

При росписи на керамике этого типа использовались три краски: черная (детали, выполненные черной краской, имеют небольшой рельеф), синяя, бирюзовая (ее использование аналогично типам А и Б).

Чаша I. В центральном круге изображен цветок с круглой серединой, внутри которой нанесена двойная бирюзовая спираль. Вокруг середины расположены ромбовидные взаимопересекающиеся лепестки. Подобный цветок известен на чаше типа Б (рис. 4, *4*). На чаше II в центральный круг вписаны квадраты; в центре расположен небольшой цветок, а все свободное поле заполнено эпиграфическим орнаментом. На чаше III в центральный круг вписаны ромбовидные медальоны со стилизованным эпиграфическим орнаментом, окруженным мелкими точками. В центре изображена шестиконечная звезда (рис. 3, *2*).

На чашах II и III под венчиком расположена полоса с синей сеткой, прерывающейся овальными медальонами. На всех трех чашах над цент-

---

[16] Не исключена возможность, что образцы с бирюзовым фоном относятся к керамике с подглазурной росписью черным по бирюзовому фону, так как на них роспись часто производилась только черной краской и на внешней стороне одного образца дан характерный только для этой группы орнамент. Так же на внешней стороне одного образца дан орнамент, характерный для керамики типа «кобальт». Но возможно, что оба образца — производственный брак.

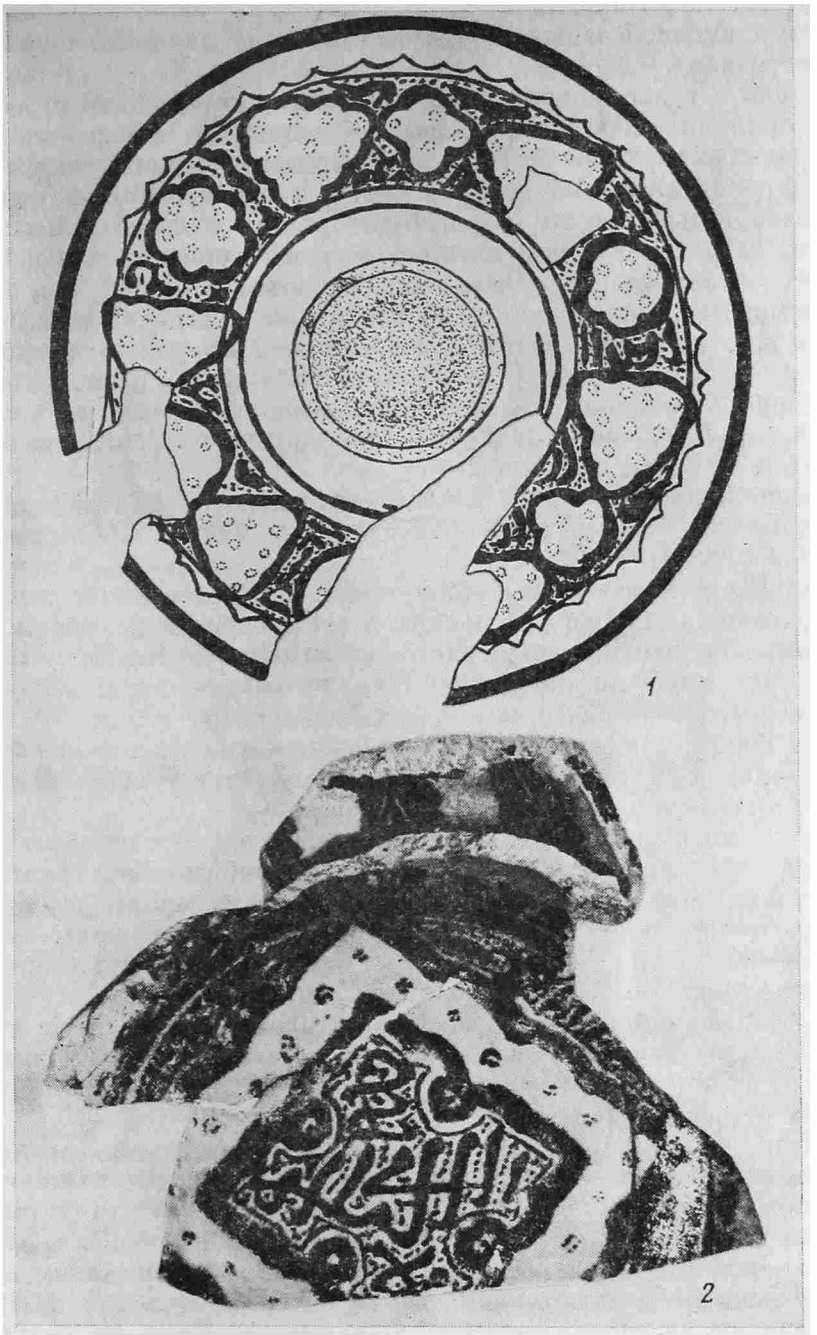


Рис. 7. Селитренное городище. *1* — каширная чаша с подглазурной полихромной росписью и орнаментом «рисовое зерно»; *2* — фрагмент каширной чаши с подглазурной полихромной росписью без рельефа

ральным кругом идет волнистая линия. Край венчика на всех сосудах оформлялся сплошной линией (рис. 3, *2*). Орнамент всюду имеет кольцевидное расположение.

Привлекает внимание тот факт, что этот тип керамики представлен всего тремя целыми чашами; ни одного фрагмента подобных сосудов не обнаружено. Это, вероятно, можно объяснить тем, что их роспись была очень трудоемкой и они в незначительном количестве делались на заказ. Это подтверждает также и то, что все эти чаши происходят из одного места — из ямы № 9-а на территории гончарной мастерской на Селитренном городище.

Тип Г. Керамика с росписью синим и черным по белому фону и с орнаментом «рисовое зерно». Этот тип керамики представлен в основном

фрагментами пиалообразных чаш. Восстановлена лишь одна целая чаша (всего 9 образцов).

Здесь, как и в керамике типа В, орнаментация внешней стороны совпадает с орнаментацией полосы, расположенной на внутренней стороне над центральным кругом. Это орнамент «рисовое зерно», вокруг которого идет широкий синий контур. Но контур здесь представляет собой повторяющиеся косые кресты, образующие ромбы и треугольники,— схема орнамента, характерная для внешней стороны керамики типа Б. Орнамент «рисовое зерно» оказывается заключенным в ромбы, а в треугольники вписывается стилизованное арабское слово «успех», иногда превращающееся в нечитаемую надпись. На внешней стороне в треугольники вписывалась спираль либо они заштриховывались. Иногда орнамент «рисовое зерно» располагался треугольниками, обращенными вершинами вниз, тогда этот орнамент не имел вокруг синих контуров ни на внешней, ни на внутренней стороне.

На внешней стороне в этом случае внизу между треугольниками «рисового зерна» вершинами вверх располагались треугольники вместо косых крестов (рис. 4, *6*; 5, *6*).

Под венчиком на сосудах с орнаментом «рисовое зерно», расположенным треугольниками, проходит полоса с зигзагообразной линией с широкими синими контурами и маленькими черными треугольниками (рис. 5, *6*). В центральном круге на внутренней стороне сосудов может изображаться шестиконечная звезда (ее орнаментация аналогична типам А и Б), крестовидные фигуры, в лучах которых могут быть расположены ромбы, мелкие точки, а между лучами крестовины — треугольники со штрихами либо с растительным орнаментом.

На одном образце изображен цветок с большой серединой, образованной продолговатыми лепестками с широкими синими контурами, заполненными сеткой. От места соединения лепестков середины отходят такие же продолговатые лепестки. Между лепестками расположены растительные побеги. В центре середины цветка вписана геометризованная спираль. Принадлежность этого образца к типу Г предположительна, так как неизвестен орнамент на его внешней стороне. Не исключена возможность, что он относится к керамике типа Б. По краю венчика всегда наносились крупные синие точки (рис. 4, *6*; 5, *6*). Орнамент всегда имеет кольцевидное расположение.

Искусство орнаментации поливной посуды в городах Золотой Орды носило несомненно синкретический характер. Но необходимо отметить, что при этом не происходило механического перенесения заимствованных орнаментов на золотоордынскую керамику. Золотоордынские мастера создали свою неповторимую высокохудожественную керамику, отличающуюся необычным разнообразием элементов орнамента при практически индивидуальном их сочетании на каждом сосуде. Лишь на незначительном количестве образцов можно проследить относительно устойчивые орнаментальные схемы. Но даже на сосудах с повторяющимися орнаментальными схемами имеются некоторые различия. При такой многочисленности элементов орнамента и их сочетаний на внутренней стороне сосудов поражает крайняя малочисленность и устойчивость орнаментальных схем на их внешней стороне.

Лишь небольшое количество орнаментальных мотивов имеет прямые аналогии в керамике других культурных областей. Многие из них тщательно перерабатывались, а в ряде случаев настолько изменялись, что лишь с большим трудом удается установить источник их заимствования; значительное количество вообще не имеет себе аналогий, являясь, видимо, результатом самостоятельного творчества золотоордынских мастеров. Так, большинство орнаментальных схем на керамике типов В и Г не имеет аналогий, являясь, видимо, попыткой соединить в одну орнаментальную схему элементы, характерные для различных групп кашинной керамики, а именно: орнамент «рисовое зерно», в основном характерный для керамики типа «кобальт», и элементы орнамента, характерные для керамики с полихромной росписью (сетка, шестиконечная звезда, зигзаго-

образная линия, небольшие цветы в середине центрального орнамента, крестовидные фигуры и т. п.) [17].

Керамика типа А наиболее близка к хорезмийской одновременной керамике. Но надо отметить, что подобная керамика была распространена не только в Хорезме и городах Золотой Орды, но и в Сарайчике (Западный Казахстан), Самарканде, многие элементы орнамента встречаются в иранской керамике, некоторые имеют аналогии в керамике Херсонеса, Сирии, Египта. В связи с этим нельзя не согласиться с тем, что керамика типа А не являлась прямым заимствованием, а что «комплекс кашинной керамики Хорезма и Поволжья, возникнув одновременно, развивался параллельными путями в едином русле вкусов и мод аристократической городской золотоордынской верхушки» [29, с. 48].

Наиболее ярко синкретизм золотоордынской культуры проявлялся в керамике типа Б. Здесь встречаются орнаментальные мотивы, характерные для керамики практически всех культурных областей, так или иначе связанных с Золотой Ордой. Они заимствовались из керамики Китая, Ирана, Азербайджана, Узбекистана, Хорезма, и значение этих районов в ряду заимствований практически равнозначно. Аналогии прослеживаются и в Херсонесе, Армении, Западном Казахстане. Иногда на одной и той же чаше встречаются орнаментальные схемы, составленные из элементов, заимствованных из различных областей.

Учитывая все сказанное выше, можно сделать вывод, что, несмотря на отсутствие корней в производстве поливной орнаментированной керамики, в XIV в. в городах Золотой Орды наблюдается необычный расцвет производства этой керамики и возникновение самостоятельной школы золотоордынских мастеров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Папа-Афанасопуло К. Н.* Золотоордынская керамика.— Уч. зап. СГУ, 1925, т. III, № 3.
2. *Якубовский А. Ю.* Столица Золотой Орды — Сарай-Берке. Л.: Изд-во ГАИМК, 1932.
3. *Кверфельд Э. К.* Керамика Ближнего Востока. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1947.
4. *Булатов Н. М.* Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: Автореф. канд. дис. М.: Кафедра археологии МГУ, исторический факультет, 1969.
5. *Булатов Н. М.* Классификация кашинной керамики золотоордынских городов.— СА, 1968, № 4.
6. *Булатов Н. М.* Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов.— В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976.
7. *Шляхова В. И.* Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде (по материалам Селитренного и Царевского городищ).— СА, 1980, № 4.
8. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976.
9. *Lane A.* A Later Islamic pottery. Persia, Syria, Egypt, Turkey. L., 1957.
10. *Агапов П., Кадырбаев М.* Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: Жалын, 1979.
11. *Вактурская Н. Н.* Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.).— ТХАЭЭ, 1959, т. IV.
12. *Mostafa M.* Ceramiques musulmanes. Caire, 1955.
13. Persian Art. An illustrated souvenir of the exibition of Persian art at Burlington House. L., 1931.
14. *Якубовский А.* Хорезм в керамике Сарая.— ИГАИМК, 1931, т. VIII, вып. 2—3.
15. *Hobson R. L.* A guide to the islamic pottery of the Near East. L.: British Museum, 1932.
16. *Крамаровский М. Т.* Золотой ковш монгольского времени из Предкавказья.— СГЭ, 1973, т. XXXVI.
17. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусства Узбекистана. Ташкент: Гос. изд-во худ. лит. УзССР, 1965.
18. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент: Гос. изд-во худ. лит., 1967.
19. *Pope A.* A survey of Persian art. L., 1939, v. 6.
20. *Филипченко В. А.* О новых находках на территории Астраханской области.— СА, 1958, № 1.
21. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.).— МИА, 1950, № 17.
22. *Kühnel E.* Islamic arts. L., 1953.

[17] К сожалению, из-за крайней малочисленности образцов керамики этих типов трудно сделать какие-либо окончательные выводы.

23. *Ташходжаев Ш. С.* Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент: Фан, 1967.
24. *Шелковников Б. А.* Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван: Изд-во АрмССР, 1957.
25. *Wirgin J.* Sung Ceramic Designs. Stockholm, 1970.
26. *Наджафова Н.* Художественная керамика Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1964.
27. *Лубо-Лесниченко Е.* Фарфоровый сосуд, расписанный кобальтом периода Юань (1280—1367).— СГЭ, 1973, т. XXXVI.
28. *Шишкина Г. В.* Глазурованная керамика Согда. Ташкент: Фан, 1979.
29. *Булатов Н. М.* К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах.— Вестн. МГУ, 1969, № 2.

T. V. Skorobogatova

ONE OF THE GROUPS OF THE 14TH-CENTURY GOLDEN HORDE DECORATIVE CERAMICS

Summary

The author takes as her subject one of the most numerous groups of the Golden Horde decorative ceramics — that made of the «kashin» porcelain-like paste with under-glaze multicolour painting marked by a great variety of ornamental motifs on the inner side of vessels and by equable ornaments on the outer side. The outside ornaments divide this ceramic group into four types: type A — bearing the under-glaze multicolour relief painting (Fig. 1, *1*); type B — bearing under-glaze multicolour painting without relief (Fig. 1, *3*); type C — bearing under-glaze multicolour painting with the so-called «rice seed» ornament (Fig. 7, *1*); type D — bearing blue and black painting against the white background and the «rice seed» ornament. In the Golden Horde there were no local traditions of ornamentation of glazed pottery, they were borrowed from centres posessing high culture of ceramics such as China, Kwarazm, Iran and others. On the basis of the borrowed ornaments the Golden Horde artisans managed to create numerous local unique ornamental patterns which had little in common with the originals. This testifies to the fact that though the ornamental patterns of the Golden Horde ceramics were of a syncretic character local artisans created their own, unique school of glazed pottery ornamentation.

Публикации

РОЗОВ В. Н.

БОСПОРСКИЕ МОНЕТЫ VI—V ВВ. ДО Н. Э. ИЗ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (1975—1980 гг.)

Среди обильного нумизматического материала, обнаруженного за последние десятилетия на Боспоре, весьма скромное место занимают ранние боспорские монеты, которые встречаются в этом районе крайне редко, несмотря на большой размах проводимых здесь археологических исследований. Этот факт уже давно обратил на себя внимание специалистов и неоднократно отмечался в литературе.

В советское время немногочисленные находки рассматриваемых монет были надежно засвидетельствованы в ряде городов Боспора [1, с. 33—34; 2, с. 133; 3, с. 66; 4, с. 62, 68—71; с. 100]; наиболее полно они представлены в нимфейских материалах, содержащих помимо уникального клада 1949 г. отдельные монеты VI—V вв. до н. э.

Следует особо подчеркнуть, что топография находок раннего боспорского серебра служит основным источником для всестороннего изучения конкретных вопросов, связанных с начальным этапом денежного обращения на Боспоре. Между тем исключительная редкость этой категории монет в раскопочных комплексах существенно ограничивает возможности исследователей. Если к тому же учесть, что дошедшие до нас подобные монеты в большинстве своем лишены паспортных данных, то необходимость своевременного издания новых материалов становится совершенно очевидной.

Предметом настоящей публикации являются боспорские серебряные монеты VI—V вв. до н. э. (14 экз.), происходящие из случайных находок на территории Таманского полуострова. Все они были обнаружены в течение 1975—1980 гг. на узкой полосе побережья, прилегающей с юга к Таманскому заливу. При этом важно отметить, что для каждой из характеризуемых монет удалось собрать точные сведения относительно места и обстоятельств находки.

Рассмотрим сначала пять монет, встреченные в разное время на городище Гермонассы, в пределах современной станицы Тамань. Находки, о которых идет речь, были сделаны в северо-восточном углу названного городища, под обрывом, на небольшом пространстве береговой полосы длиной 10—15 м. Как раз напротив указанного места, в обрезе берега, прослеживаются культурные слои, относящиеся к древнейшей эпохе существования города.

Описание монет.

№ 1. Л.с.— Голова льва впрямь.

О.с.— Грубый, имеющий неровные контуры quadratum incusum, внутри которого едва наметилось зарождение крестообразной перегородки (рис. 1, *1*). Размер 13 мм, вес 2,54 г. Сохранность хорошая. Монета была найдена автором в 1977 г. и поступила в ГМИИ им. А. С. Пушкина (инв. № 231933/115763).

Анализируемый экземпляр интересен прежде всего тем, что он принадлежит к числу наиболее ранних образцов пантикапейской чеканки[1].

[1] Ближайшие стилистические аналогии см. [7, табл. III, *328*; 8, табл. XVII, *9*].

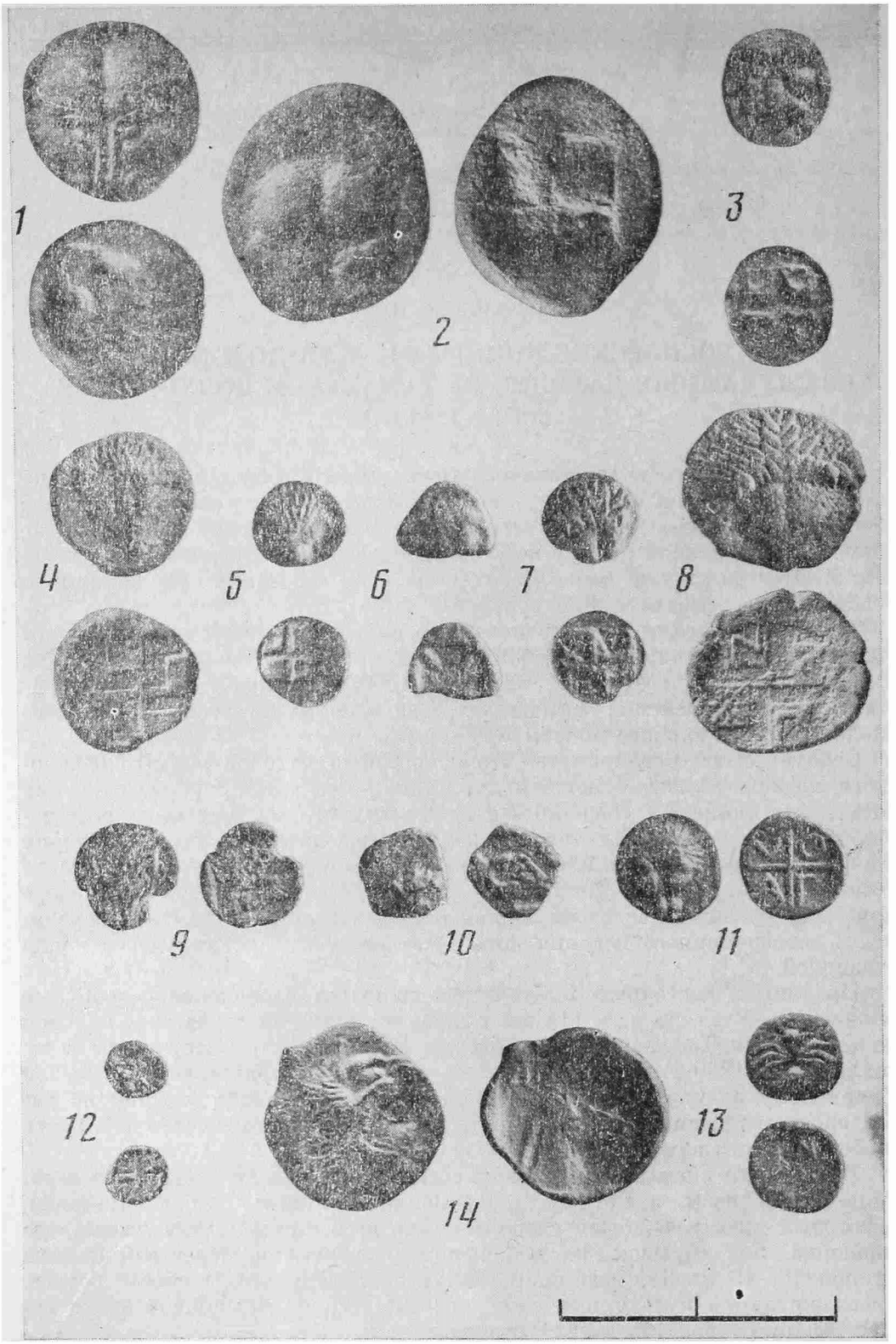


Рис. 1. Боспорские монеты VI—V вв. до н. э., найденные на Таманском полуострове

Действительно, весьма характерные внешние признаки монеты позволяют датировать ее временем около середины VI в. до н. э.[2] Судя по весу, перед нами триобол, чеканенный на основе облегченного эгинского стандарта [6, с. 59—61].

№ 2. В целом аналогична предыдущей монете, с той разницей, что углубленный квадрат на оборотной стороне выполнен более тщательно;

[2] В статье приведены общепринятые датировки раннего боспорского серебра [6].

при этом поверхность его образует четыре прямоугольные плоскости, между которыми уже достаточно явственно угадывается крестообразный рисунок (рис. 1, *2*). Изображение лицевой стороны вследствие двойного удара штемпеля несколько смещено вниз и влево. Размер 17,5 мм, вес 4,54 г. Сохранность средняя. Монета была приобретена ГМИИ им. А. С. Пушкина в 1978 г. у жителя станицы Тамань Р. Ф. Фрайтаха (инв. № 231935/115765).

Дата монеты № 2 устанавливается лишь весьма приблизительно. Отличительные особенности углубленного квадрата, помещенного в поле реверса, дают, на наш взгляд, возможность относить ее выпуск к третьей четверти VI в. до н. э.

Вес разбираемого экземпляра не совсем обычен для пантикапейского серебра, чеканка которого имела место во второй половине VI в. до н. э. Однако необходимо принять во внимание то обстоятельство, что монета утратила часть металла в результате удаления с ее поверхности очень толстого слоя окислов; кроме того, она заметно потерта в обращении. Учитывая неизбежную потерю в весе, эту монету, очевидно, следует признать самым крупным номиналом ранней чеканки Пантикапея — драхмой [9, с. 72, № 54; 6, с. 61].

Большая редкость древнейших пантикапейских драхм общеизвестна. В подробной метрологической сводке А. Л. Бертье-Делагарда фигурируют лишь четыре подобные монеты; две из них, битые общим штемпелем аверса, опубликованы [10, табл. XXXIX, *11*; 6, табл. I, *1*] и в настоящее время хранятся в собраниях Эрмитажа и Гос. Исторического музея. Что касается еще одной изданной драхмы [11, с. 26—27, рис. 1; 12, с. 2—3, рис. 17; 13, с. 8, рис. 2], вес которой, по разным данным, составляет 5,06 или 5,08 г, то, возможно, она также входит в число экземпляров, известных русскому нумизмату. Этой монетой мог оказаться учтенный А. Л. Бертье-Делагардом экземпляр весом 5,13 г, который ему довелось видеть у торговцев. Во всяком случае, явная близость индивидуальных весов обеих драхм не противоречит такому предположению, особенно если допустить вероятность незначительной ошибки при исходном весовом определении монеты.

Сопоставляя наш экземпляр с тремя изданными драхмами Пантикапея, нельзя не заметить, что он довольно близок к ним по стилю лицевого изображения. Оборотная сторона его, в отличие от упомянутых монет, содержит quadratum incusum, которому придана уже вполне правильная, геометрически законченная форма. Наряду с этим бросаются в глаза слегка уменьшенные размеры монеты и ее аверсного штемпеля. Последнее обстоятельство показывает, что вес приведенного экземпляра, даже с учетом его сохранности, явно уступает первоначальной норме пантикапейской драхмы.

Все сказанное, вероятно, дает основание относить публикуемую монету к более позднему времени.

Характеристика экз. № 1 и 2 будет полнее, если мы подчеркнем, что это самые ранние монеты, отмеченные среди всех достоверных находок боспорского серебра VI—V вв. до н. э. До сих пор такой находкой считался пантикапейский триобол из Нимфея [14, с. 63—64, рис. 24; 1, с. 33; 4, с. 62, табл. 1, *302*], который принадлежит второй половине VI в. до н. э., но был выпущен, несомненно, позже, чем экз. № 2. Любопытно, что обе монеты, найденные в Гермонассе, несмотря на различное достоинство, выбиты одинаковыми по размеру штемпелями аверса.

№ 3. Л.с.— Тот же тип.

О.с.— Углубленный квадрат, рисунок которого имеет вид свастики или крыльев ветряной мельницы [15, табл. XIX, *5*; 16, табл. III, *29;* 6, табл. I, *4*] (рис. 1, *4*). Пантикапей. Первая четверть V в. до н. э. Размер 10,5 мм. Вес монеты (1,30 г), хотя и несколько занижен по сравнению с нормой диобола (ср. [6, с. 62]), вполне позволяет приравнивать ее к этому номиналу. Сохранность хорошая. Рассмотренный экземпляр находится в собрании Р. Ф. Фрайтаха.

№ 4. Л.с.— Тот же тип.

О.с.— Углубленный квадрат, крестообразно разделенный на четыре равные части; в двух из них по диагонали расположены рельефные точки [15, табл. XIX, *4*; табл. III, *25—28*; 6, табл. I, *6*] (рис. 1, *5*). Пантикапей. Первая четверть V в. до н. э. Размер 7 мм, вес, 0,20 г (тетартеморий) [6, с. 63]. Сохранность хорошая. Собрание Р. Ф. Фрайтаха. Монеты описанной типологической разновидности зафиксированы в Нимфейском кладе 1949 г. [17, с. 78—79, табл. 1, № *2, 5—6, 10*; 4, с. 68—69, табл. V, *5—13*]; они известны также по единичным находкам в Фанагории [18, с. 58, 98, № 660] и Патрэе [19, с. 104—105, табл. 1, *1*].

№ 5. Л.с.— Тот же тип.

О.с.— Разделенный на четыре части углубленный квадрат с буквами А-П-О-Л [16, табл. III, *16*; 20, табл. IL, *1621*] (рис. 1, *11*). Размер 8 мм, вес 0,27 г. Сохранность хорошая. Собрание Р. Ф. Фрайтаха. Издаваемая монета принадлежит автономной чеканке Аполлонии[3] и должна быть датирована второй четвертью V в. до н. э. Номинал ее не поддается точному определению ввиду отсутствия надежной метрологической классификации интересующих нас монет. В этом вопросе мы можем опираться лишь на обширную сводку А. Л. Бертье-Делагарда, однако содержащаяся в ней весомая характеристика монет Аполлонии дана суммарно для двух разновременных серий аполлонийского серебра; к тому же, согласно А. Л. Бертье-Делагарду, вес 0,27 г является пограничным между гемиоболом (0,42—0,28 г) и тетартеморием (0,26—0,14 г) [9, с. 80, № 100—101] (ср. [6, с. 67—68]). Так или иначе, достоинство нашего экземпляра не превышает $^1/_2$ обола. В этой связи уместно вспомнить, что все монеты с надписью А-П-О-Л, засвидетельствованные в находках на Боспоре [5, с. 100], представлены сравнительно более крупными номиналами.

Факт обнаружения боспорских монет VI—V вв. до н. э. на городище Гермонассы примечателен тем, что до настоящего времени они никогда не встречались при раскопках древнейших культурных напластований этого памятника. Правда, еще в прошлом веке К. К. Гёрц описал местонахождение раннего боспорского серебра в Тамани, которое примерно совпадает с указанным нами местом («На берегу Таманского залива, с левой стороны пристани, у подошвы крутого обрыва, повыше фонтана...») [22, с. 44—46]. Однако данное свидетельство выглядело несколько сомнительным, поскольку среди изданных этим автором монет, происходящих якобы из Таманн, оказались фальшивые экземпляры [6, с. 52—53]. Новые находки как нельзя лучше убеждают нас в том, что сообщение К. К. Гёрца, независимо от вкравшихся в него погрешностей, имеет под собой реальную основу и заслуживает большего доверия.

На северо-восточной окраине станицы Тамань, напротив того места, где ранее стояла Суворовская крепость Фанагория, под береговым обрывом, в 1975 г. была найдена пантикапейская серебряная монета третьей четверти V в. до н. э., представленная следующим типом:

Л.с.— Голова льва вправо.

О.с.— Углубленный квадрат, на четырех рельефных табличках которого помещены буквы П-А-N и восьмилучевая звездочка [16, табл. III, *38*; 10, табл. XXXIX, *30*; 6, табл. I, *8*] (рис. 1, *8*). Размер 13,5 мм, вес 1,47 г (диобол) [6, с. 64—65]. Сохранность хорошая. Собрание Р. Ф. Фрайтаха. В непосредственной близости от места находки, к северо-востоку, расположено прибрежное античное поселение Суворовское I [23, с. 71 сл.], входившее, по-видимому, в состав сельскохозяйственной хоры Гермонассы.

Необходимо остановиться еще на одном местонахождении раннего боспорского серебра, которое до сих пор не получило отражения в литературе. Мы имеем в виду пос. Приморский Темрюкского района, расположенный в нескольких километрах к юго-западу от Фанагории. Здесь, на сравнительно небольшом отрезке береговой полосы, который имеет протяженность около 40 м и начинается примерно в 200 м к юго-западу от пристани, в 1978 г. было обнаружено пять боспорских монет VI—V вв.

---

[3] Проблема локализации этого боспорского центра еще ждет своего решения. Новейшую библиографию по данному вопросу см. [21, с. 185—186].

до н. э. Все они происходят из бедного культурного слоя античной эпохи, хорошо заметного в обрезе невысокого берега. Три монеты хранятся в коллекции ученика местной школы И. Данильченко.

Описание монет.

№ 1. Л.с.— Голова льва впрямь.

О.с.— Углубленный квадрат, крестообразно разделенный на четыре части; в каждой из них — по рельефной точке [24, табл. I, *4*; 16, табл. III, *23*] (рис. 1, *3*). Пантикапей. Вторая половина VI в. до н. э. Размер 8,5 мм, вес 0,49 г (гемиобол) [6, с. 62]. Сохранность хорошая.

№ 2. Л.с.— тот же тип.

О.с.— Углубленный квадрат с буквами П-А-N-ТІ на четырех рельефных табличках; в центре — восьмилучевая звездочка [16, табл. III, *41*; 10, табл. XXXIX, *32*] (рис. 1, *9*). Пантикапей. Третья четверть V в. до н. э. Размер 8 мм, вес 0,26 г (гемиобол) [6, с. 65]. Сохранность средняя (слегка фрагментирована).

Однотипный диобол был найден в 1964 г. в ходе раскопок Пантикапея [3, с. 66, 76, табл., № 191].

№ 3. Л.с.— Муравей (в поле монеты попала верхняя половина изображения).

О.с.— Углубленный квадрат с крестообразным делением на четыре части и двумя точками по диагонали [16, табл. III, *1—2*; 6, табл. II, *16*] (рис. 1, *12*). Первая четверть V в. до н. э. Размер 4,5 мм, вес 0,11 г (гемитетартеморий) [6, с. 56—58, 68]. Сохранность хорошая.

Как известно, монеты с изображением муравья на лицевой стороне еще не имеют достаточно надежной атрибуции. Пожалуй, наиболее распространенная в нашей литературе является гипотеза о принадлежности их боспорскому городку Мирмекию, с наименованием которого как будто бы согласуется неизменный аверсный тип этих монет, нередко рассматриваемый в качестве говорящей эмблемы названного полиса [16, с. 24; 25, с. 127—128; 26, с. 148; 6, с. 28—29].

Среди обнаруженных на том же месте монет две были приобретены в 1978 г. у местных школьников членами фанагорийской экспедиции[4]. Первой четвертью V в. до н. э. датируется анэпиграфная пантикапейская[5] монета довольно редкого типа:

Л.с.— Голова льва впрямь.

О.с.— Четырехлучевая звездочка в углубленном квадрате: между ее лучами — по одной точке [27, табл. IV, *45*; 6, табл. II, *13*; 4, табл. V, *14—16*] (рис. 1, *6*). Размер 7 мм, вес 0,14 г. Сохранность очень плохая (обломана). Шифр: Фан.-78, доп. список, оп. № 2. В метрологическом отношении монета, по-видимому, примыкает к трем однотипным экземплярам, которые входят в состав Нимфейского клада 1949 г. и с известной уверенностью принимаются исследователями за гемиоболы [6, с. 67; 4, с. 69].

Вторая монета принадлежит чеканке Пантикапея последней четверти V в. до н. э.:

Л.с.— Тот же тип (верхняя половина изображения).

О.с.— Голова барана в углубленном квадрате вправо; сверху — П-А-N-Т[І] [15, табл. XIX, *20*; 28, табл. XIX, *41—42*] (рис. 1, *10*). Размер 7 мм, вес 0,19 г (тетартеморий) [6, с. 66]. Сохранность хорошая. Шифр: Фан.-78, доп. список, оп. № 1.

Завершая обзор монет из пос. Приморского, нельзя не упомянуть о ранее найденном в этом населенном пункте кизикине [29, с. 37—41].

Особого внимания заслуживают три монеты, встреченные в прибрежной части крупнейшего города азиатского Боспора — Фанагории. Самой ранней из них является пантикапейская монета второй четверти V в.

---

[4] Их любезно предоставил в наше распоряжение сотрудник сектора античной археологии ИА АН СССР А. А. Масленников. По его же сведениям, на руках у находчиков можно было видеть в общей сложности около 10—15 аналогичных мелких монеток.

[5] Д. Б. Шелов наряду с указанным определением допускает, что эти монеты чеканились в Аполлонии [6, с. 20, примеч. 6; с. 21, 28].

до н. э., которая была найдена автором в 1977 г. на песчаном берегу залива после сильного прибоя. Тип:

Л.с.— Голова льва вправо.

О. с.— Углубленный квадрат; на четырех рельефных табличках — буквы П-А и две четырехлучевые звездочки [15, табл. XIX, *9* (вариант); 16, табл. III, *33—34* (вариант)] (рис. 1, *7*). Размер 7 мм, вес 0,17 г (тетартеморий) [6, с. 64]. Сохранность хорошая. Монета поступила в ГМИИ им. А. С. Пушкина (инв. № 231934/115764).

В 1979 г. в северо-восточной части городища, также на берегу, была обнаружена еще одна редчайшая монетка с фигурой муравья на лицевой стороне, датируемая третьей четвертью V в. до н. э. На четырех рельефных табличках ее углубленного квадрата — надпись П-А-N-TI (уцелела лишь начальная буква); в центре — восьмилучевая звездочка [16, табл. III, *13—14*; 6, табл. II, *18*] (рис. 1, *13*). Размер 7 мм, вес 0,18 г. Сохранность средняя. Собрание Р. Ф. Фрайтаха.

Вес экземпляра следует считать вполне подходящим для тетартемория. Заметим, однако, что метрологическая характеристика этих монет ввиду резкого колебания их весовых данных, по существу, остается неясной. Предпринятая А. Л. Бертье-Делагардом попытка разделить их на два номинала — тетартеморий и гемитетартеморий [9, с. 79, № 96—97] — так и не нашла отклика в позднейшей литературе [6, с. 69].

Весьма любопытно, что до самого последнего времени при раскопках на Боспоре не было засвидетельствовано ни одной монеты, приписываемой Мирмекию[6]. Все известные науке экземпляры с отмеченным типом аверса происходят из дореволюционных коллекций и не сопровождаются соответствующей документацией. В свете сказанного две публикуемые монеты приобретают исключительный интерес. Особенно важной является впервые зарегистрированная находка монеты с надписью П-А-N-TI, так как она окончательно опровергает необоснованные сомнения А. В. Орешникова относительно подлинности всех подобных монет [25, с. 127]. Добавим к этому, что единичные экземпляры того же типа, хранящиеся в наших музейных собраниях, по стилю аверса составляют бесспорную аналогию описанной монете. Поразительное сходство лицевых сторон найденной монеты и однотипного эрмитажного экземпляра, изданного ранее Х. Х. Гилем [16, табл. III, *14*], видимо, необходимо расценивать как свидетельство их происхождения от общего штемпеля. Вероятно, тем же штемпелем был отчеканен и другой аналогичный экземпляр из фондов Темрюкского краеведческого музея (инв. № ТКМ-624). Таким образом, факт существования подлинных монет с изображением муравья и надписью П-А-N-TI едва ли может служить теперь предметом серьезного обсуждения.

Из числа фанагорийских находок интересна еще одна уникальная боспорская монета следующего типа:

Л. с.— Голова Геракла в львиной шкуре вправо.

О.с.— Голова коня в углубленном квадрате вправо; сверху — надпись ΣINΔΩN [15, табл. XXIII, *7d*; 16, табл. V, *3*, *4*; *10*, табл. XXXIX, *39*] (рис. 1, *14*). Последняя четверть V в. до н. э. Размер 13,5 мм, вес 1,09 г. Сохранность средняя. Собрание Р. Ф. Фрайтаха. Монета была найдена в 1980 г. на берегу городища, в его северо-западной части.

Касаясь проблемы атрибуции монет с указанной надписью, нужно подчеркнуть, что в последние годы традиционное мнение о принадлежности их государству синдов оспаривается рядом исследователей, которые склонны относить эти монеты к обычной городской чеканке[7].

По А. Л. Бертье-Делагарду, анализируемый экземпляр находит свое место в группе диоболов, среди наиболее легковесных монет этой серии

---

[6] Настоящая работа уже была сдана в печать, когда автору стало известно о том, что в 1980 г. Фанагорийской археологической экспедиции посчастливилось обнаружить в слое V в. до н. э. мельчайший номинал мирмекийского серебра, по типу совершенно сходный с монетой из пос. Приморского. Этими сведениями мы всецело обязаны начальнику экспедиции В. С. Долгорукову.

[7] Подробнее об этом см. [21, с. 187—188] (указана литература вопроса).

[9, с. 94, № 175]. Д. Б. Шелов, со своей стороны, предположительно выделяет близкие по весу монеты в другой, менее крупный номинал — тригемиобол [6, с. 71]. Следует, однако, учесть степень сохранности нашего экземпляра, который в результате чистки несколько потерял в весе (первоначально он был покрыт толстым слоем хлористого серебра и весил при этом 1,78 г). Кроме того, сопоставление монеты с однотипными экземплярами показывает, что по своим внешним признакам (размеры монетного кружка и штемпелей) она ничем не отличается от нормальных диоболов.

В настоящее время единственной документальной находкой синдского серебра является диобол, обнаруженный в 1959 г. при раскопках в Мирмекии и принадлежащий к описанному типу [2, с. 133—134, рисунок, *а*, *б*]. Все другие находки синдских монет, отрывочные сведения о которых сохранились в дореволюционной литературе, были связаны исключительно с территорией азиатского Боспора. Новая находка из Фанагории лишний раз свидетельствует в пользу таманского происхождения этих интереснейших памятников причерноморской нумизматики. Правда, она не может приблизить нас к решению вопроса о месте их чеканки, поскольку эти монеты скорее всего обслуживали денежные рынки многих боспорских городов [21, с. 188]. Совершенно аналогичная картина — свободное обращение автономного серебра за пределами выпускавшего его полиса — наблюдается в VI—V вв. до н. э. на обширной территории Боспора, в населенных пунктах, расположенных по обеим сторонам пролива [21, с. 189]. При этом до сих пор отчетливо вырисовывалась любопытная топографическая закономерность: находки ранних боспорских монет были зафиксированы лишь на территории местных городских центров и практически не встречались на близлежащих сельских поселениях[8]. Приведенный факт дал исследователям основание утверждать, что хождение монеты на Боспоре в рассматриваемую эпоху ограничивалось рамками внутриполисных рынков [6, с. 77, прим. 2; 2, с. 140]. Исходя из вышеизложенного, нетрудно заметить, что монетные находки, сделанные в пос. Приморском и в окрестностях станицы Тамань, представляют особый интерес именно с точки зрения их топографии. Действительно, не совсем обычное географическое размещение названных находок — вне собственно городской территории — позволяет прийти к выводу, что процесс формирования единого денежного рынка, охвативший в VI—V вв. до н. э. боспорские города, по-видимому, некоторым образом затронул и прилегающую к ним сельскохозяйственную округу с расположенными на ней мелкими поселениями. В целом же публикуемый материал дополняет наши чрезвычайно скудные сведения о характере денежного обращения на азиатском берегу Боспора Киммерийского в доэллинистический период.

В заключение отметим, что крайняя редкость автономного боспорского серебра VI—V вв. до н. э. в археологических комплексах отчасти объясняется одним обстоятельством. Как показывает практика, в полевых условиях эти монеты с трудом поддаются визуальному распознаванию, поскольку их основная масса состоит из мелких и мельчайших номиналов. Кроме того, нередко покрытые толстым слоем окислов, они настолько теряют свой первоначальный облик, что могут оставаться незамеченными даже на поверхности грунта. Вполне допустимо поэтому предположить, что при более внимательном отношении к исследованию ранних слоев боспорских городищ будет выявлен и соответствующий нумизматический материал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шелов Д. Б.* Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—V вв. до н. э.— НЭ, 1965, т. V.
2. *Грач Н. Л.* К находке синдской монеты в Мирмекии.— ВДИ, 1972, № 3.
3. *Голенко К. В.* Монеты из раскопок Пантикапея 1962—1966 гг.— ВДИ, 1973, № 4.

[8] Пожалуй, единственное исключение составляет мелкая аполлонийская монета, случайно обнаруженная экспедицией МОПИ им. Н. К. Крупской в одном из отдаленных районов Синдики и весьма неопределенно упомянутая в литературе [30, с. 19—20].

4. *Голенко К. В.* Монеты из раскопок Нимфея 1939—1970 гг.— НЭ, 1974, т. XI.
5. *Фролова Н. А.* Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг.— ВДИ, 1981, № 1.
6. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
7. *Egger Br.* Auctions-Catalog der Sammlung griechischer, römischer und byzantinischer Münzen des Herrn Theodor Prowe in Moskau. Wien, 1904.
8. *Babelon E.* Traité des monnaies grecques et romaines. IIIe partie. Planches, Paris, 1907.
9. *Бертье-Делагард А. Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды.— НС, 1913, т. II.
10. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, 1951, № 16.
11. *Welz K.* Griechenmünzen vom Schwarzen Meer.— SM, 1957, H. 26.
12. *Münzen und Medaillen A. G.* Basel. Oktober 1958, Liste 184.
13. *Castelin K.* Was erzählen Münzen vom Rande der griechischen Welt.— Money trend, Vaduz, 1979, № 12.
14. *Скуднова В. М.* Раскопки Нимфея в 1958 году.— КСИА, 1961, вып. 83.
15. *Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884.
16. *Giel Ch.* Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886.
17. *Скуднова В. М.* Два клада монет из Нимфея.— ВДИ, 1950, № 4.
18. *Шелов Д. Б.* Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг.— НЭ, 1962, т. III.
19. *Голенко К. В.* Монеты из случайных находок в Патрэе в 1951 г.— НЭ, 1963, т. IV.
20. Naville, V, Monnaies grecques antiques, provenant des doubles du British Museum des collections de feu le général A. L. Bertier de la Garde et de divers autres amateurs. Genève. 1923.
21. *Shelov D. B.* Coinage of the Bosporus, VI—II Centuries B. C.— BAR, International Series, t. 46, Oxford. 1978.
22. *Герц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.
23. *Блаватский В. Д.* Первый год работы Синдской экспедиции.— КСИИМК, 1952, вып. XLVIII.
24. *Podschiwalow A.* Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea. Cnersonesus Taurica und Bosphorus Cimmerius aus der Sammlung A. M. Podschiwalow. Moskau, 1882.
25. *Орешников А. В.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья.— ИРАИМК, 1922, II.
26. *Шелов Д. Б.* К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия.— ВДИ, 1949, № 1.
27. *Якунчиков Б. М.* Неизданные и редкие древнегреческие монеты.— ЗНОРАО, 1909, т. 1, вып. II—III.
28. *Гиль Х. Х.* Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг.— ЗРАО, 1895, т. VII, вып. 3—4.
29. *Голенко К. В.* Кизикский статер, найденный на Таманском полуострове.— В кн.: История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
30. *Крушкол Ю. С.* Древняя Синдика. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1971.

V. N. Rozov

6TH-5TH-CENTURY B. C. BOSPORAN COINS FROM RANDOM FINDS IN THE TAMAN PENINSULA (1975-1980)

Summary

The author publishes fourteen Bosporan silver coins of the 6th-5th centuries B.C. found in several places of the southern shore of the Taman Bay (Phanagoria, Hermonassa and some other antique settlements) among which the early Panticapaean silver predominated (Fig. 1, *1-10*). The earliest coins came from Hermonassa, one coin — from Appolonia (Fig. 1, *11*). The collection contains rare coins bearing an image of an ant on the obverse (Fig. 1, *12-13*) and a Greek inscription ΣΙΝΔΩΝ (Fig. 1, *14*). The coins are of different denominations — from drachma to hemitetartemorion — minted according to the Aeginetic weight standard. Most of the coins are extremely rare: some of them are found for the first time during archaeological excavations of Bosporan cities. They strongly support an opinion forwarded by some historians that 6th-5th-century locally minted silver coins freely circulated over the vast Bosporan territory, including its Asian part. The author conjectures that such coins were valid not only in cities as was thought earlier but were used in the neighbouring smaller settlements as well.

ГОРОНЧАРОВСКИЙ В. А.

ПЕРГАМСКАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ И ЕЕ ПРОДУКЦИЯ НА БОСПОРЕ

В исследовании истории и культуры античных городов Северного Причерноморья в эллинистическую эпоху большую роль играет изучение их контактов с Восточным Средиземноморьем, где в этот период возникают новые значительные городские центры. Особенно интересны связи Северного Причерноморья с Пергамом, крупнейшим производственным и культурным центром Малой Азии, в котором изготовлялись различные предметы ремесла, процветали свои школы скульпторов, торевтов, живописцев и мастеров мозаики.

Отдельные советские исследователи обращались к этой проблеме главным образом на основе керамических материалов [1, с. 271 сл.; 2, с. 194 сл.; с. 199 сл.; 4, с. 107 сл.; 5, с. 41 сл.; 6, с. 189 сл.; 7, с. 119 сл.; 8, с. 36] ввиду того, что керамика — наиболее массовый вид изделий, вывозившихся из Пергама. Не случайно Плиний Старший упоминает Пергам в числе крупнейших центров керамического производства [Plin., N. H., XXXV, 160]. Это свидетельство, очевидно, можно отнести и к более раннему времени.

Отметим, что понятие «пергамская» керамика в работах ряда исследователей приобрело известную условность. Значительная часть изделий малоазийского происхождения, порой без достаточных оснований, рассматривалась как пергамская продукция [9, с. 117 сл.; 10, с. 242 сл.; 11, с. 1639; 12, с. 150]. Свою роль в данном случае сыграл факт восприятия бесспорно ведущего положения Пергама как центра керамического производства в данном регионе. Опорой в определениях в основном служили пергамские материалы, изданные А. Конце [13, 14].

Попытка выделить пергамскую продукцию среди привозной художественной посуды с привлечением данных о технологических аспектах производства была сделана только Т. Н. Книпович и И. Г. Шургая, которые охарактеризовали такие виды пергамского керамического импорта, как вазы стиля Гнафия [1, с. 284], кубки и тарелки с накладными рельефами [4; 5, с. 42], агонистические погребальные амфоры [6, с. 196].

Вместе с тем явно не доставало данных для детального обоснования специфики пергамских изделий по сравнению с другими эллинистическими центрами керамического производства, так как в этот период широко распространяются подражания и заимствования в сфере сюжетных мотивов. Практиковался также вывоз форм и штампов для изготовления рельефной керамики.

В нашей литературе в научный оборот была введена лишь одна пергамская керамическая мастерская, открытая в Чандарли и относящаяся к римскому времени [15, 16]. Между тем огромный интерес представляют остатки керамического производства эллинистического периода, которые долгое время не удавалось обнаружить, так как эллинистические слои в том районе города, где возможно было бы открытие следов различных производств, в том числе и керамического, в значительной мере разрушены.

Единственная керамическая мастерская эллинистического времени в Пергаме была открыта в 1913 г. Г. Хепдингом и К. Шацманом, но в связи с первой, а затем и второй мировой войной полная публикация ее материалов задержалась и была осуществлена Г. Хепдингом только

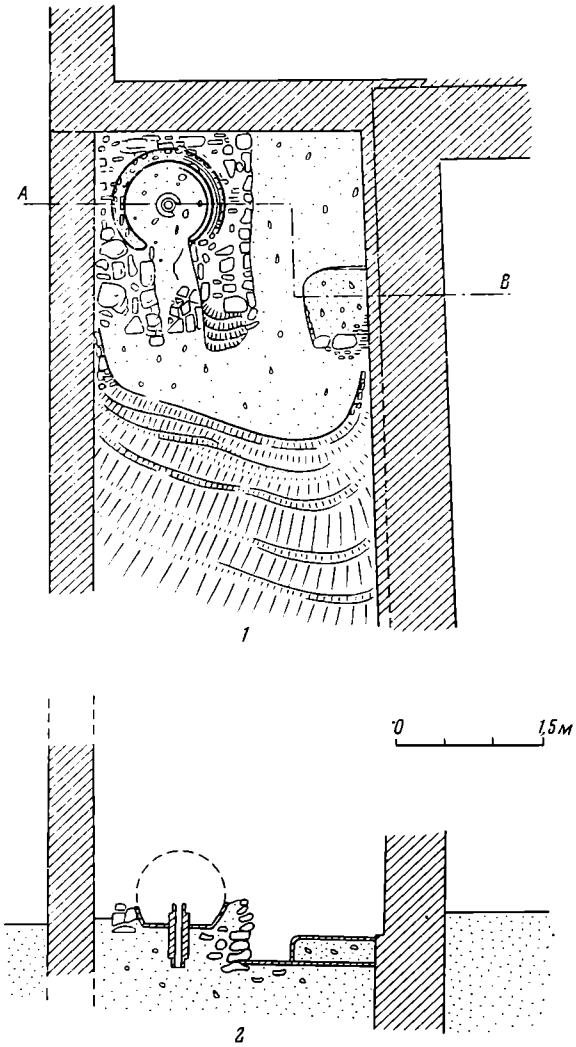


Рис. 1. Пергамская керамическая мастерская (по Г. Хепдингу). *1* — план мастерской; *2* — разрез по линии А — В

в 1952 г. в малоизвестном издании Гессенской высшей школы, труднодоступном для широкого пользования [17].

Эта мастерская, судя по данным Г. Хепдинга, имела небольшие размеры и выпускала массовую рядовую продукцию. Видимо, таких небольших мастерских в Пергаме было много. Несомненно, были и крупные эргастерии, но маленькая керамическая мастерская представляет особый интерес, так как изучение ее материалов и особенностей производства дает возможность определить пергамскую продукцию в массовом эллинистическом импорте любого из античных центров Северного Причерноморья. Поэтому мы считаем необходимым дать краткое описание пергамской мастерской, более подробно остановившись на характеристике ряда типичных изделий, а также использовавшихся здесь штампов и формочек.

Мастерская, выходящая на склон акрополя, была раскопана в ходе исследования гимнасия и прилегающего к нему района [18, табл. IV/V, VI/VII]. In situ здесь сохранился только нижний слой, так как часть слоев, как и у большинства построек акрополя, постепенно сползла вниз по склону.

Мастерская имела довольно простую планировку (рис. 1, *1*, *2*). Задний левый угол помещения шириной 3 м занимала гончарная печь. Справа от нее на расстоянии 0,45 м находилось сидение из камней, обмазанных глиной, шириной 0,83 м. От немного приподнятой топки печи сохранилась часть пода, выложенного каменными плитками. Топочная камера имела в плане круглую форму с наибольшим измеримым диаметром около 0,9 м. Стены ее были обмазаны глиной со значительной примесью фрагментов керамики и шлака. Судя по слоистости этого покрытия, печь неоднократно подновлялась. Опорой для свода топочной камеры, видимо, имевшего форму купола, служила глиняная водопроводная труба.

При исследовании гончарной мастерской были тщательно отобраны фрагменты производившихся здесь сосудов, среди которых в большом количестве встречался керамический брак. Весьма существенны для характеристики выходившей отсюда продукции и глиняные формы, найденные близ мастерской ниже по склону холма. Это дало возможность получить представление о нескольких широко распространенных в Пергаме типах посуды, явно изготавливавшихся на месте [17, с. 53].

Среди них весьма характерна форма приземистого кубка с двумя вертикальными ручками на низком кольцевом поддоне (рис. 2, *1*). Лак его светлый, красно-коричневого цвета. Ручки сосуда в верхней части имеют типичные для пергамской керамики украшения в виде плоских щитков круглой формы.

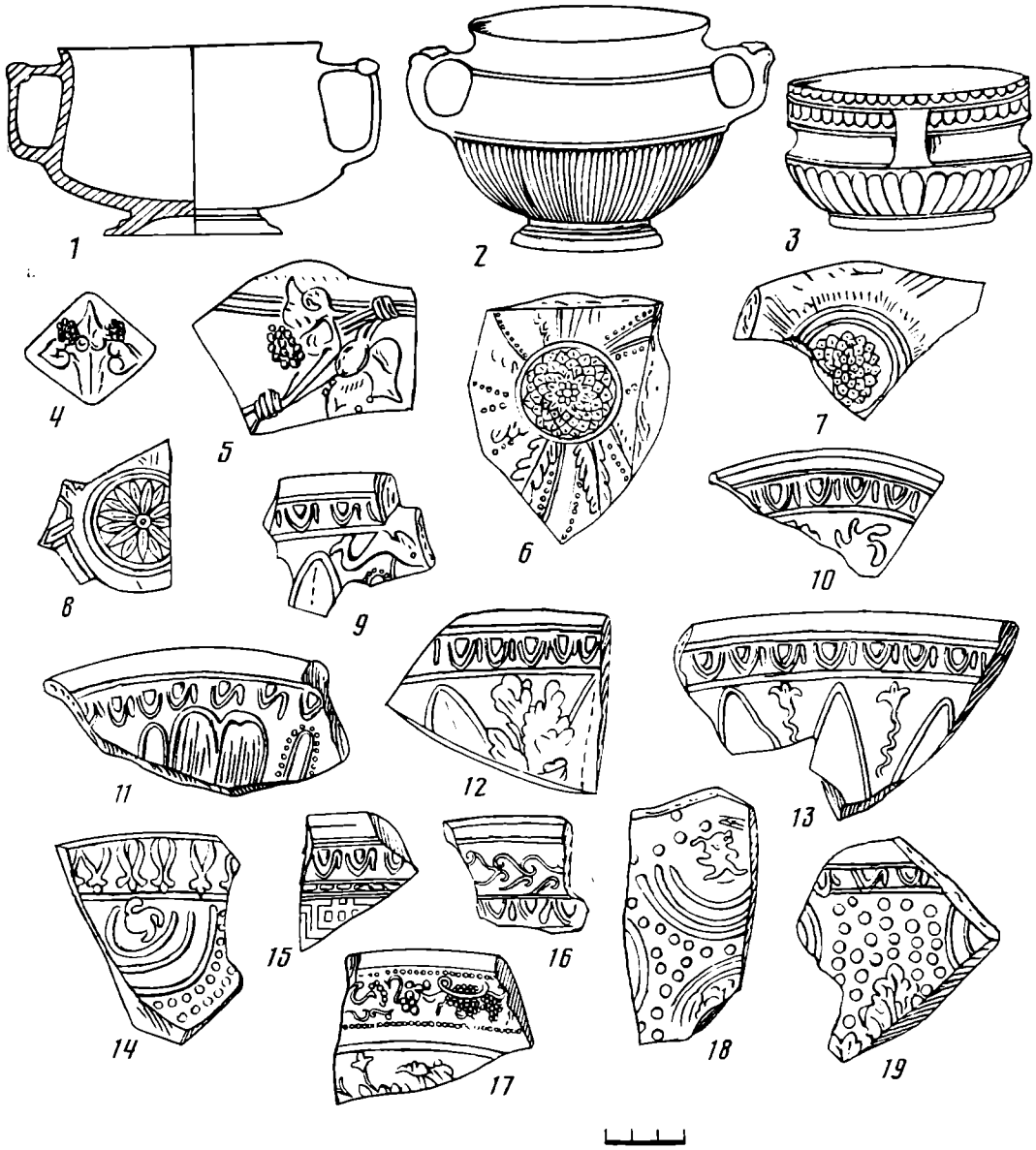


Рис. 2. Керамические материалы из пергамской мастерской (по Г. Хепдингу). *1—3* — кубки; *4* — штамп для изготовления накладных рельефов в виде пучка плюща; *5* — фрагмент сосуда с накладным рельефом; *6—19* — фрагменты форм для производства «мегарских» чаш

Другая форма кубка представлена сосудом более вытянутых пропорций, покрытым слоем светло-коричневого лака, местами с пятнами черного цвета. Фрагменты подобных кубков, найденные в мастерской, были особенно многочисленны и принадлежали не менее чем шести сосудам. Под отогнутым наружу венчиком на уровне прикрепления верхнего края ручек, украшенных накладными рельефными листиками плюща, у них имеются два горизонтальных желобка. Нижняя часть этих кубков покрыта вертикальными каннелюрами (рис. 2, *2*). Лак, как правило, неровный, красновато-коричневого, местами черного цвета.

Близ мастерской были найдены невысокие чаши с плоскими кольцевыми поддонами и выемкой между туловом и вертикально поднимающимся краем (рис. 2, *3*). Они имеют небольшую, овальную по форме ручку, один конец которой введен в выемку. На внутренней поверхности и на поддоне таких чаш лак красного цвета, снаружи — черного. Тулово орнаментировано широкими каннелюрами, венчик обычно украшен рельефными овами, иногда росписью белой краской.

В гончарной мастерской найдены также формочки с характерным для Пергама орнаментальным мотивом в виде пучка плюща (рис. 2, *4*). Следовательно, здесь изготовлялись и сосуды с накладными рельефами. Считается, что такая рельефная посуда стоит на втором месте относительно всей массы пергамского керамического импорта [19, с. 451]. Один из фрагментов подобного рода сосудов, найденных в обжигательной печи и мастерской, украшен большим накладным рельефом в виде пучка плюща и покрыт лаком снаружи черного, а внутри красного цвета (рис. 2, *5*).

Основную массу продукции мастерской, видимо, составляли «мегарские» чаши, о чем можно судить по значительному количеству фрагментов формочек для их производства. Это особенно интересно в связи с тем, что четкие критерии для выделения продукции Пергама среди общей массы керамики подобного рода еще недостаточно разработаны [20, с. 2].

Отличительной чертой «мегарских» чаш, происходящих из мастерской, является отсутствие резко выраженных форм и относительно вертикально поставленный венчик [17, с. 54]. Лак в основном темного цвета, местами переходящий в красный. Обломки форм позволяют выявить приемы орнаментации и элементы декора, наиболее часто употреблявшиеся в данной мастерской.

По-видимому, для производства форм использовалось сравнительно небольшое количество штампиков. Например, для украшения донца чаш применялся штамп с изображением 8-лепестковой розетки, окруженной тремя рядами небольших листочков (рис. 2, *6*, *7*). Излюбленным мотивом орнаментации верхнего края чаш являются поясок ов, оттискивавшихся маленьким штампом слева направо, часто довольно неравномерно (рис. 2, *9—13*, *15*), и ряд свисающих вниз цветочков с яйцевидной чашечкой (рис. 2, *14*). Под овами часто проходит полоса меандра (рис. 2, *15*).

В орнаментации тулова «мегарских» чаш, производившихся в мастерской, преобладают растительные мотивы: чередующиеся листья аканфа и листья ланцетовидной формы (рис. 2, *12*). Иногда между ними оттиснуты небольшие фигуры животных, например дельфинов (рис. 2, *9*). В ряде случаев на тулове декор в виде небрежно оттиснутых лепестков языковидной формы в обрамлении из рельефных точек (рис. 2, *6*, *11*) или в виде цветов с волнисто изогнутыми стебельками, чередующихся с ланцетовидными листьями, стержни которых процарапаны от руки (рис. 2, *13*).

Особенно распространенным мотивом является пятилепестковая вихревая розетка, окруженная тремя подковообразными линиями и рельефными точками (рис. 2, *14*, *18*, *19*). Иногда вместо розетки мы видим миниатюрное изображение льва или крылатой Ники (рис. 2, *18*). Широкое распространение чаш с подобной орнаментацией [19, рис. 80, *2*, 87, *24*, 88, *38*; табл. XIII, *30*] и отмечающиеся у них различия по форме, глине и качеству лакового покрытия [21, с. 31] свидетельствуют о том, что эта система орнаментации применялась в керамическом производстве различных эллинистических центров. В то же время явное преобладание этого элемента в различных вариациях в декоре «мегарских» чаш из Пергама [14, прилож. 22, *16*; 43, *18*; 20, табл. 51, *119*, *570*] в сочетании с данными, полученными в ходе раскопок рассматриваемой нами гончарной мастерской, не может не обратить на себя внимание. Это заставляет предполагать если не его пергамское происхождение, то по крайней мере значительное развитие данного орнаментального мотива на пергамской почве, что в определенной степени облегчает задачу атрибуции «мегарских» чаш пергамского производства.

Некоторые фрагменты форм, найденные в мастерской, отличаются тонким исполнением, например верхний край формы, где штампом оттиснуто изображение виноградной лозы с гроздьями ягод, заключенное между поясками жемчужника (рис. 2, *17*), или край формы с двумя изящными поясками плетенки и овов (рис. 2, *16*). Очень выразительна также часть формы с изображением 14-лепестковой розетки (рис. 2, *8*).

Значительная часть обломков «мегарских» чаш относится к выбросу из мастерской, например фрагменты чаш с орнаментом в виде 8-лепест-

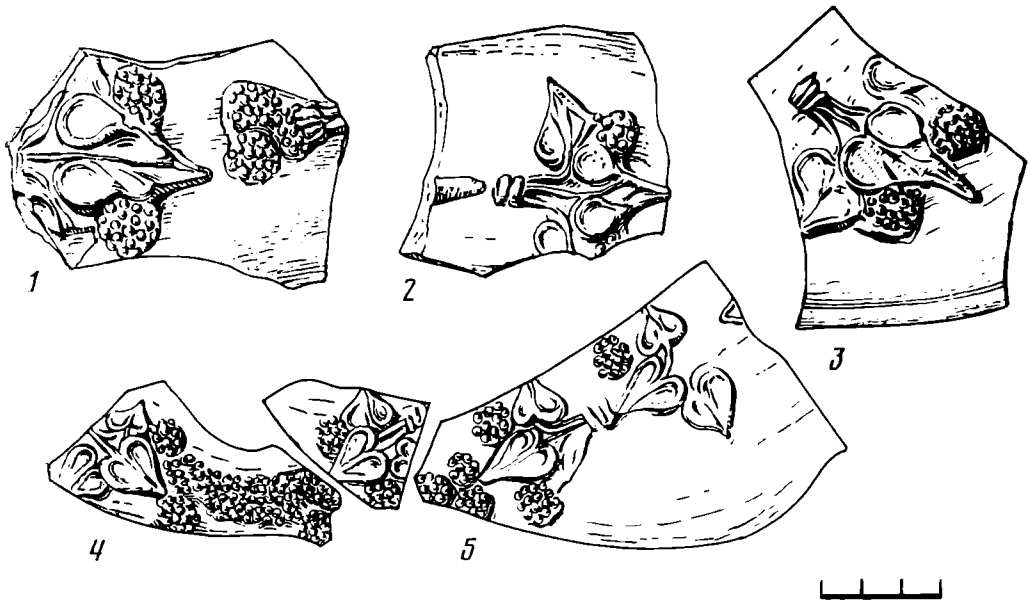


Рис. 3. Фрагменты рельефных кубков с накладными рельефами в виде пучков плюща. *1—3* — из Мирмекия; *4*, *5* — из Пантикапея

ковой розетки, окруженной тремя рядами листьев, аналогичным декору уже упомянутой формы (рис. 2, 7).

По мнению Г. Хепдинга, комплекс находок в мастерской свидетельствует о непродолжительном ее функционировании в пределах второй половины II в. до н. э. и самого начала I в. до н. э. [17, с. 59].

Таким образом, опубликованные Г. Хепдингом данные позволяют не только локализовать отдельные группы и типы эллинистической керамики в Пергаме, но и датировать их в довольно узких границах. Опираясь на эти данные, мы можем установить пергамское происхождение ряда керамических изделий, найденных в Северном Причерноморье, и в частности на территории Боспорского царства.

Предположения относительно принадлежности некоторых из них пергамскому производству уже высказывались в отечественной литературе. Например, В. Ф. Гайдукевич, публикуя фрагменты рельефных кубков из Мирмекия с орнаментом в виде пучков плюща, датировал их II в. до н. э. и прямо указал, что «место производства таких кубков — Пергам» [22, с. 76]. Более подробно пергамское происхождение этого вида изделий обосновал И. Г. Шургая, который уточнил их датировку (вторая половина II в. до н. э.— начало I в. до н. э.) и выделил среди них два варианта, по времени сменяющие друг друга. Для первого варианта характерны буро-черное лаковое покрытие и пышные листья плюща, исполненные в натуралистической манере (рис. 3, *1*), для второго — яркий оранжево-красный лак и более стилизованная трактовка побегов плюща (рис. 3, *2*, *3*) [4, с. 111]. Сопоставление фрагментов рельефных кубков с растительным декором из Мирмекия с материалами из пергамской керамической мастерской, где имеются оба указанных варианта, очевидно, какое-то время сосуществовавших, полностью подтверждает их пергамское происхождение.

Несколько фрагментов подобных кубков происходит из Пантикапея (рис. 3, *4*, *5*). В. С. Забелина, опубликовавшая их, отметила близость этих фрагментов изделиям пергамских мастеров и датировала такие рельефные кубки I в. до н. э. [7, с. 122]. Подобная датировка чрезмерно широка хотя бы потому, что в нашей литературе уже давно обращалось внимание на тот факт, что к последней трети I в. до н. э. этот вид орнаментации начинает выполняться в качественно другой технике — en barbotine [16, с. 27, рис. 5; 23, с. 108]. Таким образом, выводы В. С. Забелиной можно несколько уточнить, исходя из несомненного

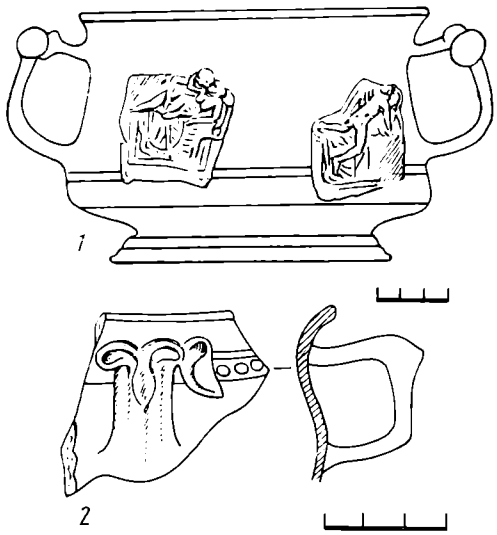


Рис. 4. *1* — канфарообразный рельефный кубок из резиденции Хрисалиска; *2* — фрагмент верхней части кубка из Мирмекия (по К. Михайловскому)

сходства данных фрагментов со вторым вариантом мирмекийских кубков.

Накладные рельефы могли украшать кубки самых различных форм [4, с. 108, рис. 41, *1*, *2*; 20, табл. 28, Е 25; табл. 33, Е 64; табл. 34, Е 79], в том числе и канфарообразные кубки с ручками, украшенными на сгибе круглыми щитками, производившиеся в пергамской мастерской. Такой характер декора демонстрирует, например, кубок аналогичной формы, найденный в кухонном помещении Б так называемой резиденции Хрисалиска, расположенной в северо-западной части азиатского Боспора (рис. 4, *1*). Он входит в комплекс находок, датирующихся второй половиной II в. до н. э., что вполне согласуется с данными относительно времени функционирования рассмотренной нами керамической мастерской [24, с. 96, рис. 49].

Ко второму типу кубков, описанных Г. Хепдингом, предположительно можно отнести фрагмент верхней части канфара, также происходящий из Мирмекия [25, с. 69, табл. III]. Сохранившаяся вертикально поставленная ручка на сгибе украшена рельефным листком плюща (рис. 4, *2*). Единственное отличие от образца из пергамской мастерской — дополнительная орнаментация в виде расположенной чуть ниже места прикрепления верхнего края ручки полосы из точек, исполненных белой краской. К. Михайловский обобщенно датирует этот фрагмент IV—III вв. до н. э., но эта датировка ничем не обоснована. По форме, стилю орнаментации и качеству лака этот кубок, несомненно, относится ко времени позднего эллинизма.

Вопрос о выделении «мегарских» чаш пергамского производства среди импортной продукции подобного рода на Боспоре почти не подвергался специальному рассмотрению. Все исследователи, затрагивавшие эту проблему, сталкивались со значительными трудностями. Н. М. Лосевой, рассматривавшей данный вопрос на материале раскопок Пантикапея 1947—1948 гг. [3, с. 199 сл.], осталась неизвестной статья Г. Хепдинга, и она опиралась главным образом на данные, приведенные Г. Томпсоном [26, с. 422—426] и Ф. Курби [19, с. 404—408]. Но, во-первых, из всех фрагментов «мегарских» чаш, опубликованных Г. Томпсоном, лишь один (Е 79) он отнес к пергамским образцам [26, с. 406]; во-вторых, характеристика пергамских чаш у Ф. Курби, по мнению самой Н. М. Лосевой, «довольно туманна, хотя и содержит ряд ценных указаний» [3, с. 200].

Все же Н. М. Лосева отметила, что для «мегарских» чаш пергамского производства характерны сравнительно высокий рельеф и хорошо разработанный профиль медальона на донце, а отдельные изобразительные мотивы (вазы, дельфины, ветви с листьями и т. п.) обычно разбросаны в свободной композиции по поверхности сосуда и имеют более реалистический характер, чем на делосских чашах [3, с. 200].

Руководствуясь этими признаками и данными Т. Н. Книпович [1, с. 284], она сочла возможным отнести к пергамской продукции несколько фрагментов «мегарских» чаш из Пантикапея, указав, что вследствие своей незначительности они дают лишь слабое представление о форме сосуда в целом [3, с. 201].

Между тем материалы Г. Хепдинга позволяют поставить вопрос об атрибуции хотя бы части «мегарских» чаш пергамского производства на более надежную основу. Конечно, о полных аналогиях, учитывая самые

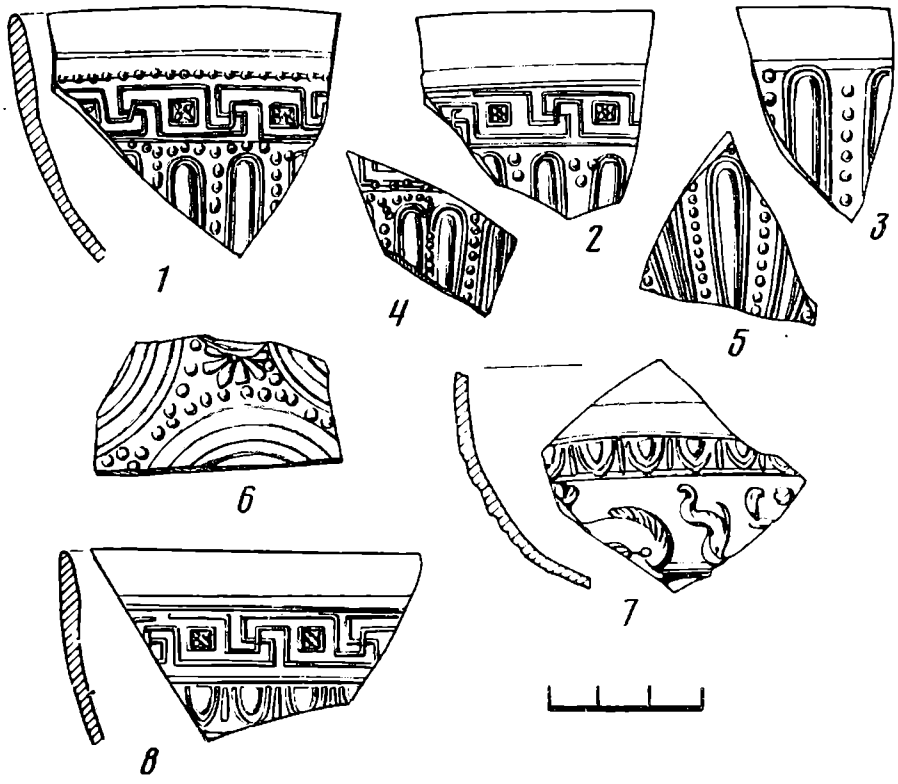


Рис. 5. *1—8* — фрагменты «мегарских» чаш из Мирмекия

разнообразные сочетания штампиков при изготовлении форм, говорить не приходится, но все же указанные выше характерные особенности чаш, производившихся в пергамской мастерской, позволяют выделить соответствующую продукцию в материалах боспорских городов.

Прежде всего это относится к фрагментам «мегарских» чаш полусферической формы из Мирмекия, тулово которых украшено языковидными лепестками, обрамленными рельефными точками (рис. 5, *1—5*) [1]. В ряде случаев над ними проходит полоса меандра. Глина фрагментов желтовато-оранжевого цвета с небольшими отклонениями, плотная, с отдельными блестками. Лак хорошего качества, снаружи буровато-коричневый, внутри того же цвета, но матовый.

Другой распространенный прием орнаментации пергамских чаш — три концентрические дуги, окруженные рельефными точками,— представлен на фрагменте чаши из Мирмекия, покрытом густым красным лаком (рис. 5, *6*) [2] и небольшом фрагменте из Танаиса, где подобный орнамент размещается под полосой меандра [27, с. 233, табл. VI, 70]. Аналогичный фрагмент «мегарской» чаши, происходящий из Кеп и атрибутированный как малоазийский, опубликован О. Н. Усачевой [28, с. 101, рис. 1, *19*].

Кроме того, можно отметить покрытые буровато-красным лаком фрагменты чаш из Мирмекия, где в одном случае полоса ов с наклоном влево сочетается с изображениями дельфинов (рис. 5, *7*), в другом она проходит под полосой меандра (рис. 5, *8*) [3].

Рассмотренные нами предметы пергамского импорта из материалов раскопок боспорских городов являются достаточно рядовыми образцами массовой продукции, поступавшей на рынки Северного Причерноморья. При этом в нашу задачу входило выделение только тех образцов пергамской керамики, которые имеют аналогии с изделиями публикуемой нами

[1] М/47—97; М/56—9; М/57—309, 321.
[2] М/58—233.
[3] М/58—171, 432.

мастерской. Содержание пергамского импорта в целом, безусловно, было значительно шире как по типам керамических изделий, в числе которых есть художественные образцы, так и по ассортименту ввозившейся продукции. Дальнейшие исследования в этом направлении могут послужить основой для более серьезного изучения торговых и культурных связей Пергама с северопричерноморскими городами в эпоху эллинизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма.— СА, 1949, т. XI.
2. *Цветаева Г. А.* К вопросу о торговых связях Пантикапея.— МИА, 1957, № 56.
3. *Лосева Н. М.* Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре.— МИА, 1962, № 103.
4. *Шургая И. Г.* Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия.— КСИА, 1963, вып. 95.
5. *Шургая И. Г.* К вопросу о пергамском импорте на Боспоре во II в. до н. э.— КСИА, 1965, вып. 103.
6. *Шургая И. Г.* Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья.— СА, 1971, № 3.
7. *Забелина В. С.* Группа рельефной керамики из Пантикапея.— СГМИИ, 1968, вып. IV.
8. *Мазарати С. Н.* «Мегарские» чаши из раскопок Ольвии.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины. Ч. I. Киев: Наукова думка, 1976.
9. *Леви И. Е.* Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии 1935—1936 гг.— В кн.: Ольвия. Т. I. Киев, 1940.
10. *Леви И. Е.* Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок ольвийской агоры.— В кн.: Ольвия. М.— Л.: Наука, 1964.
11. *Waagé F. O.* «Pergamene» Ware.— In: *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of Hellenistic World. V. III. Oxford, 1941.
12. *Jones F. F.* The Pottery.— In: Tarsus. V. I. Princeton, 1950.
13. *Conze A.* Kleinfunde aus Pergamon. Berlin, 1902.
14. *Conze A.* Altertümer von Pergamon. B. 1, 2. Berlin, 1913.
15. *Loeschcke S.* Sigillata-Töpfereien in Tschandarli.— AMitt, 1912, B. XXXVII.
16. *Knipowitsch T.* Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage.— In: Materialen zur römisch-germanischen Keramik. B. IV. Frankfurt a. M., 1929.
17. *Hepding H.* Eine hellenistische Töpferwerkstatt in Pergamon.— In: Nachrichten der Giessener Hochschulgesellschaft, 1952, № 21.
18. *Schazmann P.* Das Gymnasion.— In: Altertümer von Pergamon. B. VI. Berlin, 1923.
19. *Courby F.* Les vases grecs à reliefs. Paris, 1922.
20. *Schäfer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin, 1968.
21. *Waagé F. O.* Hellenistic and Roman tableware of North Syria.— In: Antioch-on-Orontes, v. IV, 1. Princeton, 1948.
22. *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий. Варшава, 1959.
23. *Шургая И. Г.* О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре.— МАСП, 1962, вып. IV.
24. *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976.
25. *Michalowsky K.* Mirmeky. Warszawa, 1958.
26. *Thompson H. A.* Two centuries of Hellenistic Pottery.— Hesperia, 1934, v. III.
27. *Шелов Д. Б.* Находки в Танаисе «мегарских» чаш.— В кн.: Античные древности Подонья — Приазовья. М.: Наука, 1970.
28. *Усачева О. Н.* Рельефная керамика из Кеп.— КСИА, 1978, вып. 156.

V. A. Goroncharovsky

THE PERGAMUM POTTERY WORKSHOP AND ITS PRODUCTS IN THE BOSPORUS

Summary

With many authors the term «Pergamum ceramics» lacked precision for a long time. Few of them used technological indicators for singling out Pergamum products. Of especial interest in this respect is the Pergamum Hellenistic pottery workshop discovered in 1913 providing exact data for the establishment of technological and typological features of 2nd-1st-century B. C. Pergamum ceramics of every-day use. It produced mainly beakers of various shapes and «Megarian» bowls. The Pergamum products found in the Bosporus include beakers done in relief ornamented with bunches of moonseed (Panticapaeum, Myrmecy); kantharos-like beakers done in relief with handles decorated with small bucklers (Khrisalisk's residence on the Taman Peninsula); beakers with vertically placed handles ornamented with moonseed leaves done in relief (Myrmecy) odd fragments of «Megarian» bowls (Myrmecy, Tanais, Cepi).

РТВЕЛАДЗЕ Э. В.

МОГИЛЬНИК КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ У ЯЛАНГТУШ-ТЕПЕ

Одной из первостепенных задач кушанской археологии является выявление погребальных обрядов, бытовавших у жителей кушанских городов и поселений Бактрии. Археологические исследования последних лет показывают устойчивое существование в них обряда погребения предварительно очищенных костей в наземных сырцовых сооружениях [1, с. 76—84; 2, с. 97—115]. К числу таковых относится также открытый в 1975 г. автором настоящей статьи могильник у Ялангтуш-тепе, расположенный на северной окраине кишлака Бандыхан в Сурхандарьинской обл. УзССР [1].

Некрополь, начинающийся в 300 м к северу от цитадели Ялангтуш-тепе, отделен от поселения широкой ложбиной (рис. 1). Общая его протяженность с юга на север более 600 м, с запада на восток 200—250 м. Погребальные сооружения в нем распределены неравномерно. Наибольшее их количество сконцентрировано в южной части, несколько сооружений отмечено в середине и на северной окраине некрополя. Они находятся на вершинах или склонах невысоких естественных холмов, причем, поскольку местность здесь имеет общее понижение с севера на юг, многие сооружения оказались частично или совсем смыты селевыми потоками.

Нумерация сооружений, условно названных наусами, дана по порядку вскрытия [2].

Наус I. Расположен на южной окраине могильника, на вершине холма высотой 1,5, диаметром 30 м. Погребальное сооружение не сохранилось. В раскопе 8×8 м под дерновым слоем обнаружены два черепа, находящиеся на расстоянии 20 см друг от друга, а также отдельные кости человеческих скелетов. Рядом с черепами найден лепной светильник, раздавленный сосуд типа поильника, ножка бокала и бронзовая подвеска.

Наус II. Расположен в 50 см к северу от предыдущего. До раскопок представлял собой округлую в плане насыпь диаметром 10 м, высотой 50 см, с небольшим количеством камней. Под ней зачищено подквадратное в плане (6,4×5,9 м) погребальное сооружение, ориентированное по оси северо-запад — юго-восток, включающее две камеры, разделенные стеной шириной 70 см (рис. 2).

В западном углу науса находится площадка, возведенная, как и стены, из сырцового кирпича 35×35×15 см, на которой отмечены отдельные кости. Внешние стены науса, сохранившиеся в высоту на 20—50 см, различной толщины — от 75 см на северо-восточном фасе до 1 м на юго-восточном. Вход в наус не обнаружен. Возможно, он был устроен на определенной высоте. В обоих склепах находился богатый и разнообразный погребальный инвентарь.

Камера 1. Прямоугольная в плане (2,4×1,56 м). Стены изнутри покрыты белой штукатуркой. В юго-восточном углу камеры зафиксированы шесть взрослых и один детский череп, располагавшиеся в два ряда (четыре в первом и два во втором) на расстоянии 15—18 см друг от друга. Детский череп лежал у северо-восточной камеры. Остальные кости

[1] Об этом могильнике опубликована лишь краткая информация [3, с. 541; 4, с. 87—88].

[2] В раскопках могильника, проводимых Бандыханским отрядом УзИСКЭ, принимали участие М. Исхаков, О. Маликов, Т. Сааткулов и учащиеся школы им. Мичурина кишлака Бандыхан.

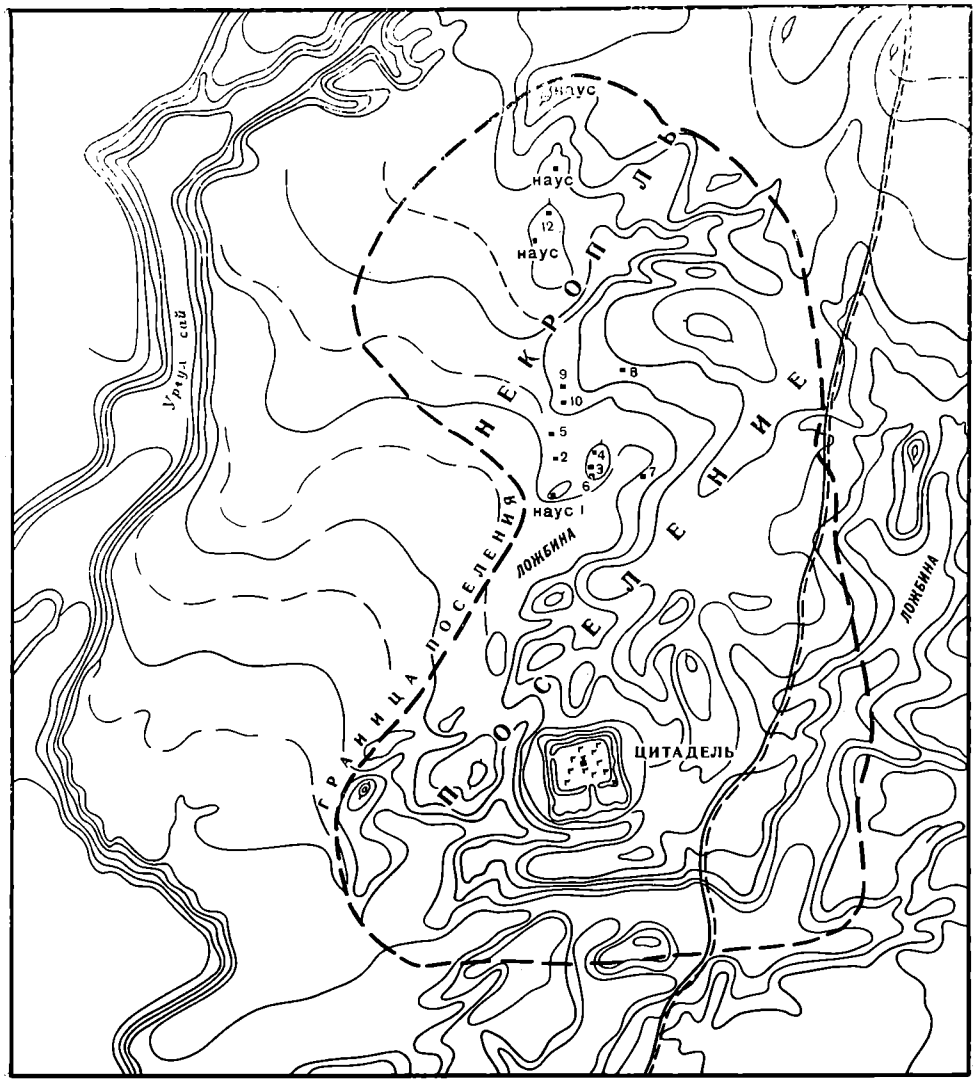


Рис. 1. План поселения Ялангтуш-тепе

были в беспорядке сложены на полу камеры, причем количество костей не соответствует количеству черепов.

У юго-западной стены камеры обнаружена собачья челюсть, а в разных участках — мелкие древесные угольки. В камере найдено шесть керамических сосудов. Рядом с собачьей челюстью находились двуручный сосуд типа кратера и поильник, покрытые соответственно светлым и красным ангобом. В северо-восточном углу камеры лежал светлоангобированный двуручный сосуд.

Еще один аналогичный сосуд, но с бледно-красноватым ангобом находился в юго-западном углу.

В центре камеры найдены два лепных закопченных светильника (рис. 3).

В северо-восточном углу обнаружена бронзовая монета Хувишки с изображением на л. с. государя на тахте и стоящего божества на о.с. и совершенно стертая монета с отверстием. Рядом — три раковины каури и бусы. Среди них множество мелких пастовых, пять сердоликовых (на одной из бусин белой пастой нанесен орнамент, состоящий из двух волнистых линий, разделенных концентрической линией), одна из горного хрусталя, две каменные, три стеклянные зеленоватого цвета, две из камня синего цвета с белыми прожилками, одна шаровидная темного цвета и одна четырехгранная бусина из известняка, грушевидной формы подвески из стекла, мелкая цилиндрическая бусина бледно-розового цвета,

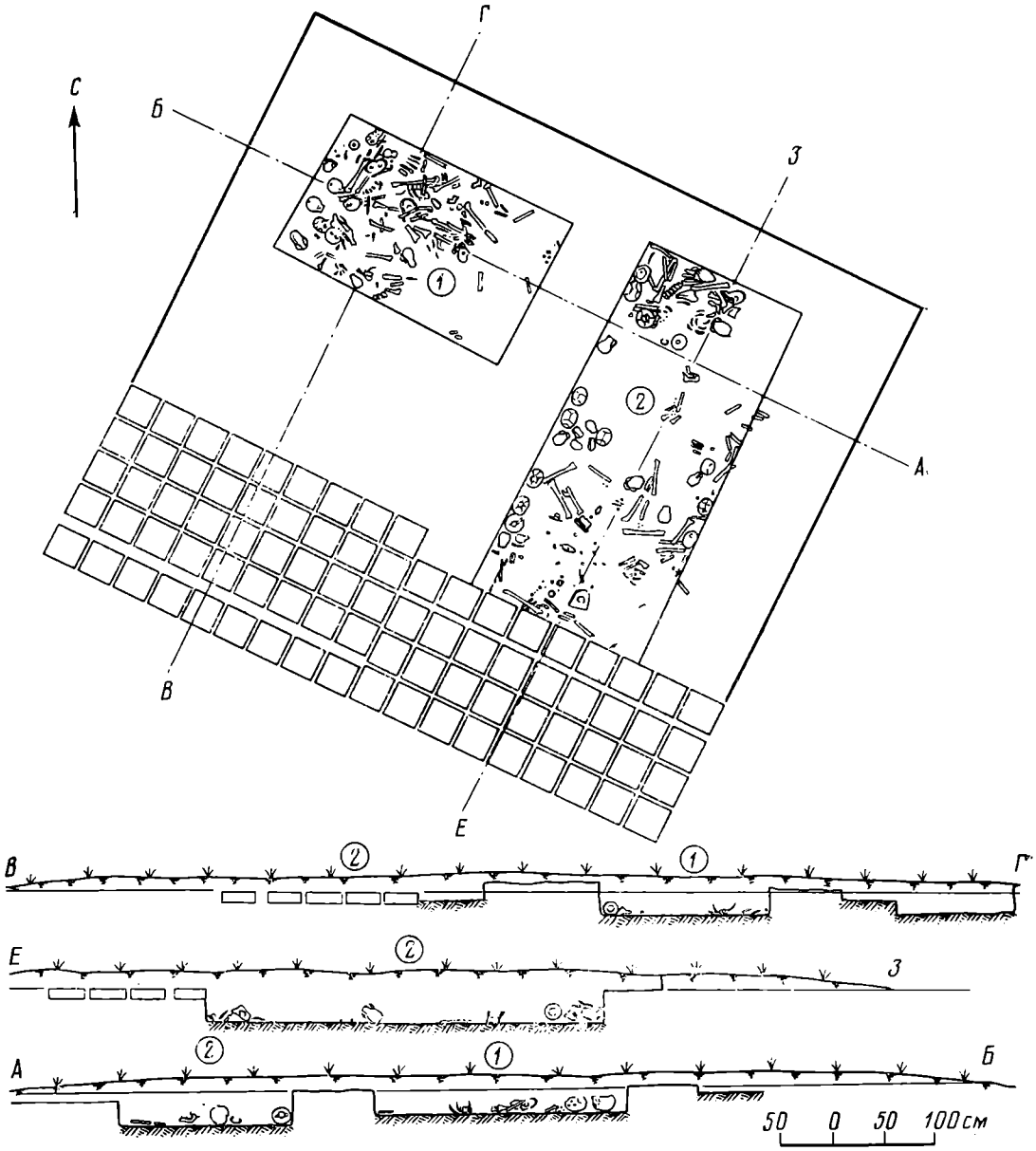


Рис. 2. Наус II. План и разрезы

несколько соединенных между собой стеклянных бусин, две шаровидные из стекла и две цилиндрические стеклянные бусины. У северо-восточной стенки камеры лежали железный ножик с небольшой рукоятью и трехперый железный черешковый наконечник дротика. Рядом с монетой Хувишки найдены два браслета — бронзовый с гофрированной поверхностью и железный в обломках, а также железный перстень с овальным щитком. Обломки круглого железного предмета найдены в северо-восточном углу.

У третьего черепа из первого ряда лежала плоская бронзовая пластина, слегка выпуклая в центре, с двумя отверстиями по краям. В центре склепа обломок перламутровой раковины, рядом костяное кольцо и половина бронзового бубенчика. У центра юго-восточной стенки три бронзовых кольца — плоское в сечении с бирюзовой вставкой, оправленной в гнездо из серебряной проволоки; округлое, в сечении с гнездом для камня; овальное в сечении с вытянутым щитком, украшенным с одного края насечками, на щитке изображение лучника. У юго-западной стенки камеры — железный трехперый черешковый наконечник стрелы. В северо-восточном углу склепа бронзовая овальная серьга из тонкой проволоки

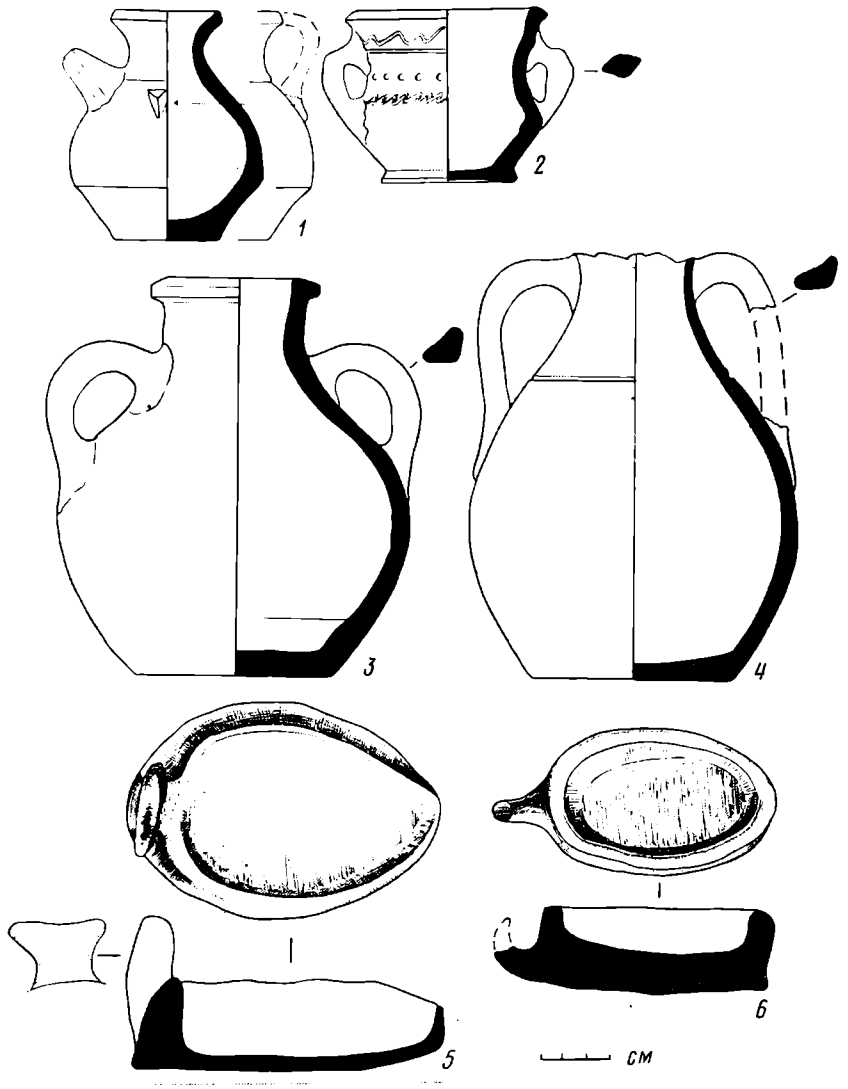


Рис. 3. Керамика из камеры 1 науса II

с незамкнутыми концами. Рядом круглая бронзовая серьга с приклепанными к ней мелкими шариками в форме виноградной кисти. У северо-западной стенки под черепом лежали бронзовая игла, аналогичная бронзовая серьга, костяная подвеска в форме шестилепестковой розетки, часть бронзового колечка и мелкая пастовая бусина (рис. 4).

Камера 2. Прямоугольная в плане (3,8×1,7 м). Высота стен 15—20 см. С внутренней стороны они покрыты белой штукатуркой.

Погребальный обряд аналогичен. Бо́льшая часть костей сконцентрирована в северо-восточном углу и юго-западной части камеры. Зафиксировано 11 черепов. Восемь размещались вдоль северо-западной, один — у северо-восточной и два — у юго-восточной стенок. Количество костей не соответствует количеству найденных здесь черепов.

В разных местах камеры обнаружены мелкие древесные угольки, большое количество керамики и разнообразных предметов. Всего найдено 16 сосудов. В северо-восточном углу — эйнахоевидный сосуд, покрытый красноватым ангобом по светлому фону, двуручный сосуд с аналогичным ангобом, двуручный сосуд, покрытый светлым ангобом.

У середины северо-восточной стены находились два сосуда — одноручный кувшин с красноватым ангобом по светлому фону и кувшинчик с двумя сломанными ручками. В юго-западном углу найдено пять сосудов: кувшин с одной ручкой, ангоб светло-красноватый; светлоангобиро-

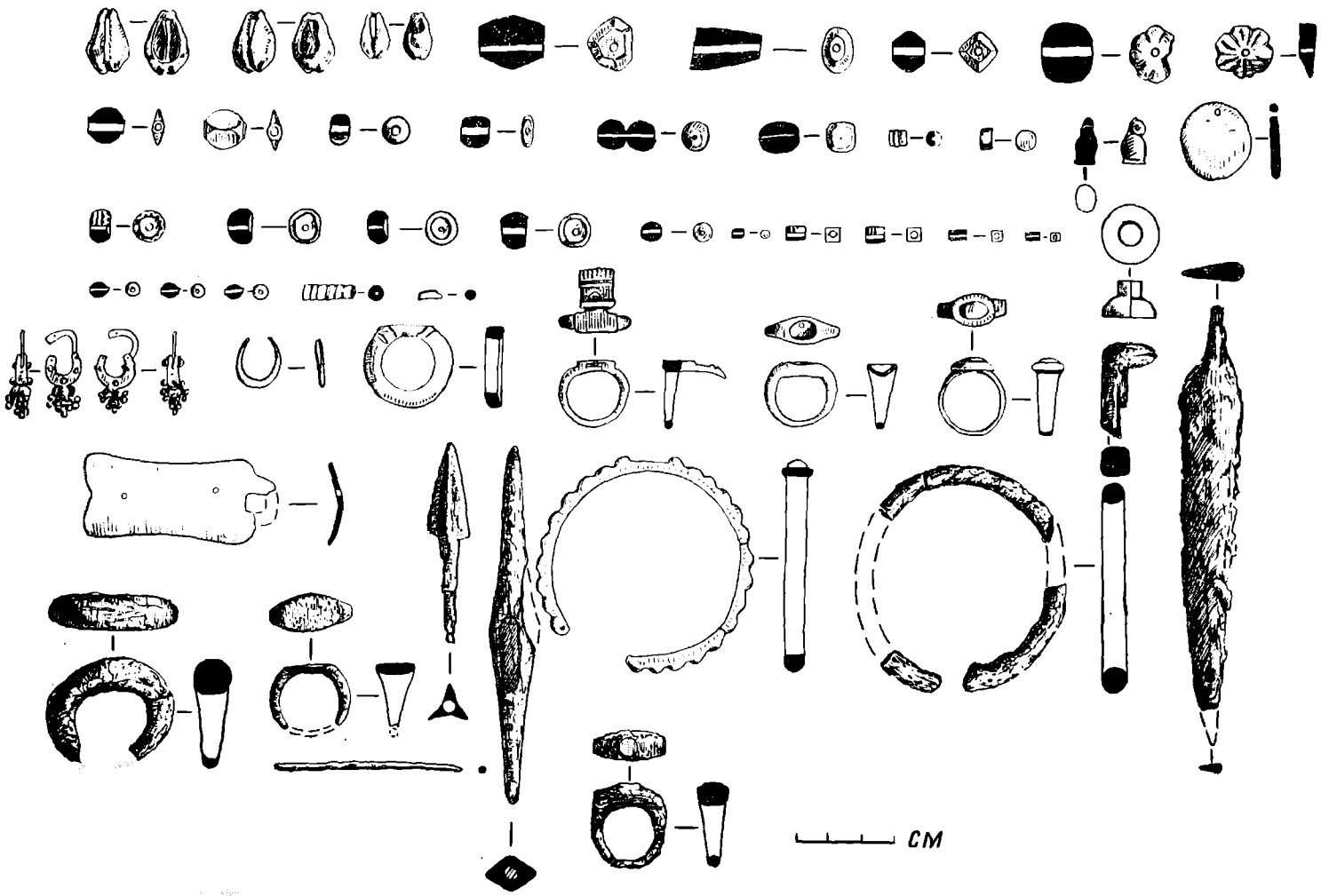


Рис. 4. Инвентарь из камеры 1 пауса II

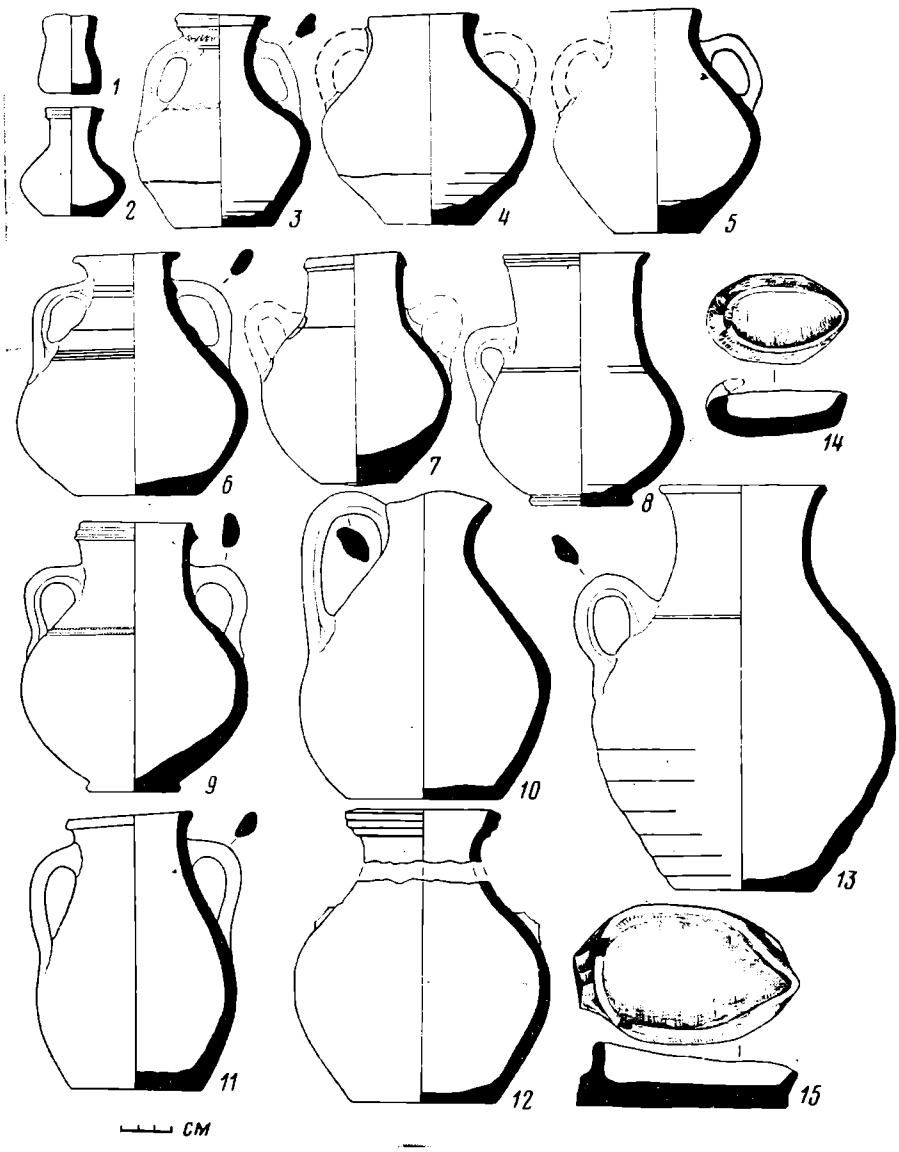


Рис. 5. Камера 2, наус II, керамика

ванный двуручный кувшинчик, у которого часть горловины и венчика в древности были обломаны, но затем загипсованы; горшочек цилиндрической формы светло-красноватого цвета и два лепных светильника.

Еще три сосуда обнаружены у юго-восточной стенки камеры. Среди них двуручный сероглиняный кувшинчик, небольшой горшочек с светло-желтоватым ангобом с полосой красного цвета у венчика и двуручный сосуд с красноватым ангобом (рис. 5).

В юго-восточной части камеры найдено восемь медных монет. Среди них монета Кадфиза II обычного типа, пять монет Канишки с различными божествами на оборотной стороне, две монеты Хувишки — одна с государем на тахте. В северо-восточном углу у черепа лежали круглый бронзовый браслет с заходящими друг на друга концами, орнаментированными кружочками и насечками, бронзовая игла и бронзовый колокольчик с рифленой поверхностью.

Аналогичный браслет находился у юго-западной стенки. Рядом с ним остатки железного браслета.

Другой колокольчик, но с гладкой поверхностью найден в центре склепа под сосудом. Около него еще одна бронзовая игла. Примерно в центре юго-восточной стенки найдена бронзовая туалетная ложечка, а у противоположной стенки — две бронзовые туалетные чашечки. Возле них

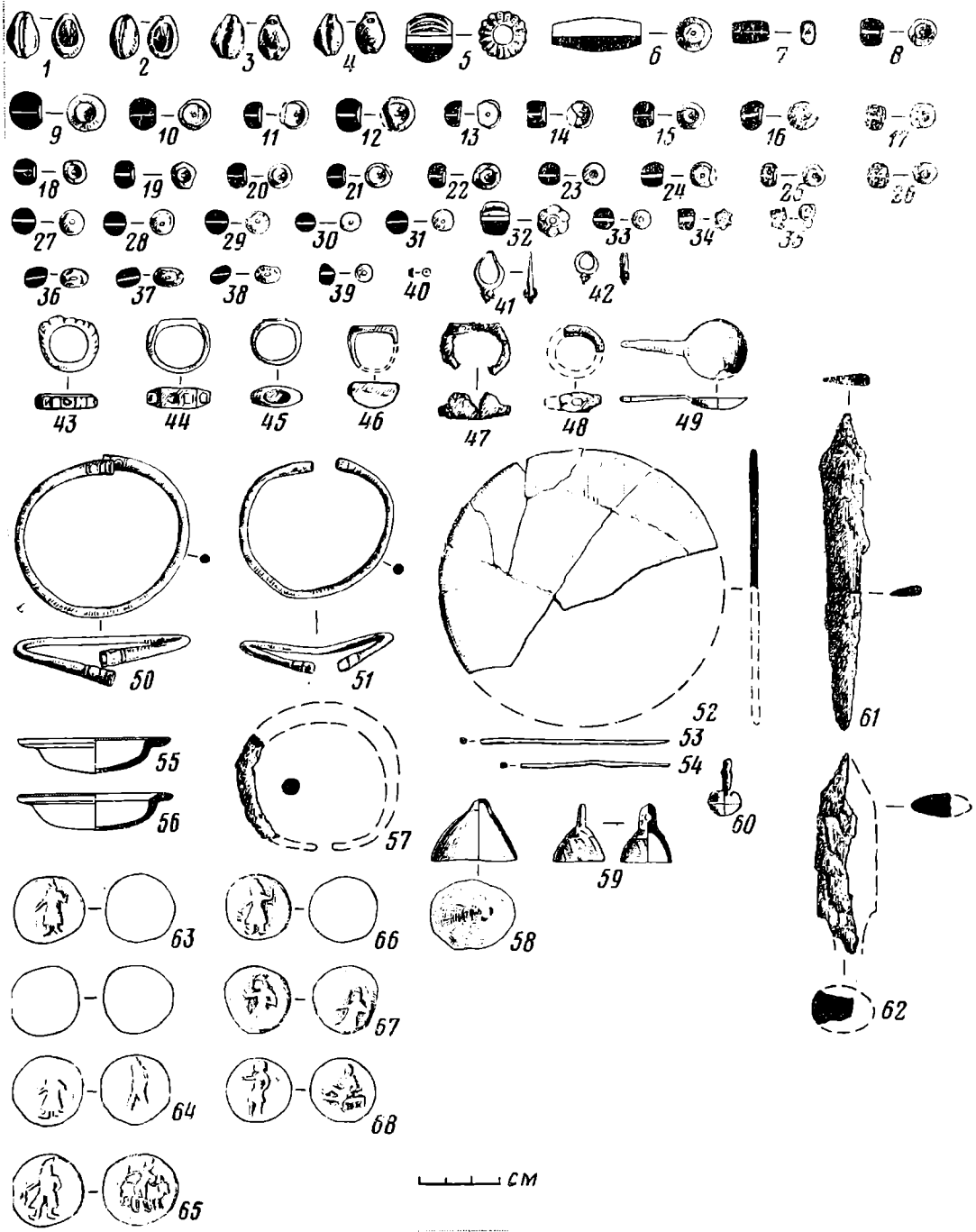


Рис. 6. Камера 2, наус II, инвентарь

лежал железный ножичек в деревянных ножнах. Несколько далее находились фрагменты бронзового круглого зеркала с выпуклой центральной частью. В юго-западной половине камеры лежало шесть перстней, из них три бронзовых, один костяной и два железных.

Найдены две серьги, одна бронзовая, другая золотая. Они одинаковой формы: кольцевидная подвеска и несколько шариков в виде виноградной кисти, прикрепленные к нижнему краю подвески. В разных местах обнаружено 40 мелких пастовых бусин и четыре раковины каури (рис. 6).

Наус III. Расположен в 34 м к юго-востоку от науса II. На дневной поверхности выражен слегка задернованной округлой в плане насыпью диаметром около 10 м, на поверхности которой встречались фрагменты керамики и отдельно камни. Наус представляет собой прямоугольное в плане погребальное сооружение (7,3×4,8 м), ориентированное по оси

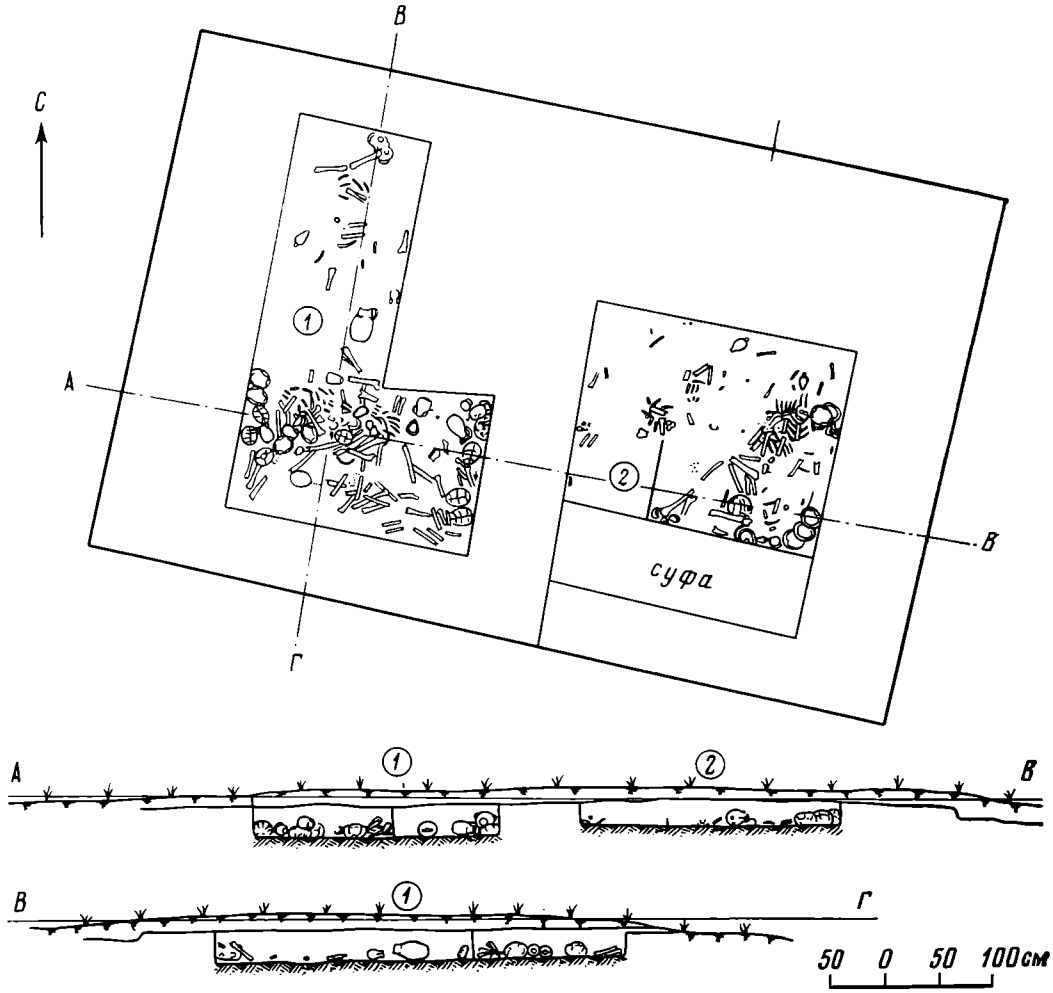


Рис. 7. Наус III. План и разрезы

юго-восток — северо-запад, главным фасадом на северо-запад. Стены науса шириной 55—70 см возведены из сырцового кирпича (33×33×14 см), внутри покрыты белой штукатуркой. Наус включает две камеры, разделенные стеной шириной 70 см (рис. 7).

Камера 1. Прямоугольная в плане (3,7×2,3 м), расположена вдоль северо-западного фаса здания. Высота стен 20—30 см. У юго-восточной стены суфа. В камере обнаружено 11 черепов очень плохой сохранности, находившихся в юго-западной части: три у юго-восточной стены, шесть у северо-западной стены, два между ними. Остальные кости скелетов лежали на полу в беспорядке друг на друге (рис. 8). В разных местах камеры найдено значительное количество предметов и 16 сосудов, из них два полностью раздавлены. У юго-восточной стенки в углу между суфой и стеной лежало пять сосудов: красноангобированный одноручный кувшин, двуручный кувшин с коричневатым ангобом, двуручный сосуд, покрытый светлым ангобом, лепной светильник с закопченной поверхностью и небольшой одноручный кувшин, покрытый светло-желтоватым ангобом. Три сосуда находились в юго-западном углу рядом с черепами. Среди них двуручный сосуд, покрытый коричневатым ангобом по светлому фону, двуручный кувшин с светло-серым ангобом, двуручный сосуд с светло-коричневатым ангобом.

Между ними примерно в центре юго-восточной части камеры лежали лепной сосуд цилиндрической формы сероватого цвета и поильник, покрытый светло-коричневатым ангобом. Неподалеку от них находились распавшиеся на кусочки светильник и двуручный кувшин. У северо-западной стенки склепа найден лепной светильник светло-коричневатого

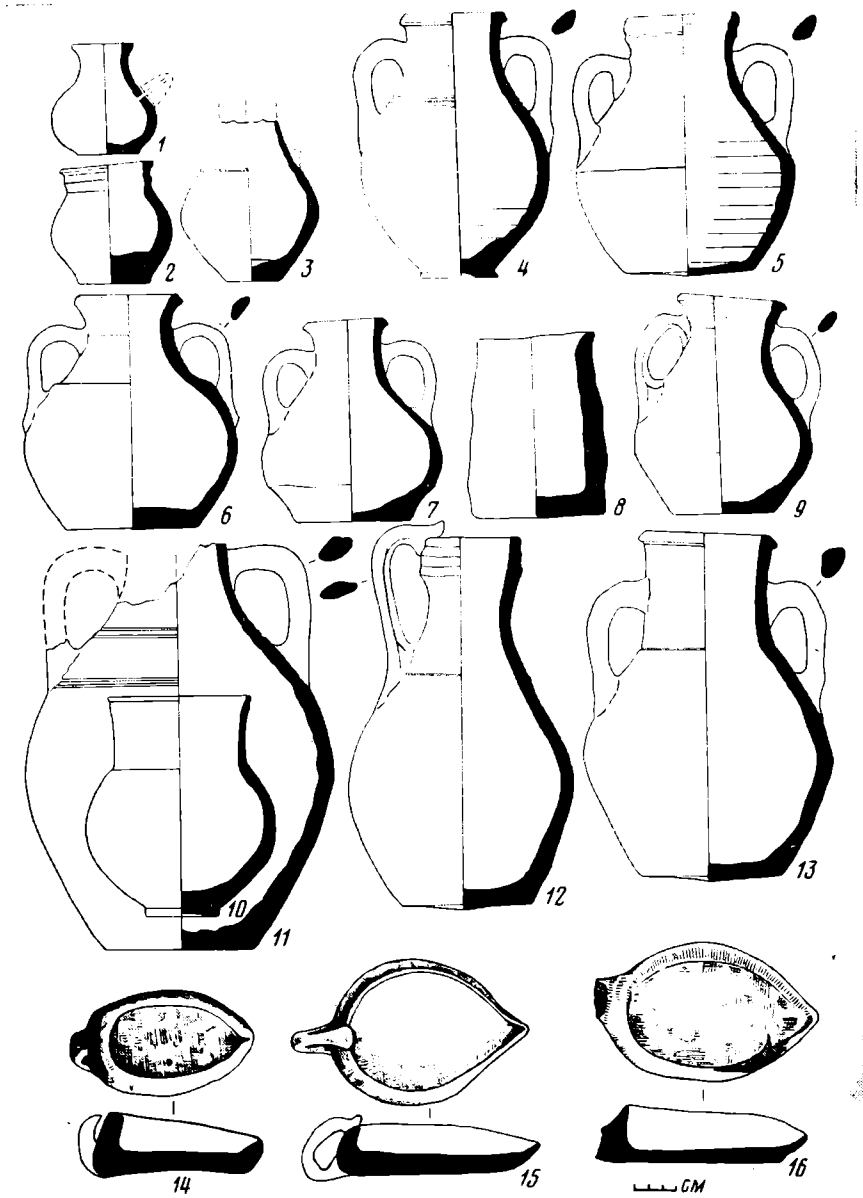


Рис. 8. Наус III, камера 1, керамика

цвета со следами копоти. Аналогичный сосуд обнаружен вблизи северо-восточной стенки.

У юго-восточной стенки камеры найден красноглиняный горшочек (рис. 8) и двуручный лепной кувшин, покрытый светло-серым ангобом.

В нижнем углу склепа лежал трехперый черешковый железный наконечник стрелы и обломки какого-то предмета в виде прямых или изогнутых под углом железных полосок шириной 2 см с отверстиями, в которые вставлены железные гвоздики. Тут же находились два железных перстня с овальными щитками. В центре камеры найдены игла и две заколки из бронзы, увенчанные половинкой бронзовой бусины. Рядом бронзовая массивная заколка, состоящая из прямого стержня и навершия в виде сжатых в кулак пальцев, а также бусы из разнообразных материалов. Среди них 12 коралловых розоватого цвета, раковина каури, три сердоликовые, две из аметиста, опаловая и пастовая коричневатого цвета с инкрустациями желтоватого цвета, три стеклянные зеленоватого цвета и две из неизвестного материала.

Рядом с сосудом-поильником найден бронзовый браслет с утолщениями на концах и обломки железного браслета. В южном углу склепа об-

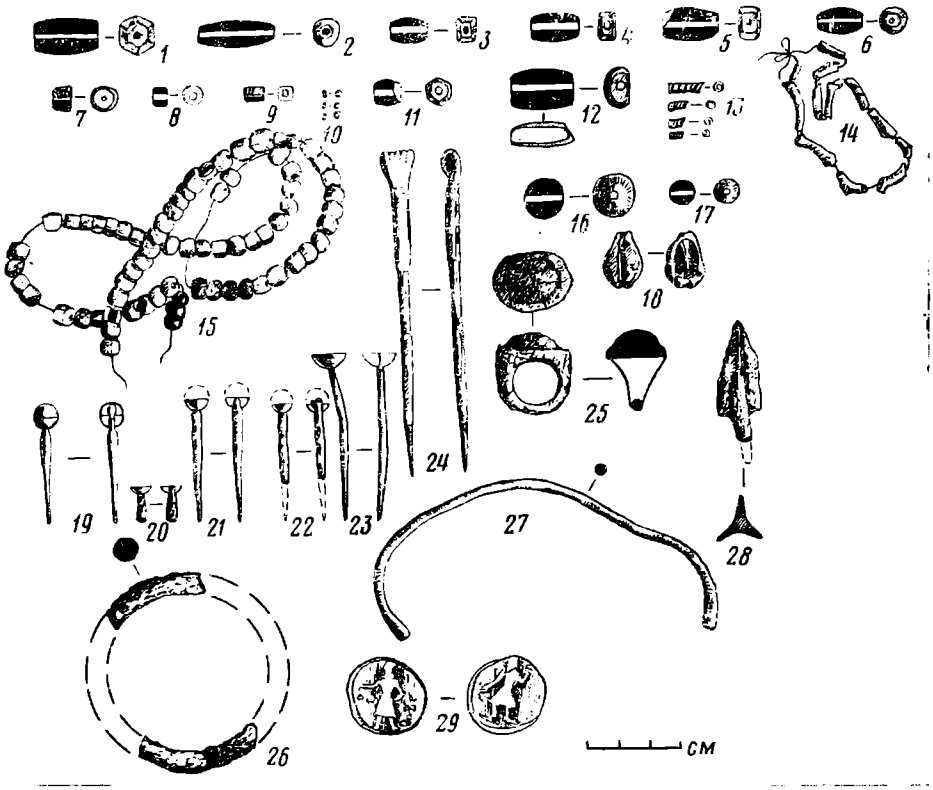


Рис. 9. Науc III, камера 1, инвентарь

наружены три мелких кусочка золотой фольги и медная монета Канишки. В западном углу лежала связка из 70 пастовых и стеклянных бус, сложенных в несколько рядов (рис. 9).

Камера 2. Прямоугольная в плане (2,65×2,35 м). У юго-западной стены суфа шириной 80 см, выложенная из половинок сырцового кирпича. Стены сохранились на высоту 20—30 см.

Погребальный обряд аналогичен предыдущему. Обнаружено восемь черепов; три у юго-восточной стенки и пять у суфы.

В центре камеры обнаружен круглый в сечении бронзовый браслет и бронзовый колокольчик конусовидной формы. Внутри него на тонкой нитке привязана раковина каури. В юго-восточном углу найден бронзовый перстень с овальным щитком. Второй перстень находился в северо-восточном углу. Щиток ромбовидной формы с двумя небольшими гнездами. Третий лежал у северо-восточной стенки камеры. Щиток ромбовидной формы.

У юго-восточной стенки лежал железный ножик, обломанный посредине. Еще один ножик найден у северо-восточной стенки.

Рядом с колокольчиком — связка бус, в состав которой входили три раковины каури, две ромбовидные бусины из голубовато-зеленоватой пасты, цилиндрическая беловатого цвета с серыми прожилками, сердоликовая цилиндрическая, плоская пастовая, стеклянная зеленоватого цвета. Неподалеку найдена еще одна связка, состоящая из 30 мелких и крупных стеклянных бус со следами позолоты.

Кроме того, в разных местах камеры обнаружены бусы разнообразных форм из стекла, сердолика и голубой пасты, а также множество очень мелких стеклянных бусин зеленоватого и белого цвета. В центре камеры найдены две монеты Канишки с различными божествами на оборотной стороне (рис. 10).

Науc IV. Расположен в 20 м к северо-западу от науса III. Насыпь округлая в плане, диаметром около 8 м, высотой до 30 см. Погребальное сооружение полностью разрушено. При раскопках найдены фрагменты

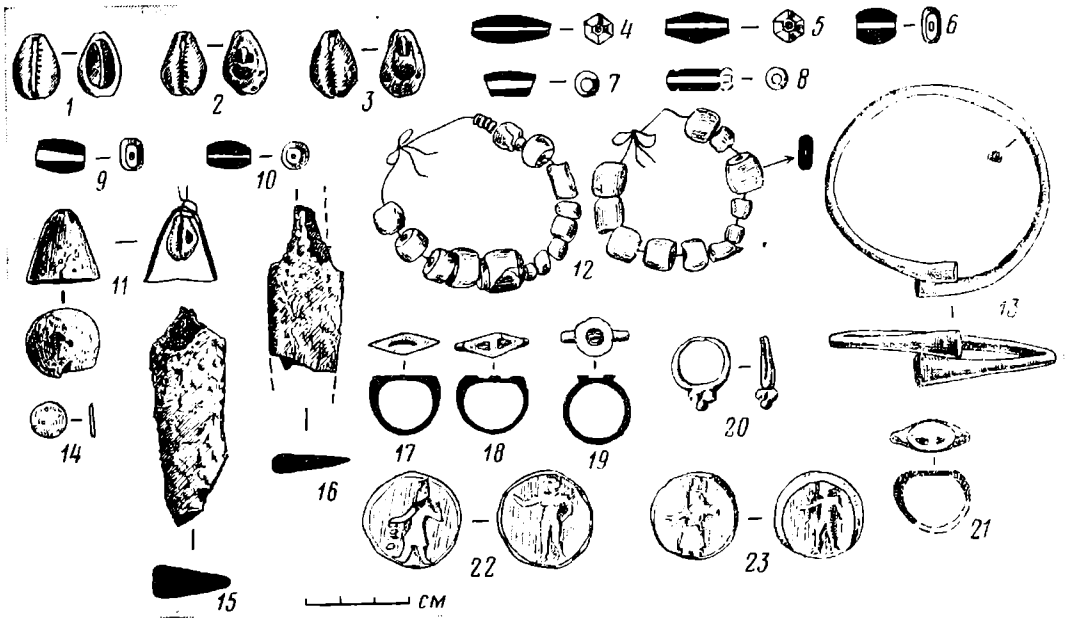


Рис. 10. Науc III, камера 2, инвентарь

керамики кушанского времени, несколько человеческих костей и фрагменты сырцового кирпича.

Науc V. Расположен в 30 м к северо-западу от науса II. На дневной поверхности выражен округлой в плане насыпью диаметром около 8 м, высотой 20—30 см, в которой встречаются фрагменты керамики, камни и обломки человеческих костей. Наус прямоугольный в плане (5,8×4,8 м), ориентирован по оси северо-восток — юго-запад. Выстроен из сырцового кирпича 33×33×? см. Состоит из двух склепов.

Камера 1. Расположена в северо-восточной части науса, прямоугольная в плане (2,55×2,4 м), наибольшая высота стен до 20 см. Пол ровный, смазан глиной. У северо-восточной стенки сохранились остатки черепа и несколько трубчатых костей. У юго-восточной — два ребра и небольшие кусочки костей.

Камера 2. Отделена от предыдущего стеной шириной 75 см. Сохранившаяся длина 2,8 м, ширина 2,4 м. Наибольшая высота стен 10 см. У юго-восточной стенки отмечены скопления мелких обломков человеческих костей и фрагменты от двух черепов. Здесь же найден однолезвийный железный нож с черенком, древко от наконечника стрелы, овальный щиток бронзового перстня, с гнездом для камня, часть бронзового браслета. Неподалеку обнаружена монета Кадфиза II хорошей сохранности. Л.с.— государь перед алтарем, о.с.— Шива с быком Нанди.

Наус VI. Расположен в 10 м к югу от науса III. На дневной поверхности выражен округлой в плане насыпью диаметром около 8 м и высотой до 50 см, в которой встречались фрагменты керамики, человеческие кости и камни. Сохранность очень плохая. Планировку науса выявить не удалось.

При расчистке найдены сердоликовая бусина, небольшой фрагмент железа, часть бронзового бубенчика, монета Канишки с божеством Вадо на о.с. и фрагменты лепного светильника.

Наус VII. Расположен к востоку от науса VI. На поверхности естественного холма встречались отдельные камни, фрагменты керамики и человеческие кости. Погребальное сооружение полностью смыто.

Наус VIII. Расположен на вершине естественного холма, в 150 м к северо-востоку от науса VI. В раскопе 6×6 м найдены древесные угольки, кости животных и человека, фрагменты керамики. Погребального сооружения не сохранилось.

Наус IX. Расположен в 120 м к северо-западу от науса VI в северо-западной части могильника, отделенного от юго-восточной широкой лож-

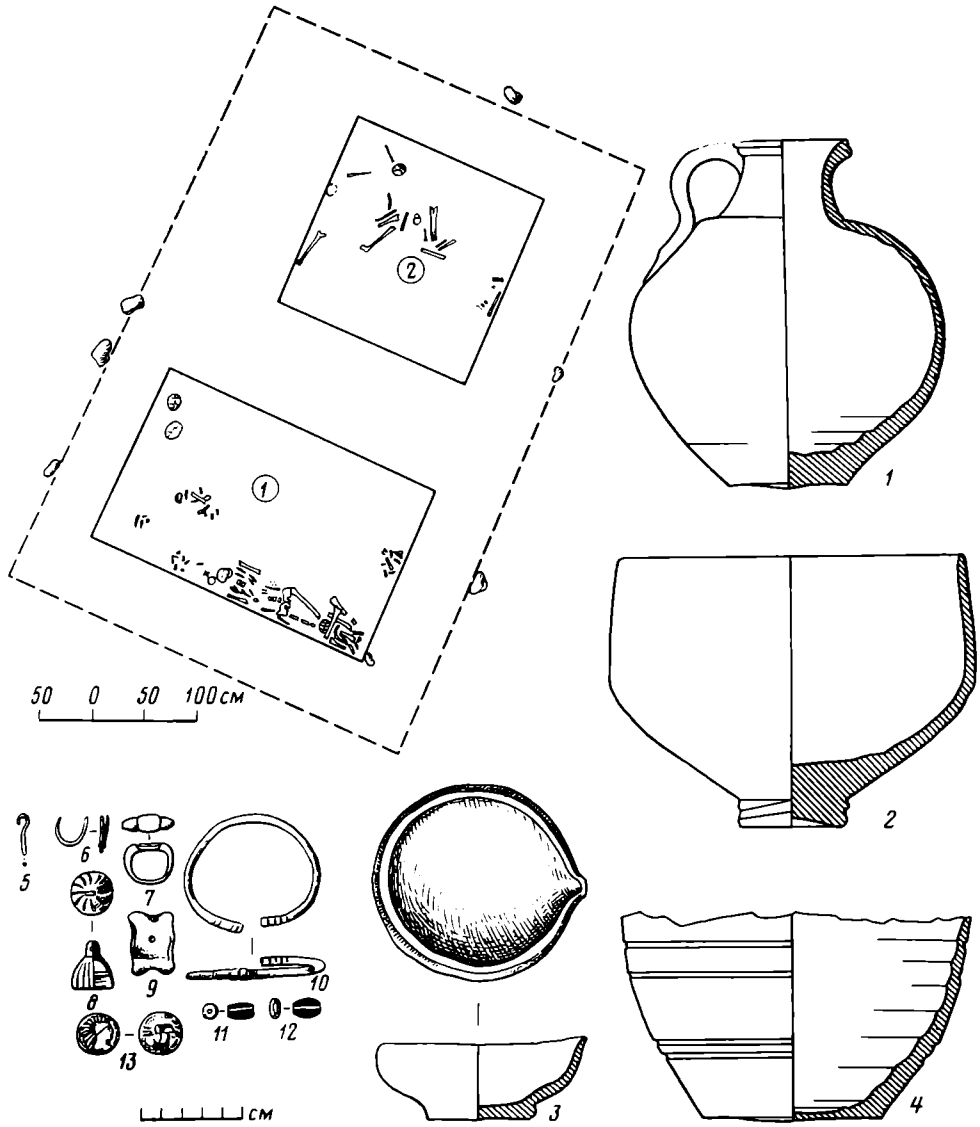


Рис. 11. План науса IX, инвентарь

биной. Наус устроен на вершине естественного холма. Прямоугольный в плане (5,9×4,2 м), ориентирован по оси северо-восток — юго-запад. Ширина внешних стен 75 см, выведены из сырцового кирпича 32×32× ? см. Сохранились на высоту от 10 до 15 см. Внутри покрыты белой штукатуркой. С внешней стороны небольшая обкладка камнем. Наус состоит из двух камер, разделенных стеной шириной 1,5 м.

Камера 1. Прямоугольная в плане (3,1×2,1 м). В северо-западном ее углу находились два стоящих рядом черепа. Вдоль юго-западной стены лежал костяк в вытянутом положении, положенный на другие кости, находившиеся в беспорядке. В ногах у костяка остатки детского черепа и кости от взрослого скелета. Несколько костей лежало в западном углу, а также у юго-восточной стенки.

У черепа вытянутого костяка обнаружена лепная плошка светло-красноватого цвета, несколько фрагментов от двух мисок и два бараньих астрагала, один из них с отверстием. В центре склепа найдена монета «Сотера Мегаса» и бронзовый круглый в сечении браслет с насечками на концах. Слева от костяка лежали бронзовый сферический колокольчик, две цилиндрические сердоликовые бусины и бронзовый перстень с бирюзовой вставкой.

Камера 2. Подквадратная в плане (2,4×2,3 м). Сохранность плохая. У северо-восточной стены лежали остатки черепа, в центре и у се-

веро-западной стенки несколько бедренных, берцовых и лучевых костей. Рядом с ними одноручный кувшин и кубок, покрытый светло-желтоватым ангобом (рис. 11).

Наус X. Расположен в 20 м к югу от науса IX. На поверхности выражен округлой в плане насыпью диаметром около 8 м, высотой 50 см. Встречены фрагменты керамики, камни и отдельные человеческие кости. Погребальное сооружение не сохранилось.

Наус XI. Располагался в юго-восточной части могильника. Разрушен при пахоте. На месте науса собраны: семь раковин каури с отверстиями и бусы — две сердоликовые, две каменные цилиндрические, две стеклянные аналогичной формы зеленоватого и желтого цвета, а также антропоморфная подвеска из голубой египетской пасты, обломки бронзовых браслетов и часть бронзовой монеты, по-видимому «Сотера Мегаса».

В заложенном на этом месте раскопе 8×8 м выявлены остатки сильно разрушенного погребального сооружения, фрагменты керамики и костей, два обломка железных изделий и часть бронзового предмета.

Наус XII. Расположен на северо-восточной окраине могильника. На поверхности выражен насыпью диаметром 10—12 м, высотой 50—60 см, с большим количеством камней, фрагментов керамики и отдельных костей. На месте науса заложен раскоп 10×10 м, в северной части которого найдена бронзовая монета Канишки, фрагмент железного изделия и обломки от двух керамических сосудов.

Среди проблем, возникающих при анализе комплекса данных, полученных при раскопках могильника Ялангтуш-тепе, наиболее важными представляются нам две — датировка могильника и характер погребального обряда.

Общие хронологические рамки бытования могильника не вызывают сомнения. Судя по находкам монет, некрополь использовался для захоронений в промежуток между правлением кушанских царей Сотера Мегаса и Васудевы I. Всего в могильнике найдено 15 монет, распределение которых в отдельных камерах и наусах видно из приведенной ниже таблицы.

Правитель	Наус II		Наус III	Наус V	Наус IX	Наус XI	Наус XII	Всего
	камера № 1	камера № 2	камера № 1	камера № 2	камера № 1			
Неопределенная	1							1
Сотер Мегас					1	1		2
Кадфиз II		1		1				2
Канишка		5	1				1	7
Хувишка	1	2						3
Общее количество	2	8	1	1	1	1	1	15

Заметим, однако, что только в наусах II и III инвентарь дошел до нас непотревоженным, в остальных же сохранность его была частичной. Нельзя поэтому утверждать, например, что в наусе IV не могли быть монеты других кушанских правителей. Отсюда следует, что попытаться установить относительную и абсолютную хронологию можно только для науса II и III. В наусе II обнаружены монеты Кадфиза II, Канишки и Жувишки; следовательно, погребения в нем, вероятнее всего, начались в период правления Кадфиза II или при Канишке. Отсутствие монет Васудевы I и Канишки III, очевидно, свидетельствует о прекращении захоронений в наусе в это время. В наусе III найдены только монеты Кадфиза II и Канишки. Если учесть продолжительность правления этих царей: Кадфиз II — ?, Канишка — 23 года, Хувишка — 32 года [5, с. 57—58],— вероятно, можно допустить, что захоронения в одном наусе продолжались около сотни лет. Оговоримся, что все монеты сильно потерты и попали в наусы спустя какой-то срок после их выпуска, что также следует учитывать при установлении относительной хронологии.

Не исключено, таким образом, попадание в наусы монет Кадфиза II при Канишке, а монет Хувишки при Васудеве. Если исходить из изложенного выше, то время бытования данных наусов и в какой-то мере всего могильника тяготеет более всего к великокушанскому периоду, а не к раннекушанскому времени. Абсолютная хронология этого могильника зависит от прочных дат правления кушанских царей, и в первую очередь Канишки, которые до сих пор являются предметом бесконечных дискуссий. Состав клада в Барди-и Нишанде, где вместе с парфянской тетрадрахмой первой половины II в. н. э. и эламаидскими монетами II в. н. э. находилась монета Канишки [6, с. 13—14], убеждает сейчас, что правление этого царя нельзя относить ко времени позднее II в. н. э.

Учитывая приведенные выше данные, датировку могильника, видимо, следует отнести ко II — первой половине III в. н. э.

Совпадает ли датировка по монетам с датировкой вещественного инвентаря из могильника? Обращает на себя внимание своеобразный керамический комплекс. Подавляющее большинство сосудов — это двуручные кувшины аналогичных или близких форм. Почти полностью отсутствуют бокалы, кубки и тарелки, характерные для могильников Северной Бактрии юечжийско-кушанского времени. Единственный кубок в могильнике Ялангтуш-тепе найден только в наусе IX и, кстати сказать, в сочетании с наиболее ранней из представленных здесь монет — монетой «Сотера Мегаса». В наусах II и III, датированных монетами Кадфиза II, Канишки и Хувишки, подобная форма сосудов отсутствует. Время появления двуручных кувшинов в кушанской керамике пока неопределенно, но примечательно, что их совсем нет в могильниках Северной Бактрии I в. до н. э.— I в. н. э. Однако они наряду с одноручными кувшинами широко представлены в керамике двух поздних этапов обживания Кара-тепе, в поздних слоях Ак-Кургана, Ак-тепе и других поселений Северной Бактрии. Первый из этих этапов Н. С. Сычева датирует «весьма условно» концом III — началом IV в. н. э., а второй, на основании находок сасанидо-кушанских монет Хормизда и Варахрана,— второй половиной IV в. н. э. [7, с. 89—90, 124—126]. Данная датировка, однако, недостаточно объективна, поскольку учитывает время правления этих кушаншахов только по В. Г. Луконину, хотя существуют и более ранние даты их правления, предложенные А. Каннингхаом, Э. Херцфельдом и другими учеными [8, с. 125 сл.].

Сопоставление кувшинов из Кара-тепе и Ялангтуш-тепе показывает, что при общем сходстве формы они существенно отличаются по ряду признаков. Так, для кувшинов из Кара-тепе характерно вертикальное полосчатое или арочное лощение, частый мелкий или крупный штамп отсутствующие на керамике Ялангтуш-тепе, иная форма тулова, венчика и ручек [7, с. 124, табл. 36—38]. Те же признаки отличают кувшины из Ялангтуш-тепе от кувшинов из Ак-Кургана, датированных Ш. Р. Пидаевым, на основании каратепинских находок IV—V вв. н. э. [9, табл. XII—XIV]. Учитывая, что на Кара-тепе они найдены в слое с сасанидо-кушанскими монетами, а в Ялангтуш-тепе вместе с монетами Великих кушан, можно считать, что эти различия имеют временно́й, а не локальный характер. Более близкими ялангтушским кувшинам по форме тулова, ручек и месту их прикрепления, профилировке венчиков являются кувшины из Дальверзин-тепе, датированные Г. А. Пугаченковой и Е. Г. Некрасовой концом I—II в. н. э. (период Дальверзин III) [10, с. 151—153, табл. 103, 104, 106]. Итак, из материалов Ялангтуш-тепе и Дальверзин-тепе очевиден факт бытования двуручных кувшинов уже в великокушанское время. В последующем они широко распространены в обиходе населения Северной Бактрии и приобретают новые признаки, в частности лощение, штамп и несколько иную форму тулова и ручек.

Другой примечательной особенностью керамического материала из могильника Ялангтуш-тепе является наличие довольно большого количества светильников. Всего здесь найдено 12 подобных сосудов, причем в наусе II и III, где инвентарь сохранился целиком, соответственно шесть и

четыре; светильники обнаружены также в склепах 6 и 7 Дальверзинского науса и на ритуальных площадках у наусов Кампыр-тепе. Видимо, наличие их только в могильниках, расположенных на территории Чагианана, является каким-то локальным отличием в погребальном обряде данной области от остальной части Северной Бактрии в кушанское время. Все найденные в погребениях светильники покрыты густым слоем копоти, свидетельствующим о неоднократном возжигании в них огня. Помещение светильников в могилу говорит об их определенном значении в погребальном обряде. Из этнографических данных известно, что у многих народов мира костер и светильник выполняли функцию освещения или обогрева могилы. Б. А. Литвинский привел многочисленные примеры существования подобного обычая у таджиков и ягнобцев. Опираясь на них и на находки светильников в западнопамирских сакских могильниках, он пришел к выводу, что у памирских саков и некоторых более поздних племен существовали представления о необходимости «освещать» и «согревать» могилу [11, с. 140]. Видимо, аналогичные представления бытовали и у жителей городов и поселений античного Чагианана. Весьма возможно, что этот же обычай отражают находки в наусах Ялангтуш-тепе и Дальверзин-тепе древесных угольков и наличие небольших кострищ на ритуальных площадках Кампыр-тепе. Вероятным проявлением аналогичного обряда является любопытная находка в склепе I Дальверзинского науса. Здесь у задней торцовой стенки были найдены три совершенно обуглившихся дощечки шириной 5—10 см, прикрывающих керамическую миску. Находящиеся рядом с ними кости также обуглились, тогда как кости в остальной части склепа не были подвержены воздействию огня. Это свидетельствует о том, что дощечки были специально принесены в склеп и использовались для разжигания костра, видимо, с ритуальными целями обогрева и освещения могилы. Вообще в Средней Азии обычай помещения светильников в могилу широко распространен и до сих пор встречается в мусульманских мавзолеях. В частности, при многих мавзолеях Сурхандарьи существуют специальные глинобитные сооружения —чирагхана. Они находятся или непосредственно в самом мавзолее (Ходжа Акиляндоз у кишлака Талашкан), или рядом с ним (Султан Санджар Маузи в Хайрабаде) и зачастую различны по своему архитектурному оформлению. В каждом из них имеется по нескольку ниш для чирагов. По свидетельству ряда информаторов, в определенные дни при посещении родственниками погребенных у мавзолеев в них возжигается огонь для того, чтобы осветить могилы и согреть души умерших. Изложенное выше позволяет говорить о том, что данный обряд бытовал на этой территории еще в кушанское время.

В могильнике Ялангтуш-тепе и других некрополях античного Чагианана зафиксирован устойчивый обычай помещения в наусы и перед ними сломанных сосудов или их фрагментов. Так, в Дальверзинском наусе в коридоре и в камерах 1, 2, 5, 7, 8 найдены фрагменты хумов и кубки, бокалы, тарелки, у которых недоставало той или иной части. Сосуды с аналогичными дефектами обнаружены в наусах II, III и IX некрополя Ялангтуш-тепе. В могильниках Кампыр-тепе все подобные сосуды наряду с целыми стояли перед стенами главных фасадов наусов. Столь многократно повторяющиеся находки свидетельствуют о том, что это не случайное явление, а какой-то погребальный обычай, свойственный населению античного Чагианана. Встречается ли он в других могильниках Северной Бактрии этого времени? М. М. Дьяконов, отмечая находки обломков хумов и чаш в погребениях Туп-ханы, связывал их с ритуальной заупокойной тризной [12, с. 167—168]. В кочевнических погребениях Северной Бактрии фрагменты сосудов встречаются только под насыпью курганов на уровне горизонта, но не в самих погребениях. Как и М. М. Дьяконов, А. М. Мандельштам связывает подобные находки с остатками тризны [13, с. 43]. Существование обычая заупокойной тризны в наусах Ялангтуш-тепе и других аналогичных могильниках Чагианана и связи с ней обломков сосудов также вероятно. Но нельзя исключить здесь и специфику наземных погребальных сооружений, каковыми явля-

ются наусы Ялангтуш-тепе. В отличие от грунтовых могил Тупханы и кочевнических погребений, которые сразу же засыпались, наземные погребальные сооружения были фактически доступны и последующие приношения могли осуществляться в течение длительного времени. В этом отношении особенно показателен обряд выставления сосудов перед наусами, зафиксированный в чаганианских могильниках. Здесь, видимо, прямая связь с обычаем приношения духам предков, описанном Бируни, по словам которого, в конце месяца Абанмах и в течение пяти следовавших за ним дней персы ставили кушанья в наусы мертвых, а напитки на крыши домов, жгли благовонья для душ умерших. Те же обряды были характерны для согдийцев и хорезмийцев [14, с. 236, 255, 258]. Для подношений кушаний душам умерших употреблялись, по-видимому, не только целые, но и дефектные сосуды, что подтверждается этнографическими данными. Е. М. Пещерева, приводит описание предметов риштанских гончаров на мазаре Ходжа Ильгар Боши; на мазар брали плохую бракованную посуду, «не берущуюся за деньги» и оставляли в качестве худои. Женщины, отправлявшиеся на мазар, перед этим приходили в гончарную мастерскую и просили у мастеров битую, бросовую посуду, для того чтобы поесть из нее на мазаре [15, с. 366]. Аналогичный обряд зафиксирован нами на современном мусульманском кладбище у Кампыртепе, где посетители оставляли на могилах посуду плохого качества. Таким образом, наличие фрагментов и дефектных сосудов в наусах Ялангтуш-тепе и других могильников Чаганиана может быть связано с подобными обычаями.

В данной статье невозможно подробно проанализировать все вопросы погребального обряда, зафиксированного в наусах Ялангтуш-тепе. Отметим, что здесь мы сталкиваемся с целым циклом древних верований и магических представлений, отображенных в погребальном обряде. Упомянем, в частности, о находке в наусе II обломков нарочито сломанного зеркала — обычая, широко распространенного среди сарматских племен в Средней Азии, в том числе и в Северной Бактрии, и связанного с символическим отражением смерти человека [16, с. 107]. Богато представленные в наусах Ялангтуш-тепе монеты могут быть рассмотрены, с одной стороны, как отражение греческого обряда платы Харону за переправу через Стикс, хотя ни одна из них не обнаружена во рту, а обычно рядом с погребенным; с другой стороны, они могут отражать и какие-то местные представления. По Д. Фрезеру, помещение в могилу монет связано с водным барьером, отделяющим мир живых от мира мертвых. Существование подобного представления, в частности у древних ферганцев, предполагает Б. А. Литвинский [17, с. 46]. Стоит указать также на встречающиеся в наусах Ялангтуш-тепе амулеты — от фаллической подвески египетского происхождения, символизирующей идею плодородия, до раковин каури, функции которых, судя по этнографическим данным, весьма разнообразны. В частности, у народов Средней Азии они имеют значение оберега, предохраняющего от дурного глаза [18, с. 2, 88—289]. Ряд кавказских народов применяли каури в качестве лечебной магии.

Способ захоронения в могильнике Ялангтуш-тепе однотипен: за исключением единственного, лежащего в вытянутом положении костяка в наусе IX, все погребения, видимо, совершены по обряду предварительно очищенных костей. В камеры укладывались не трупы, а уже очищенные кости, на что указывает полнейшее отсутствие анатомического порядка в размещении костей, положение черепов отдельно от костей (в основном вдоль стен) и несоответствие количества черепов количеству остальных костей. Так, в камере 2 науса II зафиксировано 17 черепов и всего лишь 14 бедренных и 12 больших берцовых костей, тогда как при таком количестве черепов их должно быть 22. Весьма возможно, что очистка костей совершалась здесь же на крышах наусов или на специальных площадках, каковая, в частности, располагалась в западном углу науса II (рис. 3) [3].

[3] Совмещение функций дахмы и науса в одной погребальной постройке отмечено К. А. Иностранцевым [20, с. 120].

Аналогичный способ захоронений, близкий зороастрийскому, отмечен также в Дальверзинском наусе и наусах Тепа-и шах.

Сопоставление полученного материала с наусами Дальверзин-тепе и Тепа-и шах позволяют выделить общие и отличительные признаки погребального обряда, свойственного наземным погребальным сооружениям Северной Бактрии. Общими для них признаками являются: беспорядочное положение костей на полу камер; расположение черепов вдоль стен отдельно от остальных костей; несовпадение количества черепов и костей; размещение костей на камышевой подстилке или на обильно смазанном глиной полу; захоронения в одной камере мужчин, женщин и детей; сравнительно большое количество погребенных в одной камере (от четырех до 11 человек); отсутствие одиночных захоронений; обилие инвентаря (керамика, бусы, металлические украшения) и отсутствие каких-либо закономерностей в его размещении; отсутствие оружия, за исключением небольшого числа ножей и наконечников стрел, которые, вероятнее всего, следует считать орудиями труда и охоты; наличие зеркал, разломанных на отдельные части; помещение в камеры вещей, находившихся до этого в длительном употреблении; разновременность захоронений не только в одном наусе, но и в одной камере. Так, в погребальном сооружении могильника Тепа-и шах найдены подражание оболу Евкратида, два обола Герая, медные монеты Сотера Мегаса, Кадфиза II, Канишки, Хувишки и подражание Васудевы I, а в камере 2 науса II могильника Ялангтуш-тепе — монеты Кадфиза II, Канишки и Хувишки. Вместе с тем в погребальном обряде и составе погребального инвентаря в наземных сооружениях Северной Бактрии имеются и определенные отличия. В нижнем погребальном горизонте Дальверзинского науса имеется трупоположение в грунтовой яме и хумное захоронение, отсутствующие в наусах Тепа-и шах и Ялангтуш-тепе. В тех же наусах многочисленны находки монет, но их, за исключением одной монеты Васудевы I [1, с. 82], нет в Дальверзинском наусе. В некоторых наусах Ялангтуш-тепе и отдельных камерах Дальверзинского науса отмечено наличие древесных угольков. В последнем в составе погребального инвентаря трех камер встречены небольшие гипсовые бруски, окрашенные в красный цвет, которые отсутствуют в наусах Тепа-и шах и Ялангтуш-тепе. Только в наусах Тепа-и шах найдены антропоморфные гипсовые и терракотовые статуэтки.

Таким образом, погребальный обряд в наземных погребальных сооружениях Северной Бактрии аналогичен по многим важнейшим признакам. Имеющиеся отдельные отличия не существенны — вероятно, в различных районах этой области в него привнесены локальные особенности.

В кушанское время у оседлоземледельческого населения Северной Бактрии существовали два основных типа погребальных сооружений и погребального обряда. Первый тип — одиночные трупоположения в прямоугольных грунтовых ямах, обложенных сырцовым кирпичом, или в ямах с подбоем — Туп-хана [12, с. 156—164], Айртам [21, с. 64—68]. Второй тип — множественные захоронения предварительно очищенных костей в наземных погребальных сооружениях — наусах. Оба они принципиально отличны по способу захоронения и устройству могильного сооружения. Объединяет их лишь наличие аналогичного погребального инвентаря, но более обильного в наусах, нежели в грунтовых захоронениях. Очевидно, что столь принципиальные различия могут быть объяснены скорее всего отличием в религиозных воззрениях населения, оставивших эти могильники, чем этнической неоднородностью. Как показали антропологические исследования Т. К. Ходжайова, в наусах Дальверзин-тепе и Ялангтуш-тепе, а также в грунтовом могильнике Айртама представлены два одинаковых расовых типа — европеоидный восточно средиземноморский, свойственный земледельческому населению Древней Бактрии, и другой тип, отличающийся более круглой формой головы с широким средневысоким лицом, характерный для скотоводческого населения Северной Бактрии (Тулхар, Аруктау) [22, с. 108—127].

Обряд погребения в простых грунтовых ямах или ямах с подбоем для территории Северной Бактрии не является чужеродным. Он зафиксирован

еще в могильниках финальной бронзы Саппали-тепе [23, с. 39—40] и Моллали [24, с. 38—40]. Что же касается обряда захоронения предварительно очищенных костей в наземных сырцовых сооружениях, то генезис и время появления как самого обряда, так и погребального сооружения подобного типа еще не совсем ясен. Наиболее ранняя постройка этого типа, но с иным погребальным обрядом, открытая в Айя-Ханум, отнесена П. Бернаром к первой половине III в. до н. э. [25, с. 608, 622]. К II—I вв. до н. э. относятся сооружения наусов Дальверзин-тепе и Тепа-и шах. Однако выяснение генезиса данных сооружений и появления их в Бактрии, так же как обряда предварительно очищенных костей,— тема отдельной большой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Литвинский Б. А.* Работы Южно-Таджикистанского отряда в 1972 г. (памятники Шаартузского района).— АРТ. Вып. XII. Душанбе: Дониш, 1976.
2. *Ртвеладзе Э. В.* Дальверзинский наус.— В кн.: Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
3. *Ртвеладзе Э. В., Маликов О. С.* Рекогносцировки в Чаганиане.— АО — 1976. М., 1977.
4. *Маликов О. С.* Исследование кушанского могильника.— УСА. 1979, вып. 4.
5. *Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология. М.: Наука, 1968.
6. *Ghirchman R.* Bard-e Nechandeh,— centre religieux iranien.— AAH, 1967, t. 19.
7. *Сычева Н. С.* Керамика Кара-тепе.— В кн.: Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1975.
8. *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969.
9. *Пидаев Ш. Р.* Поселение кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978.
10. *Пугаченкова Г. А., Некрасова Е. Г.* Керамика Дальверзин-тепе.— В кн.: Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
11. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «крыши мира». М.: Наука, 1972.
12. *Дьяконов М. М.* Работы Кафирниганского отряда.— МИА, 1950, № 15.
13. *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975.
14. *Бируни А.* Избранные произведения. Ташкент: Фан, 1957, т. 1.
15. *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии.— ТИЭ, новая серия. 1959, т. X.
16. *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978.
17. *Литвинский Б. А.* Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии.— Изв. ООН АН ТаджССР, № 3(53). Душанбе, 1968.
18. *Борозна Н. Г.* Некоторые материалы об амулетах — украшениях населения Средней Азии.— В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.
19. *Лавров Л. И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев.— ТИЭ, новая серия, 1959, т. I.
20. *Иностранцев К. А.* О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. СПб., 1909.
21. *Тургунов Б. А.* К изучению Айртама.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1973.
22. *Ходжайов Т. К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент: Фан, 1980.
23. *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Южного Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
24. *Беляева Т. В., Хакимов З. А.* Древнебактрийские памятники Миршаде.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1973.
25. *Bernard P.* Campagne de foulles a Ai Khanoum (Afganistan).— CRAIBL, 1973.

E. V. Rtveladze

A KUSHAN BURIAL GROUND AT YALANGTUSH-TEPE

Summary

The burial ground of more than 10 hectares is found in the northern part of the large Yalangtush-tepe fortified settlement at the Bandykhan village (Surkhandarya Region, Uzbek SSR). It consists of ground burial constructions made of square adobe bricks placed on tops or slopes of low natural hills. All in all twelve burial constructions, tentatively termed *naus*, were opened. Rectangular (7.3 by 4.8 m) and nearly square (6.4 by

5.9 m) *nauses* are oriented from the north-west to the south-east, the entrances into them are not discovered. They usually consist of two chambers divided by a wall. Bones of the buried were placed there in heaps, while sculls were rowed up along the walls, their number not coinciding with the amount of bones, which lead to a conclusion that the bones of a skeleton after the flesh had been removed were buried there and not corpses. In the well preserved *nauses* the archaeologists found numerous grave goods including a great number of pottery, mainly two-handled jars and lamps, ornaments, various objects of every-day use and coins. It is precisely the coins of Soter Megas, Kadphises 11, Kanishka and Khuviska correlated with the ceramic material that place the burial ground in the period between the A.D. 2nd century and the first half of the A.D. 3rd century.

АРТЕМЕНКО И. И., ЛЕВЧЕНКО Б. М.

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У с. БАШТЕЧКИ ЧЕРКАССКОЙ ОБЛАСТИ

В 1978 г. в междуречье Гнилого и Горного Тикича (бассейн Южного Буга) в районе сел Красиловка Киевской обл., Тыновка, Баштечки, Нагорное, Красный Кут Черкасской обл. Б. М. Левченко обследовал свыше 200 курганов [1]. Они расположены в одиночку или небольшими группами по нескольку курганов в каждой группе. Высота курганов от 0,5 до 6,0 м, преобладают курганы высотой от 1 до 3 м. Археологические раскопки здесь никогда не производились. Наиболее близко к этой территории производил раскопки А. Быдловский [2] в верховьях Горного Тикича у сел Долинка (бывш. с. Яцковицы), Новоселки, Ивахны и Д. Я. Самоквасов [3, с. 12, 13] у с. Рыжановка Звенигородского р-на Черкасской обл.

В 1979 г. Среднеднепровской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством И. И. Артеменко раскопаны 17 курганов у сел Баштечки и Нагорное [4]. Основными в этих курганах были погребения ямной культуры. В нескольких курганах исследованы впускные погребения более позднего времени, среди которых особый интерес представляет погребение сарматского времени в кургане 19 у с. Баштечки[1]. Этот курган находился в группе из пяти насыпей, расположенных цепочкой вдоль восточной окраины с. Баштечки. Высота кургана 0,8, диаметр 30 м. Сарматское погребение в этом кургане было впускным. Оно находилось в 4,5 м к югу от центра кургана, в могильной яме прямоугольной формы, ориентированной по длине с севера на юг. Длина могилы 2,5, ширина 1,05, глубина от вершины кургана 2,35 м. Она прорезала юго-восточный угол могилы ямного погребения.

На дне могильной ямы сарматского погребения в 15 см от ее стенок прослеживалась грунтовая подсыпка высотой до 10 см, покрытая по всей поверхности (2,2×0,75 м) подстилкой из мелких, золотистого цвета частичек, происхождение которых еще не определено. Толщина слоя подстилки составляла от 0,3 до 3,5 см (наибольшая толщина у изголовья). Следов каких-либо деревянных конструкций или деревянного перекрытия, угольков или меловой подсыпки в заполнении могилы и на дне ее не выявлено.

На подстилке обнаружен скелет в вытянутом положении на спине, головой на север (рис. 1). Левая рука вытянута, правая согнута, и кисть ее находилась на тазе. По определению С. И. Круц, в могиле была погребена женщина в возрасте 36—38 лет. Рост ее составлял 140—145 см. Умершую сопровождал разнообразный инвентарь. Справа, немного выше таза, стояла массивная глиняная лепная курильница с валиками по тулову, внутри которой была маленькая курильница бочонковидной формы. У пояса лежал небольшой железный предмет и две большие реберчатые бусины. С левой стороны у края подстилки напротив верхней части бедра находился каменный брусок, а у кисти левой руки — окатанный кусок кремня. В ногах стояли бронзовый кубок и сероглиняный одноручный сосуд, краснолаковая чаша и тарелка (опрокинутая вверх дном), бронзовое зеркало и железный нож. На костях скелета, на тазе, у запястий рук и ступней ног обнаружена россыпь мелкого пастового бисера, а под

[1] Нумерация курганов дается по плану разведки 1978 г.

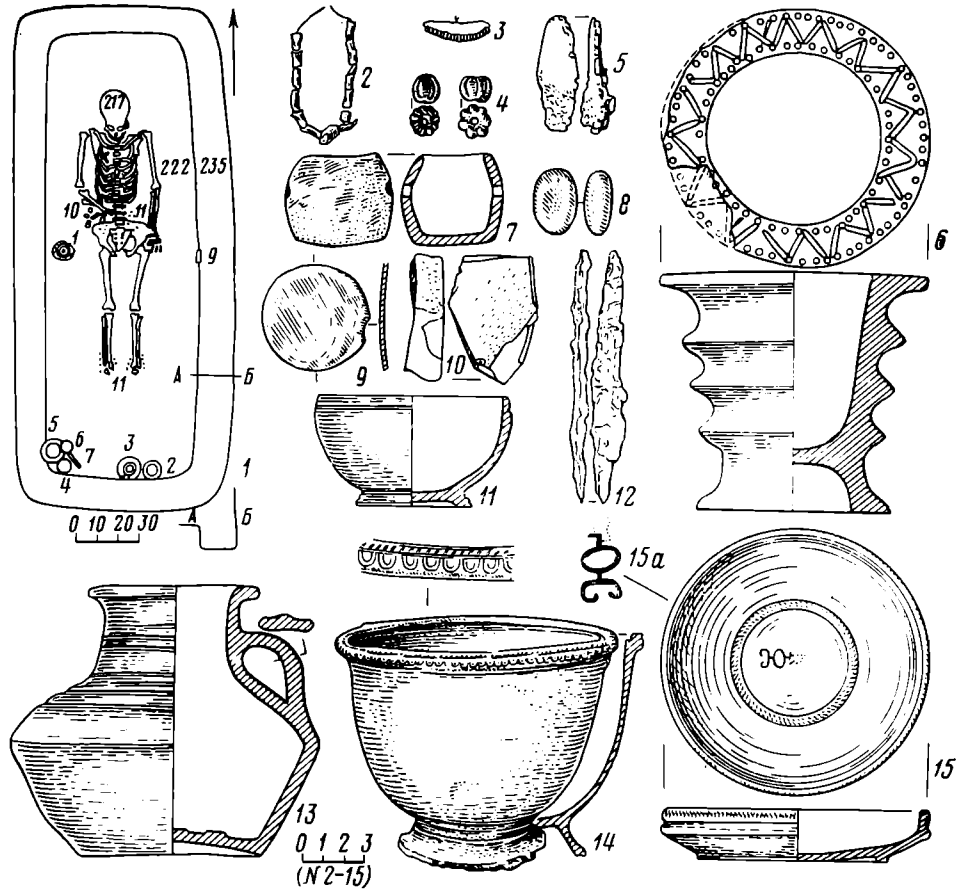


Рис. 1. План и инвентарь сарматского погребения у с. Баштечки. *1* — план погребения; *2* — коралловые пронизи; *3* — бисер пастовый; *4* — бусы; *5* — металлический предмет; *6* — курильница большая; *7* — курильница маленькая; *8* — кремень; *9* — зеркало бронзовое; *10* — брусок каменный; *11* — чаша краснолаковая; *12* — нож железный; *13* — кувшин сероглиняный; *14* — сосуд бронзовый; *15* — тарелочка краснолаковая; *15а* — тамгообразный знак

кистью левой руки — три нитки коралловых пронизок. Перевязь из трех ниток пастового бисера хорошо прослеживалась у ступней ног.

1. Курильница лепная, массивная, плоскодонная, с расширяющимся кверху туловом и пятью кольцевыми горизонтальными валиками. Верхний из них образует широкий плоский венчик, а нижний — кольцевой поддон, в тесте — примесь песка. Наружная поверхность темно-серого цвета, хорошо залощена. Внутри стенки со следами грубого заглаживания, сильно обожжены. Венчик орнаментирован короткими нарезными линиями, образующими зигзаг, по обеим сторонам которого по кругу расположены глубокие наколы. Высота сосуда 11,8, диаметр венчика 13, его устья — 8,5, поддона 7,3, высота валиков до 1 см (рис. 1, *6*; 2, *1*).

2. Курильница маленькая, лепная, плоскодонная, бочонковидной формы, со слегка вогнутым внутрь венчиком. В тесте примесь шамота. Наружная поверхность темно-серого цвета с охристым оттенком, небрежно заглажена. В наиболее широкой части тулова имеется два отверстия (диаметр около 0,5 см), расположенные напротив друг друга. Высота курильницы 4,5, диаметр венчика 3,5, дна — 4 см. Внутри курильницы тонкий налет золы серого цвета (рис. 1, *7*; 2, *4*).

3. Сероглиняный одноручный гончарный кувшин. Тулово широкое, приземистое, округло-биконической формы, шейка прямая, цилиндрическая, с отогнутым наружу венчиком. Верхняя плоскость венчика уплощена и немного скошена книзу, кромка овальная. Ручка плоская, широкая, с овальными кромками и тремя невыразительными каннелюрами по наружной поверхности. Верхний край ее прикреплен к середине шейки, нижний — к тулову, несколько выше его наиболее широкой части. Дно

Рис. 2. Инвентарь сарматского погребения у с. Баштечки. *1* — курильница большая; *2* — зеркало бронзовое; *3* — сосуд бронзовый; *4* — курильница маленькая; *5* — чашка краснолаковая; *6* — кувшин сероглиняный; *7* — нож железный; *8* — тарелочка краснолаковая

плоское, широкое, немного вогнутое внутрь. Глина хорошо отмучена, почти без примесей. Поверхность залощена, особенно тщательной отделкой отличается нижняя часть сосуда. Цвет от темно-серого до черного. По шейке кувшина небрежным прочерком нанесено от трех до шести мелких неравномерно углубленных горизонтальных линий. Две более широкие линии нанесены на тулово сосуда, несколько выше его наиболее широкой части. Высота сосуда 13, диаметр венчика 8,5, диаметр дна 9,3 см (рис. 1, *13*; 2, *6*).

4. Краснолаковая тонкостенная чаша полусферической формы на кольцевом поддоне. Глина хорошо отмучена, красноватого цвета с мелкими слюдяными блестками. Поверхность хорошо заглажена и покрыта снаружи и внутри слоем лака красно-коричневого цвета. Внутри сосуда, в центре, оттиск небольшой круглой точечной розетки, которая опоясана двумя прочерненными концентрическими кольцами, у самого края венчика на внутренней поверхности узкая горизонтальная бороздка. Снаружи на небольшом удалении от края венчика нанесена более глубокая горизонтальная бороздка. В нижней части сосуда у самого поддона две узкие бороздки. Высота 5,4, диаметр тулова по верхнему краю 9,5, по нижнему — 5,0 см. Высота поддона 0,5, диаметр 5,6 см (рис. 1, *11*; 2, *5*).

5. Мелкая краснолаковая тарелочка с вертикальным бортиком и конусными стенками на узком, слабовыделенном кольцевом поддоне. В месте перехода от бортика к стенкам горизонтальный валик. Край венчика овальный, профиль бортика эсовидной формы. Дно снаружи слабовыпуклое, изнутри почти плоское. Глина хорошо отмучена, светлого красновато-охристого цвета, с очень мелкими слюдяными блестками. Вся поверхность покрыта плотным, но не очень прочным слоем красно-коричневого лака, который во многих местах подтерт и отслаивается. Внутри тарелочки на дне широкий кругообразный поясок из коротких насечек в два ряда. Внутри круга немного в стороне от центра процарапан тамгообразный знак (рис. 1, *15 а*). Верхняя часть знака скололась. Снаружи по верхней части бортика по всей его окружности нанесен поясок, состоящий из двухрядных насечек. Внизу поясок подчеркнут мелкой горизонтальной бороздкой. Ниже валика, отделяющего бортик от стенок, спаренная мелкая горизонтальная бороздка. Высота тарелочки 2,2, диаметр по венчику 14,0, по валику — 14,2 см. Диаметр дна 9,8 см (рис. 1, *15*; 2, *8*).

6. Бронзовый кубок с расширяющимся кверху и слегка выпуклым туловом на кольцевом поддоне. Сохранность сосуда плохая, он весь изъеден коррозией. Однако по венчику снаружи хорошо различим орнамент. Он состоит из спаренных вертикальных насечек, нанесенных по всей окружности верхнего края, ниже идет поясок из разомкнутых вверх полуовалов — «ов». Кубок изготовлен на токарном станке. Высота его 10 см, диаметр по венчику 12×13,5 см (он немного сдавлен), у поддона — 6,0 см, высота поддона 1, диаметр 7 см. Толщина стенок в пределах 1, венчика 5, поддона 3 мм (рис. 1, *14*; 2, *3*).

7. Плоское дисковидное зеркало с сегментовидной выемкой. Судя по обильно выступившим окисям, основание диска бронзовое, покрытое серебряной амальгамой. Одна сторона диска, в особенности по краям, еще сохраняла свою отражательную способность. Поверхность обратной стороны неровная, беловато-серого цвета. Диаметр зеркала 5,3 см, толщина диска в пределах 1 мм (рис. 1, *9*; 2, *2*).

8. Железный нож с длинной прямой спинкой и узким лезвием. Сильно разрушен коррозией. На остром черешке сохранились следы дерева от рукоятки. Длина ножа 13, ширина лезвия 1,5 см (рис. 1, *12*; 2, *7*).

9. Железный предмет типа маленького ножа, хотя его назначение определить трудно, так как он сильно поражен коррозией. На большей части прослеживаются остатки дерева. Длина 5,7, ширина 2, толщина на одном конце 1,5 см, на противоположном конце и на середине 3—4 мм (рис. 1, *5*).

10. Брусок пластинчатый из сланца. Плоский, пятиугольный, вытянутой формы с неровными сколотыми гранями. Структура камня мелкозернистая, поверхность светло-охристого цвета, матовая. Длина бруска 6,5, ширина 4,5, толщина 1,5 см (рис. 1, *10*).

11. Кремень желтого полупрозрачного цвета овальной формы. Длина 3,2, ширина 2,2, толщина до 1,3 см (рис. 1, *8*).

12. Две крупные реберчатые бусины из стекловидной пасты бледного сине-зеленого цвета. На одной семь крупных продольных ребер, другая из 11 более мелких каннелюр. Высота 13, диаметр 13, диаметр отверстия 2 мм (рис. 1, *4*).

13. Пронизи из розового коралла. Ввиду плохой сохранности целыми удалось взять 14 пронизок длиной от 0,5 до 1,3 см и толщиной от 2,5 до 4,5 мм (рис. 1, *2*).

14. Бисер пастовый мелкорубленный, белого и зеленовато-голубого цвета. Диаметр от 2 до 3 мм, при средней толщине около 1,5 мм. В целости сохранилось 18 экз. В погребении насчитывалось более 200 экз. (рис. 1, *3*).

Часть описанного выше инвентаря обычна для большинства сарматских погребений и имеет много аналогий, некоторые же сосуды встречаются более редко или аналогии им пока неизвестны.

Массивная курильница из Баштечек встречается сравнительно не часто. Точная аналогия ей неизвестна. Но типологически близки куриль-

ницы с налепными валиками из могильника у с. Заветное Бахчисарайского района в Крыму [5, рис. 4, *21*, *22*], из кургана 14 Каршинского могильника возле города Новочеркасска на Дону [6, с. 137, 138], из кургана 2 у хутора Донского [7], из подвала «Г» в Танаисе [8, с. 286, рис. 3], из Ольвии [9] и Золотой Балки [10, с. 53, рис. 28, *1*]. Зигзагообразный врезной орнамент с точечными наколами характерен для многих курильниц почти на всей территории обитания сарматов с III в. до н. э. по II в. н. э. Таким орнаментом (с наколами или без них) украшались венчики курильниц в погребениях III—II вв. до н. э. на Южном Урале [11, рис. 23, *2*, *3*, *9*; 28, *2*], в Башкирии [12, с. 252], в низовьях Еруслана на Нижнем Поволжье [13, с. 50], в погребениях рубежа прохоровского и сусловского этапов (II—I вв. до н. э.) южной группы Бережновского могильника [14], курильница этого же времени из Харьковской обл. [15, с. 96], курильница первых веков нашей эры на Нижнем Дону [16, табл. 38, *8*], в Танаисе [8], в Одесской обл. [17] и на других территориях.

Маленькие курильницы обычны для многих погребений сарматского времени и встречаются в Приуралье, в Поволжье, на Дону и Украине. Как правило, в стенках таких курильниц имеются боковые отверстия, от одного или двух до нескольких рядов по всей поверхности стенок [5, с. 101].

Обычай у сарматов сопровождать погребения (в особенности женские) курильницами больших и малых размеров, вставленных одна в другую, прослеживается еще на сусловском этапе. Встречается повсеместно.

Сарматские курильницы не могут привлекаться для датировки погребений [18, с. 170], так как очень близкие по форме и изготовлению встречаются в погребениях разного времени. Но они важны как один из отличительных признаков при определении сарматских погребений и уточнении ареала распространения сарматских памятников [19, с. 166].

Сильно обожженная, местами отслаивающаяся от перегрева внутренняя поверхность большой курильницы из Баштечек и тонкий слой золы, растительных остатков в маленькой подтверждают сложившееся мнение, что массивные курильницы служили жаровней, в маленьких с боковыми отверстиями (помещенными внутрь первой) сжигались ароматические вещества (трасы, ароматические смолы и т. д.) [20, с. 156; 11 с. 172].

Неизвестна точная аналогия и кувшину с ручкой. Хотя сероглиняные одноручные кувшины с приземистым биконическим туловом — довольно распространенная форма сарматских сосудов рубежа нашей эры, они отличаются от описанного выше или формой шейки, или наличием поддона, или формой ручки (маленькая петельчатая, зооморфная, квадратная в сечении). Такие кувшины известны в Бережновском могильнике на Поволжье [14, рис. 18, *5*; 21], на Нижнем Дону [22, с. 29, табл. XXV, *3*], в Прикубанье [23, с. 193, 194, рис. 15, *6*], Пантикапее [24, с. 106—109, рис. 1, *1*, *2*], на р. Молочной [15, с. 103], в Подолии [25, с. 114, рис. 44] и других территориях. Датируются они, как правило, I в. н. э.

Краснолаковые чаши, подобные баштецким, широко представлены в первых веках нашей эры в Ольвии [26, с. 39], в боспорских городах: Илурате [27, рис. 4, *2*], Мирмекии [28, рис. 3, *6*; 27, с. 288, 289], Пантикапее [27, рис. 2, *2*], Танаисе [29, с. 91, рис. 34; 8, с. 134], на Нижнем Днепре в золотобалковском могильнике [20, рис. 12, *5*; 22, *5*; 27, *3*] и в некоторых других сарматских погребениях Украины [30, с. 83, рис. 36, *4*; 16, табл. 36, *7*]. Не являются для них исключением и украшения в виде розеток или пальметок [20, с. 128]. Такие чашки изготовлялись в малоазийских мастерских [27, с. 288, 289; 29, с. 91] и были распространены на обширной территории. Близкие аналогии нашей чаше известны в Северном Причерноморье и в Иордании (обнаружены французским археологом Р. де Во при раскопках поселения Хирбет Кумрана) [31, рис. 2, *17*; 4, *1*]. Они уверенно датируются I в. н. э.

Точная аналогия тарелочке неизвестна. Но типологически близки ей краснолаковые миски малоазийского происхождения с вертикальным бортиком на кольцевом поддоне из Ольвии [26, с. 51, табл. I, *1в*, IV, *1а*,

1в], Крыма [5, с. 99], боспорских городов Пантикапея [27, рис. 2, *1*], Илурата [27, рис. 1, *2*], Мирмекия [28, с. 289—319], Танаиса [29, рис. 33, *1*, *2*; 22, табл. XXVII, XXII, *2*; 8, с. 134] и др. и с лесостепного Правобережья Украины — Рыжановка [30, с. 84]. В лесостепной части Правого берега Днепра это вторая находка. Не являются исключением и круговые украшения из насечек на дне мисок и по окружности венчика. А вот тамгообразный знак такого рисунка встречен впервые. Нижний элемент в форме лежащего С встречается на многих памятниках Северного Причерноморья [32, с. 71—101, № 23, 32, 45; с. 168, № 23—45], а верхний элемент бывает разнообразных очертаний, но в таком сочетании прямая аналогия новому знаку неизвестна.

Из наиболее близких ему можно назвать знаки на боспорских грузилах и ольвийских львах 32, № 77, 148; 33, табл. XI, № 863. По отдельным элементам и их композиции знак можно с уверенностью отнести к сарматским, группы семейно-родовых[2]. Немногие датированные знаки рассматриваемой группы относятся в основном к I—II вв. н. э. Тарелочку же по форме, составу глины и лака, по качеству изготовления можно датировать I в. н. э.

Аналогии бронзовому кубку пока неизвестны. На территории Восточной Европы подобный кубок встречен впервые. По форме он отдаленно напоминает серебряный сосуд из Закшове [34, табл. XIX, *а*], который отличается от описанного наличием выступающих над венчиком петель и прикрепленной к ним проволочной дужкой, а также отсутствием «ов» в композиции орнаментированного пояска, расположенного ниже края венчика.

Зеркала, подобные описанному, широко известны в сусловскую эпоху (I в. до н. э.— I в. н. э.) и лишь изредка встречаются во II в. н. э. Такие зеркала обычно хранились в футлярах из дерева, кожи или грубой ткани и были распространены повсеместно от Поволжья [35, с. 269, рис. 16, *4*; 18, *4*; 24, *4*; 36, с. 456, рис. 52, *9—11*, *13*, *14*, *18*] до Румынии [37, с. 332, рис. 113, *33*, *34*, *37*], в степном [38, с. 95, 96; 39, рис. 15, *2*; 40, с. 72, рис. 58] и лесостепном [41] Поднепровье. Особенно много аналогий имеется в материалах Золотобалковского могильника [20], в погребениях, датируемых I в. н. э.

Железные ножи с длинной прямой спинкой и узким лезвием также встречаются повсеместно в сарматских погребениях со II в. до н. э. и в первые века нашей эры.

Каменные бруски известны у сарматских племен с III—II вв. до н. э. в Поволжье и в первые века нашей эры в Северном Причерноморье.

Кремни, вероятно, имели какое-то ритуальное значение и служили в качестве амулетов.

Дольчатые бусины, подобные баштецким, служили не только украшениями, но и выступали в роли застежек, подвесок и амулетов-оберегов. Они встречены в погребениях рубежа нашей эры в Быковских курганах [35, рис. 12, *1*] и в Приазовье [40, рис. 69, *9*] с конца II в. до н. э.— I в. н. э. в Нижнеднепровских городищах [20, рис. 4, *7*, *31*; 42, с. 123, рис. 12, *8*; 43, с. 162], в Усть-Каменке [39, рис. 18, *3*], в Подолии [25, с. 114].

Коралловые бусы в сарматских погребениях встречаются не так часто, хотя известны они в Поволжье [13, рис. 7, *9*], Башкирии [12, рис. 4, *10*; 7, *1*], Приазовье [44, с. 241], на Нижнем Днепре [45, с. 92]. Завозили их сюда с побережья Индийского океана, в основном с территории Индии. Что касается пастового бисера, то он встречается во многих сарматских погребениях разного времени. Обычно им обшивали края одежды и рукава.

Основным датирующим материалом в исследованном погребении является бронзовое зеркало и краснолаковые сосуды. На основании этих находок погребение у с. Баштечки можно датировать I — рубежом I—II вв. н. э.

---

[2] Консультация Э. И. Соломоник.

Конструкция погребального сооружения и обряд захоронения соответствуют большинству исследованных на Правобережье Днепра и особенно в его средней части. Это (почти без исключения) впускные погребения в курганы более раннего времени. Прямоугольной формы яма, поза погребенной, северная ориентировка, состав погребального инвентаря — все это не противоречит датировке. Но территория Среднего Поднепровья изучена значительно хуже его степной части. Здесь исследователи выделяют всего от 16 до 22 сарматских погребений [46, с. 43]. Однако известны они в основном по дореволюционным раскопкам, описание их недостаточно полное и точное. Среди немногочисленных известных нам погребений лесостепного Правобережного Поднепровья погребение у с. Баштечки является наиболее северо-западным. Оно позволяет еще более расширить ареал сарматских памятников, что очень важно для изучения взаимоотношений сармат с их соседями и особенно ранними славянами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левченко Б. М.* Отчет Приазовской экспедиции за 1978 г. Архив ИА АН УССР.
2. *Bydlowski A.* Mogili w Nowosiolce.— Swiatowit, t. V. Warszawa, 1904.
3. *Самоквасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908.
4. *Артеменко И. И., Левченко Б. М.* Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции за 1979 г. Архив ИА АН УССР.
5. *Богданова Н. О.* Могильник I ст. до н. е.— III ст. н. е. біля с. Завітне Бахчисараїського раїону.— Археологія, 1963, т. XV.
6. *Раев Б. А., Клинц Э. К., Рябов Р. Р.* Раскопки курганов под Новочеркасском.— АО — 1978. М., 1979.
7. *Капошина С. И.* Исследование курганного могильника у пос. Донского в 1961 г. Архив ИА АН СССР. р-1, 2368а, б.
8. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
9. ОГАМ, инв. № 26556.
10. *Вязьмітіна М. І.* Золота Балка. Київ: Вид-во АН УРСР, 1962.
11. *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975.
12. *Садыкова М. Х.* Сарматские памятники Башкирии.— МИА, 1962, № 115.
13. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, 1960, № 78.
14. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60.
15. *Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э.— СА, 1961, № 1.
16. *Костенко В. И.* Сарматские памятники междуречья Дона и Днепра. Канд. дис.: Днепропетровский гос. ун-т, 1980.
17. ОГАМ, инв. № 26637.
18. *Арсеньева Т. М.* Лепная керамика Танаиса.— МИА, 1965, № 127.
19. *Смирнов К. Ф.* Курильницы и отдельные сосуды азиатской Сарматии.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
20. *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наукова думка, 1972.
21. *Смирнов К. Ф.* Курганы у с. Пловатка и Политотдельское.— МИА, 1959, № 60.
22. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса.— МИА, 1961, № 98.
23. *Анфимов А. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23.
24. *Гущина И. И.* Некоторые формы сарматской керамики из Пантикапея.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
25. *Сымонович Э. А.* Погребение I—II вв. н. э. в с. Могильно в Подолии.— КСИА, 1966, вып. 107.
26. *Knipowisch G.* Die Keramik römischer Zeitaus Olbia in der Eremitage.— Materialien zur römischgermanischen Keramik. B. IV. Fr. / Main, 1929.
27. *Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата.— МИА, 1958, № 85.
28. *Книпович Г. А.* Краснолаковая керамика I в. н. э. из раскопок Боспорской экспедиции.— МИА, 1952, № 25.
29. *Шелов Д. Б.* Раскопки северо-восточного участка Танаиса.— МИА, 1965, № 127.
30. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.).— САИ, вып. Д-21. М., 1971.
31. *Амусин И. Д.* Раскопки Хербет-Кумрана и Айн-Фешха.— СА, 1960, № 2.
32. *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР. 1959.
33. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975.
34. Importy rzymskie w Polsce. Варшава — Вроцлав, 1960.
35. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
36. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
37. Dacia, III—IV. Bucureşti, 1933.

38. *Граков Б. Н.* Никопольская археологическая экспедиция 1938—1939 гг. Архив ИА АН СССР, ф. 16, 76.
39. *Махно Е. В.* Розкопки пам"яток епохи бронзи та сарматського часу в Усть-Кам'янці.— АП, 1960, т. IX.
40. *Вязьмітіна М. І.* Розкопки курганів на р. Молочній.— АП, 1960, т. VIII.
41. *Покровська Е. Ф., Ковпаненко Г. Т.* Могильник біля с. Калантаево.— Археологія, 1961, т. XII.
42. *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре.— МИА, 1958, № 64.
43. *Добровольский А. В.* Розкопки ділянок А, Г та могильника Золотобалківського поселення рубежу н. е.— Археологія, 1960, т. IX.
44. *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка.— ВССА, 1954.
45. *Ebert M.* Südrüssland im Altertum. Bonn, Leipzig, 1921.
46. *Щукин М. Б.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой.— АСб. ГЭ, 1972, № 14.

I. I. Artemenko, B. M. Levchenko

A SARMATIAN BURIAL AT THE BASHTECHKI VILLAGE OF THE CHERKASSY REGION

Summary

The authors publish the results of the study of a Sarmatian burial in one of the mounds at the Bashtechki village. It was a burial of a woman between 36 and 38 years of age accompanied by rather rich grave goods, consisting of a massive censer with three horizontal modelled rollers and smaller one inserted into the first, a barrel-like censer with some holes in its walls, a grey ware jar with a handle, a bronze beaker on a saucer decorated with ova along its rim, a red laquered plate from Asia Minor with vertical rims and a tamga-shaped Sarmatian sign, a red laquered hemispheric cup with a saucer, a flat amalgamated mirror, an iron knife, a stone bar and a polished flint pebble, small rose coral and paste beads, and large grooved beads.

On the strength of the red-laquered ceramics from Asia Minor and the bronze mirror the burial is dated back to the A.D. 1st century. It is one of the north-westernmost Sarmatian burials in the forest-steppe zone on the right bank of the Dnieper studied so far.

МЕДНИКОВА Е. Ю., РАППОПОРТ П. А., СЕЛИВАНОВА Н. Б.

ДРЕВНЕРУССКИЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАСТВОРЫ

Изучение древнерусских строительных растворов в настоящее время только начинается. Еще совсем недавно в литературе имелись сведения лишь о единичных анализах растворов, не была разработана методика этих анализов, не было попыток использовать материал анализов для историко-архитектурных выводов или же для выяснения методов работы древних строителей. За последние годы в этом отношении заметны существенные сдвиги. В ряде лабораторий проведены целые серии анализов, установлена более или менее единая методика. Полученные результаты уже позволили сделать некоторые выводы, существенные для понимания процессов организации и развития древнерусского строительного производства, а порой и для историко-архитектурной характеристики самих памятников.

Так, изучение строительных растворов памятников киевского зодчества XI — начала XII в. привело исследователей к чрезвычайно интересному выводу о том, что в наиболее ранних памятниках киевского зодчества в качестве цемянки применялась специальная добавка, представляющая собой искусственно обожженную и измельченную глину [1, с. 124]. Позднее наряду с такой специальной добавкой в качестве цемянки начали применять также кирпичный бой, который в XII в. почти полностью вытеснил в растворах эту специальную добавку.

Анализ группы растворов памятников смоленского зодчества XII—XIII вв. позволил установить не только общий тип смоленских растворов, но и некоторые их особенности, ранее не замечавшиеся историками архитектуры [2, с. 44]. Так, выяснилось, что древние строители совершенно не учитывали гидравличность самой извести и поэтому тип применявшейся извести зависел почти исключительно от качества исходного материала — известняка [3]. Выяснилось также, что древние строители хорошо знали положительные качества крупных фракций заполнителя, и в первую очередь карбонатных материалов. Чрезвычайно широкий диапазон различий в составе растворов, сказывающийся порой даже в одном памятнике, свидетельствует о неустойчивости рецептуры или, вернее, о примитивности системы составления и замеса растворов. Вместе с тем растворы оказались, как правило, достаточно прочными.

В лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в настоящее время выполнено уже несколько сотен анализов строительных растворов, относящихся почти ко всем крупным архитектурно-строительным центрам древней Руси. В прилагаемых к настоящей статье таблицах приводятся лишь некоторые, наиболее характерные из этих анализов. В табл. 1 помещены результаты качественного петрографического анализа, а в табл. 2 — гранулометрического (т. е. ситового) анализа. При этом следует иметь в виду, что гранулометрия дает более точные сведения о количественном соотношении между фракциями нерастворимой части, однако сведения о количестве связующего при этом типе анализа могут быть завышены, поскольку при растворении в соляной кислоте вместе с известью может раствориться и часть карбонатного заполнителя. С этой точки зрения данные петрографического анализа точнее, хотя процентное соотношение составных частей заполнителя здесь выявляется менее точно.

Накопленный к настоящему времени материал позволяет сделать первую попытку выявить характерные особенности строительных растворов различных архитектурных школ домонгольского времени.

Из киевских памятников конца XI — первой половины XII в. выполнены анализы растворов Михайловского собора Выдубицкого монастыря (1070 г.), церкви Спаса на Берестове (между 1113 и 1125 гг.) и Успенской церкви на Подоле (1131 г. или вторая половина XII в.— [4, с. 19]). Проведен также анализ раствора Успенского собора Печерского монастыря; дата этого раствора неясна, поскольку собор, построенный в 1073 г., позднее неоднократно ремонтировался, а точное место, откуда взята проба, неизвестно. Все растворы известково-цемяночные. Содержание вяжущей массы в них колеблется от 50 до 70% изредка меньше, количество цемянки — от 20 до 50%. Песок содержится в небольшом количестве — обычно до 5%. Вероятно, песок попадал в раствор как следствие засоренности извести, а не как искусственно добавленный заполнитель. Только в растворе Успенского собора Печерского монастыря количество песка достигает 10%, что позволяет говорить о многокомпонентном известково-песчано-цемяночном растворе. В качестве цемяночного заполнителя в растворах Выдубицкого собора и церкви Спаса на Берестове использована специальная добавка,— обожженная глина, но в Выдубицком соборе наряду с ней встречаются единичные куски кирпичного боя. В растворах Печерского собора и Успенской церкви на Подоле вся цемянка представляет собой кирпичный бой. С киевскими растворами совпадает по характеру раствор черниговского Спасского собора (первая половина XI в., образец из свода центральной апсиды).

Из памятников древнего Переяславля были выполнены анализы растворов Михайловского собора (1089 г.), Спасской церкви-усыпальницы и бесстолпной церкви на Советской улице (конец XI — начало XII в.). Количество известкового вяжущего здесь, так же как в киевских растворах, обычно не менее 50%, хотя в отдельных случаях снижается до 30%. Основной заполнитель — цемянка, причем исключительно в виде специальной добавки, а не битого кирпича. Добавка эта имеет в переяславльских растворах три различных варианта, по-видимому, зависящие от сорта использованной глины и степени ее обжига. Обращает на себя внимание значительное количество глины, доходящее до 16% от всего раствора. В растворе фундамента Михайловского собора глины еще значительно больше — до 30%. Смысл присутствия глины в растворах пока не установлен. Очень вероятно, что это составная часть известково-глинистого вяжущего, и в таком случае общее количество вяжущего здесь будет даже больше, чем в киевских растворах,— не менее 60%. Однако неясно, попадала ли глина в результате использования сильно насыщенных глиной известняков или же добавлялась искусственно. Песок в переяславльских растворах почти полностью отсутствует.

Раствор, используемый в памятниках Полоцка, очень похож на строительные растворы из Киева и Переяславля. Были сделаны анализы растворов Большого собора Бельчицкого монастыря, храма-усыпальницы в Евфросиньевом монастыре и церкви на Нижнем замке (1-я половина XII в.), Спасского собора Евфросиньева монастыря (середина XII в.) и церкви на рву (вторая половина XII в.). Количество известкового вяжущего здесь не менее 50%, а большей частью более 60%. Заполнитель — главным образом цемянка, причем в Большом соборе Бельчицкого монастыря это специальная добавка, а во всех остальных памятниках — кирпичный бой. В мелких фракциях заполнителя встречается небольшое количество песка, хотя иногда количество песка увеличивается, достигая 9%. Кроме того, в растворах почти всюду имеется глина, хотя большей частью в незначительном количестве. По-видимому, песок и глина не являются искусственными добавками, а попадали в раствор вместе с известью и цемянкой.

Растворы смоленских памятников зодчества отличаются от растворов памятников Киева, Переяславля и Полоцка тем, что заполнитель в них состоит из двух основных компонентов — цемянки и песка. Были исполнены анализы значительного количества памятников второй половины XII — первой трети XIII в. [2, с. 44]. Известковое вяжущее составляет здесь от 50 до 70% раствора, изредка снижаясь до 40%. Цемянка, пред-

№ п. п.	Памятник	Тип раствора	Вяжущее			Цемянка		
			содержание, %	состав	степень карбонатизации	содержание, %	Тип цемянки: специальные добавки	Тип цемянки: кирпичный бой
1	Киев. Собор Выдубицкого монастыря	Изв.-цем.	65	Гл.-изв.	Средняя	30	30 %	Ед.
2	Киев. Успенская церковь на Подоле	То же	70	То же	Средне-высокая	До 20	—	До 20 % отощитель кр.з.
3	Киев. Собор Печерского монастыря	Изв.-п.-цем.	60	»	Средняя	30	—	30 %
4	Чернигов. Спасский собор	Изв.-цем.	50	Изв.-гл.	Низкая	45	Тощая, отощитель кр.з., угловатый, размер зерен до 5 мм	
5	Переяславль. Михайловский собор	»	60—70	Гл.-изв.	»	30	1) Жирная, 27 % 2) Сильно обожженная, жирная, 2 % 3) Тощан, ед.	—
6	Переяславль. Спасская церковь	»	67	То же	Среднениз-кая	30	1) Жирная, 27 % 2) Жирная, сильно обожженная, 2 % 3) Тощая, ед.	—
7	Переяславль. Бесстолпная церковь на Советской улице	»	60	Изв.	Средняя	40	1) Жирная, 37 % 2) Жирная, сильно обожженная, 2 % 3) Тощая, ед.	—
8	Полоцк. Большой собор Бельчицкого монастыря	То же	75—80	»	Высокая	До 10	До 10 %	—
9	Полоцк. Храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре	»	60	»	»	40	—	40%, очень тощая
10	Полоцк. Спасский собор Евфросиньева монастыря	»	60	»	»	40	—	40%
11	Владимир-Волынский. Успенский собор (стена)	Изв.-к.-цем.	20	»	»	15	—	15 %, аналог плинфы
12	Владимир-Волынский. Успенский собор (фундамент)	Изв.-п.-цем.	25	Изв.-гл.	Низкая	35	—	35 %, аналог плинфы
13	Владимир-Волынский. Церковь «Старая кафедра»	Изв.-к.-цем.	До 70	Гл.-изв.	»	30—45	—	30—45 %, аналог плинфы
14	Владимир-Волынский. Малый храм (фундамент)	Изв.-к.-п.	50	Изв.	Средняя	—	—	—
15	Владимир-Волынский. Малый храм (цоколь)	Изв.-к.-цем.	87	Изв.-гл.	Низкая	5	—	5 %, аналог плинфы
16	Новогород. Николо-Дворищенский собор	Изв.-цем.	75	Изв.	Слабая	25	Жирная, слабоотощенная полосами	
17	Новгород. Георгиевский собор Юрьева монастыря	То же	55	»	»	45	Жирная	
18	Новгород. Церковь Ивана на Опоках	»	От 25 о 65	»	Средняя до высокой	От 35 до 75	Жирная, слабоотощенная	
19	Новгород. Церковь Ивана на Торговище	»	40	л.-изв.	Средняя до высокой	60	Жирная	
20	Новгород. Церковь Пантелеймона	»	60—65	Изв.-кол.	Средняя	35—40	»	
21	Галич. Церковь Пантелеймона I	Изв.-п.	75—80	Гл.-к.	Средняя	—	—	—

Таблица 1

анализ

Заполнитель								
	песок			карбонаты				
кирпичная пыль	содержание, %	окатанность	зернистость	окатанные куски	неокатанные куски	недожог	куски затвердевшей извести	включения особого состава
Много	До 5	Хорошая и средняя	Кр.з. гравий	—	—	4—5%	—	—
»	До 5 выкрошен из цемянки	—	Кр.з.	—	—	5%	—	1) Зерна коллофана 2) Рудный минерал, размер зерен до 0,3 мм
—	10	Слабая	То же (до 2 мм)	—	—	Ед.	Ед.	—
Много	Выкрошен из цемянки	—	—	—	3%	2% (крупные куски)	»	—
—	—	—	—	—	—	Ед.	—	Зерна коллофана в вяжущей массе
—	Выкрошен из цемянки	—	—	—	—	—	Ед.	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	10—15 %	—	—
—	—	—	—	—	—	—	?	—
—	—	—	—	—	—	—	Ед.	—
—	—	—	—	—	65 %	—	—	—
—	40	Хорошая	М.з.	—	—	—	—	—
—	—	—	—	15 % органогенный известняк	—	5 %	—	—
—	8	Хорошая	М.з.	50 % крупные куски	—	—	—	—
—	—	—	—	4 %	—	3 %	—	—
Мало	—	—	—	Ед.	Ед.	5 %	—	—
Много	—	—	—	—	—	Ед.	—	—
Очень мало	Ед.	—	—	—	—	—	—	—
»	»	—	—	—	—	—	—	—
Мало	0—2	Хорошая	0,5 мм	—	—	—	—	—
—	20—25	Хорошая и слабая	0,5—0,8 мм	—	—	—	—	Песчаник, 2—3%, разм. 1 мм

№ п. п.	Памятник	Тип раствора	Вяжущее			Цемянка		
			содержание, %	состав	степень карбонатизации	содержание, %	Тип цемянки	
							специальные добавки	кирпичный бо
22	Галич. Церковь Пантелеймона II	Изв.-п.-к.	47—50	Изв.	»	—	—	—
23	Галич. Церковь Спаса	Изв.-п.	60—85	»	Высокая	—	—	—
24	Галич. Успенский собор	Гипс.	70—83	Гипс.	—	—	—	—
25	Суздаль. Мономахов собор	Изв.-цем.	80—85	Изв.-кол.	Низкая	15—20	Тощая с м.з. отощ., хорошо обожженная	—
26	Суздаль. Церковь Покрова на Нерли	Изв.-п.	72	Гл.-изв.	Средняя	—	—	—
27	Юрьев-Польской. Георгиевский собор	То же	72—77	Изв.-гл.	—	—	—	—

Примечание. Изв.-цем. — известково-цемянчный, Изв.-п.-цем. — известково-песчано-цемянчный, Изв.-цем.-п. — известково-цемянчано-песчаный, Изв.-цем.-к. — известково-цемянчано-карбонатный, Изв.-п. — известково-песчаный, Изв.-п.-к. — известково-песчано-карбонатный, Изв.-к. — известково-карбонатное, Изв.-кол. — известково-коллофановое, Гл.-к. — глинисто-карбонатное, Гипс. — гипсовое; кр.з. — крупнозе

ставляющая собой кирпичный бой, относится в основном к крупным фракциям. Так, фракция, соответствующая современному стандарту гравия или щебня (более 5 мм), составляет от 10 до 30% всего раствора. Соотношение цемянки и песка в заполнителе различно, но обычно больше половины заполнителя представляет цемянка. Лишь изредка в заполнителе преобладает песок, и тогда в составе раствора значительную роль играют мелкие фракции. Песок большей частью средней зернистости и средней окатанности. Глинистые частицы обычно занимают очень незначительное место, хотя в некоторых памятниках (собор Троицкого монастыря, церковь на Большой Краснофлотской улице, конец XII в.) составляют более 10%, а изредка даже до 18% раствора. В растворе из Рославля очень мало песка (всего около 1% раствора), но зато в значительном количестве (до 15%) обнаружены кусочки недожженной извести. Во многих смоленских растворах значительное место занимают карбонатные частицы, большей частью в виде недожога или кусочков специального карбонатного заполнителя.

Растворы памятников Волыни отличаются тем, что здесь в качестве заполнителя использованы цемянка и мелко толченый мел, т. е. карбонатная добавка. Были исполнены анализы растворов Успенского собора во Владимире-Волынском, церкви «Старая кафедра» и Малого храма, обнаруженного под этой церковью (все — третья четверть XII в.). Количество известкового вяжущего в растворах 50—80%, хотя в Успенском соборе в некоторых пробах оно снижается до 20—25%. Соотношение цемянки и карбонатного заполнителя различно; иногда преобладает цемянка, иногда мел. Так, в растворе стены Успенского собора мел составляет до 65% всего раствора, а в «Старой кафедре» мела всего 15%, но зато цемянки до 45% раствора. В отдельных случаях, как, например, в растворе фундамента Малого храма, мел полностью заменяет цемянку. Вся цемянка — исключительно кирпичный бой. Песок обнаружен только в растворах фундаментов Успенского собора и Малого храма; он хорошей окатанности, размером большей частью около 0,3 мм. Глина встречается в довольно значительном количестве, но очень вероятно, что она попадала в раствор вместе с мелом, а не добавлялась специально.

Новгородские растворы проверены для большого количества памятников: церковь Благовещения на Городище (1103 г.), Георгиевский собор Юрьева монастыря (1119 г.), Николо-Дворищенский собор (1113 г.), церковь Ивана на Опоках (1127 г.). Из более поздних памятников ис-

Заполнитель								
кирпичная пыль	песок			карбонаты				включения особого состава
	содержание, %	окатанность	зернистость	окатанные куски	неокатанные куски	недожог	куски затвердевшей извести	
—	15—33	То же	0,3—0,6 мм	—	10—13% органогенный известняк	—	—	Кварц-глауконитовый песчаник, 4—10%, разм. 3 мм
—	15—30	Хорошая	0,3—1,5 мм	—	Ед.	7—10%	—	—
Ед.	—	—	—	—	2—5%	—	—	Гипс, 15—28%
Очень мало	—	—	—	—	—	—	—	—
—	25	Хорошая	1,5 мм	—	3%	—	—	—
—	20—25	Хорошая и слабая	1) 1,5 мм 2) 0,5 мм	—	3%	—	—	—

цемяночный, Изв.-к.-цем. — известково-карбонатно-цемяночный, Изв.-к.-п. — известково-карбо-Гл.-изв. — глинисто-известковое, Изв.-гл. — известково-глинистое, Изв. — известковое, Изв.-кол. — нистый, м.з. — мелкозернистый, ед. — единичные включения.

полнены растворы церквей Благовещения на Мячине (1179 г.), Петра и Павла на Синичьей горе (1185 г.), Ивана на Торговищи (перестройка церкви Ивана на Опоках, 1184 г.), Спаса-Нередицы (1198 г.), Пантелеймона (1207 г.), Пятницкой (1207 г.). Все растворы известково-цемяночные, с содержанием вяжущего не менее 40, а порой до 75%. Количество цемянки не менее 25%, песка очень мало. В памятниках конца XII в. в состав раствора введен толченый красный ракушечник, наличие которого заметно увеличило процент глины в растворе.

От всех предыдущих растворов резко отличаются растворы галицких и владимиро-суздальских памятников. Растворы церквей Пантелеймона (около 1200 г.) и Спаса близ Галича (первая половина XII в.) — известково-песчаные. Содержание вяжущего в них не менее 50%, а порой еще значительно выше; песка от 15 до 30%, цемянка полностью отсутствует. Песок среднезернистый, хорошо окатанный. Кроме песка в заполнителе порой присутствуют также толченый известняк и непогашенные зерна извести. Большое количество глины: в растворе стен 10—15%, а в растворе фундамента — более 20% и в отдельных случаях до 50%. Совершенно особый характер имеет раствор Успенского собора в Галиче (середина XII в.), где вяжущее — гипс, а заполнитель — кусочки дробленого алебастра.

Среди памятников владимиро-суздальской архитектуры резко выделяется Мономахов собор в Суздале (первые годы XII в.), раствор которого очень близок киевским или переяславльским растворам. Это известково-цемяночный раствор с большим содержанием вяжущего (более 60%) и довольно большим количеством цемянки (13—20%). Остальные растворы — собора в Боголюбове и церкви Покрова на Нерли (60-е годы XII в.), а также Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (начало XIII в.) — более или менее идентичны. Это известково-песчаные растворы с высоким содержанием вяжущего (более 50%) и большим количеством песка (обычно более 20%). Песок крупный, хорошо окатанный. Количество глины, как правило, значительно меньше, чем в галицких растворах, обычно не более 10%. Следует отметить, что в растворах в небольшом количестве присутствует цемянка (обычно менее 1%) в виде тощей, слабо обожженной глины; вероятно, она попадала в раствор вместе с известью.

Конечно, количество исполненных анализов, и особенно отбор проб для них, проводились еще далеко не систематично, что не дает возможно-

Таблица 2

Гранулометрический анализ

№ п.п.	Памятник	Растворимая часть	Нерастворимый остаток	Составные части	Всего (приблизительно)	>10 мм	>5 мм	>2 мм	>1 мм	>0,5 мм	>0,1 мм	Остаток
1	Киев. Собор Выдубицкого монастыря	27,1	72,9	ц	47	13	7,8	14,7	8	2	м	–
				п	3	–	–	–	–	м	м	ом
				г	20	–	–	–	ом	м	16	м
				в	70,5	13,1	7,8	14,7	8,7	4,9	19,1	2,2
2	Киев. Церковь Спаса на Берестове	54,5	45,5	ц	20	–	10,8	4,8	2,6	2,2	–	–
				п	2	–	–	ом	–	2,2	–	–
				г	22	–	–	–	2,6	–	14,2	4,7
				в	44,6	–	10,8	5,3	5,2	4,4	14,2	4,7
3	Киев. Успенская церковь на Подоле	40,2	59,8	ц	49	–	5,4	8,5	6,6	7,1	20	м
				п	5	–	4,9	–	–	–	ом	–
				г	5	–	5,2	–	–	–	–	–
				в	59,8	–	15,5	8,5	6,6	7,1	20,4	1,7
4	Переяславль. Михайловский собор (фундамент)	34,3	66,7	ц	36	20,2	11	2	м	ом	ом	–
				п	+	–	–	–	–	+	+	–
				г	29	–	11	6	3	2	5	м
				в	65,3	20,2	22,3	8,8	3,8	2,9	6	1,3
5	Переяславль. Спасская церковь	42,1	57,9	ц	46	21,3	6	14	3	м	ом	+
				п	+	–	–	–	–	–	+	+
				г	11	–	–	–	2	4	4	ом
				в	57,0	21,3	6,2	14,5	5,2	5,2	4,2	0,4
6	Полоцк. Большой Собор Бельчицкого монастыря	75,3	24,7	ц	14	10,3	2,4	ом	ом	ом	м	ом
				п	7	–	–	+	м	м	3	3
				г	–	–	–	–	–	–	–	–
				в	21	10,3	2,4	0,7	0,6	0,2	3,8	3
7	Полоцк. Храм-усыпальница в Евфросиньевом монастыре	73,8	26,2	ц	15	6,3	3,9	3,5	1,1	ом	ом	+
				п	9	–	–	–	–	+	9	+
				г	ом	–	–	–	–	–	–	ом
				в	25,8	6,3	3,9	3,5	1,1	0,3	10,2	0,5
8	Полоцк. Церковь на Нижнем Замке	68,7	31,3	ц	18	11,5	2,2	4,1	ом	ом	ом	ом
				п	ом	–	–	–	–	–	–	ом
				г	11	–	–	–	ом	+	6	4
				в	30,5	11,5	2,2	4,1	1,1	0,6	6,7	4,3
9	Полоцк. Спасская церковь Евфросиньева монастыря	68,6	31,4	ц	26	3,1	9,4	7	3	м	ом	ом
				п	5	–	–	+	–	ом	4	ом
				г	–	–	–	–	–	–	–	–
				в	31,3	3,1	9,4	7	3,4	1,5	5,7	4,2

№ п.п.	Памятник	Растворимая часть	Нерастворимый остаток	Составные части	Всего (приблизительно)	>10 мм	>5 мм	>2 мм	>1 мм	>0,5 мм	>0,1 мм	Остаток
10	Владимир-Волынский. Успенский собор	47,4	52.6	ц	45	1.7	8,1	9,2	5,9	5,2	11	3
				п	–	–	–	–	–	–	–	–
				г	7	–	–	–	–	–	3	4
				в	52,3	1,7	8,1	9,2	5,9	5,2	14,8	7,4
11	Новгород. Собор Юрьева монастыря	52,5	47.5	ц	33	–	17	11	5	ом	ом	–
				п	–	–	–	–	–	–	–	–
				г	12	–	–	–	1	4	7	ом
				в	47,3	–	16,8	11,4	6.5	4,6	7,7	0.3
12	Новгород. Николо-Дворищенский собор	59,9	46.1	ц	27	2,9	10,6	6	2	2	3	ом
				п	–	–	–	–	–	–	–	–
				г	10	–	–	+	ом	ом	10	м
				в	39,6	2,9	10,9	6.1	2,9	2,2	13,4	1,2
13	Новгород. Церковь Ивана на Опоках	61,1	38,9	ц	29	6,5	8,9	8,2	5	м	ом	+
				п	–	–	–	–	–	–	–	–
				г	4	–	–	–	м	ом	5	ом
				в	37,8	6,5	8.9	8,2	6,4	2,0	5,6	0.1
14	Новгород. Церковь Благовещения на Мячине	56,4	43,6	ц	23	–	5,7	10,6	6	ом	ом	–
				п	–	–	–	–	–	–	–	–
				г	19	–	–	–	ом	5	12	м
				в	43,5	–	5,7	10,6	6,7	6,1	12,6	1,8
15	Новгород. Церковь Петра и Павла на Синичьей горе	48,0	52,0	ц	14	–	3,7	7,9	2	м	–	–
				п	–	–	–	–	–	–	–	–
				г	36	–	–	–	4	3	24	5
				в	51.3	–	3,7	7,9	6,8	3,7	24,0	5.2
16	Новгород. Церковь Спаса-Нередицы	61,4	38,6	ц	27	–	16,9	7,6	2	ом	ом	+
				п	+	–	–	–	–	–	+	+
				г	11	–	–	–	3	2	5	ом
				в	38,5	–	16,9	7,6	5,2	2,4	6,0	0,4
17	Новгород. Церковь Пантелеймона	29,5	70,5	ц	46	–	11,6	12,4	9	6	6	+
				п	ом	–	–	–	–	–	ом	–
				г	22	–	–	2,6	3	м	13,0	3
				в	70,2	–	11,6	15,0	12,7	7,9	20,0	3
18	Новгород. Пятницкая церковь	27,7	72,3	ц	44	–	13,2	20	7	2	2	+
				п	–	–	–	–	–	–	–	–
				г	26	–	–	7	7	3	8	ом
				в	72,1	—	13,2	27,0	14,7	5,6	11,2	0.4

Таблица 2 (окончание)

№ п.п.	Памятник	Раствориман часть	Нерастворимый остаток	Составные части	Всего (приблизительно)	>10 мм	>5 мм	>2 мм	>1 мм	>0,5 мм	>0,1 мм	Остаток
19	Галич. Церковь Спаса	66,5	33,5	ц	–	–	–	–	–	–	–	–
				п	28	–	–	+	–	+	27,9	ом
				г	3	–	–	ом	–	м	м	ом
				в	33,3	–	–	1,0	–	1,9	29,4	1,0
20	Суздаль. Мономахов собор	55,5	44,5	ц	28	13,3	9,0	4	м	+	ом	+
				п	+	–	–	+	–	+	–	–
				г	15	–	–	ом	5	м	8	м
				в	44,3	13,3	9,0	4,8	5,6	1,3	8,8	1,5
21	Собор в Боголюбове	76,7	23,3	ц	м	–	–	–	м	+	–	–
				п	19	–	–	–	3	6	9	–
				г	2	–	–	–	–	+	–	2
				в	22,5	–	–	–	4,3	6,6	9,3	2,2
22	Церковь Покрова на Нерли	79,1	20,9	ц	ом	–	ом	ом	+	+	–	–
				п	17	–	ом	ом	ом	3	13	–
				г	3	–	–	ом	+	ом	2	ом
				в	20,6	–	0,6	0,5	1,1	2,7	15,3	0,4
23	Юрьев-Польской. Георгиевский собор	77,0	23,0	ц	–	–	–	–	–	–	–	–
				п	22	–	–	–	1,4	3,3	16	м
				г	+	–	–	–	–	–	+	+
				в	23,0	–	–	–	1,4	3,3	17,1	1,2

Примечание: ц – цемянка; п – песок; г – глина; в – всего; м – малое количество (от 1 до 1,5%); ом – очень мало (до 1%); + – следы (до 0,1%); – – отсутствие. Все цифры – проценты по весу.

сти делать достаточно убедительные выводы о наличии в различных строительных центрах древней Руси самостоятельных приемов составления растворов. За исключением известково-песчаных растворов галицкой и владимиро-суздальской архитектурных школ, имеющих явно романское происхождение, остальные растворы в принципе довольно близки друг другу. Различие между ними могло зависеть не только от применения сознательных приемов, но и от качества местных строительных материалов. Так, очень вероятно, что именно с этим связано существенное различие в количестве входящей в раствор глины. Наличие поблизости от строительства выходов хорошего мелового известняка могло привести к применению этого материала в качестве заполнителя, частично заменяя собой цемянку (Владимир-Волынский).

В нескольких строительных центрах (Смоленск, Галич, Владимиро-Суздаль) в растворах, как правило, встречаются древесные угольки. Обычно считают, что угольки добавляли сознательно, для придания раствору большей прочности [5, с. 307]. Однако вполне возможно, что наличие или отсутствие угольков объясняется применением разного типа известково-обжигательных печей, поскольку печи «проходного» типа дают известь с бóльшим количеством угля, чем «непроходные» печи [6, с. 828; с. 98—100].

И все же в нескольких случаях уже сейчас ясно, что различия в составе растворов определяются не только местными условиями, но и существованием собственных строительно-технических приемов. Так, устойчивое применение в растворах Смоленска не только цемянки, но и песка вряд ли можно объяснить только местными условиями; скорее это определенная техническая традиция. Следует отметить, что раствор Пятницкой церкви в Новгороде, построенной смоленским зодчим, не включает песка, т. е. отвечает по характеру не смоленским, а новгородским растворам. Несомненно также, что в пределах каждого крупного строительного центра существовала хронологическая эволюция состава растворов, что отчасти выявляется даже при наличном состоянии материала.

Изучение строительных растворов сулит немалые возможности для раскрытия картины организации строительного производства, эволюции строительной техники, взаимосвязи архитектурных школ и других вопросов истории древнерусского зодчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стріленко Ю. М., Нестеренко Т. Е.* Дослідження будівельних розчинів і плінф пам'ток архітектури стародавнього Киева X—XII ст.— В кн.: Археологія Киева. Дослідження і матеріали. Київ: Наук. думка, 1979.
2. *Медникова Е. Ю., Раппопорт П. А., Селиванова Н. Б.* Изучение древнесмоленских строительных растворов.— КСИА, 1978, вып. 155.
3. *Медникова Е. Ю.* К вопросу о качестве извести в древнерусских строительных растворах.— КСИА, 1982, вып. 172.
4. *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.
5. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. I. М.: Изд. АН СССР, 1961.
6. *Крупский А. К.* Известь.— Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XII-а (24). СПб., 1894.
7. *Davey N.* A History of Building Materials. L., 1961.

E. Yu. Mednikova, P. A. Rappoport, N. B. Selivanova

OLD RUSSIAN MORTARS

Summary

The study of mortars may yield a lot of valuable information on the organisation and development of the Old Russian construction processes and even on the historico-architectural characteristic of monuments. The authors site a considerable number of mortar analyses and use them for distinguishing between technological traditions of different Russian construction centres. They have come to the conclusion that the Galich and Vladimir-Suzdal architectural schools used as a rule, lime-sand mortars in keeping with the Romanesque construction traditions while other Russian schools used specially treated clay and brickbats as aggregates. In places where high-quality limestone could be obtained clay and brickbats were replaced with crushed limestone. In Smolensk the aggregate consisted of both clay and brickbats, and sand.

МОГИЛЬНИКОВ В. А., КОНИКОВ Б. А.

МОГИЛЬНИК ПОТЧЕВАШСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

Потчевашская культура, локализуемая в южной части лесной полосы и на севере лесостепи Прииртышья и Приишимья, принадлежит к числу культур, хронология которых, ареал и этническая интерпретация являются дискуссионными.

Впервые потчевашская культура была выделена В. И. Мошинской, которая отнесла ее к раннему железному веку и датировала второй половиной I тысячелетия до н. э. [1, с. 216]. В комплекс этой культуры В. И. Мошинской был включен материал Потчевашских курганов и Потчевашского городища, давших название культуре, а также ряд других памятников. Это было произведено на начальном этапе классификации древностей Нижнего Приобья. Как было установлено впоследствии, потчевашские городище и курганы асинхронны и относятся к различным культурам. Материал из курганов принадлежит в основном лесостепной саргатской культуре раннего железного века [2], а материал городища — к собственно потчевашской культуре, которую следует датировать VI—VIII вв. н. э. Основанием для пересмотра хронологии и установления такой даты городища явилось открытие Лихачевского могильника, где сосуды, аналогичные керамике Потчевашского городища, были встречены вместе с металлическими вещами, деталями поясных наборов и пр., датирующими памятник VII в. [3, с. 139]. Это позволило В. Ф. Генингу и другим исследователям датировать тем же временем основной комплекс Потчевашского городища и отнести потчевашскую культуру ко второй половине I тысячелетия н. э. [4, с. 222]. Данную хронологию с некоторыми уточнениями приняли и другие авторы. Среди исследователей отсутствует также единодушие в определении ареала потчевашской культуры. Основываясь на сходстве ряда признаков, характеризующих керамический комплекс, Н. В. Федорова выступила против выделения отдельных потчевашской и релкинской культур, предлагая рассматривать их как варианты карымского этапа культуры Обь-Иртышья [5, с. 81]. Придерживаясь точки зрения о существовании отдельных потчевашской и релкинской культур, приходится признать, что четкие границы между ними пока не определены.

Разногласия существуют и в этнической атрибуции потчевашских памятников. В. Н. Чернецов [6, с. 241], а вслед за ним ряд других исследователей считают потчевашскую культуру угорской. В. Ф. Генинг высказал мнение о принадлежности потчевашского этноса самодийцам [7, с. 274]. В. И. Васильев и В. А. Могильников придерживаются мнения о сложном этническом составе потчевашского населения, включившего в своей состав древние угорские и самодийские элементы [8, с. 60]. Все указанные точки зрения разработаны недостаточно и находятся на уровне рабочих гипотез, требуют своего обоснования.

Обилие нерешенных проблем, важность познания потчевашской культуры для решения вопросов этногенеза аборигенов Западной Сибири диктуют актуальность ее изучения. К сожалению, источниковедческая база медленно пополняется хронологически и этнокультурно хорошо определимым материалом. Коллекции с поселений, составляющих основную массу памятников потчевашской культуры, образует главным образом керамика, хронологическая и этническая атрибуция которой разработаны пока слабо. Могильники же насчитываются единицами [3; 9, с. 236,

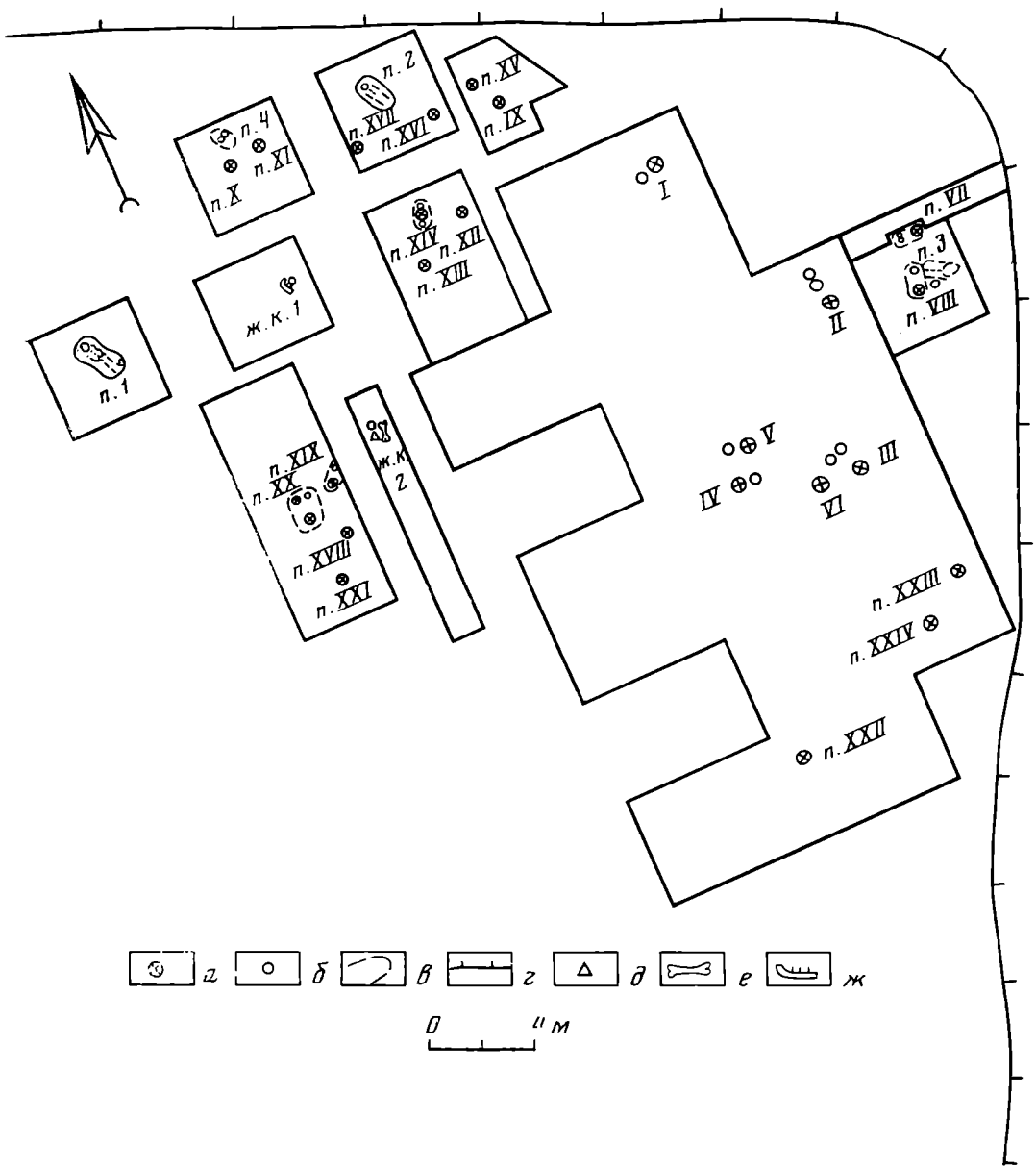


Рис. 1. План расположения погребений: *а* — погребение с трупосожжением; *б* — глиняный сосуд; *в* — приблизительные контуры могильной ямы; *г* — край обрыва берега; *д* — фрагменты керамики; *е* — кости животных; *ж* — челюсть лошади. Пространство между раскопами занято большими деревьями

237; 10], причем часть из них относится к заключительному периоду этой культуры [11].

Из сказанного ясно, что появление нового памятника с разнообразным информативным комплексом вещей этой культуры представляет большой интерес. К числу таковых принадлежит описанный ниже комплекс могильника, исследованного авторами в 1972—1977 гг. [12, с. 213; 13, с. 205; 14, с. 238; 15, с. 52—58].

Памятник расположен в 2 км к северо-западу от дер. Окунево Муромцевского р-на Омской обл., на мысовидном выступе левой коренной террасы р. Тары, правого притока Иртыша, у южной кромки тайги (рис. 1). Могильник грунтовой, поверхность задернована, поросла молодым березняком. У подошвы террасы находится зарастающая старица р. Тары, а во время функционирования памятника, вероятно, проходило русло реки. На месте могильника в эпоху бронзы и раннего железного века существовали поселения со слабонасыщенным культурным слоем следующей стратиграфии: дерновый слой мощностью 0,15—0,2 м; супесчаный серовато-коричневый культурный слой толщиной 0,4—1,2 м с отдельными

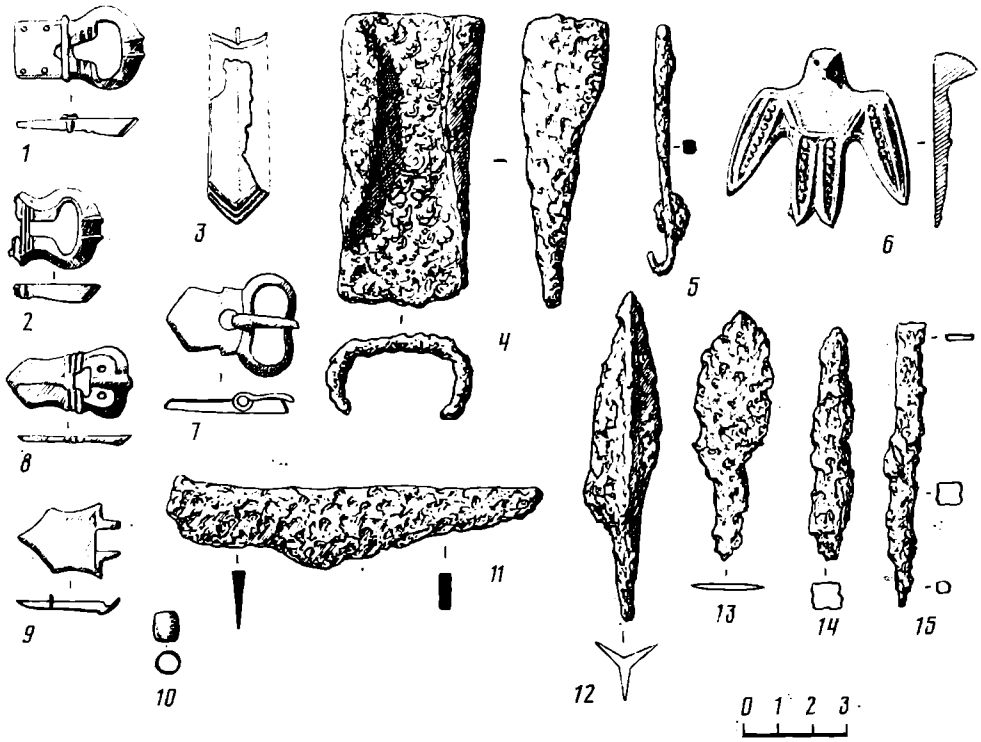


Рис. 2. *1—5, 8—15* — погр. I; *6, 7* — погр. II; *1—3, 6—10* — бронза; *4, 5, 11—15* — железо

находками фрагментов керамики эпохи ранней бронзы и раннего железного века. Здесь же встречены единичные отщепы из камня и ножевидные пластины, а также звено бронзовых однокольчатых удил с частью костяного двудырчатого псалия. Материк — светло-коричневый суглинок. В XV—XVI вв. на этом же месте был устроен грунтовой могильник сибирскими татарами, уже принявшими мусульманство. От него сохранились погребения с костяками, лежащими на спине вытянуто, головой на северо-запад, без вещей.

В данной статье рассматриваются только погребения потчевашской культуры, насчитывающие 24 захоронения по обряду трупосожжения, четыре захоронения с трупоположениями, а также два жертвенных комплекса. Погребения с кремациями занимают основную, центральную часть могильника. Два погребения с ингумациями открыты в северо-западной части некрополя, а два других — у его восточного края (рис. 1). Жертвенные комплексы и отдельно стоящие сосуды находились среди погребений с трупосожжениями.

Переходим к описанию вскрытых погребений, сначала с сожжением, затем с трупоположением. Захоронения кремаций пронумерованы римскими цифрами, ингумаций — арабскими. Глубины погребений указаны от современной поверхности.

Погребение I, глубина 0,75 м, скопление мелких пережженных костей на участке 0,65×0,45 м сопровождалось железными теслом (рис. 2, *4*), черешковыми трехлопастным, плоским и ромбическим в сечении с долотовидным концом наконечниками стрел (рис. 2, *12, 13, 15*), ножом (рис. 2, *11*), фрагментом стержня четырехугольного сечения (рис. 2, *14*), представлявшим наконечник стрелы или шило. Здесь же лежали детали поясного набора — две бронзовые литые пряжки (рис. 2, *1, 2*), бронзовые геральдический щиток от пряжки (рис. 2, *9*), две штампованных псевдопряжки (рис. 2, *8*), наконечник ремня (рис. 2, *3*), а также бронзовая бочонковидная бусина (рис. 2, *10*). На вещах — следы воздействия огня. Наконечник ремня и пряжка (рис. 2, *2*, *3*) оплавлены.

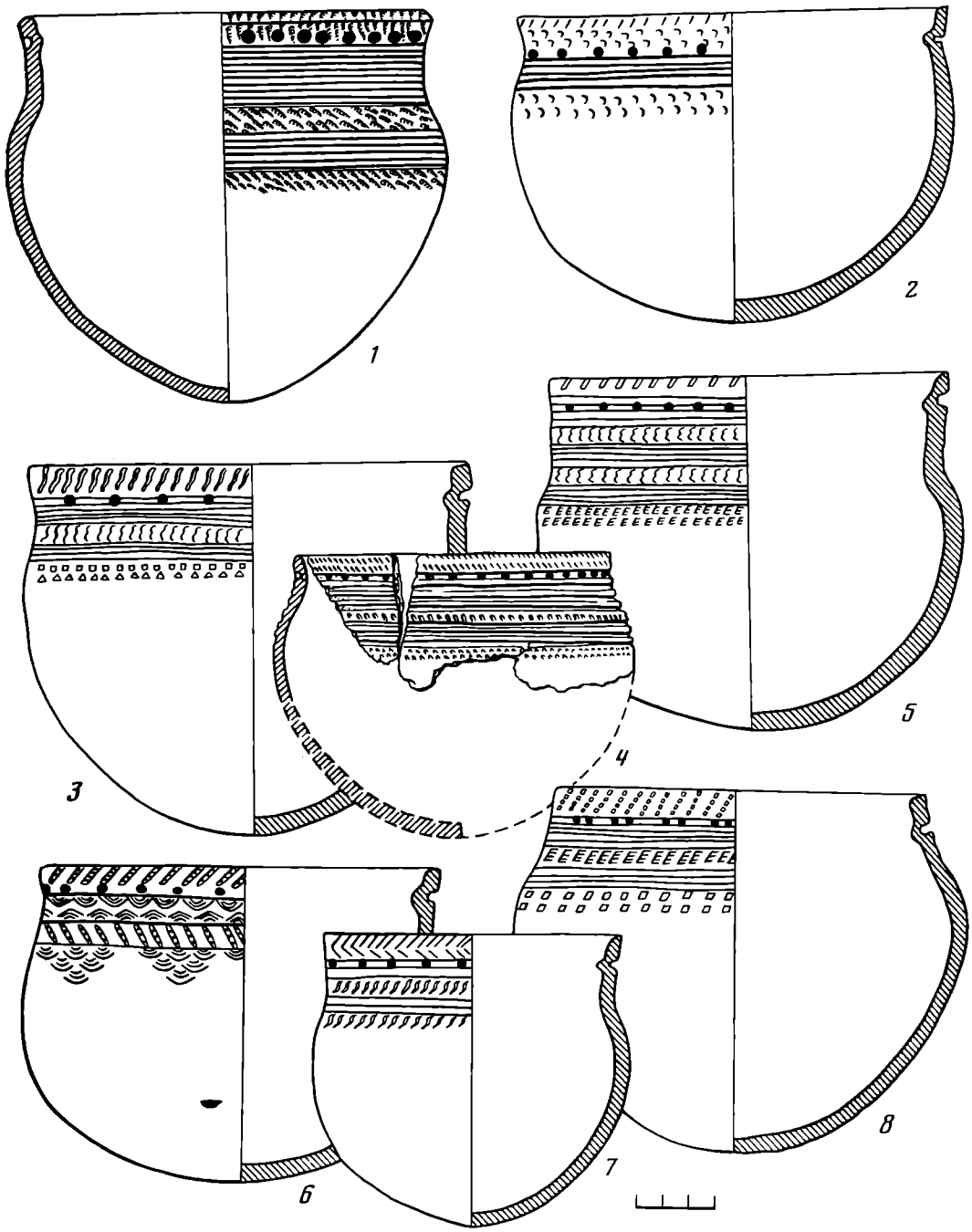


Рис. 3. Керамика: *1* — погр. I; *2* — погр. IX; *3* — погр. XXI; *4* — погр. III; *5* — погр. XV; *6* — погр. с трупоположением 1; *7* — жертвенный комплекс 1; *8* — погр. XIV

В 0,8 м к западу — юго-западу от остатков кремации стоял глиняный сосуд (рис. 3, *1*), по положению которого можно думать, что яма погребения была ориентирована ЗЮЗ—ВСВ.

Погребение II, глубина 0,4 м, в скоплении кусочков пережженных костей лежали бронзовые литые пряжка, изображение хищной птицы, коршуна (?), а также железный крючок (рис. 2, *5—7*).

Погребение III, глубина 0,25 м, среди кусочков кальцинированных костей лежали железные нож, 8-видное стремя (рис. 4, *1*, *6*), массивная бронзовая литая, вероятно, подпружная пряжка (рис. 4, *4*), а также бронзовая поясная гарнитура — три псевдопряжки (рис. 4, *5*), из них две в обломках, две геральдические бляхи (рис. 4, *2*), пять блях типа рис. 4, *3*. В 0,6 м к северу — северо-западу от погребения стояли два глиняных сосуда (рис. 3, *4*).

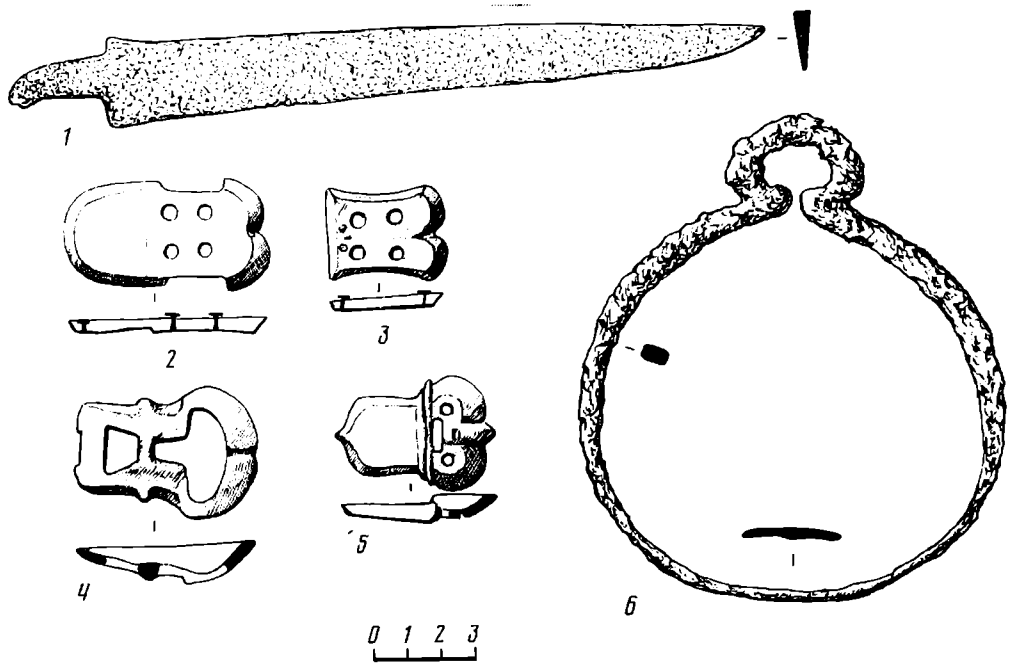


Рис. 4. *1—6* — погр. III; *1, 6* — железо; *2—5* — бронза

Погребение IV, глубина 0,3 м. В скоплении кусочков пережженных костей находились железные тесло, нож, наконечник стрелы, четырехгранный в сечении с шипами, уничтоженными коррозией (рис. 5, *8—10*), оковка или накладка из листовой меди с отверстиями (рис. 5, *1*), фрагмент оковки ножен из меди с железной окантовкой (рис. 5, *7*), накладка с заклепкой и обойма из листовой меди (рис. 5, *11*, *12*). Здесь же обнаружены железная трапециевидная пряжка и две бронзовых литых пряжки (рис. 5, *14—16*), а также украшения из бронзы — круглопроволочный браслет с несомкнутыми концами (рис. 5, *13*), обломок серьги (рис. 5, *17*), две пронизки в виде спиралек из уплощенной с внутренней стороны медной проволоки (рис. 5, *2*, *3*), пронизка из свернутого медного листка (рис. 5, *6*), семь бронзовых бочонковидных бусин (рис. 5, *4*, *5*). На вещах — следы воздействия огня. Встречены также две капли меди, очевидно, от предметов, расплавившихся в погребальном костре. Рядом с останками кремации стоял глиняный сосуд, перевернутый вверх дном.

Погребение V, глубина 0,3 м. Среди кусочков кальцинированных костей находились железная панцирная пластина, согнутый пополам нож (рис. 6, *8*, *9*), фрагменты прямоугольной рамчатой пряжки (рис. 6, *2*), три кольца, одно из которых с медной листовой обоймочкой с заклепкой (рис. 6, *3*, *4*), фрагмент оплавленного бронзового наконечника ремня (рис. 6, *7*), бронзовая обоймочка (рис. 6, *6*), являющиеся, вероятно, деталями пояса, а также бронзовая бочонковидная бусина и ромбовидный предмет из медного листка с завернутыми краями (рис. 6, *5*).

Погребение VI, глубина 0,3 м. В скоплении пережженных костей находились бронзовое изображение орла с личиной и головой медведя на груди, а также железное перекрестие сабли (рис. 6, *10*, *11*). Фигурка орла оплавлена, а одно крыло частично расплавилось, возможно, в огне погребального костра.

Погребение VII, глубина 0,58 м. В скоплении кусочков пережженных костей на пространстве 0,55×0,25×0,15 м лежал разломанный на две части трехгранный черешковый костяной наконечник стрелы (рис. 7, *9*), а в 0,25 м к северо-западу от останков кремации стояли два глиняных сосуда (рис. 8, *1*, *4*).

Погребение VIII, глубина 0,5 м. Среди пережженных костей на участке 0,4×0,4×0,2—0,25 м обнаружена бронзовая серьга (рис. 9, *4*),

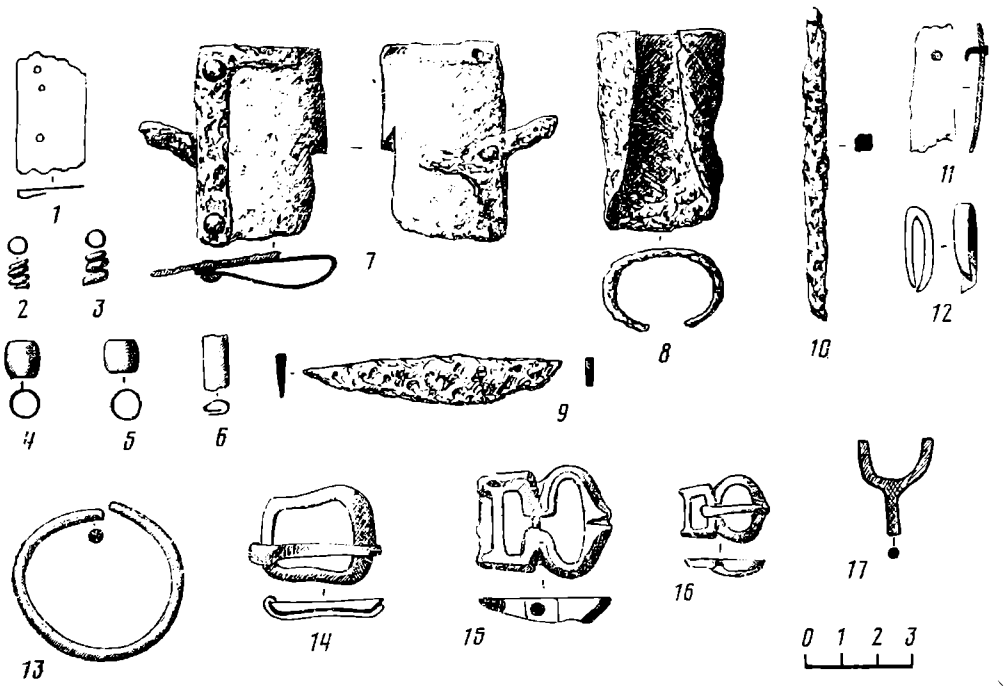


Рис. 5. *1—17* — погр. IV; *1—6*, *11—13*, *15—17* — бронза; *7* — бронза, железо; *8—10*, *14* — железо

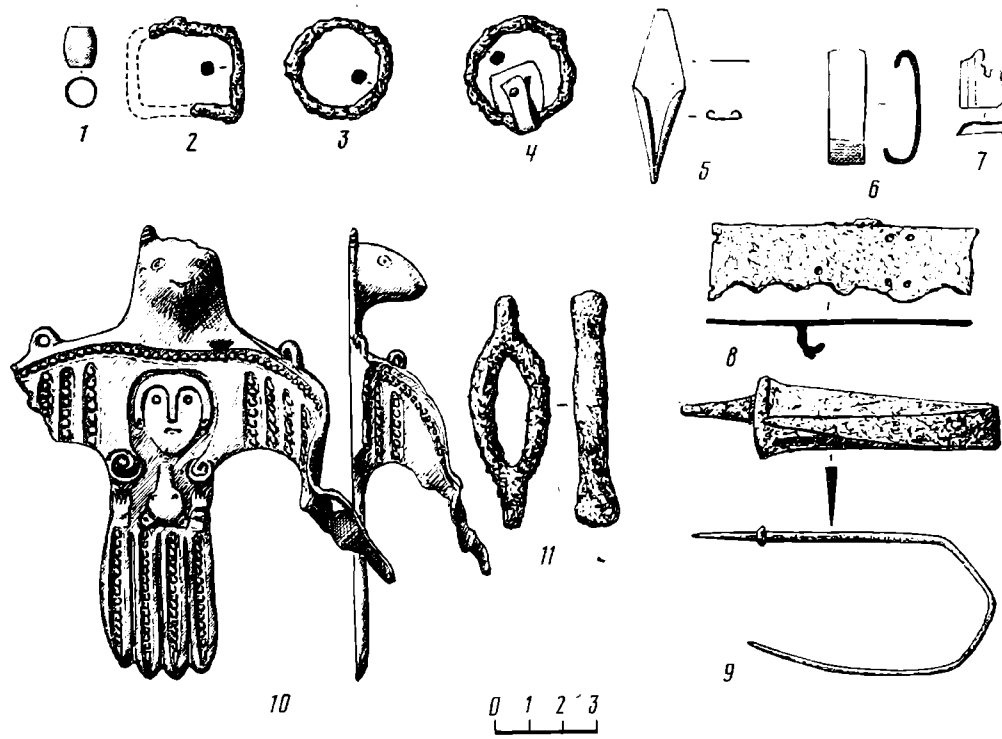


Рис. 6. *1—9* — погр. V; *10*, *11* — погр. VI; *1*, *5—7*, *10* — бронза; *2*, *3*, *8*, *9*, *11* — железо; *4* — железо, бронза

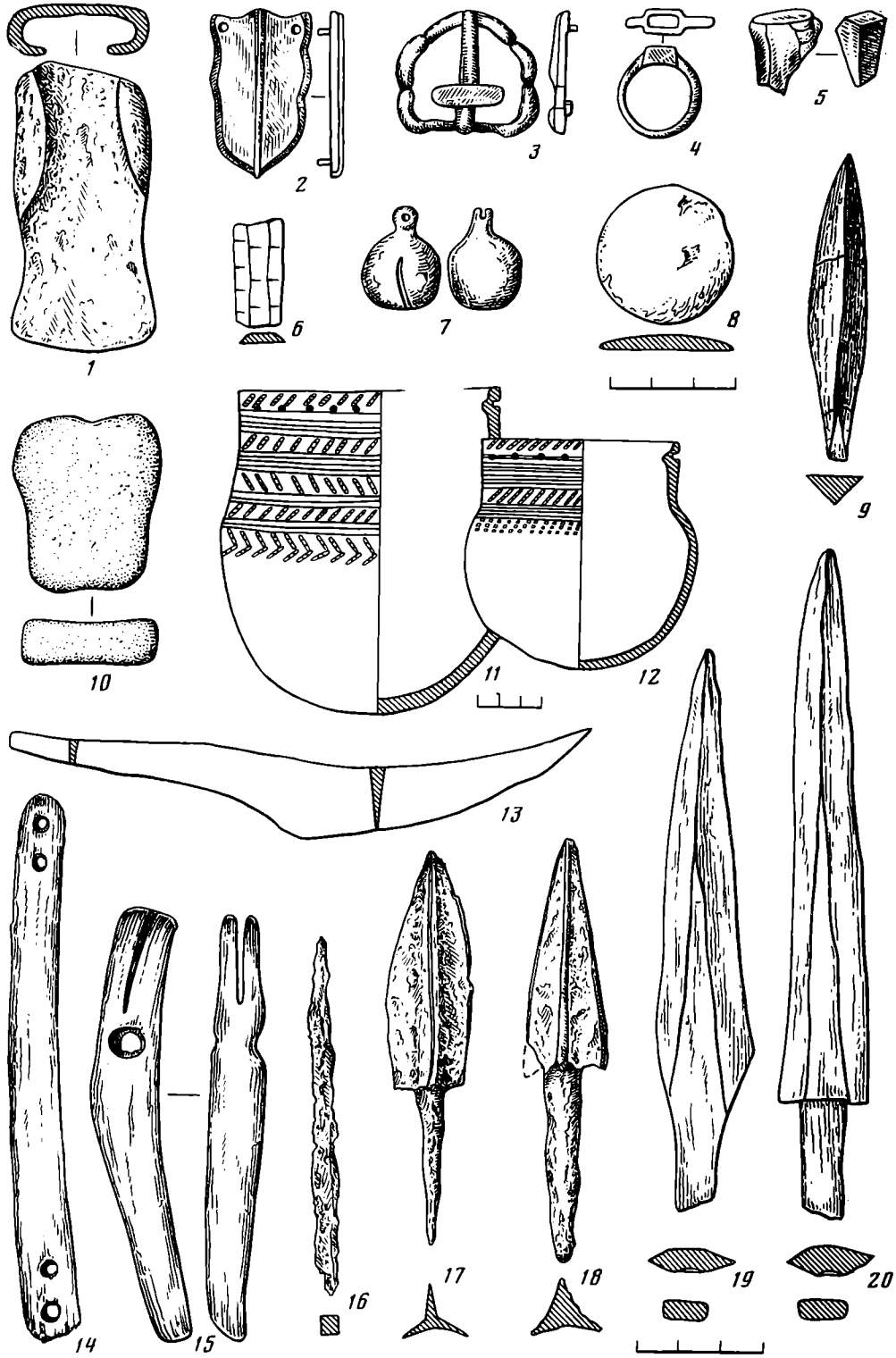


Рис. 7. *1—6*, *8*, *10*, *14*, *15*, *18—20* — погр. 1 с трупоположением; *7*, *11—13* — из слоя вне погребений; *9* — погр. VII; *16*, *17* — погр. XV; *1*, *13*, *16—18* — железо; *2—5*, *7* — бронза; *6*, *10* — камень; *8*, *9*, *14*, *15*, *19*, *20* — кость; *11*, *12* — глина

а в 0,3 м к северо-востоку от захоронения стоял глиняный сосуд (рис. 8, *3*).

Погребение IX, глубина 0,9 м. В скоплении кальцинированных костей на пространстве 0,4×0,2×0,2—0,25 м находились бронзовая пряжка (рис. 9, *2*), хрустальная 12-гранная бусина (рис. 9, *1*), костяной черешковый наконечник стрелы. У северного края погребения среди костей стоял глиняный сосуд (рис. 3, *2*).

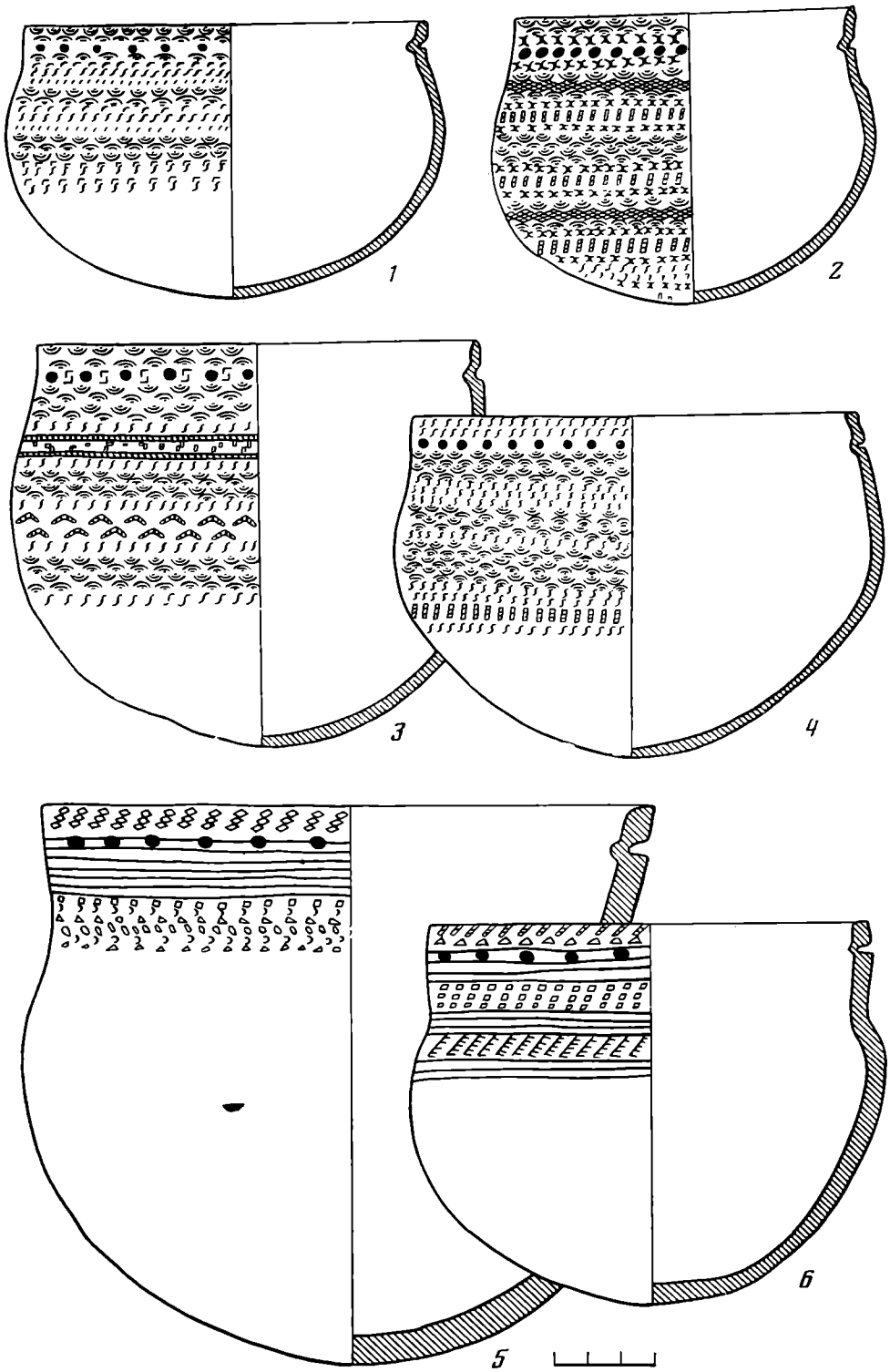


Рис. 8. Керамика: *1*, *4* — погр. VII; *2* — погр. X; *3* — погр. VIII; *5*, *6* — погр. XVI

Погребение X, глубина 0,98 м. Среди пережженных костей на участке 0,6×0,4×0,2–0,3 м найдены железная застежка или фрагмент щитка пряжки (рис. 9, *9*). В северной части захоронения стоял глиняный сосуд (рис. 8, *2*).

Погребение XI — скопление кусочков пережженных костей на пространстве 0,5×0,4×0,25–0,3 м на глубине 0,9 м.

Погребение XII — скопление обломков кальцинированных костей на площади 0,3×0,25×0,25 м, на глубине 0,8 м.

Погребение XIII, глубина 0,65 м. Под скоплением пережженных костей на участке 0,65×0,5×0,2 м лежал железный нож (рис. 9, *26*).

Погребение XIV, глубина 0,77 м. Под скоплением кусочков пережженных костей на площади 0,8×0,4 м найден миниатюрный железный нож (рис. 9, *24*) и глиняный сосуд (рис. 3, *8*).

Погребение XV, глубина 0,8 м; в скоплении фрагментов пережженных костей лежали два железных черешковых наконечника стрел, трехлопастный и квадратный в сечении (рис. 7, *16*, *17*), помещавшиеся ближе к южному краю захоронения, а в 0,15 м к северо-востоку от него стоял сосуд (рис. 3, *5*).

Погребение XVI, глубина 0,7 м. Среди кусочков кальцинированных костей на пространстве 0,5×0,4×0,2—0,3 м находился железный нож (рис. 9, *22*), а с северо-восточной стороны рядом с погребением стояли два глиняных сосуда (рис. 8, *5*, *6*).

Погребение XVII, глубина 0,78 м; скопление мелких кусочков пережженных костей на участке 0,8×0,3×0,3 м.

Погребение XVIII, глубина 0,9 м. Под кусочками кальцинированных костей лежал бронзовый литой браслет с головками лосей на концах (рис. 9, *10*).

Погребение XIX, глубина 0,9 м. Рядом со скоплением пережженных костей на площади 0,6×0,4 м обнаружены железный нож и бронзовое литое зооантропоморфное изображение (рис. 9, *12*, *25*).

Погребение XX, глубина 0,96 м. Под большим скоплением кальцинированных костей найдены железные тесло-мотыжка, нож, черешковый трехлопастной наконечник стрелы, обломок цепочки от ножен харинского типа (рис. 9, *7*, *8*, *15*, *19*), две бронзовые литые пряжки (одна с железным язычком), литые бронзовая пряжка от чумбура (рис. 9, *16*, *18*, *20*) и застежка-костылек (рис. 9, *5*). Тут же встречены украшения — два бронзовых пластинчатых спиралевидных браслета с концами, обмотанными медной проволокой (рис. 9, *21*), 40 бронзовых бочонковидных бус, котловидная подвеска (рис. 9, *3*, *6*), а также бронзовые литые, поврежденные в погребальном огне полое изображение медведя, попирающего стилизованно переданную змею, и две бляхи с изображением голов медведей, лежащих между передними лапами (рис. 9, *11*, *14*, *17*).

Погребение XXI, глубина 0,9 м. В скоплении пережженных фрагментов костей найдены миниатюрный железный нож; бронзовая литая бляха с изображением личины в кольцевидном обрамлении с головой медведя на вершине (рис. 9, *13*, *23*), предназначавшаяся, возможно, для перекрестия ремней. Рядом с погребением стоял глиняный сосуд (рис. 3, *3*).

Погребение XXII, глубина 0,6 м; скопление кусочков кальцинированных костей на пространстве 0,5×0,4×0,25 м.

Погребение XXIII, глубина 0,56 м, скопление фрагментов пережженных костей на пространстве 0,5×0,3×0,25—0,3 м.

Погребение XXIV, глубина 0,58 м; скопление кусочков пережженных костей на участке 0,5×0,4×0,25—0,3 м.

На памятнике вскрыто четыре погребения с трупоположением.

Погребение 1, прямоугольная могильная яма размером 2,6×1,2 м, глубиной 1,15 м, врезалась в материк на 0,2 м, ориентирована по линии СЗ—ЮВ. Погребенный уложен на спине вытянуто, головой на северо-запад. Руки согнуты в локтях, кисти рук — на тазовых костях. У левой стопы стоял глиняный сосуд, перевернутый кверху дном (рис. 3, *6*). Возле правой берцовой кости находилось железное тесло-мотыжка с несомкнутыми закраинами для крепления рукояти (рис. 7, *1*). На правой плечевой кости, остриями к изголовью, лежало семь костяных черешковых наконечников стрел, помещенных, очевидно, в колчан, который не сохранился (рис. 7, *19*, *20*). Железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы (рис. 7, *18*) находился на правой ключице. Около локтя правой руки был как бы воткнут костяной предмет с парными отверстиями на концах (рис. 7, *14*), служивший, очевидно, для подвязывания колчана к поясу. Другой костяной предмет неизвестного назначения, с отверстием и прорезью на конце (рис. 7, *15*), лежал за правым плечом. Возле таза слева лежал наборный пояс, завернутый в бересту, от кото-

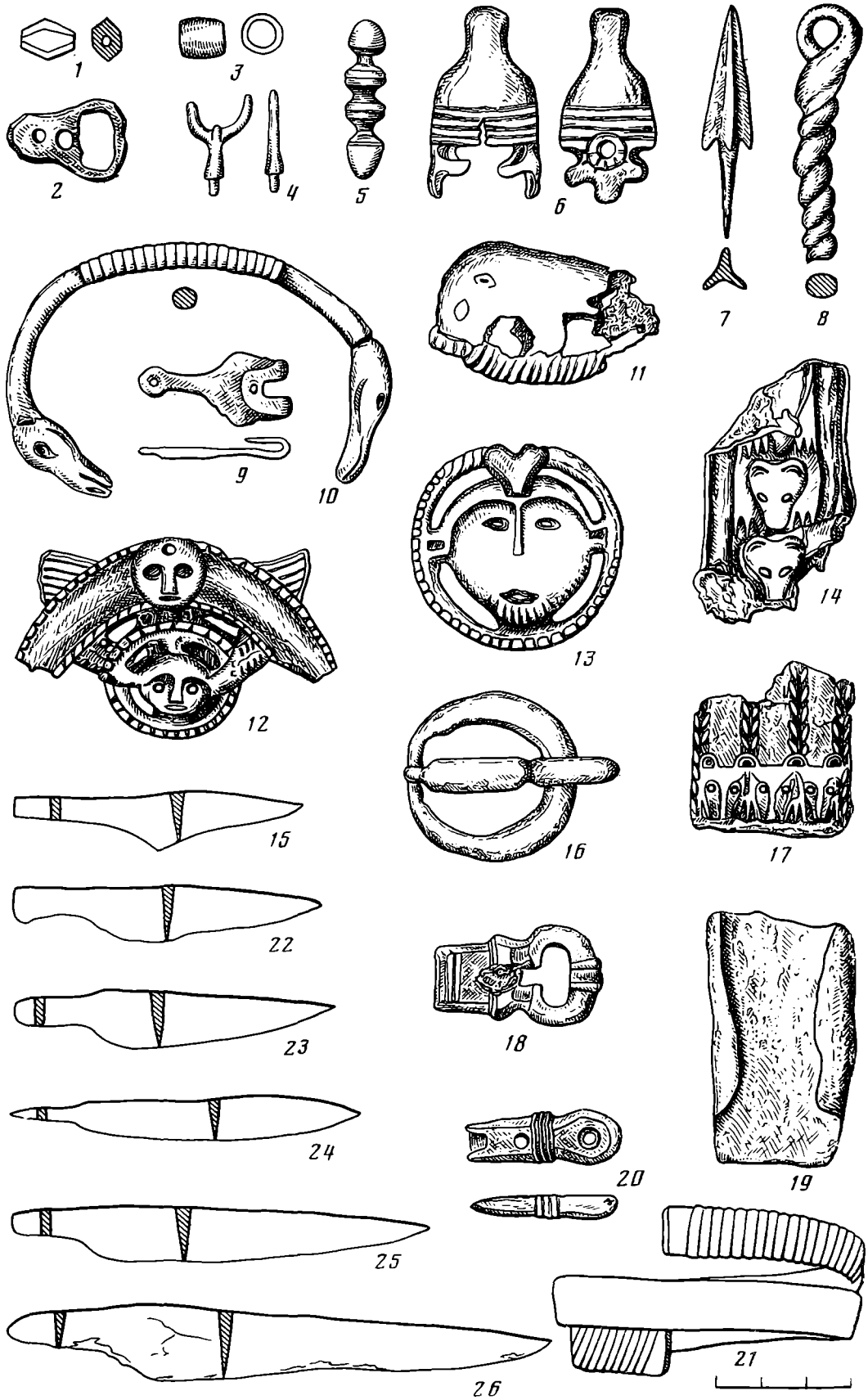


Рис. 9. *1*, *2* — погр. IX; *3*, *5—8*, *11*, *14—21* — погр. XX; *4* — погр. VIII; *9* — погр. X; *10* — погр. XVIII; *12*, *25* — погр. XIX; *13*, *23* — погр. XXI; *22* — погр. XVI; *24* — погр. XIV; *26* — погр. XIII; *1* — хрусталь; *2—6*, *10—14*, *16—18*, *20*, *21* — бронза; *7—9*, *15*, *19*, *22—26* — железо

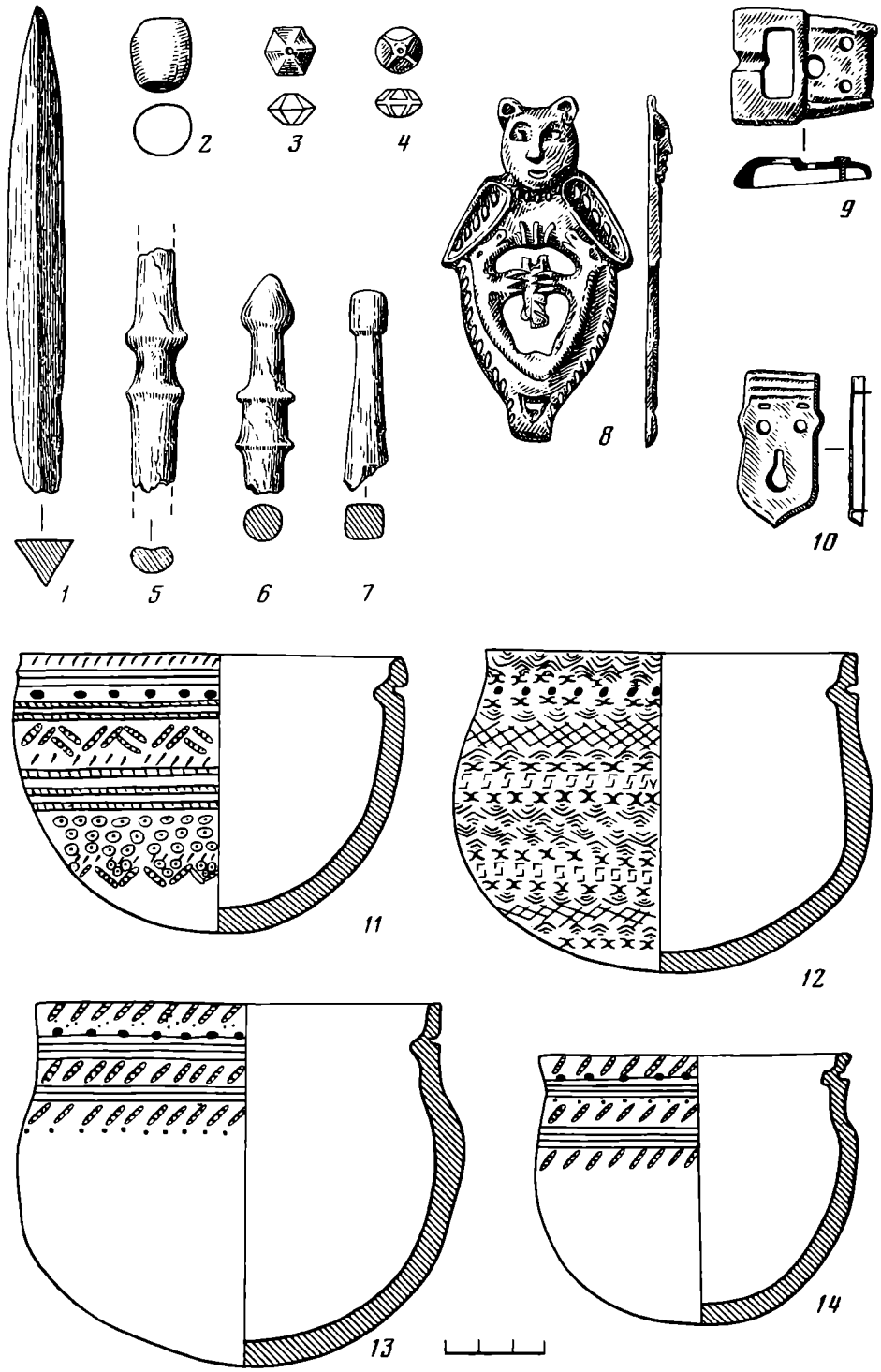


Рис. 10. *1—10* — погр. 2; *11* — погр. 4; *12* — погр. 3; *13*, *14* — жертвенный комплекс 2; *1*, *5—7* — кость; *2*, *8—10* — бронза; *3*, *4* — сердолик; *11—14* — глина

рого сохранились 10 бронзовых литых блях-оправ с фасетированным краем и наконечник (рис. 7, *2*, *3*). Возле головы, справа от темени, находились обломки бронзового дисковидного зеркала, а на шейных позвонках — круглая костяная бляшка (рис. 7, *8*). Возле фаланг пальцев правой руки лежал бронзовый цельнолитой перстень с прямоугольным щитком (рис. 7, *4*), а на тазовых костях — фрагмент бронзового предмета вроде литника (рис. 7, *5*). Между коленями, ближе к правой ноге, помещался каменный предмет (рис. 7, *10*), а чуть в стороне, южнее правой стопы, лежали две каменные ножевидные пластины (рис. 7, *6*). Не исключено, что

каменный предмет и ножевидные пластины попали в погребение случайно, из культурного слоя раннего поселения.

Погребение 2, подпрямоугольная яма размером 1,6×1 м, глубиной 0,9 м, углублялась в материк на 0,2 м, ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ. Костяк человека лежал на спине вытянуто, головой на северо — северо-запад. Руки уложены вдоль туловища. В области верхней части правой половины грудной клетки находились костяные застежка, обломки подобной же застежки и предмета с утолщенным концом, вероятно, также застежки (рис. 10, *5—7*). Здесь же обнаружены бронзовые литые пряжка и наконечник пояса (рис. 10, *9*, *10*), костяной трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис. 10, *1*), бронзовая бочонковидная бусина и две сердоликовые 8-гранные бусины (рис. 10, *2—4*). Справа у нижней челюсти лежало литое бронзовое зооморфное изображение, представляющее собой композицию в виде птицевидной фигуры (филина?), в нижней части которой моделированы две сопоставленных фигурки зверей типа соболя, опирающиеся передними трехпалыми лапами на стержень (рис. 10, *8*).

Погребение 3 находилось на глубине 0,98 м в подпрямоугольной яме, врезавшейся в материк на 0,1 м, ориентированной по линии ССЗ—ЮЮВ. Точные размеры ямы не фиксируются, поскольку в изголовье она нарушена впущенным сюда погребением с кремацией VIII. Более определенные контуры ямы сохранились в ногах, где она имела ширину 0,6—0,66 м.

Покойник был уложен на спину, головой на северо — северо-запад. Ноги перекрещены, правая голень уложена поверх левой. Левая рука слегка согнута, правая — согнута сильнее и предплечьем подвернута под туловище. Возле локтя правой руки стоял глиняный сосуд (рис. 10, *12*). В погребении находилось четыре крупных костяных черешковых наконечника стрел. Один лежал слева от темени поперек ямы, а три — в ногах, остриями вниз, рядом друг с другом, возможно, были положены в колчане.

Погребение 4 располагалось на глубине 0,6 м в культурном слое, сильно разрушено более поздним татарским захоронением XV—XVI вв. Контуры могильной ямы не прослеживались. Сохранился череп, с левой стороны которого стоял глиняный сосуд (рис. 10, *11*).

Кроме этого, вне погребений обнаружено восемь глиняных сосудов, стоявших на глубине 0,2—0,3 м, в 2—3 м от ближайших захоронений с трупосожжениями. Они идентичны керамике из погребений (рис. 7, *11*, *12*) и представляют собой, вероятно, остатки тризны. В культурном слое найдены также железный черешковый нож с вогнутой спинкой (рис. 7, *13*), медные оковка ножен и бубенчик с раздвоенной петлей ушка салтовского типа (рис. 7, *7*).

Помимо этого на некрополе открыты два жертвенных или поминальных комплекса. Комплекс 1 состоял из глиняного сосуда (рис. 3, *7*), в котором и рядом с которым находились зубы и кости челюсти лошади. Он находился в западной части памятника между погр. 1 с трупоположением и группой захоронений с кремациями, на глубине 0,52 м (рис. 1). Комплекс 2 представляли два стоявших рядом глиняных сосуда (рис. 10, *13*, *14*), один из которых (рис. 10, *13*) был поставлен на нижнюю челюсть лошади. Возможно, эти комплексы, как и найденные в слое памятника отдельно стоящие сосуды, являются остатками тризны.

Для погребального ритуала некрополя характерен биритуализм. Захоронения кремаций сочетаются с ингумациями. Сожжение покойников производилось на стороне. Кусочки пережженных костей в погребениях лежат довольно компактной массой на пространстве от 0,3×0,25 м (погр. XII) до 0,65×0,5 м (погр. XIII) и 0,8×0,4 м (погр. XIV), чаще в пределах 0,5×0,4 м, при толщине слоя 0,2—0,3 м. Контуры могильных ям в слое, как правило, не прослеживались. Захоронение останков кремации производилось на глубине 0,25—1 м, чаще — 0,56—0,9 м. Остатки погребального костра в захоронениях обычно отсутствуют. Иногда среди костей попадают мелкие угольки, а в погр. XX находилось немного золы. Погребальный инвентарь укладывали на дне ямы, а затем в нее ссыпали

останки кремации, так что вещи оказываются расположенными среди костей или под ними. Глиняные сосуды стояли рядом с костями или несколько в стороне, преимущественно с северо-восточной стороны, на расстоянии 0,25—0,8 м от скопления костей. Керамика встречена в 11 погребениях с кремациями из общего числа 24. В том числе в двух погребениях находилось по два сосуда, в остальных — по одному. В погр. IV сосуд стоял кверху дном. Часть инвентаря несет следы воздействия огня — костяные наконечники стрел, нож, стремя (рис. 4, *1*, *6*), оплавленные изделия из бронзы (рис. 6, *7*, *10*; 9, *11*, *14*, *17*), что указывает на контакт с раскаленными останками кремации или пребывание в огне погребального костра. Большинство вещей следов воздействия огня не имеют.

Судя по расположению кусочков пережженных костей и глиняных сосудов, можно предполагать, что могильные ямы погребений с сожжениями были подпрямоугольно-овальной формы и ориентировались в основном по линии СВ—ЮЗ, реже СЗ—ЮВ и С—Ю, при этом в южной части ямы ссыпали остатки кремации на уложенный инвентарь, а в северную часть ставили глиняный сосуд.

Обряд трупосожжения известен в Среднем Прииртышье со второй половины I тысячелетия н. э., и наиболее ранние погребения этого типа представлены пока в раскопанном нами могильнике. В предшествующий период, в раннем железном веке, на этой территории было распространено трупоположение, а огонь в ритуале играл небольшую роль [2, с. 70].

Погребения с ингумациями в описанном могильнике расположены на значительном расстоянии друг от друга (рис. 1), не исключено, что над ними были небольшие курганные насыпи, со временем снивелировавшиеся.

Погребенные лежат на спине вытянуто, головой на север — северо-запад, в подпрямоугольно-овальных могильных ямах глубиной 0,6—1,15 м. Руки вытянуты вдоль туловища или несколько согнуты в локтях. Ноги вытянуты, а в погр. 3 скрещены. Все погребения снабжены инвентарем. В трех погребениях находилось по одному глиняному сосуду, стоявшему в разных местах — у черепа, у локтя правой руки и в ногах. В последнем случае (погр. 1) сосуд был перевернут вверх дном. В двух погребениях обнаружены наконечники стрел, лежавшие группами, вероятно, в колчанах. Исходя из положения наконечников стрел остриями к ногам (погр. 3) и к голове (погр. 1), можно предположить, что стрелы были положены в колчаны наконечниками вниз и вверх. Такое положение стрел в колчанах известно для этого времени у различных народов Сибири. Так, стрелы в колчанах наконечниками вверх зафиксированы в тюркских погребениях Алтая [16, рис. 19, 50], а наконечниками вниз — в погребениях тюрок Тувы [17, с. 324]. В Верхнем Приобье, в погребениях одинцовского этапа, стрелы лежали в колчанах наконечниками вниз [18, с. 143] и вверх [19, с. 100, табл. XXXI, XXXIX].

В погребальном инвентаре представлены орудия труда, предметы вооружения и конского снаряжения, детали поясных наборов, украшения, зоо- и антропоморфные бронзовые изображения, керамика. Причем ряд однотипных вещей найден в погребениях обоих типов, что свидетельствует об их хронологической близости.

Орудия труда представлены железными ножами и топорами-теслами. Ножи обнаружены в 10 погребениях с кремациями. По форме они делятся на три типа. К первому относятся небольшие ножи с одним уступом со стороны лезвия, при переходе от клинка к рукояти (рис. 2, *11*; 5, *9*, *15*, *25*). Спинка таких ножей прямая, слегка выгнутая или вогнутая, без уступа переходит в черешок. Такие ножи найдены в четырех погребениях. В шести погребениях встречены ножи второго типа, с двумя уступами при переходе от клинка к рукояти со стороны обуха и лезвия (рис. 4, *1*; 6, *9*; 9, *23*, *24*, *26*). Третий тип представлен ножом с вогнутой спинкой и выгнутым лезвием, наподобие сапожных ножей (рис. 7, *13*), встречен в слое памятника.

Железные тесла-топоры, которые могли служить мотыжками, обнаружены в трех погребениях с сожжением и в одном — с трупоположением

(рис. 2, *4*; 5, *8*; 7, *1*; 9, *19*). Подобные тесла, несколько изменяясь в форме, представлены в памятниках Западной Сибири и Урала с последней трети I тысячелетия до н. э. [20, табл. III, *19*; 21, с. 177, 179] и до позднего средневековья [19, табл. LVI, *10*, LVII, *16*; 22, табл. V, *13*].

К предметам вооружения относятся железные и костяные наконечники стрел, перекрестие палаша или сабли (рис. 6, *11*), панцирная пластина (рис. 6, *8*). Железные наконечники стрел черешковые, трехлопастные, квадратные и плоский в сечении (рис. 2, *1*, *13*, *15*; 7, *17*, *18*). Подобные трехлопастные наконечники стрел имеются в памятниках VI—VII вв. Верхнего и Среднего Приобья, Горного Алтая [19, табл. XLI, *3*; 23, рис. 19, *15*; 21, *17*; 24, *9*; 24, табл. VIII, *1*, *2*, XI, *9*, *12*]. Квадратные в сечении наконечники стрел принадлежат к типу бронебойных (рис. 2, *15*; 5, *9*; 7, *16*), которые в небольшом количестве были распространены в памятниках второй половины I тысячелетия н. э. Ближайшие аналогии дают могильники VI—VII и VIII вв.— Релка и Архиерейская Заимка [23, рис. 6, *8*; 25, *15*; 25, табл. II, *23*]. Плоский наконечник стрелы подлистовидной формы (рис. 2, *13*) обнаружен в одном экземпляре в погр. 1 вместе с трехлопастным и квадратным в сечении наконечниками. Плоские наконечники стрел в Сибири в I тысячелетии н. э. довольно редки. Наиболее ранние экземпляры их находятся в памятниках хунну [26, табл. 1, *2—6*], затем они известны в небольшом числе в комплексах второй половины I тысячелетия [27, табл. 37, *1*; 28, вклейка, рис. 14—16].

Костяные наконечники стрел крупные, черешковые, треугольные и ромбические в сечении (рис. 4, *10*; 7, *9*, *19*, *20*; 10, *1*) могли использоваться в качестве охотничьих и боевых. Они встречены в двух погребениях с трупоположением и в двух с сожжением. В погр. 1 с трупоположением костяные наконечники найдены вместе с железным (рис. 7, *18—20*). Ближайшие аналогии им имеются в могильнике Релка и одинцовских памятниках Верхнего Приобья [23, рис. 17, *7—14*; 19, табл. XXII—XXIV]. Прямоугольная железная панцирная пластина с волнистым краем (рис. 6, *8*) имеет близкие аналогии в могильнике Релка на Средней Оби [23, рис. 24, *17*] и в Согде [29, рис. 53, 54].

В экипировку воинов входили крупные ножи (рис. 4, *1*; 6, *9*). Нож из погр. V (рис. 6, *9*) преднамеренно согнут. Подобная умышленная порча оружия была широко распространена в раннем средневековье [23, с. 27, 29; 30, табл. III, *21*; 31, с. 26]. Подобные ножи представлены в курганах Тувы с захоронениями воинов [32, с. 40], а в Окунево найдены вместе с панцирной пластиной и поясным набором, являвшимися обычно аксессуарами воинов.

Неясно назначение крючка из погр. II (рис. 2, *5*). Возможно, он использовался для подвешивания колчана. Крючки для подвешивания колчанов, имеющие несколько более широкую пластину, известны в погребениях Релки и одинцовского этапа Верхней Оби [23, рис. 10, *7*; 24, *6*; 30, *7*; 19, табл. XXXII, *2*].

В целом количество предметов вооружения из железа невелико. Они встречены в четырех погребениях с трупосожжением и в одном с трупоположением. Такая малочисленность может объясняться ценностью оружия из железа, а также возможным существованием обрядовых запретов. Вероятно, большее число погребенных по ритуалу кремации было снабжено костяными наконечниками стрел, но последние могли сгореть в погребальном костре.

Конское снаряжение представлено железным стременем в погр. III (рис. 4, *6*), относящемся к раннему типу 8-видных стремян, аналогии которым находятся в памятниках VI—VIII вв. [24, табл. XII, *10*; XIX, *22*; XXI, *10*, *11*; 33, рис. 2, *19*, *42*]. Обычай помещения седла с одним стременем известен в средневековье (в том числе у седел раннего типа) и, возможно, связан с социальными дефинициями [34, с. 30; 35, с. 194]. Вместе с стременем найдена крупная литая бронзовая пряжка (рис. 4, *4*), которая могла использоваться как подпружная, тем более что форма ее напоминает костяные подпружные пряжки [24, табл. XX, *37*, XXI, *8*; XXII, *8*].

Детали поясных наборов встречены в семи погребениях с трупосожжением и двух — с трупоположением. Кроме того, в погр. X найдена железная застежка или щиток от пряжки (рис. 9, *9*), у которой не сохранилось кольцо приемника. В четырех погребениях с кремацией и в двух с ингумацией помимо пряжек представлены костяные накладки и наконечники. В двух погребениях с кремацией (I, XX) обнаружено по две пряжки, а в погр. IV — три. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что некоторые члены общества, оставившего могильник, носили по два пояса. Ношение двух поясов засвидетельствовано у ряда народов раннего средневековья. В могильнике Релка встречена бронзовая фигурка воина, подпоясанного двумя поясами [23, рис. 44]. Изображение двух поясов имеется на тюркских изваяниях Семиречья [36, табл. IV, *19*). По мнению А. А. Гавриловой, ношение двух поясов было прерогативой богатых воинов, при этом один пояс служил для подвешивания колчана, второй — меча [24, с. 39], так же как это реконструируется для знати авар Подунавья [37, рис. 47, 60, 80]. М. П. Грязнов находит по два пояса в отдельных погребениях одинцовского этапа Верхнего Приобья, предполагая, что один пояс предназначался для затягивания верхней, а второй — нижней одежды [19, с. 116]. Изображение двух поясов поверх одежд на фигурке из Релки и на тюркских изваяниях Семиречья говорит в пользу того мнения, что по два пояса носили знатные воины.

Пряжки по форме делятся на восемь типов.

I тип представлен литой округлой пряжкой с длинным хоботовидным язычком (рис. 9, *16*). Подобные пряжки распространены на широкой территории. Они имеются в Козловском могильнике у Тюмени и в древностях Прикамья конца IV—VI вв. [38, табл. XI, *3*, *6*, *7*; 39, табл. H, *4*; 40, рис. 1, *45*, *51*].

II тип характеризуется литой пряжкой с овальным кольцом и щитком геральдической формы (рис. 9, *2*). Такие пряжки присутствуют в памятниках конца VI—VII в. [24, табл. XV, *3*; 27, табл. XV, *14*].

III тип представлен бронзовой литой пряжкой с В-образным кольцом приемника и геральдическим щитком (рис. 2, *5*, *7*). Аналогии ей имеются в комплексах второй половины VI—VII в. в Приуралье, Башкирии, Западной Сибири и на Алтае [39, табл. H, *3*; 40, рис. 1, *115*; 24, табл. XVII, *12*; XVIII, *23*].

IV тип — литая пряжка с прямоугольной рамкой приемника с желобком для фиксации язычка и трапециевидным щитком (рис. 10, *9*). Подобные пряжки находятся в материалах Приуралья и Башкирии второй половины VI—VII в. [41, рис. 8].

V тип представлен тремя цельнолитыми бронзовыми пряжками с овальным кольцом приемника, имеющим по два валика для фиксации язычка, и подпрямоугольным щитком с заклепками для крепления ремня (рис. 2, *1*, *2*; 9, *18*). Характерно Т-образное отверстие в приемнике для язычка и продергивания ремня, формой напоминающее прорези на костяных пряжках [24, табл. XX, *37*]. Аналогичные пряжки известны в древностях Башкирии второй половины VI—VII в. [41, рис. 8].

VI тип характеризуют две литые пряжки с овальным приостренным приемником с выемкой для фиксации язычка и рамчатым щитком (рис. 5, *15*, *16*). Вырез в рамке Т-образной формы. Этот тип пряжек является развитием пятого типа, отличаясь приостренной формой приемника и рамчатым щитком, позволяющим более прочно соединить ремень с пряжкой, чем пластинчатый щиток с заклепками. Подобные пряжки в Пенджикенте найдены в слоях первой — третьей четверти VIII в. [29, с. 87, рис. 61].

VII тип представлен железной застежкой или щитком от пряжки (рис. 9, *9*). Пряжки с такими щитками имеются в памятниках VI в. [42, рис. 1, *8*].

VIII тип — вышеупомянутая крупная литая бронзовая пряжка с овальным приемником, Т-образной прорезью для язычка и ремня и рамчатым щитком с трапециевидным отверстием (рис. 4, *4*). Эта пряжка могла быть как поясной, так и подпружной, поскольку найдена вместе со стре-

менем, бляшками и псевдопряжками (рис. 4, *2*, *3*, *5*), использовавшимися для украшения как поясов, так и сбруи [24, табл. XIV, *9*, *10*].

Железные пряжки двух типов обнаружены в двух погребениях с сожжениями. Первый тип — пряжка с трапециевидной рамкой, со слегка вогнутыми боковыми гранями и хоботовидным язычком (рис. 5, *14*), найдена вместе с двумя бронзовыми пряжками VI типа (рис. 5, *15*, *16*).

Второй тип представлен обломком железной пряжки с прямоугольной рамкой (рис. 6, *2*). Подобные пряжки с рамками прямоугольной и трапециевидной формы имеются в могильниках Релка и Кудыргэ, они служили для застегивания одежды и подпруг [23, рис. 19, *6*; 33, *29*; 24, табл. V, *5*; VIII, *5*, *6*; XIV, *2*, *3*].

Ремни украшали бронзовыми псевдопряжками, накладками геральдической формы и наконечниками. Бронзовые псевдопряжки встречены по три в погребениях I и III (рис. 2, *8*; 4, *5*). Они имеют В-образную рамку с ложным язычком, скрепленную шарниром со щитком геральдической формы. На рамках — по два отверстия. Подобные псевдопряжки широко представлены в древностях конца VI—VII в. степей Евразии, в Приуралье, Башкирии, Среднем Приобье и Прииртышье [24, табл. XIV, *9*, *10*; XIX, *4*; 43, табл. 1; 44, рис. 6, *10*; 45, табл. XVI; 41, рис. 7; 23, рис. 6, *15*; 24, *24*; 33, *25*; 46, табл. IX, *13*].

Бронзовые накладки геральдической формы двух типов найдены в погр. III (рис. 4, *2*, *3*). Аналогии им известны в могильнике Релка, среди находок с Чувашского мыса [23, рис. 24, *25*; 33, *11*; 46, табл. 12, *16*], а также в памятниках широкой территории евразийских степей и в Приуралье конца VI—VII в. [39, табл. II, *6*, *7*; 40, рис. 1, *94*; 43, табл. I].

Бронзовые наконечники ремней трех типов. К первому относятся оплавленные фрагменты двух длинных наконечников с треугольным окончанием (рис. 2, *3*; 6, *7*). Ко второму — наконечник геральдической формы (рис. 10, *10*). Подобные наконечники представлены в памятниках конца VI—VII в. на Алтае, в Приобье, Казахстане, Приуралье [23, рис. 6, *26*; 7, *7*, *8*; 24, табл. XV, *4*; XXI, *3*; 39, табл. H, *10*; 43, табл. I]. Третий тип — наконечник с фасетированным краем (рис. 7, *2*), подобный согдийским первой четверти VIII в. [29, рис. 64, *10*].

Своеобразна литая бронзовая безъязычковая пряжечка с двумя отверстиями из погр. XX (рис. 9, *20*), наиболее близкие аналогии которой дают блоки от чумбура из могильника Кудыргэ [24, табл. VIII, *7*, XXIII, *3*]. Отсутствие предметов конского снаряжения в данном погребении вызывают сомнение в таком назначении данного предмета. К тому же отверстия малы для продергивания чумбура. Это позволяет предполагать, что рассматриваемая вещь могла служить наконечником ремня.

В погребении V кроме пряжки, обоймочки и фрагмента наконечника пояса (рис. 6, *2*, *6*, *7*) найдены два железных кольца (рис. 6, *3*, *4*), служившие, вероятно, для соединения перекрестий ремней. Одно из них снабжено бронзовой обоймочкой с заклепкой для крепления к ремню. Подобные кольца с обоймами встречаются в комплексах VIII в. [47, рис. 2, *7*].

В погребение 1 с трупоположением в свернутом состоянии был положен кожаный пояс, декорированный 10 бронзовыми бляшками с фасетированным краем (рис. 7, *3*), найденными на тазовых костях скелета. Аналогии поясам с такими бляшками имеются в памятниках Саяно-Алтая, в Прикамье, Башкирии, Лядинском могильнике Тамбовской области и др. [48, рис. 19; 49, табл. VI, *21*]. В. Ф. Генинг относит комплексы с такими бляшками к VII — первой половине VIII в. [39, табл. 0, *68*; C, *46*], Р. Д. Голдина — к концу VII—VIII в. [40, рис. 1, *136*]. В Томском Приобье, в кургане 3 у дер. Могильники, такие бляшки найдены с монетами 713—750 гг. [50, с. 101, табл. 12, *13—15*]. В Пенджикенте подобные мелкие бляшки с фасетированным краем происходят из слоя первой четверти VIII в. [51, рис. 3, *8*, *10*]. В описываемом случае комплекс с поясом можно датировать около первой половины — середины VIII в.

С деталями поясного набора, возможно, связаны найденные в погр. IV, V две бронзовые обоймочки (рис. 5, *12*; 6, *6*) шириной 1,8 и 2,8 см.

Украшения представлены браслетами, перстнем, двумя серьгами, бусами, котловидной подвеской. В трех погребениях с сожжением найдено четыре браслета трех типов. К первому относятся два бронзовых пластинчатых браслета из погр. XX (рис. 9, *21*). Концы одного из этих браслетов обмотаны несколькими рядами бронзовой проволоки. Близкой формы браслеты были распространены в эпоху раннего средневековья [45, табл. XIII, *11*, *13*]. В погр. IV представлен браслет второго типа — бронзовый круглопроволочный с несомкнутыми концами (рис. 5, *13*). Такого типа браслеты в VI—IX вв. бытовали на широкой территории и не могут служить определяющим хронологическим или локальным признаком [52, с. 130, рис. 2, *10*]. Третий тип характеризуется бронзовым литым браслетом с лосиными головками на концах из погр. XVIII (рис. 9, *10*). По оформлению этот браслет принадлежит к типу «браслетов с звериными головками», которые были широко распространены в VI—VII вв. [40, рис. 1, *22*, *198*; 52, с. 130; 23, рис. 27, *9*].

В погр. 1 с трупоположением находился бронзовый перстень с гладким прямоугольным щитком со скошенными гранями (рис. 7, *4*). Полной аналогии этому перстню мы не знаем. Типологически он предвосхищает щитковые перстни со вставками салтовского типа [53, рис. 36] и наиболее близок к перстням с цельнолитыми щитками из памятников Приуралья VII—VIII вв. [40, рис. 1, *164*, *209*; 54, табл. 35, *11*], а также перстню из Красного Яра (курган 7) в Новосибирском Приобье [55, рис. 4, 6].

Серьги представлены 2 экз., сохранившимися фрагментарно (рис. 5, *17*; 9, *4*). Обе серьги бронзовые литые. Тип серьги из погр. IV (рис. 5, *17*) из-за ее фрагментарности четко не определяется. Вторая серьга из погр. VIII (рис. 9, *4*) близка к серьгам салтовского типа и имеет вид несомкнутого кольца, от которого отходит вниз профилированный стерженек для напускного шарика. Подобные серьги найдены в кургане V Катанды II, комплекс которого датирован А. А. Гавриловой VII—VIII вв. [24, с. 65, рис. 7, *4*]. В рассматриваемом комплексе наиболее вероятной представляется дата в пределах конца VII — первой половины VIII в., если учесть архаичный облик сосуда (рис. 8, *3*).

Наиболее многочисленной категорией среди украшений являются бронзовые бочонковидные литые бусы, встреченные в четырех погребениях с трупосожжением и в одном — с трупоположением (рис. 2, *10*; 5, *4*, *5*; 6, *1*; 10, *2*). При этом в погр. XX находилось ожерелье из 40 бусин. Такие бусы в Западной Сибири употреблялись длительное время. На поселении раннего железного века Кижирово в Томском Приобье найдена литейная форма для отливки подобных бус [56, рис. 1, *3*, *4*]. В Среднем Приобье они широко представлены в памятниках VI—VIII вв. [23, рис. 3, *23*; 5, *4*; 8, *10*; 10, *14*; 11, *7*; 13, *2*; 55, рис. 4, *10*; 57, рис. 1, *г*] и использовались до VIII в. [25, табл. II, *11*, *12*].

Другие категории бус представлены единичными экземплярами. В погр. IX найдена цилиндрическая хрустальная бусина (рис. 9, *1*). Подобные бусы известны в раннесредневековых памятниках различных территорий в широком хронологическом диапазоне [52, с. 142—143, рис. 5, *30*]. Две сердоликовых бипирамидальных шести- и четырехгранных бусины имеют аналогии среди бус VI—VIII вв. из Индии, Средней Азии и Кавказа [52, с. 139, рис. 5, 9]. Бронзовые бусы, очевидно, являлись изделиями местного производства, а хрустальная и сердоликовые — предметами южного импорта.

Небольшая пронизка из свернутого медного листа (рис. 5, *6*) и две пронизки из спирально скрученной медной проволоки, плоской внутри и округлой снаружи (рис. 5, *2*, *3*), обнаруженные в погр. IV, имеют аналогии в материалах могильника Релка VI—VII вв. [23, рис. 13, *1*; 15, *4*].

К деталям одежды относятся застежки. Бронзовая литая застежка с утолщенными концами и валиками для фиксации петель встречена в погр. XX (рис. 9, *5*). Фрагменты трех костяных застежек подобного вида найдены в погр. 2 с трупоположением (рис. 10, *5—7*). Аналогичного типа костяные застежки обнаружены в погребениях одинцовского этапа на Верхней Оби [19, табл. XLI, *12*], а бронзовая — в могильнике Кудыргэ [24, табл. XIX, *7*].

К предметам быта относятся остатки ножен с медной обшивкой и железным кантом, найденные в погр. IV (рис. 5, *7*). Подобные ножны хорошо известны в памятниках V—VI вв. Верхнего Прикамья [40, рис. 1, *52*], а также — в погребениях одинцовского этапа Верхней Оби [19, табл. XLI, *10*], где найдены и цепочки от ножен, подобные встреченной в погр. XX (рис. 9, *8*).

Аналогии костяным предметам неизвестного назначения (рис. 7, *14*, *15*) имеются в могильниках Релка и Кудыргэ [23, рис. 10, *11*; 24, табл. III, *4*].

В шести погребениях с кремацией и в одном с ингумацией найдено девять бронзовых литых предметов, выполненных в зверином стиле. Основные сюжеты изображения — медведь, хищная птица, орел, филин, коршун, лось. Все они местного изготовления, о чем свидетельствует стиль изображения, нуждающийся в подробном анализе. Здесь ограничимся только отдельными аналогиями. Стилистически сюжетные аналогии изображениям головок лося на браслете известны в Прикамье [58, табл. VI, *23*]. Полные аналогии фигурке коршуна (рис. 2, *6*) нам неизвестны, но орнаментация крыльев и хвоста птицевидных фигур мелкими жемчужинами, как и тщательная обработка лицевой поверхности, были распространены в западносибирском искусстве VI—VII вв. [23, рис. 34, *21*; 35, *5*; 59, рис. 2, *5*, *6*]. Два предмета представлены птицевидными изображениями с личиной и зооморфными фигурами на груди (рис. 6, *10*; 10, *8*). Первые изображения птиц с личиной на груди появляются в раннем железном веке, их стилистическая эволюция прослежена А. В. Шмидтом [60]. Стилистически близкие рассматриваемому изображения птиц с личиной на груди происходят из Среднего Обь-Иртышья [23, рис. 34, *21*; 35, *5*, *10*; 59, рис. 2, *5*; 61, с. 76; 62, рис. 360; 63, рис. 24], хотя полные аналогии неизвестны. Оригинальна также фигурка филина с сопоставленными фигурами зверей по бокам (рис. 10, *8*).

Два изображения, доминирующий мотив которых личина в круге (рис. 9, *12*, *13*), представляют собой, вероятно, переработку образа птицы с личиной на груди и в какой-то мере ассоциировались, возможно, с солярной символикой. Изображение совы с распростертыми крыльями и личиной под ней (рис. 9, *12*) перекликается с изображениями сов с личинами на груди из могильника Релка [23, табл. 35, *5*, *10*]. Изображение личины в круге, увенчанное головой медведя (рис. 9, *13*), стилистически и территориально близко изображению из могильника Ильчебага на Среднем Иртыше [64, с. 89]. В сходной манере исполнена бляха из дер. Опутятат в Верхнем Прикамье, датированная А. А. Спицыным VIII в. [65, рис. 203].

Выполненное в технике полого литья изображение медведя с опущенной мордой, стоящего на пластине с поперечными насечками (рис. 9, *11*), возможно, передает сцену борьбы медведя со змеей, переданной стилизованно рубчатой полосой. Подобный сюжет борьбы медведя со змеей известен среди поделок звериного стиля лесного Приобья [23, рис. 35, *4*], а наиболее близкую аналогию дает изображение из дер. Савиной под Тобольском [46, табл. XI, *4*]. Бляха с изображением трех медвежьих голов, лежащих между лапами и следующих друг за другом (рис. 9, *14*), имеет многочисленные аналогии от Приуралья до Томского Приобья [66, рис. 30; 23, рис. 35, *1*; 62, с. 94—95, рис. 362]. Бляха с изображением медвежьих голов, лежащих рядом (рис. 9, *17*), почти идентична бляхе из могильника Красный Яр и случайной находке из Новосибирского Приобья [57, рис. 2, *б*, *г*].

Судя по наличию отверстий и петель на обороте, изделия, выполненные

в зверином стиле, служили подвесками и накладками, но они, очевидно, имели и какое-то культовое значение, были амулетами, оберегами. По манере изображения они принадлежат к предметам лесного западносибирского звериного стиля второй половины I тысячелетия н. э., отличавшегося в деталях от пермского звериного стиля и наиболее выразительно представленного сейчас в материалах могильников Среднего Приобья — Релке, Тимирязевском, Архиерейской Заимке [23; 25, табл. I].

Глиняные сосуды встречены в погребениях с кремациями и ингумациями, а также в жертвенных и поминальных комплексах. Всего на памятнике обнаружено 29 сосудов. По облику керамика довольно однородна. Сосуды изготовлены ленточным налепом из глины с примесью шамота. Поверхность гладко заглажена или несет легкие штрихи от заглаживания зубчатым штампом или пучком травы, оставшиеся после заглаживания их мягким предметом. Формовка тщательная. Толщина стенок около 5—7 мм.

По форме сосуды делятся на два типа — горшки и чаши.

К первому типу относятся сосуды горшковидной формы с прямой высокой шейкой, профилированными плечиками и полусферическим туловом (рис. 3, *1—7*; 7, *11*; 8, *5*). Венчики плоские или округлые. Орнамент обычно покрывает верхнюю треть сосудов, горловину и плечики и только в отдельных случаях опускается на тулово. Характерны горизонтальные зоны оттисков штампа, разделенные рядами каннелюр, образованных оттисками горизонтально протащенной гребенки. Как правило, орнамент состоит из ряда ямок вдоль венчика, рядов оттисков наклонно и реже вертикально поставленного зубчатого штампа, отпечатков фигурных штампов типа «змейки». Сосуды этого типа имеют ближайшее сходство с керамикой потчевашской культуры [1, табл. IX; 4, табл. I].

Сосуды второго типа представлены круглодонными слабопрофилированными чашами с невысокой шейкой, плавно переходящей в тулово. Венчики прямые, округло-приостренные или скошены вовнутрь. Орнамент покрывает верхнюю часть или почти весь сосуд горизонтальными зонами аккуратно оттиснутых разнообразных штампов — полулунного, уголкового, рамчатого, ромбического, уточки, усложненной уточки, трехчленного (рис. 3, *6*; 8, *1—4*; 10, *12*). Как правило, отдельная зона образована оттисками одного штампа. Наличие на ряде сосудов только фигурных штампов опровергает распространенное мнение о том, что фигурные штампы в орнаментации западносибирской керамики использовались исключительно в сочетании с зубчатым штампом и никогда не применялись как самостоятельный элемент [9, с. 231]. Присутствие в орнаментации посуды трехчленного штампа (рис. 8, *1*, *3*) позволяет доводить время применения его для украшения посуды до VII—VIII вв., тогда как ранее считали, что после III в. он не употреблялся [38, с. 155]. По богатству орнаментации керамика второго типа наиболее близка керамике IV—VI вв. таежного Притоболья и Нижнего Прииртышья [1, табл. III, *18*; 38, табл. II, *4*; VI, *4*].

Датировка описываемого могильника устанавливается приведенными выше аналогиями. Наиболее ранними представляются погребения I—III, XX с кремацией и погр. 2 с ингумацией. Представленные в них бронзовые пряжки и псевдопряжки (рис. 2, *1—3*, *7—9*; 4, *2—5*; 9, *2*, *16*; 10, *9*) имеют приведенные выше аналогии в памятниках конца VI—VII в. К этому же периоду относится стремя из погр. III (рис. 4, *6*).

Наиболее поздними являются погребения с трупоположением 1 и с трупосожжением IV, VIII, поясная гарнитура и серьги из которых, как сказано, имеют параллели в комплексах конца VII—VIII в.

Подводя итог, можно сказать, что ранние погребения могильника с кремацией I—III, XX и погр. 2 с ингумацией относятся к самому концу VI—VII в., а наиболее поздние погребения с сожжением IV, VIII и с трупоположением 1, вероятно, следует датировать первой половиной или серединой VIII в. Остальные погребения относятся к VII — первой половине VIII в. В целом период использования кладбища определяется с конца VI до середины VIII в.

Принадлежность некрополя к потчевашской культуре устанавливается прежде всего по аналогиям в керамике. Такая посуда характеризует памятники потчевашской культуры — городища Потчеваш, Логиновское, Петровское и др. [1, табл. IX; 67, табл. 55—59; 68, с. 98], а также Лихачевский могильник на Ишиме, грунтовые погребения которого, как и в Окунево, ориентированы головой преимущественно на северо-запад и имеют сходный погребальный инвентарь, датированный VII в. на основании аналогий и находки монеты 589 г. [3, с. 138, 139; 40, с. 90].

Небольшой, но выразительный комплекс описанного могильника дает возможность отнести его к памятникам потчевашской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мошинская В. И.* Городище и курганы Потчеваш.— МИА, 1953, № 35.
2. *Могильников В. А.* К вопросу о саргатской культуре.— ПАДИУ.
3. *Зданович С. Я.* Лихачевский могильник на р. Ишим.— В кн.: V Уральское археологическое совещание (тезисы докладов и сообщений). Сыктывкар, 1967.
4. *Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Федорова Н. В.* Памятники железного века в Омском Прииртышье.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970.
5. *Федорова Н. В.* О культурной принадлежности обь-иртышских памятников I тыс. н. э.— В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978.
6. *Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье.— МИА, 1953, № 35.
7. *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III—VII вв. н. э.— ПАДИУ.
8. *Васильев В. И., Могильников В. А.* Основные проблемы этнической ретроспекции исторического прошлого Западной Сибири эпохи железа.— В кн.: Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970.
9. *Чагаева А. С.* О хронологии памятников Чувашского мыса.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970.
10. *Могильников В. А.* Работы в Омском Прииртышье.— АО — 1969. М., 1970.
11. *Чагаева А. С.* Могильники в окрестностях деревни Айткулово Омской области.— ИИС, 1973, вып. 5.
12. *Захарова И. В., Могильников В. А., Петров А. И.* Работы Иртышского отряда.— АО — 1972. М., 1973.
13. *Коников Б. А.* Исследования в лесостепном и таежном Прииртышье.— АО — 1976. М., 1977.
14. *Коников Б. А.* Исследование средневековых могильников в Омской области.— АО — 1977. М., 1978.
15. *Коников Б. А.* Новые материалы I тыс. н. э. из лесостепного и таежного Прииртышья (Омская область).— В кн.: Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1978.
16. *Евтюхова Л. А., Киселев С. В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г.— Тр. ГИМ, 1941, вып. XVI.
17. *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.— ТТКАЭЭ, 1966, т. 2.
18. *Уманский А. П.* Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше.— В кн.: Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск, 1974.
19. *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48.
20. *Садыкова М. Х.* Сарматский курганный могильник у д. Старые Киишки.— АЭБ, 1962, т. 1.
21. *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970.
22. *Плетнева Л. М.* Тоянов городок.— ИИС, 1976, вып. 19.
23. *Чиндина Л. А.* Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977.
24. *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.— Л.: Наука, 1965.
25. ЗРАО, новая серия, 1899, т. XI, вып. 1—2.
26. *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Погребальные памятники. Улан-Удэ: Буряткнигоиздат, 1976.
27. *Деревянко Е. И.* Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1976.
28. *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.).— В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968.
29. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980.
30. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.

31. *Мерперт Н. Я.* О генезисе салтовской культуры.— КСИИМК, 1951, вып. XXXVI.
32. *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве.— ТТКАЭЭ, 1960, т. 1.
33. *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель.— СА, 1973, № 4.
34. *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М.: Наука, 1964.
35. *Длужневская Г. В.* Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда).— ИИС, 1976, вып. 21.
36. *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М.— Л.: Наука, 1966.
37. *Laszlo G.* Études archéologiques sur l'Histoire de la Société des Avars.— AH, 1955, B. 34.
38. *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры.— МИА, 1957, № 58.
39. *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э.— КСИА, 1979, вып. 158.
40. *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье.— КСИА, 1979, вып. 158.
41. *Ковалевская В. Б.* Башкирия и евразийские степи VI—IX вв.— ПАДИУ.
42. *Савельева З. А.* Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника.— КСИА, 1979, вып. 158.
43. *Нурмуханбетов Б.* Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.
44. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1972, № 2.
45. *Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб., 1901.
46. *Heikel A.* Antiquités de la Sibirie Occidentale. Helsingfors, 1894.
47. *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо.— КСИА, 1979, вып. 158.
48. *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге.— ТТКАЭЭ, 1966, т. 2.
49. *Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники.— МАР, 1893, т. 10.
50. *Плетнева Л. М.* Курганный могильник у д. Могильники.— ИИС, 1973, вып. 5.
51. *Распопова В. И.* Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента.— КСИА, 1979, вып. 158.
52. *Деопик В. Б.* Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв.— МИА, 1963, № 114.
53. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
54. *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме.— ВАУ, 1969, № 9.
55. *Троицкая Т. Н.* Пояса из погребений Новосибирского Приобья II—IV вв. н. э.— КСИА, 1973, вып. 136.
56. *Плетнева Л. М.* Томское Приобье в конце VIII—III вв. до н. э. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977.
57. *Троицкая Т. Н.* К вопросу о культе медведя в Приобье.— Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, 1963, № 9, вып. 3.
58. Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Л.: Академия истории материальной культуры, 1933.
59. *Могильников В. А.* Васюганский клад.— СА, 1964, № 2.
60. *Шмидт А. В.* К вопросу о происхождении пермского звериного стиля.— СМАЭ, 1927, вып. VI.
61. ОАК за 1887 г. Спб., 1888.
62. ОАК за 1896 г. Спб., 1898.
63. *Анучин Д. Н.* К истории искусства и верований у приуральской чуди.— МАВГР, 1899, т. III.
64. ОАК за 1911 г. Спб., 1914.
65. *Спицын А. А.* Шаманские изображения.— ЗОРСА, т. VII. Спб., 1906, вып. 1.
66. *Оборин В. А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермь: Книжн. изд-во, 1976.
67. *Генинг В. Ф., Евдокимов В. В.* Логиновское городище.— ВАУ, 1969, № 8.
68. *Могильников В. А.* Археологическая разведка на севере Омской области.— КСИА, 1973, вып. 136.

V. A. Mogilnikov, B. A. Konikov

A BURIAL GROUND OF THE POTCHEVASH CULTURE IN THE MIDDLE REACHES OF THE IRTYSH

Summary

The authors publish materials from the Okunevo burial ground in the lower reaches of the Tara River (Muromtsevo District, Omsk Region) on the right bank of the Irtysh. They describe burial complexes, burial rites, analyse grave goods. The burial is in the ground, it is characterised by bi-ritualism — its displays both cremation and inhumation; among the grave goods pottery, knives, iron and bone arrowheads, a sword handle, clothes and religious zoomorphic images are found. The burial ground is dated to the late 6th century, or, rather, to the period between the first half of the 7th and mid-8th centuries and is related to the Potchevash culture of the middle reaches of the Irtysh.

ДАРКЕВИЧ В. П., СТАРОДУБ Т. Х.

ИРАНСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК СТАРОЙ РЯЗАНИ

В числе привозных изделий, обнаруженных при археологических исследованиях на городище Старая Рязань[1], выделяется группа иранской и среднеазиатской художественной керамики. Большинство фрагментов импортной посуды происходит с территории приокской части Южного городища (раскопы 7, 13, 14, 17, 20). Во второй половине XII — первой трети XIII в. прибрежный район города был интенсивно застроен усадьбами ремесленников и городских бояр (боярские дворы открыты на раскопах 7 и 14). Как правило, находки иранской керамики сделаны в наземных и земляночных жилищах и прилегающем культурном слое, в заполнении погребов и хозяйственных ям. Все эти постройки сгорели дотла при монгольском завоевании Рязани в декабре 1237 г. Следовательно, основная часть восточной посуды привязана к стратиграфически точно датированным комплексам. Единичные обломки относятся к послемонгольскому периоду и входят в хорезмийско-золотоордынский круг керамических изделий XIII—XIV вв.

Среди обломков привозной керамики, открытых на городище Старая Рязань начиная с 1967 г., около 30 черепков бесспорно представляют расписную художественную керамику средневекового Ирана. Это фрагменты чаш, тарелок, кувшинов или бутылей, выполненных из высококачественной белой фарфоровидной кварцево-фриттовой массы, которая в Средней Азии получила название «кашин»[2]. Иранские изделия XI—XIV вв. из этой массы широко известны. Большая часть старорязанских фрагментов (22 черепка) — обломки сосудов с росписью люстром, два фрагмента расписаны цветными эмалями — «минаи», остальные представляют несколько вариантов глазурного и подглазурного декора.

Черепки с люстром можно разделить на образцы с люстровой росписью по кремовой или молочно-белой глазури (группа А), по ультрамариновой кобальтовой глазури (группа Б, три черепка) и с полихромной росписью люстром и синим кобальтом по кремовой глазури (группа В, один черепок).

Все люстровые фрагменты при первом взгляде производят впечатление обломков рейской посуды XII — начала XIII в. Однако сравнительный стилистический анализ, сопоставление старорязанских находок с известными опубликованными образцами и с материалами археологических экспедиций в Азербайджане и Средней Азии, позволяет уточнить датировки этих памятников и развить проблему их атрибуции.

Группа А. Наиболее ранним по дате нам представляется фрагмент небольшого кувшина (рис. 1А, *1*)[3], выполненного из массы, которая ха-

---

[1] Старорязанская экспедиция Института археологии АН СССР и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника проводила планомерные раскопки на городище в 1966—1979 гг.

[2] Место и время появления в Иране этого материала неизвестно. Археологические находки и музейные коллекции констатируют широкое применение этой массы в Иране в XI—XII вв. А. Поуп датировал самые ранние иранские изделия из нее X—XI вв. [1, т. 2, с. 1515, 1516]; Д. Т. Райс — IX—XI вв., причем проводил связь с раннеисламскими изделиями Самарры [2, с. 68]. Общепринятой стала точка зрения А. Лэйна о приоритете Персии в открытии новой технологии, «которая распространяется повсюду и полностью изменяет характер художественной исламской керамики начиная с сельджукидского времени» [3, с. 32]. Г. Фехервари усматривает аналог этого материала в керамике Древнего Египта и эгейского Крита [4, с. 70].

[3] С-Р 76/р. 17, № 25 (Старая Рязань, 1976, раскоп 17, № 25) фрагмент стенки небольшого кувшина или кружки, 14×19 мм, толщина черепка 3 мм. Масса очень твер-

рактерна для самых ранних кварцево-фриттовых иранских изделий (так называемых «белых») с резным или ажурно-прорезным орнаментом. Исследователи датируют их по-разному, в диапазоне от X до XII в. [3, с. 34]. Обычно «белые» изделия покрыты прозрачной щелочной глазурью, подверженной разрушению. Действительно, почти все многочисленные обломки этой керамики в материалах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции[4] утратили глазурную пленку, обнажив превосходный тонкий фарфоровидный черепок. Как показывают подписные или хорошо датирующиеся образцы коллекций московского Музея искусства народов Востока (ГМИНВ), Киевского музея западного и восточного искусства (КМЗВИ), Эрмитажа и др., классические иранские фаянсы конца XII — начала XIII в. обладают легко поддающейся соскобу песчанистой мелкозернистой массой розоватого или желтоватого телесного цвета, покрытой глухой эмалевидной кремовой (или молочно-белой), бирюзовой или ультрамариновой глазурью. При сравнении разновременных образцов легко обнаруживается тенденция к «сахаристости», «рассыпчатости», большей пористости массы и одновременно к большей плотности, эмалевидности и непрозрачности глазури. Для ранних изделий (XI — начало XII в.) характерно стекловидное плотносплавленное кварцево-фриттовое тесто. В течение XII в. появляются новые виды теста со все более увеличивающимся содержанием глинистого материала. На протяжении XIII в. названные качества массы и глазури заметно усиливаются. К XIV в. масса грубеет, теряет белизну, становится крупнопористой, но вполне однородной по консистенции, крупнозернистой. Примером могут служить изразцы с росписью люстром и «ладжвардина» (полихромовая роспись по непрозрачной ультрамариновой глазури) второй половины или конца XIV в. в коллекции Эрмитажа[5]; их «рассыпчатая» масса имеет оранжевый оттенок, в то время как глазурь создает сверкающее, непроницаемое, гладкое и равномерно окрашенное покрытие.

Таким образом, старорязанский фрагмент по качеству массы и глазури датируется не позднее первой половины XII в.[6] Что же касается декора, то он не противоречит этой дате, так как представляет собой деталь крупной растительной арабески «ислими» того типа, который был распространен на изделиях Рея (или приписываемых Рею) около середины XII в.

Более крупный фрагмент такой же арабески можно видеть на обломке люстрового кувшина[7], по технологическим признакам он не выходит за рамки первой половины — середины XII в. (рис. 1А, *2*). Крупный позитивный растительный узор с большой экспозицией белого фона, сочными коричнево-желтыми каплями и ланцетовидными листьями на мягкоокруглых спиралях характерен для иранской люстровой керамики примерно середины XII в. К началу XIII в. рисунки становятся все более мелкими, дробными, с более сложной, детальной проработкой композиции;

дая, стекловидная, светло-серая. Глазурь снаружи полупрозрачная, молочно-серовата, внутри прозрачная, бесцветная, кракелированная. Роспись коричнево-желтым люстром — часть растительной арабески рейского типа.

[4] Южнотуркменистанский маршрут 1955 г., Институт этнографии АН СССР; находки экспедиции были любезно показаны Н. Н. Вактурской.

[5] Панно изразцов с росписью люстром [5, с. 128].

[6] Г. Фехервари связывает начало производства люстров в Иране с падением династии Фатимидов в Египте в 1171 г., туманно ссылаясь на «исторические и археологические доказательства» и приводя традиционный аргумент противников теории иранского происхождения люстра: самый ранний датированный люстровый сосуд из Ирана — кувшин 1179/1180 г. в Британском музее [4, с. 85]. Мы за основу принимаем систему периодизации А. Поупа [1, т. 2, с. 1545—1590], которая ныне успешно подтверждается археологическими открытиями на территории СССР. Так, образцы иранской люстровой керамики рейского типа были открыты на юге Таджикской ССР в Хульбуке, в комплексе XI—XII вв. (с материалами находок любезно познакомила Э. Г. Гулямова), а также в слоях XI—XII вв. в Новгороде [6, с. 270].

[7] С-Р 72/р. 13в, № 77; фрагмент кувшина, 30,5×36 мм, толщина черепка 5—7 мм. Масса твердая, фарфоровидная, серо-белая. Глазурь снаружи непрозрачная, молочно-белая, положена тонким слоем, крупно кракелирована, внутри щелочная, сине-кобальтовая, с мелкой сеткой кракле. Роспись оливковым и оливково-коричневым люстром, позитивная, крупная (деталь арабески «ислими» рейского типа).

узоры, приобретая виртуозность, отчасти теряют в сочности, становятся суше [1, т. 5, табл. 638, 639, 641В].

Другой фрагмент подобного по технологии и размерам кувшина из находок того же года (1972) сохранил часть фигуры какого-то животного, написанного резервом в оливковом люстровом фоне (рис. 1А, *3*) [8]. Подобный прием изображения с внутренней разработкой белого пятна позитивным узором из редких пятен или точек часто встречается на рейских люстровых сосудах XII в. [1, т. 5, табл. 635—637], декор которых еще напоминает о композиционных принципах сасанидского изобразительного искусства. Аналогичный заполнительный узор из люстровых колечек виден на восьмилопастной чаше из Орен-Калы [9], которую следовало бы датировать первой половиной XII в., поскольку ее роспись полностью отвечает «монументальному рейскому стилю», по классификации А. Поупа [1, т. 2, с. 1550]. Однако качество мелкозернистой плотной белой массы с легким кремовым оттенком и чистота молочно-белой глазури не исключают и более позднюю дату — вторую половину XII в. Старорязанский фрагмент по совокупности технологических и стилевых признаков следует датировать первой половиной или серединой XII в. и отнести к рейской школе.

Сложнее определить стилистическую принадлежность двух других образцов рязанской коллекции, которые по качеству массы и глазури, по крупному позитивному рисунку с большой экспозицией фона могут датироваться около середины — второй половины XII в. Один из них — фрагмент большой тонкостенной чаши со слегка изогнутым корпусом (рис. 1А, *4*, *а*, *б*) [10], второй — обломок кувшина (рис. 1А, *5*) [11]. Декор внутренней поверхности на обломке чаши легко реставрируется в пальметту, построенную по принципу охвата ягоды-капли листьями-«скобками». Точных аналогий найти не удалось. Но в разных вариантах подобный мотив встречается как в росписях люстром, так и на изделиях минаи, например на известной чаше со всадником и кубке из коллекции Эрмитажа [8, илл. 39, 40], на ряде чаш в собрании ГМИНВ [9, илл. 15—18]. Среди люстровых изделий наиболее близкие разновидности такой пальметты можно видеть на бутыли 575 г. Х. (1179—1180 гг.) в собрании Британского музея [10, рис. 25, 25а] и на чаше ГМИНВ [9, илл. 11] [12], которые единодушно приписывают школе Рея. К той же школе можно отнести вазочку из собрания Эрмитажа [8, илл. 38], безусловно демонстрирующую тот тип узора, который украшал не сохранившийся старорязанский сосуд, а именно цепочку кругов с пальметтой, исполненных позитивной кистевой росписью. Однако более тщательная кистевая проработка рисунка на старорязанском фрагменте роднит его с близким по концепции декора фрагментом люстровой чаши начала XIII в., найденной М. Бахрами в одном из районов Кашана — Калахаре [11, с. 222]. Еще один допустимый вариант реконструкции узора на старорязанском образце дают мотивы пальметт в нижнем поясе кувшина

---

[8] С-Р 72/р. 14, № 217; фрагмент кувшина или вазы, 35×42 мм, толщина черепка 5—5,5 мм. Масса твердая, фарфоровидная, серо-белая, плотная. Глазурь снаружи молочно-белая, внутри щелочная сине-кобальтовая. Роспись оливковым люстром (часть фигуры животного). Сосуд попал в огонь, после чего был разбит.

[9] Опубликована Б. А. Шелковниковым, который датирует ее последней четвертью XII в. [7].

[10] С-Р 72/р. 13а, № 134; фрагмент большой чаши с двусторонней люстровой росписью, 37×38 мм, толщина черепка 3—4,5 мм. Масса твердая мелкозернистая, хорошо сплавленная, розовато-белая. Глазурь непрозрачная, внутри молочно-белая, снаружи кремовая. На цвет глазури повлиял цвет люстра, коричнево-зеленый внутри, марганцево-красный снаружи. Роспись — фрагменты стилизованного растительного орнамента.

[11] Случайная находка 1976 г., № 22; фрагмент кувшина, 35×42 мм, толщина черепка 3—6 мм. Масса твердая мелкозернистая, хорошо сплавленная, белая. Глазурь снаружи непрозрачная молочная, внутри щелочная бесцветная. Роспись коричнево-оливковым люстром (мотив растительного орнамента, возможно, часть надписи).

[12] По аналогии с чашей 587 г. Х. (1191 гг.) в Художественном институте в Чикаго должна датироваться концом XII в. (илл. чикагской чаши см. [3, табл. 55с]).

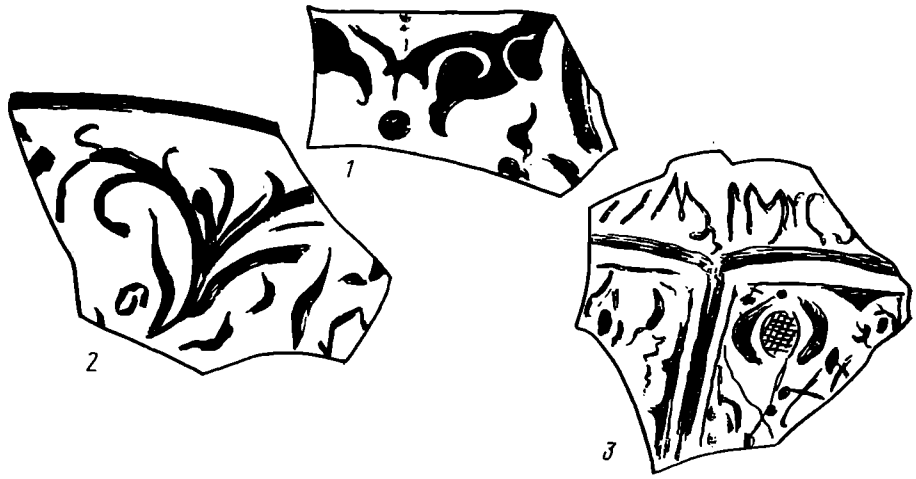


Рис. 2. Фрагменты глазурованной керамики. *1* — фрагмент сосуда с росписью люстром из Орен-Калы, Эрмитаж; *2* — фрагмент бортика чаши с черной подглазурной росписью из Кават-Калы (Хорезм), Музей искусств Кара-Калпакской АССР, Нукус; *3* — фрагмент сосуда с росписью люстром из Орен-Калы, Эрмитаж

из Орен-Калы[13], который Б. А. Шелковников считал продукцией какого-то провинциального центра в Иране или Азербайджане. Одно из решений этой проблемы подсказывает работа Л. Т. Гюзальяна. Обнаружив связь поэтических текстов на привозной иранской керамике из Орен-Калы и Гургана и отмечая «технико-стилистическое сходство некоторых орен-калинских и гурганских люстров», он особенно подчеркнул значение надписи на одном из гурганских сосудов с именем мастера «Мухаммада сына Мухаммада ан-Нишабури, проживающего в Кашане» [12, с. 68, 69, 84]. Технологическую и стилистическую связь находок в Орен-Кале и Старой Рязани подчеркивает также близость старорязанского обломка кувшина (рис. 1А, *5*) с фрагментом подобного сосуда из Орен-Калы в Эрмитаже (рис. 2, *1*)[14]. И в том, и в другом случае уцелевшие части рисунка должны быть деталями крупного растительного рейского узора.

Еще более очевидное сходство устанавливается между двумя старорязанскими черепками (рис. 1А, *6*[15]; рис. 1, *7*[16]) и довольно крупным орен-калинским обломком из коллекции Эрмитажа (рис. 2, *3*)[17]. Все три образца демонстрируют позитивную роспись коричнево-оливковым люстром с типичным для рейской растительной арабески мотивом «скобок», охватывающих «ягоду»-«решетку». Все три являются обломками сосуда типа альбарелло с гранеными стенками. Самый близкий вариант возможной формы реставрации старорязанских сосудов представляет восьмигранная ваза рейского стиля из коллекции ГМИНВ со слегка рельефной люстровой сеткой, образующей звезды с шестьюугольными медальонами и треугольниками-лучами, заполненными рейской арабеской, [9, илл. 8].

[13] Музей истории Азербайджана в Баку. Опубликован Б. А. Шелковниковым [7, табл. X, *1*].

[14] Коллекции ГЭ, инв. № Аз-656. Указанные здесь и ниже фрагменты иранской керамики из Орен-Калы в собрании Эрмитажа (инв. № Аз-655, Аз-656, Аз-1594, Аз-1598) ранее не были опубликованы. Возможность обратиться к этим памятникам и привлечь их для сравнения со старорязанскими находками была любезно предоставлена научными сотрудниками Отдела Востока ГЭ А. Т. Адамовой, Л. Т. Гюзальяном и заведующим отделом В. Г. Лукониным.

[15] С-Р 75/р. 17, № 86; фрагмент кувшина или вазы с рельефно моделированными, возможно, гранеными стенками; 29×36 мм, толщина черепка 3—3,5 мм. Масса фарфоровидная твердая белая с розовато-сероватым оттенком. Глазурь щелочная прозрачная бесцветная, внутри сильно кракелирована. Люстр оливковый в красновато-коричневой обводке. Роспись — рейская арабеска «ислими» с заштрихованной «ягодой».

[16] С-Р 76/р. 17, № 68; фрагмент кувшина или вазы с гранеными стенками; 23,5×35 мм, толщина черепка 3,5—4 мм. По технологическим признакам и росписи аналогичен предыдущему.

[17] Коллекции ГЭ, инв. № Аз-655.

По качеству твердой сероватой массы и прозрачной глазури, по характеру более тщательно проработанной росписи старорязанские фрагменты выглядят самыми ранними в этой группе и могут датироваться примерно серединой XII в.

Позитивный декор двухцветным (оливковым и коричневым) люстром и твердость массы роднит с предыдущими осколок чаши (рис. 1А, *8*) [18] и два небольших фрагмента (рис. 1А, *9*, *10*) [19], которые могут датироваться тем же временем.

Технологически к той же группе следует отнести фрагмент горлышка кувшина (рис. 1А, *11*) [20] с хрестоматийным рейским узором второй половины — конца XII в.: густые, сочные, продолговатые и округлые капли люстра («плоды» и «листья») на тонких изящных спиралях-побегах. Аналогичный узор можно видеть на горлышке кувшина в собрании Галереи Фрир в Вашингтоне и на вазе из коллекции Годмана, которые А. Поуп определял как изделия Рея конца XII в. [1, т. 5, табл. 636А, 637А], а также на фрагменте рейского восьмилучевого звездчатого изразца в ГМИНВ [9, каталог № 53] [21] и на нескольких фрагментах кувшинов из Орен-Калы в собрании Эрмитажа [22]. Масса и глазурь старорязанского, московского (найденного в Иране) и ленинградских (орен-калинских) образцов также аналогичны, с той только разницей, что масса в экспонатах ГМИНВ и Эрмитажа имеет розоватый оттенок, а это может быть признаком несколько более поздней даты.

Среди общих по технологическим характеристикам обломков иранской керамики XII в., найденных в Старой Рязани, выделяются несколько черепков, аналогии которых уводят нас не на юго-запад (Орен-Кала), а на восток и юго-восток от Каспийского моря, в Северный Хорасан и Хорезм. Так, фрагмент тонкостенного кувшина со следами эпиграфического люстрового декора (возможно, надписи) в вертикальных полосах (рис. 1А, *12*) [23] по качеству массы и глазури близок находкам Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Южной Туркмении (Северный Хорасан) [24]. Мотивы позитивной росписи на обломке кувшина (рис. 1А, *13*) [25] и на осколке флакона (рис. 1А, *14*) [26] — крупный фи-

[18] С-Р 74/р. 17, № 106; фрагмент чашки (судя по изгибу); 18×21 мм, толщина черепка 3,5—4 мм. Масса фарфоровидная твердая серовато-белая. Глазурь снаружи (под росписью) опаковая молочно-белая, внутри стекловидная прозрачная бесцветная, в крупных и мелких кракле. Роспись оливковым и коричневым люстром (сильно стерт). Орнамент — фрагмент растительной арабески.

[19] С-Р 71/р. 14, № 90; 21×21 мм, толщина черепка 3—4 мм. С-Р 71/р. 13, № 30; 18×20 мм, толщина черепка 3,5—4,5 мм. Два фрагмента стенок чаш (или тарелок). Масса твердая мелкозернистая тонкоотмученная. Глазурь стекловидная непрозрачная молочно-белая. Люстр коричнево-оливковый внутри, красновато-коричневый снаружи (позитивная роспись). Орнамент — элемент растительного узора.

[20] С-Р 70/р. 13, № 23; фрагмент горла кувшина или вазы; 23×44 мм, толщина черепка 7—8 мм. Масса твердая мелкозернистая плотная светло-серая. Глазурь непрозрачная молочно-белая снаружи, стекловидная прозрачная сине-кобальтовая внутри. Роспись оливковым люстром в красноватых контурах — часть растительной арабески «ислими».

[21] По аналогии с публикациями А. Поупа [1, т. 5, табл. 636А, 637А] он должен датироваться не позднее конца XII в.

[22] Коллекция ГЭ, инв. № Аз-1594, 1598.

[23] С-Р 70/р. 7б, № 21; фрагмент тулова кувшина, 25×39 мм, толщина черепка 5—6 мм. Масса высококачественная белая тонкоотмученная мелкозернистая. Глазурь непрозрачная молочно-белая, ирризована, как и в северохорасанской керамике. Следы люстровой надписи в вертикальной полосе. Люстр стерся, оставив матовые выпады в глазури.

[24] Находки Н. Н. Вактурской, южнотуркменистанский маршрут Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Институт этнографии АН СССР.

[25] С-Р 71/р. 13, № 9; фрагмент небольшого кувшина или кружки, 26×33 мм, толщина черепка 3,5—5 мм. Масса твердая мелкозернистая тонкоотмученная розоватая. Глазурь непрозрачная молочно-белая снаружи, прозрачная с затеком сине-кобальтовая внутри. Роспись оливково-медным люстром с медно-красным отблеском, в красноватой обводке — часть крупного растительного узора, встречающегося на рейских сосудах.

[26] С-Р 77/р. 22, № 35; фрагмент флакона или тонкостенного кувшина; 15×14 мм, толщина черепка 3—3,5 мм. Масса твердая тонкоотмученная мелкозернистая, хорошо сплавленная, телесного цвета с серовато-молочным оттенком. Глазурь кремовая глухая снаружи, сине-кобальтовая прозрачная внутри. Позитивная двухцветная роспись красновато-коричневым и коричнево-оливковым люстром.

гурный лист и веточки, окруженные точками (мотив шток-розы). Этот растительный узор, свободно нанесенный кистью в рейской манере, находит аналогии в росписи большого фрагментарного блюда из Кават-Калы (Хорезм, ныне на территории Кара-Калпакской АССР), найденного в слое монгольского завоевания (1231 г.) в яме под кострищем [27]. По качеству кремовато-розовой массы и стилю превосходной позитивной многофигурной люстровой росписи нукусское блюдо должно датироваться периодом наивысшего расцвета иранской люстровой керамики — концом XII — началом XIII в. Все три выделенных старорязанских фрагмента по своим технологическим достоинствам не уступают кават-калинской находке и могут датироваться тем же временем. Что касается стиля, то блюдо из Кават-Калы близко гурганским и рейским изделиям, а также чаше из коллекции Барлоу, которую Г. Фехервари относит к Саве [4, с. 38, табл. 47а, № 107] [28].

Концом XII — началом XIII в. следует датировать обломок бортика глубокой тонкостенной чаши со слегка отогнутым краем и двусторонней позитивной росписью (рис. 1А, *15*) [29]. На лицевой (внутренней) стороне легко распознать мотив веточек шток-розы (коричнево-оливковый люстр), столь характерный для классических иранских люстров, особенно рейских. Судя по сходству технологических принципов, вероятно, к тому же времени относится осколок, в котором, несмотря на малую величину, легко узнать фрагмент чаши характерной для Ирана формы — с полусферическим туловом и прямым бортом, расписанной снаружи коричнево-красным, а внутри резервом, желто-коричневым люстром (рис. 1Б, *16*) [30].

Последние два фрагмента керамики группы А (рис. 1Б, *17*, *18*) [31], судя по текстуре «рассыпчатой» пористой, желтовато-телесного цвета массы средней твердости, могут датироваться не ранее начала XIII в. Сочетание во втором фрагменте дробного, мелкого орнамента на лицевой (внутренней) стороне с крупным (вероятно, травяным) узором снаружи также характерно для керамики XIII в. Однако «травяной» или «лиственный» узор (кустики или гирлянда ланцетовидных листьев) обычно встречается не на люстровых изделиях, а в керамике с подглазурной сине-черной росписью того типа, который обычно датируют в пределах XIII в. и приписывают Кашану. Примечательно, что многочисленные образцы этой керамики были найдены на территории Азербайджана и Туркмении, а также в Кара-Калпакии (рис. 2, *2*) [32]. Для декора наружной стороны люстровых чаш этого периода более характерны лента псевдонадписи, либо цепочка крупных колец, либо арочное переплетение линий, небрежно нанесенных и отдаленно напоминающих растительные формы.

Группа Б. Люстровая керамика этого типа отличается от предыдущей только окраской фоновой глазури в глубокий ультрамариновый цвет —

[27] Блюдо находится в экспозиции Музея искусств Кара-Калпакской АССР в Нукусе. Обстоятельства находки любезно сообщил директор музея И. В. Савицкий.

[28] Саве, город в Центральном Иране, которому приписывают производство керамики с росписью люстром и минаи, сочетающей черты рейского и кашанского стилей.

[29] С-Р 72/р. 13, № 90; фрагмент бортика чаши; 18×34,5 мм, толщина черепка 4—4,5 мм. Масса мелкозернистая тонкоотмученная, хорошо сплавленная, белая с розоватым оттенком. Глазурь непрозрачная молочно-белая. Люстр коричнево-оливковый внутри, красноватый с растеками пятен снаружи. Сплошной люстровый ободок.

[30] С-Р 71/р. 13, № 108; фрагмент чаши с полусферическим туловом и прямым бортом; 16×19 мм, толщина черепка 2—5 мм. Масса твердая мелкозернистая тонкоотмученная песчанистая, розовато-телесного цвета. Глазурь молочно-белая непрозрачная.

[31] С-Р 67/р. 7, № 225; фрагмент бортика чаши (или блюдца) около донца; 36×20 мм, толщина черепка 6,5—8 мм. Непрозрачная молочная глазурь. Роспись коричневым и коричневато-оливковым люстром. С-Р 71/р. 13, № 42; фрагмент чаши; 28×14 мм, толщина черепка 3,5—5 мм. Глазурь непрозрачная молочная. Роспись люстром, оливковым внутри и красновато-коричневым снаружи.

[32] Многочисленные обломки чаш и тарелок из Орен-Калы (Музей истории Азербайджана, Баку), из полевых находок южнотуркменистанского маршрута Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Институт этнографии АН СССР; фрагменты чаши из Кават-Калы, находка 1973 г. (р. 2, № 30); Музей искусств Кара-Калпакской АССР. Нукус. Любезно показаны И. В. Савицким.

«ладжвард», получаемый благодаря применению соединений кобальта. По свидетельству Э. В. Сайко, «в полную силу в гончарном ремесле кобальт вошел вместе с новым расцветом щелочных глазурей и кашинного черепка (XI—XII вв.) в Иране» [13, с. 187]. Начиная с этого времени ультрамариновая кобальтовая глазурь в керамическом производстве Персии применяется на протяжении всего средневековья, приобретая особое значение в архитектурных керамических наборах эпохи Тимуридов и Сефевидов. Однако роспись люстром по ладжварду после XIII в. практически не встречается. По совокупности технологических признаков и стилевых характеристик все известные изделия этой группы датируются периодом до монгольского завоевания.

По качеству массы — твердой фарфоровидной и сероватой, по характеру грубо выполненной низкосортной росписи зелено-оливковым люстром может датироваться XII в. фрагмент сосуда закрытой формы (рис. 1Б, *19*), сохранивший элемент типично рейского орнамента («скобки», обнимающие люстровую точку) [33]. Аналогичный узор примитивной арабески рейских «скобок» представлен на тарелке из коллекции Мак-Илхенни, которую А. Поуп определил как Рей XII—XIII вв. [1, т. 5, табл. 648], а также на ряде фрагментов люстровой керамики из Орен-Калы (в Эрмитаже). Следует отметить, что в Байлакане — Орен-Кале было найдено большое число фрагментов керамики с росписью люстром по ладжвардовой глазури, часто превосходного качества, с великолепной виртуозной рейской арабеской [14] [34]. Люминесцентная игра люстра на этих изделиях часто усилена пластической моделировкой черепка, нередко совпадающей с контурами основного узора, как, например, в обломке орен-калинского кувшина в коллекции Эрмитажа [35].

По художественно-технологическим качествам именно этой керамике близок фрагмент чаши (рис. 1Б, *20*) с двусторонней люстровой росписью, снаружи по ультрамариновой, внутри, вероятно, попеременно по молочно-белой и ладжвардовой глазури [36], как на упомянутой тарелке Мак-Илхенни или на двух чашах из коллекции Барлоу (ныне в Музее Ашмола в Оксфорде) [4, с. 91, табл. 97, 98]. Внутренняя поверхность этих чаш разделена на ультрамариновые и белые секторы с росписью рейского типа, наружная — сплошь (кроме ножки) покрыта ультрамариновой глазурью. Г. Фехервари относит эти чаши к Рею и датирует их началом XIII в. Отсутствие каких-либо определяющих мотивов узора на старорязанском образце не позволяет уточнить атрибуцию; по технологическим признакам его можно датировать концом XII — началом XIII в.

Похожей текстурой массы характеризуется обломок большой чаши или тарелки с двусторонней росписью оливковым и красноватым люстром по прозрачной, как бы размытой светлой ультрамариновой глазури (рис. 1Б, *21*) [37]. На внутренней стороне сохранился фрагмент «травяного узора», который, как было показано выше, исследователи иранской

[33] С-Р 73/р. 14, № 84; фрагмент сосуда закрытой формы, с выпуклостью на внутренней стороне; 24×20 мм, толщина черепка 2—6,5 мм, толщина слоя глазури 1,3 мм. Масса твердая сероватая. Глазурь внутри щелочная прозрачная, снаружи глухая ультрамариновая, темная. Люстр сильно стерт.

[34] Ныне в Музее истории Азербайджана. Материалы Орен-Калы публиковались Б. А. Шелковниковым [7], Л. Т. Гюзальяном [12], Г. М. Ахмедовым, Ф. А. Ибрагимовым (ряд работ на азербайджанском и русском языках). Находки иранской керамики из Орен-Калы и других городищ Азербайджана были любезно показаны Г. М. Ахмедовым.

[35] Коллекции ГЭ, инв. № Аз-1339.

[36] С-Р 78/р. 20, № 28; фрагмент чаши; 24×28 мм, толщина черепка 2,5—4 мм. Масса твердая мелкозернистая тонкоотмученная, хорошо сплавленная, телесного цвета с серовато-молочным оттенком. Глазурь непрозрачная плотная (толщина слоя 0,5—1 мм), снаружи глубокая ультрамариновая, внутри молочно-белая. Роспись снаружи оливковым люстром, похожая на надпись (Ju) , внутри, вероятно, чередовались ультрамариновые и белые полосы (или секторы) с люстровой росписью.

[37] С-Р 73/р. 13, № 299; фрагмент стенок большой чаши или тарелки; 14×20 мм, толщина черепка 4,5—5,5 мм. Масса твердая мелкозернистая розовато-телесно-белая. Глазурь прозрачная ультрамариновая.

керамики склонны считать признаком кашанской школы. Однако обилие находок керамики с такими мотивами (изделия с сине-черной подглазурной росписью) в Азербайджане, Северном Хоросане и Хорезме позволяет предположить существование какого-то локального центра (или центров) в Южном Прикаспии. Наиболее вероятная датировка нашего фрагмента — первая треть XIII в.

Возможно, к группе Б относится обломок кувшинчика, покрытого ультрамариновой глазурью со следом люстровой полосы (рис. 1Б, *22*) [38].

Группа В. В старорязанских находках представлена одним образцом — обломком округлой (вероятно, полусферической) чаши (рис. 1Б, *23*) [39]. На внутренней поверхности узор синих волнистых линий нанесен неярким кобальтом по сырой глазури, а после обжига дополнен росписью коричневым «размытым» люстром, который на первый взгляд кажется сплавленным с глазурью. Подобная полихромность росписи сама по себе признак более поздней даты, что подтверждается «размытым» цветом люстра, радужное свечение которого поглощено блеском плотной молочно-белой глазури. Большинство изделий этого типа — изразцы, которые датируются концом XIII — началом XIV в. и приписываются производству Кашана. Однако кобальт на кашанских плитках применен не собственно в рисунке, а для выделения контуров композиции, реже как фон резервной надписи в бордюре, а роспись люстром выполнена либо резервом, либо сочетанием резерва и позитивного узора [9, илл. 25, 26, 29]. Самостоятельная роспись синим кобальтом в сочетании с позитивной росписью люстром пока аналогий не находит. В то же время текстура массы и тонкость черепка свидетельствуют о принадлежности этого образца к высококачественной иранской керамике XIII в.

Минаи. Из двух старорязанских находок (рис. 1Б, *24*, *а*, *б*) [40] фрагмент А по качеству «рассыпчатой» песчанистой массы, блестящей белой глазури и четырехцветной орнаментальной росписи, тщательно заполняющей фон, относится к классическим образцам этой керамики XIII в. По стилю, технике и содержанию росписи (бирюзовый «лист» в мягкой черной обводке и терракотовая «ягода»-капля на фоне светло-синей «плетенки») этот обломок находит аналогию в декоре фрагмента чаши минаи, найденном на городище Мешеди-Мисриан в Южной Туркмении [41]. Фрагмент Б, судя по массе, мог бы датироваться более ранним временем, но по характеру орнаментального узора, не свойственного минаи XII в., не выходит за рамки XIII в.

Фрагмент чаши с двусторонним покрытием сахаристого черепка (рис. 1Б, *25*) [42] плотной матовой бирюзовой глазурью, вероятно, принадлежал изделию с полихромной надглазурной росписью. Похожую глазурь можно видеть на многих образцах минаи XIII в. (например, на упомянутой выше чаше со всадником в собрании Эрмитажа), на изделиях второй половины XIII—XIV в. с двух-, трехцветной надглазурной росписью [9, илл. 15]. По качеству массы этот фрагмент может датироваться в рамках XIII в.

---

[38] С-Р 73/р. 13. № 297: фрагмент кувшинчика; 22×30 мм, толщина черепка 3—4 мм. Масса средней твердости мелкозернистая светлая, с телесным оттенком.

[39] С-Р 77/р. 22. № 36; фрагмент чаши полусферической формы; 20×18,5 мм, толщина черепка 3 мм. Масса средней твердости песчанистая, мелкозернистая тонкоотмученная, телесного цвета. Глазурь непрозрачная молочно-белая. Роспись синим кобальтом по сырой глазури и люстром.

[40] С-Р 73/р. 14. № 83; два фрагмента керамики типа «минаи», осколки двух разных чаш: А — 17×25 мм, толщина черепка 3—4 мм, масса песчанистая «рассыпчатая», розовато-телесного цвета, роспись по молочно-белой непрозрачной глазури синекобальтовой, бирюзово-голубой, терракотовой и черной красками; Б — 21×14 мм, толщина черепка 3 мм, масса твердая мелкозернистая тонкоотмученная, молочного цвета; роспись теми же красками, но бирюзовая с зеленоватым оттенком.

[41] Коллекция ГЭ, инв. № 15843 (зал № 47, витрина). С находками фрагментов иранской керамики в Мешеди-Мисриане, хранящимися ныне в Эрмитаже, любезно познакомила и предоставила возможность сослаться на неопубликованный памятник Г. Н. Баташова.

[42] С-Р 73/р. 14. № 85; фрагмент чаши; 16×12 мм, толщина черепка 4 мм. Масса сахаристая мелкопористая тонкоотмученная, глазурь плотная бирюзовая матовая.

Три фрагмента (рис. 1Б, *26*, *а—в*) [43], покрытые плотной матовой ультрамариновой кобальтовой глазурью поверх твердой мелкозернистой массы, возможно, принадлежат к редко встречающейся разновидности керамики минаи с ладжвардовым фоном. Качество массы, характерное для изделий конца XII — начала XIII в., не позволяет отнести их к типу «ладжвардина» (последняя треть XIII—XIV в.).

Несколько черепков, вероятно, являются фрагментами менее парадной поливной посуды. Это небольшие осколки кувшинов, облитых бирюзовой глазурью (рис. 1Б, *27*, *б*) [44], иногда по плотности матовой поверхности почти не уступающие бирюзовофоновым минаи (рис. 1Б, *27*, *а*) [45]. Трудно точно определить, к какому типу иранской керамики принадлежали эти фрагменты, но такого рода полива обычно характеризует сосуды и изразцы, покрытые монохромной глазурью и нередко украшенные рельефными узорами. Широкая распространенность этих изделий, «живучесть» типа и определенная стандартность форм затрудняют классификацию даже цельных предметов. Качество их массы и глазури (различия остаются в пределах кварцево-фриттовой керамики XII—XIII вв.) считают бесспорным доказательством «сельджукидского» происхождения, обычно датируют их XII—XIII вв. и приписывают Рею, Кашану, Гургану и Нишапуру [4, с. 76].

К иранскому импорту домонгольского времени следует отнести по технологическим признакам фрагмент большого сосуда с гранеными стенками (рис. 1Б, *28*) [46]. Очень твердая белая фарфоровидная масса покрыта с обеих сторон тонкой пленкой бело-кремовой глазури с бирюзовыми пятнами. Это мог быть однотонный «бесцветный» сосуд, обжигавшийся в одной печи с бирюзовыми монохромами. Пятна «чужого» цвета нередко встречаются в иранской, особенно бытовой, керамике, что наводит на мысль о культивировании «эстетики случайности» в персидском керамическом искусстве.

Среди старорязанских находок 70-х годов выделяется также группа фрагментов, которые по внешнему виду похожи на иранские изделия с сине-черной росписью. Однако черепок этих изделий значительно толще (6—7 мм), масса телесно-бежевого или грязновато-серого цвета, рыхлая крупнозернистая песчанистая, покрытая толстым слоем (около 1 мм) стекловидной, прозрачной с затеками глазури (рис. 1Б, *30—34*). Не иранское происхождение этой группы очевидно, равно как и попытка создать подобные персидской керамике изделия. По определению Э. В. Сайко, эта группа керамики с типичной для нее высококремнеземистой массой, отличающейся большим содержанием глины, близка тем золотоордынским изделиям, которые выполнены в традициях хорезмийского гончарного искусства [47]. На декор этих изделий, безусловно, повлияли иранские образцы, а потому вряд ли их можно датировать раньше самих образцов, т. е. ранее XIII в.

---

[43] С-Р 68/р. 7, № 51; фрагмент бортика тарелки; 14,5×12,5 мм, толщина черепка 3—4 мм, масса твердая фарфоровидная, телесно-белого цвета. С-Р 74/р. 17, № 120; фрагмент бортика тарелки; 13×7 мм, толщина черепка 3—3,5 мм, масса твердая, телесно-белого цвета. С-Р 77/р. 17, № 105; 10×9 мм, толщина черепка 4 мм, идентичен предыдущим.

[44] С-Р 68/р. 7, № 37; фрагмент бортика чаши; 16,5×15 мм, толщина черепка 3,5—8 мм. Масса твердая мелкозернистая тонкоотмученная, молочного цвета. Глазурь бирюзово-голубая полупрозрачная, положена тонким слоем; внутри с мелкой сетью кракле и ирризацией, зеленоватого тона.

[45] С-Р 73/р. 13, № 298; фрагмент чаши, 13×12,5 мм, толщина черепка 5,5 мм. Масса средней твердости, «рассыпчатая», песчанистая, крупнопористая, мелкозернистая. Глазурь бирюзово-голубая, снаружи плотная, как в минаи, внутри полупрозрачная.

[46] С-Р 76/р. 20, № 41; фрагмент большого сосуда с гранеными стенками; 24×14,5 мм, толщина черепка 5,5—6,7 мм. Масса твердая белая фарфоровидная, глазурь полупрозрачная бело-кремовая с бирюзовыми пятнами.

[47] Устная консультация Э. В. Сайко. Фрагменты: С-Р 76/р. 20, № 29 (рис. 1Б, *31*); С-Р 74, случайная находка, № 45 (рис. 1Б, *30*); С-Р 77/р. 20, № 85 (рис. 1Б, *32*); С-Р 77/р. 20, № 17; С-Р 77/р. 20, № 87; С-Р 77/р. 20, № 88 — исследованы Э. В. Сайко под микроскопом (Лаборатория естественных методов исследований Института археологии АН СССР).

Несколько фрагментов, найденных в Старой Рязани, являются прямой имитацией иранских изделий. Особый интерес представляет фрагмент сосуда с подглазурной полихромной росписью, явно подражающий минаи[48]. Песчанистая «рассыпчатая», розовато-телесного цвета масса похожа на тесто иранских сосудов, но мягче его. Бесцветная прозрачная глазурь положена толстым слоем (0,8 мм), сильно ирризована. По рисунку мягкоокруглых листьев в черных контурах роспись напоминает изделия так называемого султанабадского типа, которые датируют концом XIII—XIV в., т. е. периодом, когда собственно минаи уже не делали. Сама по себе техника подглазурной росписи с сочетанием синего, черного и терракотового цветов, с резервированием серого фона свидетельствует о высоком уровне технологии и об изощренности мастера, знакомого с различными видами иранской керамики.

Еще более загадочен фрагмент бортика тарелки, сохранивший часть подглазурной зеленой и коричневой росписи, похожей на имитацию люстра[49]. Очень твердой фарфоровидной серовато-белой массой он больше напоминает современные фаянсовые изделия, чем изломы кварцево-фритовых сосудов.

Итак, собранные на городище Старая Рязань фрагменты иранской керамики в целом датируются периодом от начала XII в. вплоть до монгольского завоевания Ирана, т. е. до 1220 г.; несколько образцов предполагают более позднее, послемонгольское, изготовление.

Все фрагменты являются осколками разных сосудов, формы которых в отдельных случаях могут быть реконструированы (рис. 3). Характерно отсутствие фрагментов изразцов.

Сравнительный художественный анализ выявил стилистическую общность иранской керамики, открытой в Старой Рязани, с находками в Азербайджане (Орен-Кала), Северном Хорасане (южнотуркменистанский маршрут Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, 1955 г.) и Хорезма (Кават-Кала), общие для них стилевые аналогии с керамикой Рея, а также некоторые стилистические параллели с образцами, найденными в Гургане или приписываемыми Саве. Аналогов хрестоматийного кашанского стиля в Старой Рязани пока не обнаружено.

Наряду с иранскими керамическими изделиями в Старой Рязани найдена кашинная керамика, близкая группе золотоордынских фаянсов XIII—XIV вв., продолжающих хорезмийские традиции.

Имитации люстровой росписи и минаи, вероятно, имеют позднейшее происхождение; место их производства неясно.

Фрагменты иранской поливной керамики из раскопок в Старой Рязани довольно многочисленны (принадлежат примерно трем десяткам сосудов) и говорят о значительных масштабах ввоза. Трудно сказать, насколько регулярно велась торговля хрупкой и дорогой посудой с люстровой росписью. Но в совокупности со всеми видами письменных и археологических источников приведенные материалы свидетельствуют об оживленных, хотя и опосредствованных, связях столицы Рязанского княжества с городскими центрами Ирана и Средней Азии, продолжавшимися вплоть до 1220 г. [15, с. 160—164, табл. 53]. Во второй половине XII — первой трети XIII в. активизируется волжская торговля по маршруту Саксин (город в дельте Волги) — Волжская Булгария (Булгар, Биляр). Связующим звеном между Ираном, Хорасаном и Нижним Поволжьем служил Хорезм. Из его столицы Ургенча вели пути через половецкие степи в Саксин, Крым, Волжскую Булгарию и русские княжества. В хорезмшахский период (XII — начало XIII в.) на плоскогорье Устюрт вдоль дорог к нижней Волге сооружали караван-сараи с колодцами при них (Белеули, Кос-Булак, Булак и др.). Они располагались друг от друга на расстоянии дневного перехода каравана (20—30 км).

[48] С-Р б/н, фрагмент стенки сосуда закрытой формы, снаружи подглазурная роспись, имитирующая минаи; 23,5×20 мм, толщина черепка 6,5—8 мм.

[49] С-Р 71/р. 13, № 110, фрагмент бортика тарелки. Масса твердая фарфоровидная, серо-белого цвета, не иранская. Глазурь прозрачная бесцветная. Роспись под глазурью зеленой (рисунок) и коричневой (ободок) красками.

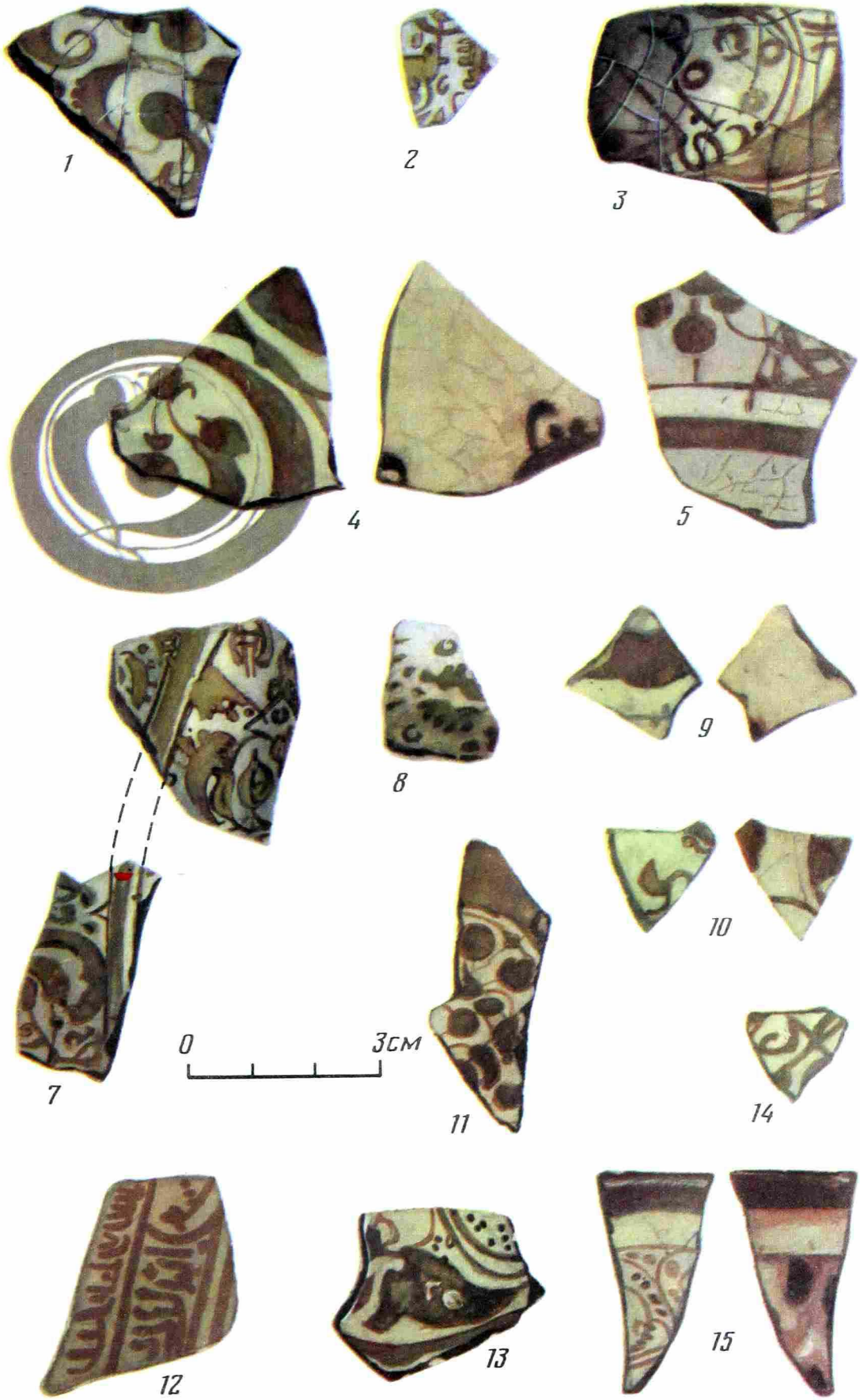


Рис. 1 А. Фрагменты иранской керамики XII—XIII вв. с росписью люстром

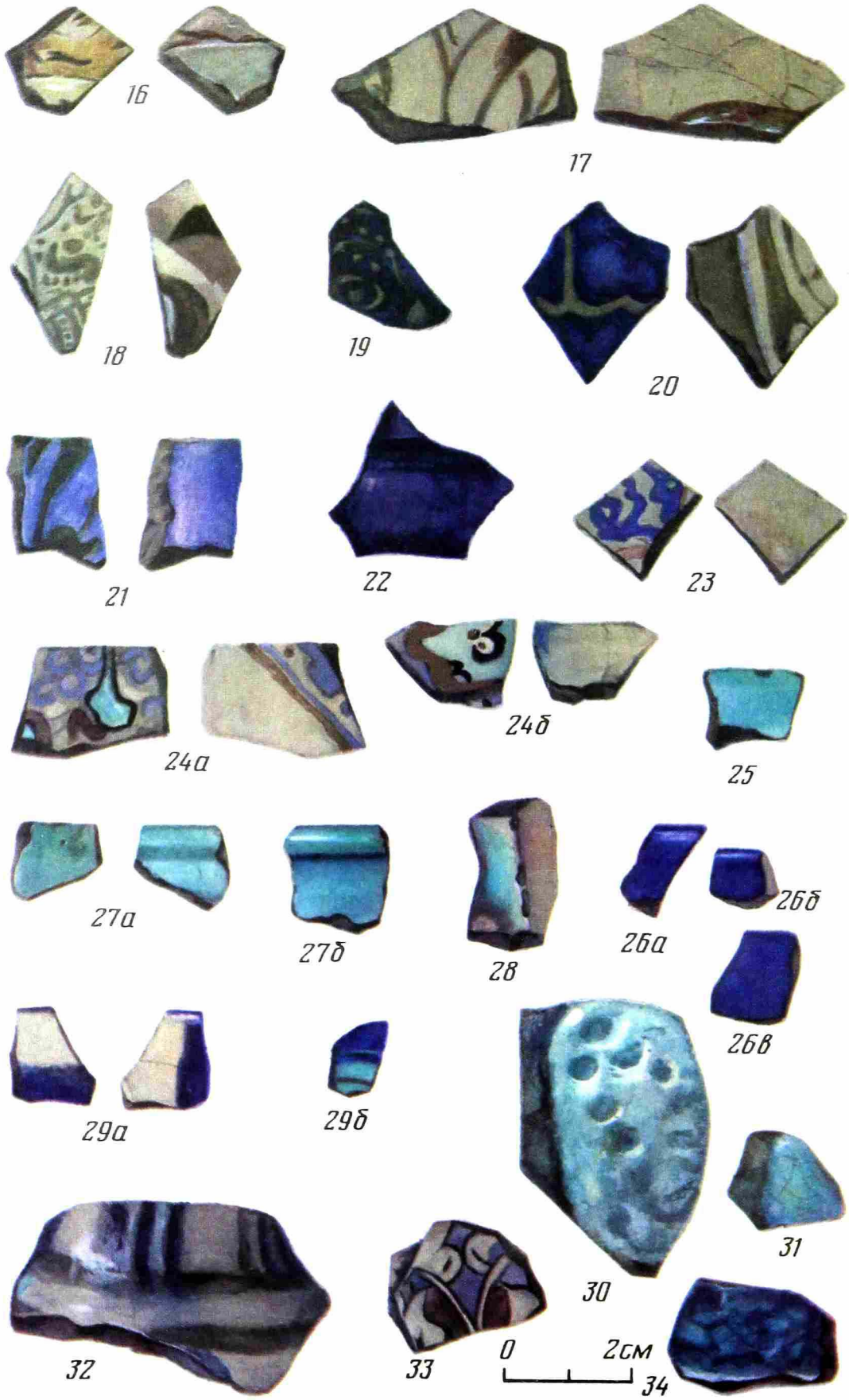


Рис. 1 Б. Фрагменты привозной глазурованной керамики XII—XIV вв.

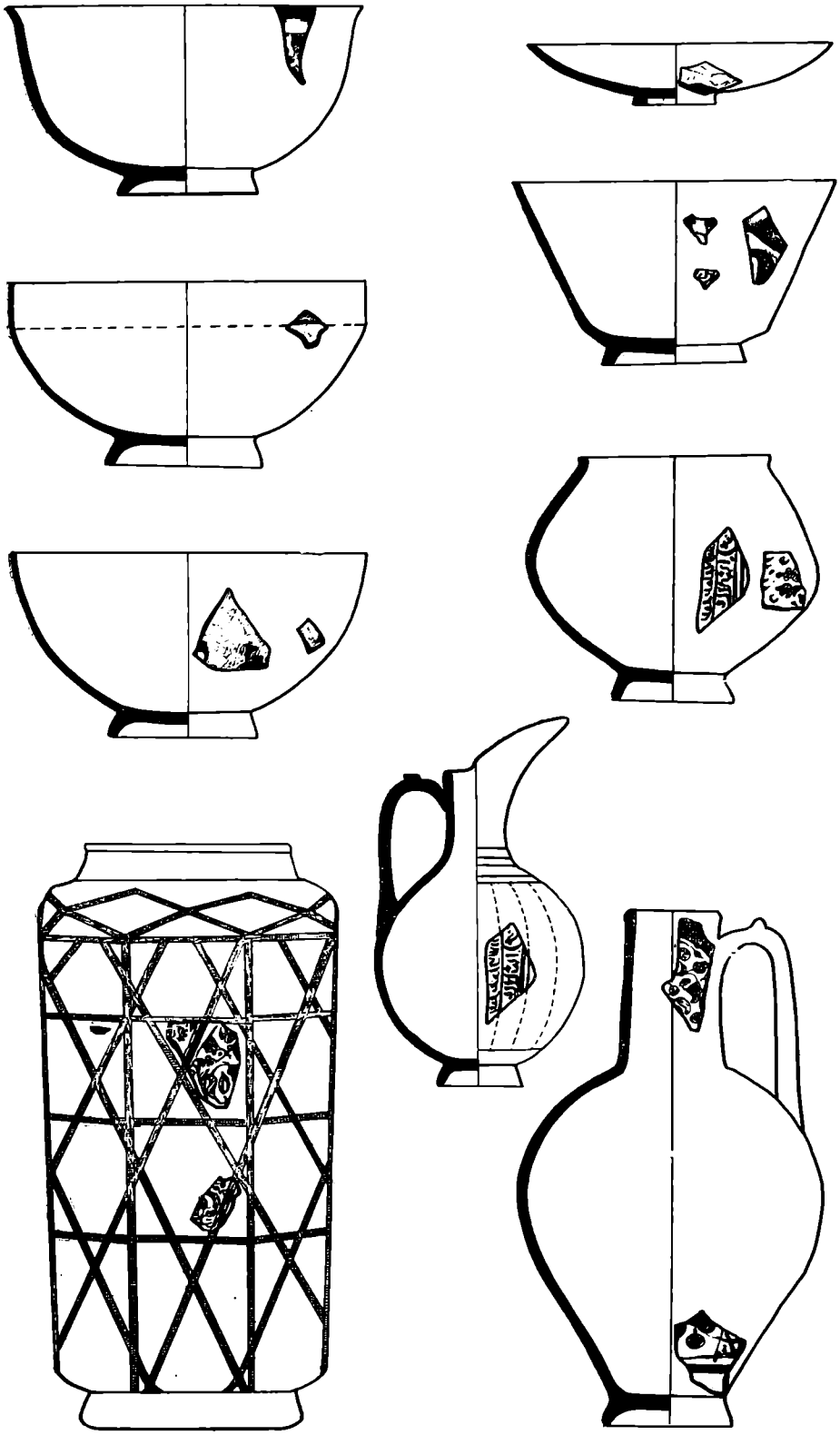


Рис. 3. Реконструкция форм иранской поливной керамики XII—XIII вв.

На Устюрте вдоль Аральского моря известны развалины крепостей и сторожевых башен того времени [16, с. 9—11].

Уже в IX—X вв. Рей — «торговый центр мира», как называли его арабские географы,— поддерживали тесные контакты с Арменией, Азербайджаном, Хорасаном и Хазарией [17, с. 140—143; 18, с. 88]. Эти традиционные направления экономических связей сохранялись и позднее. Керамику рейской школы с росписью люстром ввозили в Восточную Европу

не только по волжско-окской трассе, но и через Армению (Двин, Ани) к побережью Малой Азии на Трапезунт и Синоп. Затем ее морем переправляли в крымские порты Херсон и Судак (фрагмент блюда из Херсона) [19, рис. 27]. Из Северного Причерноморья вместе с сиро-египетской и византийской стеклянной посудой [20—22] иранскую керамику доставляли вверх по Днепру. По внутренним путям сообщения Восточной Европы она достигала глубинных областей Руси. Через Киев по Припяти к ее левым притокам (или по Березине и Свислочи) восточный художественный импорт проникал в бассейн Немана (Новогрудок) [23, с. 35, рис. 1]. Вверх по Днепру через Смоленск, по притокам Западной Двины, Ловати, оз. Ильмень и Волхову иранская керамика поступала в Новгород [6, с. 270, 271], а по водной магистрали Днепр — Десна — Ока — во Владимиро-Суздальское [50] и Рязанское княжества.

Судя по топографии находок, парадная поливная и стеклянная посуда восточного происхождения употреблялась не только в княжеско-боярском обиходе, но проникла и в среду торгово-ремесленного населения. В Старой Рязани, Новогрудке и Новгороде она сосредоточена в районе богатых боярских усадеб и подворий ремесленников — ювелиров, кузнецов, резчиков по кости.

ЛИТЕРАТУРА

1. A Survey of Persian Art / Ed. Pope A. U. L., N. Y. 1938—1939, v. 2, 5.
2. *Rice D. T.* Islamic art. L., 1977.
3. *Lane A.* Early Islamic pottery. L., 1958.
4. *Fehervari G.* Islamic pottery. A comprehensive study based on the Barlow collection. L., 1973.
5. *Шандровская В. С.* Культура и искусство Ближнего и Среднего Востока IV тысячелетия до н. э.— XVIII в. н. э. и Византии IV—XV вв. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1960.
6. *Медведев А. Ф.* Ближневосточная и золотоордынская керамика из раскопок в Новгороде.— МИА, 1963, № 117.
7. *Шелковников Б. А.* Фаянсы, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури из Орен-Кала.— МИА, 1959, № 67.
8. *Дьяконова Н. В.* Искусство народов зарубежного Востока в Эрмитаже. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
9. *Масленицына С. П.* Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Альбом. Л.: Аврора, 1975.
10. *Hobson R. L.* A Guide to the Islamic pottery of the Near East, L., 1932.
11. *Bahrami M.* Contribution à l'étude de la céramique musulmane de l'Iran.— Athar'-e Iran, T. 3, fasc. 2. P., 1938.
12. *Гюзальян Л. Т.* Палеографические материалы из раскопок Орен-Калы.— МИА, 1965, № 133.
13. *Сайко Э. В.* Краски глазурованной керамики XII—XV вв.— В кн.: Материальная культура Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1968, вып. 1.
14. *Ахмедов Г. М., Ибрагимов Ф. А.* Иранская фаянсовая керамика из раскопок средневековых городов Азербайджана.— Докл. II Всес. конф. «Искусство и археология Ирана». М., 1976.
15. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976.
16. *Бижанов Е.* Археологические памятники юго-восточного Устюрта: Автореф. канд. дис. Нукус: ИЭ АН СССР, 1967.
17. *Куник А.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 2. Спб., 1903.
18. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Наука, 1967.
19. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г.— ИАК, 1906, вып. 20.
20. *Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В.* Восточное стекло в Древней Руси. Л.: Наука, 1968.
21. *Бусятская Н. Н.* Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X—XIV вв.).— Вестн. МГУ. Серия IX, история, 1972, № 2.
22. *Шапова Ю. Л.* Стеклянные изделия из Старой Рязани (по материалам раскопок 1966—1968 гг.).— В кн.: Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974.
23. *Гуревич Ф. Д.* Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
24. *Куглюковский П. И.* Исследование древнего жилища в г. Суздале.— АО — 1973. М., 1974.

[50] Поливной полихромный кувшин с эпиграфическим орнаментом найден в землянке в Суздале [24, с. 61].

V. P. Darkevich, T. Kh. Starodub

IRANIAN CERAMICS FROM STARAYA RYAZAN

Summary

Imported objects found during excavations of the dwelling complexes in the Staraya Ryazan fortified settlement include a number of Iranian decorative ceramics covering the span between the early 12th century and the Mongolian conquest of Iran in 1220. Some artifacts are dated by the post-Mongolian period. Among them are fragments of bowls, plates, jars or bottles made of highly siliceous porcelain-like paste (the so-called «kashin» paste) and decorated with on-glaze lustre painting or coloured enamels (the so-called «minai»), coloured washes and under-glaze painting. The fragments of vessels decorated with lustre and bearing pronounced stylistic resemblance to the Rai ceramics comprise the most numerous group. Comparative analysis has brought to light features shared by the Iranian washed pottery from Staraya Ryazan and similar finds from Azerbaijan, Northern Horasan and Kwarazm. The Staraya Ryazan finds testify to intensive trade ties between the capital of the Ryazan Principality and Iranian and Central Asian urban centres in the period from the second half of the 12th to the first third of the 13th century. This rather expensive pottery was bought by both the feudal nobility and merchants and artisans in towns.

БЕЛЕНЬКАЯ Д. А.

ШИФЕРНАЯ ИКОНКА ИЗ ЗАРЯДЬЯ

В 1953 г. на территории Зарядья в слое XV в. была обнаружена шиферная иконка с двусторонним изображением: на одной стороне Иоанн Милостивый и Параскева Пятница, на другой — Илья и «Микита» (Никита) [1]. Имена помещены между изображениями [1, с. 74, рис. 24]. На верхнем ребре иконки еще одна надпись: «Олёна». Как отмечал уже А. Ф. Дубынин, видимо, Олёной звали владелицу иконки. Размеры иконки — 63×74 мм (рис. 1). Палеографически находка датируется XV в.; стратиграфически — 70—80-ми годами XV в. [1, с. 74]. Иконографический облик иконки, ее местонахождение позволяют связать эту находку с определенными кругами населения Москвы конца XV в. Так, присутствие на одной из сторон иконки Параскевы Пятницы и Иоанна Милостивого говорит о принадлежности заказчика иконки к купеческому сословию. По мнению Т. В. Николаевой, стилистический анализ иконки выдает ее новгородское происхождение. Последнее подтверждается присутствием на иконке одного из самых популярных новгородских святых — Иоанна Милостивого. О Новгороде говорит и способ написания на иконке имени Никита — «Микита». Таким образом, анализ изображений, помещенных на иконке, позволяет искать имя заказчика в тех купеческих кругах Новгорода, для которых была характерна тесная связь с Москвой. Подобные черты присущи определенной группе купечества, московским семьям, переселенным в конце XV в. в Новгород. Судя по письменным источникам, отражающим деятельность московских купцов в Новгороде, сочетание имён Никиты, Ильи и Олёны встречается только в одной семье, семье московских сведенцев купцов Тараканових.

О деятельности Тараканових неоднократно сообщают летописи. В исследованиях, посвященных таким проблемам, как история Новгорода, история русской торговли конца XV — первой половины XVI в., часто упоминаются члены этой большой купеческой семьи [2, с. 145. 146, 172; 3, с. 332, 346—348; 4, с. 83, 218—219; 5, с. 151, 168], занимавшейся восточной торговлей. А. П. Пронштейн, говоря о положении купцов Тараканових во второй половине XVI в., относит их к новгородским сурожанам [2, с. 149]. О восточном направлении торговли Тараканових говорят и отдельные факты. Так, в 1547 г. Новгородский Софийский Дом покупает у Петра Тараканова 7 поставов «сукон тюпинских» [2, с. 133]. В 1524 г. Василий Никитич Тараканов дает «поминки» турецкому послу, что, по мнению А. А. Зимина, также говорит о связи с восточной торговлей [4, с. 219].

В монографии А. П. Пронштейна впервые была затронута узкая проблема генеалогии рода Тараканових. Исследователь составил схему трех поколений семьи, упомянув при этом пятерых человек [2, с. 146]. Сравнительно недавно появилась статья В. А. Варенцова, посвященная непосредственному вопросу генеалогии рода Московских гостей Тараканових. Автор статьи проследил пять поколений Тараканових, собрав сведения о 14 членах этой семьи, живших в период с конца XV в. по 70-е годы XVI в. [6, с. 52].

Шиферная иконка, найденная в Зарядье, позволяет несколько дополнить сведения о составе и деятельности одной из самых богатых семей московских купцов.

[1] В первоначальном издании иконки надпись на одной из сторон была ошибочно прочтена как «Варфоломей или Варнава и Пятница». Благодарю Т. В. Николаеву за поправку, внесенную в прочтение надписей.

В конце XV в. среди переведенных в Новгород московских гостей упоминается Микита (Никита) Тараканов, в 1484 или в 1489 г. получивший новые земельные владения вместо московских [3, с. 346, 347; 7, с. 293—294]. Судя по закладной кабале от 1525 г., изданной в Актах Русского государства 1505—1506 гг., отца Никиты звали Федором. В том же документе упомянут Никифор Тараканов, брат Никиты [8, с. 263 № 257]. Возможно, братом Никиты был также некий Илья Тараканов, покровитель которого изображен на зарядьевской иконке. В летописи упомянуты и Илья Тараканов, и его вдова Елена, предполагаемая владелица иконки [9, с. 303].

Таким образом, ко второму поколению Таракановых, считая представителем первого некоего Федора, относятся предположительно Никита, Илья и Никифор. Никита Тараканов известен как крупный вкладчик в Иосифо-Волоколамский монастырь: «А князь велики Иван дал монастырю с полтораста рублёв, а владыка Новгородский Геннадий всего дал более двухсот рублёв, а Микита Тараканов дал з двесте рублёв» [6, с. 49].

Владимир Никитич Тараканов был испомещен в Новгород вместе с Никитой. Под 1509 г. Владимир упомянут в летописи в связи со строительством новых Новгородских укреплений: «...повелением государя великого князя Ивана Васильевича и сына его великого князя Василия Ивановича и при архиепископе новгородском Генадии и при старостах новгородских Ивана Елизарова и Володимера Тараканова и Фоме Салярева» [10, с. 610—611]. Причастен был Владимир — новгородский староста и к строительству укреплений Иван-города в 1507 г. [11, с. 296—297]. Василий Никитич также известен как новгородский староста, под 1514 г. его имя стоит среди подписей на договоре с немецкими городами. В 1521 г. Василий подписал вместе с другими старостами новгородско-ливонский договор. В 1531 г. его имя встречаем среди подписей купеческих старост под перемирием с Ливонией на 20 лет [12, № 65, 95, 105]. В 1519 г. Владимир Тараканов по слову государеву был поставлен «...судить с наместники» [3, с. 346].

В упоминаемой уже закладной кабале от 1525 г. названы еще три сына Никиты Тараканова — Прокопий, Панфил и Семен Некрас, а также Гаврила, сын брата Никиты — Никифора [8, с 263, № 257].

О четвертом поколении Таракановых известно немного. Под 1538 г. в летописи сообщается о строительстве Василием Никитичем с сыновьями каменной церкви Успения Богородицы в Сытине. При этом названо три имени: Петр, Андрей, Василий [10, с. 540, 616]. О Петре Тараканове известно только, что в 1547 г. он продал Новгородскому Софийскому Дому 7 поставов «сукон тюпинских» [2, с. 133]. Андрей Тараканов погиб во время опричного террора в 1570 г. [13, с. 78]. В Новгородской писцовой книге 1573 г. отмечены как опустевшие дворы Андрея и Петра Таракановых [14, с. 219].

Среди пустых дворов купцов Таракановых под 1581 г. назван двор гостя Федора Тараканова [2, с. 149]. Некоторые авторы склонны признать в этом Федоре отца Никиты и Никифора, активная деятельность которых падает на конец XV — первую четверть XVI в. [6, с. 52]. Однако по письменным источникам известен и Григорий Федорович Тараканов — деятель Земского собора 1566 г. [15, с. 182—183]. Если следовать за упомянутыми авторами, то перед нами представитель второго поколения Таракановых, активно участвовавший в политической жизни страны в 60-е годы XVI в. Более допустимо признать наличие какого-то неизвестного нам Федора Тараканова в четвертом поколении семьи, т. е. ровесника Василия, Петра, Андрея, чья деятельность падает на 30—40-е годы XVI в. В таком случае Григорий (1566 г.) вполне мог бы быть сыном этого Федора, потерявшего двор свой одновременно с Петром и Андреем Таракановыми. В это же время в 30-е годы XVI в., торговлей с литовскими купцами занимался еще один Тараканов — Филипп [4, с. 219].

Из пятого поколения Таракановых, жившего во второй половине

Рис. 1. *а*, *б* — шиферная иконка из Зарядья

XVI — начале XVII в., известно несколько человек. Это упомянутый уже Григорий Тараканов, а также Богдан Васильев, сын Тараканов, чей двор отмечен в писцовой книге конца XVI в. [14, с. 219]. В работе С. Б. Веселовского [16, с. 506] находим дьяка казенного двора Василия Тараканова, упомянутого в источниках под 1593, 1601—1602, 1607 и 1610 гг. Среди московских «гостей» — кредиторов английских купцов в 80-е годы XVI в. присутствуют Алексей и Василий Таракановы.

В начале XVII в. в Казани таможенным головой служил московский гость Томила Тараканов. Известен тем, что за полтора года службы взятками нажил 10 000 рублей [17, с. 32, 33]. Перепись дворов Китай-города 1626 г. называет двор Томилы Тараканова в Воскресенском переулке [18, с. 8]. Упомянут двор Таракановых и в переписи 1638 г. [19, с. 3].

Итак, известен 21 представитель (считая Елену — жену Ильи Тараканова) пяти поколений одной из самых крупных купеческих семей XV—XVI вв.

Таракановы, как и другие семьи московского и новгородского купечества, были землевладельцами, имели вотчины и усадьбы в Москве и Новгороде.

Вместе с Никитой Федоровичем и Владимиром Таракановыми в конце XV в. в Новгород, видимо, приехал и Илья Тараканов, так как иконка его жены Олёны, найденная в Зарядье, изготовлена уже в Новгороде и к тому же в 1538 г. Елена, вдова гостя Ильи Тараканова, строит церковь Федора Стратилата в монастыре св. Николы в Воротниках [9, с. 303].

В письменных источниках от периода конца XV — начала XVII в.

сохранилось немало упоминаний о земельных владениях Тараканових. Переселившийся в Новгород Никита (около 1495 г.) получил «...противу земель московских» — в двух погостах Деревской пятины «... 7 деревень да починок, а дворов в них пол — 30, а людей в них 26 человек» [3, с. 347]. Судя по закладной кабале 1525 г. на деревню и угодья на Лукине берегу (Двинский уезд), владельцами этой деревни были Никита и его брат Никифор Тараканови [8, № 257 и 289]. Землю эту унаследовали сыновья Никиты Тараканова и сын Никифора — Гаврила.

Владения Владимира Тараканова — семь деревень с 12 дворами в Новолоцком и Понедельском погостах Деревской пятины: «... и те дворы отданы Володимеру Тараканову лета 7007» [3, с. 347].

Дворы Тараканових в Новгороде размещались на Рогатице [3, с. 346]. В писцовой книге 1581—1582 гг. упомянуты дворы гостя Федора Тараканова (площадью около 1000 м²), двор Андрея Тараканова (1700 м²), двор Богдана Васильева, сына Тараканова (около 7000 м²), двор Петра Тараканова [14, с. 219].

О московских владениях Тараканових почти ничего не известно. О том, что они несомненно были, говорит формулировка, примененная в писцовой книге: Новгородские земли даны Никите Тараканову «противу его земель московских». Можно, правда, с большой долей сомнения, предположить, что земли эти находились где-то в Переяславском уезде или рядом, так как существует купчая Алексея Андреевича Чулкова (семья старомосковского боярства) от 1517—1518 гг. на с. Новоселки Переяславского уезда, где послухами указаны два потомка купцов-суро-

жан: Иван Михайлович сын Онтонова и Володимер Никитин сын Тараканова. Возможно, появление рядом этих имен в подобном документе объясняется какими-то соседскими контактами.

Сведения о дворах Таракановых в Москве относятся к более позднему времени. Так, из переписной книги Китай-города 1626 г. следует, что двор гостя Томилы Тараканова находился в Воскресенском (Черкасском) переулке. В переписной книге 1638 г. упомянут еще один двор Тараканових, на Варварке, недалеко от церкви Георгия. Двор Таракановых, очевидно, был в Рыбном переулке недалеко от Ильинки, так как в ружной книге 1677 г. при описании церквей Дмитрия Солунского и Параскевы Пятницы приводится топографическое уточнение: «... что у Тараханова» [20, с. 319—320]. Четвертой усадьбой, принадлежавшей, видимо, Таракановым, была Зарядьевская усадьба, на территории которой найдена шиферная иконка. Усадьбу окружали купеческие дворы [2] [21, с. 319].

Площадь усадьбы составляет около 2000 м², т. е. примерно столько, сколько занимали в среднем новгородские усадьбы Таракановых.

О застройке дворов Таракановых почти ничего не известно. Судя по писцовым книгам, в Новгороде на дворе Андрея Тараканова в XVI в. стояла каменная палата [14, с. 219]. Возможно, каменные палаты стояли на всех дворах этой семьи. Летописи сохранили известия о строительстве Таракановыми нескольких каменных храмов в Новгороде. В 1520 г. Василий Никитич Тараканов строил церковь Климента на Иворове, а в 1538 г. он вместе со своими сыновьями Василием, Петром и Андреем строил каменную церковь Успения Богородицы в Сытине [10, с. 540, 616]. В том же 1538 г. Елена, вдова Ильи Тараканова, строит церковь Федора Стратилата в монастыре св. Николы в Воротниках [9, с. 303].

О строительстве Таракановых в Москве известно немного. Установленная с помощью иконки связь Зарядьевской усадьбы с семьей Таракановых позволяет высказать одно предположение. Севернее местонахождения иконки в том же слое конца XV в. обнаружены следы существовавшего где-то рядом каменного сооружения. Среди находок слоя две керамические балясины — детали керамического декора, состоящего из сочетания терракотовых плит, карнизных тяг и балясин [22, с. 282]. Балясины аналогичны подобным украшениям Духовской церкви Троице-Сергиевской лавры [23, с. 123], балясинам из декоративного фриза дворца царевича Дмитрия в Угличе [3] [24, с. 20], церкви Ризоположения в Московском Кремле [4] [24, с. 20]. Расцвет популярности подобного керамического декора исследователи относят к 70—90-м годам XV в. и связывают его появление с влиянием западной архитектуры, и в частности позднейшей немецкой готики и североитальянского Возрождения [22, с. 287, 293]. Связь найденных балясин с усадьбой Таракановых подтверждается наличием в том же слое ямы, заполненной строительным мусором из обломков маломерного кирпича и белого камня. Видимо, где-то рядом, скорее всего западнее раскопа, размещались каменные палаты, украшенные декором и сооруженные в период 70—90-х годов XV в. С помощью аналогичных сооружений этого же времени можно несколько расширить наши представления об этих палатах.

На Московском посаде конца XV в. существовали и другие, видимо, близкие по конструкции, каменные палаты. В основании палат Английского двора и Романовских палат лежат белокаменные сооружения конца XV в. [25, с. 76, 112]. Есть и более близкая аналогия. В 1971 г. в Новгороде были частично раскрыты руины палат, связываемых письменными источниками с именем Андрея Тараканова [26, с. 95].

Очевидно, так же как новгородские палаты и палаты Зарядья, палаты Таракановых имели каменное крыльцо и сени [26, с. 90; 27, с. 41—42]. В основании палат находился белокаменный подклет со сводами, состоя-

[2] «...загореся на Посаде оу Москвы церковь Благовещения на Болоте деревяная, и по стену городную дворы всех богатых гостей и людеи всех с пять тысяч, и церквеи згорело с тридцать...». Пожар 1488 г. [21, с. 319].

[3] Сооружение XV в.

[4] Сооружение 1485—1486 гг.

щий, видимо, из двух камер [25, с. 73, 76; 26, с. 87]. Трудно представить себе размер палат Зарядьевской усадьбы, однако скорее всего они не были так велики, как палаты Андрея Тараканова (34×15 м) [26, с. 90]. Нам известны размеры лишь двух палат Зарядья этого времени. Это уже «ветхие» в XVII в. палаты так называемого Купецкого двора, стоявшие западнее Английского двора (их длина всего 13 м) [28, с. 313], и основание палат начала XVI в., обнаруженные М. Г. Рабиновичем на юге Зарядья. Размеры последнего сооружения — 8,5×4,5 м [27, с. 41—42].

Под 1471 г. в летописи говорится: «Того же лета Тарокан купец заложил себе палаты кирпичны во граде Москве, у градской стены, у Фроловских ворот; единого лета и сведе» [9, с. 191]. В свое время М. И. Александровский, связывая это сообщение летописи с семьей Таракановых, отмечал, что упоминание в ружной книге под 1677 г. «... что у Тараханова» относится к новому двору Тараканова на Ильинке, построенному вместо снесенного при Иване III первого двора у Спасских ворот [29, с. 114].

Связь Зарядьевской усадьбы конца XV в. с семьей купцов Таракановых, местоположение этой усадьбы и предположение о наличии на усадьбе палат, сооруженных в 70—90-е годы XV в., т. е. во время, на которое приходится пора активной деятельности родоначальника семьи купца Тараканова,— все это позволяет, по нашему мнению, во-первых, отнести Зарядьевскую усадьбу к самым первым земельным владениям семьи Таракановых в Москве; во-вторых, предположить, что первый владелец усадьбы и Федор — отец Никиты Тараканова, упомянутый в закладной 1525 г.,— одно и то же лицо. Может быть, именно этим объясняется сооружение Еленой Тараканową в Новгороде церкви Федора Стратилата.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дубынин А. Ф.* Работы Московской экспедиции.— КСИА, 1955, вып. 57.
2. *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957.
3. *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
4. *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М.: Мысль, 1972.
5. *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М.: Наука, 1980.
6. *Варенцов В. А.* Род «московских гостей» Таракановых в свете генеалогического исследования.— В кн.: XXX Герценовские чтения. Исторические науки. Научные доклады. Л., 1977.
7. *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
8. Акты Русского государства. 1505—1526 гг. М.: Наука, 1975.
9. ПСРЛ. Т. VI. Спб., 1853.
10. ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. 3. Л., 1925.
11. *Косточкин В. В.* Крепость Иван-город.— МИА, 1952, № 31.
12. Собрание Государственных грамот и договоров. Ч. V. М., 1894.
13. *Скрынников Р. Г.* Синодик опальных царя Ивана Грозного.— Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1965, т. 278.
14. *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. Спб., 1911.
15. *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964.
16. *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М.: Наука, 1975.
17. *Довнар-Запольский М. В.* Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв.— В кн.: Москва в ее прошлом и настоящем. Т. VI. М., б/г.
18. Переписные книги Москвы, составлены в 1738—1742 гг. Т. I. Изд. Московской городской думы. М., 1881. Приложение: Роспись улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе в 1626 г.
19. Переписная книга г. Москвы, 1638 г. М., 1881.
20. Дополнения к Актам историческим. Т. IX. Спб., 1857.
21. ПСРЛ. Т. 28. М.— Л., 1963.
22. *Выголов В. П.* Русская архитектурная керамика конца XV — начала XVI века.— В кн.: Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.: Наука, 1975.
23. *Соболев Н. Н.* Русский орнамент. М., 1948.
24. *Филиппов А. В.* Древнерусские изразцы. М.: Изд-во Всес. Акад. архитектуры, 1938.
25. *Казакевич И. И.* Зарядье. М.: Искусство, 1977.
26. *Янин В. Л.* К истории так называемого «дома Марфы Посадницы» в Новгороде.— СА, 1981, № 3.
27. *Рабинович М. Г.* Культурный слой центральных районов Москвы.— МИА, 1971, № 167.

28. *Беленькая Д. А.* Английский двор в Москве.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
29. *Фехнер М. В.* Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в.— МИА, 1949, № 12.

D. A. Belenkaya

A SLATE ICON FROM ZARYADYE

Summary

A bi-facial slate icon (63-74 mm) bearing the images of John the Gracious and Paraskeva Pyatnitsa, on the one side, and of Ilia and Nikita, on the other, and an inscription «Olena» along its upper edge, was found in 1953 on the territory of the Moscow trading quarter (Kitai-gorod) in the 15th-century layer. The icon is dated to the 15th century by its palaeography while its stratigraphy narrows the date to the 1670s-1680s. The images and the place where the icon was found connect it with the Tarakanovs, a family of Moscow merchants, well-known to historians from late 14th-16th-century written monuments.

АЛЕКСЕЕВ В. А., КУЗНЕЦОВА Э. Ф.

КЕНКАЗГАН — ДРЕВНИЙ МЕДНЫЙ РУДНИК В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Район северной Бетпакдалы и прилегающих территорий Центрального Казахстана в настоящее время широко известен как крупная сырьевая база разнообразных отраслей металлургии СССР. Расцвет горнодобывающей промышленности этого района относится к годам Советской власти, однако рудные его богатства использовались человеком с древнейших времен: здесь нередки находки старых выработок, проходящих в геологической литературе под названием «чудских» или «калмыцких» [1, с. 30; 2, с. 94—95]. Известно, что этот район был одним из металлургических центров эпохи бронзы на территории Казахстана [3]. Но при этом остается открытым вопрос о местоположении основных участков рудных разработок, поставлявших главную массу сырья для древней металлургии, а также о масштабах добычи руд, исключая, пожалуй, лишь район Джезказгана, где, по данным К. И. Сатпаева [4], добыча окисленных медных руд в древности достигала огромных размеров — не менее 1 млн. т.

Материалы геологических работ в северной Бетпакдале свидетельствуют о том, что помимо Джезказгана и наравне с ним крупнейшим горнорудным центром древней металлургии в этом районе был участок полиметаллического месторождения Кенказган — он расположен в 30 км к югу от горы Мунлу. Собственно, здесь известны не одно, а два месторождения: Кенказган и расположенное в 3 км к северо-западу от него месторождение Ефимовское. По своим геологическим особенностям, минералогии руд, по развитию в зоне окисления обширных участков богатой медной минерализации и даже по приуроченности к ним ярко выраженных в современном рельефе древних карьеров оба месторождения представляются полными аналогами; Ефимовское отличается лишь незначительными размерами своей рудной залежи и соответственно сравнительно небольшим объемом карьера. В основу нашей работы положены материалы по месторождению Кенказган.

В современном рельефе месторождение Кенказган отмечено, как уже упоминалось, крупным древним карьером, что фиксировалось уже первыми изучавшими его геологами [5, с. 36, 37] и находило отражение в работах всех последующих исследователей (И. П. Новохатский, Г. С. Гречкин, Д. Х. Хайрутдинов и др.). Изучение глубин месторождения было начато в 1931 г. [6, с. 148]; в дальнейшем оно периодически возобновлялось, последний раз — в середине 70-х годов. Выполненные здесь буровые работы характеризуются широким размахом и детальностью. Материалы бурения на обоих месторождениях позволили Г. С. Гречкину и др. документировать массивы древних отвалов, занимающие значительную часть выработанных древними рудокопами карьеров.

Геологические исследования И. П. Новохатского сопровождались находками на Кенказгане орудий древних рудокопов (рис. 1) [1], а на Ефимовском — обломков керамической посуды (рис. 2). Возраст их датируется эпохой бронзы. В отчете Д. Х. Хайрутдинова, изучавшего эти месторождения в середине 50-х годов, отмечено, что обломки керамических изделий были обнаружены под отвалами Ефимовского карьера, что они «довольно грубой выделки, с хорошо сохранившимся орнаментом». На двух

[1] Экспонат музея Института геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР.

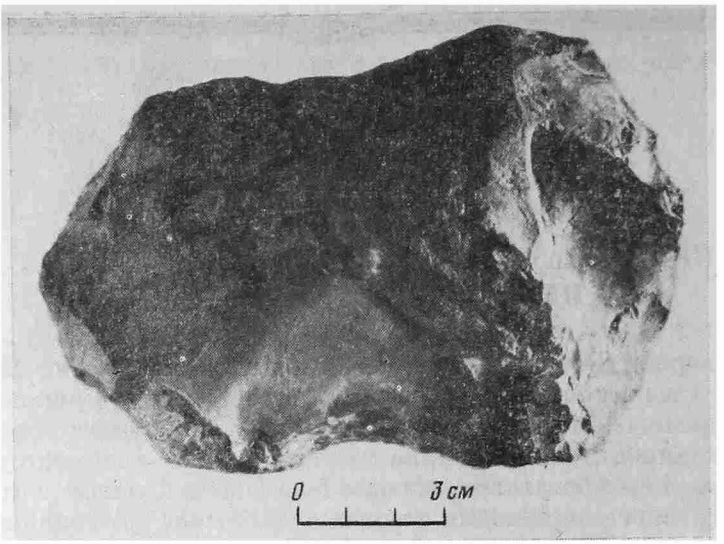


Рис. 1. Мотыжка из кремня. Эпоха бронзы. Месторождение Кенказган (И. П. Новохатский)

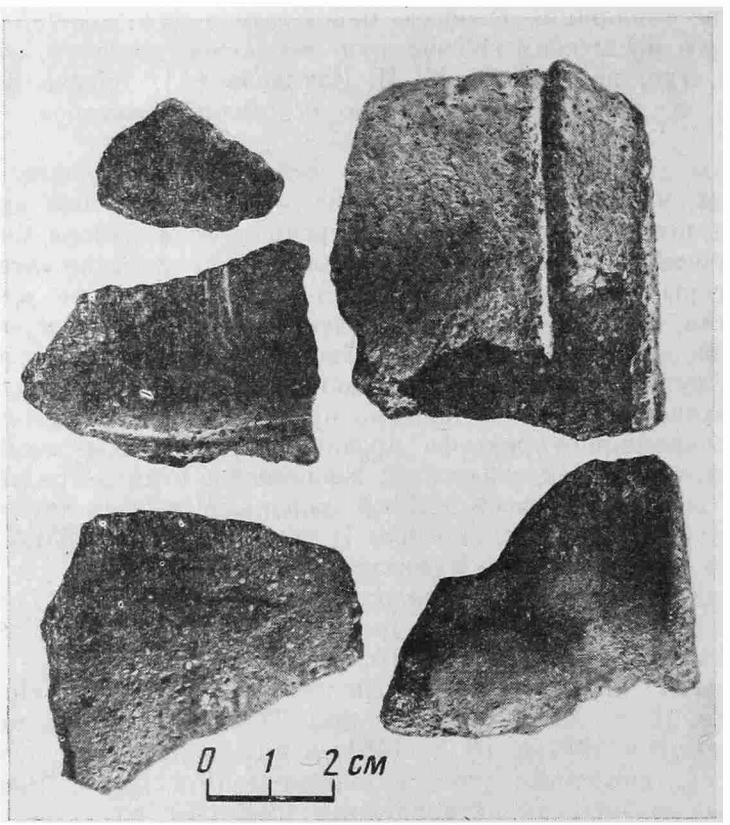


Рис. 2. Обломки керамической посуды. Эпоха бронзы. Месторождение Ефимовское (Д. Х. Хайрутдинов)

фрагментах керамических сосудов (вероятно, от горловины) отчетливо виден меандровидный орнамент, выполненный в прочерченной технике. Еще на одном фрагменте видна короткая линия орнамента, выполненная зубчатым штампом. Вероятный возраст этих керамических изделий — эпоха поздней бронзы [2].

Месторождение Кенказган на поверхности представлено линзообраз-

[2] Определение сотрудника отдела археологии ИИАЭ АН КазССР кандидата исторических наук М. К. Кадырбаева, ознакомившегося с фотографиями керамики.

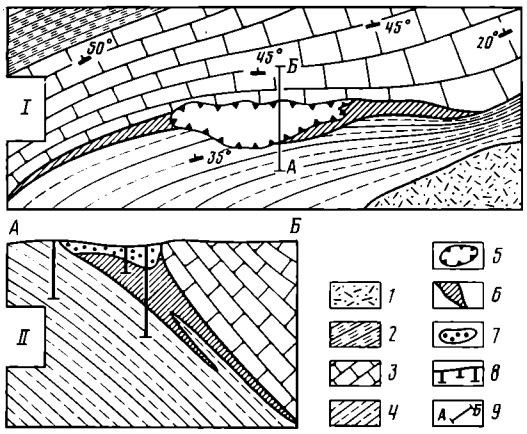


Рис. 3

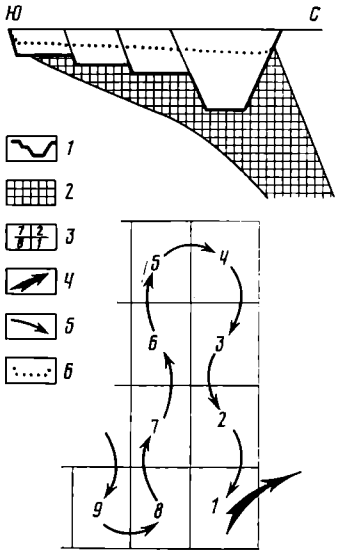


Рис. 4

Рис. 3. Схема геологического строения (I) и геологический разрез (II) месторождения Кенказган. *1* — кислые вулканиты среднего — верхнего девона; *2* — красноцветные алевролиты, туффиты, песчаники франского яруса верхнего девона; *3* — известняки и доломиты фаменского яруса верхнего девона; *4* — кремни турнейского яруса нижнего карбона; *5* — контур древнего карьера; *6* — рудная залежь; *7* — древние отвалы (на разрезе); *8* — скважины (на разрезе); *9* — линия геологического разреза

Рис. 4. Возможный вариант отработки Кенказганского карьера. *1* — забой карьера; *2* — рудная залежь; *3* — последовательность отработки рудных целиков; *4* — движение отвалов в наружный пункт сортировки; *5* — движение отвалов внутри карьера: от разрабатываемых целиков в выработанное пространство; *6* — современное дно карьера

ной залежью медных окисленных руд, приуроченной к контакту песчано-глинистой и известняковой толщ верхнедевонского возраста (рис. 3). Оруденение в пределах карьера распространено преимущественно в песчано-глинистых, интенсивно окремненных и ожелезненных породах; минералогически оно представлено в основном малахитом, купритом, хризоколлой и азуритом. Протяженность рудной линзы свыше 1 км, мощность ее, весьма незначительная на флангах, достигает нескольких десятков метров в средней части. Эта наиболее мощная и богатая часть рудной линзы вскрыта карьером, протяженность которого достигает 500, а ширина — 100 м. Стенки карьера возвышаются над его современным дном на 5—10 м. Дно сложено рыхлыми пролювиальными отложениями, мощность которых, судя по пройденным здесь шурфам, составляет не менее 2,5 м, таким образом, на эту цифру должна быть увеличена видимая высота уступов карьера; кроме того, большая мощность этих осадков подчеркивает многовековую его заброшенность и несомненную древность выполнявшихся здесь работ.

Какие-либо нагромождения отвалов вынутой из карьера породы на участке месторождения отсутствуют. Как свидетельствуют материалы горно-буровых работ, их вместилищем стал сам карьер. Его рабочее дно — забой — практически повсеместно прикрыто древними отвалами, мощность которых достигает 17,5 м, а возможно, и более. Несколько скважин, разместившихся в пределах карьера, позволили не только выделить массив отвалов, но и подсчитать его объем. Кроме того, по ним наметилась тенденция значительного увеличения глубины карьера, а с ней и мощностей отвалов, от южного уступа к северному. Однако этого количества скважин недостаточно для детального изучения рельефа забоя и распределения в пространстве мощностей отвалов, т. е. для суждений о системе отработки карьера и заполнения отработанного пространства отвальной массой. На рис. 4 представлен возможный, гипотетический, вариант разработки Кенказганского карьера. Транспортировке за его пределы подлежал лишь первый отработанный рудный целик; освободивший-

ся при этом объем становился вместилищем отвальных пород при отработке следующего целика и т. д., уже без выноса отвальной массы за пределы карьера.

Выделение массива древних отвалов, заполняющего отработанную часть карьера, не только ставит вопрос о системе этой отработки — вопрос, безусловно, важный, требующий самостоятельного изучения. Оно также открывает неожиданную грандиозность выработанного здесь пространства: при видимой высоте стенок карьера 5—10 м истинная высота уступа древней выработки в наиболее углубленных ее местах должна была достигать 30, а возможно, и более метров! Таким образом, Кенказганский карьер предстает в качестве несомненно выдающегося памятника древнего горнорудного дела, который, по полученным данным, характеризовался следующими параметрами:

Общий объем горных работ, м³	Объем отвалов, м³	Добыто руды	
		м³	т
570 000	270 000	300 000	800 000

За объем руды здесь принят объем свободного пространства карьера — это добытая и вывезенная для дальнейшей переработки часть рудной залежи. Вообще говоря, он может быть заметно увеличен, если учесть степень разрыхления оставленных в карьере отвальных пород, которые в нетронутом работами целике занимали, естественно, меньший объем — на эту разницу и должен быть увеличен объем добытой руды. Однако при приблизительности наших расчетов подобная их детализация, по-видимому, нецелесообразна.

Куда же могла транспортироваться для пирометаллургической переработки вся эта громадная масса руды? Следует исключить из вероятных пунктов ее назначения ближайшие окрестности Кенказгана, так как сколько-нибудь заметными ресурсами растительного топлива они не обладали, как не обладают ими и сейчас: все данные свидетельствуют о том, что климат и ландшафт Центрального Казахстана за прошедшее время мало изменились [3, с. 240]. Вероятно, руда могла транспортироваться в лесистый и обводненный район горных верховьев р. Атасу, расположенный в 80 км к северо-востоку от Кенказгана. Это район древних поселений, являвшихся пунктами металлургического производства меди, а также вполне вероятный район добычи олова [7] и производства бронзы [3, с. 269, 270]. Древесная растительность этого района обеспечивала производство угля — обязательного компонента шихты в плавках окисленных медных руд, ресурсы же растительного топлива могли быть достаточными для пирометаллургической переработки без малого миллиона тонн кенказганских руд — переработки, затянувшейся, безусловно, на многие века.

Атасуйский район является объектом многолетних археологических исследований — здесь более полутысячелетия функционировал один из крупнейших в Центральном Казахстане металлургический центр эпохи бронзы. Еще в 1955 г. при раскопках Атасуйского поселения А. Х. Маргуланом была найдена мастерская для плавки руды и ряд производственных помещений [3, с. 207]. Продолженные после 20-летнего перерыва раскопки поселения Атасу Центрально-Казахстанской археологической экспедицией дали богатый материал — обнаружен целый квартал древних металлургов, печи для выплавки металла, причем некоторые из них загружены рудой, множество находок шлаков, руд, кусочков самородной меди, корольков выплавленного металла и других продуктов производства [8]. Спектральным анализом образцов, отобранных из этих продуктов, установлено, что именно здесь было налажено производство меди и бронзы: корольки выплавленного металла были двух видов — медь, а также сплав меди с 5—10% олова [9, с. 119]. Состав руд и шлаков, по данным спектрального анализа, показал, что металлургическое производство в этом районе базировалось на собственных сырьевых источниках.

Какова могла быть роль кенказганских руд в этом производстве? Мы попытались оценить ее путем сравнения химического состава кен-

казганских руд с рудами и шлаками, обнаруженными на поселении Атасу. Для этого был выполнен полуколичественный спектральный анализ руд, рудных минералов и рудовмещающих пород Кенказганского и Ефимовского месторождений, а также рудной щебенки с 1-го пункта сортировки Кенказгана — описание этого пункта приведено ниже. Кроме того, были спектрографически проанализированы руды и шлаки с Атасуйского поселения, а также находки медных безоловянных предметов из этого же региона. Результаты спектрального анализа (60 проб) приведены в таблице.

Согласно данным спектрального анализа, содержание основного металла — меди в рудах колеблется в широком интервале концентраций: от десятых долей процента в бедных рудах до 50—80% в купритовых рудах, часто выступающих в парагенезисе с самородной медью. Вероятно, на плавку шла руда с содержанием меди не менее 20—50%.

Кенказганские руды характеризуются повышенными содержаниями цинка (от десятых долей до 3—5%), свинца (сотые и десятые доли процента до 2—3%) и железа (десятые доли процента — до 1—10% и более). Олова нет, а кобальт, никель, хром составляют незначительные количества — тысячные и сотые доли процента. Анализы образцов руд с Ефимовского месторождения и из 1-го пункта сортировки показали идентичность их состава с кенказганскими рудами по основным компонентам и элементам-примесям.

Труднее идентифицировать эти пробы с пробами руд и шлаков из металлургических помещений поселения Атасу. Последние (правда, в меньшей части проб) показали высокие концентрации цинка, свинца и железа; бóльшая же часть проб по этим металлам вполне сопоставима с пробами из района Кенказгана. По составу основной группы примесей — железо, никель, кобальт, хром, фосфор и др.— кенказганские руды в общем, качественном виде также могут быть признаны сходными с рудными находками поселения Атасу, хотя ярко выражены их количественные различия, которые, впрочем, существенно снижаются при сопоставлении руд сходного минерального состава. Вообще говоря, есть несколько причин, по которым трудно ожидать полного сходства химического состава проб из Кенказганского района и Атасуйских поселений даже в случае их принадлежности к единой рудной залежи. Первая — на Кенказгане мы в настоящее время имеем дело с отвалами, т. е. с беднейшей частью рудного тела, на Атасуйском поселении — наоборот, с богатейшими рудами. Вторая, и наиболее важная, заключается в минеральном различии этих проб: закисные купритовые руды Атасуйского поселения и окисленные силикатно-карбонатные руды отвалов Кенказгана представляют собой крайние — соответственно начальную и конечную стадии преобразования рудной залежи в зоне окисления. Они отличаются по своим геохимическим характеристикам, в том числе по условиям рассеяния примесных и сопутствующих элементов руд. Оценивая результаты спектрального анализа в целом, можно отметить, что при всех содержащихся в них различиях, они позволяют предположить возможность широкого участия кенказганских руд в металлургическом производстве поселения Атасу.

Таким образом, естественным и реальным выглядит горно-металлургический комплекс Кенказган — Атасу. Нужно оговорить, что могли существовать в удобных для этого местах и другие производства, выплавлявшие медь из кенказганских руд. В частности, место таких плавок известно на р. Карасай [2, с. 94, 95], и мы склонны усматривать в этом признак существования в долине этой реки достаточно широкой и развитой системы пунктов по производству меди на базе кенказганских руд: с местным источником топлива, с поставками из верхнеатасуйского района древесного угля и, возможно, оловянного концентрата.

При значительной разобщенности горной и металлургической баз руда перед транспортировкой должна была быть в существенной мере обогащена. В ближайших окрестностях Кенказгана Д. Х. Хайрутдиновым при выполнении геологических исследований обнаружены два пункта обра-

Результаты спектрального анализа

№ п. п.	Наименование пробы	Содержание элементов, %												
		медь	олово	свинец	цинк	мышьяк	сурьма	висмут	серебро	железо	никель	кобальт	хром	фосфор
	Рудник Кепказган													
1	Медная залежь	Осн.	–	Сл.	0,2	–	–	–	–	0,1	–	–	0,005	–
2	Богатая руда с медью	»	–	0,04	0,2	–	–	–	–	>1,0	–	–	0,003	–
3	Руда бедная	1–3,0	–	0,1	0,3	–	–	–	–	>1,0	0,001	0,001	–	–
4	»	0,6	–	0,03	0,2	–	–	–	–	0,5	–	–	–	–
5	»	0,7	–	0,02	0,1	–	–	–	–	>1,0	0,001	0,001	–	–
6	»	0,1	–	0,02	0,1	–	–	–	–	0,5	–	–	–	–
7	Руда с малахитом	5–10,0	–	0,07	0,7	0,03	–	–	–	0,2	–	–	0,005	–
8	Руда с азуритом	3–5,0	–	0,6	0,8	0,01	–	–	–	0,1	–	–	0,005	–
9	Руда с малахитом	3–5,0	–	0,3	0,5	0,01	–	–	Н. о.	0,005	–	–	0,003	0,3
10	Руда с хризаколой	3–5,0	–	2,5	3–5,0	0,5	–	–	<0,001	>10,0	–	–	0,003	0,5
11	Руда с азуритом	1,0	–	3,0	0,8	0,8	–	–	Н. о.	0,1	–	–	–	10,0
	Месторождение Ефимовское													
12	Руда бедная	1,0	–	0,02	0,1	0,01	–	–	–	>1,0	0,003	0,005	0,002	–
13	»	0,9	–	–	0,4	–	–	–	–	Осн.	0,8	0,05	0,1	0,1
	1-й пункт сортировки руд													
14	Богатая руда с медью	~50,0	–	0,01	~50,0	–	–	–	–	>1,0	0,005	0,001	–	0,1
15	Руда с медной зеленью	5,0	–	Сл.	10,0	–	–	–	–	0,005	–	–	–	–
16	Кремень	0,03	0,001	0,008	0,06	–	–	–	–	0,4	–	–	–	–
17	Руда бедная	0,8	–	0,05	0,8	–	–	–	–	>1,0	0,003	–	–	0,1
	Поселение Атасу													
18	Плавленая куприто-вая руда	~50,0	Сл.	5–10,0	20–30	0,03	–	0,003	–	Осн.	0,03	0,002	0,002	0,3
19	Купритовая руда с медью	~20,0	0,001	10,0	20–30	0,05	–	–	–	»	0,006	0,003	0,002	0,1
20	Медная руда	1–3,0	–	0,2	0,5	0,4	0,6	–	0,001	>1,0	0,001	0,001	0,002	–
21	Медная руда с блеском	Осн.	0,001	5,0	10–20	0,3	–	–	–	Осн.	0,005	0,002	0,005	–
22	Шлак	0,005	–	–	–	–	–	–	–	»	0,002	<0,001	0,007	–
23	Медная зелень	Осн.	–	0,02	~20,0	0,04	0,002	0,04	0,007	>1,0	Сл.	–	0,01	–

Продолжение

№ п. п.	Наименование пробы	Содержание элементов, %												
		медь	олово	свинец	цинк	мышьяк	сурьма	висмут	серебро	железо	никель	кобальт	хром	фосфор
24	Ошлакованная купритовая руда	»	0,002	10,0	10,0	0,03	–	–	Сл.	0,003	0,007	0,006	0,008	0,1
25	Шлак с включением меди	10–20,0	Сл.	5–10,0	10,0	0,04	–	–	Сл.	Осн.	0,004	0,004	0,005	–
26	Медная руда бедная	3,0	0,01	0,4	0,3	0,07	0,005	0,8	0,005	»	–	0,001	–	0,2
27	Плавленая купритовая руда	~50,0	0,03	10,0	40,0	0,06	–	–	–	»	0,009	0,006	0,005	0,3
28	Азуритовая руда с блеском	Осн.	–	0,08	0,6	0,05	0,3	–	0,03	»	Сл.	0,001	0,006	–
29	Руда бедная с породой	»	0,06	0,2	10,0	0,05	Сл.	–	0,003	0,5	0,007	–	0,009	0,1
30	Руда богатая	»	0,005	5,0	10,0	0,2	–	0,003	0,001	1,0	0,005	–	0,008	0,2
31	Шлаковидная масса	3,0	–	0,3	1–3,0	0,04	0,1	–	Сл.	>1,0	0,003	0,005	0,003	0,1
32	Шлак с медью	Осн.	–	0,2	5–10,0	0,01	–	–	–	>1,0	0,003	0,003	0,003	–
33	Шлак	0,006	0,003	0,003	–	–	–	–	–	1,0	0,003	0,001	0,005	–
34	Медная руда, богатая	Осн.	0,3	0,8	1–3,0	0,01	–	0,2	0,4	>1,0	0,006	–	0,005	0,3
35	Медная руда (рыхлая)	~50,0	–	0,6	50,0	0,3	–	–	–	>1,0	0,003	0,005	0,002	–
36	Ошлакованная купритовая руда	~50,0	0,005	20–30	20,0	0,1	–	0,01	0,002	Осн.	0,01	0,008	0,005	–
37	Медная азуритовая руда	Осн.	0,7	0,6	0,4	0,03	–	1,0	0,1	1,0	–	–	0,005	0,4
38	Медная руда	Осн.	–	0,001	0,05	0,08	0,05	–	–	0,8	–	–	0,01	0,6
39	Шлак с медной зеленью	1,0	0,001	0,2	0,1	0,05	–	–	0,001	>1,0	Сл.	0,003	0,001	0,2
40	Самородная медь	Осн.	–	0,001	0,01	0,01	–	–	0,03	0,005	»	–	0,01	–
41	Шлак (желтый)	1,0	0,004	1–2,0	0,07	0,07	–	0,05	0,001	Осн.	0,003	Сл.	–	0,3
42	Руда с включениями меди	Осн.	Сл.	0,009	–	0,03	–	Сл.	0,001	0,002	Сл.	–	0,01	–
43	Шлак (красный)	0,5	0,001	0,4	0,3	0,01	–	–	–	Осн.	0,004	0,002	–	–
44	Шлак (светло-корич.)	3,0	–	3,0	3–5,0	0,01	–	–	–	»	0,005	0,002	–	0,1
45	Шлак (темно-серый)	0,005	–	0,001	–	–	–	–	–	>1,0	0,001	0,001	0,008	0,1
46	Шлак с блеском (черн)	0,4	0,001	5,0	5–10,0	0,01	–	–	–	Осн.	0,001	0,1	–	0,1
47	Руда азуритовая (печь 1)	Осн.	0,008	0,3	0,6	0,01	–	0,03	0,001	»	0,001	Сл.	0,005	0,1
48	Руда с малахитом (печь 2)	50,0	–	0,9	50,0	0,03	–	–	–	1,0	0,007	–	0,007	0,3

Окончание

№ п. п.	Наименование пробы	Содержание элементов, %												
		медь	олово	свинец	цинк	мышьяк	сурьма	висмут	серебро	железо	никель	кобальт	хром	фосфор
49	Руда с малахитом (печь 3)	50,0	–	0,8	30,0	0,03	–	–	–	1,0	–	–	0,01	0,1
50	Руда азуритовая (печь 5)	Осн.	0,5	3–5,0	20–30	1–3,0	0,5	1–2,0	0,1	Осн.	0,005	0,002	0,003	1–3,0
	Металлические находки													
51	Шило (пробойник)	Осн.	0,05	0,007	–	0,03	0,003	0,001	0,005	0,8	–	–	0,005	–
52	Наконечник копья	»	0,001	0,03	–	0,05	0,003	0,001	–	0,005	–	–	0,008	–
53	Обойма	»	0,005	0,003	–	0,01	–	–	0,001	0,002	–	–	0,005	–
54	Нож	»	0,9	0,05	–	0,4	0,03	0,02	0,005	0,003	–	–	0,004	–
55	То же	»	0,003	0,002	–	Сл.	–	–	0,003	0,001	–	–	0,004	–
56	Наконечник копья	»	–	0,2	0,1	0,03	0,003	–	<0,001	0,04	–	–	0,007	0,5
57	То же	»	0,001	0,006	0,004	–	–	–	0,002	0,002	–	–	0,007	–
58	Наконечник дротика	»	0,6	0,03	–	0,2	0,04	0,003	0,7	0,003	–	0,001	0,005	–
59	То же	»	0,001	0,009	–	–	–	–	Сл.	0,002	–	0,001	0,005	–
60	Наконечник стрелы	»	0,06	0,007	–	0,2	0,005	0,001	0,5	0,3	0,006	–	0,007	–

Примечание. Зафиксирован индий в трех пробах — № 34 (0,002%), № 49 (0,001%), № 50 (0,03%); вольфрам — №11(0,003%), № 13 (0,005%), № 24 (0,005%).

ботки руд: 1-й — вблизи действующего колодца, в 3 км к юго-востоку от карьера, и 2-й — в 1,5 км к югу от него, в районе группы засыпанных колодцев. Здесь на площадях развития безрудных вулканических пород наблюдаются участки обильных высыпок мелкой щебенки кенказганских руд. Пройденными на этих участках шурфами установлена приуроченность ее к верхнему слою суглинков с распространением до глубины 50—70 см. Общий объем рудной массы на этих участках составляет незначительную долю добытой на Кенказгане руды. В свете представленной на рис. 4 системы отработки карьера можно полагать, что это были пункты обогащения руд — измельчения и последующей ручной сортировки — на начальном этапе функционирования карьера, при отработке первого рудного целика. В дальнейшем, при отработке следующих целиков, эта работа могла производиться уже в пределах карьера, с удалением отходов обогащения в общую отвальную массу. Трудно сказать, выполнялась ли на Кенказгане последующая за ручной разборкой стадия так называемого мокрого обогащения, выделенная К. И. Сатпаевым и И. В. Валукинским для древних горных производств в районе Джезказгана [4, с. 70; 10]. Приуроченность кенказганских участков сортировки к колодцам позволяет предположить такую возможность, однако решение этого вопроса должно стать результатом специальных исследований.

Нами выполнен приближенный подсчет количества меди, выплавленной из руд древнего кенказганского карьера. Используя спектроаналитические данные по содержанию меди в рудах, шедших на плавку, и взяв для расчетов меньшие их значения, а также учитывая известные в литературе содержания меди в отвальной массе Кенказгана [5, с. 36, 37], среднее содержание меди в кенказганских рудах, транспортировавшихся на пирометаллургическую переработку, может быть принято за 20%. При 20—30%-ном извлечении меди из этих руд в процессе плавок древний Кенказган дал за время своего существования 30—50 тыс. т меди.

Таким образом, Кенказган предстает в качестве меднорудной базы мощного металлургического производства эпохи бронзы в Центральном Казахстане. По таким показателям, как количество добытой руды и выплавленной меди, его можно поставить рядом с древним Джезказганским рудным районом — одним из выдающихся мировых центров древней цветной металлургии [3, с. 266] [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русаков М. П.* Меднорудные ресурсы на территории Карагандинского совнархоза.— В кн.: Производительные силы Центрального Казахстана. Т. 2. Алма-Ата, 1959.
2. *Кассин Н. Г., Русаков М. П., Яговкин И. С.* Медные месторождения Северо-Восточного Казахстана.— В кн.: Главные медные, свинцовые и цинковые месторождения СССР. М.— Л., 1931.
3. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
4. *Сатпаев К. И.* Доисторические памятники в Джезказганском районе.— Народное хозяйство Казахстана, 1941, № 1.
5. *Яговкин И. С.* Цветные металлы азиатской части СССР. М., 1931.
6. *Русаков М. П.* Казакстан — ведущий меднорудный район СССР во 2-й пятилетке.— В кн.: Казакстан. Труды конференции по изучению производительных сил Казакстана. Л., 1932.
7. *Жилинский Г. Б.* Оловоносность Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1959.
8. *Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К.* Отчеты о работах за 1975—1978 гг. Архив отдела археологии ИИАЭ АН КазССР.
9. *Кузнецова Э. Ф.* Изучение продуктов древнего производства из поселения Атасу (по данным спектрального анализа).— В кн.: Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.
10. *Валукинский И. В.* Древнее производство меди в районе Джезказгана.— Изв. АН КазССР. Сер. археол., 1948, вып. 1.

[3] Приведенное в указанной работе количество выплавленной на Джезказгане меди требует корректировки на степень извлечения ее из руд; в результате получаются цифры, аналогичные рассчитанным нами для Кенказгана.

V. A. Alexeyev, E. F. Kuznetsova

KENKAZGAN — AN ANCIENT COPPER MINE IN CENTRAL KAZAKHSTAN

Summary

Kenkazgan, an ancient mine of the complex deposit, was a raw-material base of the Bronze Age large-scale metallurgical production in Central Kazakhstan. This opinion is based on geological research and prospecting held in this region where the Bronze Age tools of ancient miners and fragments of pottery were found. The research and prospecting materials explained the absence of external dumps and made it possible to evaluate the volume of the ore mined and the quantity of copper smelt out of it in the ancient times. The ancient miners performed a Herculean feat: the volume of mining had been about 600.000 cubic metres with more than 800,000 cubic metres of ore sent to smelting (it should be noted that they used no means of transportation in their mines). It is possible that the melting was carried out in the settlement of Atasu discovered by archaeologists in the same vicinity, a major metallurgical centre of the Bronze Age. This opinion is supported by the spectral analysis showing the qualitative affinity between the Kenkazgan ores and products from copper smelting furnaces of this settlement.

According to the main parameters such as the quantity of the ore mined and the copper smelted out of it, the Kenkazgan mining centre can be compared with Djezkazgan, one of the major centres of the ancient non-ferrous metallurgy.

Заметки

ПАВЛОВ П. Г.

НОВЫЕ НАХОДКИ КАМЕННОГО ВЕКА В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ

В 1979 г. Ферганская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР (рук. Ю. А. Заднепровский) производила раскопки Мирзалим-тепе на восточной окраине г. Ош. Этот памятник представляет собой 7-метровый холм площадью в основании 2000 м², возвышающийся на поверхности слабо выраженного адырного увала, вытянутого с юга на север. К настоящему времени вскрыта северная часть холма, где выявлены остатки дома-усадьбы, сооруженного из сырцового кирпича. Было расчищено 7 помещений этого дома. Наряду с керамикой и каменными изделиями шурабашатского комплекса, позволяющими предварительно отнести памятник к III в. до н. э.— I в. н. э., в культурном слое были встречены кремневые находки, типологически значительно более древнего возраста. Все они на своей поверхности имеют характерный известковистый натек, который совершенно отсутствует на каменных изделиях шурабашатского времени. Один обработанный камень был извлечен из сырцового кирпича, остальные были найдены в завале, заполнявшем помещения, на глубине от одного до двух метров от высшей точки холма. На Мирзалим-тепе они попали вместе с глиной, послужившей сырьем для производства сырцового кирпича и добытой где-то поблизости.

Подобные находки древних обработанных кремней, встреченных во вторичном залегании, неединичны. При раскопках средневекового городища Кызыл-Октябрь около г. Узген Ю. А. Заднепровский нашел два изделия из кремня с красноватым известковистым натеком, которые были отнесены к мустьерской эпохе [1, с. 125—128].

На Мирзалим-тепе было найдено 8 каменных изделий. Они изготовлены из кремнистых пород не очень высокого качества, зернистых, неоднородной расцветки, варьирующей от светло-серой до черной. Видимо, данное сырье имеет местное происхождение, о чем свидетельствует извлеченный из стены разбитый желвак той же породы, не имеющий следов намеренной обработки, но также покрытый известковистым натеком. Все предметы хорошей сохранности и не носят следов окатанности или выветривания, лишь один отщеп имеет патину. Наличие на их поверхности известковистой корки — явления эпигенетического характера, свидетельствующего о сильных изменениях климатических условий, подтверждает предположение о древности данных изделий и их ненарушенном залегании в слое до момента, когда они были извлечены оттуда в более позднее время обитателями Мирзалим-тепе. Приводим описание найденных изделий.

1. Подтреугольный отщеп (рис. 1, *1*) с треугольной ударной площадкой, намеренно подправленной двумя последовательными боковыми ударами. Расположение негативов на спинке указывает на веерообразное скалывание, характерное для мустьерской техники. На месте ударного бугорка хорошо виден негатив отделившегося позднее изъянца, образующегося при нанесении сильного удара каменным отбойником при скалывании отщепа. Отщеп изготовлен из мелкозернистой кремнистой породы, покрыт серо-желтой патиной и имеет легкое повреждение краев.

2. Леваллуазский треугольный отщеп (point) (рис. 1, *2*) из черного кремня. Ударная площадка двугранная, сильно выпуклый ударный буго-

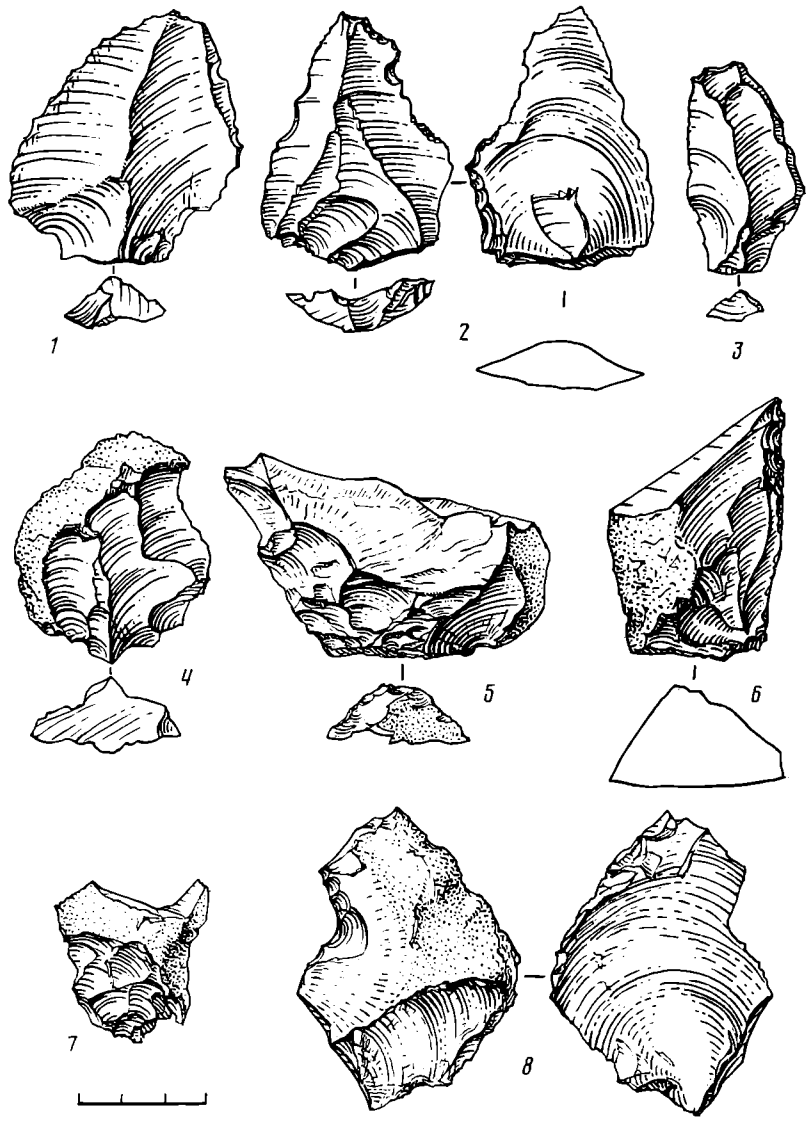


Рис. 1. Каменные изделия Мирзалим-тепе. *1*, *4*, *5*, *7* — отщепы, *2* — леваллуазский отщеп, *3* — пластинчатый отщеп, *6* — скребло с обушком, *8* — выемчатое орудие

рок имеет заметный изъянец. На боковом крае с брюшка выделяется участок, обработанный крутой притупливающей ретушью, заходящей на ударную площадку. На спинке у слегка обломанного острия имеется мелкая приостряющая ретушь. На левом краю прослеживаются следы утилизации, указывающие на использование изделия в качестве режущего орудия.

3. Пластинчатый отщеп (рис. 1, *3*) из черного кремня с гладкой ударной площадкой и с естественным обушком. Негативы на спинке расположены субпараллельно.

4. Полукраевой отщеп (рис. 1, *4*) из серого с прожилками желвачного кремня, трещиноватого, неоднородного по структуре, плохого качества, с сильно скошенной широкой ударной площадкой.

5. Широкий поперечный отщеп (рис. 1, *5*) из окремненного известняка серо-зеленого цвета (галечная порода). Имеет гладкую естественную ударную площадку и интенсивную ступенчатую забитость по ее краю со спинки.

6. Массивный подчетырехугольный отщеп (рис. 1, *6*) из серого кремня с желвачной поверхностью и естественной гранью, образующей обушок. По более тонкому краю имеется подправка неровной чешуйчатой ретушью, прилегающей к острому скошенному концу. Типологически это изделие определяется как нож-скребло с обушком.

7. Полукраевой отщеп (рис. 1, 7) из серо-зеленого кремня (галечная порода), обломанный на конце.

8. Обломок скола из темного кремня.

Как показывает приведенное выше описание, общий морфологический облик собранных вещей, характер сохранности и условия нахождения позволяют рассматривать их как единый комплекс. Для определения возраста этих находок показательны некоторые признаки, свидетельствующие о мустьерской технике первичного раскалывания и вторичной обработки. Прежде всего это элементы подправки ударной площадки, свойственные технике леваллуазского нуклеуса, наличие гладких скошенных ударных площадок, выраженность ударных бугорков с характерными изъянцами, типичная мустьерская чешуйчатая ретушь, встреченная на двух отщепах, наконец, один из предметов является типичным леваллуазским острием-остроконечником, а другой — скреблом с обушком. Все это позволяет датировать группу каменных изделий с Мирзалим-тепе, имеющих известковистые натеки на поверхности, мустьерским возрастом. Поскольку имеющиеся у нас свидетельства о заселении данного района Киргизии мустьерским человеком очень ограниченны, отнесение комплекса каменных изделий с Мирзалим-тепе к эпохе мустье тем более повышает ценность этих находок.

На территории Южной Киргизии к настоящему времени известны отдельные палеолитические местонахождения открытого типа в зоне адырных увалов южнее Ферганы, в долинах рек Исфайрам, Ходжа-Гаир и Шахимардан, а также пункты находок изолированных мустьерских изделий [2, с. 3—29]. Другая группа мустьерских местонахождений выявлена в долине р. Сох между сел. Сарыкурган и Чонгора [3, с. 28—35]. Отдельные пункты находок раннепалеолитического и мустьерского возраста известны и в бассейнах рек Исфара и Ходжа-Бакырган [4, с. 36—42; 5, с. 90—96]. В этом же районе открыт и памятник финальной поры верхнего палеолита — стоянка Ходжа-Гор [6, с. 64—67; 7, с. 125—127]. Разведаны и пещерные памятники, содержащие кремневые находки мустьерского (пещера Сасык-Ункур у пос. Араван) и верхнепалеолитического облика (пещера Сель-Ункур у с. Хайдаракан) [8. с. 185—195]. Однако большие разведочные работы по исследованию каменного века Киргизии были предприняты В. А. Рановым и М. Б. Юнусалиевым уже сравнительно давно, в 1967—1968 гг. [9, с. 99—101], и с тех пор новых данных мы не имеем. Так, полностью неизученной остается зона адыров между городами Ош и Узген (Восточная Фергана), географически столь же благоприятная для поиска, как и районы с уже известными палеолитическими местонахождениями, окаймляющие Ферганскую долину с юго-запада. К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день мы не обладаем ни одним сколько-либо полно исследованным памятником мустьерской эпохи с сохранившимся культурным слоем. В этом отношении находки с Мирзалим-тепе, указывающие на возможность существования мустьерского поселения in situ в зоне адырных увалов в районе г. Ош, весьма обнадеживают. Зона контакта адырных увалов с равниной кажется вполне перспективной для поисков подобной стоянки. На это указывает и находка полукраевого отщепа, на котором изготовлено выемчатое орудие — ординарный анкош с мелкой ретушью и который так же, как и предметы с Мирзалим-тепе, покрыт известковым натеком (рис. 1, *8*). Он был подобран нами на поверхности мысовидного уступа, имеющего высоту 25 м от дна сухой долины возле с. Отуз-Адыр, расположенного в 10—15 км к северо-востоку от г. Ош. Различные уровни адырных увалов в Южной Фергане соотносят обычно с четырьмя геологическими циклами четвертичного периода [2, с. 7—10]. Уровень в 25 м, следующий в данном месте за верхним уровнем увала, может соответствовать одному из подразделений Ташкентского комплекса. Однако в районе Мирзалим-тепе сильная нивелировка местности осложняет выявление различных уровней адырных увалов, а в разрезе, проходящего в 10 м к югу от холма современного канала, пересекающего адыр с запада на восток, 20-метровая толща лёссовидных суглинков

весьма однородна и не обладает сколько-нибудь заметной стратификацией. Все это сильно осложняет поиски непотревоженного залегания мустьерской палеолитической стоянки в данном районе. Тем не менее подобные поиски необходимы и являются одной из задач дальнейших исследований на Мирзалим-тепе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заднепровский Ю. А., Ранов В. А.* Новые находки каменного века в Южной Киргизии.— Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода, 1966, № 32.
2. *Ранов В. А., Несмеянов С. А., Конопля П. Т.* Палеолитические местонахождения в Южной Фергане.— В кн.: Древняя и ранняя средневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
3. *Касымов М. Р.* Новые исследования по палеолиту Ферганской долины в 1964 г.— В кн.: История материальной культуры Узбекистана. Вып. 7. Ташкент, 1966.
4. *Окладников А. П., Леонов Н. И.* Первые находки каменного века в Фергане.— КСИА, 1961, вып. 86.
5. *Юнусалиев М. Б.* Изучение каменного века в Киргизии.— Изв. АН КиргССР, 1967, № 4.
6. *Окладников А. П.* Исследования каменного века Таджикистана.— МИА, 1958, № 66.
7. *Несмеянов С. А., Ранов В. А.* О геологическом возрасте верхнепалеолитической стоянки Ходжа-Гор.— ТИИАЭ КиргССР, 1964, т. XI.
8. *Юнусалиев М. Б.* К заселению пещер Киргизии человеком каменного века.— В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
9. *Ранов В. А., Юнусалиев М. Б.* Итоги разведочных работ палеолитического отряда.— Изв. АН КиргССР, 1969, № 3.

ПЯТЫХ Г. Г.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА НОВЫЙ РИЗАДЕЙ 1

(Среднее Поволжье)

С 1979 г., когда Средневолжская экспедиция развернула работы в Куйбышевской обл., на ее территории были открыты многочисленные памятники эпохи бронзы [1; 2, с. 7]. К их числу принадлежит могильник Новый Ризадей 1 — первый памятник срубной культуры, исследованный экспедицией на Правобережье.

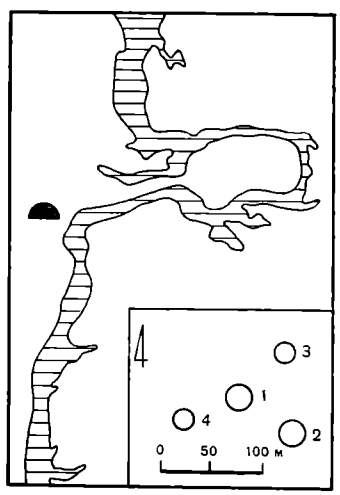


Рис. 1. Местоположение могильника Новый Ризадей 1 (на врезке — схема взаимного расположения курганов в могильнике)

Памятник расположен в 2,5 км к юго-востоку от с. Новый Ризадей Сызранского р-на Куйбышевской обл., на водоразделе рек Сызранки и Кубры (рис. 1). Он состоял из четырех курганов (рис. 1, врезка). Раскопкам подвергнуты курганы 1 и 4 [1].

Курган 1 имел диаметр 27 и высоту 1 м, насыпь состояла из чернозема. В северной части кургана в насыпи прослежены три глинистые прослойки, одна над другой. Длина прослоек 6 м, средняя отличалась от верхней и нижней более светлым оттенком. В центральной части насыпи, выше уровня погребенной почвы, зафиксированы вкрапления глины. Погребенная почва (20—30 см) подстилалась слоем суглинка мощностью до 20 см, переходившего в желтую глину.

Погребение 1 (рис. 2, *1*, *3*, *4*) открыто в западной половине кургана, на расстоянии 5 м от центра. Могильная яма прослежена с уровня погребенной почвы. Яма прямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,5×1,1 м,

[1] Исследования производились по инициативе и при содействии историко-краеведческого музея г. Сызрани. Пользуюсь случаем поблагодарить А. Ф. Туманова, Е. Иванову и сотрудницу музея В. Прошину, оказавших неоценимую помощь в раскопках курганов.

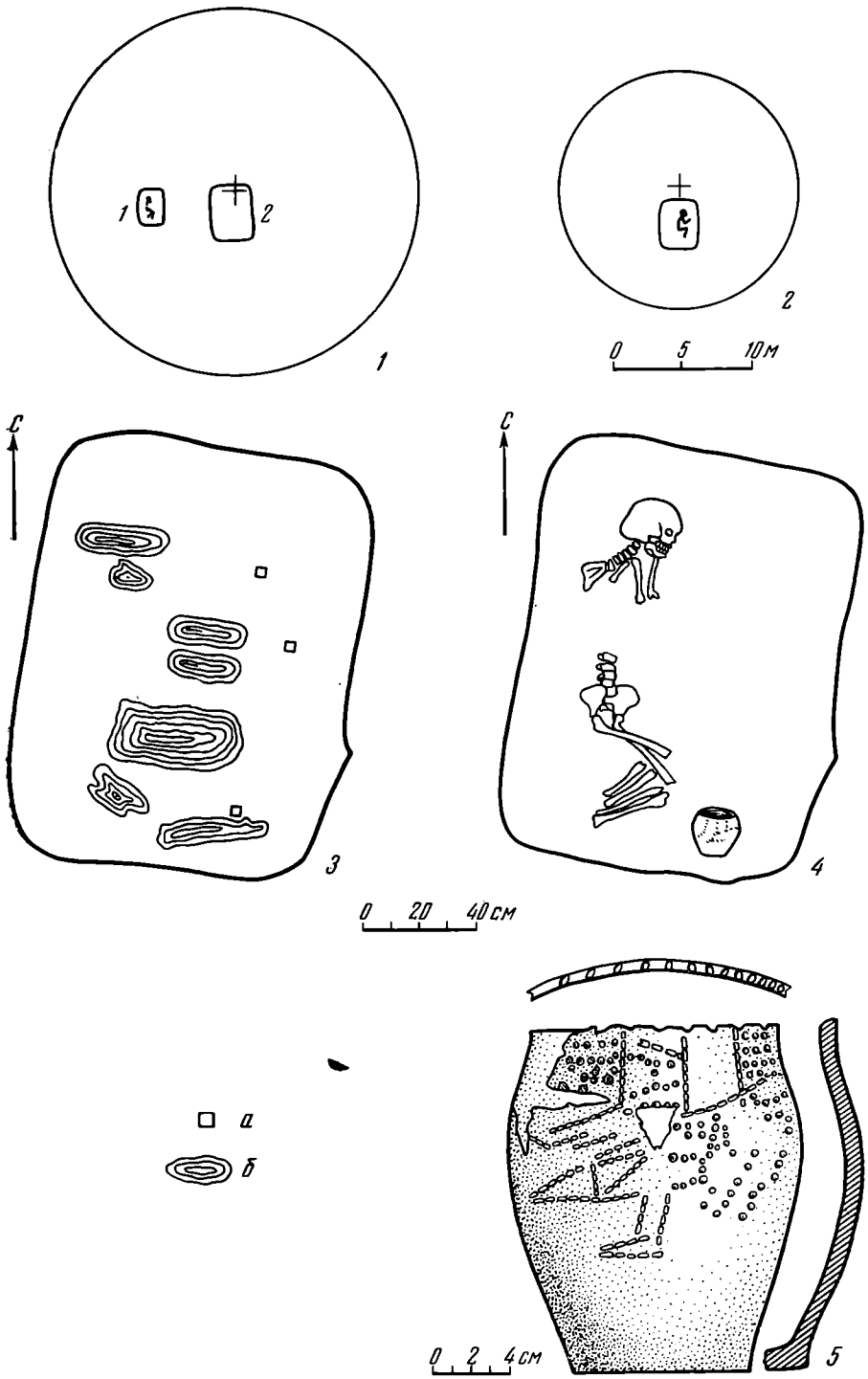


Рис. 2. *1*, *3—5* — курган 1 (*1* — план; *3* — расположение находок в заполнении погр. 1; *4* — план погр. 1; *5* — сосуд из погр. 1), *2* — курган 4: *а* — фрагменты керамики, *б* — дерево

глубиной 0,45 м. Длинной осью ориентирована по линии север — юг с незначительным отклонением. Яма была перекрыта дубовыми плахами, остатки которых находились в ее заполнении. На дне, в скорченном положении на левом боку, головой на север лежал скелет ребенка 10—12 лет. Кисти рук, стопы, ребра и часть позвоночника отсутствовали, остальные части скелета находились в анатомическом порядке. Руки были согнуты в локтевых суставах, нижние концы костей предплечий заходили под лицевые кости. По всему дну ямы прослеживались остатки подстилки лилово-сиреневых оттенков. В ногах погребенного, перед костями голени, находился развал сосуда.

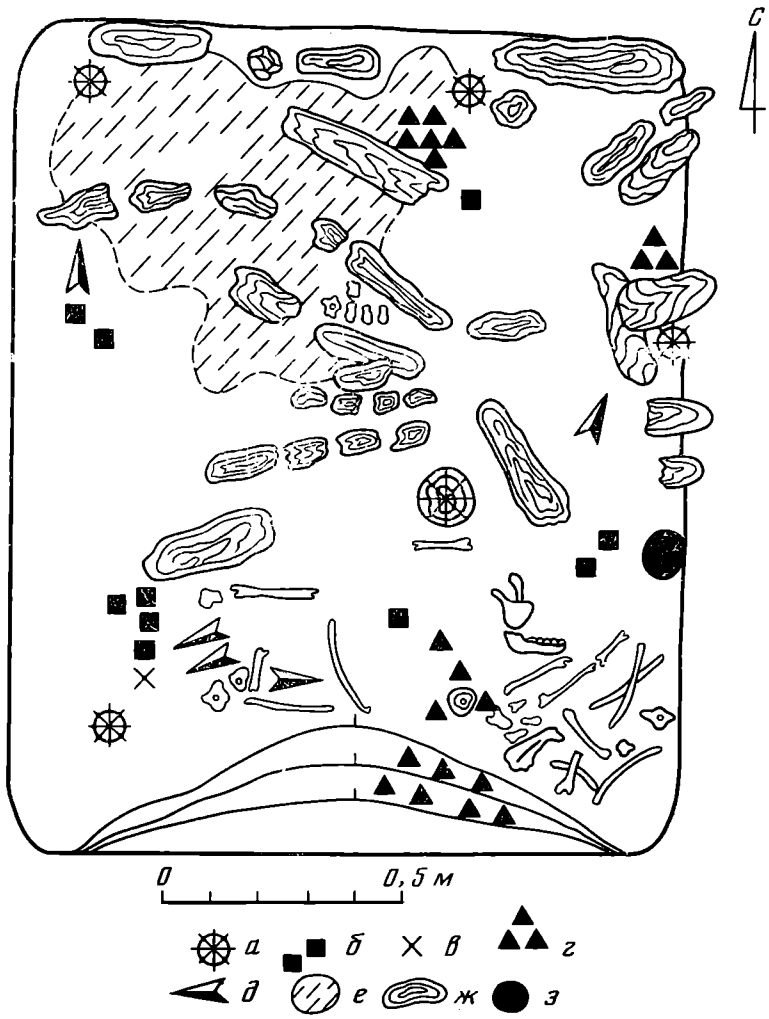


Рис. 3. План погребения 2 кургана 1: *а* — скопления белого вещества, *б* — фрагменты керамики, *в* — кусочек мела, *г* — следы белой (меловой?) подсыпки, *д* — наконечники стрел, *е* — подстилка, *ж* — дерево, *з* — череп подростка

Сосуд (рис. 2, *5*) лепной, сформован из плохо промешанной глины. Обжиг неровный. В глине примесь шамота. Размеры сосуда (в см): диаметр венчика — 14, наибольшего расширения — 16,5, дна — 9,7; толщина стенок — 0,8—0,9, дна — 1,5. Срез венчика орнаментирован оттисками зубчатого штампа с прямоугольной формой зубцов. Таким же штампом на шейке нанесены вертикальные оттиски, делящие ее на зоны. Зоны заполнены ямочными вдавлениями. Ниже, в средней части, располагаются горизонтальные, или близкие к горизонтальным, оттиски того же штампа. На одной стороне отреставрированной части сосуда оттиски образуют острые углы и параллельные линии, на другой — параллельные линии и углы выполнены ямочными вдавлениями. Все ямки достаточно углублены и заметны хорошо, оттиски зубчатого штампа наносились с различной силой — некоторые из них заметны очень слабо.

Погребение 2 (рис. 3). Чуть смещено к югу от геометрического центра. Яма прямоугольной формы, размерами 3,35×2,7×1 м, по периметру сильно изрыта норами животных. Длинной осью яма ориентирована по линии север—юг. В северной половине ямы, в заполнении встречены остатки дубовых плах, ориентированных с запада на восток и перекрывавших яму более чем наполовину. Концы плах заходили на края ямы. У северной стенки и в заполнении южной половины ямы зафиксированы остатки бревен, стоявшие вертикально, однако являлись ли они частями перекрытия, или это были столбы опорной конструкции, с уверенностью судить трудно, так как столбовых ямок в дне могилы не встре-

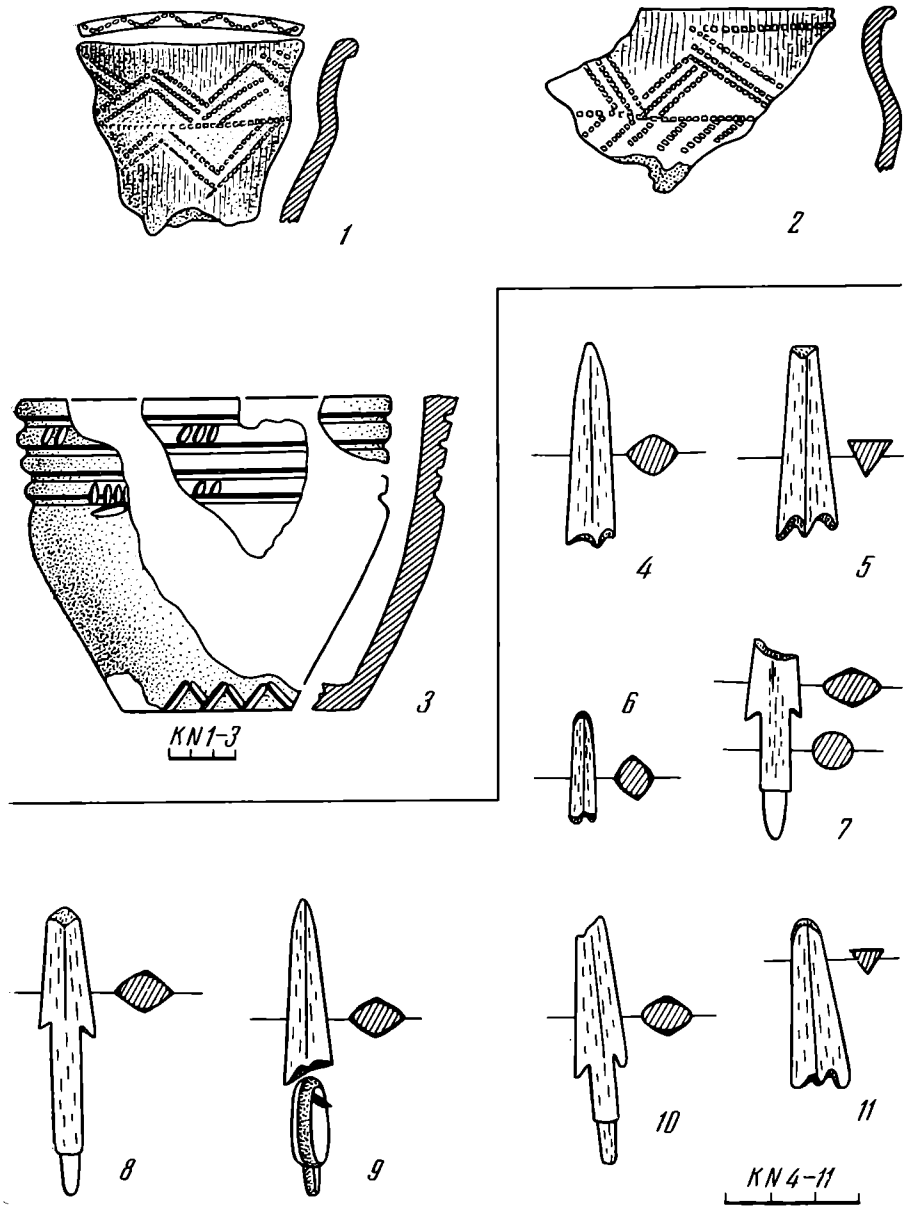


Рис. 4. Инвентарь погребения 2 в кургане 1: *1—3* — сосуды, *4—11* — костяные наконечники стрел

чено. Южная стенка ямы, сильно поврежденная норами, приняла форму широкого крутого мыса.

В заполнении ямы, в юго-западном и северо-западном углах, и у северной стенки на глубине 0,2 м от края ямы, у восточной стенки на глубине 0,4 м встречены скопления белого вещества, похожего на тлен органического происхождения. У северной и восточной стенок на глубине 0,2 м прослежены следы белой (меловой?) подсыпки. Такая же подсыпка обнаружена у дна и на склоне южной стенки.

На дне, в юго-западной части ямы находились: скопление крупных человеческих костей, фрагментов керамических сосудов и кусочек мела, в юго-восточной части — скопление костей животных и фрагменты керамики. У восточной стенки лежала крышка человеческого черепа. Судя по небольшим размерам, она никак не могла принадлежать обладателю крупных костей верхних конечностей, найденных в могиле. По всей вероятности, со взрослым был захоронен подросток.

Среди костей человека и животных находились костяные наконечники стрел — трехгранные втульчатые и четырехгранные черешковые, длиной от 4 до 8 см (рис. 4, *4—11*). В северо-западной части ямы на дне

сохранились остатки подстилки лилово-белесого цвета. По всему дну ямы были рассыпаны крупицы металла [2].

Среди найденной керамики имелось не менее трех сосудов, один из которых удалось реконструировать (рис. 4, *3*). Он сформован из хорошо промешанной глины с примесью шамота, хорошо обожжен, поверхность — красноватого цвета. Размеры сосуда (в см): высота — 17, диаметр венчика — 20, шейки — 19, дна — 7,8, толщина стенок — 0,8—0,9, дна — 1,2—1,3. Под венчиком и на шейке нанесены четыре горизонтальные параллельные бороздки шириной около 3 мм. На полях, между двумя верхними и двумя нижними бороздками, концом палочки нанесены вертикальные оттиски, длиной до 1 см, расположенные группами по два, три, четыре. Группы верхнего и нижнего рядов расположены относительно друг друга в шахматном порядке. У дна сосуда гладким штампом оттиснут зигзаг, образующий ряд треугольников вершинами вверх, высота треугольников до 1,5 см.

Второй сосуд (рис. 4, *1*) выделен по фрагменту венчика и стенки. В глине заметна примесь шамота. Сосуд имел отогнутый наружу венчик. Под венчиком заметны следы вертикального заглаживания. На шейке сосуда штампом с квадратными зубцами нанесены треугольники, внутри каждого из них изображено еще по одному и по два треугольника, «вложенные» один в другой. Ниже тем же штампом оттиснута горизонтальная линия, под ней — ряд «свисающих» двойных «вложенных» один в другой треугольников. Срез венчика орнаментирован зигзагом, выполненным тем же штампом.

Сосуд 3 (рис. 4, *2*) выделен по фрагменту отогнутого наружу венчика. Сразу под венчиком видны следы вертикального заглаживания и горизонтальная линия, оттиснутая штампом с квадратными зубцами. Под линией, на шейке сосуда, этим же штампом нанесены тройные, «вложенные» один в другой, треугольники. Под ними по наиболее широкой части сосуда нанесена еще одна горизонтальная линия, от нее опущены вниз и влево короткие отпечатки зубчатого штампа.

Курган 4 (рис. 2, *2*) был совершенно распахан, фиксировался в виде светлого пятна на пашне. Погребение смещено к югу от центра пятна. Оно было совершено в яме подпрямоугольной формы, размерами 2,3×1,9×1 м (рис. 5, *1*). Очертания ямы в северной и юго-восточной частях нарушены норами животных. На дне, на остатках подстилки лиловато-белесого цвета, лежал скелет ребенка 10—12 лет, в скорченном положении на левом боку, головой на север. Кисти рук находились у лица. Напротив тазовых костей стоял сосуд, возле колен лежало костяное изделие. Сзади погребенного, частично заходя под таз, находились остатки медной подвески, выполненной в виде круглой спирали [3]. При выемке украшение рассыпалось и восстановить форму изделия не удалось.

Сосуд (рис. 5, *2*) полностью не восстанавливается. Изготовлен из глины с примесью шамота. Размеры сосуда (в см): диаметр венчика — 16, максимального расширения — 17,3, дна — 10; толщина стенок — 0,8—1, дна — 1,2. Верхняя половина орнаментирована зубчатым штампом. Ниже края венчика оттисками зубчатого штампа нанесена горизонтальная линия, на наиболее широкой части сосуда — две такие же параллельные линии. Пространство между верхней и двумя нижними линиями занято треугольниками, выполненными тем же штампом, треугольники «заполнены» короткими косыми отпечатками штампа. Костяное изделие (рис. 5, *3*) изготовлено из эпифиза трубчатой кости, отшлифовано. Размеры (в мм): высота — 18, диаметр наиболее широкой верхней части — 22, средней части у основания — 15, диаметр ободка основания — 17, диаметр втулки— 10, глубина — 12. Основание орнаментировано зигзагом из тройной линии. Верхняя, наиболее широкая часть орнаменти-

---

[2] Металл проанализирован в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР, № анализа 21072, химическая группа металла — ЕУ.

[3] Металл проанализирован в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР, № анализа 21071, химическая группа металла — ЕУ.

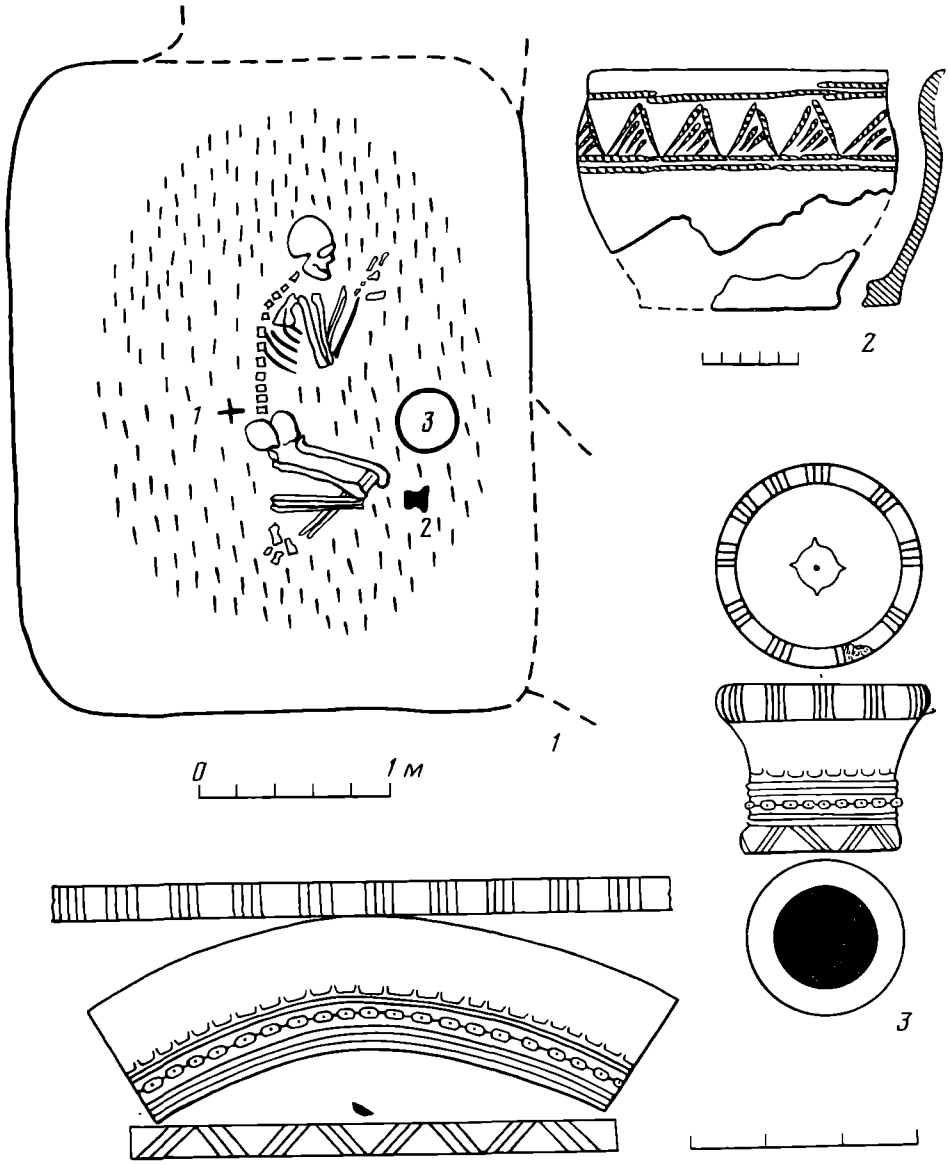


Рис. 5. План (*1*) и инвентарь (*2*, *3*) погребения в кургане 4

рована десятью группами вертикальных нарезок, по четыре в группе. У основания выше зигзага вырезаны два горизонтальных пояска из сдвоенных выпуклых линий, пояски разделяются строчкой из вытянутых шестиугольных выпуклин с точкой в середине каждой. Выше линий проходит ряд выпуклых нависающих зубчиков. На верхней плоскости навершия вычерчен кружок диаметром около 5 мм с четырьмя сосцевидными ответвлениями.

Все три погребения синхронны и оставлены, судя по всему, одной группой населения. Об этом свидетельствует целый ряд совпадений: малое количество погребений под курганами, большие размеры ям основных захоронений, смещение основных захоронений к югу от центра, одинаковая ориентировка могильных ям и погребенных, наличие подстилки во всех погребениях, расположение инвентаря в районе нижней части туловища погребенных.

Памятник оставлен населением, в культуре которого сочетались элементы абашевской культуры и культуры, традиционно интерпретируемой как срубная. Сосуд 1 из погребения 2 кургана 1 имеет черты, свойственные абашевской керамике,—форму, приближающуюся к колоколовидной, орнамент из горизонтальных прочерченных линий в сочетании с группа-

ми коротких вертикальных штрихов, расположенных между горизонтальными линиями в шахматном порядке. Подобным образом орнаментирована керамика из нижнего, абашевского слоя Синташтинского поселения [3, рис. 10, *9*]. Это обстоятельство, равно, как и сосуд архаичного облика из погребения 1 кургана 1, свидетельствует в пользу ранней датировки памятника.

В качестве аналогий исследованному могильнику можно привлечь широкий круг памятников, известных в Степном и в меньшей степени в Лесостепном Поволжье (главным образом — в его южной части). Одним из наиболее известных является погребение в кургане 11 у с. Скатовка Приволжского р-на Саратовской обл. [4, с. 166 сл.]. Между скатовским курганом и курганом 1 у Нового Ризадея можно провести немало параллелей. Оба памятника расположены на водоразделах, в обоих могильные ямы отличались большими размерами, оба погребения перекрывались накатником, в обоих случаях со взрослыми были захоронены дети, а в состав инвентаря входили металлические предметы, стрелы, заупокойная пища, абашевская керамика.

Курган 11 у с. Скатовка А. Д. Пряхин относит к позднеабашевскому времени [5, с. 32] и датирует, опираясь на хронологическую систему Е. Н. Черных, сейминским хронологическим горизонтом [5, с. 119]. По-видимому, и могильник у с. Новый Ризадей можно датировать этим же временем. В рамках же срубных древностей Поволжья погребения данного памятника могут быть отнесены к ранней стадии покровского этапа срубной культуры. В пользу этого, вероятно, может свидетельствовать и находка костяного изделия, аналогии которому встречаются в памятниках бронзового века Центральной и Восточной Европы [6, с. 231].

В системе древностей сейминского хронологического горизонта позднего бронзового века погребения могильника Новый Ризадей 1 должны синхронизироваться с поздним этапом абашевской культуры, в какой-то степени с культурой многоваликовой керамики, а так же с памятниками алакульской культуры горизонта Петровка — Синташта.

Материалы могильника Новый Ризадей 1 — одно из свидетельств разнокомпонентности сложения срубной культуры в Поволжье, впитавшей и переработавшей наследие не только полтавкинской культуры, но и в первую очередь абашевской культуры и позднекатакомбных культурных образований Поволжья и Волго-Донского междуречья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матвеева Г. И.* Итоги работ Средневолжской археологической экспедиции 1969—1974 гг.— В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев: Изд-во Куйбышевск. ун-та, 1976.
2. *Матвеева Г. И.* Тропою тысячелетий. Куйбышев: Куйбышевск. кн. изд-во, 1977.
3. *Генинг В. Ф., Пряхин А. Д.* Отчет совместного отряда о раскопках Синташтинского поселения в 1974 году. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5489.
4. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60.
5. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1977.
6. *Гершкович Я. П., Евдокимов Г. Л.* Об одной категории костяных изделий срубной культуры.— СА, 1982, № 4.

КОЛТУХОВ С. Г.

КИНЖАЛ ИЗ НЕКРОПОЛЯ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

На позднескифских памятниках Предгорного Крыма комплексы, содержащие мечи и кинжалы, встречаются сравнительно редко.

Публикуемый кинжал (рис. 1) относится к ранее неизвестному в Крыму типу сарматских кинжалов с прямым перекрестием и волютообразным навершием [1, с. 285—287]. Он происходит из неапольской кол-

лекции Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) [1] В музей древностей ТУАК кинжал поступил от А. Х. Стевена, ее первого председателя. Протоколы заседаний комиссии отражают передачу трех кинжалов, приобретенных им в 1889—1892 гг. у жителей Симферополя [2, с. 131; 3, с. 118; 4, с. 123]. Все они найдены в могилах западного некрополя Неаполя Скифского. Выявить два других экземпляра и вещи, поступившие вместе с оружием, не удалось [2].

Кинжал железный. Размеры (в см): длина — 24, длина клинка — 15, ширина у перекрестия — 2,7. Клинок обоюдоострый, линзовидный в сечении. Одно из лезвий прямое, другое слегка выгнуто. На обеих сторонах следы деревянных ножен. Узкая рукоять, сохранившая остатки деревянных накладок, откована вместе с клинком. Она смещена к выгнутому лезвию и образует с ним плавную дугу (признак, не отмеченный у других кинжалов с таким же перекрестием и навершием). Рукоять оканчивается волютообразным навершием, слабо выделенные волюты которого слились друг с другом. Прямое перекрестие в виде обоймы шириной 4 см надето на верхнюю часть клинка.

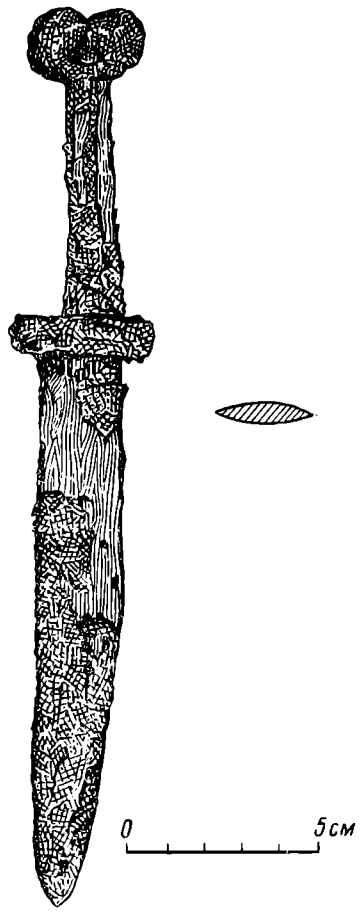


Рис. 1. Кинжал из некрополя Неаполя Скифского

Симметричные кинжалы длиной 34—40 см с аналогичным перекрестием и навершием весьма редки, хотя ареал их распространения включает Среднюю Азию, Поволжье и Северное Причерноморье. Небольшая серия известных нам железных кинжалов происходит из погребений среднесарматского времени. Три экземпляра найдены в Средней Азии: кинжал из Кызылтепинского могильника в погребении рубежа — I в. н.э. [5, с. 122], один из кинжалов Тулхарского могильника в комплексе последней трети II — первой половины I в. до н.э., второй, на основании общей датировки памятника, относится ко времени не ранее последней трети II в. до н.э. и не позднее начала I в. н.э. [6, с. 159, 160]. Два последних по технике оформления навершия являются прямыми аналогами публикуемому образцу [6, с. 202, табл. XI, *13*, *14*], хотя схема волют неапольского кинжала, вероятно, из-за небольшого размера изделия упрощена. В Северном Причерноморье известен один экземпляр, он обнаружен в сарматском погребении I в. до н.э.— начала I в. н.э. [7, с. 87]. К позднесарматскому времени относятся два биметаллических кинжала с бронзовыми перекрестиями и навершиями из раскопанных в Нижнем Поволжье сарматских погребений II—III вв. н.э. [1, 285; 8, с. 238]. Заметим, что самое раннее погребение с кинжалом этого типа открыто в Тулхарском могильнике. В Поволжье, где изучено большое количество сарматских памятников, пока известны только наиболее поздние экземпляры.

Для большинства приведенных выше железных кинжалов верхней хронологической границей служит I в. н. э. В коллекции ТУАК наиболее ранние находки из могил западного некрополя Неаполя Скифского относятся к I в. н. э. Сопоставление этих датировок дает некоторые основания отнести наш кинжал к I в. до н. э.— I в. н. э. Основные типообразующие признаки позволяют считать его принадлежащим к числу сарматских кинжалов, широко распространенных на территории Евразии. Однако

[1] Фонды Крымского краеведческого музея, инв. № КП-123/А, 19167.

[2] Сохранившаяся документация позволяет выделять в неапольской коллекции лишь отдельные экспонаты.

общая асимметрия, своеобразное взаиморасположение ручки и клинка, небольшие размеры сближают его с многочисленными сарматскими ножами, обладающими перечисленными признаками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скрипкин А. С., Мамонтов В. И.* Об одном новом типе позднесарматских кинжалов.— СА, 1977, № 4.
2. ИТУАК, 1889, № 8.
3. ИТУАК, 1891, № 12.
4. ИТУАК, 1892, № 15.
5. *Обельченко О. В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда.— СА, 1978, № 4.
6. *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию.— МИА, 1969, № 136.
7. *Шаповалов Т. О.* Сарматські поховання поблизу с. Новолуганське.— Археологія, 1973, № 8.
8. *Федоров-Давыдов Г. А.* Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника.— СА, 1980, № 2.

ЛЯШКО С. Н.

СКИФСКОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ РАЙОНА ДНЕПРОВСКОГО НАДПОРОЖЬЯ

Летом 1979 г. при исследовании курганов в районе Днепровского Надпорожья, у с. Ясиноватое (Вольнянский р-н, Запорожская обл.) было найдено скифское изваяние.

Изваяние обнаружено в кургане 8 скифского времени (рис. 1). Высота кургана 1,8 м, диаметр 28 м. Насыпь кургана была укреплена каменной крепидой, характерной для скифских курганов порожистой части Днепра [1, с. 18]. Первоначальную форму могильной ямы установить не удалось, так как она была разрушена при ограблении кургана. Изваяние лежало горизонтально в центре насыпи, на 0,5 м выше уровня древнего горизонта. Над изваянием под дерновым слоем были найдены бронзовые панцирные пластинки (рис. 1, 2). Точно датировать курган по типу пластинок не удалось, поскольку панцирь такого типа существовал на протяжении всего скифского периода [2, с. 27].

Изваяние представляет собой вытянутую стелообразную гранитную плиту, прямоугольную в сечении, с заостренным основанием (рис. 3, 4). Размеры изваяния (в м): высота 1,65, ширина 0,28, толщина 0,24 в верхней части и 0,32 в нижней. Лицевая сторона гладкая, обработанная особенно тщательно в той части, где находится изображение лица. Все изображения выполнены врезанными контурными линиями. Лицо овальное, правильной формы, отделено от туловища линией. Точками обозначены глаза, прямыми линиями — надбровные дуги, нос, рот. Черты лица четкие, хорошо проработанные. Изображение черт лица традиционное для скифских изваяний. На шее гривна. Руки переданы схематично.

Кистью правой руки как бы поддерживается ритон, пальцы находятся под ритоном. Левая рука изображена частично, «от локтя до кисти». Ритон обращен спинкой вправо. Пояс гладкий, изображен на лицевой стороне и частично на правой боковой грани. Под поясом по центру косо размещен акинак. Слева от него помещен предмет, напоминающий мешочек. Возможно, что так мастер изобразил фиалу.

На изваянии из Ясиноватого изображен традиционный набор предметов, встречающихся на скифских изваяниях VI—IV вв. до н. э. Отдельные детали имеют аналогии с изваяниями из Станишино (пояс, акинак [3, с. 87]), Черноморска (лук [4, с. 230]), Жданова, Терновки, Бутор (горит [5, с. 125; 6, с. 192; 7, с. 36—42]), Медерово, Черноморска, Киева (гривна [8, с. 265; 4, с. 230; 9, с. 290, рис. 4—*а* — 6]).

Тип акинака — с брусковидным навершием и прямоугольным перекрестием — позволяет датировать изваяние VI—V вв. до н. э. Очевидно, этим временем можно датировать и сам курган (рис. 5, *2*).

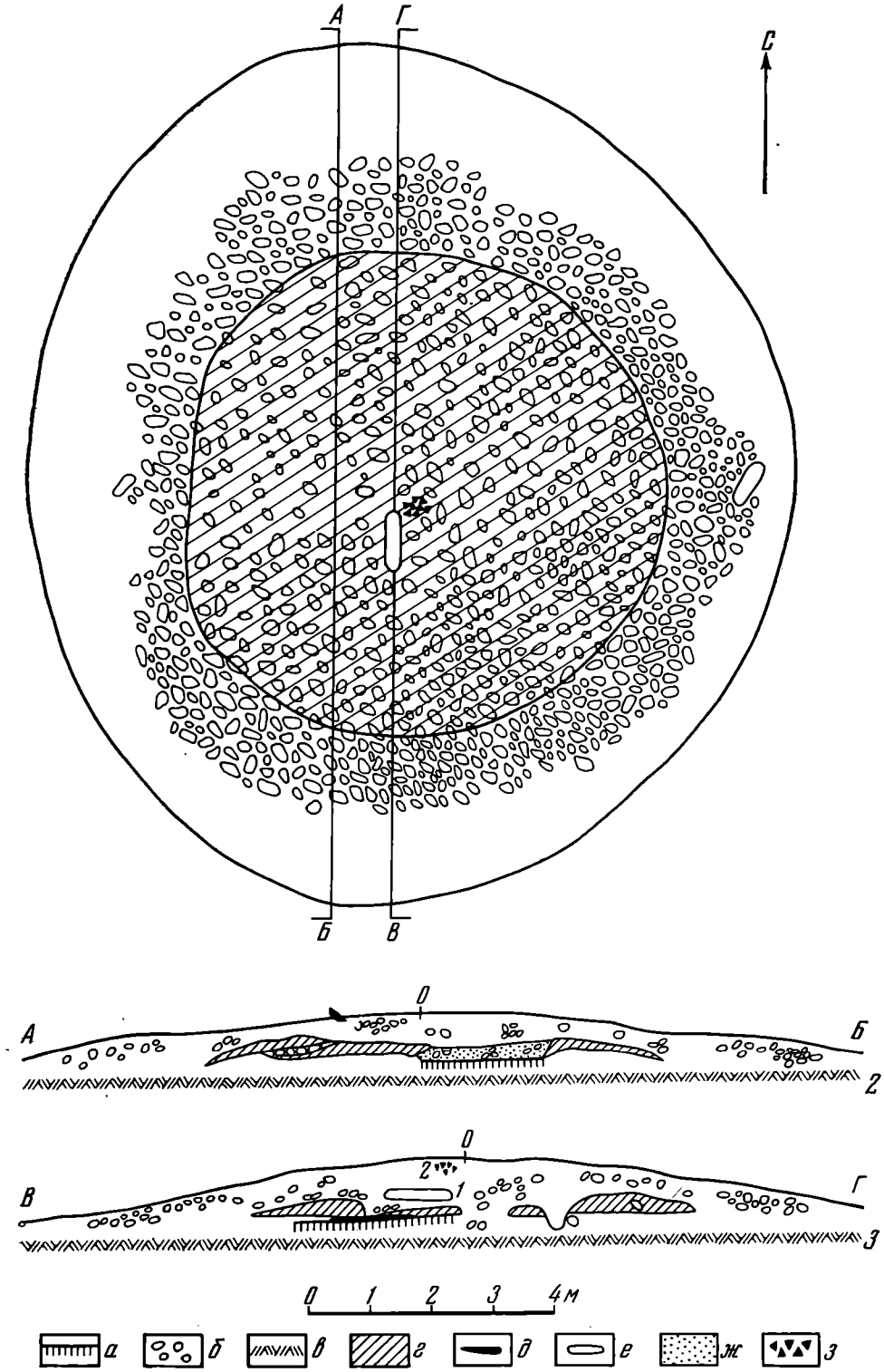


Рис. 1. Курган 8 у с. Ясиноватое. План (*1*) и профили (*2*, *3*).
Условные обозначения: *а* — древний горизонт. *б* — камни, *в* — материк, *г* — материковый выкид, *д* — уплотненный чернозем, *е* — изваяние, *ж* — перемешанный грунт, *з* — панцирные пластины

На изображении отдельных деталей изваяния остановимся отдельно. **Гривна. На «шее»,** под «подбородком» изображена многовитковая гривна. На большей части известных скифских изваяний гривны подчеркнуты одной линией. Простые одновитковые гривны — одно из наиболее распространенных скифских украшений, хорошо известных по погребальным памятникам. Находки многовитковых гривен редки, так же редки и их изображения на изваяниях (рис. 5, *1*).

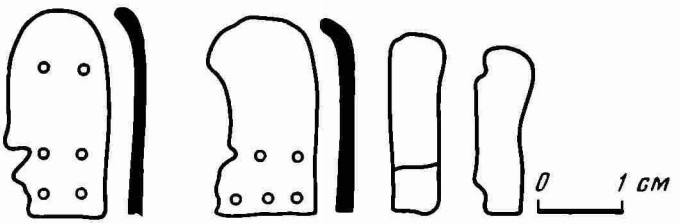


Рис. 2. Бронзовые панцирные пластины из кургана № 8 у с. Ясиноватое

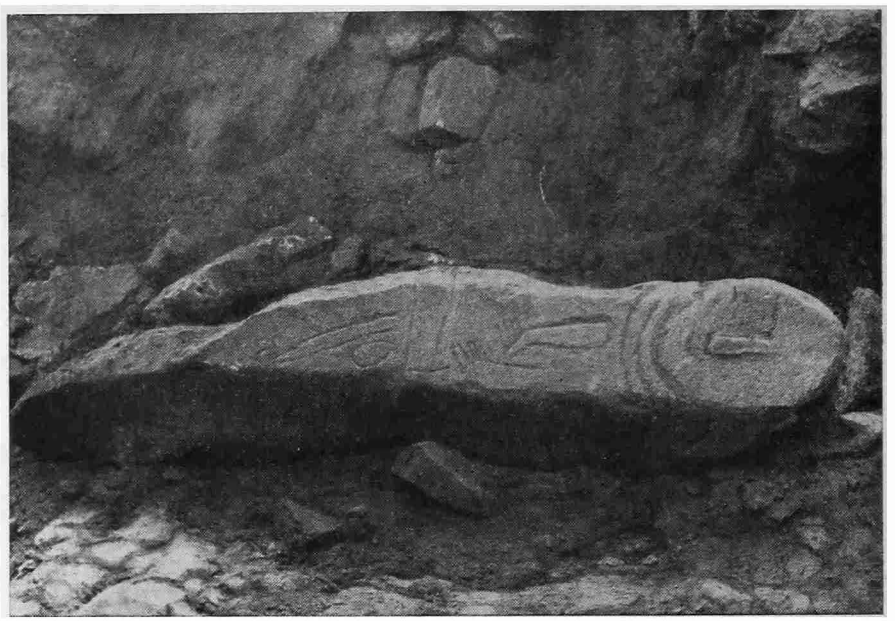


Рис. 3. Каменное изваяние in situ

Горит с луком. Они помещены на левой боковой грани на уровне «пояса». Горит по форме прямоугольный, с закругленными углами. Правый край горита и низ его подчеркнуты рантом, имитирующим деревянную раму футляра. Футляр гладкий, без дополнительных деталей. Лук изображен полностью, как бы наложенным на футляр сверху (рис. 5, *3*). Подобный художественный прием накладки изображений уже был отмечен Елагиной И. Г. при описании Терновской стелы [6, с. 192]. Он позволяет видеть полностью лук и горит. Полное изображение скифского лука есть еще на изваянии из Черноморска [4, с. 230].

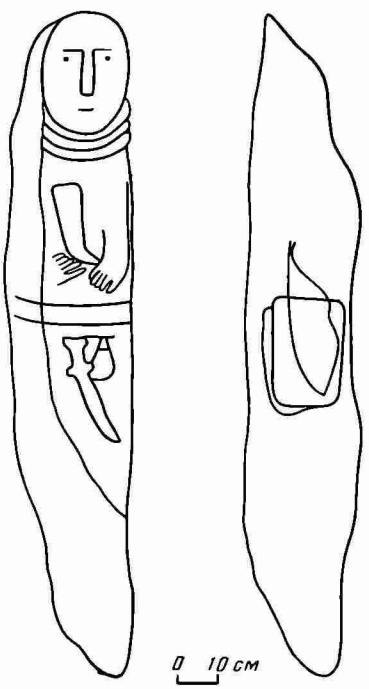


Рис. 4. Каменное изваяние. Прорисовка

В вопросе о смысловом содержании и назначении скифских изваяний мы присоединяемся к тем исследователям, которые относят их к погребальным памятникам и связывают с представлениями о предке-родоначальнике [10, с. 79; 11, с. 228, 229; 7, с. 36—42].

На всем протяжении скифского периода культ предков оставался одним из важных и устойчивых культов. Одно из божеств скифского пантеона — легендарный Таргитай, почитался как первопредок всех скифов. Этот образ со всеми священными атрибутами (лук, пояс, чаша), дополненный другими священ-

Рис. 5. Каменное изваяние. Детали (*1* — гривна, *2* — акинак, *3* — горит с луком)

ными инсигниями (ритон, гривна) и предметами воинской доблести (акинак), был воплощен в каменных изваяниях.

Из анализа обстоятельств находок скифских изваяний, связанных с курганами, видно, что изваяния связаны как с рядовыми, так и с богатыми курганами могильников [7, с. 41, 42; 8, с. 264—272]. Через предка-родоначальника, воплощенного в каменном изваянии, подчеркивалось родовое единство погребенных в могильнике, а не имущественное или социальное положение отдельного погребенного.

Изваяние из Ясиноватого — первое из скифских изваяний, найденное в порожистой части Днепра.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корпусова В. Н., Петровская Е. А.* Скифо-сарматские и позднекочевнические погребения.— В кн.: Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев.: Наукова думка, 1977.
2. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968.
3. *Ястребов В. Н.* Каменная баба.— Древности. ТМАО, 1886, т. XI, вып. II.
4. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния Причерноморья.— В кн.: Античное общество. М., 1967.
5. *Мелюкова А. И.* Каменная скульптура скифа-воина.— КСИИМК, 1952, вып. 48.
6. *Елагина И. Г.* Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея.— СА, 1959, № 2.
7. *Мелюкова А. И.* Скифское каменное изваяние из с. Буторы.— В кн.: Вопросы древнейшей и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
8. *Бокий Н. М.* Скифский курган у с. Медерово.— СА, 1974, № 4.
9. *Passek T., Latynine B.* Sur question de «kamennye baby».— ESA, t. IV. Helsinki, 1929.
10. *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.— АСб. ГЭ, 1961, № 2.
11. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.

ЛОГИНОВ В. А.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ДИОСКУРИАДЫ

В связи с активизацией археологических изысканий на территории современного г. Сухуми [1, с. 167—171; 2, с. 493; 3, с. 32—36; 4, с. 135—144; 5, с. 18—31; 6, с. 120] выявлен ряд интересных материалов раннеантичного и эллинистического времени. Охранные наблюдения 1978 г., проведенные автором при прокладке траншеи (глубиной 2,5—3,5 м, шириной 1,5—2 м), проложенной от левого берега р. Беслетки (от пересечения ул. Красноармейской с Тбилисским шоссе) до здания столовой санатория (общая длина 80 м), помогли выявить определенный археологический материал и уточнить стратиграфию участка.

Стратиграфический разрез дал следующую картину культурных напластований: слой I (до 0,5 м) — современные накопления (асфальт, щебенчато-гравийная подушка, строительный мусор); слой II (до 1 м), вероятно, насыпной и наносной слой (без керамики) из темно-коричневой глины; слой III (до 1 м) — слой илистой супеси черного цвета с редкими находками керамики на границе с IV слоем; слой IV — стерильный слой, уходящий вниз (до грунтовых вод) темно-коричневой материковой глины. В распределении материалов слоя III прослежены следующие закономерности: слой крайне бедный, на всем протяжении не прослеживается, находки выявляются пятнами (у начала ул. Красноармейской, перед воротами и на территории санатория).

Керамический материал включает в себя фрагменты тарной и столовой посуды импортного и местного производства, а также фрагменты строительной керамики. Тарная керамика представлена фрагментированной амфорой мендского происхождения (сохранились ручки, ножка, венчик и тулово), найденной в вертикальном положении, ножкой вниз. Глина амфоры светло-коричневая, хорошо отмученная, мажущаяся, с слюдяными блестками и мелкими редкими красноватыми включениями (рис. 1, *2*). Она датируется первой половиной IV в. до н. э. [7, с. 71, рис. 5]. Столовая посуда представлена фрагментом стенки сосуда (предположи-

тельно импортного кувшина), изготовленного из хорошо отмученной светло-коричневой глины, с мелкими белыми, красными, слюдяными вкраплениями, с ангобом на внешней стороне. Найдены также фрагменты коричневолакового импортного сосуда и орнаментированный фрагмент ручки местного сосуда из хорошо обожженной темно-коричневой диоскурийской глины с обилием мелких белых включений (рис. 1, *5*).

Строительная керамика представлена фрагментом светло-коричневого синопского калиптера, розоватого в изломе, с обильными крупными черными, бурыми и красными включениями (рис. 1, *4*), а также фрагментом импортного солена (?), изготовленного из светловато-коричневой мажущейся глины с редкими крупными красными и обильными мелкими белыми включениями. Ранее на левобережье р. Беслетки во время земляных работ по строительству жилых корпусов санатория были найдены: «Одна целая красноглиняная амфора фасосского типа, но местного производства (рис. 1, *1*), обломки импортных амфор фасосского происхождения (рис. 1, *3*), фрагменты чернолакового сосуда на кольцевом поддоне (рис. 1, *6*)» [8, с. 227]. Очевидно, описанные выше находки можно связать с материалами охранных наблюдений 1978 г. и датировать их в комплексе середины IV в. до н. э.

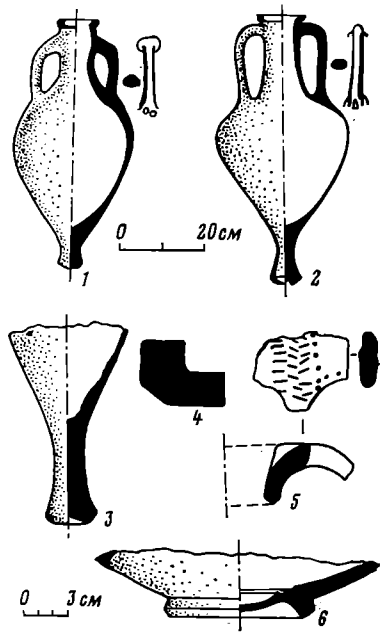


Рис. 1. Керамика из раскопок (*2*, *4*, *5*) и сборов (*1*, *3*, *6*) в г. Сухуми

Подводя итоги, можно сказать следующее: предположение [9, с. 122] о существовании центра поселения раннеэллинистической эпохи у современного устья р. Беслетки и связанное с этим наличие мощных культурных слоев на левобережном участке (как и на правобережном) [10, с. 95, 96] пока не подтверждается.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронов Ю. Н.* К изучению керамического производства Диоскуриады.— СА, 1977, № 2.
2. *Шамба Г. К., Демирханов А. Р., Логинов В. А.* Исследования на территории Сухуми.— АО — 1977. М., 1978.
3. *Воронов Ю. Н.* Ахул-Абаа — поселение античного времени в окрестностях Сухуми.— В кн.: Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
4. *Воронов Ю. Н., Шамба Г. К.* Новые материалы по археологии Диоскуриады.— ИАИЯЛИ, 1980, IX.
5. *Демирханян А. Р., Логинов В. А.* Новые археологические находки античного времени на территории г. Сухуми.— В кн.: Сборник работ молодых ученых и специалистов Абхазии. Сухуми: Алашара, 1980.
6. *Воронов Ю. Н.* Диоскуриада — Себастополис — Цхум. М.: Наука, 1980.
7. *Брашинский И. Б.* Амфоры Менды.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
8. *Трапш М. М.* Древний Сухуми.— Труды. Т. 2. Сухуми: Алашара, 1969.
9. *Соловьев Л. Н.* Диоскурия — Севастополис — Цхум.— Тр. АГМ, 1947, вып. 1.
10. *Логинов В. А.* Городская жизнь древней Диоскуриады.— Алашара, 1980, № 3 (на абхазск. яз.).

ВИНОГРАДОВ Ю. А.

ТИГЕЛЬ ИЗ ИЛУРАТА

В 1978 г. при раскопках Илурата, боспорского города-крепости первых веков новой эры[1], в комплексе начала — середины III в. н. э., был найден тигель для выплавки бронзы (рис. 1, 2). Тигель изготовлен из не-

[1] Тигель найден в яме № 2 помещения «К» в центральном районе Илурата (рук. раскопок И. Г. Шургая).

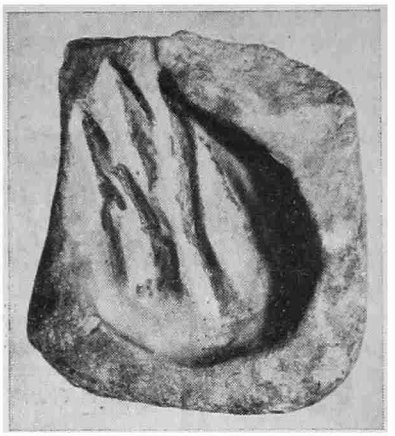


Рис. 1. Тигель из Илурата (фото)

Рис. 2. Тигель из Илурата (прорисовка)

Рис. 1

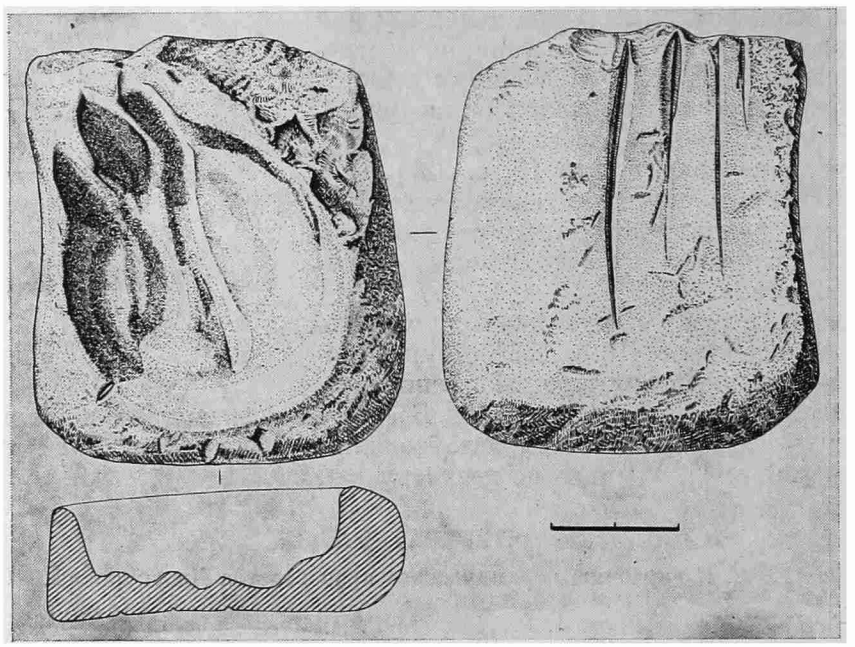


Рис. 2

большой плиты песчаника размером 19×17,5×6 см. Центральное вместилище имеет округлую в плане форму диаметром 13 см и глубиной 4,5 см; внутренняя поверхность его неровная, по направлению к сливу по ней идут четыре углубления, ширина которых приближается к 2,5 см, глубина — 1 см. Слив тигля также выполнен в виде трех бороздок. Углубления на дне и на сливе густо покрыты медными окислами.

На обратной стороне тигля отчетливо видны три параллельных желобка длиной 12, 10 и 13 см, наибольшая их глубина — 0,8 см (рис. 2). Находки песчаниковых плит с такими желобками известны и на других боспорских памятниках (Порфмий, раскопки 1979 г., слой IV в. до н. э.). Принято считать, что в скифское время они использовались для заточки стрел, шильев и т. п. [1, с. 47, рис. 3, *1*, *8*]. Илуратская находка, как уже отмечалось, относится к более позднему времени. Но изучение особенностей сколов на камне позволяет с уверенностью утверждать, что использование песчаниковой плиты для изготовления тигля было вторичным. Первоначально же, очевидно в скифское время, более крупная плита была обработана как точильный инструмент, и лишь позднее, когда она была расколота, из части плиты был изготовлен тигель.

Рассматриваемая находка представляет немалый интерес для изучения металлургического производства, так как при раскопках в Северном Причерноморье тигли встречаются нечасто. К тому же этот тигель является в некоторых отношениях уникальным. Во-первых, он изготовлен из песчаника, тогда как в большинстве случаев тигли делались из огнеупорной глины. Своеобразна и форма тигля. Он не похож ни на тигли в виде небольшой чашечки, подобные ольвийской находке [2, с. 48, рис. 44], ни на бочкообразный тигелек из Танаиса [3, с. 127, рис. 8], ни на цилиндрические круглодонные тигли, в которых выплавлялась бронза на Каменском городище [4, с. 123, табл. XIV, *3*], ни на находки из Неаполя Скифского [5, с. 122, рис. 54] или Пантикапея [6, с. 224, 217, рис. 72, *2*; 7, с. 169, 163, рис. 2, *9*]. В наибольшей степени он схож по форме с двумя миниатюрными тигельками из Фанагории, один из которых был найден в слое римского времени [8, с. 161, 162, рис. 4]. Но от них он отличается материалом изготовления, особенностями оформления слива и размерами. В данном тигле можно было выплавить 350 мл металла. Любопытно, что льячки, обнаруженные на Каменском городище, могли вместить до полулитра металла [4, с. 123]. Очевидно, этот тигель, подобно тиглям со сливом из Херсонеса, одновременно использовался и как льячка, т. е. расплавленный металл из него мог разливаться непосредственно в формы [2].

Как известно, в боспорских городах в отличие от Ольвии остатки металлургического производства встречаются очень редко [10, с. 50], поэтому каждая новая находка, дополняющая наше представление о металлургии на Боспоре, имеет большое значение. При раскопках Илурата отходы металлургического производства и шлаки встречались ранее, но тигель найден впервые. Очевидно, он использовался в небольшой мастерской или даже в домашнем производстве для изготовления простейших украшений и предметов, необходимых в повседневной хозяйственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шрамко Б. А.* Точильні знаряддя скіфської доби.— Археологія, 1973, № 11.
2. *Фармаковский Б. В.* Розкопування Ольвії р. 1926. Одесса, 1929.
3. *Шелов Д. Б.* Экономическая жизнь Танаиса.— В кн.: Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
4. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.
5. *Высоцкая Т. В.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наукова думка, 1979.
6. *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея.— КСИИМК, 1951, вып. XXXIV.
7. *Марченко И. Д.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея.— МИА, 1957, № 56.
8. *Марченко И. Д.* Две литейные формы из Фанагории.— МИА, 1956, № 57.
9. *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. н. э. Харьков: Изд-во Харьковск. ун-та, 1970.
10. *Блаватский В. Д.* О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э.— СА, 1959, т. XXIX—XXX.

ГОПАК В. Д., ПАЧКОВА С. П.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ПОСЕЛЕНИЯ КРУГЛИК НА БУКОВИНЕ

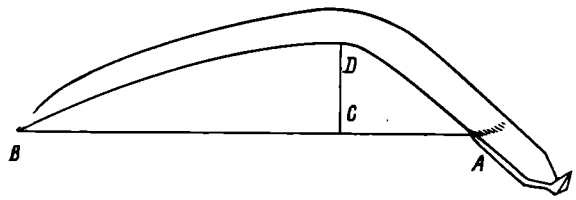
В 1973 г. отряд Днестровской раннеславянской экспедиции Института археологии АН УССР проводил раскопки на поселении у с. Круглик (Хотинский р-н Черновицкой обл.). Поселение относится к памятникам культуры Поянешты — Лукашевка. Во время раскопок на памятнике были вскрыты остатки трех жилищ. В заполнении одного из них наряду с большим количеством керамики и костей животных обнаружены железные изделия. Найденная среди них железная фибула с рамчатым прием-

[2] Таким же образом, очевидно, использовались тигли со сливами и в Херсонесе [9, с. 48, примеч. Б].

ником позволяет датировать жилище второй половиной I в. до н. э. [1].

Для изучения развития местной железообработки металлографическому исследованию был подвергнут весь комплекс найденных железных предметов: семь серпов, нож, наконечник дротика, наконечник ножен, фибула и две железные поделки.

Наибольший интерес среди исследованных изделий представляет найденный в жилище клад из семи железных серпов. Очевидно, эти серпы использовались в период функционирования жилища, т. е. датируются



№ анализа	Вес, г	AB, мм	AC, мм	CD, мм	$\frac{AC}{AB}$	$\frac{CD}{AB}$	$\frac{CD}{AC}$
815	42,5	200	70	46	0,350	0,230	0,657
816	64,8	213	73	52	0,343	0,244	0,714
817	47,2	210	60	23	0,286	0,109	0,383
818	18,5	129	36	23	0,279	0,178	0,640
819	52,0	154	44	24	0,286	0,156	0,545
820	43,4	170	50	30	0,294	0,176	0,600
821	52,2	190	50	36	0,263	0,189	0,720

одним, сравнительно непродолжительным отрезком времени. Конструктивно они близки восточно-европейским серпам типа 2 по классификации Ю. А. Краснова [2].

Обращает на себя внимание значительное различие весовых, размерных и геометрических параметров находок [3, с. 43—46]. Двух одинаковых серпов здесь вообще нет (табл. 1). Различаются они и по способу крепления рукояти. У 4 экз. (рис. 1, *1—4*) на конце черенка невысокие заостренные вертикальные штырьки. У 3 экз. черенки имеют боковые закраины для зажима конца рукояти и длинный, в двух случаях загнутый П-образно, штырь (рис. 1, *5—7*). Все это позволяет реконструировать метод крепления ручек и восстановить первоначальную конструкцию серпов (рис. 2). В одном случае вертикальный штырь черенка пропускался сквозь отверстие в деревянной рукояти, затем конец штыря загибался, а передняя часть рукояти обжималась закраинами черенка (рис. 2, *а*). Судя по современному положению закраин и штырей, диаметр рукояти не превышал 20—25 мм, а конец ее был заточен под небольшим конусом и слегка уплощен. При втором способе крепления рукоять располагалась параллельно верхней плоскости черенка и набивалась на невысокий штырек. Затем черенок и рукоять обматывались сыромятью или бечевой (рис. 2, *б*), что обеспечивало прочность крепления.

Серпы аналогичной конструкции были широко распространены в Восточной Европе. На синхронных поселению Круглик зарубинецких памятниках преобладали серпы с вертикальным штырем на торце черенка, однако встречаются и экземпляры, у которых черенки снабжены закраинами для обжима конца рукояти. Они известны в материалах Чаплинского городища [4, с. 141] и на поселении Лютеж [5, с. 70]. Однако в данных случаях торцевые штыри имеют небольшую длину и не могли проходить через ручку насквозь. У лютежского серпа невысокие закраины черенка замкнутую втулку не образовывали, обжимая лишь боковые стороны рукояти. Таким образом, здесь, вероятно, также требовалась дополнительная обмотка черенка и конца рукояти.

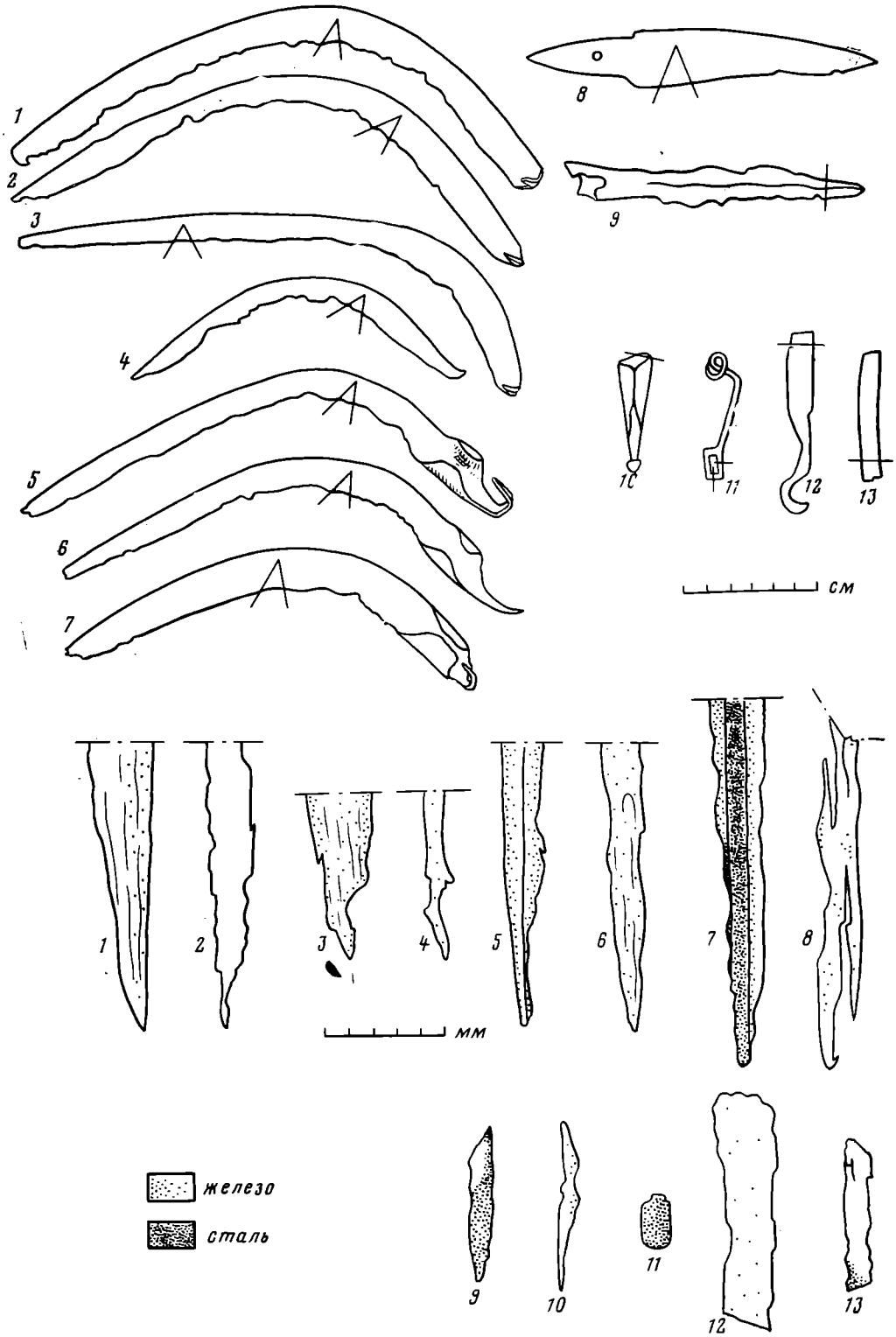


Рис. 1. Исследованные железные изделия с поселения Круглик. *1—7* — серпы (*1* — ан. 816, *2* — ан. 815, *3* — ан. 817, *4* — ан. 818, *5* — ан. 821, *6* — ан. 820, *7* — ан. 819), *8* — нож (ан. 825), *9* — наконечник дротика (ан. 823), *10* — наконечник ножен (ан. 826), *11* — фибула (ан. 824), *12* — предмет (ан. 827), *13* — пластина (ан. 822)

Различны и технологические схемы исследованных серпов. Шесть из них (рис. 1, *1—6*) изготовлены из грубого кричного железа либо малоуглеродистой стали. Микроструктура металла — феррит, феррит и мало перлита. Содержание углерода не превышает 0,1—0,2% (рис. 3, *1—4*). Микротвердость изделий невысока. Она колеблется в пределах 193—116 кг/мм^2. Металл серпов характеризуется слабой полосчатостью микро-

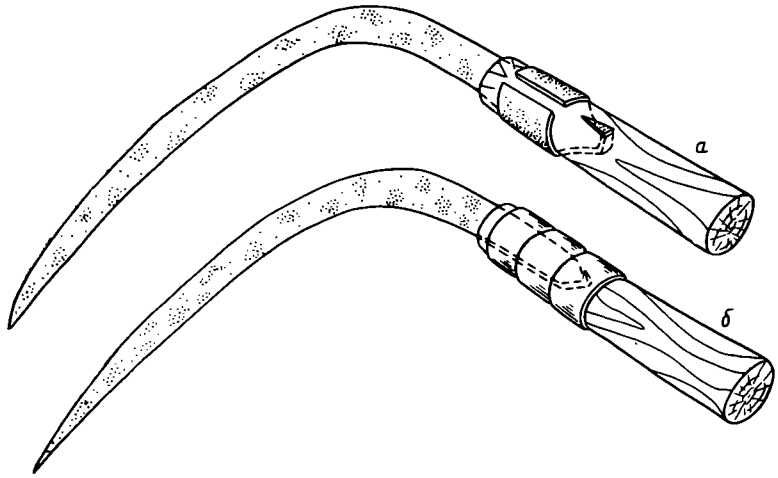


Рис. 2. Варианты крепления рукоятей серпов

структуры. В одном случае (рис. 1, *5*) по всему микрошлифу поперечного сечения лезвия прослеживается светлая полоса сварного шва. Здесь заготовка, очевидно, была сварена из двух полос железа. Цельножелезные серпы с содержанием углерода в металле, не превышающим 0,2%, неоднократно встречались на зарубинецких памятниках [6, с. 171; 7, с. 93].

Значительно больший интерес представляет технология изготовления седьмого серпа (рис. 1, *7*) — путем сварки трех полос металла. В центр заготовки вварена стальная полоса. На поперечном сечении лезвия отчетливо выделяются три микроструктурные зоны. Микроструктура одной из боковых зон — феррит и мало перлита, микротвердость колеблется от 151 до 135 кг/мм². Вторая боковая зона имеет структуру феррита с отдельными участками феррито-перлитной микроструктуры и микротвердостью 236—128 кг/мм². По центру шлифа располагается полоса, имеющая мелкодисперсную феррито-перлитную структуру нормализованной стали. Микротвердость зоны колеблется в пределах 274—206 кг/мм². Следы термической обработки не обнаружены. Сварка полос выполнена качественно, границы зон четкие, почти без остаточных включений сварочного флюса в сварных швах (рис. 3, *5*). Аналогичные технологические схемы у синхронных железных изделий в Восточной Европе нам неизвестны. Они приобретают здесь широкое распространение значительно позднее — в конце I тысячелетия н. э. [8, с. 81, 91]. При этом случайное попадание серпа в жилище исключено: все семь описанных серпов были связаны в древности пучком и лежали вместе с двумя плоскими точильными брусками [1, с. 33].

Металл, применявшийся для изготовления серпов, в большинстве случаев прокован слабо. В нем наблюдается большое количество шлаковых включений, которые не были удалены из железа при предварительной проковке крицы. В ряде случаев создается впечатление, что железо вообще почти не проковывалось, так как по степени насыщенности шлаками оно приближается к губчатой массе, получаемой в сыродутном горне.

Найденный на поселении нож (рис. 1, *8*) относится к типу ножей с горбатой спинкой. Клинок массивен: вес 26 г, длина 150 мм, максимальная ширина лезвия 25,5 мм. Симметрично расположенный черенок с отверстием для закрепления ручки суживается к концу. Изготовлен клинок из грубого кричного железа; микроструктура его — мелкозернистый перлит, местами следы перлита; микротвердость — 181—122 кг/мм², средняя по шлифу — 151 кг/мм²; в металле много инородных включений.

Небольшой втульчатый наконечник дротика сильно поврежден коррозией. Сохранившаяся длина его — 128 мм, вес — 22 г (рис. 1, *9*). Наконечник был откован из стали с неравномерным распределением углерода и не подвергался термической обработке. Микроструктура поперечного сечения лезвия наконечника — феррит и перлит. Содержание угле-

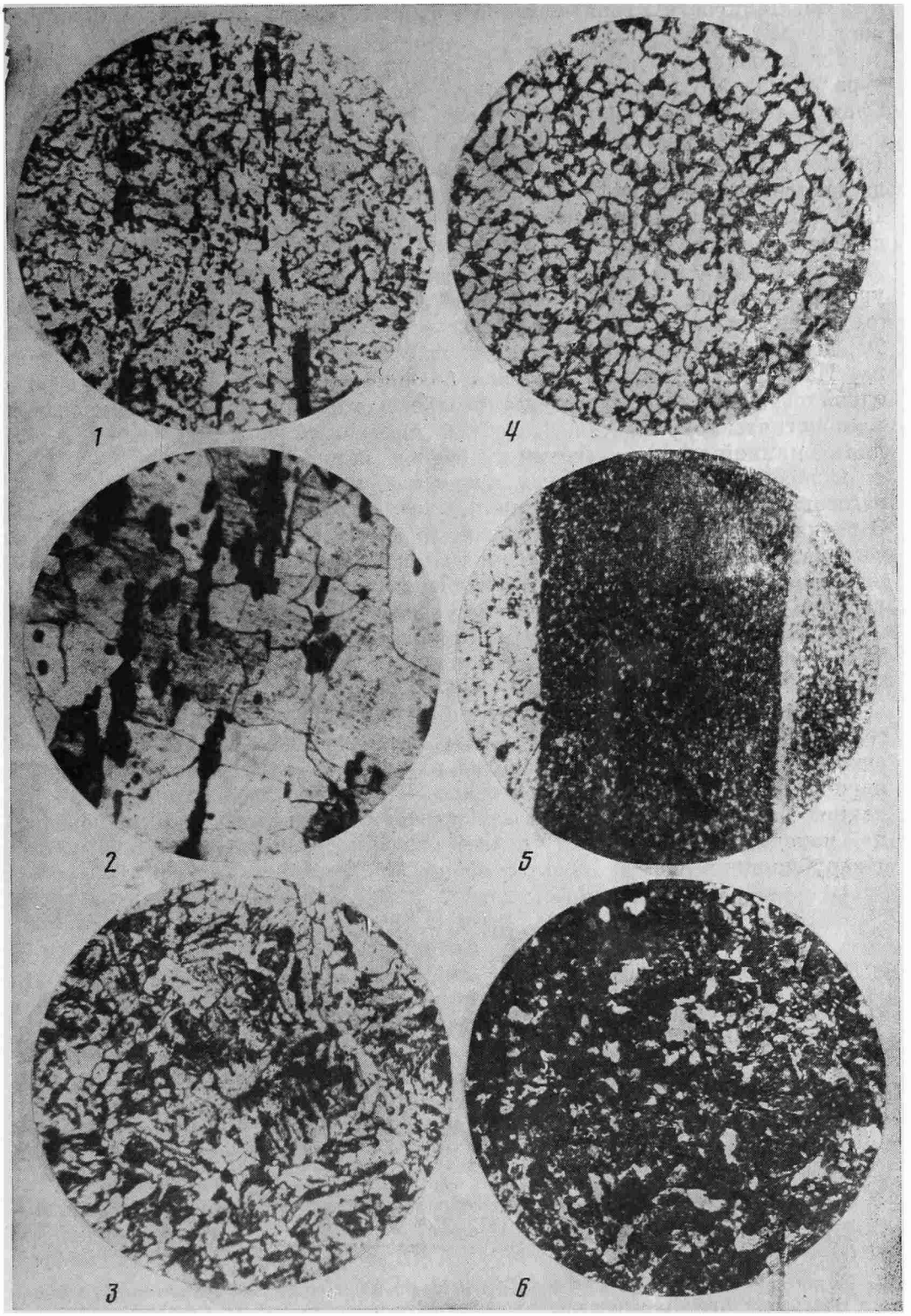


Рис. 3. Фотографии микроструктур железных изделий с поселения Круглик. *1—5* — серпы, *6* — наконечник копья. *1* — ан. 816; феррит, слабые следы перлита, шлаки; ув. 300; *2* — ан. 815; феррит, шлаки; ув. 300; *3* — ан. 821; феррит, мало перлита; ув. 300; *4* — ан. 820; феррит, следы перлита, ув. 300; *5* — ан. 819; зона сварки; ув. 100; *6* — ан. 823; перлит, зерна феррита, ув. 300

рода в различных зонах микрошлифа колеблется от 0,6—0,7% (рис. 3, *6*) до почти полного отсутствия. Микротвердость — 170—122 кг/мм².

К предметам вооружения необходимо отнести также конусовидный наконечник ножен кинжала или небольшого меча (рис. 1, *10*). Длина наконечника 56 мм. Он был изготовлен из плохо прокованного кричного

железа. Микроструктура металла — феррит, следы перлита; микротвердость — 181—143 кг/мм².

Исследованная фибула (рис. 1, *11*) изготовлена из стали. Микроструктура металла — феррит и перлит, содержание углерода — 0,5—0,6%. Следов термической обработки нет. Микротвердость — 254—193 кг/мм².

Обломок предмета (рис. 1, *12*) и небольшая плоская пластинка (рис. 1, *13*) оказались цельножелезными. Микроструктура — феррит, следы перлита. Средняя микротвердость в обоих случаях одинакова — 193 кг/мм². На микрошлифе пластины прослеживается участок местного науглероживания.

Полученные результаты позволяют сделать определенные выводы об уровне развития местного кузнечного ремесла. Прежде всего отметим отсутствие каких-либо показателей стандартизации, которые, казалось бы, должны были характеризовать однотипные изделия одного памятника. Наоборот, среди относительно большой серии серпов, найденных в одной связке, наблюдаются значительные конструктивные, размерные и технологические различия. Подобные явления характерны прежде всего для общинной стадии развития кузнечного ремесла [9, с. 13].

Основная масса изученных предметов, в том числе и орудий труда, изготовлены из низкокачественного, плохо прокованного кричного железа. Это указывает на невысокий уровень развития здесь не только кузнечного дела, но и черной металлургии. Однако нисколько не исключается знакомство местных металлургов и кузнецов с технологией получения и обработки стали. Об этом свидетельствуют находки как цельностальных, так и сварных изделий. Более того, технология изготовления трехслойного серпа говорит о высоком профессиональном мастерстве изготовившего его мастера [1].

Пока остается открытым вопрос о знакомстве местных кузнецов с термической обработкой стали. Среди исследованных предметов термически обработанные стальные изделия нами не обнаружены. Однако в этот период термическая обработка стали была известна населению зарубинецких памятников [10, с. 15]. Местное же кузнечное ремесло, очевидно, находилось на уровне, близком степени развития железообработки у зарубинецких племен [6, с. 78—80; 11, с. 85—98].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пачкова С. П.* Поселення поблизу с. Круглик на Буковині.— Археологія, 1977, № 23.
2. *Краснов Ю. А.* Из истории железных серпов в лесной полосе Европейской части СССР.— КСИА, 1966, вып. 107.
3. *Пачкова С. П.* Землеробство племен культури Поянешти — Лукашівка.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології Київ: Наукова думка, 1976.
4. *Третьяков П. Н.* Чаплинское городище.— МИА, 1959, № 70.
5. *Бидзиля З. И., Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж.— МИА, 1959, № 160.
6. *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев: Наукова думка, 1972.
7. *Гопак В. Д., Хавлюк П.І.* Технологія обробки заліза у зарубинецьких племен Південного Побужжя.— Археологія, 1972, № 6.
8. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, № 32.
9. *Вознесенская Г. А.* Металлообрабатывающее производство у лесостепных племен Восточной Европы в первой половине I тысячелетия н. э.: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1971.
10. *Гопак В. Д.* Кузнечное ремесло славян днепровско-днестровского лесостепного междуречья в VI—XIII вв. н. э.: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1976.
11. *Пачкова С. П.* Господарство східно-слов"янських племен на рубежі нашої ери. Київ: Наукова думка, 1974.

[1] Предполагать привозной характер изделия нет никаких оснований. Оно не только конструктивно не выделяется среди однотипных цельножелезных изделий, но и найдено с ними в одном комплексе.

ВИХЛЯЕВ В. И.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ГОРН РУБЕЖА I И II ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ Н. Э. ИЗ МОРДОВИИ

В работах, посвященных металлургическому производству древней и средневековой мордвы, вопрос о железоделательных сооружениях исследован лишь в общих чертах ввиду отсутствия полноценных материалов [1, с. 41—44; 2, с. 42—44; 3, с. 25]. Поэтому значительный интерес представляют остатки металлургического горна, обнаруженного в 1978 г. при раскопках поселения Новый Усад III. Этот памятник находится в пойме р. Мокши на невысоком песчаном останце (Краснослободский р-н Мордовской АССР) [4, с. 152, 153].

В северной части поселения на раскопе, давшем материал, преимущественно относящийся к мордовской культуре, обнаружена большая яма подпрямоугольной формы с неровными извилистыми краями. Она вытянута по линии север—юг. Длина ямы достигает 5,1—5,5 м, ширина в северной половине около 3 м, в южной — до 3,7 м (рис. 1). Дневная поверхность, с которой была опущена яма, находилась выше уровня материка в культурном слое. Стенки ямы наклонные внутрь, дно неровное.

В северо-западном углу, где глубина ямы не превышает 0,3 м от уровня современной поверхности и 0,1 м от уровня материка, обнаружено скопление обожженной глиняной обмазки. Это скопление имело в плане подпрямоугольную форму, длиной 1,46 м и шириной 0,78 м. Толщина его достигала 0,21 м. Грунт, перемешанный с кусками обмазки, сильно прокален и содержит много золы и углей. К югу и северу от сплошного скопления зафиксированы отдельные крупные фрагменты обмазки (рис. 1, 2). Здесь же встречены куски металлургических шлаков.

Разбор скопления обмазки показал, что это развал глинобитной сыродутной печи. Большинство кусков обмазки на обратной стороне имело отпечатки деревянных жердей. Ширина их составляла 2—4 см. На одном из фрагментов обмазки прослеживаются отпечатки двух горизонтально лежащих жердей. От них отходит жердь, расположенная вертикально. Следовательно, печь имела деревянный каркас, на котором держались глинобитные стенки. Внутренняя поверхность печи была хорошо заглажена.

Среди фрагментов обмазки найдены крупные куски округлого дна горна. По этим фрагментам удалось определить его диаметр — 0,5 м. Характер перехода стенок в днище показывает, что внутреннее пространство печи от дна к верху расширялось.

Горн в верхней части был открыт, о чем также можно судить по отдельным фрагментам обмазки. Верхний диаметр печи установить не удалось. Толщина обмазки стенок горна доходила до 9 см, а на дне равнялась 3—5 см.

К северо-востоку и востоку от горна яма углубляется. Она достигает глубины 0,6 м от современной поверхности и 0,5 м от поверхности материка. Эта часть сооружения была подсобной предгорновой ямой. Дно ее неровное, покатое к северу. В заполнении найдены железные шлаки, куски глиняной обмазки от горна, керамика.

В центральной части предгорновой ямы обнаружена круглая ямка диаметром 0,3 м, с чашевидным дном. Она углублена в дно большой ямы на 0,3 м. В заполнении найдено много каплеобразных серебристых кусочков шлака.

Круглая ямка соединена с горном ступенчатой канавкой шириной 0,14—0,34 м. Канавка вытянута по линии северо-восток — юго-запад и имеет длину до 18,6 м. На наш взгляд, канавка служила для выпуска шлака из горна. Как известно из этнографических и археологических данных, сыродутные печи часто имели специальное отверстие для выпуска шлаков [5, с. 35; 6, с. 217—220]. По-видимому, обнаруженная канавка начиналась непосредственно под отверстием для выпуска шлака. Предполагаемое назначение канавки подтверждается также находкой в

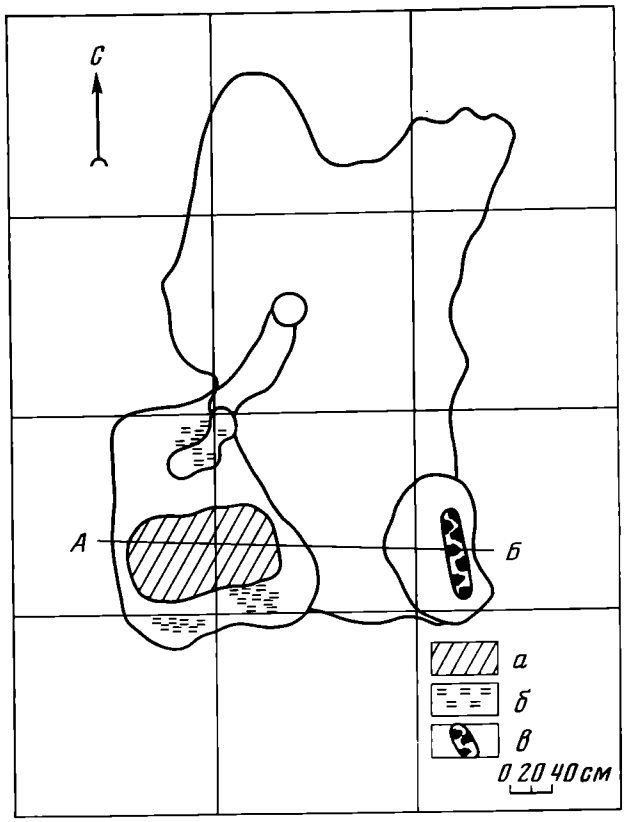


Рис. 1. План металлургического сооружения: *а* — развал прокаленной глиняной обмазки с включениями золы и углей; *б* — отдельные скопления кусков глиняной обмазки; *в* — дерево

Рис. 2. Разрез металлургического сооружения по линии *А — Б*. *а* — развал прокаленной глиняной обмазки с включениями золы и углей; *б* — светлая супесь с включениями фрагментов керамики и углей; *в* — прокаленная коричневая супесь; *г* — темная супесь, насыщенная углями, фрагментами керамики, кусками обмазки; *д* — материк; *е* — дерево

Рис. 1

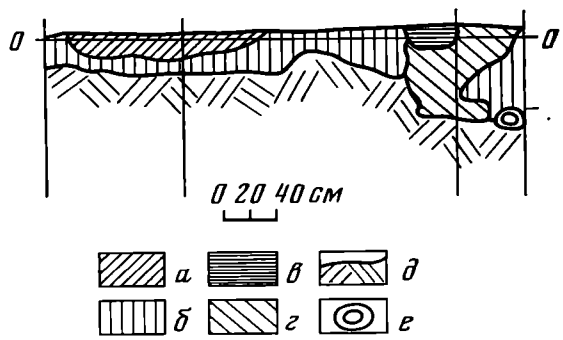


Рис. 2

ней крупного куска застывшего шлака, по форме повторяющего рельеф стенки.

В юго-восточном углу железоплавильного сооружения обнаружена яма овальной в плане формы, с отвесными стенками и неровным бугристым дном (рис. 1). Длина ее 1,50 м, ширина 0,86 м. Глубина ямы относительно дна всего сооружения составляет 0,26—0,31 м. В ней на дне ближе к восточной стенке обнаружена обугленная деревянная плаха. Она имеет длину 0,90 м, ширину 0,16 м при толщине 5—9 см. По-видимому, эта яма использовалась для хранения металлургических припасов.

Итак, на поселении Новый Усад III обнаружена наземная сыродутная печь шахтного типа. Такие горны, по мнению Б. А. Колчина, использовались для многократных плавок [5, с. 22, 23, 26—30]. Стационарный характер новоусадского горна подтверждается также тем, что в пределах раскопа размером 144 м^2 металлургических сооружений больше не найдено.

По форме и размерам исследованное железоплавильное сооружение аналогично печам, найденным на городищах Смоленщины VI—VII вв., а также якутским сыродутным горнам начала X в. [5, с. 22, 31]. Дере-

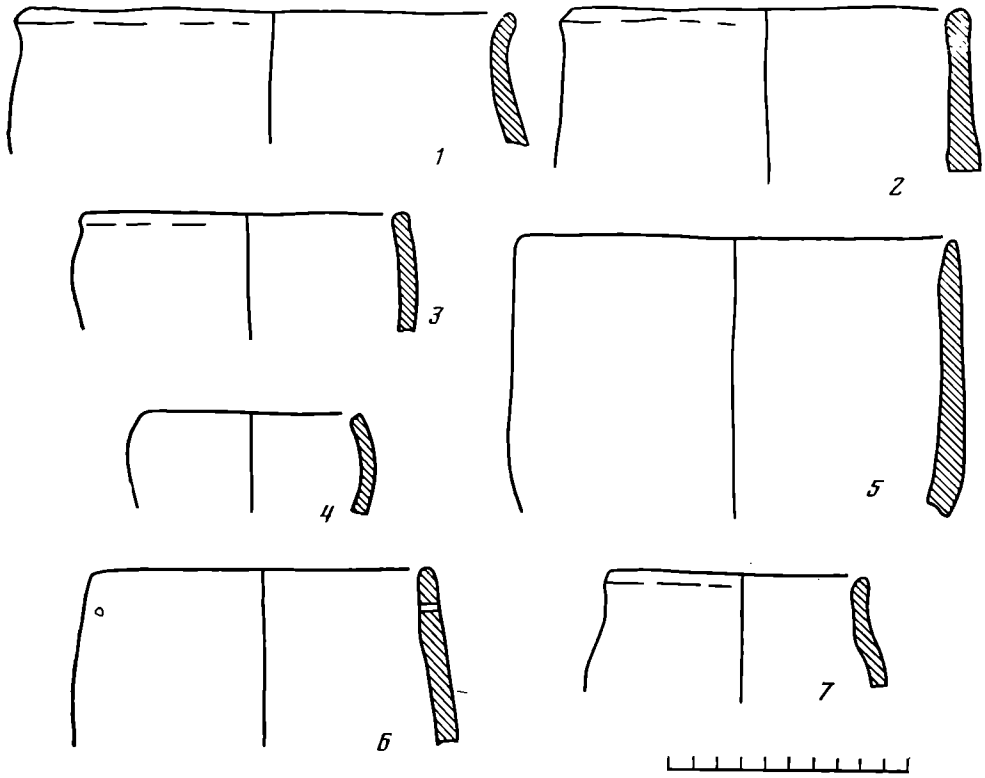


Рис. 3. Лепная керамика поселения Новый Усад III. *1—7* — глина

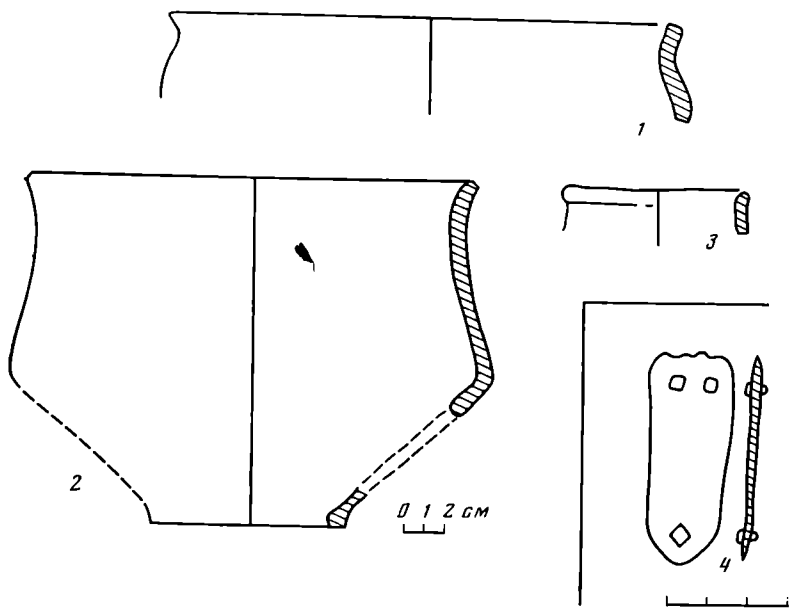


Рис. 4. Гончарная керамика и поясная бляха поселения Новый Усад III. *1—3* — глина, *4* — железо

вянный каркас имело большинство древнерусских печей [5, с. 30], горн на Кушманском городище в бассейне р. Чепцы [7, с. 98]. Специальные каналы, устроенные в грунте, обнаружены у сыродутной печи на Райковецком городище, реконструированной Б. А. Рыбаковым. По его мнению, сооружение таких каналов являлось важным техническим достижением [8, с. 206—208].

Примокшанский горн имел принудительную систему дутья. Об этом свидетельствуют находки керамических сопел. Все они найдены за пределами железоплавильного сооружения, но, несомненно, относятся к нему. Сопла сильно ошлакованы и представлены отдельными фрагментами. Они

имели цилиндрическую форму, с наружным диаметром 5—6 см. Диаметр дутьевого отверстия колеблется от 2,2 до 4 см. В целом мордовские сопла мало чем отличаются от подобных изделий в других регионах Восточной Европы [5, с. 33].

Поселение Новый Усад III датируется сравнительно широко — концом I тысячелетия н. э.— первыми веками II тысячелетия н. э. Эта дата обосновывается находками фрагментов лепных глиняных сосудов, аналогичных ритуальным сосудам мордовских могильников второй половины I — начала II тысячелетий н. э., в сочетании с коричневой и желтой гончарной керамикой, имеющей определенное сходство с посудой домонгольской Волжской Болгарии[1] (рис. 3, 4).

Такое сочетание характерно для мордовских поселений XI—XIII вв. [9, с. 135, 136]. Однако, учитывая, что в нижнем горизонте поселения найдены только сосуды, изготовленные лепным способом, мы сочли возможным удревнить начало функционирования поселения до конца I тысячелетия н. э. Дату поселения подтверждает найденная в верхнем слое кованая железная поясная бляха (рис. 4, *4*). Такие бляхи встречаются в кочевнических древностях Восточной Европы X—XIV вв. [10, рис. 8, *3*].

Время функционирования железоплавильной печи стратиграфически определить трудно. Можно лишь отметить, что под развалом горна обнаружена прослойка культурного слоя в виде светлой супеси (рис. 2). В связи с этим весьма важно проанализировать распределение керамики по 10-сантиметровым пластам в заполнении ямы

№ п/п	Вид керамики	Пласты					Всего
		1	2	3	4	5	
1	Лепная I тыс. до н. э.	2	—	1	—	2	5
2	Лепная конца I — начала II тыс. н. э.	35	8	3	—	19	65
3	Гончарная XI—XIII вв.	1	1	—	—	—	2
4	Гончарная поздняя	—	—	1	—	—	1

Таблица показывает, что первые три пласта заполнения сооружения, отражающие время его разрушения, дают смешанный комплекс широкого хронологического диапазона. В четвертом пласте определимых фрагментов не встречено. Для датировки горна показательны находки в пятом пласте заполнения. Здесь так же, как и в нижнем горизонте поселения, не встречено фрагментов гончарной керамики. Это позволяет связать функционирование железоплавильной печи с ранним периодом существования поселения. Наиболее вероятная дата горна — рубеж I и II тысячелетий н. э.

Материалы раскопок поселения Новый Усад III показывают, что уже к концу I тысячелетия н. э. мордовские металлурги перешли к использованию наземных сыродутных печей. Это значительно повысило производительность труда, улучшило качество металла, что подтверждается данными металлургического анализа изделий этого времени [2, с. 45—47]. Успехи в развитии черной металлургии, несомненно, способствовали более ускоренному развитию производительных сил мордовского общества, что вскоре привело к переходу к классовым отношениям.

---

[1] В культурном слое раскопа найдены единичные фрагменты лепной керамики I тысячелетия до н. э. с текстильными отпечатками, а также небольшое количество обломков сероглиняных гончарных средневековых сосудов (только в верхних горизонтах). Малочисленность и стратиграфическое расположение этих находок показывают, что они не являются определяющими для датировки времени функционирования поселения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жиганов М. Ф.* Из истории хозяйства мордвы в XIII—XVI вв.— В кн.: Исследования по материальной культуре мордовского народа. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
2. *Петербургский И. М.* К вопросу о кузнечном и ювелирном ремеслах мордвы (по раскопкам Шокшинского могильника VI—X вв.).— В кн.: Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1974.
3. История Мордовской АССР. Т. 1. Саранск: Мордовск. книжн. изд-во 1979.
4. *Аксенов С. Н., Артемова В. Д., Вихляев В. И. и др.* Работы в бассейне Мокши.— АО — 1978. М., 1979.
5. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, № 32.
6. *Мец Н. Д.* Железоплавильная печь в урочище Кирметь.— МИА, 1962, № 111.
7. *Смирнов А. П.* Археологические памятники на территории Марийской АССР: Козмодемьянск: Горно-Марийский фил. Марийск. гос. изд-ва, 1949.
8. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
9. *Вихляев В. И., Халин В. В.* Жуковское городище.— АО — 1976. М., 1977.
10. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.

КОЛОСОВА И. О., ХАРЛАШОВ Б. Н.

ДРУЖИННОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ПСКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1979 г. экспедиция Псковского музея-заповедника продолжала исследования древнейшей части псковского посада (территория так называемого «Среднего Города»). Раскоп располагался в 20 м к востоку от стены 1309 г., в непосредственной близости от раскопа 1976 г. [1, с. 23]. В западном углу раскопа 1979 г., под культурным слоем было открыто погребение, получившее в полевой документации порядковый номер 25 (рис. 1, врезка).

В X в., как известно [2, с. 28; 3, с. 76], курганное кладбище Пскова занимало значительную территорию в междуречье Псковы и Великой (рис. 1). В более позднее время древний некрополь перестал существовать, а его территория была застроена. Курганные насыпи были снивелированы, ни одна из них не сохранилась непотревоженной [3, с. 69, 71; 4, с. 22].

Погребение № 25, исследованное раскопками 1979 г., является в пределах некрополя самым юго-восточным. Оно было совершено по обряду ингумации в просторной деревянной домовине под курганной насыпью. Насыпь была снивелирована, видимо, еще в начале XIV в., при освоении участка, так что ее удалось проследить только на высоту 0,08—0,1 м. Юго-западная часть погребального сооружения оказалась разрушенной.

Деревянная погребальная конструкция домовины располагалась непосредственно на горизонте (рис. 2, *1*). Прослежено три слоя бревен. От верхнего слоя сохранилось бревно по южной стенке погребального сооружения. Средний слой представлен бревенчатым накатом, состоящим не менее чем из пяти бревен очень плохой сохранности. Перпендикулярно этим бревнам вдоль восточной стенки погребального сооружения прослежено еще одно бревно, на которое заходят восточные концы бревен наката. Нижний слой представлен пятном древесного тлена, ниже которого идет плотный светло-желтый песок [1].

Деревянная домовина содержала погребение по обряду ингумации. В непотревоженном состоянии были обнаружены только кости нижних конечностей, остальные кости оказались «сдвинуты» в южный угол домовины (рис. 2, *2*). Судя по положению костей, погребенный был ориентирован головой на юго-запад и лежал на спине. Сохранились не все

[1] Уверенности в том, что это материковый песок, у авторов нет, так как материковый песок от песка курганной насыпи здесь практически неотличим. Кроме того, разборка сооружения проводилась в сложных условиях быстрого накопления грунтовых вод. Скорее всего, домовина находилась на материке, но не исключено, что она была помещена в неглубокую яму.

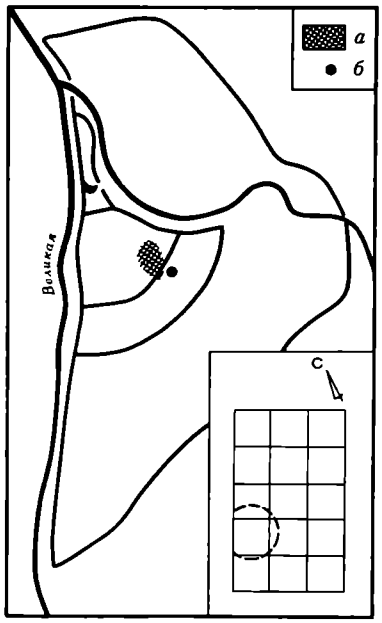


Рис. 1

Рис. 1. Ситуационная схема расположения псковского некрополя. *а* — территория некрополя (по И. К. Лабутиной), *б* — местоположения погребения № 25. На врезке: план раскопа 1979 г. с обозначением местоположения погребения 25 (границы курганной насыпи даны условно)

Рис. 2. Планы и разрез погребения 25. *1* — план бревенчатых конструкций; *2* — план погребения; *3* — стратиграфический разрез по западной стенке раскопа. *а* — бревно, *б* — древесный тлен, *в* — кости, *г* — яма, *д* — слой щепы, *е* — серая супесь со щебнем, *ж* — песок, *з* — бревна (на стратиграфическом разрезе), *и* — материк; I, II — местоположение находок (I — топорик — чекан; II — сосуд).

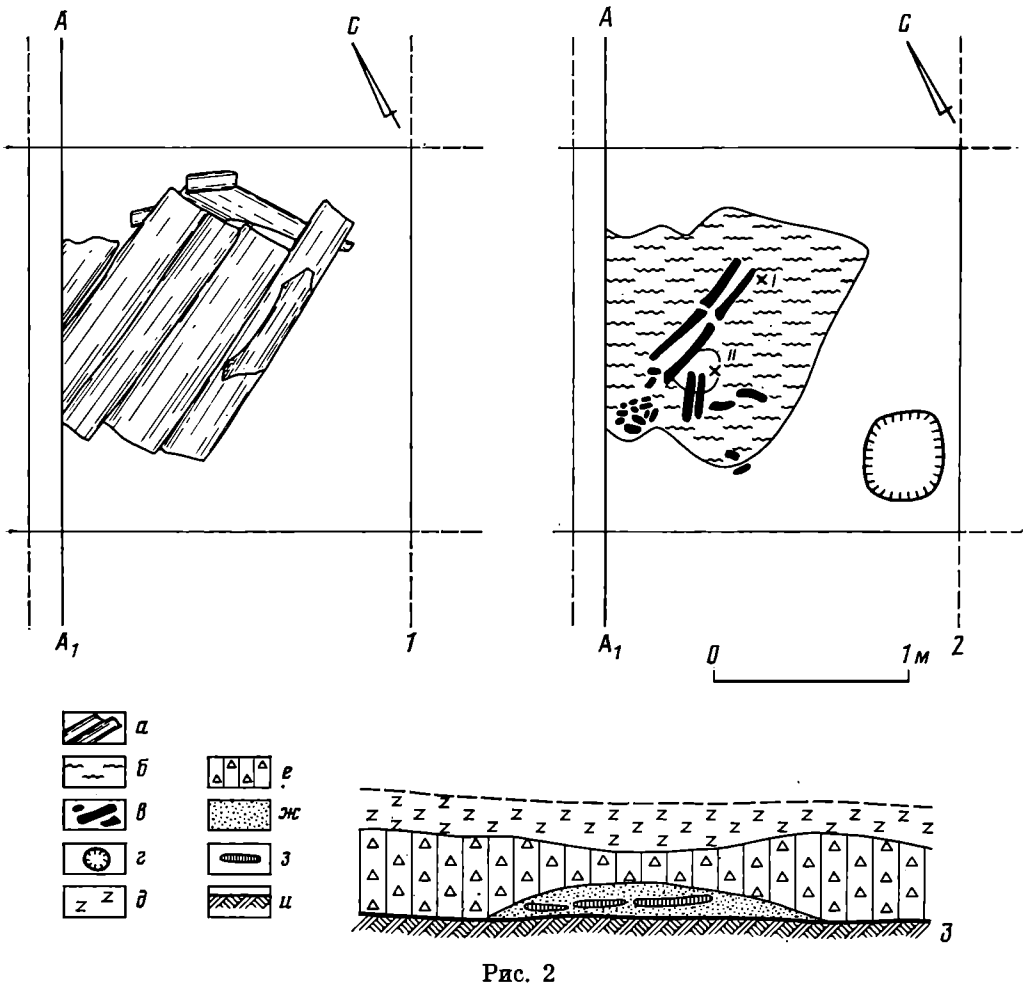


Рис. 2

кости: череп представлен обломками теменной части и нижней челюстью, причем последняя оказалась отброшенной на 0,6 м к югу от погребального сооружения. Видимо, часть костей была утрачена при нивелировке насыпи.

В кургане был погребен молодой человек[2]. У правой голени погребен-

[2] Определение Е. Г. Андреевой (МГУ).

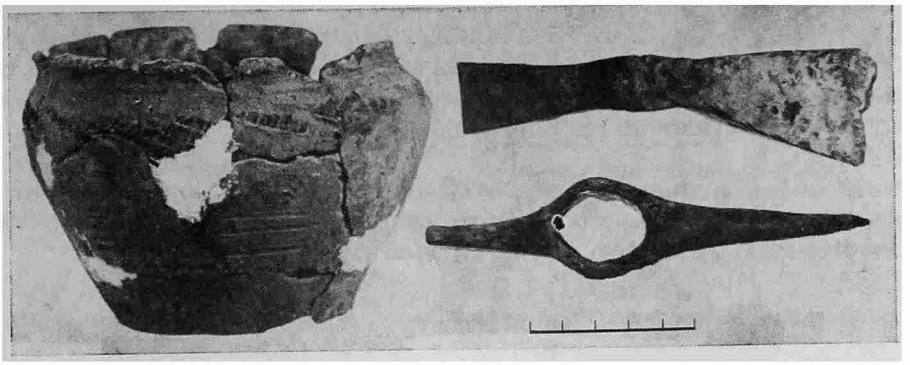


Рис. 3. Инвентарь погребения 25. *1* — сосуд; *2* — топорик-чекан

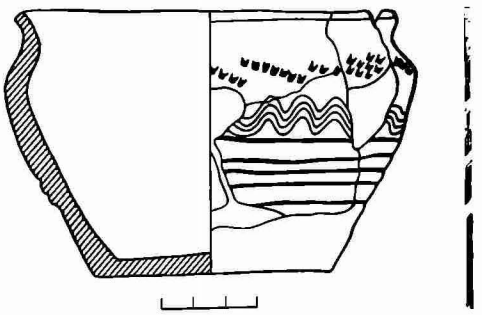


Рис. 4. Сосуд из погребения 25

ного лежал миниатюрный боевой топорик-чекан (рис. 3, *2*). У правого бедра находился развал небольшого богато орнаментированного сосуда (рис. 3, *1*; 4).

Итак, среди 25 погребений псковского некрополя известно уже три погребения по обряду ингумации, помещенные в деревянные камеры [3, с. 75, № 15; 4, с. 22]. Между погребениями имеются некоторые различия: если первые два погребения (раскопки 1974 и 1976 гг.) помещены в ямах, облицованных деревом, то наше погребение находилось в деревянной домовине или срубе.

Погребения под курганной насыпью в деревянных камерах или срубах известны в настоящее время в Киеве, Шестовицах, Гнёздове, в могильнике Плакун близ Ладоги, а также в Польше, Чехословакии, Швеции и Дании. Мужские погребения в камерах или срубах, совершенные по обряду ингумации и сопровождающиеся находками оружия, несомненно, являются дружинными. Г. С. Лебедев справедливо подчеркивает, что речь в данном случае должна идти «не о дружинах викингов, а о королевской (княжеской) дружине, основе складывающегося господствующего класса в Скандинавии и других раннефеодальных обществах Европы» [5, с. 16]. По мнению исследователя, погребения с оружием в камерах и срубах следует считать могилами варягов, дружинников киевских князей.

Иной точки зрения на происхождение камерных могил придерживался Д. И. Блифельд. Он считал, что трупоположения в деревянных гробницах ведут свое происхождение от славянских погребений с сожжениями и деревянными конструкциями Среднего Поднепровья [6, с. 157, 162; 7, с. 102, 103, 109]. Заметим, кстати, что в камерных погребениях Шестовицкого могильника встречаются боевые топоры [7, с. 66].

По конструктивным особенностям погребальное сооружение находит себе аналогию в могильнике Бирка, в Средней Швеции (погр. 607 [8, с. 200]). Д. И. Блифельд справедливо подчеркивал, что камеры ь насыпи — деталь, не встреченная в Шестовицах, но широко распространенная в Бирке,— характерны для скандинавских погребений [6, с. 149].

Хронология комплекса определяется сопровожающим погребение инвентарем. Топорик-чекан относится к типу 1 по А. Н. Кирпичникову. Отсутствие щекавиц, скорее всего, указывает на X—XI вв., наличие пла-

стинчатого обуха — на X в. [9, табл. XI, *6*]. Раннегончарный сосуд относится к группе 5 по С. В. Белецкому. Эта группа псковской керамики датируется второй половиной X — началом XI в. [10, рис. 4, с. 8]. По мнению Г. П. Смирновой, гребенчатый штамп в сочетании с волной и линейным орнаментом на новгородской керамике чаще всего встречается в X в.[3]

Таким образом, погребение № 25 псковского некрополя может быть датировано второй половиной X в. Особенности погребального обряда позволяют считать это погребение дружинным [11, с. 71].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Шапова Ю. Л.* Раскопки в Пскове на ул. Ленина.— АО — 1976. М., 1977.
2. *Лабутина И. К.* Итоги изучения культурного слоя Пскова.— КСИА, 1981, № 164.
3. *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф.* Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.).— КСИА, 1981, вып. 166.
4. *Лабутина И. К.* Раскопки в Пскове.— АО — 1974. М., 1975.
5. *Лебедев Г. С.* Погребальный отбряд скандинавов эпохи викингов.— Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1972.
6. *Блифельд Д. И.* К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв.— СА, 1954, т. XX.
7. *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам"ятки Шестовиці. Київ: Наук. думка, 1977.
8. *Arbman H.* Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940.
9. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2.— САИ. Вып. Е1-36. Л., 1966.
10. *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города).— КСИА, 1980, вып. 160.
11. *Алешковский М. Х.* Курганы русских дружинников XI—XIII вв.— СА, 1960, № 1.

КАМЕНЕЦКАЯ Е. В.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА XI—XIII ВВ. ИЗ СМОЛЕНСКА

Клеймение керамической посуды появилось вскоре после освоения гончарного круга. Клейма на днищах сосудов можно встретить на многих памятниках Древней Руси, как сельских, так и городских. Публикация клейм одного из древнейших городов Руси — Смоленска позволит сравнить этот материал с одновременными знаками на сосудах из других городов, сопоставить клейма Смоленска с клеймами сельских памятников Смоленской земли.

Одной из первых работ, в которой анализировались керамические клейма, является монография Б. А. Рыбакова о древнерусском ремесле [1, с. 342—374]. Позднее появились и другие исследования [2, с. 121—130; 3, с. 148—155], но единого мнения о значении клейма на керамической посуде пока нет. Материалы одного памятника не позволяют решить вопрос о значении клейм. Однако керамика близлежащего от Смоленска Гнёздова дает, на наш взгляд, основание говорить о клейме как знаке мастера, хотя неясным остается принцип клеймения посуды. Присоединяюсь к выводам тех авторов, которые считают, что эти знаки носили культовый характер и выражали обоготворение и почитание неба и небесных светил [4, с. 56—67] и являлись магическим знаком огня при обжиге [5, с. 126, 127].

Археологические раскопки Смоленска производились в течение ряда лет Смоленской археологической экспедицией МГУ (рук. Д. А. Авдусин). Самым массовым материалом этих работ является керамика. Классификация керамики из раскопок 1951—1952 гг., сделанная Г. П. Смирновой, имеется в приложении к отчету экспедиции [6]. В. В. Седов дает небольшую свободную таблицу венчиков посуды из тех же раскопок [7, с. 16, рис. 5]. В работах Т. В. Сергиной (Юркиной) дана характеристика чернолощеной [8, с. 56—70] и поливной керамики Смоленска [9, с. 233—244].

[3] Любезная консультация Г. П. Смирновой (ИА АН СССР).

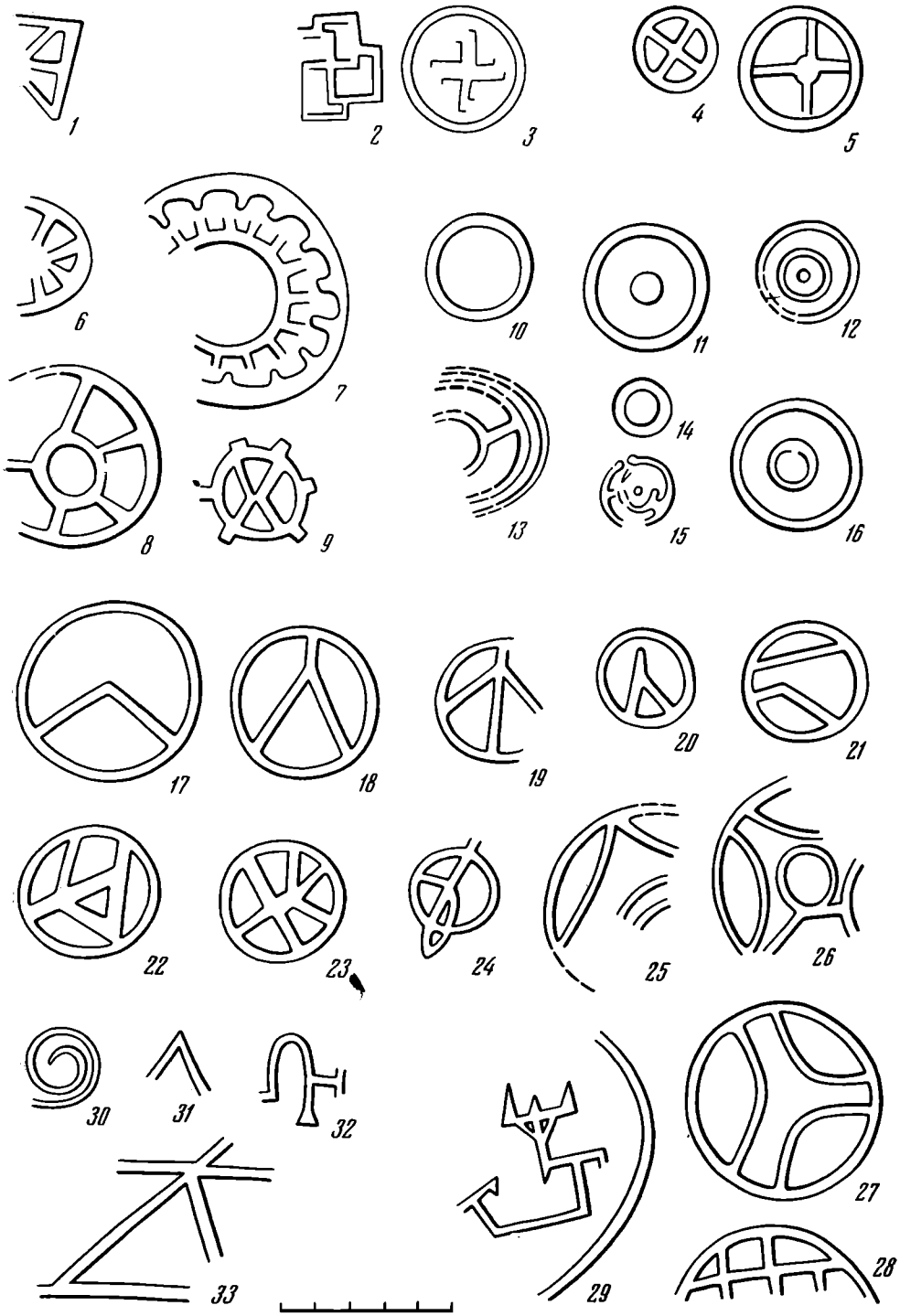


Рис. 1. Керамические клейма Смоленска. *1* — группа 2; *2*, *3* — группа 1; *4*, *5* — группа 3; *6—9* — группа 4; *10—16* — группа 5; *17—29* — группа 6; *30—33* — группа 7

В специальной статье мною рассмотрен материал из раскопов V (1955—1957 гг.) и VIII (1964—1965 гг.) на ул. Соболева (далее — УС) приведена таблица с рисунками клейм из этих раскопов [10, с. 40—55]. Наиболее полной коллекцией керамики Смоленска является материал раскопа УС-XI керамика которого взята полностью и даты ярусов определены с помощью дендрохронологического метода [11, с. 246—251] [1].

Всего за время раскопок в Смоленске собрано 138 клейменых донцев (из них в раскопе УС-XI, найдено 107). Некоторые клейма имеют не-

[1] Пользуюсь случаем поблагодарить Д. А. Авдусина за предоставленную возможность исследования и публикации материалов раскопок.

четкий рисунок, в большинстве случаев неясен рисунок фигуры внутри круга, от очень нечетких рисунков приходится вообще отказаться, так как их можно спутать со следами деревянной поверхности подставки на круге или случайными отпечатками. В целом доля клейменой посуды среди общей массы городской керамики незначительна.

В основе рисунка клейма лежат те же фигуры, что и в клеймах раннекруговой посуды. Можно выделить семь групп клейм, в основе которых лежит та или иная фигура в различных сочетаниях: I — свастика, II — квадрат, III — крест в круге, IV — колесо, V — круг, VI — круг с фигурами внутри него, VII — геометрические фигуры без круга (рис. 1). Предложенное разделение условно, так как фигуры имеют общие элементы (например, в основе колеса лежит крест и круг), однако рассмотрение рисунков клейм X—XIII вв. с различных памятников позволяет считать это членение наиболее удобным для сопоставления различных материалов. В основной группе рисунки клейм различаются между собой деталями: тип рисунка внутри круга, количество спиц в колесе и проч.

Таблица 1

Распределение клейм по группам

Группа клейм	I	II	III	IV	V	VI	VII	Всего
Количество клейм	2	1	3	5	77	42	7	137

Как видно из табл. 1, решительно преобладает круг и рисунки в круге, что делает бессмысленным разделение групп по ярусам. Но надо отметить, что одно клеймо в виде свастики найдено в 17-м ярусе раскопа УС-IX (конец XI в.); точной привязки второго аналогичного знака к ярусу нет, но это нижние слои раскопа УС-VIII. В нижних ярусах собрано большинство сложнофигурных клейм. Распределение по ярусам клейменых донцев с раскопа УС-XI показало, что больше клейм найдено в слоях конца XII—XIII в. (табл. 2).

Таблица 2

Распределение клейм по ярусам на раскопе УС-XI

Ярусы и их датировка	1268—1312 гг.	Рубеж 50—60-х годов XIII в.	Середина 30—середина 40-х годов XIII в.	1-е десятилетие XIII в.	90-е годы XII в.	Середина 70-х — середина 80-х годов XII в.	60-е — начало 70-х годов XII в.	Середина 40-х — начало 50-х годов XII в.	20-е — начало 30-х годов XII в.	10-е годы XII в.	Всего
	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
Количество клейм	5	11	18	15	6	10	11	7	7	8	99 *

* Восемь клейм не учтены из-за отсутствия точных данных о месте их находки.

Аналогии смоленским городским клеймам имеются среди керамики Киева [12, рис. 108—121], Старой Рязани [13, рис. 80, *1—22*, *44*], на городище Слободка [14, с. 202] и ряде других памятников. В Смоленском Поднепровье подобные клейма известны на городищах Воищина, Бородино, на Яновском селище, в Харлаповских курганах. Особенно следует отметить аналогии Бородинского городища для группы V и VI по предложенной классификации. В Смоленске не найдено клейм в виде звезд и предметных изображений, известных из материалов курганов Смоленщины XI—XIII вв., а также в Старой Рязани.

Сравнение клейм X — начала XI в., представленных в Гнёздове, и смоленских клейм показало, что неизменным остался только простейший рисунок — круг. Почти исчезли свастики и кресты, широко распространенные в Гнёздове, а рисунки найденных сильно изменились. Свастика, заключенная в круг, в Гнёздове вообще не известна. Но для Смоленска это, возможно, гнёздовская традиция, так как на всей остальной терри-

тории Смоленщины рисунок клейма-свастики встречен лишь дважды (Федотково, Бородино) и это уже не простые кресты с отростками (как в Гнёздове и Смоленске), а стилизованные, с орнаментальными элементами свастики. Вместе с тем нельзя усматривать и прямую связь между рисунками свастик из города и гнездовского комплекса, так как и в самом Гнёздове клеймо-свастика на поздней керамике не зафиксировано. В Смоленске не обнаружены клейма в виде триквестра; лишь один раз, и то на обломке, замечен рисунок квадрата. Зато в XI—XIII вв. широко распространяются геометрические и прочие фигуры внутри круга, ранее не известные.

Если связь крестов, кругов, свастик с символами небесных светил доказывается достаточно убедительно [15, с. 56—77], то этого нельзя сказать о фигурах углов и скобок. Можно лишь предполагать в скобках символ луны [15, с. 61, 62], а в углах — фигуры стрелы [16, с. 120].

Следует отметить, что простейшие клейма в виде крестов и кругов широко известны на памятниках восточных и западных славян в IX—XIII вв., что связано с общностью языческой символики. Для Смоленска XI—XIII вв. ближайшие формы как клейм, так и типов керамической посуды известны среди материалов Киевской земли. В XIV—XV вв. клеймение керамической посуды почти исчезает из практики русских гончаров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
2. *Розенфельдт Р. Л.* К вопросу о гончарных клеймах.— СА, 1963, № 2.
3. *Тухтина Н. В.* Средневековые славянские гончарные клейма.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
4. *Даркевич В. П.* Символы небесных светил в орнаментике Древней Руси.— СА, 1970, № 4.
5. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
6. *Авдусин Д. А.* Отчет о раскопах в Смоленске в 1951, 1952 гг.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 618, Р-1, № 702.
7. *Седов В. В.* Смоленские поселения центральных районов Смоленской земли.— МИА, 1960, № 92.
8. *Юркина Т. В.* О чернолощеной керамике Смоленска XIV—XVIII веков.— В кн.: Проблемы истории СССР. Вып. V. М.: Изд-во МГУ, 1976.
9. *Сергина Т. В.* Поливная посуда из Смоленска.— СА, 1981, № 2.
10. *Каменецкая Е. В.* Керамика Смоленска XII—XIII веков.— В кн.: Проблемы истории СССР. Вып. V. М.: Изд-во МГУ, 1976.
11. *Мясникова Н. В.* К дендрохронологии Смоленска.— СА, 1980, № 2.
12. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
13. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49.
14. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М.: Наука, 1981.
15. *Даркевич В. П.* Символы небесных светил в орнаментике Древней Руси.— СА, 1970, № 4.
16. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49.

МОРОЗОВ В. В.

ГЕРАЛЬДИКА НА ИКОНЕ «БЛАГОСЛОВЕННО ВОИНСТВО»

В ряду бесценных памятников русской средневековой живописи есть такой, «ножницы» трактовки которого чрезвычайно широки. И если одни исследователи дают ему религиозно-апологетическое толкование, связывая живописное произведение с посланиями апостола Павла [1, 2], то другие видят в нем аллегорическое изображение войска Ивана Грозного, возвращающегося в Москву после взятия Казани [3—6], и даже прямую иллюстрацию торжественной речи митрополита Макария при встрече Ивана IV [7].

Речь идет об иконе «Благословенно воинство» (более известной под названием «Церковь воинствующая» [1]). Необычность сюжета, своеобразие

[1] Новое название иконы предложено В. И. Антоновой, связывающей происхождение иконы «Благословенно воинство» с образами Апокалипсиса и видящей ее содержание в отражении военных побед Российского государства [8, с. 128—134].

композиции иконы явились серьезной загадкой для исследователей, а сложность символики позволила интерпретировать ее чрезвычайно широко. Поиски литературных источников иконы приводили и к Апокалипсису [8, 9] и к Степенной книге [10]. Однако при всех различиях в трактовке исследователи сходятся в одном: икона «Благословенно воинство» связана с Казанским взятием и прославляет ее героя — Ивана Грозного, изображение которого, по мнению М. К. Каргера (его поддержали все последующие исследователи), следует видеть во всаднике под венцом, несомым тремя ангелами [4, с. 466—469].

Недостатком в аргументации связи иконы с конкретными историческими событиями был ассоциативный подход: общеисторические представления являлись основой, которая в той или иной степени подкреплялась логическими рассуждениями или цитатами из литературных произведений [2].

Вместе с тем икона «Благословенно воинство» имеет особенность, выделяющую ее из других произведений живописи. На эту особенность обратил внимание еще П. П. Муратов: некоторые всадники и пешие воины несут щиты с изображением геральдических (или имеющих эмблематический смысл?) фигур [2]. И хотя изучение изображений могло бы пролить свет на неясные вопросы о времени создания иконы, о круге интересов ее создателей (или заказчиков?), изображения эти остались вне поля зрения исследователей.

В данной статье предпринята попытка анализа изображений на щитах воинов с иконы «Благословенно воинство». Одна из этих фигур — двуглавый орел (рис. 1) — изображена дважды. С конца XV в. двуглавый орел является гербом Российского государства, а в XVI в. уже становится обязательной принадлежностью государственной символики [12]. Орла можно видеть на государственной печати, на посуде [3], в архитектуре [4], на перстнях [14, табл. 21]. Это весьма красноречиво свидетельствует о значении, придаваемом Иваном IV репрезентативности своей власти. На иконе орлы изображены без корон, но это не может поставить под сомнение их принадлежность к царской символике, так как таких же орлов можно видеть и на шлеме сына Ивана Грозного — Ивана [15, № 9].

В группе пеших воинов — еще один символ, значение которого определено: крылатый змей, Василиск (рис. 2), ставший гербом Казанского царства [16, с. 58—59]. На иконе он в несколько ином, чем принято, положении, но это могло быть продиктовано формой щита: крылья змея, расположенного по центральной оси щита, напоминают крылья орла. Причиной этому, возможно, могла быть и неразработанность иконографии — на иконе изображен еще не сложившийся герб. Окончательный вариант его можно видеть на государственной печати 1583 г. [14, табл. 18] и на печати Казанского царства 1596 г. [17, с. 12, табл. VIII, № 148]. Василиск с иконы «Благословенно воинство» больше похож на змея Зиланта с миниатюры Казанского летописца [18, рис. 3]. Татарское ханство получило эмблемой змея — «знамение бесерменьское» [19, с. 492] [5].

Вероятно, с крылатым змеем, Василиском, можно связать еще одно изображение змея, но без крыльев (рис. 1), на иконе «Благословенно воинство». Напомним, что здесь мы имеем дело с процессом складывания территориальных гербов-символов. Бескрылый змей мог быть символом Астраханского царства как ближайший «родственник» крылатого змея — герба Казани и как все то же «знамя бесерменьское».

---

[2] Так, например, В. И. Антонова называет предположительно некоторые изображения воинов иконы конкретными именами русских князей [8, с. 132], а О. И. Подобедова пытается подкрепить интерпретацию персонажей иконы ссылкой на послание митрополита Макария в Казань [11].

[3] Двуглавый орел выгравирован на свадебном подарке Ивана IV Марии Темрюковне (Золотое блюдо. 1561 г. Оружейная палата Московского Кремля).

[4] Описывая опричный дворец Ивана Грозного в Москве, Штаден сообщает о черных резных орлах на его воротах и башнях [13, с. 107—108].

[5] Митрополит Макарий говорил при встрече Ивана IV после взятия Казани, что царь «змиа, гнездящася там... сокруши» [20, с. 226]. Легенду о Зиланте см. в работах Н. П. Загоскина [21], П. Заринского [22] и П. М. Дульского [23].

Рис. 1. Гербы Русского государства и Астрахани. Деталь иконы «Благословенно воинство»

Рис. 2. Герб Казани. Деталь иконы «Благословенно воинство»

Изображение на щите одного из всадников требует пристального рассмотрения. Это — трехглавое чудовище, в котором можно видеть «зверя превелика и пречюдна и красна зело» из «Сказания о Букале». Князь Даниил Иванович (в некоторых списках — Александрович) встретил его на том месте, где впоследствии «созиждется град превелик и распространится царство треугольное» [24, с. 215]. М. Н. Тихомиров считал «Сказание о Букале» записью устного предания, существовавшего еще в XVI в. [25, с. 241] [6]. Трехглавое чудовище могло в таком случае символизировать три царства — Московское, Казанское и Астраханское, объединенные рукой Москвы; ведь не случайно три ангела несут огромную корону над головой всадника, трактуемого как Иван Грозный. Легенда о видении первым московским князем Даниилом Ивановичем (Александровичем) — основателем династии московских рюриковичей, продолжателей рода киевских и владимирских князей — могла найти отражение в столь необычном символе на иконе «Благословенно воинство».

Трижды изображена на щитах иконы голова орла (рис. 3) [7]. В литературе русского средневековья уподобление героя орлу встречается довольно часто [8]. Вероятно, изображение на иконе имеет эмблематический смысл, такой же, как и на рельефах Дмитриевского собора в г. Владимире [27, с. 282, 284].

Два щита имеют изображения, частично утраченные. В одном из них угадывается единорог, «инрог» — личный герб Ивана Грозного [14, табл. 19; 17, табл. VII, № 106] [9]. На другом щите мы видим стрелу наконечником вверх (рис. 4), На печати 1583 г. это герб Сибири [14, табл. 18]. Необходимо отметить, что в 1555 г. сибирский хан Эдигар вступил в вассальные отношения с Москвой, выразившиеся в обязательстве уплаты дани. В ноябре следующего года посол Эдигара прибыл в Москву с данью, но не полной, в результате чего «царь и великий князь на сибирского посла опалу положил». В сентябре 1557 г. из Сибири прибывает полная дань, с которой послы «сибирского князя» «грамоту шертную привезли с княжею печатью, что ся учинил князь в холопстве». В 1558 г. в послании патриарху Иоакиму слово «Сибирь» появляется в титуле Ивана IV. Вероятно, и на иконе «Благословенно воинство» мы видим стрелу как герб-печать Сибири (не была ли стрела заимствована с печати Эдигара?), принятую в Москве, когда в 1557 г. «сибирский князь» «привезоша дань исполну и в векы поработишася царю и великому князю» [20, с. 276, 285, 310].

Итак, состав геральдических и эмблематических (таковыми следует считать изображения головы орла и трехглавого чудовища.) фигур на щитах иконы «Благословенно воинство» позволяет считать, что все они принадлежат к официальной символике государства (двуглавый орел, единорог, крылатый змей — Василиск) или являются носителями воинских традиций (голова орла), или указывают на адрес заказчика (двуглавый орел, трехглавый зверь, змей).

Надо полагать, что заказчик (или исполнитель) тщательно подбирали состав этих фигур с тем, чтобы подчеркнуть реальные результаты своих завоеваний, прославить свое воинское начало. На щитах мы не видим фигур, прямо связанных с религиозными символами (как, например, на знаменах), все они скорее светские, чем религиозные, христианские. Геральдическими фигурами подчеркивается, что воины, идущие в торжественном шествии, москвичи, наследники Владимирской Руси. Они имеют

---

[6] Следует отметить здесь также, что существует мнение, по которому «Сказание о Букале» относится к XVII в. [26].

[7] Еще два, по меньшей мере, изображения орла имелись на иконе, но они утрачены. Прориси сохранились.

[8] Например, в Казанском летописце «рустии же вои быстро, яко орлы полетоваху» [18, стб. 84], а Степенная книга называет Дмитрия Донского «высокопаривым орлом, попаляющим бесчестие» [19, с. 401].

[9] «Того же году (1561.— *В. М.*) февраля в 3 день, царь и великий князь печать старую меншую, что была при отце его Василие Ивановиче, переменил, а учинил печать новую складную: орел двоеглавной, а середи его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавной, а середи его инрог» [20. с. 331].

Рис. 3. Эмблематический орел. Деталь иконы «Благословенно воинство»

Рис. 4. Герб Сибири. Деталь иконы «Благословенно воинство»

прямое отношение к Москве изначала и, высоко неся ее славу[10], выполнили предназначенное ей, свидетельством чему являются гербы на щитах: Московский, Казанский, Астраханский, Сибирский [28].

Фигуры на щитах иконы «Благословенно воинство» могут стать решающим аргументом для ее датирования. Исследователи, связывающие сюжет иконы с Казанским взятием, полагают, что она была написана вскоре после этого знаменательного для Москвы события[11]. Но сама техника создания иконы с ее длительными просушками после нанесения слоев левкаса и прописей, золочения не позволяет слишком сближать событие и создание иконы, ему посвященной. В пользу некоторой отсрочки от непосредственного повода — взятия Казани — могут служить и размышления о «смятении» и «мятеже», разыгравшихся весной 1553 г.: в случае смерти Ивана IV в результате его тяжелой болезни героем взятия Казани пришлось бы задним числом, но не без справедливости, считать Владимира Андреевича Старицкого. Но эти аргументы следовало бы учесть лишь в том случае, если на иконе действительно изображен апофеоз взятия Казани. Икона «Благословенно воинство» написана на совершенно новый сюжет и принципиально нова композиционно. Для разработки этого было необходимо какое-то время. Отметим также, что знаменитая церковь «святый Покров с приделы, надо рвом у града близ Фроловъскых врат» [20, с. 252] посвящалась отнюдь не только взятию Казани, но и Астрахани. Геральдические и эмблематические фигуры, изображенные на щитах иконы «Благословенно воинство» также указывают на то, что она связана не только с Казанью. Действительно, Василиск не мог появиться (в данном геральдическом «конвое») ранее 1552 г. (известие о взятии Казани было получено на Москве 9 октября 1552 г.). Не мог появиться ранее 1554 г. и герб Астрахани даже в виде змея. Единорог как личный герб Ивана Грозного впервые появляется только в 1557 г. К концу этого года относится и самая ранняя дата герба Сибири в виде стрелы, а упоминание Сибирских земель в царском титуле впервые появляется лишь в августе 1558 г.

Итак, даже самый осторожный перечень крайних дат не позволяет относить время создания иконы «Благословенно воинство» к периоду ранее 1558 г.

Такая датировка может существенно изменить и трактовку самого живописного произведения. Во всяком случае, возникает вопрос о справедливости мнения Е. С. Сизова, связывавшего икону «Благословенно воинство» с портретным циклом князей в Архангельском соборе Московского Кремля и его основой — Степенной книгой [10, с. 269].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степанов М. П.* Храм-усыпальница... во имя... Сергия Радонежского в Чудовом монастыре, в Москве. М., 1909.
2. *Муратов П. П.* Два открытия.— София, 1914, № 2.
3. *Пресняков А. Е.* Эпоха Грозного в общем историческом освещении.— Анналы, 1922, № 2.
4. *Каргер М. К.* К вопросу об изображении Грозного на иконе «Церковь воинствующая».— Сб. ОРЯС. Т. 101(3). М., 1928.
5. История русского искусства. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
6. История русского искусства. Т. I. М.: Искусство, 1957.
7. *Мнева Н. Е.* Искусство Московской Руси. Вторая пол. XV—XVII вв. М.: Искусство, 1965.
8. *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации. Т. I. М.: Искусство, 1963.
9. *Алпатов М. В.* Памятник древнерусской живописи конца XV века. Икона «Апокалипсис» Успенского собора Московского Кремля. М.: Искусство, 1964.
10. *Сизов Е. С.* Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI века.— ТОДРЛ. Т. XXII. М.— Л.: Наука, 1966.
11. *Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40-х — 70-х годов XVI в. М.: Наука, 1972.
12. *Соболева Н. А.* Символы русской государственности.— Вопр. истории, 1979, № 6.

[10] Об этом свидетельствует религиозная символика, которая рассмотрена В. И. Антоновой [8, с. 128—134].

[11] Икона «Благословенно воинство» датировалась до сих пор 1552—1553 гг. [5, с. 572—576; 8, с. 131; 11, с. 27—29, 192; 29, с. 169].

13. *Генрих Штаден.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. М., 1925.
14. Снимки древних русских печатей. Вып. 1. М., 1880.
15. Древности Российского государства (Альбом). Отд. III. М., 1865.
16. *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы.— Уч. зап. МГУ, 1946, вып. 93.
17. Сборник снимков с древних печатей. М., 1857.
18. ПСРЛ. Т. XIX. Спб., 1903.
19. ПСРЛ. Т. XXI, ч. 2. Спб, 1912.
20. ПСРЛ. Т. XIII. Спб., 1904.
21. *Загоскин Н. П.* Спутник по Казани. Казань, 1895.
22. *Заринский П.* Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Ч. 1. Казань, 1880.
23. *Дульский П. М.* Зиланд и Казицы. Казань, 1917.
24. *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва (XII—XV вв.) М.: Изд. МГУ, 1947.
25. *Тихомиров М. Н.* Сказания о начале Москвы.— Исторические записки, 1950, т. 32.
26. *Салмина М. А.* Повести о начале Москвы. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1964.
27. *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М.: Искусство, 1969.
28. *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высшая школа, 1974.
29. Всеобщая история искусств. Т. II. кн. 1. М.: Искусство, 1960.

АСТРАХАНСКИЙ В. С.

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ В. Н. ТАТИЩЕВА

Наиболее ранние свидетельства интереса В. Н. Татищева к «древностям» и, в частности, к разного рода «захоронениям», относятся к 1710 г. В одном из примечаний ко второй части «Истории Российской» В. Н. Татищев писал: «Могила Игорева. При городе Коростене есть холм весьма великой. на ровном месте близ речки, и доднесь так называется, которой я в 1710 году, идучи из Киева с командою, осматривал» [1, с. 222, примеч. 125]. Именно практика раскапываний древних захоронений и наблюдения за находками в них побудили В. Н. Татищева написать первую в России археологическую инструкцию [2, с. 88]. Об интересе В. Н. Татищева к археологическим древностям подробно писал М. В. Гурвич [3, с. 153—164].

Весной 1981 г. в ЦГАДА, в фонде Миллера, была обнаружена копия неизвестной работы В. Н. Татищева на немецком языке «Ammerkungen über Hübneri Handlungslexicon» [4, л. I, *1—34* об.], являющейся комментариями на сочинение И. Гибнера [5] (рис. 1—3). В последнем имелась статья «Золото», на которую В. Н. Татищев написал отдельное примечание под названием «Могильное золото» [4, л. 11 об., 12]. Эта статья была написана в 1725 г. во время пребывания В. Н. Татищева в Швеции [6, с. 322—327]. В ней, по-видимому, отражены личные наблюдения исследователя над археологическими находками в период его службы на Урале и в Сибири в 20-е годы XVIII в. [7, с. 124—199].

Эта статья, по-видимому, является наиболее ранней из работ В. Н. Татищева на археологическую тему. Она озаглавлена «Gräber Gold» (рис. 2). В начале ее В. Н. Татищев указывает: «По русски „Могильное золото“». Последние два слова написаны на русском языке, но латинскими буквами[1]. В. Н. Татищев фиксирует, что это золото «в Сибири выкапывается из древних языческих могил», «оно состоит из различной посуды, нательных и одёжных украшений». В могилах находили немало «сабель, ножей и сбруи, потому что они (язычники.— *А. В.*) хоронили покойников с их лошадьми». «В каждой могиле найдены идолы и золото», «в них нашли настоящие шахматы из золота, а также большие листы из чистого золота, на которых лежали покойники». «В бедных могилах находят серебро, латунь и медь».

Отдельный интерес представляет резюме В. Н. Татищева, в котором он, возможно — один из первых в исторической науке, сумел определить значение находок в могилах. «Их Российские Императорские Величества,— писал историк,— собрали большое количество таких редких вещей, **среди которых много хороших свидетельств для древней истории**» (выделено

[1] Расшифровка и перевод на русский язык текста статьи выполнены К. В. Малиновским, которому, пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность.

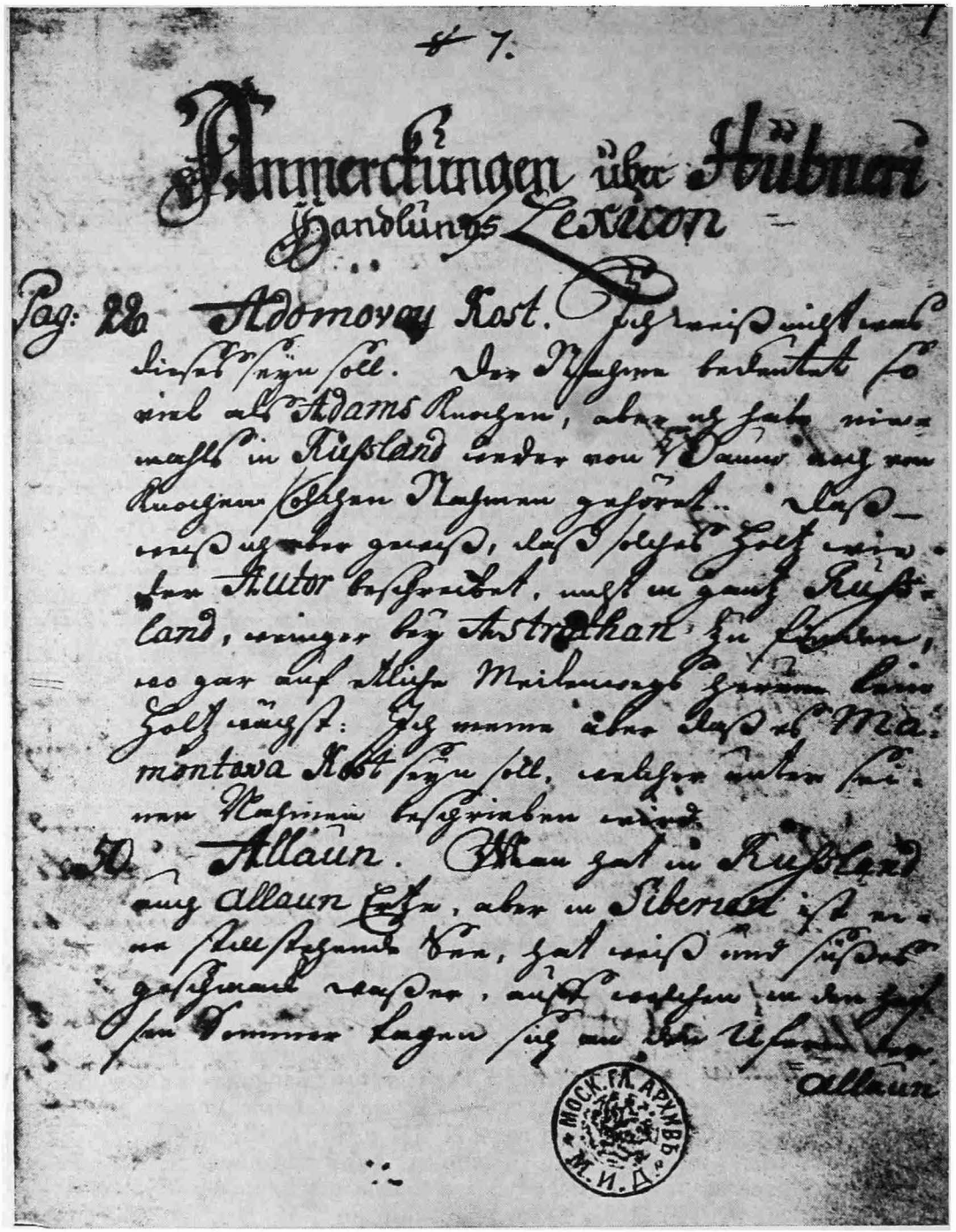


Рис. 1. Заглавный лист работы В. Н. Татищева с примечаниями на труд И. Гибнера (ЦГАДА, ф. 199, оп. I, портф. 149, ч. 2, д. 7, л. 7).

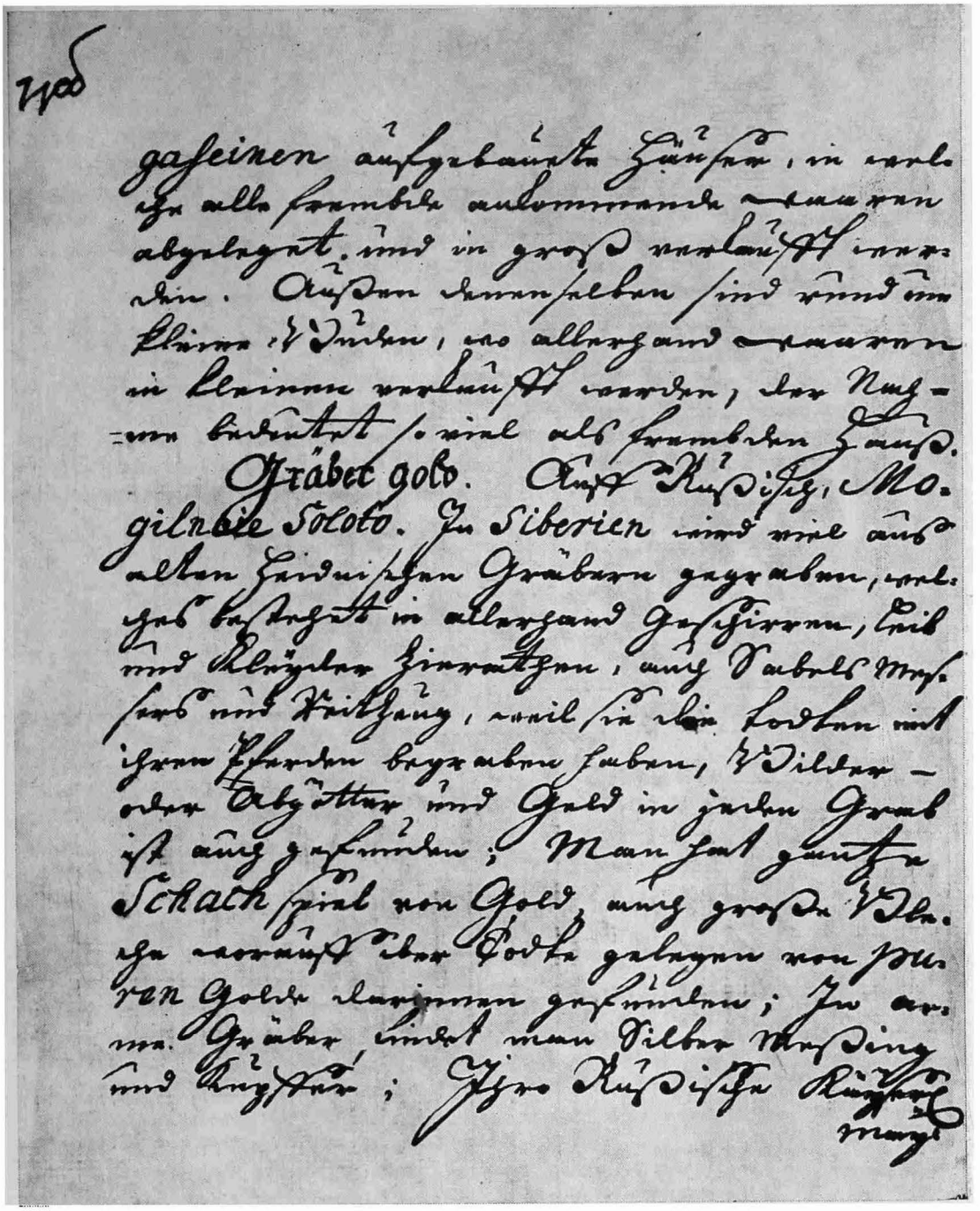


Рис. 2. Примечание «Cräber Gold» (л. 11, оборот)

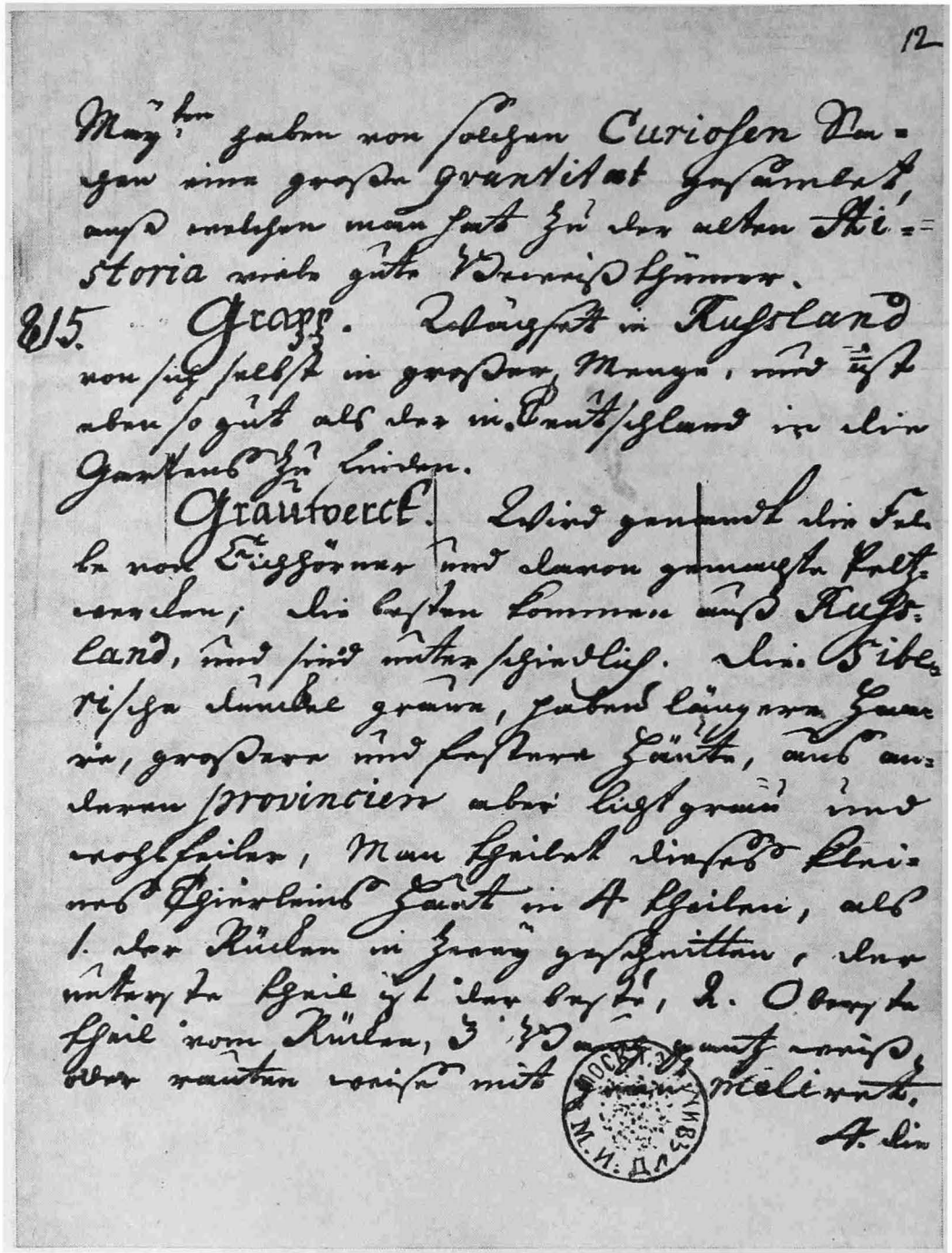


Рис. 3. Примечание «Gräber Gold» (л. 12).

мной.— *А. В.*). Спустя много лет, в 1737 г., В. Н. Татищев остается верен своему выводу: «В некоторых местах в древних могилах находят старинные вещи, дивные и ко пзъяснению гистории весьма полезные» [2, с. 88].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Татищев В. Н.* История Российская. М.— Л.: Наука, 1962, т. 2.
2. *Татищев В. Н.* Избранные произведения по географии России. М.: Географиздат, 1950.
3. *Гурвич М. В.* В. Н. Татищев и археологическая наука.— СА, 1956, т. XXVI.
4. ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 149, ч. 2, д. 7.
5. [I. Gibner]. Curieuses und reales Natur, Kunst, Berg, Gewerk und Handlungs Lexicon. Leipzig, 1722.
6. *Юхт А. И.* Поездка В. Н. Татищева в Швецию (1724—1726 гг.).— ИЗ, 1971, № 88.
7. *Юхт А. И.* Деятельность В. Н. Татищева на Урале в 1720—1722 гг.— ИЗ, 1976, № 97.

Критика и библиография

СТОКОЛОС В. С.

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ НОВОКУМАКСКИЙ ГОРИЗОНТ?

В настоящее время ряд исследователей, касаясь истоков зауральских древностей бронзового века (в том числе алакульского типа), решительное предпочтение отдают миграционным потокам с юго-западных территорий на восток, в Приуралье и Зауралье. Наиболее полное изложение этой позиции дается в книге К. Ф. Смирнова и Е. Е. Кузьминой [1]. Авторы отрицают гипотезу об автохтонном развитии андроновской культуры [1], так как она якобы не дает возможности увязать археологические и лингвистические данные [1, с. 53]. В другом месте работы определяющая роль местных энеолитических культур не отрицается [1, с. 40]. Эти взаимоисключающие положения о роли местного и пришлого субстрата в формировании зауральских древностей бронзового века не мешают авторам в целом следовать точке зрения, отрицающей местные корни алакуля. Решающую роль в концепции играют памятники так называемого «новокумакского типа» [1, с. 50].

Основной базой, на которой строятся обобщения, являются материалы девяти погребений кургана № 25 Новокумакского могильника, расположенного на востоке Оренбургской обл. Два погребения совершены в грунтовых ямах крупного размера, остальные — в насыпи кургана или на уровне древнего горизонта; все погребения отнесены к одному времени и составляют единый комплекс. В двух погребениях установлена скорченная поза умершего, еще в одной могиле (№ 11) покойник лежал на спине (или слегка повернут на левый бок) с подогнутыми влево ногами, с согнутыми в локтях руками; ориентировка погребенных неустойчивая. В одном погребении отмечена частичная посыпка мелом. В заполнении и на дне могил встречены кости домашних животных. Умерших сопровождали сосуды горшечной формы с резным и зубчатым орнаментом; в некоторых случаях отмечен орнамент, выполненный перевитой веревочкой. Один сосуд из девяти был украшен налепными горизонтальными и вертикальными валиками. Найдено также несколько металлических вещей: нож, долото и пр.

Датировка этого своеобразного по инвентарю и некоторым деталям погребального обряда памятника определяется по западным аналогиям среди материалов многоваликовой и полтавкинской культур, сильное влияние которых сказывается на новокумакских древностях [1, с. 32], и определена авторами монографии рамками одного столетия — XVI в. до н. э. [1, с. 50]. В этот сравнительно короткий отрезок времени население не только Оренбуржья (новокумакские погребения), но и других районов Зауралья оказалось под влиянием культур, проникавших из юго-западных степей. Прослеженное влияние полтавкинской и культуры многоваликовой керамики на памятниках Приуралья и Зауралья, видимо, имело место на обширной территории вплоть до Южного Зауралья. Однако в книге К. Ф. Смирнова

[1] Авторы книги следуют старому понятию «андроновская культура», включая сюда и памятники алакульской культуры, хотя на ее страницах речь идет только об алакульских памятниках, формирующихся на базе новокумакских [1, с. 51]. Считая алакульскую культуру самостоятельной, наряду с андроновской (федоровской), мы видим ее истоки в зауральских древностях полуденковского типа с волнисто-гребенчатым орнаментом некоторых вариантов этой керамики [2, с. 96, табл. VII, 8—12; VIII, 1, 14; X, 14; XI, 1—9], в традициях кысыкульского [3, с. 16; 4, с. 136] или суртандинского (по Г. М. Матюшину) гончарства. Не исключены и другие источники, например боборыкинская керамика. Но наиболее вероятно, что первые два компонента прежде всего легли в основу Зауральского алакульского гончарства и определили его главные локальные черты: на севере (от рек Гумбейка и Зингейка до р. Исети) — преобладание линейного орнамента, на юге (до западного Оренбуржья) — преобладание зубчатой и резной техники нанесения орнамента [5, с. 71—74].

и Е. Е. Кузьминой вводятся понятия новокумакский хронологический горизонт и новокумакский тип: «В свете яркого новокумакского комплекса удается пересмотреть некоторые ранее известные памятники Приуралья и Казахстана и выявить особый тип памятников среди культур этого региона» [1, с. 19]. Есть ли основания для введения этих понятий?

Памятники новокумакского типа выделены, по словам авторов, с применением общепринятой методики — устойчивое сочетание ряда признаков погребального обряда и керамического комплекса [1, с. 24]. Однако по мере прочтения книги убеждаешься, что признаки, на основании которых выделяются погребальные комплексы, не выдерживаются: сравнительный анализ керамического материала выполнен поверхностно, а привлечение материалов других памятников носит избирательный характер (используются отдельные предметы или комплексы, более или менее подходящие для поставленной цели, а остальной материал игнорируется).

В качестве примера рассмотрим могильник Степное I. Здесь, под пятью земляными насыпями, было изучено по одному основному погребению, совершенному в крупной грунтовой могиле. Главными сопровождающими вещами была керамика: в четырех могилах — абашевская и в погребении кургана 5 — обломок алакульского (?) сосуда [6, рис. 4, *в*]. Рядом, у краев могил и в насыпи, стояли совместно с абашевскими сосуды «гибридного» алакульско-срубного или алакульско-абашевского облика [6, с. 3—13; 4, с. 118]. У края насыпи трех курганов (№ 2, 3, 4) имелись впускные погребения с разрозненными костями человека и животных. Происхождение этих костей неясно, так как они не сопровождались вещевым инвентарем. Абашевские и алакульско-срубные сосуды из насыпей имели отношение к основным погребениям, располагаясь зачастую в непосредственной близости от последних. В могиле кургана № 5, не имевшего впускного погребения, найден фрагмент, скорее всего, от алакульского сосуда.

Казалось бы, ясный вопрос о «привязке» вещественного материала из Степного I — памятника, давно известного специалистам — порождает порой произвольное его расчленение на два разновременных комплекса: основные погребения — абашевские, впускные — алакульские. При этом остается совершенно неясным: где же располагались эти алакульские погребения?

Подобной стратиграфии в курганах могильника Степное I не наблюдалось. Кроме совместных находок абашевской и алакульско-срубной посуды здесь встречены и «гибридные» алакульско-абашевские горшки, что признавал К. В. Сальников [7, с. 83]. В книге К. Ф. Смирнова и Е. Е. Кузьминой тоже имеется ссылка на стратиграфию степновских курганов [1, с. 26]. Но в дальнейшем изложении стратиграфия отбрасывается, абашевская и алакульско-срубная керамика объединяется в одну группу и весь памятник целиком объявляется новокумакским [1, с. 22, рис. 6], т. е. на основе уже известных культурных типов конструируется некий новый сверхтип. Для доказательства этой метаморфозы вещественный материал памятника подвергнут насильственной перекройке: абашевский сосуд из Степного приравнен к новокумакскому горшку, имеющему налепной валик (новокумакский тип), а остальная абашевская керамика с бесспорными характерными признаками включена в разряд «прочих», обычные баночные сосуды из Степного объявлены биконическими, наконец, группа горшков, приравненная авторами к новокумакскому типу 1 имеет отдаленное сходство форм, но абсолютно несопоставима по орнаменту [1, рис. 6; 6, рис. 2, *е*, *б*; рис. 3, *г*]. Таким образом, доказательства в пользу отнесения могильника Степное I к числу новокумакских не могут быть признаны удачными, поскольку они идут вразрез с общепринятой методикой, применяемой при классификации керамики.

Интересен затронутый в книге вопрос о времени и месте изобретения древних колесниц, вся история которых, по убеждению авторов, не выходит за пределы новокумакского горизонта. Привлечены многочисленные свидетельства об изображении колесной упряжки из разных мест Евразии, в том числе и уникальный в Зауралье рисунок телеги на сосуде из курганного могильника Спасское I (рис. 1, *1*).

Следует подчеркнуть, что весь комплекс вещественных остатков могильника Спасское I носит смешанный алакульско-срубный характер, с явным господством алакульской основы, особенно заметной в керамике. Сосуд с изображением телеги находился в срубном погребении, но сам по себе алакульский. У него характерный уступчик и узор, исполненный «протащенной» гребенкой. Черты могильного ритуа-

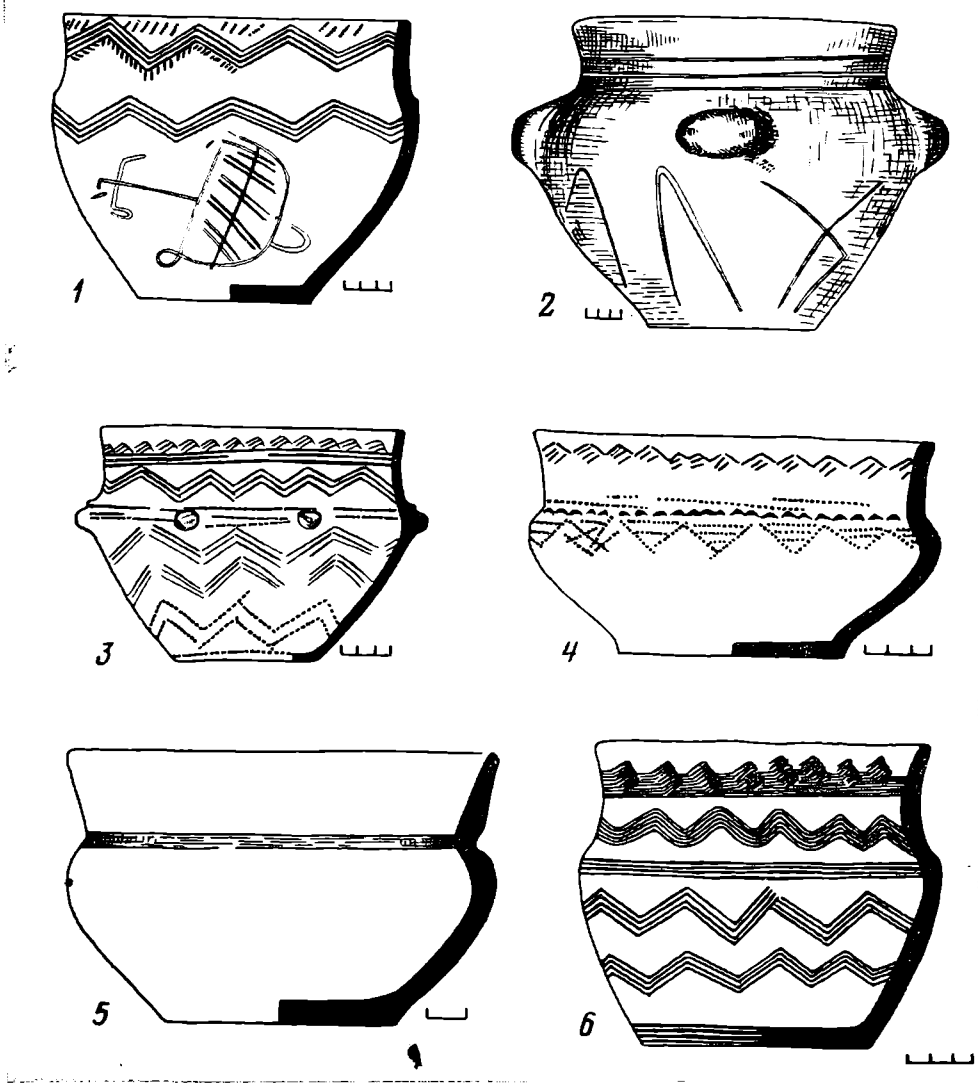


Рис. 1. Глиняные сосуды. Могильник Спасское I: *1* — курган 1, погр. 11; *2* — Мариуполь (по С. С. Березанской); *3* — курган 4, погр. 3; *4* — курган 3, погр. 1; *5* — курган 2, погр. 2; *6* — курган 4, погр. 2

ла явно срубные: костяк взрослого лежал на левом боку скорченно, головой на север, непосредственно на дне могилы, в области живота — остатки напутственной мясной пищи, сохранившиеся в виде ребер крупного животного. Смешение обрядов в могильнике — явление не редкое: алакульский сосуд — срубный обряд, и наоборот. Но, датируя сосуд с изображением колесницы новокумакским временем, нет оснований отрывать его от других алакульских и алакульско-срубных материалов данного кургана.

Доводом в пользу синхронизации могильника Спасское I с новокумакскими погребениями служит сосуд с налепными шишечками из погр. 3 кургана 4. Его яркая индивидуальность, отмеченная во время раскопок, раскрывается теперь после находок в Новом Кумаке и особенно в Синташтинских могильниках, где встречена посуда с налепными валиками и шишечками. Их атрибуция, связанная, по мнению исследователей, с влиянием культуры многоваликовой керамики [8, с. 144; 9, с. 94, 95; 1, с. 29, 32], вполне может быть распространена и на спасский сосуд с налепными шишечками. Последний обнаруживает большое сходство с отдельными экземплярами горшков из коллекций многоваликовой керамики с поселений юга Украины [10, с. 26—41, рис. 10, *11*]. Помимо налепов близка и сама форма сосудов, особенно нижняя их часть в виде перевернутого усеченного конуса (рис. 1, *2*, *3*). По-видимому, нельзя отрывать время выполнения изображения от вре-

мени бытования самих колесных упряжек. Маловероятно допустить значительный разрыв между существованием и изображением объекта.

Заслуживает упоминания еще одна форма спасских сосудов — с резким перегибом профиля в верхней трети высоты, высоким раструбообразным или вертикальным венчиком (близка новокумакскому типу 4) — отнесенная нами раньше предположительно к варианту срубно-алакульской керамики (рис. 1, *4*) [4, с. 53, рис. 15, *10*; 16, *1*]. Из этой группы сосудов выделяются экземпляры с каннелюрой в основании горловины (рис. 1, *5*) — чертой, сближающей их не столько с новокумакской коллекцией, сколько фиксирующей вместе с новокумакскими материалами влияние культур юго-западных степей.

Наконец, отдаленное сходство с новокумакским типом 1 имеют спасские сосуды с коротким отогнутым венчиком и длинным корпусом (пропорция 1 : 6), но покрытые типичным алакульским орнаментом, выполненным «протащенной» гребенкой [4, с. 47—54, рис. 13, *13*; 15, *6*; 16, *1*].

Крайняя редкость отмеченных привнесенных элементов в местной алакульской или алакульско-срубной среде (из многих сотен раскопанных погребений этого круга в Зауралье можно привести лишь несколько случаев) свидетельствует об их кратковременном здесь бытовании.

Кроме редкой встречаемости этих признаков важно иметь в виду и взаимосвязанный характер их проявлений. Как известно, такие элементы, как налепные шишечки, встречаются и на поздних памятниках Зауралья [11, с. 35]. Прочие «новокумакские» черты (крупные могилы, ходы и могильные камеры, кости жертвенных животных) широко распространены в алакульско-срубной среде и не обязательно должны быть связаны с влиянием культур многоваликовой керамики или полтавкинской.

Таким образом, могильник Спасский I на основании комплексного проявления редких привнесенных черт правомерно датировать рамками краткого импульса культуры многоваликовой (или близкой ей) керамики в Зауралье и поставить его во времени рядом с Синташтинским могильником и Новокумакским курганом 25. Дополнительным доводом в пользу относительно более ранней датировки могильника Спасский I служат архаичные (полуденковские) черты в орнаменте некоторой части алакульских сосудов[2] — сочетание остроугольности и волнообразности в передаче узоров в виде ломаных полос из «протащенной» гребенки (рис. 1, *6*) [4, рис. 15, *5*, *9*].

К числу алакульских (видимо, вариант этого типа) давно относят некоторые могильники Оренбуржья: Увакский, Близнецы [12, с. 15]. Особенно интересен могильник Новобелогорский, в котором керамика с чертами полтавкинской, катакомбной, раннесрубной и алакульской культур была синхронна. Памятник датирован серединой II тысячелетия до н. э. [13, с. 90], т. е. он одновременен новокумакскому кургану. Полтавкинские и катакомбные черты особенно подчеркивают ранний возраст могильника. Древнейшие алакульские памятники Оренбуржья Э. А. Федорова-Давыдова убедительно датирует XVI в. до н. э. на основе совместного нахождения в погребальных комплексах раннесрубных и развитых алакульских типов керамики [14, с. 149].

Таким образом, в хронологическом отношении новокумакские древности не предшествуют ранним алакульским и никак не могут квалифицироваться в качестве раннего этапа алакуля.

Для доказательства генетической преемственности авторами предпринимается попытка сравнения алакульского и новокумакского гончарства. Что же она дает на самом деле? Рассмотрим сначала орнамент (рис. 2). Для новокумакской керамики типичны орнаментальные узоры № 1—9.

Для сопоставления возьмем материалы алакульских могильников: Алакуль, Черняки I, Тасты-Бутак, представляющих обширный район алакульской общности [3, 4, рис. 40].

---

[2] Между самыми ранними алакульскими памятниками, с одной стороны, и памятниками полуденковскими, суртандинскими и проч.— с другой, существует большой временной разрыв. Этому промежутку времени соответствуют типы керамики, несопоставимые или малосопоставимые с алакулем, и они не могут свидетельствовать в пользу предполагаемой преемственности. Остается надеяться, что памятники переходного протоалакульского типа в Зауралье все же будут найдены.

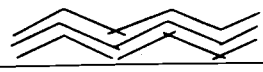
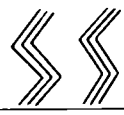
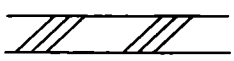
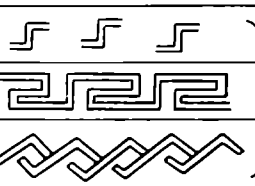
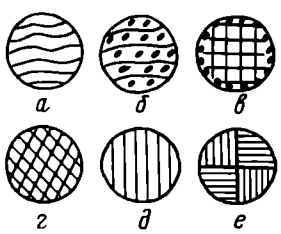
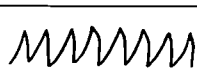
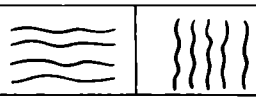
Узоры орнамента		Могильники				
		Новый Кумак курган 25	Алакуль	Черняки 1	Тасты-бутак	Петровка
1	а 	+	+	+	+	+
	б	–	18,6	13,5	11,9	–
2		н	–	–	н	–
3	а	н	22,8	6,8	19,1	+
	б	н	–	0,15	0,6	+
4		–	–	–	н	–
5	а-свастика б-	–	б	б	–	ан
6		+	–	–	23	48,3
7	валики	н	–	–	–	–
8	шишечки	–	–	–	–	–
9		н	–	0,2	2,2	–
10						н
		–	0,8	1,1	4,6	–
						–
11	перевитой шнур	+	–	–	–	–
12	 а б в г д е	–	–	–	–	+
		–	–	е	–	+
13	ямочные вдавления	–	–	–	+	8,1
14		–	–	–	–	+
15		–	–	–	–	+

Рис. 2. Таблица орнаментальных узоров. Цифрами обозначено наличие узора (в %), «н» — узор отмечен один раз, «+» — наличие узора, «—» — отсутствие узора

Первый узор на новокумакской посуде выполнен резьбой. Такой узор можно найти в орнаменте практически любой культуры, он носит всеобщий характер и не показателен. Для алакуля типичен зигзаг, выполненный протащенной гребенкой (рис. 2, № 1-*б*): на Алакуле — 18,6%, Черняки I — 13,5%, Тасты-Бутак — 11,9%. На новокумакской керамике такого узора нет. Узор 2 на алакульской керамике практически неизвестен. Узор 3: *а* — на Алакуле — 22,8%; Черняки I — 6,8%, Тасты-Бутак — 19,1%, на новокумакской посуде отмечен один раз; *б* — на Алакуле — нет, Черняки I — 0,15%, Тасты-Бутак — 0,6%, на новокумакских сосудах не встречен. Узор 4 встречен один раз только в Тасты-Бутак, нет его и на новокумакских сосудах. Узор 5 на новокумакской посуде отсутствует, на алакульской керамике встречается изредка; на Алакуле и Черняки I встречается крестообразный узор на днищах. Узор 6: на Алакуле, Черняки I не встречен; Тасты-Бутак — 23%. Узор 7: на Алакуле, Черняки I, Тасты-Бутаке отсутствует. Узор 8: (налепные шишечки) отсутствует на всех сравниваемых памятниках. Узор 9: крайне слабо представлен на Черняках I, Тасты-Бутаке и новокумакской посуде (рис. 2).

Высокий процент каннелюр на Тасты-Бутаке вряд ли связан с новокумакским влиянием, так как Тасты-Бутак возник примерно три столетия спустя, а на ранней керамике (типа алакульского могильника) каннелирование хотя и встречается, но носит эпизодический характер. Небольшой процент желобчатого орнамента отмечен на оренбургской алакульской керамике из могильников [14, рис. 1], что, конечно, может быть объяснено за счет влияния культур юго-западных степей. В этой связи напомню, что на керамике могильника Спасское I, расположенного значительно севернее от оренбургских памятников, каннелирование ничтожно мало. Севернее, в Среднем Притоболье, каннелирование на посуде ранних алакульских памятников встречается чаще. Но вряд ли будет правильным объяснять его применение здесь влиянием культуры многоваликовой керамики. Другие ее проявления в этом районе как будто не улавливаются.

Специфическими на алакульской посуде были меандры, птицевидные фигуры (уточки), многочисленные горизонтальные, прямые и ломаные полосы — все выполненные характерным приемом протаскивания зубчатого штампа. Такого технического приема нанесения узора не знали ни новокумакские, ни полтавкинские гончары. Только доля узоров в виде прямых и ломаных полос из «протащенной гребенки» на Алакуле, Черняки I, Тасты-Бутаке составляет около или свыше 30% от прочих узоров [4, с. 111, рис. 40]. Утверждение о том, что ведущими мотивами алакульского орнамента (восходящими к новокумаку) [1, с. 34] являются зигзаг, вертикальная елка, заштрихованные треугольники, ромбы, не соответствует действительной картине алакульского орнамента.

С другой стороны, странно, что объявленные авторами специфические новокумакские мотивы — «елка», разделенная вертикалями, ряды ломаных вертикальных лент, ступенчатая пирамида, сплошная орнаментация рядами равнобедренных треугольников, орнамент на дне, налепные шишечки, горизонтально заштрихованные треугольники, ряды из сгруппированных насечек [1, с. 34, 35] — практически (кроме двух последних узоров) на новокумакской керамике неизвестны, зато большинство их обычны на алакульской посуде. Получается парадокс: алакульская керамика выглядит более новокумакской, нежели ее мнимый предшественник и источник. Иначе говоря, алакульский декор — явление самостоятельное, независимое от новокумакского иммигранта. Вполне самостоятельны и формы сосудов: господство уступчатого профиля на алакульских и ребристого на новокумакских горшках. Характерный для алакульской керамики прямоугольный уступчик совершенно неизвестен на новокумакской.

Таким образом, в генетическом плане обе эти традиции гончарства, алакульская и новокумакская (если таковая вообще существовала), представляют самостоятельные явления.

Принципиальные отличия видны и в существенных деталях погребальной обрядности: в новокумакских могилах кости жертвенных животных обнаруживаются на перекрытии или на дне, а в алакульских — только у края могильной ямы; иными были набор и размещение напутственной (ритуальной) пищи в том и другом случаях.

Сопоставление керамики алакульских древностей только с новокумакскими материалами в определенном смысле тенденциозно. В новокумакский горизонт (тип) включены памятники по случайным признакам. Принцип их подбора на основе устой-

чивого сочетания ряда признаков [1, с. 24] на деле не соблюден. Остается гадать, какие же конкретно сочетания обязательны, какие нет. Из таблицы, помещенной в книге [1, рис. 6], следует, что в погребальной обрядности такая, казалось бы, важная деталь, как меловая или охранная посыпка, отсутствует в пяти из восьми могильников, в трех нет никакой посыпки. В самом Новокумакском кургане 25 меловая посыпка есть лишь в одном из девяти погребений. Крупные размеры могильных ям тоже отмечены не на всех памятниках, различны размеры могил и в Новокумакском кургане.

С керамическим материалом дело обстоит аналогичным образом. Обращается внимание только на форму сосудов, без учета того, как различно они орнаментированы, что может свидетельствовать об их разнокультурности и разновременности. Так, шагающая гребенка есть только на раскатихинской керамике, полтавкинские черты (перевитой шнур) — только на новокумакской посуде. Налепные, горизонтальные и вертикальные валики присутствуют на двух (Новокумак, Синташта) памятниках из восьми и т. д.

Только отсутствием определенного критерия можно объяснить тот факт, что к числу новокумакских отнесен памятник алакульского типа — могильник Раскатиха [15], вернее та незначительная часть материалов памятника, которая в какой-то степени имеет сходство с новокумакскими материалами, а остальной инвентарь вообще не упоминается [3].

Столь же необоснованно к числу новокумакских отнесен могильник Петровка. Из 20 орнаментальных узоров петровской керамики на новокумакских сосудах встречаются только желобок, зигзаг и треугольники. Подавляющее же большинство узоров и орнаментальных зон, составляющих своеобразие петровской керамики, в Новокумакской коллекции отсутствует. Важнейшими среди них являются разнообразные солярные изображения на днищах, струйчатый орнамент, шагающая гребенка или качалка — на стенках петровских сосудов [16, табл. III; 17, рис. 2—4].

Некоторые черты сходства можно найти и в формах новокумакской и петровской коллекции. Однако в отрыве от орнаментальных схем такая аналогия лишена смысла.

Подводя итог изложенному, следует заключить, что наличие в комплексах зауральских памятников бронзового века новокумакских (синташтинских) черт свидетельствует о проникновении в среду зауральского населения инокультурных традиций из юго-западного степного мира. В этом смысле они действительно имеют важное значение «для синхронизации памятников эпохи бронзы Приуралья» [1, с. 19], но никак не являются генетическим предшественником алакуля уже потому, что они одновременны с алакулем.

Импульсы мира юго-западных степей имели разные источники: из ареала полтавкинской культуры, культуры многоваликовой керамики и абашева, что обусловило появление элементов этих культур в среде приуральского и зауральского населения. Контакты с полтавкинской и абашевской культурами, культурой многоваликовой керамики, как это уже доказано [18], могли иметь место в досейменское время. Ряд других «новокумакских» элементов (бронзовые украшения с солярными знаками в виде свастик и сегнерова колеса) встречены в материалах памятников третьей четверти II тысячелетия до н. э. [19, с. 149—161], т. е. уже в рамках сейменского хронологического горизонта. Относительно поздний возраст этих памятников (речь идет о курганах Ябалаклинского могильника) представляется очевидным ввиду полного отсутствия явных ранних черт: полтавкинских, культуры многоваликовой керамики и пр. Таким образом, признаки, приписываемые авторами новокумакскому горизонту, можно без труда найти в материалах памятников досейменского и сейменского горизонтов. Последнее обстоятельство и лишает «новокумакский горизонт» определенных очертаний, а следовательно, и реальности.

В новокумакском гончарстве прослеживаются черты керамического производства местного зауральского населения.

К ним можно с полным основанием отнести, в частности, матерчатый шаблон (известный в Зауралье уже на памятниках ранней бронзы), примесь талька и др. В новокумакских материалах видны полтавкинские черты, черты культуры многоваликовой керамики, значительный срубный элемент (меловая посыпка, кости

[3] В раскатихинском комплексе Г. Б. Зданович давно уже выделил группу петровской керамики, не отрывая ее, однако, от всего, в основе алакульского памятника [16, с. 40], что представляется вполне справедливым.

животных непосредственно внутри могил, ребристый профиль сосудов), что позволяет отнести Новокумакский курган к числу своеобразных памятников срубной общности на раннем этапе ее развития. Некоторые общие черты Новокумакского кургана (хронологические и культурные) с петровскими памятниками Северного Казахстана могут быть объяснены именно результатом воздействия со стороны степняков юго-западных территорий. Уже неоднократно воздействие этого мира отмечалось исследователями в прошлые годы [20; 7; 13; 14; 21; 22]: неясные следы полтавкинцев, сильное влияние культуры ранних и поздних срубников в Приуралье и Зауралье, приводившие к контактам с алакульским населением и образованию смешанной культуры. Вкрапления элементов полтавкинской, многоваликовой и абашевской культур в алакульской среде Оренбуржья и Зауралья носили разрозненный характер и не привели к выработке единого культурного типа.

Как представляется, таким образом можно объяснить культурный облик и петровских памятников, возникших как следствие прилива иммигрантов в алакульскую среду. Это заметно отразилось на характере керамического производства и на погребальной обрядности. Однако более поздние памятники (могильник Семипалатный) в этом же районе свидетельствуют о растворении привнесенного компонента и решительном возобладании в формах и орнаменте керамики алакульских традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977.
2. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
3. *Стоколос В. С.* Культура населения Южного Приуралья в эпоху бронзы: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1967.
4. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972.
5. *Стоколос В. С.* Локальные варианты алакульской культуры в Южном Зауралье.— В кн.: Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969.
6. *Стоколос В. С.* Курганы эпохи бронзы у с. Степного.— В кн.: Краеведческие записки. Челябинск, 1962, вып. I.
7. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967.
8. *Генинг В. Ф., Ашихмина Л. И.* Могильник эпохи бронзы на р. Синташта.— АО — 1974. М., 1975.
9. *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н. э. (по материалам Синташтинского могильника).— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев: Наук. думка, 1975, ч. I.
10. *Березанская С. С.* Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине.— СА, 1960, № 4.
11. *Стоколос В. С.* Поселение эпохи бронзы Черняки II.— АЭБ, 1968, вып. III.
12. *Федорова-Давыдова Э. А.* Племена Южного Приуралья в эпоху бронзы: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1968.
13. *Федорова-Давыдова Э. А.* К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье.— АЭБ, 1964, вып. II.
14. *Федорова-Давыдова Э. А.* К проблеме андроновской культуры.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
15. *Потемкина Т. М.* Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1976.
16. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, 1973, вып. 12.
17. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка.— СА, 1980, № 3.
18. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
19. *Горбунов В. С.* Курганы эпохи бронзы на Правобережье р. Демы.— СА, 1977, № 1.
20. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ, 1948, вып. XVII.
21. *Федорова-Давыдова Э. А.* Андроновское погребение XV—XIII в. до н. э.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.
22. *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I.— МИА, 1962, № 120.

Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977

Монография А. Х. Халикова, вышедшая спустя четверть века после известной книги А. В. Збруевой [1], с полным основанием может считаться этапом в изучении ананьинской общности — яркого и своеобразного явления в древней истории населения Среднего Поволжья и Приуралья. Данная книга явилась обобщением

огромного материала, большая часть которого накоплена экспедициями самого автора. Содержание ее посвящено анализу основных категорий культуры раннеананьинских племен Волго-Камья: поселения, погребальный обряд, оружие, орудия труда. В этом плане книга воспринимается как очень емкий источник, содержащий наиболее важные для исследователя сведения: статистика, локализация, типология, датировка.

Большое внимание в книге уделено анализу раннеананьинских поселений Волго-Камья (гл. «Раннеананьинские поселения», с. 8—20),— факт, для исследований по эпохе раннего железа региона достаточно редкий. Подробно публикуется погребальный обряд исследованных автором ранних могильников, что также важно, поскольку до выхода рассматриваемой книги мы располагали публикациями только пяти из учтенных А. Х. Халиковым 19 могильников этого времени [2—6].

В главе «Материальная культура раннеананьинского времени» (с. 107—257) дается подробный анализ и классификация орудий труда, оружия, конской сбруи и керамики. Благодаря проделанной автором монографии работе, сейчас стало возможным широкое сопоставление материальной культуры оседлых племен Волго-Камья эпохи раннего железа с синхронными культурами Сибири, Кавказа и Великого Пояса степей.

Интересными, хотя и не бесспорными, представляются выводы автора, изложенные в «Заключении». Во всяком случае, оригинальная попытка выявления причин прекращения дальнейшего существования ананьинской культуры на Средней Волге в конце VI в. до н. э. в увязке с событиями истории Древнего мира (с. 258) дает ключ к объяснению ряда этнокультурных явлений в Приуралье (в частности — формирование кара-абызской культуры).

Таким образом, археология эпохи раннего железа Волго-Камья ныне располагает весьма емким источниковедческим исследованием, дающим возможность для более обоснованной постановки проблем генезиса, социально-экономического развития и этнокультурных связей ананьинских племен. И остается только выразить сожаление, что обещанная автором на с. 6 вторая часть работы, посвященной истории раннеананьинских племен Волго-Камья, вероятно, вобравшая в себя все перечисленные выше вопросы, до сих пор не увидела свет.

Но наряду с бесспорными достоинствами рассматриваемая книга А. Х. Халикова содержит ряд положений, нуждающихся в доработке и корректировке. Прежде всего это вопрос о территориальном расчленении раннеананьинских памятников и выделении среди них локальных вариантов (с. 6). Для рассматриваемой культуры этот вопрос очень важен, а потому требует четкого отбора принципов и критериев выделения локальных вариантов. Однако автор монографии сразу же в первой главе рассматривает раннеананьинские поселения и жилища по выделенным им локальным группам или вариантам, не раскрывая перед читателем признаков, характеризующих поселения того или иного варианта. Соответственно это отразилось и в выводах автора (с. 16). Хотя карта, приведенная А. Х. Халиковым на рис. 2, со всей очевидностью показывает, что население южных районов рассматриваемого региона (по А. Х. Халикову — варианты Волга I, II, Кама I, Вятка и Ветлуга) «предпочитали жить» на городищах или поселениях, расположенных на высоких местах (среди последних половина — 8 из 17 — известны именно в этих районах), тогда как обитатели Верхней и Средней Камы и Белой жили в неукрепленных поселках, расположенных в низких (18 поселений) или высоких (10 поселений) местах. Каких-либо специфических черт, указывающих на наличие вариантов, мы не наблюдаем, кроме, пожалуй, одной — почти все неукрепленные поселения на высоких местах известны по берегам р. Камы.

Некоторых уточнений требует и сама карта раннеананьинских поселений. Прежде всего на основании признаков, по которым автор из общей массы ананьинских поселений региона выделяет ранние (с. 8), в приведенный им перечень памятников следует включить Быргындинскую стоянку на правобережье Камы, исследованную В. Ф. Генингом и Л. И. Ашихминой в 1969—1970 гг. [7], одновременно исключив оттуда городище Каменный Лог. Керамика этого городища и прежде всего та, что залегает в ранних горизонтах его культурного слоя, характеризуется наличием полукруглого валика вокруг верхнего края шейки [8, с. 147]. А именно эту посуду большинство исследователей считают характерной для среднего этапа ананьинской культуры в Прикамье (V—IV вв. до н. э.) [9; 10, с. 139], и, как мне кажется, серьезных оснований для ее удревнения пока не появилось.

Исключив из списка раннеананьинских поселений указанное городище, мы получаем очень четкую картину территориального соотношения укрепленных и неукрепленных поселений на рассматриваемой территории (с. 11, рис. 2), в определенной степени объясняющую появление ранних укреплений у ветлужских ананьинцев (с. 16). Очерчивается довольно компактная территория, с запада защищенная городищами Поветлужья и Марийского Поволжья, а с юга и востока — городищами Приказанского Поволжья и Вятки (с. 11, рис. 2), в пределах которой находятся все наиболее богатые раннеананьинские могильники (сравн. рис. 2 и 5). Этот факт наводит на мысль о том, что обитатели волго-вятско-ветлужского бассейна в равной степени были заинтересованы в защите и от кочевников (с. 16), и от своих восточных соседей — ранних ананьинцев Прикамья и Нижней Белой.

Далее в той же карте и таблице на с. 9—10 под № 1 указано Первое Васильсурское городище, однако при перечне поселений западноволжского варианта (с. 8) автор ссылается на свою работу 1962 г. [5], утверждая, что все эти поселения «достаточно подробно описаны» (с. 19, примечание 1). Однако в указанной работе на с. 138—153 дается подробное описание Второго Васильсурского городища, ананьинский слой которого датируется автором VII—V вв. до н. э. [5, с. 153]. А Первое Васильсурское городище упоминается там только однажды на с. 92 без какого-либо описания. Все это заставляет нас думать, что в монографии 1977 г. под Первым Васильсурским городищем следует подразумевать Второе Васильсурское городище.

Характеризуя раннеананьинские поселения бассейна р. Белой (бельский вариант по А. Х. Халикову, с. 15, табл. 1, № 41—47), автор ссылается на мою небольшую работу 1974 г. [11]. Там указано одно раннеананьинское поселение — Новобиктовское (исследовано М. Ф. Обыденновым и мной в 1973 г.), но именно этот памятник в сводку А. Х. Халикова не вошел, равно как не вошли туда Андреевское поселение в Бирском районе БАССР (разведка А. Х. Пшеничнюка 1965 г.) и Первое Тартышевское поселение в том же районе (разведка В. С. Горбунова, 1970 г.). Что же касается упомянутых в книге поселений Кюнь II (табл. 1, № 41), Старокабановское III (№ 42) и Кумлекуль (№ 47), то на этих памятниках разведками и рекогносцировочными раскопками собрана керамика камского неолита (пос. Кюнь II) или черкаскульской (межовской) и курмантауской культур.

С учетом всех этих фактов раздел «бельский вариант» в табл. 1 должен был бы выглядеть так: поселения Новобиктовское, Третье Новомедведевское (?), Бирское, Андреевское, Первое Тартышевское.

Ощущается явный недостаток материала для характеристики раннеананьинских жилищ, хотя, если судить по приведенным в книге данным, они исследованы почти во всех выделенных автором вариантах раннеананьинской общности. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что большинство этих жилищ (13 из 17) сооружены еще в конце эпохи бронзы: два жилища на пос. Курган (об этом пишет сам автор на с. 16 своей книги), жилище на пос. Кюнь III, жилища на Первом Заюрчимском и Васюковском поселениях, исследованные В. П. Денисовым [12, с. 43—46].

В целом на основании приведенных данных создается впечатление, что выдвинутый А. Х. Халиковым тезис о наличии у ранних ананьинцев локальных особенностей в устройстве поселений и строительстве наземных жилищ (с. 18) звучит несколько категорично и нуждается в дополнительной аргументации. Пока же на материале поселений, мы можем, вероятно, говорить о наличии двух вариантов раннеананьинской общности Волго-Камья: западного (Средняя Волга, Нижняя Кама, Ветлуга и Вятка), представленного городищами и открытыми поселениями на высоких местах, и восточного (Средняя и Верхняя Кама, Белая) — открытые, преимущественно низкие поселения. Керамический материал подтверждает именно такое деление.

Раздел о раннеананьинской керамике (с. 228—244) занимает достаточно заметное место в рассматриваемой книге, поскольку, как считает А. Х. Халиков, именно анализ керамического материала подтверждает правильность выделения локальных вариантов ананьинской культуры (с. 244). Все формы раннеананьинских сосудов автор монографии разделяет по трем типам (с. 228), хотя фактически их можно выделить больше, чем указано у А. Х. Халикова: круглодонные горшки с закрытым горлом, колоколовидные чаши, миски. Это подтверждается и иллюстрациями, при-

веденными в книге. Так, сосуды на рис. 88, *5*, *6* и 90, *9* явно выходят за пределы предложенной автором типологии.

Но главное, приведенная автором на рис. 94, картограмма распространения основных форм и орнаментации раннеананьинской керамики весьма четко указывает на наличие двух крупных локальных вариантов, совпадающих с территориями распространения различных типов поселений: западный, где преобладает керамика с ямочной и ямочно-гребенчатой орнаментацией, и восточный, где господствует ямочно-шнуровая керамика.

Показательно, что керамика, характеризующая эти два крупных территориальных варианта, не дает основания для более дробного локального деления. Достаточно сравнить раннеананьинскую керамику поселений бассейна Нижней Белой (Новобиктовское, Бирское, Андреевское) с керамикой поселений нижнекамского, средне- и верхнекамского вариантов (поселения Каракулинское, Быргындинское, Шестое Заюрчимское и др.), чтобы убедиться в их абсолютном сходстве по таким признакам, как форма, примеси к тесту, техника выполнения и мотивы орнамента.

Примечательной особенностью западного варианта раннеананьинской культуры является то, что именно там обнаружены и исследованы 17 из 19 описанных в книге могильников (с. 21—106). Этот факт отмечен самим автором (с. 21), и потому характеристика раннеананьинского погребального обряда дана в книге не по локальным вариантам, как в главе о поселениях, а по памятникам. Правда, не совсем ясны причины расхождения в количестве раннеананьинских могильников, указанных на карте на рис. 5 (23 памятника) и описанных в тексте (19 памятников). Едва ли есть основания включать в круг ранних такие могильники, как Ананьинский и Котловский на правобережье Нижней Камы (рис. 5, № 18, 19). В свое время А. В. Збруева считала их поздними и датировала V—IV вв. до н. э. [1, с. 36]. К сожалению, А. Х. Халиков в своей книге не обосновывает отнесение этих могильников к числу ранних, ограничиваясь лишь упомнпанием об отдельных предметах, найденных в Ананьинском могильнике (с. 117, 118, 123, 142, 152, 163, 164, 193 и др.).

В книге дается исчерпывающая характеристика погребального обряда полностью исследованных раннеананьинских некрополей: Старшего Ахмыловского (949 погребений) и Акозинского (110 погребений). Приводится статистика основных черт обряда в абсолютных цифрах и процентах, публикуются планы характерных погребений и комплексы сопровождающего инвентаря.

Следует отметить следующее: описание раннеананьинских могильников дается автором не по единой системе и это затрудняет сравнение погребального обряда названных выше памятников с памятниками других районов Волго-Камья. Так, очень подробно описаны четыре погребения Пустоморквашинского могильника (раскопки А. Х. Халикова, 1975 г., с. 44—50), а затем следует столь же подробное описание Тетюшского могильника, где исследовано 70 погребений (с. 50—75). Если при описании первого памятника можно было обойтись без какого-либо резюме, то во втором случае оно необходимо. Во-первых, среди 70 выявленных погребений автор выделяет серию могил эпохи поздней бронзы (с. 50), но без указания их количества и удельного веса на памятнике. Хотя при описании сравнительно небольшого и уже опубликованного II Полянского могильника (с. 75) такая дифференциация приводится. В тексте дается описание 39 погребений Тетюшского могильника, но остается не ясно, являются ли они всей раннеананьинской частью могильника, или выбраны лишь наиболее характерные погребения.

Но, пожалуй, самое примечательное то, что сравнение наиболее крупных из исследованных и описанных автором могильников по основным элементам погребального обряда свидетельствует об их явной типологической близости, если не об абсолютном сходстве (см. таблицу).

Данные эти примечательны прежде всего тем, что они относятся к могильникам, находящимся в разных вариантах раннеананьинской общности: западноволжском (Акозинский, Ст. Ахмыловский) и средневолжском (Тетюшский, Морквашинский, Ново-Мордовский). Иными словами попытка выделения мелких локальных вариантов данной общности по погребальному обряду также приводит к достаточно спорным результатам.

К сожалению, пока мы не располагаем необходимой суммой данных по всем основным компонентам раннеананьинской культуры в регионе, а наиболее массовый материал (керамика) со всей очевидностью свидетельствует о существовании

Могильник	Количество погребенных в могиле		Ориентировка головой		Кенотаф	Керамика	Кости животных	Следы огня	Камен. обкл.
	один	два и более	мерид. с откл.	широтн. с откл.					
Акозинский	88	12	56	12	4	–	13	1	6
Ст. Ахмыловский	80	10.3	58	42	9,7	6,2	есть	0,6	–
Тетюшский	56	38	72	10	5,1	15	31	26	–
Морквашинский	100	–	13	87	–	–	31	6	19
1-й Н. Мордовский	56	44	96	4	–	–	5	1	–

Примечание. Таблица составлена по материалам публикации А. Х. Халикова. Все данные приведены в %.

в Волго-Камье двух общностей (или культур) ананьинского времени: западной и восточной, что, кстати, наглядно подтверждается данными, собранными в книге А. Х. Халикова (география ранних городищ и типов керамики). Первая общность объединяет почти все известные раннеананьинские могильники и поселения с керамикой, украшенной преимущественно ямочной и зубчато-гребенчатой орнаментацией. Здесь же обнаружены и все ранние городища. Вторая общность включает поселения Прикамья выше устья р. Вятки и Нижняя Белая с керамикой, украшенной сложными комбинациями оттисков шнура. И та, и другая, вероятно, возникли на разных культурных основах эпохи поздней бронзы.

Заключительная, самая объемная глава книги посвящена описанию, типологии и датировке предметов материальной культуры, обнаруженных в основном в раннеананьинских могильниках. При анализе вещей автор приводит статистику каждого типа (в абсолютных цифрах) и указывает место его находки (могильник, погребение). Эти обобщенные данные, впервые введенные в научный оборот, определяют источниковедческое значение данной главы.

Несмотря на то что, как явствует из вводной части рассматриваемой главы, основное ее содержание посвящено типологии вещевого материала (с. 107), не меньшее внимание автор уделяет и датировке типов вещей. Из текста главы мы узнаем, что это традиционный метод датировки посредством прямых или косвенных аналогий. Думается, что в данном случае метод оказывается недостаточно эффективным. Прежде всего многие типы вещей сугубо местного, ананьинского происхождения надежно датированных аналогий не имеют и с датированными вещами в комплексах не встречаются. Так, одна из наиболее многочисленных категорий вещей — бронзовые топоры-кельты — в погребениях (закрытых комплексах) распределены следующим образом: из 236 погребений, в которых они найдены, в 152 (64,4%), кроме кельтов, никаких других вещей не было[1]. Количество могил, где кельты встречены вместе с кинжалами, бронзовыми наконечниками стрел, удилами и псалиями (вещами, бесспорно датирующими), составляет чуть более 5% от всех мужских погребений с оружием. Попытка же датировать кельты при помощи костяных и кремневых наконечников стрел (с. 112) или по бронзовому наконечнику копья (с. 121), которое затем само датируется при помощи кельта (с. 187, комплекс из погр. 206 Ст. Ахмыловского могильника), не выглядит достаточно убедительной.

Автор не привел в своей книге корреляцию типов вещей, поэтому очень трудно представить, какие же из них бытовали у ранних ананьинцев одновременно. Следовательно, невозможно выделить из общей массы вещей хронологические комплексы.

Обилие вещей, а главное обилие погребений, т. е. закрытых комплексов (в книге А. Х. Халикова идет речь о 1139 раннеананьинских погребениях), открывают широкие возможности для применения формализованно-статистических методов анализа. В частности — статистического метода хронологизации археологических

[1] Подсчеты автора рецензии по материалам Ст. Ахмыловского, Акозинского, Тетюшского, Первого Новомордовского, Второго Полянского и Луговского могильников.

комплексов, успешно примененного исследователями в 30-е (А. В. Арциховский), 60-е (Г. А. Федоров-Давыдов) и последующие годы (Р. Д. Голдина, В. И. Вихляев, Ю. А. Краснов) [13; 14; 15, с. 95—100; 16, гл. 2; 17]. Кстати, такого рода анализ раннеананьинской керамики привел бы А. Х. Халикова к иным выводам и относительно локальных вариантов раннеананьинской общности Волго-Камья.

Что касается датировок раннеананьинского вещевого комплекса, предложенных автором монографии, то здесь трудно возразить против общей даты комплекса (VIII—VI вв. до н. э.), так же как и трудно безоговорочно принять узкие датировки типов вещей, поскольку аргументация их явно недостаточна.

Специально следует остановиться на вопросах датировки могильника Таш-Елга, предложенной А. Х. Халиковым,— VII—VI вв. до н. э. (с. 87). По мнению автора, памятник этот — единственный пока ранний могильник на территории среднекамского варианта. Но дело в том, что почти все предметы, найденные в погребениях этого могильника, согласно хронологической шкале, разработанной самим же автором, оказываются позднее VII—VI вв. до н. э. (кроме двух кельтов из погр. I и II). В целом же и кельты (тип 1, 4Е по А. Х. Халикову), и наконечник копья (тип III, 2Аб), и наконечники стрел (типы IБ6а, IВЕ, IГ) очень четко датируют могильник VI—V вв. до н. э. и позволяют считать его памятником не раннего, а среднего этапа ананьинской культуры в Прикамье [18, с. 88—90].

В заключение следует подчеркнуть, что высказанные замечания отнюдь не умаляют значения рассматриваемой книги, как фундаментального свода раннеананьинских древностей, вобравшего в себя практически весь материал по раннему периоду истории ананьинских племен Волго-Камья. Его обилие, различная степень изученности отдельных территорий региона и различные точки зрения исследователей, естественно, так или иначе наложили свой отпечаток на выводы автора монографии. Однако бесспорная заслуга А. Х. Халикова состоит в том, что им впервые за последние 25 лет изучения ананьинской культуры были проведены систематизация и сравнительный анализ огромного накопленного материала. Хотя с некоторыми положениями книги можно спорить, в целом археология эпохи раннего железа Восточной Европы получила очень нужное исследование, еще раз напоминающее об обилии нерешенных проблем «классической» ананьинской культуры и заставляющее вновь и вновь обращаться к казалось бы уже хорошо известному материалу в поисках новых путей их решения.

В. А. Иванов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30.
2. *Збруева А. В.* Гулькинский могильник.— МИА, 1954, № 42.
3. *Збруева А. В.* Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье.— МИА, 1958, № 80.
4. *Бадер О. Н.* Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры.— Уч. зап. Пермского гос. ун-та, 1960, т. XII, вып. 1.
5. *Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа.— Тр. МАЭ, т. 2, 1962.
6. *Халиков А. Х.* I Новомордовский могильник.— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1976.
7. *Ашихмина Л. И., Генинг В. Ф.* Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье.— В кн.: Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
8. *Ашихмина Л. И.* Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья.— В кн.: Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
9. *Генинг В. Ф., Стоянов В. Е.* Итоги археологического изучения Удмуртии.— ВАУ, 1961, вып. 1.
10. *Вечтомов А. Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья.— Уч. зап. Пермского гос. ун-та, 1967, № 148.
11. *Иванов В. А.* Новые памятники ананьинской культуры на северо-западе Башкирии.— Тезисы докладов на Первом Поволжском археолого-этнографическом совещании. Казань, 1974.
12. *Денисов В. П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры.— Уч. зап. Пермского гос. ун-та, 1967, № 148.
13. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
14. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
15. *Голдина Р. Д.* Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме.— ВАУ, 1970, вып. 9.

16. *Вихляев В. И.* Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, Изд-во Мордовского гос. ун-та, 1977.
17. *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник. М.: Наука, 1980.
18. *Иванов В. А.* Население Нижней и Средней Белой в ананьинскую эпоху. Канд. дис.: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1978.

Финно-угры и славяне (доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 15—17 ноября 1976 г.) Л., 1979. 174 с. и рис.

С 15 по 17 ноября 1976 г. в ЛОИА АН СССР происходил первый советско-финляндский симпозиум по археологии, посвященный теме «Финно-угорские и славянские племена на северо-западе в средние века». В работе симпозиума приняли участие советские археологи из Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, Риги и Таллина. Подготовка симпозиума была проведена сектором славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР и кафедрой археологии исторического факультета ЛГУ. Руководил советской делегацией акад. Б. А. Рыбаков. Финляндские участники во главе с проф. К. Ф. Мейнандером представляли университеты Хельсинки и Турку, Финскую музейную службу, Академию наук Финляндии, рабочую группу по археологии Комитета по научно-техническому сотрудничеству между Финляндией и СССР. Доклады участников и выступления в прениях составили рецензируемый сборник.

Сборник открывает статья Б. А. Рыбакова «Космогоническая символика „чудских“ шаманских бляшек и русских вышивок». Тот факт, что русский фольклор и народное прикладное искусство доносят до нас весьма архаичные сюжеты, никогда не вызывал сомнений. Анализ их исходного семантического содержания, уже частью утраченного в дошедших до нас преданиях и образах, не только вскрывает глубинные пласты человеческой памяти, но и делает ощутимой причастность современного населения Восточной Европы к первобытным стадиям их бытия. К таким образам, в частности, относятся фигурки двух оленей, часто изображаемые на русских вышивках. Смысловая нагрузка этого мотива явно потеряна или искажена позднейшей народной этимологией. Требуется незаурядная исследовательская интуиция и острое ощущение историзма, чтобы за внешней невзыскательностью композиции разглядеть ее глубокие исторические корни. Разгадка сюжета лежит далеко за пределами славяно-русской культуры — в области финно-угорского Севера, его древностей, легенд и обычаев. Сравнительный анализ этнографических сведений летописца, шаманских бляшек («чудских образков») и сюжетов тунгусско-самодийского шаманского фольклора позволил Б. А. Рыбакову поставить вопрос о культе небесных оленей-лосей как об особой стадии в развитии религиозных представлений человечества. Эта стадия соответствует времени господства охотничье-промыслового хозяйства. Уточнить хронологию стадии позволяет расшифрованное с помощью «чудских образков» погребение жреца в Оленеостровском могильнике, датированное А. Я. Брюсовым V тысячелетием до н. э. Для предков славян период охотничьего хозяйства миновал задолго до того, как славяне выступили на историческую сцену со своим самоназванием, языком и самосознанием, но его реликты сохраняются в прикладном искусстве вплоть до наших дней. Сравнительно-исторический подход вскрывает истоки таких явлений.

Местонахождению легендарной Биармии скандинавских саг посвятил свою статью К. Ф. Мейнандер. В поисках Биармии автор, вслед за А. М. Тальгреном, обращается к карте распространения скандинавских находок в Восточной Европе, полагая, что искомая страна должна соответствовать одному из мест скопления вещей северного происхождения. Но если А. М. Тальгрен отдавал предпочтение Приладожью, то автор, опираясь на данные карты В. С. Дедюхиной, рассматривает территорию Ярославского Поволожья в качестве центрального района страны биармов. При всех сложностях, возникающих в процессе ее реализации, отметим, что точка зрения К. Ф. Мейнандера весьма оригинальна и, возможно, найдет отклик в работах советских и зарубежных исследователей.

Не менее важной и вполне самостоятельной темой в статье К. Ф. Мейнандера является анализ некоторых типичных для Среднего и Верхнего Поволжья предметов, в том числе так называемых пермских, в связи с их обнаружением в Финляндии, шведской Лапландии и Северной Норвегии, где они «представляют

почти нормальное явление» (с. 36). К ним относятся детали ломоватовских поясов, глиняные лапы и некоторые цепочкодержатели. При этом автор обращает внимание на два обстоятельства: появление этих изделий в Фенноскандинавии в довикингское время и отсутствие в Поволжье западнофинских предметов. «Очевидно,— заключает К. Ф. Мейнандер,— где-то в Восточной Европе, возможно на средней Волге, находилась местность, где в течение столетий в период раннего средневековья активно поддерживались контакты с населением северо-западных территорий. Группы торговых людей или коробейников приходили с Волги и посещали селения партнеров на западе, т. е. в южной Финляндии и Лапландии, а также в промежуточных лесных областях» (с. 38, 39). Финское наименование этих торговцев — «перми») (permi) фонетически соответствует скандинавскому «биарм» (bjarm).

История прибалтийско-финских племен Восточной Европы, и в частности входивших в состав земель Великого Новгорода, раскрывается в работах И. П. Шаскольского, В. В. Седова и Е. А. Рябинина. Статья И. П. Шаскольского посвящена рассмотрению проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен Юго-Восточной Прибалтики в свете данных современной науки. Автор видит свою задачу в том, чтобы оценить значение археологического материала «для изучения проблемы этногенеза и этнической истории» четырех прибалтийско-финских племен — карел, ижоры, води и веси (с. 42). Впрочем, попытки решений этнических проблем исключительно на материалах археологии сопряжены с немалыми, подчас непреодолимыми, трудностями. В данном случае эти трудности усугубляются тем, что археологические материалы, так или иначе соответствующие перечисленным племенам, в период их формирования фактически остаются неизвестны. Отсутствие археологических данных о процессе формирования и о ранних этапах развития названных племен диссонирует с утверждениями лингвистов о существовании вепсского и карельского языков по крайней мере с I тысячелетия до н. э., о северо-эстонском происхождении водского языка и т. д. Благополучнее обстоит дело с памятниками прибалтийско-финских племен в I — начале II тысячелетия н. э. Курганные могильники, исследованные за прошедшие 100 лет, в совокупности с письменными свидетельствами позволяют наметить границы прибалтийско-финских племен Северо-Запада, объяснить их этнографические особенности и культурные связи. Впрочем, немало трудностей и здесь. Автор справедливо отмечает, что археологи на протяжении 90 лет не смогли найти следов кексгольмских могильников, обнаруженных и изученных Швиндтом в конце XIX в.; нельзя не согласиться с сомнениями, которые вызывает безоговорочное объединение памятников Приладожья и Белозерья в рамках единой вепской культуры.

Первостепенное значение погребальных памятников для реконструкции этнической истории Новгородской земли подчеркивает В. В. Седов в статье «Этнический состав населения Новгородской земли». Формирование здесь древнерусской культуры автор рассматривает как результат долговременного взаимодействия (симбиоза) пришлого славянского и местного финского населения. Наиболее существенную роль в этнической, а впоследствии и социальной истории Новгородской земли, по мнению В. В. Седова, сыграли словене, псковские кривичи и приладожская чудь. Их активность и взаимодействие обусловили федеративное строение раннегосударственного образования, структуру самого Новгорода, а позже — Новгородской земли. Отношения с финскими племенами не носили характера жесткого одностороннего и повсеместного доминирования славянской культуры. В условиях освоения славянами Северо-Запада сопутствующие этому процессу контакты были обоюдными. Так, распространение курганного обряда погребения в землях води, веси и ижоры объясняется славянским, а среди приладожской чуди — скандинавским или славяно-скандинавским воздействием. Столь же ощутимо влияние Новгорода на культуру карел XII—XIV вв. С другой стороны, формирование новгородского диалекта сопровождалось заимствованиями из языка субстратного населения Северо-Запада. На окраинах Новгородской земли XIII—XIV вв. в прибрежной полосе Финского залива водское население, судя по всему, сохранило свой прежний погребальный обряд.

Большой интерес представляет статья Е. А. Рябинина «Чудские племена Древней Руси по археологическим данным». Автор ставит вопрос об определенных различиях внутри финно-угорского культурного массива, обусловленных либо существованием отдельных племенных групп, либо взаимодействием со славянским населением. Разрешение вопроса связано с преодолением ряда объективных трудностей:

значительное ослабление в период X — начала XII в. различий внутри чудских группировок, неполнота сведений письменных источников о количестве, названиях и расселения финно-угорских племен и проч. Тщательный анализ курганных древностей Северной Руси помог Е. А. Рябинину наметить несколько обособленных в культурном отношении районов. К ним относятся: Приладожье, ранее выделявшееся в особую культурную группу, но совершенно по другим соображениям; Костромское Поволжье, как особое подразделение мери (эта группировка, существовавшая на территории Поволжья, видимо, состояла из двух более мелких объединений, «значительно различающихся и по своим культурным традициям, и по особенностям погребального ритуала»,— с. 98); впервые на карту волго-окских племен удалось нанести территорию мещеры, опираясь при этом на распространение специфических плетеных подвесок, украшенных арочными выступами.

Картографирование чудских изделий в курганах Северной Руси, предпринятое Е. А. Рябининым, дает общее представление о размещении отдельных, возможно, некогда крупных финно-угорских племенных объединений, но в период X—XII вв. образующих не более чем «островки» среди древнерусского населения. Изучение процесса размывания прежних чудских объединений должно учитывать не только темпы утверждения славянской культуры, но и характер социального взаимодействия между теми и другими. В этой связи заслуживает внимания мысль автора, впервые высказанная в 1974 г., об освоении городскими ремесленниками в конце XII в. выпуска некоторых видов шумящих подвесок и их распространения в чудской среде. Еще одно доказательство этой мысли можно найти в статье А. Н. Кирпичникова в том же сборнике (о статье см. ниже). Намечая перспективы изучения славяно-финских древностей, Е. А. Рябинин выделяет в качестве особой темы формирование областных культур, развивающихся под воздействием финно-угорских и славянских традиций.

Вопросам этнической истории карел и саамов посвятили свои статьи М. Хурре — «Концепции финских археологов о происхождении племени карелов и культуры Карелии в эпоху железного века» и К. Карпелан — «Финские саамы в железном веке». Почти вековая история изучения проблемы происхождения карел до сих пор не получила разрешения. Особенно существенные расхождения наблюдаются между археологами и лингвистами. Право на самостоятельность этих дисциплин в освещении вопросов этногенеза бесспорно, но значимость данных языка и материальной культуры в разрешении проблемы различна. Если в период становления археологии в Финляндии вопросы происхождения карел и шире — финского народа рассматривались как сфера компетенции языковедов (И. Р. Аспелин), то уже к началу XX в. утверждается авторитетность археологических источников (А. Хакман, Ю. Айлио). Развитие взглядов финских археологов на проблему происхождения карел в значительной степени было обусловлено общими представлениями об этногенических процессах в Восточной Прибалтике и Финляндии, а также оценкой культурного воздействия на область западного Приладожья со стороны южных, западных и восточных соседей. Резюмируя историографический обзор мнений, М. Хурре формирует решение проблемы следующим образом: своим возникновением в Западном Приладожье племя карел обязано взаимодействию западнофинского населения, которое появляется здесь в начале эпохи викингов, с выходцами из восточных и юго-восточных районов; расцвет карельской культуры как синтеза западнофинских, скандинавских и древнерусских элементов приходится на 1100—1300 гг.

Не менее сложны вопросы реконструкции ранней истории и быта саамов в освещении археологических источников. К. Карпелан указывает на недостаточность раннего материала о саамах и намечает пути решения проблемы. Широкое использование данных исторической географии и топонимики дает возможность ретроспективно очертить территорию саамов в средние века, включающую восточную часть современной Финляндии и южную часть Карельской АССР. В период позднего саамского железного века (время крестовых походов) археологические находки, объединяемые в так называемую охотничье-рыболовческую культуру, обнаружены пока в северной части данного ареала. В эпоху раннего металла охотничье население Фенноскандинавии, фиксируемое в письменных источниках как «fenni» также отождествляется с саамами. Археологическая неуловимость поселений железного века в совокупности с прекращением к исходу эпохи раннего металла местного керамического и металлургического производства создают, кажется, непреодолимые трудности при изучении преемственности в развитии саамской культуры,

двух наиболее изученных ее периодов — раннего металла и средневековья. Преемственность эпох автор устанавливает путем привлечения некоторых косвенных данных и использования допущений, основанных на общем понимании эпохи. Так, прекращение производства металла и керамики и одновременное возрастание влияния финских и скандинавских культур объясняется автором превращением саамской культуры «в своего рода торгового поставщика лесных продуктов» (с. 149) с отказом от некоторых традиционных видов деятельности или их сокращении, «если они не обеспечивали значительный излишек товаров» (с. 149). На ту же эпоху должно приходиться перемещение зимних селений в места, более удобные для посещения их купцами, а также возникновения у саамов оленеводства как средства передвижения и источника мяса. Такой подход к решению проблемы кажется весьма плодотворным.

Новое представление об этническом составе населения Южного Приладожья содержится в статье В. А. Назаренко «Об этнической принадлежности Приладожских курганов». Автор оспаривает утвердившееся в последние десятилетия мнение о весской принадлежности курганов Приладожья и широком распространении этих курганов от Ильменя до Белозерья (Л. А. Голубева, В. В. Пименов). «Отсеивание» топонимов, которые означают русское наименование деревни, по существу снимает с территории Приладожских курганов «весскую этнонимическую вуаль». Отводит В. А. Назаренко и другой аргумент Л. А. Голубевой — о сходстве курганов Приладожья и Белозерья. Позитивная часть статьи основывается на строгой классификации курганных древностей и новых полевых наблюдениях автора. Главным результатом этого явилось выделение в Приладожье двух культурных регионов: южного (бассейны Паши, Сяси и Тихвинки) и восточного (восточный берег Ладожского озера). Различия между ними определяются основными тенденциями развития погребального обряда. Специфика курганов первого региона заключается в использовании в качестве исходной идеи конструкции «домика мертвых» — погребального сооружения, предшествующего, очевидно, курганному способу захоронения. Характер погребений Восточного Приладожья позволяет предполагать наличие здесь в докурганный период грунтовых могильников с сожжением. Курганный способ захоронения здесь не получил столь широкого распространения, как в южных областях Приладожья. Фиксируемые различия двух зон могут объясняться существованием двух различных в этнокультурном отношении прибалтийско-финских группировок: в восточной части — карел-ливвиков, в южной — пока условно «приладожской чуди».

Многоплановость связей населения Фенноскандинавии и Восточной Европы рассматривается в статьях А. Эря-Эско, П. Л. Лехтосало-Хиландер, А. Л. Хирвилуото, Л. А. Голубевой. В небольшой по объему статье А. Эря-Эско «Славяно-Карельские культурные связи в IX—XIII вв.» изложены соответствующие данные из предыстории и ранней истории Карелии. Отмечая сложный и далеко еще не в полном объеме ясный процесс формирования карельской культуры, автор первостепенную роль в ее подъеме в IX—XIII вв. отводит Новгороду и древнерусскому государству в целом. В статье П. Л. Лехтосало-Хиландер «Связи западных финнов с Восточной Европой эпохи викингов» внимание сосредоточено на вопросе об активности финского населения побережья Ботнического залива в эпоху викингов. Редкие находки западнофинских вещей, и в том числе женских украшений, на территории соседних стран в период IX—XI вв. обычно приписывались посредничеству викингов, в то время как подвижность собственно финского населения определялась как незначительная. Новые материалы, полученные в результате раскопок могильника Луистари в районе Эура, заставляют иначе взглянуть на проблему. Одна из самых богатых могил (№ 348) содержит типичный для эпохи викингов вещевой комплекс: меч, копья, скрамасакс, ножницы, огнивр, кольцевидную фибулу с длинной иглой, два кошелька с гирьками и дирхемами, шелковую ткань и т. д. В ногах погребенного — остатки животного (собаки?). Отмечая широкое распространение типов вещей, найденных в погребении, автор, видимо, справедливо приписывает его уроженцу Финляндии. Этот человек, побывавший в далеких странствиях, мог усвоить элементы воинской, в том числе скандинавской, моды. Развивая эту мысль финской исследовательницы, вспомним известных по летописи чудинов, служивших при дворе киевского князя. В дальнейшем часть из них, видимо, возвращается в родные края.

О торговых контактах населения Восточной Прибалтики и Финляндии идет речь в статье А. Л. Хирвилуото «Связи между Финляндией и районом Рижского залива в эпоху викингов и крестовых походов». Оживленный характер этих контактов объясняется двумя причинами: во-первых близостью обеих земель, во-вторых, наличием на побережье Рижского залива родственного финнам ливского населения. Автор приводит серию украшений, главным образом бронзовых подвесок, широко распространенных в финно-угорской среде, но попавших в Финляндию в качестве импорта с берегов Рижского залива. Северными контрагентами летто-ливских торговых центров были богатые пушниной районы Лапландии, а посредниками — финское и собственно саамское население Западной Финляндии.

Процессы культурного взаимодействия на территории Северной Руси рассматриваются в статье Л. А. Голубевой «Весь, скандинавы славяне в X—XI вв.». Сложный и дискуссионный характер обсуждаемых в работе проблем хорошо известен по ряду публикаций как самой Л. А. Голубевой, так и других археологов. Своеобразие этого района Восточной Европы на рубеже тысячелетий заключается в его причастности к функционированию древнего Волжско-Балтийского пути. Вполне естественно поэтому стремление пришлых скандинавских отрядов, а также славян закрепиться на ключевых участках водораздела верхней Волги и Финского залива, таких как Ладога, Белоозеро и района Ярославля. Отсюда ясно, что характер взаимных контактов на столь обширной территории не был одинаков на протяжении двух-трех столетий. Явной недооценкой этих контактов будет сведение их к процессу односторонней ассимиляции. В статье приводятся данные о времени и путях продвижения скандинавов и славян в северные районы и о взаимодействии их с местным финским населением.

Образованию городских центров и их значению в регулировании славяно-финских отношений посвящены статьи И. В. Дубова и А. Н. Кирпичникова. И. В. Дубов в своей статье «Тимеревский комплекс — протогородской центр в зоне славяно-финских контактов» подводит некоторые итоги исследований памятников у дер. Тимерово. Благодаря целенаправленным полевым работам последнего десятилетия представления об этих памятниках стали более отчетливыми и полными. Новые материалы были получены прежде всего в результате раскопок на поселении (около 10 га), примыкающем с юго-востока к курганному могильнику. Здесь найдены остатки жилых и хозяйственных построек, следы ремесленного производства, большой клад куфических монет (2685 шт.) второй половины IX в. Совокупность новых данных дает право автору отказаться от утвердившегося в литературе мнения о Тимереве как о сельском поселении и рассматривать его как протогородской центр. Торгово-ремесленное поселение, которое возникает здесь уже в IX в. и связано с функционированием Волжского пути, формируется в условиях славянской колонизации Ярославского Поволжья. Образование протогородского центра способствовало вовлечению в процесс установления государственности на территории Верхнего Поволжья местного волжско-финского населения. Заметное влияние на создание очага местной культуры оказали варяжские дружины, двигавшиеся по путям поступления восточного серебра. Среди новых материалов и фактов, собранных в статье, особую ценность имеет впервые опубликованный схематичный план тимеревского археологического комплекса, который, хотя и требует технической доработки, все же дает довольно полное представление о размещении памятников IX—XI вв. и исследованных участках поселения.

Эпоха, о которой идет речь в статье А. Н. Кирпичникова «Историко-археологические исследования древней Корелы („Корельский городок" XIV в.)», гораздо полнее освещена письменными источниками, чем предшествующая. Это, однако, отнюдь не снижает ценность археологического материала как источника, вполне самостоятельного при разрешении вопросов социального развития и культурной интеграции в зоне русско-карельских контактов. Раскопки древней Корелы раскрыли этнокультурную и строительную биографию поселения. В результате установлено, что первоначальное поселение было расположено, очевидно, на островке в устье Вуоксы, а в 10-е годы XIV в. перенесено в глубь материка, вверх по течению реки, на место, где с тех пор стоит город Корела — Кексгольм. А. Н. Кирпичников по-новому раскрывает значение Корельского городка XIV в. как своеобразного русско-карельского центра. Это в первую очередь относится к характеру местного ремесленного производства, ориентированного на вкусы аборигенного населения. Влияние русского ремесла вследствие налаживания торговых связей с

Новгородом вышло, по мнению автора, за рамки обычных подражаний и оказало преобразующее воздействие на технику всего края. Посредническая роль карельского населения в распространении городской продукции и удовлетворение таким образом потребностей сельских поселений способствовали втягиванию карел в общерусскую торговлю, что в свою очередь благоприятствовало экономическому подъему Корельской земли. Результаты исследования Корельского городка потребовали серьезного уточнения некоторых прежних датировок. В первую очередь это относится к предметам женского металлического убора, ранее традиционно датируемых XI—XIII вв., но найденных, как показали изыскания «Корельского городка», в слоях XIV—XV вв. Столь долгое бытование отдельных украшений свидетельствует или об устойчивости старых бытовых традиций и некотором консерватизме местного ремесленного производства, или о некотором омоложении принятых в литературе дат.

Исследованию средневековых территориальных образований Финляндии посвящена статья У. Сало «К истории и предыстории системы провинций Западной Финляндии». Опираясь на первые достоверные сведения о существовании пяти провинций в начале XIV в. (Аланд, собственно Финляндия, Сатакунта, Уусимаа и Хяме), автор последовательно нащупывает их следы сначала в XIII, а затем в XII в. и, наконец, ставит вопрос о возможности с помощью археологических данных обнаружить проявления территориальной дифференциации в более раннее время. В результате анализа распределения городищ, могильников и кладов железного века Западной Финляндии удалось удревнить время появления системы провинций еще на одно столетие и отнести ее к XI в.

Статьи, помещенные в сборнике, охватывают значительный круг вопросов по археологии железного века и средневековой истории Финляндии и северо-запада европейской части СССР. Как бы ни были различны мнения специалистов по проблемам, затронутым на симпозиуме и статьях сборника, их необходимо рассматривать прежде всего под углом зрения первой попытки ученых Советского Союза и Финляндии на новом уровне и сообща обсудить наиболее важные аспекты славяно-финских отношений.

Первая в истории двух стран встреча археологов завершилась прекрасно исполненным полиграфически изданием. Успешно начат плодотворный советско-финляндский научный диалог в области археологии. Результативное научное сотрудничество ученых СССР и Финляндии, надо надеяться, будет отныне расширяться и укрепляться [1, с. 187—189].

В. А. Булкин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирпичников А. Н., Носов Е. Н.* Первый советско-финляндский симпозиум по археологии.— ВИ, 1977, № 7.

Коробушкина Т. Н. Земледелие на территории Белоруссии в X—XIII вв. Минск: Наука и техника, 1979. 117 с. с илл.

Рецензируемая монография посвящена анализу состояния земледелия западнорусских земель в домонгольский период и основана на археологических материалах. До сих пор в литературе не было специальных работ, посвященных этой проблеме. Отдельные аспекты истории земледелия на территории Белоруссии в X—XIII вв. попутно затрагивались в обобщающих работах или монографиях, посвященных археологическому изучению некоторых городов, а также освещались в небольших статьях публикационного характера. Поэтому книга Т. Н. Коробушкиной, в которой с большой полнотой сведен воедино и обобщен обширный археологический материал, безусловно, представляет значительный интерес.

В главе I (с. 6—11), носящей вводный характер, рассматриваются климат и почвы Белоруссии. К сожалению, содержание этого в целом важного и нужного в подобной работе раздела слабо увязано с последующим анализом археологического материала.

Глава II (с. 12—40) посвящена почвообрабатывающим орудиям, употреблявшимся в домонгольский период в западных районах Руси. Здесь описываются и ана-

лизируются находки железных наконечников пахотных орудий (34 целых и фрагментированных экземпляра), мотыг, железных оковок лопат. Большой интерес представляет деревянное рало, обнаруженное при раскопках в Бресте, описанное, к сожалению, не столь полно, как того требует эта единственная пока археологическая находка пахотного орудия древней Руси.

Рассматриваемые орудия в своем большинстве были обнаружены при раскопках городов и феодальных замков, но автор правильно отмечает, что они вполне могут характеризовать и деревенское сельскохозяйственное производство (с. 12). Следует отметить, что почти все почвообрабатывающие орудия и их детали хорошо датированы стратиграфически или по сопутствующему материалу. Т. Н. Коробушкина обычно принимает датировки, сделанные авторами раскопок.

Основные выводы главы сводятся к следующему. В X—XIII вв. на территории Белоруссии употреблялись рала с полозом и бесполозные (с. 34), а также сохи. Последние появляются уже в X в. (с. 29, 39), а в XIII в. начинают вытеснять рало (с. 25). Найденные сошники связываются автором с двузубой сохой, которая не позднее XIII в. приобретает перекладную полицу (с. 36). Автор не видит в рассмотренном им археологическом материале каких-либо следов бытования так называемой литовской или полесской сохи. По мнению Т. Н. Коробушкиной, такая соха появляется намного позднее, около XVII в. (с. 40). В целом сохи, по мнению автора, были распространены в рассматриваемый период шире, чем рала, о чем свидетельствует количество находок наральников и сошников (с. 39, табл. 1).

Однако не со всеми выводами автора можно безоговорочно согласиться. Во-первых, Т. Н. Коробушкина нередко реконструирует общий облик наконечников пахотных орудий только по их обломкам — небольшим фрагментам рабочей части или втулки. Обоснования такой методики реконструкции в книге не приводится. На мой взгляд, для реконструкции не могут быть использованы обломки наконечников из дер. Городище (рис. 1, *3*), Логойска (рис. 2, *7*), Слуцка (рис. 2, *8*), Минска (рис. 2, *9*, *12*), Орши (рис. 2, *10*, *13*), Лукомля (рис. 4, *4*, *5*). Почти все указанные фрагменты без достаточных оснований отнесены к сошникам.

Автор рецензируемой работы, по существу, не привела каких-либо объективных признаков, позволяющих различать узколопастные наральники и сошники. Т. Н. Коробушкина пишет: «Главные отличия наральников от домонгольских сошников — форма сечения трубицы, размеры и форма лопасти» (с. 14). Однако нигде отчетливо не говорится, какова должна быть форма сечения трубицы (втулки) для различных групп наконечников, каковы, по ее мнению, размеры и форма лопасти наральников и сошников. Именно поэтому разделение узколопастных наконечников пахотных орудий по принадлежности к ралам или сохам в книге дано, на мой взгляд, произвольно. Согласно предложенным нами критериям различения наральников и сошников из археологических материалов [1, с. 103—109, рис. 5—7], не могут интерпретироваться как сошники наконечники из Чичерска XII — первой половины XIII в. (рис. 2, *6*), Орши XI—XII вв. (рис. 2, *11*), Пинска XIII в. (рис. 4, *2*).

С учетом сказанного, соотношение бесспорных наральников и сошников из археологических памятников Белоруссии рассматриваемого времени будет иным, чем это представляется автору рецензируемой книги: наральников найдено 12 (из них два — VIII—IX вв.), сошников — 11 (из них один — XIV в.). Получается, что рала и сохи в западнорусских землях X—XIII вв. применялись одинаково широко. Это, очевидно, является особенностью рассматриваемой территории, причины чего следует, по-видимому, искать прежде всего в факторах этнического порядка, а также в более ранней истории пашенного земледелия на территории Белоруссии. Нет оснований говорить и о появлении сохи здесь в X в.: наиболее ранние из бесспорных сошников в исследуемом материале оказываются датированными XI—XII вв. (Гродно, Друцк), XII в. (Волковыск) или отнесены к широкому периоду X—XII вв. (Орша). Не будет иметь оснований и вывод о вытеснении рала сохой в XIII в.: к этому времени должны быть отнесены 5 наральников (по одному из Гомеля, Бреста и Пинска и два — из Чичерска) и 4 сошника (по одному из Логойска и Полоцка и два — из Лукомля).

Весьма интересно географическое распределение бесспорных наральников и сошников, не отмеченное автором. Первые были найдены только на территории к югу от условной линии Гродно — Минск — Могилев, вторые — преимущественно к северу от этой линии. Этот факт требует своего объяснения, которое следует, вероятно,

искать в предшествующей истории пашенного земледелия на белорусских землях, а также в особенностях технологии сельскохозяйственного производства в отдельных их районах.

Нельзя согласиться с предложенным автором разделением сошников первой группы на две подгруппы — симметричные и асимметричные (с. 26—31): изображения сошников, которые автор называет асимметричными, на наш взгляд, не имеют преднамеренной асимметрии (см. рис. 4, *1*, *7*). Наральник, найденный в слое XIII в. в Гомеле (рис. 2, *1*), нельзя относить к ралам с полозом и ставить в один ряд с наконечниками из Хотомеля, Княжей горы, Супрутов (с. 19—20). Против такой его интерпретации говорит очень небольшой диаметр втулки наконечника, ее округлое поперечное сечение, равная ширина втулки по всей длине. Эти признаки, а также продольное сечение лопасти бесспорно указывают, что гомельский широколопастной наральник принадлежал к той группе наконечников, которыми оснащались дополнительные ральники некоторых типов рал, вставлявшиеся в их грядиль. Такие дополнительные ральники работали под значительным углом к почве [2]. Среди аналогий рал с дополнительными ральниками нужно указать известные даберготцское рало и рало из Токаревского торфяника [3, с. 131—132, рис. 50]. По-видимому, такой же дополнительный ральник укреплялся в грядиле деревянного рала XIII в. из Бреста (рис. 1, *1*). Предположение Т. Н. Коробушкиной о том, что это пахотное орудие было снабжено чересло́м, представляется маловероятным. Исходя из механики почвообрабатывающих орудий и этнографического материала необходимо признать, что применение чересел имело смысл лишь у пахотных орудий с горизонтальным полозом. Брестское рало не принадлежит к таковым.

Весьма сложно решение вопроса о времени появления того типа сохи, который получил в литературе наименование литовской или полесской. По этнографическим данным, литовская соха отличается от русской устройством своего остова или скелета, особым способом насадки сошников, наличием неперекладной полицы. Все эти признаки недоступны археологическому исследованию. Возможно, могут быть выделены определенные отличия сошников русской и литовской сохи, однако такая работа по археологическому материалу никем еще не проводилась. Поэтому правильнее было бы считать, что имеющийся археологический материал на нынешнем этапе изучения не дает оснований ни для вывода о существовании в X—XIII вв. литовской сохи, ни для отрицания этого. В этом плане нельзя не обратить внимания на своеобразие формы сошников из Гродно, существенно отличающихся от других синхронных наконечников (см. рис. 3, *3*, *4*; рис. 5).

Вопрос о почвообрабатывающих орудиях X—XIII вв. в рассматриваемой главе в значительной мере сведен к вопросу об их железных наконечниках. Более широкое привлечение данных этнографии, сравнительных археологических и иконографических материалов, реконструкции на этом основании пахотных орудий по их наконечникам могли бы исправить положение и позволить более зримо представить уровень развития земледельческой техники X—XIII вв. в западных районах Руси.

В главе III (с. 41—68) рассмотрены орудия уборки урожая и переработки сельскохозяйственных продуктов. Здесь автором анализируются находки серпов и кос из курганов и культурного слоя поселений (около 60 экз.), орудий для молотьбы, обработки льна, жернова, ступы и т. п. Следует отметить крайне редкие в археологическом материале цеповище XIII в. из Полоцка (с. 56, рис. 13, *9*), ножные ступы XII—XIII вв. из Минска и Бреста (с. 63—65, рис. 16).

При анализе серпов автор применяет методику сравнительного определения их механических свойств, разработанную В. П. Левашовой, и предложенное ей же разделение серпов на типы [4, с. 60—73]. Наименование типов (новгородский, московский, киевский и т. п.) вряд ли следует признать удачным: как теперь выясняется, эти типы были распространены на всей территории Руси и даже за ее пределами. Присвоение типам серпов географических названий в данном случае привело к путанице. Для территории Белоруссии X—XIII вв. Т. Н. Коробушкина отмечает преобладание серпов новгородского типа, что отнюдь не может связываться с влиянием на сельское хозяйство этой территории со стороны Новгородской земли. По-видимому, пришло время пересмотреть номенклатуру классификации древнерусских серпов и присвоить их типам иные, не географические названия.

При разделении серпов из археологических памятников Белоруссии на типы Т. Н. Коробушкина использовала не только целые, но и фрагментированные экземпляры (см., например, рис. 9, *6*, *14*, *19*, *22*; рис. 10, *2*, *6*, *15* и др.). Это

не может быть признано правильным, так как у фрагментированных серпов ряд признаков, важных для определения типов по принятой автором методике, не прослеживается.

Не всегда можно согласиться с отнесением Т. Н. Коробушкиной тех или иных серпов к определенному типу. Так, например, серп XI в. из кургана близ Заславля (рис. 9, *2*) не может быть причислен к новгородскому типу. Для последнего характерно расположение вершины изгиба дуги лезвия на $^1/_4$ или $^1/_3$ длины основания, считая от рукояти, т. е. асимметричность [4, с. 70]. Заславльский же серп симметричный. Симметричность лезвия, его небольшой изгиб, расположение рукояти, небольшие размеры самого серпа позволяют видеть в нем позднюю реминисценцию одного из типов серпов, характерных для балтского населения Восточной Европы I тысячелетия н. э. [5, с. 23]. Не может быть отнесен к новгородскому типу и симметричный серп из Бреста XIII в. (рис. 9, *10*). В то же время не являются серпами московского типа орудия из Минска XII—XIII вв., изображенные на рис. 10, *8*, *9*. Эти серпы асимметричные, вершина дуги лезвия у них сдвинута по направлению к рукоятке, тогда как московский тип серпов характеризуется как раз симметричностью лезвия [4, с. 71]. Не может считаться серпом русско-литовского типа симметричный серп из Волковыска X — начала XI в. (рис. 9, *17*): для этого типа серпов характерен сдвиг вершины дуги лезвия к рукоятке, т. е. также асимметричность лезвия [4, с. 73]. Симметричные, сильно изогнутые серпы из Гродно (рис. 5; рис. 10, *16*, *18*), которые Т. Н. Коробушкина рассматривает как отдельные нетипичные экземпляры (с. 49), на самом деле имеют аналоги в Прибалтике, в частности в Литве и Латвии.

Большой интерес представляет сводка палеоботанических находок из археологических памятников Белоруссии (23 образца из 18 памятников), определения которых были проведены специалистами-ботаниками (с. 69—96, табл. 5). 21 образец (16 памятников) датируется X—XIII вв. Эти материалы убедительно свидетельствуют, что наиболее распространенной зерновой культурой на территории Белоруссии X—XIII вв., как и в других лесных районах Руси, была рожь (найдена на 13 памятниках, причем в большинстве случаев преобладала в пробах). Как самостоятельная культура рожь выступает здесь по крайней мере с IX в. (с. 72). Широко возделывались также пшеница [1], ячмень и просо, были известны овес и гречиха. Из бобовых высевались горох, вика, бобы, чечевица и чина, из технических культур — лен и конопля. О садоводстве свидетельствуют находки косточек плодовых деревьев — сливы, вишни, груши. Несомненно, была известна и яблоня. Установлено, что в большинстве случаев рожь высевалась под зиму, наряду с этим практиковались, вероятно, и посевы яровой ржи (с. 80—81). Отмечается разнообразие в формах и размерах зерен пшеницы, которое связывается автором с сортовыми особенностями (с. 81, 83, 85). Многие из зерновых находок оказались сильно засоренными семенами сорняков, характерных как для озимых, так и для яровых посевов. Это может свидетельствовать о наличии старопахотных земель.

Интересны попытка определения урожайности в крестьянских хозяйствах по сравнительным этнографическим материалам (с. 99—101) и соображения автора о применении в рассматриваемый период навозного удобрения (с. 98—99).

Исходя из анализа зернового материала и найденных семян сорняков, автор приходит к выводу, что в X—XIII вв. основной системой земледелия на территории Белоруссии была паровая система с применением двухполья и трехполья. Наряду с этим применялись подсечная система и лесной перелог (с. 97—98). Применение подсеки наряду с пашенным земледелием, по мнению Т. Н. Коробушкиной, вполне закономерно и естественно для рассматриваемого периода, говорит о «рациональном ведении земледельческого хозяйства с использованием необходимых средств и с учетом природных особенностей местности» (с. 98).

Нужно отметить, что определение существовавших в древности систем земледелия по тем скудным и ограниченным материалам, которые доставляет археология — весьма трудная задача. При современном уровне наших знаний она вряд ли может быть решена однозначно. Время появления на Руси трехполья до сих пор остается спорным. Письменными источниками трехполье убедительно документи-

[1] Т. Н. Коробушкина, к сожалению, редко указывает видовое определение пшениц. По-видимому, в большинстве случаев это была мягкая пшеница Tr. vulgare L.-Tr. aestivum L.

руется лишь для XIV—XV вв., причем наряду с менее интенсивными системами [6]. Это не значит, конечно, что трехполье не могло появиться раньше. Однако достаточно убедительных и однозначно интерпретируемых доказательств этого мы пока не имеем. Не приведены они и в рецензируемой работе. Тем не менее положения Т. Н. Коробушкиной о наличии на территории Белоруссии X—XIII вв. окультуренных старопахотных земель и применении пара вряд ли могут быть подвергнуты сомнению.

Хотелось бы увидеть в книге не только данные об уровне развития земледелия на белорусских землях в X—XIII вв., но и сравнение этого уровня с предшествующим периодом раннего средневековья, а также объяснение происшедших изменений. Это представляет большой интерес уже потому, что на значительной части рассматриваемой территории в I тысячелетии взаимодействовали два этноса — балтский и славянский, имевшие свои, в значительной мере различающиеся традиции ведения земледельческого хозяйства. Выяснение роли балтского и славянского компонентов в сложении земледельческого хозяйства X—XIII вв. было бы весьма ценным.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что рецензируемая работа, несмотря на отдельные недостатки и спорные положения, является, главным образом благодаря содержащемуся в ней новому материалу, важным вкладом в разработку истории сельского хозяйства древней Руси и представляет несомненный интерес как первая сводная работа по истории земледелия на территории Белоруссии в средневековье.

Краснов Ю. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Краснов Ю. А.* Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы).— СА, 1978, № 4.
2. *Краснов Ю. А.* Об одном типе пахотных орудий эпохи Киевской Руси.— КСИА, 1976, вып. 146.
3. *Краснов Ю. А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.: Наука, 1975.
4. *Левашова В. П.* Сельское хозяйство.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.: Тр. ГИМ, 1956, вып. 32.
5. *Краснов Ю. А.* Из истории железных серпов в лесной полосе европейской части СССР.— КСИА, 1966, вып. 107.
6. *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.— Л.: Наука, 1965.

Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж; Изд-во Воронежского ун-та. Вып. I, 1979. 164 с. с илл., (I). Вып. II, 1980. 164 с. с илл., (II).

В археологической литературе исследованию лесостепной зоны как природного феномена, повлиявшего на культурную, экономическую и социальную специфику обитавшего здесь древнего населения, до недавнего времени уделяли незаслуженно мало внимания. Обычно речь шла главным образом о «степных» и «лесных» культурах. И получилось так, что «лесостепным» культурам долгое время как бы отказывалось в праве на самостоятельное существование. Между тем лесостепная зона, протянувшаяся достаточно широкой и непрерывной полосой от Прикарпатья до Алтае—Саян, издревле являлась территорией, где тесно взаимодействовали разные хозяйственные и этнические традиции, концентрировался культурный, социальный и производственный опыт носителей разных культур, отражались многие важные исторические события, имевшие место на широких пространствах, далеко выходивших за пределы собственно лесостепи.

Поэтому весьма отрадно, что большой коллектив воронежских археологов под руководством проф. А. Д. Пряхина взял на себя издание ежегодника «Археология Восточноевропейской лесостепи», имеющего целью публикацию материалов и раз-

работку наиболее важных и актуальных проблем древней истории населения лесостепной зоны. К настоящему времени вышли в свет два выпуска ежегодника.

Обоим сборникам предпослано краткое редакторское вступление, определяющее задачи конкретных выпусков и серии в целом. Вряд ли случайно, что на территории лесостепного Подонья, древностям которой посвящены в основном рецензируемые книги, существовали, начиная с эпохи бронзы, наиболее богатые и колоритные культурные комплексы — среднедонской вариант катакомбной общности, доно-волжский вариант абашевской общности, северный вариант срубной общности; в дальнейшем здесь локализовались яркие скифоидные культуры, тесно взаимодействовали кочевой и оседлый уклады, сформировалось ядро древнерусской государственности.

Автор справедливо полагает, что изучение экологических особенностей лесостепной зоны в свете культурной, экономической и исторической специфики этой территории должно занять важное место в будущих исследованиях. Хотелось бы добавить к этому, что особую важность приобретают данные палеоклиматологии и палеогеографии. Не могу согласиться с автором редакторского предисловия, который категорически отрицает засушливость климата в эпоху бронзы, считая это мнение «не подтвердившейся теорией» (I, с. 3). В последние годы точка зрения об усыхании климата на юге Восточно-Европейской и особенно Западно-Сибирской равнины в бронзовом веке получила новые убедительные подтверждения. И споры в среде палеоклиматологов и палеогеографов идут уже не столько о том, совпадает ли эпоха бронзы с засушливым климатическим периодом, сколько о степени его выраженности в том или ином географическом районе, а также о том, в какой мере эта засушливая климатическая фаза могла повлиять на ландшафтно-географический облик пограничья степной и лесостепной, лесостепной и лесной зон.

В статье А. Д. Пряхина «Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь» (II, с. 7—32) подводятся итоги многолетнего изучения абашевских древностей с акцентом на те аспекты абашевской проблематики, которые на нынешнем этапе археологической изученности абашевских древностей смотрятся иначе, чем несколько лет назад. Рассмотрение абашевской проблемы, по мнению автора, долгое время затемнялось привычным представлением, что абашевские памятники Чувашского Поволжья, где была впервые открыта абашевская культура, являются наиболее «чистыми», эталонными памятниками абашевской культуры. Другое традиционное мнение сводилось к тому, что абашевцы представлялись в виде нескольких территориально оторванных друг от друга групп населения. А. Д. Пряхин видит за абашевскими древностями единый этнокультурный массив со сложной и неоднозначной историей, динамичным ареалом, общими и региональными тенденциями историко-культурного развития. В оценке общей и локальной специфики абашевских памятников автор умело сочетает макро- и микроподходы, пытаясь держать в поле зрения одновременно «и лес, и отдельные деревья».

При таком подходе трудно избежать противоречий. Одно из них заключается в следующем: абашевские древности невозможно вместить в рамки одной культуры, но если разделить их на несколько родственных (абашевских?) культур, то совокупность последних трудно обозначить единым термином. Пытаясь оперировать широкой категорией, автор вслед за Н. Я. Мерпертом пользуется понятием «культурно-историческая (в данном случае — абашевская культурно-историческая) общность», в которой он выделяет три отдельные абашевские культуры — доно-волжскую, средневолжскую и уральскую, с определенными или намечающимися локальными вариантами внутри каждой. В принципе такой путь оправдан: он дает хорошие возможности для интерпретационного уровня исследования, в частности для социальной атрибуции отдельных подразделений абашевского общества (абашевская общность может соответствовать большой этнической общности, отдельные культуры внутри нее — конкретным родственным этносам, а локальные варианты культур — отдельным племенам или родственным родовым группам, имеющим между собою этнографические различия).

Однако употребляемая А. Д. Пряхиным для обозначения этой градации терминология представляется нам не вполне удачной. Коль скоро автор исходит из того, что за абашевскими древностями в целом стоит единый большой этнический массив, то их было бы правильнее обозначать термином «этнокультурная общность», под которой в археологии принято понимать круг родственных в этническом отношении и достаточно близких по облику культур (например, сузгунско-еловская,

алакульско-тазабагьябская этнокультурные общности). Понятие «историко-культурная» или «культурно-историческая общность» применительно к абашевским памятникам затемняет их содержание. Термин «культурно-историческая (историко-культурная) общность»[1] принято применять не к этнически родственным культурам, а к культурам, сходство между которыми определяется тесными взаимоконтактами, известной общностью исторических судеб, сходством путей экономической, социальной и культурной адаптации к окружающей природной среде и т. д. В качестве примера можно назвать андроновскую (федоровско-алакульскую) историко-культурную общность. В плане не этнокультурной, а историко-культурной близости следует понимать, например, значительное сходство культур древних ираноязычных, тюркоязычных и монголоязычных кочевников евразийских степей.

В равной мере несколько противоречивым выглядит разделение абашевских древностей на три самостоятельные «абашевские» культуры. Невольно напрашивается вопрос: если это разные культуры, то почему все они абашевские, а если это не разные культуры, то почему их три?

А. Д. Пряхин прав, считая перспективным для понимания содержания абашевской общности обращение к соседним лесостепным культурам, в частности к самусьской общности Западной Сибири, локализовавшейся в лесостепной и на юге таежной зон. Сопоставимость этих двух гигантских общностей — абашевской и самусьской — проявляется, на наш взгляд, не только в некоторых «общих моментах, свойственных керамике» (II, с. 27), но и по ряду других показателей: по богатству и своеобразию бронзовой металлургии, по некоторым особенностям погребального ритуала, по сходству исторических судеб (и та и другая прекратили свое существование вследствие продвижения в лесостепь носителей южных степных культур); нельзя также не обратить внимание на необыкновенное богатство самусьской и уральской абашевской (баланбашской) солярной орнаментики. Выявление эпохальных, экологических и иных факторов, обусловивших эти соответствия, помогло бы полнее и глубже понять общие и региональные закономерности развития культур этого ландшафтно-географического пояса.

Хочу обратить внимание на одну фактическую ошибку. Говоря о самусьских памятниках Западной Сибири, А. Д. Пряхин замечает, что самусьская культура была выделена В. И. Матющенко, ссылаясь при этом на одну из его работ за 1973 г. (II, с. 27). В действительности самусьская культура была выделена в 1964 г. М. Ф. Косаревым [1] о чем, кстати, сообщает сам В. И. Матющенко в работе, на которую ссылается А. Д. Пряхин [2, с. 6].

В большой статье Н. Я. Мерперта и А. Д. Пряхина «Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь» (I, с. 7—24) рассматриваются проблемы срубной общности в связи с особенностями ее лесостепного варианта. Авторы справедливо считают, что вне исследования срубных древностей сейчас невозможно плодотворно разрабатывать проблемы, касающиеся бронзового века евразийских степей в целом. Вместе с тем ко всему этому комплексу проблем уже нельзя подходить на уровне наших прежних представлений о срубной культуре. Н. Я. Мерперт и А. Д. Пряхин ставят целью своей статьи очертить и отчасти рассмотреть круг наиболее актуальных проблем срубной общности, как они вырисовываются в свете новых и новейших археологических данных.

Внимание обращено на различие срубных древностей степной и лесостепной полосы, которое в значительной мере объясняется ландшафтно-климатическими особенностями южной и северной частей срубного ареала. Лесостепные срубные поселения отличаются более мощным культурным слоем, присутствием следов земледельческих занятий и наличием в остеологическом материале значительного количества костей свиньи (от 8,1 до 17,1%), что свидетельствует о более оседлом образе жизни лесостепных срубников по сравнению со степными. Внутри степного и лесостепного срубного ареалов в свою очередь намечаются более частные локальные различия.

Лесостепная часть срубного ареала интересна еще и тем, что здесь осуществлялись наиболее активные контакты разноэтничных групп населения — срубников и абашевцев, срубников и поздняковцев, срубников и бондарихинцев и т. д., что приводило к известному синкретизму и придавало культурному облику местных срубников своеобразный колорит.

[1] У этнографов более популярен термин «историко-этнографическая общность (область)», введенный в свое время М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым.

Авторы правы, считая весьма важным исследование вопросов, связанных с наличием срубного компонента в поздняковских и приказанских древностях. Нам представляется, что эта проблема значима по ряду своих аспектов. Что обусловило продвижение ряда элементов срубной культуры в лесную зону — активизация культурных связей, приход значительных групп срубного населения или то и другое вместе? Какими причинами был вызван массовый отлив срубного населения из лесостепей в конце бронзового века и как он повлиял на этнокультурную историю Восточной Европы в целом? Можно ли считать сложение на юге лесной зоны Восточной Европы «срубоидных» культур, а на юге западносибирской тайги «андроноидных» культур явлением одного исторического порядка?

Н. Я. Мерперту и А. Д. Пряхину удалось показать общую тенденцию культурного развития срубного ареала, в которой выделено четыре основных момента, положенные в основу периодизации срубной общности в целом во всем ее хронологическом диапазоне (I, с. 20). Думается, что на уровне нынешней изученности срубных древностей такой подход к периодизации, когда в ее основу кладутся не столько конкретные материалы, сколько сам динамизм культурного развития в его наиболее значительных проявлениях, наиболее историчен, а следовательно, и наиболее оправдан. Весьма интересен сюжет, касающийся общинного ремесла и своеобразных ремесленных центров в лесостепной части срубного ареала (I, с. 21—22).

В рассматриваемой статье срубные древности исследуются в рамках так называемой срубной культурно-исторической общности. Свои сомнения о правомерности применения этого термина для обозначения родственных в культурном и этническом отношении единств я уже высказывал.

В статье С. А. Агапова, И. Б. Васильева, В. И. Пестриковой «Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы» (I, с. 36—63) исследуются вопросы хронологического и генетического соотношения публикуемого памятника как с эпохально одновременными древностями, так и с комплексами, относящимися к ранним этапам ямной общности. Публикация и анализ материалов Хвалынского могильника позволяют уточнить историко-культурную ситуацию, существовавшую накануне и в начале сложения ямной общности.

А. Т. Синюк в статье «У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона» (I, с. 63—72) предпринял попытку проследить условия происхождения древнеямных скотоводческих культур лесостепного Подонья. Он полагает, что комплекс элементов скотоводческого хозяйства был принесен в донскую лесостепь подвинувшимися с юга во второй половине или в конце IV тысячелетия до н. э. носителями культур со своеобразной воротничковой керамикой, имеющей аналогии в соответствующих слоях Ракушечного Яра, в материалах могильника у с. Съезжее и в комплексах надпорожскоприазовского варианта днепро-донецкой культуры. Тем самым, по мнению А. Т. Синюка, на лесостепном Дону «было положено начало действию новых тенденций, имеющих аналогии в истории энеолитических племен более южных территорий» (I, с. 72).

Признавая убедительным мнение автора, что традиции подвижного скотоводства в раннем своем проявлении пришли в донскую лесостепь с юга, из степных районов, должен заметить, что если ставить вопрос более широко — о времени появления в лесостепной зоне элементов производящей экономики, то здесь приоритет степи перед лесостепью выглядел бы весьма спорным. По данным, накапливающимся сейчас для Западной Сибири, становится все очевиднее, что экологические условия лесостепной зоны были сравнительно со степью более благоприятны для оседлого образа жизни, а следовательно, для освоения земледельческо-пастушеских занятий.

В статье И. Б. Васпльева «Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье» (II, с. 32—58) помимо описания погребений и характеристики могильного инвентаря классифицируются особенности похоронного ритуала Утевского и некоторых других могильников, свидетельствующие, по мнению автора, о социальной неоднородности погребенных и о существовании в ямно-полтавкинском обществе по крайней мере трехступенчатой иерархической лестницы.

Хотелось бы заметить, однако, что социальную стратификацию древних погребений лучше исследовать на материалах одного, а не нескольких могильников, так как различия между могильниками в богатстве вещевого материала и в яркости погребальных ритуалов в ряде случаев могут говорить не о социальных, а о ло-

кальных, этнографических, хронологических различиях, о неодинаковом экономическом благополучии разных коллективов и пр.

В небольшой заметке С. Н. Кореневского «О металлических вещах I Утевского могильника» (II, с. 59—66) комментируются результаты спектрального анализа металлических предметов этого памятника. Автор склоняется к выводу об их преимущественно местном производстве. Кавказский импорт не играл существенной роли, хотя типологические особенности местных медных топоров, тесел, крупных кинжалов и др. позволяют говорить об исходном кавказском импульсе, оказавшем влияние на становление местной металлообработки.

Статья Ю. П. Матвеева «Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой» (II, с. 66—75) ставит целью показать на материалах среднедонских катакомбных памятников некоторые хронологические и региональные тенденции в истории катакомбной общности. Автор справедливо считает, что культурное единство катакомбных древностей было наиболее выраженным на ранних этапах. Он дает критический анализ двух основных точек зрения о культурной принадлежности многоваликовой глиняной посуды, по одной из которых ее относят к особой культуре многоваликовой керамики, по другой — к одному из поздних этапов катакомбной культуры. Ю. П. Матвеев придерживается второй точки зрения и убедительно показывает непосредственную генетическую связь комплексов с многоваликовой керамикой с материалами раннего этапа катакомбной общности. Соглашаясь с автором по существу затронутой проблемы, хотел бы все-таки предостеречь его от может быть излишней категоричности в отрицании первой точки зрения. При безусловной преемственности раннекатакомбной и многоваликовой посуды и при правомерности рассмотрения их в русле единой культурной традиции нельзя не заметить появления ряда новых элементов и специфических черт, свидетельствующих, возможно, о накоплении признаков иной культуры.

В заметке того же автора «Позднекатакомбные погребения в кургане у пос. Ольховатка» (I, с. 98—103) рассматриваются материалы финального этапа среднедонской катакомбной культуры. Любопытно, что те сосуды этого этапа, в орнаментации которых вместо валиков выступают имитирующие их прочерченные линии, по декоративному стилю сближаются с посудой дона-волжской абашевской культуры.

Интересна статья А. Д. Пряхина и В. С. Горбунова «Могильники уральской абашевской культуры у с. Береговки на территории Башкирской АССР» (I, с. 72—98). Публикуемые в ней материалы III Красногорского и Береговского могильников значительно обогащают наши знания по абашевским древностям Южного Урала. Эти новые материалы уточняют периодизацию южноуральского «Абашева» и позволяют увереннее говорить о хронологических тенденциях его развития. Авторы правомерно предполагают, что на своеобразный облик южноуральских абашевских памятников (прежде всего зауральских) повлияли жившие здесь до прихода абашевцев местные группы населения. Однако вряд ли правильно сводить инокультурные включения в уральский вариант абашевской общности лишь к протоалакульскому элементу. Нельзя не принимать во внимание, что в южноуральской абашевской (баланбашской) посуде, прежде всего в ее декоративном оформлении, явственно прослеживаются мотивы, знакомые нам по проточеркаскульской (коптяковской), протофедоровской и самусьской орнаментации.

В статье Ю. Г. Екимова «Поселения эпохи бронзы в бассейне р. Сновы в Липецкой области (I, с. 103—114) излагаются результаты обследования древних поселений, содержащих в основном катакомбную, абашевскую и срубную керамику. Работы носили разведочный характер. Некоторые из памятников активно разрушаются. В этой связи представляется не совсем понятным, почему разведки, ведущиеся здесь с середины 1960-х годов не сопровождаются раскопками.

В заметках Р. Г. Сагайдак, Т. С. Старцевой «Исследование кургана срубной общности у пос. Хохольский Воронежской области» (I, с. 114—124) и Т. С. Старцевой «Исследование кургана срубного времени в могильнике Сады» (II, с. 75—79) публикуются отдельные срубные погребальные комплексы из раскопок А. Д. Пряхина конца 1960-х и начала 1970-х годов.

Статья Ю. Г. Екимова и В. И. Беседина «К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в лесостепном Подонье» (II, с. 79—94) поднимает важную проблему, касающуюся исторических судеб лесостепного срубного населения и культурной принадлежности местных памятников конца бронзового века. Авторы придерживаются распространившейся в последние годы точки зрения, со-

гласно которой к началу I тысячелетия до н. э. основная масса срубного населения покидает лесостепные районы Подонья и Поволжья. Памятники начала I тысячелетия до н. э. здесь уже не имеют отношения к срубной культуре. Ю. Г. Екимов и В. И. Беседин описывают в статье 22 поселения этого времени. Среди них особенно интересно многослойное Шиловское поселение в г. Воронеже, где было вскрыто раскопками более 4,5 тыс. кв. м. Керамические комплексы конца бронзового века в лесостепном Подонье представлены сосудами, близкими посуде бондарихинской культуры, выделенной в бассейне Северского Донца и в лесостепной полосе левобережной Украины. Стратиграфические наблюдения показали, что бондарихинские культурные остатки лежат выше срубных, а сравнение технологических и типологических показателей срубных и бондарихинских сосудов свидетельствует о том, что между ними нет генетической преемственности.

В статье Ю. П. Медведева и Ю. Г. Екимова «Поселение эпохи бронзы Рыкань-2» (II, с. 94—102) публикуются новые находки катакомбной культуры, а также материалы, раскрывающие характер контактов поздпесрубного и бондарихинского населения на начальном этапе проникновения бондарихинцев в лесостепное Подонье.

Статья Ю. П. Матвеева и А. П. Медведева «Курганы у с. Караяшник на территории Воронежской области» (I, с. 124—144) вводит в научный оборот материалы разрушающегося курганного могильника на левом берегу р. Ольховатки. Раскопано 11 курганов из 23; они содержали более 20 захоронений. Десять принадлежали катакомбной культуре, четыре — срубной, шесть — сарматам, два — поздним кочевникам. Из перечисленных групп погребений наиболее интересны сарматские. Их наличие на р. Ольховатке говорит о том, что южные районы лесостепного Подонья входили в первые века нашей эры в ареал сарматских кочевий. Находка в сарматском погребении кургана № 4 египетских фаянсовых бус показывает одно из направлений торговых связей.

В статье А. П. Медведева «Сарматские памятники в лесостепном Подонье» (II, с. 103—114) дано описание всех известных на этой территории сарматских памятников и местонахождений. На приложенной к статье карте обозначен 21 пункт находок, среди которых пять курганных могильников, семь отдельных курганов, два грунтовых погребения и семь случайных находок. Сарматские поселения пока неизвестны. Наиболее богат материалами частично исследованный Чертовицкий могильник на р. Воронеж, содержащий как подкурганные, так и грунтовые захоронения. Погребения дали глиняную посуду, разнообразное железное оружие, бронзовые бытовые и культовые предметы, бусы из стекла, гагата, горного хрусталя, сердолика и фаянса, золотые украшения. Особенно интересны египетские фаянсовые бусы в виде скарабеев, львов и лягушек. Памятник датируется I в. до н. э.— I в. н. э.

А. П. Медведев считает, что к рубежу нашей эры лесостепь уже была освоена сарматским населением. Скорее всего этот процесс начался с того, что сарматы стали практиковать далекие летние перекочевки на север в богатые пастбищами поймы рек, где они жили все теплое время года. Высокая продуктивность пойменных лесостепных пастбищ, видимо, способствовала большей оседлости лесостепных сарматов и, возможно, возрастанию интереса к земледельческим занятиям. «Казалось бы,— пишет А. П. Медведев,— следовало ожидать, что уход части сарматов в лесостепь, их удаление от античных центров, должен был привести к ослаблению культурных связей с античным миром, к замедлению темпов культурного и социального развития этого населения. Однако этого не произошло» (II, с. 131).

Думается, что это явление не парадоксально, а закономерно. Начиная с эпохи бронзы приход степняков в лесостепь всегда сопровождался увеличением роли земледелия, повышением степени оседлости, возрастанием уровня культурного развития. Мне представляется, что с появлением на юге Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнин производящей экономики население лесостепей, а также пограничья лесостепной и лесной зон по потенциальным возможностям социально-экономического развития находилось в более выгодном положении, чем население степей и глубинных районов лесной зоны.

А. Д. Пряхин и А. З. Винников в статье «Итоги исследования Малого Боршевского городища на р. Дон» (II, с. 132—158) публикуют материалы интересного комплекса, состоящего из славянского городища с примыкающим к нему селищем и неукрепленного поселка эпохи бронзы. Последний был основан населением поздних этапов катакомбной культуры, но продолжая существовать и в абашевское время. Славянское городище с селищем относятся к концу I тысячелетия н. э. Они вместе

с другими укрепленными славянскими поселениями на Дону и Воронеже представляли собой форпосты на восточных рубежах славянского мира. Раскопки на Малом Боршевском городище позволили получить новые данные по древнерусской фортификации, домостроительству, гончарству, кузнечеству, экономическим связям. Близ жилища 7 был обнаружен клад дирхемов из 106 монет. Одна монета происходит из Волжской Болгарии. Эта находка, как считают авторы, подтверждает мнение Б. А. Рыбакова, что через территорию донских славян проходил важнейший сухопутный путь, связывающий Древнюю Русь с Волжской Болгарией.

Статья А. З. Винникова «Белогорский курганный могильник конца I тысячелетия н. э. на р. Воронеже» (II, с. 145—163) посвящена в основном публикации славянских погребений из 12 курганов, раскопанных на площади Белогорского могильника. Однако характеристика материала в значительной мере подчинена задаче исследовать характер этнических контактов донских славян. Зафиксированный при исследовании погребений похоронный ритуал не вызывает сомнения в славянской принадлежности покойных. Однако в керамике выделяются четыре принципиально различные группы сосудов: салтово-маяцкая, волынцевская, славянская (боршевская) и кочевническая. По мнению автора, этот факт свидетельствует не только о широких культурных контактах местных славян с окружающим инокультурным миром, но и не оставляет сомнений в том, что отдельные группы алано-болгар приходили и оставались жить на славянской земле. А. З. Винников соглашается с мнением С. А. Плетневой, что проникновение алано-болгарского населения на славянскую территорию связано скорей всего с разгромом печенегами носителей салтово-маяцкой культуры в первой половине X в. «Изучение погребального обряда Белогорского могильника, как и других курганных могильников, расположенных на р. Воронеже,— заключает свою статью автор,— с одной стороны, свидетельствует о неоднородности славянского населения на Верхнем и Среднем Дону, на что обратила внимание еще А. Н. Москаленко, а с другой, дает ключ к пониманию сложных этнических процессов, протекавших на юго-восточной окраине славянского мира в конце I тысячелетия н. э.» (I, с. 163). Это высказывание определяет историческую значимость памятника и необходимость его дальнейшего исследования. В этой связи представляется не совсем понятным локальный, выборочный характер раскопок на Белогорском могильнике. Исследованные курганы (12 насыпей из 48) располагались в разных частях памятника и получали порядковую нумерацию лишь по мере их раскопок; нераскопанные курганы пока так и остались «безымянными». В методическом отношении такую практику нельзя считать оправданной.

Статья С. А. Плетневой «Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках эпохи раннего средневековья» (I, с. 24—36) в отличие от ранее рассмотренных статей и заметок целиком основана на летописных источниках. Анализируя «Повесть временных лет», автор стремится выявить прямые и косвенные сведения, проливающие дополнительный свет на некоторые стороны политической и этнокультурной истории степных и лесостепных соседей славян в VII—X вв. Статья написана на хорошем источниковедческом уровне и является лишним свидетельством в пользу того, что ни один из имеющихся сейчас в распоряжении историков летописных источников нельзя считать полностью исчерпанным.

В небольшой заметке А. З. Винникова и В. П. Загоровского «Шахматная фигурка с Маяцкого городища» (II, с. 159—161) публикуется своеобразная поделка из мела, трактуемая авторами как шахматная фигурка. Касаясь точки зрения И. М. Линдера на роль Хазарского каганата в распространении с Востока шахматной игры на Руси, А. З. Винников и В. П. Загоровский указывают на необходимость учитывать возможную роль в этом отношении лесостепного Подонья — района, где граница Хазарского каганата наиболее близко подходит к славянскому миру.

Даже краткая характеристика статей и публикаций, помещенных в двух рецензируемых выпусках, показывает, насколько широк хронологический диапазон исследования и насколько разнообразен и многозначен круг рассматриваемых вопросов. Необходимость продолжения таких выпусков очевидна и бесспорна. Очевидно также, что при их продолжении должен расширяться круг исследуемых вопросов. Необходимо уделять внимание ранним этапам каменного века, вопросам палеоклиматологии и палеогеографии, роли лесостепи как контактной территории, проблеме древних миграций, методологическим вопросам и т. д.

Своеобразие лесостепной зоны проявляется прежде всего в сочетании признаков леса и степи. Это сочетание прослеживается не только по ландшафтно-географиче-

ским показателям, но и на историко-культурном уровне. Поэтому название серии «Археология Восточно-Европейской лесостепи» не должно предполагать исключение из рассмотрения территорий, выходящих за пределы собственно лесостепья. Такой локализованный подход неизбежно обеднил бы проблематику и сузил исследовательские возможности авторского коллектива.

Косарев М. Ф.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Среднего Обь — Иртышья: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1964.
2. *Матющенко В. И.* Самусьская культура.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 10.

Новое в изучении длинных курганов (Аун М. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. / Ред. Селиранд Ю. Таллин: Валгус, 1980. 138 с., 19 рис. Тираж 500 экз.)

В 1980 г. вышла из печати монография М. Э. Аун, посвященная курганным могильникам Восточной Эстонии. Памятники, анализировавшиеся в работе, ранее были известны в литературе суммарно, хотя и неоднократно становились объектом дискуссии [ср.: 1, с. 17—62; 2; 3, с. 319—331; 4, с. 41; 5, с. 300—305; 6, с. 61—85 и др.].

Основное внимание в работе М. Э. Аун уделено введению в научный оборот имеющихся материалов. Монография разделена на 5 глав, снабжена тремя приложениями. В главе 1 приведена история изучения курганных могильников Восточной Эстонии. Глава 2 посвящена общей характеристике памятников. В главе 3 дан анализ устройства курганных насыпей и деталей погребального обряда. Вещевому инвентарю и вопросам хронологии посвящена глава 4. В главе 5, сравнительно небольшой по объему (с. 98—102), предпринята попытка определить этническую принадлежность населения, оставившего восточноэстонские курганные могильники. Завершают работу приложения с перечнем могильников, сводных данных о них, списками использованной литературы, архивных источников и сокращений.

История изучения курганных могильников Восточной Эстонии рассмотрена достаточно подробно (с. 3—16). Хотелось бы отметить лишь следующее: вряд ли было целесообразно опускать историографию начального периода изучения памятников (XVIII — начало XIX в.). Хотя М. Э. Аун и отсылает читателя к историографическому разделу в статье М. Х. Шмидехельм [1, с. 17—21], в сводной работе был бы не лишним экскурс в историографию конца XVIII в., содержащий оценку информативности дошедших до нас сведений. Так, в статье М. Х. Шмидехельм был опубликован [1, рис. 1] рисунок сосуда из кургана в Арнико (грабительские раскопки 1799 г.), сохранившийся в архиве известного собирателя древностей Э. Ф. Кёрбера (1770—1850 гг.). Судя по рисунку, это сосуд редкой формы, не характерной для курганных древностей Восточной Эстонии. В достоверности сведений можно было бы усомниться, но в фондах Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа хранится сосуд из раскопок кургана у дер. Жеребятино на Псковщине, совпадающий в деталях с сосудом из Арнико. По-видимому, к источнику, сохранившему сведения о раскопках 1799 г., можно относиться с доверием. Кроме того, целесообразно было бы оговорить, что некоторые из могильников, анализировавшиеся в работе, имеют в литературе и другие наименования (могильник Обинитсе, исследовавшийся в 1913 г. В. Н. Крейтоном [7], шире известен под первоначальным названием — Овинчище).

В главе 2 М. Э. Аун приводит сведения о географическом распространении курганных могильников в пределах Восточной Эстонии, их ландшафтной приуроченности, микротопографии могильников. Исследовательница справедливо полагает, что устройство курганов цепочками вызвано не только расположением могильников вдоль рек и древних дорог [ср.: 4, с. 14], но также особенностями ландшафта (направление моренных гряд, всхолмлений и проч.). В этой же главе дана характеристика различных по форме насыпей: длинных, круглых, комбинированных. Местоположение насыпей различной формы в пределах могильника, по мнению

М. Э. Аун, обуславливается хронологическими различиями между частями курганной группы. Это наблюдение подтверждает уже высказывавшееся положение об особенностях разрастания могильников, отмеченных на материалах соседней Псковщины и Смоленского Поднепровья [4, 8]. Недостатком главы является отсутствие сводной карты памятников. Две разномасштабные карты Северо-Восточной и Юго-Восточной Эстонии не восполняют пробел. Карта на рис. 19 в работе не может заменить общую карту памятников: нанесенные на ней значками разного размера (в зависимости от количества насыпей в могильнике) курганные группы не пронумерованы.

Наибольший интерес в рецензируемой работе представляет глава 3, посвященная устройству курганов и погребальному обряду. По наблюдениям М. Э. Аун, развитие погребального обряда в курганах Восточной Эстонии проходит несколько последовательных этапов. Древнейший из них представлен грунтовыми погребениями в ямках на так называемых «погребальных площадках» — участках дневной поверхности, выделенных четырехугольными или округлыми в плане неглубокими ровиками, иногда с небольшими подсыпками. Захоронения на «погребальных площадках» длительное время оставались не перекрыты курганными насыпями, так что над ними успевала образоваться серая золистая прослойка. Подобная прослойка традиционно интерпретировалась в литературе как следы выжигания поверхности очистительным огнем. Важно, что при новейших раскопках курганов автором монографии проводились исследования «зольных прослоек» с привлечением специалиста-почвоведа. Эти исследования привели к аргументированному выводу о природном, естественном характере прослоек, представлявших собой погребенный дерн [9, с. 249—265].

После сооружения над «погребальной площадкой» (или над несколькими «погребальными площадками» одновременно) курганной насыпи в нее дополнительно совершались впускные погребения либо погребения по обряду сожжения на стороне рассыпались на поверхности кургана.

К наиболее ранним курганам относятся те, которые появились в результате слияния нескольких «погребальных площадок», объединенных насыпью, сооруженной над всеми «площадками» одновременно. Более поздние насыпи возводились путем подсыпок к более ранним насыпям. Наиболее поздними являются курганы, не содержащие в основании погребений, совершенных до насыпки кургана.

Предложенная М. Э. Аун «модель», основанная прежде всего на новых, проведенных самым тщательным образом раскопках (см. также [10, с. 58—63; 11, с. 83—89; 12, с. 338—343]), представляется вполне аргументированной попыткой реконструкции процесса развития погребального обряда культуры длинных курганов в Восточной Эстонии на основе более древних грунтовых могильников. Сходная картина наблюдалась при раскопках 1977 г. в могильнике у дер. Лезги под Изборском [13, 14] и в могильнике на оз. Съезжее в Новгородской обл. [15, с. 64—69]. По-видимому, наблюдения М. Э. Аун фиксируют не специфические для погребальной обрядности курганов Восточной Эстонии детали, а, напротив, элементы обряда, характерные для всего обширного ареала древностей «культуры длинных курганов» Псковщины и Новгородчины, включая Белорусское Подвинье. Восточноэстонские курганы, видимо, составляли часть этого культурного ареала. Мысль о сложении культуры длинных курганов на основе более древних грунтовых могильников, высказывавшаяся в литературе [4, с. 41], находит в исследованиях М. Э. Аун, таким образом, убедительное подтверждение.

Не исключено, кстати, что длинные курганы, содержавшие впускные захоронения, являлись вариантом «погребальных площадок», сооруженных до совершения первых захоронений и предназначавшихся специально для впускных погребений по обряду кремации на стороне. Тогда так называемые «пустые курганы», широко распространенные в могильниках культуры длинных курганов, могли быть неиспользованными «погребальными площадками». Этот вопрос, очевидно, следует оставить открытым до новой целенаправленной проверки полевыми исследованиями.

К сожалению, слишком кратко рассмотрен вопрос о применении камня при сооружении погребальных насыпей. М. Э. Аун ссылается на мнение В. В. Седова, отмечавшего нехарактерность каменных подкурганных конструкций для погребальных памятников культуры длинных курганов, и полагает, что «камни в курганных насыпях попадаются главным образом в тех могильниках, вблизи которых встречаются природные камни» (с. 36). Между тем вопрос о подкурганных каменных

конструкциях в курганах Юго-Восточной Эстонии и смежных районов Псковщины имеет прямое отношение к проблеме происхождения рассматриваемого круга древностей. С. К. Лаул именно эту деталь конструкции надмогильных сооружений рассматривала как свидетельство генетической преемственности длинных курганов с более древними погребальными памятниками Восточной Эстонии, а именно с могильниками с каменными оградками [3, 16, с. 95—102]. К этой точке зрения присоединяется и Э. Ю. Тыниссон [5, с. 304]. Мне представляется, что предположение С. К. Лаул мало вероятно, об этом убедительно свидетельствует несовпадение ареалов каменных могильников с оградками и курганов, отмеченное М. Э. Аун (с. 100). Элементы каменных конструкций курганов Юго-Восточной Эстонии и смежных районов Псковщины свидетельствуют о контактах в пограничной зоне между носителями культуры длинных курганов и культуры каменных могильников. Этими же контактами объясняется проникновение в курганную культуру керамических форм, характерных для каменных могильников, на что указывала С. К. Лаул [16, с. 98]. Но в любом случае вопрос о каменных подкурганных конструкциях следовало бы рассмотреть подробнее.

В главе 4 анализируется погребальный инвентарь, полученный при раскопках курганов [1]. Находки в курганах немногочисленны, что вообще характерно для этого круга памятников. Наиболее массовую категорию составляет керамика. М. Э. Аун справедливо разделяет ее на две группы: грубая, с примесью в тесте крупной дресвы, и «заглаженная», с примесью в тесте мелкого песка и мелкой дресвы и сглаженной поверхностью стенок. Типологическая классификация не проводилась, автор ограничилась описаниями конкретных сосудов и аналогиями для них. Иллюстрируют раздел, посвященный керамике, профили 10 сосудов, сведенные в таблицу (рис. 16), но представленные в разном масштабе, что затрудняет сравнение их между собой. К сожалению, таблица не отражает всего многообразия форм, приведенных в тексте, а некоторые типы сосудов (например, «заглаженные» сосуды с валикообразным выступом на плечике, образованным пальцевым защипом при формовке — с. 75, 76) вообще не воспроизведены.

В работе говорится также о находках фрагментов и развалов круговых сосудов XII—XIII вв. (с. 69), которые М. Э. Аун связывает с ритуальными действиями (тризны, поминания). Находки гончарной керамики, и тем более такого позднего времени, в погребальных памятниках культуры длинных курганов явление уникальное. Иллюстрации найденных сосудов и более подробное описание условий их находки в курганах было бы чрезвычайно важным. Недостаточно подробны аналогии найденной керамике, и не все аналогии бесспорны. Так, из трех воспроизведенных сосудов, обнаруженных в могильнике в Косесском лесу, только один (рис. 16, *4*) находит себе отдаленное соответствие в керамике памятников верхнетушемлинского типа, два же других, судя по профилям (рис. 16, *1*, *3*), не имеют с верхнетушемлинской керамикой ничего общего. Сосуды из Лоози (рис. 16, *6*, *10*) имеют мало общего с керамикой ладожского типа. В то же время сосуды из Лаоссина II (рис. 16, *5*), Кынну (рис. 16, *7*), Обинитсе (рис. 16, *8*), судя по изображениям, весьма близки сосудам тюльпановидной формы памятников типа Тушемля. Что касается аналогий в керамике из городищ и селищ Юго-Восточной Эстонии, приводимых М. Э. Аун, то воспроизведенные в работе сосуды из курганов (кроме сосуда из Косесского леса, рис. 16, *1*) не имеют с поселенческой керамикой по форме ничего общего (ср. [19, рис. 2, 4]).

Найденные в погребениях вещи немногочисленны. М. Э. Аун справедливо отмечает, что большинство находок датируется широко в пределах второй половины I — начала II тысячелетий н. э. и не может служить для установления узкой даты. Для определения более ранней даты, по мнению автора, пригодны блоковидные огнива, бронзовые кольца от рукояти ножа, фрагмент бронзового пинцета, оплавленные бронзовые бусы, железная В-образная пряжка и бляшки-скорлупки. Все они отнесены к третьей четверти I тысячелетия н. э. К последней четверти I тысячелетия н. э. М. Э. Аун, по аналогии с находками на поселениях, отнесла литейные формочки из Линдора. Но в целом основой для датировок служили не вещевые находки, а прежде всего детали погребального обряда, топографические

[1] М. Э. Аун учла в монографии материалы раскопок до 1977 г. (с. 34, примеч. 1), поэтому за пределами исследования остались погребения с весьма интересным инвентарем, обнаруженные при раскопках последующих лет [17, с. 369—372; 18, с. 368—372].

особенности могильника и местоположение в пределах могильника конкретных насыпей.

Отметим находки двух ножей, о которых в монографии М. Э. Аун сказано мельком. Согласно классификации Р. С. Минасяна, нож из кургана 6 в могильнике Рысна—Сааре 1 (рис. 18, *15*) относится к группе II. Ножи этого типа, по его наблюдениям, характерны для древностей киевского типа III—V вв. в Подесенье и Среднем Поднепровье и для славянских памятников VI—VII вв. в лесостепной зоне Восточной Европы. В лесной зоне они распространяются с VIII в., а к XII в. становятся общедревнерусскими [20, с. 73]. Нож из кургана 1 того же могильника (рис. 18, *16*), черенок которого на 1 см длиннее клинка, относится к группе IV (по Р. С. Минасяну). Такие ножи характерны для древностей германоязычного населения Северной Европы; на северных границах Восточной Европы они появляются с середины VIII в. и вплоть «до XII в. оказывают сильное влияние на северорусское городское ремесленное производство» [20, с. 74]. Оба ножа интересны прежде всего потому, что подобные находки для культуры длинных курганов псковско-новгородской группы пока не отмечались; в последних находят обычно ножи группы I (по Р. С. Минасяну), происхождение которых связывается с развитием традиций раннего железного века лесной зоны Восточной Европы [20, с. 73].

Глава 5, как уже говорилось, невелика по объему. М. Э. Аун, рассматривая вопрос о происхождении курганной культуры на территории Восточной Эстонии, полагает, что «появление курганных могильников в восточной части Юго-Восточной Эстонии явилось не результатом проникновения сюда пришлого населения, а обусловлено переходом коренного населения к новому обряду захоронения на основе дальнейшего развития социально-экономических отношений» (с. 90). В качестве вероятного предшественника грунтовых могильников, ставших основой для курганной культуры, М. Э. Аун предлагает группу «самых восточных каменных могильников», которые, как и курганы, «очень бедны инвентарем» (с. 100). Думается, что для такого ответственного заключения данных пока недостаточно. Курганы Восточной Эстонии ничем не отличаются от курганных древностей того же времени на огромных территориях Псковско-Новгородских земель, и выведение всего этого пласта древностей из малочисленной и сугубо локальной группы древностей пограничья культурного ареала каменных могильников с оградками (как ранее утверждала С. К. Лаул [16]) совершенно невероятно. Именно этот упрек В. В. Седова, обращенный к С. К. Лаул [4, с. 40], можно в полной мере адресовать и выводам М. Э. Аун.

Но не заключительная глава определяет ценность монографии. Появление исследования, посвященного курганам Восточной Эстонии второй половины I тысячелетия н. э., в котором на современном научном уровне суммированы все имеющиеся сведения об этой группе древностей, безусловно явилось заметным событием в отечественной славяно-русской археологии. Фактически именно книгой М. Э. Аун впервые по-настоящему введены в научный оборот древности, имеющие первостепенное значение для понимания исторических судеб не только населения Восточного Причудья, но шире — для реконструкции исторических процессов, протекавших во второй половине I тысячелетия н. э. в лесной зоне Восточной Европы. Филигранные раскопки памятников позволили проследить развитие погребальной обрядности с такой детализацией, которая для других регионов культуры длинных курганов пока остается невозможной. Именно поэтому чрезвычайно важно, что книга М. Э. Аун опубликована на русском языке и доступна широкому кругу исследователей, не владеющих эстонским языком. Жаль только, что тираж монографии всего 500(!) экземпляров и книга почти сразу же после выхода из печати стала библиографической редкостью.

Белецкий С. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schmiedehelm M.* Kääbaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis.— В кн.: Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин, 1965.
2. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, 1970, № 163.
3. *Лаул С. К.* Об этнической принадлежности курганов юго-восточной Эстонии.— Изв. АН ЭССР, обществ. науки, 1971, т. 20, № 3.
4. *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е1-8. М., 1974.
5. *Тыниссон Э.* Монография о длинных курганах. [Рец.] — Изв. АН ЭССР, обществ. науки, 1976, т. 25, № 3.

6. *Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В.* Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
7. *Крейтон В. Н.* Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1913 г.— Тр. ПАО, т. 10, 1914.
8. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской обл.— МИСО, 1963, т. V.
9. *Рыук А.-М.* Некоторые вопросы сооружения и морфологии курганов юго-восточной Эстонии.— Изв. АН ЭССР, обществ. науки, 1979, т. 28, № 3.
10. *Аун М.* Исследование курганов в Пыльваском районе.— Изв. АН ЭССР, обществ. науки, 1976, т. 25, № 1.
11. *Аун М.* Курганный могильник у дер. Рысна-Сааре.— Изв. АН ЭССР, обществ. науки, 1978. т. 27, № 1.
12. *Аун М.* Об исследовании длинных курганов у дер. Рысна-Сааре.— Изв. АН ЭССР, обществ. науки, 1978, т. 27, № 4.
13. *Александров А. А., Белецкий С. В.* Исследование памятников у дер. Лезги.— АО — 1977. М., 1978.
14. *Гроздилов Г. П.* Археологические памятники Старого Изборска.— АСб. ГЭ, 1965, № 7.
15. *Носов Е. Н.* Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее.— КСИА. 1981, вып. 166.
16. *Laul S.* Zur Frage über die Hügelgräber in Südostestland.— SMYA — FFT, 75, Helsinki, 1973.
17. *Аун М.* Об исследовании курганов у дер. Рысна-Сааре.— Изв. АН ЭССР, обществ. науки, 1979. т. 28, № 4.
18. *Аун М.* Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре II.— Изв. АН ЭССР, обществ. науки, 1980, т. 29, № 4.
19. *Аун М.* Лепная керамика городищ и селищ юго-восточной Эстонии во второй половине I тыс. н. э.— Изв. АН ЭССР, обществ. науки, 1976, т. 25, № 4.
20. *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне).— АСб. ГЭ, 1980, № 21.

Хроника

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ «ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА (XIII—XVIII вв.)»

Совещание проходило с 13 по 15 мая 1981 г. в г. Алма-Ате. Организаторами конференции были отдел археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР и Научный Совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана Института археологии АН СССР (председатель — В. М. Массон). Большую работу по подготовке и проведению совещания провел оргкомитет под председательством вице-президента АН Казахской ССР акад. Б. А. Тулепбаева. В работе совещания приняло участие 170 человек — из Москвы, Ленинграда, Калинина, столиц среднеазиатских республик, Баку, Еревана, Риги, Нукуса, Самарканда, областных городов Казахстана.

Совещание открыл Б. А. Тулепбаев. Он отметил успехи в изучении древнейшего прошлого Казахстана и Средней Азии, подчеркнул важную роль в изучении археологическими методами периода XIII—XVIII вв. — значительного этапа в развитии казахстанско-среднеазиатского региона.

Всего на совещании было заслушано и обсуждено 33 доклада и сообщения по общим и частным вопросам позднесредневековой археологии: структура городского жилища, типология и характеристика керамики, архитектура и нумизматика, культурные и экономические связи городов.

В докладе К. А. Акишева были намечены перспективы изучения позднесредневекового города Казахстана. Докладчик назвал большую группу памятников — Сыгнак, Сауран, Сайрам, Узгент, Туркестан, исследования которых бесспорно дадут ответы на вопросы внутренней организации жизни позднесредневекового города.

Г. А. Федоров-Давыдов рассмотрел исторические особенности городов в монгольских государствах (XIII—XIV вв.). Характерной особенностью этих городов является дуализм города и кочевой ставки, отражающей двойственность хозяйственной структуры монгольских государств — кочевнической, с одной стороны, и оседло-городской — с другой.

К. М. Байпаков подвел итоги многолетних раскопок позднесредневековых слоев городища Отрар-тобе. Благодаря масштабным исследованиям выяснена топографическая структура города (квартальная застройка, жилище, характер пригорода, где выявлены места концентрации ремесел), намечена социальная стратификация городского населения и его специализация, предложены демографические расчеты по населению Отрара в XVI—XVIII вв. В докладе К. А. Пищулиной был очерчен круг проблем истории присырдарьинских городов Казахстана XIV—XVII вв. по данным письменных источников. Много внимания автор уделил слабо изученным аспектам социальной структуры городов.

Н. Н. Негматов осветил проблемы позднесредневековой археологии Таджикистана, а Ю. А. Заднепровский посвятил доклад состоянию и перспективам археологического изучения позднесредневековых памятников Ферганы и Южной Киргизии. Оба докладчика подчеркнули важность этих древностей для понимания общих закономерностей развития общества. По мнению Н. Н. Негматова, новые археологические материалы свидетельствуют о росте городов; освоение новых территорий в XVIII—XIX вв. позволяет сузить хронологические рамки социально-экономического застоя XVI—XVII вв. и следующий период считать временем нового подъема.

Группа докладчиков посвятили свои выступления результатам исследования отдельных памятников позднего средневековья. Буряков Ю. Ф. ознакомил участников совещания с материалами исследований одного из крупнейших городов сырдарьинского региона XIV—XVII вв.— Шахрухией. Город XV—XVII вв., как показывают археологические данные, развивался не только как военная крепость или административный центр, но в первую очередь как крупный производственный и экономический центр Ташкентского владения. Об исторической топографии Шахрисябза доложила З. Усманова. Опираясь на новые археологические материалы, она отмечает, что расцвет города приходится на XIV—XV вв., когда складывается его внутренняя планировка, сохранившаяся до XIX в. С новыми данными по истории Чаганиана XIII—XVI вв. познакомил участников совещания М. Х. Исхаков. Е. А. Атагарриев подвел некоторые итоги многолетних исследований городища Мисриан в Туркмении.

Интересные материалы по стратиграфии и исторической топографии Ходжента содержались в докладе Н. Н. Негматова и Т. В. Беляевой. Г. М. Ахметов посвятил сообщение среднеазиатским параллелям в материальной культуре средне-

вековых городов Азербайджана, что указывает на существование тесных связей населения этих регионов в средние века. В докладе Р. М. Джанполадян сообщалось о сочетании различных традиций в материальной культуре средневековой Армении (IX—XIV вв.). М. Ш. Кдырниязов рассмотрел культурные связи средневековых городов Хорезма в XV—XVII вв.

В нескольких докладах центром исследования явилось городское и сельское жилище, городские общественные постройки, караван-сараи периода позднего средневековья. Е. Е. Неразик проследила формирование одного из типов сельского народного жилища Хорезма. Л. Б. Ерзакович охарактеризовал типы жилищ позднесредневекового Отрара, наметил параллели с жилищем оседлых и полуоседлых казахов. В докладе В. Л. Егорова сообщалось о раскопках богатых усадеб на Селитренном городище. Ю. П. Манылов доложил о караван-сараях Устюрта XIV в. Он показал, что Хорезм был центром транзитной торговли с Поволжьем, Северным Кавказом и Средней Азией до середины XIV в.

Архитектура городов и отдельные памятники монументального зодчества рассматривались в ряде докладов. Н. Б. Немцева остановилась на вопросах периодизации, датировки и функциях памятника Ходжа-Машат в Саете. Дж. А. Гияси обратил внимание на связи архитектуры Азербайджана и Средней Азии в конце XIII — начале XV в. В докладе Р. Б. Геюшева и В. А. Мамедова шла речь о влиянии этноса на планировку средневековых городов Азербайджана. А. Мирбабаев показал роль мадрасы как архитектурного элемента города и осветил роль мадрасы как социально-культурного фактора в городской жизни позднего средневековья.

Группа докладов была посвящена нумизматике. Р. З. Бурнашева доложила об обращении медных монет в Туркестане в XV—XVIII вв. В докладе И. Г. Добровольского и Б. Д. Кочнева говорилось об обращении медных посеребренных дирхемов в XI—XIII вв. Б. Сайпанов доложил о результатах исследований монет хорезмшаха Иль-Арслана из собрания Государственного Эрмитажа. С большим интересом был заслушан доклад В. Н. Настича об организации производства и обращении монет X—XVII вв. в Южном Казахстане. О новых данных для характеристики денежного обращения Средней Азии в XVII в. рассказал Б. Д. Кочнев.

Дж. Мирзаахметов и А. Г. Мухамеджанов посвятили свое выступление типологии и характеристике керамики Бухары второй половины XVII — середины XVIII в. Они отметили, что в целом керамика этого периода уступает по качеству керамике XV—XVI вв. и свидетельствует об экономическом кризисе. Т. М. Тепловодская доложила о результатах изучения технологии позднесредневековой керамики Отрара. Доклад Е. Смагулова был посвящен разработке системы понятий фиксации керамики при раскопках широкими площадями. И. Л. Кызласов говорил о художественной обработке металла в Южной Сибири, а З. Ю. Апала — о материальной культуре средневековых каменных замков Латвии.

В прениях по докладам выступили А. Н. Нусупбеков, В. М. Массон, Н. Н. Негматов, Ю. А. Заднепровский, Б. Х. Кармышева, К. А. Акишев, Б. И. Маршак, К. М. Байпаков, В. Л. Егоров. Выступавшие отмечали некоторые спорные вопросы позднесредневековой археологии, говорили о размахе исследований, необходимости более углубленного исследования керамики, денежного обращения в позднесредневековом городе, указывали на важность решения социальных проблем.

В заключительном выступлении В. М. Массона были подведены итоги работы совещания. Он отметил, что совещание констатировало выделение позднесредневековой археологии как самостоятельной отрасли, отодвинув вплоть до XIX в. границу исследований. Он обратил внимание на необходимость более глубоких исследований города и степи, решения проблем этногенеза. Необходимо, отметил он, создание обобщающего труда по позднесредневековой керамике. В целом были отмечены плодотворность совещания, высокий научный уровень и актуальность докладов и научных сообщений.

В резолюции, принятой на совещании, было отмечено, что произошел значительный рост в изучении крупных многослойных памятников Казахстана и Средней Азии XIII—XVIII вв. Важные результаты получены Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедицией АН Казахской ССР на Отраре. Интересные результаты получены в Ходженте, Шахрисябзе, Бухаре, в городах Поволжья. Указано на необходимость изучения кочевой культуры позднего средневековья, синхронных с городами некрополей. Рекомендовалось более интенсивное исследование по ремеслам, по изучению денежного обращения. Было обращено внимание на разработку комплексных межреспубликанских проблем, связанных с позднесредневековой археологией Средней Азии и Казахстана.

Т. В. Савельева

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА С ОКРУЖАЮЩИМ МИРОМ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»

В связи с 20-летием совместной экспедиции Института востоковедения АН СССР, Института археологии АН УзССР, Государственного музея искусства народов Востока, Государственного Эрмитажа, Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации и Государственного музея истории религии и атеизма, проводившей раскопки буддийского культового центра начала нашей эры Кара-Тепе на городище Старого Термеза (УзССР), в Государственном музее искусства народов Востока была открыта выставка «Древности Кара-Тепе», и с 7 по 12 декабря 1981 г. состоялась Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». На выставке были представлены уникальные экспонаты, найденные за 20 лет раскопок на Кара-Тепе. Выставка и конференция были организованы Государственным музеем искусства народов Востока и Всесоюзным научно-исследовательским институтом реставрации Министерства культуры СССР.

Пленарные заседания конференции открыл Б. Я. Ставиский (Москва) докладом «Основные итоги работ 1961—1981 г. на Кара-Тепе». В результате раскопок выяснилось, что буддийский культовый центр Термеза кушанского времени включал десятки отдельных комплексов. Айваны дворцов нередко украшала монументальная орнаментальная и сюжетная живопись с изображением Будды, божеств, донаторов и сцен из буддийских преданий. В ряде случаев во дворах находились буддийские мемориальные сооружения — ступы. В святилищах, пещерных храмах найдены также фрагменты каменной, гипсовой и глиняной скульптуры, несущей следы раскраски и позолоты. Раскопки обогатили науку большим числом эпиграфических находок: бактрийские надписи кушанским письмом, индийские надписи, надписи неопределенным письмом, а также бактрийско-индийские билингвы. В докладе С. Г. Кляшторного (Ленинград) «Пантеон северокавказских гуннов и его связи с мифологией древних тюрков центральной Азии» аргументируется тождество гунно-болгарского и древнетюркского пантеонов. Древнетюркский пантеон сложился в окончательном виде значительно ранее середины I тысячелетия н. э., скорее всего в эпоху существования и расцвета империи сюнну (хунну) в Центральной Азии (III в. до н. э.—II в. н. э.). Доклад М. Н. Погребовой (Москва) «О некоторых общих элементах в культуре Закавказья и Ближнего Востока во II—I тысячелетии до н. э.» был посвящен изучению колокольчиков и ряда предметов, функционально с ними связанных. По ее мнению, сходство материальной культуры этих регионов, в частности наверший с бубенчиками ирано-закавказского типа и ранних типов скифских наверший, в известной степени порождено передвижениями народов, проходившими в связи с переднеазиатскими походами скифов.

Конференция продолжала работу тремя секциями.

На первой секции — энеолит — IV в. до н. э.— было заслушано 8 докладов. Е. В. Антонова и Д. С. Раевский (Москва) в докладе «О трактовке изображений на серебряных сосудах из Майкопского кургана» доказывают неприемлемость трактовки одного из изображений как пейзажа или примитивной карты. В обеих композициях на сосудах видны характерные черты архаических космограмм, выраженных средствами различных «кодов»: «зоологического» (ряды животных), «географического» (горы, реки, моря), «геометрического» (орнаментальная розетка) и «пространственного». Мотивы, представленные на сосудах, позволяют предполагать наличие индоиранской, хеттской, индоевропейской, протохеттской и месопотамской традиций. От выводов об этнокультурной принадлежности памятников авторы воздерживаются.

В докладе А. В. Дмитриева (Новороссийск) «Дольмены Западного Кавказа в свете изучения западноевропейских мегалитических камерных гробниц» дольмены Западного Кавказа рассматриваются как явление одного культурного порядка с западноевропейскими камерными гробницами. Как типологически наиболее близкие западнокавказским дольменам могут рассматриваться трапециевидные конструкции Иберийско-Каталонского района и Северной Европы.

В. А. Кореняко (Москва) в докладе «Раннескифский курган у села Новозаведенное на Ставрополье» предпринял попытку уточнить время попадания ассирийских вещей в раннескифские погребальные комплексы. Автор датирует их первой половиной VI в. до н. э., т. е. временем после возвращения скифов из Передней Азии. Против этой точки зрения выступили А. М. Лесков, В. Г. Петренко и Д. С. Раевский. Они считают, что время изготовления ассирийских вещей (VII в. до н. э.) и время попадания их в раннескифские захоронения совпадают.

В докладе М. М. Маммаева (Махачкала) «О культурных контактах древнего населения Дагестана со скифо-савроматским миром в середине I тысячелетия до н. э.» говорилось, что художественная культура племен, обитавших на территории Дагестана с середины I тысячелетия до н. э., впитала в себя элементы скифо-сибирского «звериного» стиля. Это свидетельствует о длительных и устойчивых связях со скифо-савроматским миром. Некоторые вопросы культуры народов Закавказья освещены в докладе В. Б. Блэк (Ленинград) «Стилистическая общность пластики Южного Кавказа и хетто-хурритского круга эпохи бронзы и раннего железа (к проблеме реализма)». О связях племен Армянского нагорья с культурой Древнего Востока в эпоху бронзы говорилось в докладе С. А. Есаяна и А. С. Пи-

лопосяна (Ереван) «О некоторых формах переднеазиатских топоров в Армении». Свидетельством этих связей, по мнению докладчиков, являются переднеазиатские топоры, которые с ранних пор проникали в Закавказье и продолжали бытовать здесь и после появления местных форм.

А. Г. Арутюнян (Ереван) в докладе «Бронзы лчашенского типа и их аналогии в металлопластике Передней Азии» отметил, что бронзы лчашенского типа сходны с урско-эламскими седелковыми кольцами не только по манере украшения, но и по содержанию скульптуры. Сопоставление вещей еще раз подтверждает, что культурные связи населения Армянского нагорья в III—I тысячелетии до н. э. были весьма широки. В то же время анализ стилистических особенностей позволяет считать, что, несмотря на близость бронз лчашенского типа с изделиями Передней Азии, металлопластика Лчашена развивалась самостоятельно, на основе форм и сюжетов предшествующего периода. В совместном докладе Р. Г. Кузеева, А. Х. Пшеничнюка, В. А. Иванова (Уфа) «Этнокультурные связи народов Южного Урала с Центральной и Средней Азией в древности и средневековье по материалам декоративно-прикладного искусства» рассматривается погребальный инвентарь ранних кочевников южноуральских степей. По мнению авторов, анализ его показывает, что в этнокультурном плане культура кочевников составляла периферию сако-массагетского мира Восточного Казахстана и Средней Азии.

На заседании второй секции — IV в. до н. э.— IV в. н. э.— было заслушано 24 доклада. А. Г. Лундин (Ленинград) в докладе «К датировке «Перипла Эритрейского моря»» определял время возникновения Перипла не I в., а III в. н. э. хотя, возможно, он включил в себя более ранние источники. Северо-Кавказскому региону посвящены доклады Н. В. Амфимова (Краснодар) «Экспансия Боспора в Западном Прикубанье (к вопросу о меото-боспорских отношениях)», А. З. Апгекарева (Краснодар) «Античный керамический импорт IV—III вв. из Среднего Прикубанья», И. Б. Брашинского (Ленинград) «Об одном феномене предкавказского импорта IV в. до н. э.» (о находке на Елизаветинском поселении амфоры финикийско-пунийского типа), И. Н. Амфимова (Краснодар) «К вопросу об античном импорте в Степном Прикубанье во II в. до н. э. (по материалам погребального комплекса хутора Элитного)» и Ю. М. Десятчикова (Москва) «Митридат Боспорский и Зорсин Сиракский».

О новых открытиях на городище Дзалиса I—III вв. говорилось в докладе А. В. Бахочадзе и Н. Г. Мирикашвили (Тбилиси) «Античное городище Дзалиса». На городище открыты две бани с мозаиками и храм Диониса, также с мозаиками. М. М. Расулова (Баку) выступила с докладом «Данные нумизматики о связях кавказской Албании с Парфией (II—I вв. до н. э.)». Истории албанцев посвящено и выступление Г. Г. Грекиной (Баку) — «Египетские амулеты как отражение некоторых религиозных воззрений албанцев в древности и средневековье».

Наиболее многочисленные доклады на второй секции были посвящены культуре народов Средней Азии. Материалы раскопок на Кара-Тепе анализировались в докладах О. А. Тумановой (Ленинград) «Изучение архитектуры Кара-Тепе». М. А. Витренко (Москва) «Художественные особенности сюжетной живописи Кара-Тепе», Ю. Н. Полева (Москва) «О мифологии Великого Змея в храмовом искусстве буддизма в связи с раскопками на Кара-Тепе (к постановке вопроса)», Г. И. Еремина (Москва) «Место и роль Кара-Тепе в культурно-исторической картине евразийских связей в I—IV вв. н. э. (к вопросу об иконографии кара-тепинского Будды)» и В. В. Вертоградовой (Москва) «Итоги изучения индийских надписей и надписей неизвестным письмом из Кара-Тепе».

В докладе «Самобытные и чужеземные черты в терракотах Кушанской Бактрии» В. А. Мешкерис (Самарканд) говорила о местных и греческих греко-иранских, греко-буддийских чертах в терракотах. Об исследовании сплавов металла с городища III в. до н. э.— III в. н. э. Тахти-Сангин говорила М. С. Шемаханская (Москва) в докладе «Металл Тахти-Сангина». По наличию технологических отходов и соответствию состава отходов и найденных предметов можно предполагать местное происхождение ряда изделий. Удалось также выявить группу привозных сплавов. Т. И. Зеймаль (Ленинград) сообщил о буддийском монастыре кушанской эпохи на Шатур-Мулло в докладе «Новый буддийский памятник на юге Таджикистана».

В докладе Б. А. Тургунова (Ташкент) «Новые данные к истории Айртама» говорилось об открытии строительной надписи бактрийским письмом на городище Айртам кушанской эпохи. Культуре Бактрии был посвящен также доклад Н. Т. Кругликовой (Москва) и В. А. Лившица (Ленинград) «Буллы из Джига-Тепе (Северный Афганистан)». Авторы считают, что буллы из Джига-Тепе являются наиболее ранними из известных в настоящее время свидетельств практики опечатывания товаров на территориях, подвластных Сасанидам.

А. В. Седов (Москва) в докладе «Археологические комплексы Кабадиана середины IV—V вв. н. э.» рассказал о комплексе кушано-сасанидского времени в древнем оазисе на юге Таджикистана включающем поселения (Ак-Тепе II, Дарахша-Тепе, Клыч-Дувал, Шадмон-Кала), могильники (погребения с трупосожжением, «погребальные ямы» на поселении Ак-Тепе II), остатки ирригационной системы (каналы южной части Бишкентской долины). Дата комплексов увязывается с завоеваниями Сасанидов на Востоке. Об открытии культового или жилого комплекса VIII—VI вв. до н. э. говорилось в докладе В. Н. Пилипко (Ашхабад) «Памятники раннежелезного века Тарры-Кярыз I». Ю. А. Рапопорт (Москва) в докладе

«Музыкальные инструменты в настенных росписях Топрак-Калы» рассказал об открытии смычкового музыкального инструмента в материалах Топрак-Калы.

Исследованию кочевников Средней Азии посвящены выступления Б. И. Вайнберг (Москва) и Х. Юсупова (Ашхабад) «Культовый комплекс древних скотоводов на Узбое», а также О. В. Обельченко (Москва) «Кочевники долины Зеравшана и Сибирь». В докладе М. В. Горелика (Москва) «Сакский панцирь и его роль в развитии защитного вооружения Евразии» отмечалось, что сакский панцирь сформировался на основе персидского Ахеменидской эпохи в конце V—начале IV в. до н. э.

На заседаниях третьей секции — IV в.— средневековье — было заслушано 24 доклада. Ф. И. Тер-Мартиросов (Ереван) в докладе «Фляги как транспортно-торговая тара древних обществ» отмечал, что систематизация фляг различных регионов может во многом обогатить наши представления о путях древней торговли, о контактах древних обществ, о мерах измерений и их изменениях во времени. А. К. Амброз (Москва) в докладе «Контакты Востока и Запада на примере некоторых форм кинжалов V—VIII вв. н. э.» отметил тождество кинжалов из Борового в Казахстане, из Керим-ло в Корее (вторая половина VI—VII вв.) и из погребений лангобардов в Италии. Он высказал предположение, что родину таких кинжалов надо искать в Согде и Восточном Туркестане.

Проблемы средневековой археологии Северного Кавказа затронуты в докладах И. В. Лавриненко (Краснодар) «Крымский керамический импорт на Средней Кубани в раннем средневековье», В. М. Косяненко (Ростов-на-Дону) «Два предмета среднеазиатского производства с Нижнего Дона», В. Н. Хаминского (Краснодар) «Импортные вещи из могильника VIII—IX вв. близ станицы Старокорсунской Краснодарского края» и М. Н. Ложкина (станица Отрадная Краснодарского края) «Христианские памятники домонгольского периода как источник изучения внешних связей народов Северо-Западного Кавказа». В докладе Л. А. Перфильевой (Москва) «Архитектурные памятники средневековой Алании: к вопросу о генезисе» утверждается, что происхождение архитектурных памятников Алании связано с христианскими памятниками Северо-Восточной Малой Азии. Археологии Северо-Кавказского региона посвящены также доклады В. И. Марковина (Москва) «Пурпурная ткань XI в. из Сентинского храма» и Э. В. Кильчевской (Москва) «Аналогии памятникам Древнего Крита в архитектуре Высокогорного Дагестана».

Характеристике архитектурных памятников Закавказья посвящены доклады С. А. Маилова (Москва) «Закономерности развития купольных барабанов в средневековом зодчестве Армении и Грузии» и С. С. Мнацаканяна (Ереван) «Четырехстолпные системы в мемориальном зодчестве Армении». Л. М. Носкова (Москва) выступила с докладом: «Среднеазиатские и иранские традиции в архитектурном декоре Золотой Орды». Она предполагает, что истоки архитектурного декора Золотой Орды следует искать в Средней Азии и Иране.

Археологии среднеазиатского региона были посвящены следующие доклады: В. С. Соловьев (Душанбе) «Культурные связи Северного Тахаристана (в свете новых находок)»; М. А. Бубнова (Душанбе) «Сельские поселения Западного Памира»; И. Б. Лунина (Ташкент) «Средневековые города и поселения долины Кашкадарьи и их связь с сопредельными территориями»; Г. Л. Семенов (Ленинград) «Согдийская замковая архитектура»; Л. Л. Гуревич (Ленинград) «К интерпретации и реконструкции пянджикентских «капелл»»; В. Г. Шкода (Ленинград) «Пянджикентские храмы и кушанское наследие». Б. И. Маршак (Ленинград) в докладе «Индийский компонент в культовой иконографии Согда» утверждал, что индийский компонент относится не к буддийской, а к индуистской иконографии. О христианстве у народов Средней Азии говорилось в докладах А. М. Высоцкого (Москва) «Христианский памятник Дуе-Чакын около Мерва: интерпретация, датировка, реконструкция» и Е. Н. Мещерской и А. В. Пайковой (Ленинград) «Сиро-тюркские наскальные надписи из Ургута». Культуре народов Средней Азии мусульманской эпохи посвящены доклады И. Ф. Бородиной (Москва) «Стенные росписи в Архитектуре Средней Азии XI—XII вв.», Т. Х. Стародуб (Москва) «Люстровая керамика рейского типа конца XII — начала XIII в. как свидетельство культурных связей Ирана с Азербайджаном и Средней Азией», Е. В. Кухтиной (Москва) «Наследие древнеиндийской культуры в сочинениях Бируни».

На заключительном пленарном заседании было заслушано четыре доклада. Б. А. Литвинский (Москва) в докладе «Проблематика истории и культуры буддизма в Средней Азии» отмечал, что буддизм был широко распространен в Средней Азии в кушанскую и раннесредневековую (домусульманскую) эпоху. Распространение буддизма в Средней Азии способствовало развитию контактов Средней Азии с окружающим миром. Докладчик подчеркнул значение исследований пещерного храма на Кара-Тепе.

В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) в докладе «Алания и Византия» выделил четыре этапа контактов между странами: этап зарождения (середина VI — середина VII в.), связанный с византийско-персидскими войнами, этап усиления контактов (конец VII—IX в.), связанный с византийско-хазарским союзом против арабов, этап кульминации (X — середина XII в.), связанные с византийско-аланским союзом против хазар печенегов, половцев, и этап затухания (конец XII — середина XIII в.) из-за ослабления Алании. С интересом был заслушан доклад И. Р. Пичикяна (Москва) «Шедевры искусства храма Окса как источник информации

о внешних культурных контактах Бактрии». Докладчик рассказал об археологических открытиях на городище Тахти-Сангин эллинистической эпохи — памятниках искусства Бактрии, сочетающих в себе местный, греческий, гандхарский и сакский компоненты. Об интересных открытиях в Адыгейской автономной области рассказывалось в совместном докладе А. М. Лескова, И. М. Балинского К. А. Днепровского, И. В. Ксенофонтовой, В. Л. Лапушняна и Л. М. Носковой (Москва) «Первый год работы Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока». Раскопки велись в Краснодарском крае под г. Теучежском у аула Шенджий, где вскрыты курганы сарматского времени, а также курганы белореченской культуры (XIV—XV вв.). Особое внимание в докладе уделено раскопкам около аула Улян Адыгейской автономной области, где на вершине кургана бронзового века были обнаружены остатки тризны начала IV в. до н. э. В ней найдены предметы скифского искусства. Это золотые бляшки в виде оленя, объемные двусторонние на деревянной основе скульптуры кабана из серебра с золотыми вставками и оленя с серебряным туловищем, золотыми головой и грудью и серебряными массивными рогами, а также импортные вещи (бронзовый таз и кувшины, серебряный сосуд).

Все выступавшие на заключительном заседании отметили, что проведенная конференция является важным шагом в изучении взаимосвязей народов Средней Азии. Было высказано пожелание созывать подобные конференции регулярно, организовывать их совместно с Институтом востоковедения АН СССР и посвящать каждую конференцию конкретной, более узкой территориально и хронологически теме.

Днепровский К. А.

СОВЕЩАНИЕ «ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ»

27 марта 1981 г. в Москве проходило организованное Институтом археологии АН СССР и Московским обществом испытателей природы совещание по проблемам применения физико-математических наук в изучении истории производительных сил. В работе совещания приняли участие специалисты Москвы, Ленинграда, Свердловска и Владивостока.

Во вводном докладе «Естествознание и история производительных сил» Б. А. Колчин отметил, что в ходе современной научно-технической революции осуществляется процесс становления единой системы научного знания. Возможности широкого взаимодействия археологии с естественными науками обуславливаются прежде всего самой природой археологических источников. Основным источником познания в археологии является вещественный памятник, т. е. предмет, не содержащий никакой языковой информации.

Процессы и законы развития человеческого общества овеществлены и материализованы в археологических находках. Эти предметы зримы, весомы и доступны измерению и аналитическому исследованию. Любая археологическая находка являет собой овеществленный сгусток человеческого труда, мысли, творчества, т. е. кусочек истории народа, трудом которого создан этот предмет.

В настоящее время археологи Советского Союза довольно успешно ведут научно-исследовательские работы по пяти крупным проблемам, где взаимодействие естественных наук и их методов с археологией открывает новые пути познания прошлого. Самая широкая и наиболее сложная проблема — это история производительных сил, история производства. Здесь археологи рассматривают историю становления и развития структур земледелия, животноводства и промышленности.

В научном решении тех или иных проблем истории производительных сил археологи в настоящее время применяют более 20 методов естественных и технических наук, таких, как физика, химия, геология, математика, ботаника, биология и др.

Полное и всестороннее раскрытие техники и технологии древнего производства в комплексном историко-теоретическом исследовании позволяет археологам изучать такие стороны динамики производства, которые непосредственно в археологическом материале не фиксируются. Изучение археологического источника с широким применением современных методов естественных наук, изучение техники и технологии не являются самоцелью, ибо конечным результатом археологических изысканий независимо от предмета и методики является историзм изучаемого явления.

Доклад Н. Н. Терехової (Москва) «Медно-оловянистые сплавы в технике металлообработки древних земледельцев Южной Туркмении» касался важного периода в развитии среднеазиатской цветной металлургии — появления различных искусственных сплавов с легирующими добавками. Эти сплавы появляются в периоды Намазга IV—VI в памятниках подгорной полосы Копетдага и известны на мургабских поселениях II тысячелетия до н. э. Изучено 285 экз. различных бронзовых изделий с поселения Алтын-депе и группы поселений древней дельты Мургаба. Металлографический анализ показал, что только 11% из них содержат в своем составе олово, в том числе в концентрации 10% и выше, причем нельзя выделить категории вещей, изготовлявшихся преимущественно из высокооловянных бронз. Не прослеживается также связь типа сплава с функциональным назначе-

нием вещи. Первые оловянистые изделия (Алтын-депе, Келлели) получались некачественными. Только на позднем (тоголокском) этапе истории южнотуркменистанских племен мастера на практике овладевают техникой обработки оловянных бронз, используя гомогенизирующий отжиг отливок перед кузнечной обработкой и закалку. Освоению новых сплавов препятствовали тысячелетиями складывавшиеся местные традиции металлообработки, в силу чего в рассматриваемом регионе оловянные бронзы так и не получили широкого распространения.

Доклад И. Г. Равич, А. В. Седова и М. С. Шемаханской (Москва) «Применение моделирования к изучению древних бронз Южного Таджикистана» заставляет по-новому взглянуть на историю южнотаджикистанской цветной металлургии кушанского времени. Авторами изучена бронзовая посуда с городища Ак-Тепе II в Бишкентской долине. Спектральный и металлографический анализы показали, что посуда изготовлена из высокооловянной бронзы (20% олова). Исследование специально изготовленных эталонных сплавов с различным содержанием олова позволило выяснить, что при столь высокой концентрации последнего бронза становится хрупкой и обрабатывается только горячей ковкой в узком интервале температур (600—700°). Металлографическое изучение и сравнение структуры посуды с эталонами показало, что она сначала была отлита, а затем доработана горячей ковкой. На рассматриваемой территории в кушанское время имела место исключительно ковочная традиция. Налицо приспособление технологии к составу бронзы и зависимость от него. Это наводит на мысль о естественном происхождении сплава, а не о добавлении олова в сплав в качестве лигатуры. Получение бронзы возможно из комплексной руды станнина, месторождение которого известно в Фанских горах. Авторами изучен станнин из месторождения Мушистон, на котором зафиксированы древние выработки. Спектральный анализ и изотопный состав свинца в руде и посуде не противоречат сделанному предположению. Пробные плавки металла из станнина во всех случаях дали содержание олова в сплаве 20—22%. Возможность использования комплексных руд для выплавки бронзы заставляет другими глазами посмотреть на большое разнообразие многокомпонентных сплавов в кушанское время. Здесь мы явно имеем дело не с металлургическим мастерством, а со знанием полиметаллических источников. Эта гипотеза, выдвинутая докладчиками, представляется вполне правдоподобной, но требует дальнейших исследований в избранном направлении.

Доклад Т. Б. Барцевой (Москва) «Спектроаналитическое изучение цветного металла скифского времени (днепровская левобережная лесостепь)» посвящен анализу металлургии бронзы, игравшей, несмотря на широкое применение железа, большую роль в хозяйстве населения лесостепи скифского времени. Рассмотрение гистограмм и корреляционных графиков концентраций легирующих примесей в цветном металле позволило проследить хронологическое развитие ряда ведущих сплавов: оловянных и оловянно-свинцовых бронз, нелегированной меди, а также сложных олово-мышьяковых и олово-свинцово-мышьяковых сплавов на медной основе. Намечается тенденция перехода от оловянных бронз (64% анализируемых изделий в VI в. до н. э.) к свинцово-оловянным (77% в IV в. до н. э.) Анализ естественных примесей позволил отнести сырье по происхождению к трем регионам: северокавказскому, восточному и западному, причем первый источник в период с VI по IV в. до н. э. являлся основным. В VI—V вв. до н. э. восточное сырье преобладало над западным, что, вероятно, связано с этнокультурными процессами. Сравнение бронз, происходящих с днепровского левобережья, с синхронными материалами соседних географических областей позволило прийти к выводу о существовании в каждом регионе местных, но не изолированных очагов цветной металлургии.

Доклад Н. В. Рындиной (Москва) «Мышьяковые покрытия на изделиях бронзового века циркумпонтийского региона» посвящен одному из малоизученных аспектов технологии мышьяковых бронз, популярных в раннем и среднем бронзовом веке на огромных пространствах Ближнего Востока, Европы и Кавказа, что было обусловлено их хорошими механическими свойствами, коррозионной стойкостью и ярким серебристым цветом при концентрациях мышьяка выше 12%. Только в позднем бронзовом веке они начинают уступать место оловянным бронзам из-за высокой токсичности паров мышьяка, активно улетучивающихся при выплавке металла и любой тепловой обработке изделий. При малых концентрациях мышьяка в сплаве существуют способы добиться стойкого серебристого покрытия на изделиях. Первый способ заключается в нанесении на поверхность изделия смеси окислов мышьяка, золы и угля и его нагреве до красного каления. Восстановившийся мышьяк диффундирует в медь основного сплава и, реагируя с ней, образует стойкое покрытие. Этот способ позволяет получать локальные покрытия в виде зон, пятен, полос и орнаментов. Ранее считалось, что они наносились с помощью серебра или смеси серебра со свинцом. Существует иной, литейный способ получения мышьяковых покрытий за счет явления обратной ликвации, при котором мышьяковая составляющая сплава даже при малых концентрациях мышьяка выталкивается на поверхность отливки. Моделирование показало, что это явление происходит при литье в холодную металлическую форму или в каменную форму с закопченной рабочей поверхностью, как в холодную, так и нагретую до 200—300°. Ликвационное покрытие обнаруживает принципиально иную структуру по сравнению с пастовым, в частности имеет ярко выраженное дифференцированное строение. Оба способа, видимо, были изобретены во второй половине III тысячелетия до н. э. в анатолийских центрах металлообработки. Кроме Анатолии и

островов Эгейского моря изделия, покрытые мышьяком, выявлены среди усатовских древностей Северного Причерноморья. Это так называемые большие усатовские кинжалы из 1-го Усатовского могильника и из кургана у с. Утконосовка. Они попали к усатовцам из западноанатолийских центров, изготовлявших типологически близкие клинки. Во II тысячелетии до н. э. технология ликвационного покрытия осваивается в местных мастерских северопричерноморской зоны. Оно часто фиксируется на украшениях катакомбной и северокавказской культур, а в дальнейшем распространяется в центральную Европу (унетицкие древности). К востоку от Кавказа мышьяковые покрытия пока не известны.

В докладе С. Н. Кореневского (Москва) «Общие черты мышьякового металла Кавказа в эпоху раннего бронзового века» дается краткий обзор состояния исследования металла рассматриваемого времени, предлагается единая номенклатура мышьяковых бронз племен майкопской и куро-аракской культур. Среди них выделяются две главные группы — мышьяковая и мышьяково-никелевая. Сопоставление коллекций предметов эпохи раннего бронзового века из Армении, Азербайджана, Грузии, Дагестана и Прикубанья позволяет сделать вывод о развитии металлообработки кавказских племен на эксплуатации месторождений Большого и Малого Кавказа. Металл Малого Кавказа был более разнообразен, чем металл племен Грузии и Предкавказья, тяготевших, видимо, к рудопроявлениям Большого Кавказа. Разнообразие заключается в наличии малых химико-металлургических групп с повышенными концентрациями олова, никеля и свинца.

В докладе Л. В. Коньковой (Владивосток) «Спектральный и металлографический анализ в приложении к изучению дальневосточных бронз» излагаются результаты изучения составов, изменения рецептуры и техники обработки бронз на юге Дальнего Востока СССР с рубежа II—I тысячелетия до н. э. по начало XIII в. н. э. Автор приходит к интересному выводу о том, что на протяжении почти 2 тыс. лет в указанном регионе использовалось геохимически однородное сырье, вероятно, связанное с длительной эксплуатацией единых рудных источников. В результате исследования бронз выяснилось, что на Дальнем Востоке с конца II — начала I тысячелетия до н. э. были распространены сложные сплавы медь-олово-свинец. В I тысячелетии н. э. здесь появляются устойчивые серии многокомпонентных сплавов, высокооловянные и высокосвинцовые бронзы и группа латуней. Металлографический анализ вещей карасукско-тагарского облика с поселения Синий Гай позволил выявить многообразие приемов обработки бронзы: литье, литье с последующей проковкой, литье с последующей формовкой, ковку с промежуточным отжигом. Это, как и использование сложных сплавов, свидетельствует о высоком технологическом уровне, достигнутом бронзолитейщиками того времени, а также о развитии узкой специализации в обработке цветных металлов на Дальнем Востоке на рубеже II—I тысячелетий до н. э.

Программу утреннего заседания завершил доклад Г. Л. Силантьева (Владивосток) «Техника изготовления и химический состав стеклянных изделий чжурчжэней». В докладе рассмотрены 11 категорий стеклянных изделий, имевших хождение на территории Приморского края в XII — начале XIII в. Рассчитана устойчивая связь между этими категориями по взаимовстречаемости. Определен химический состав, классы и типы стекол. Установлено, что 85% изделий (из выборки в 79 анализов) изготовлено из калиево-натриево-кальциево-кремнеземного стекла. На корреляционной таблице, характеризующей состав стекла ведущих средневековых центров стеклоделия, основная масса чжурчжэньских стекол занимает особое, отличное от других место. В пределах выборки по химическому составу и технологии изготовления выделена группа импортных бус, происходящих из Средней Азии и Ближнего Востока. Рассмотрена технология изготовления стеклянных бус, колец, шпилек и палочек. Установлена преемственность некоторых типов стекол и изготовленных из них бус, имевших хождение в Приморье как в чжурчжэньское, так и в более раннее бохайское время (VIII—X вв.). Показано, что крупнейшее в Приморье Шайгинское городище являлось одним из центров обработки стекла, связанным с привозными полуфабрикатами — стеклянными палочками. Доклад вводит в научный оборот обширный фактический материал по средневековому ремеслу Приморья.

Вечернее заседание открыл доклад Ю. Л. Щаповой (Москва) «Об эволюции в стеклоделии древнейших эпох», в котором исследуются особенности стеклоделия разных регионов: различия в химическом составе, номенклатуре и форме изделий. формулируется понятие «школа в стеклоделии», характеризующееся технологией производства, стекловарения, номенклатурой изделий, формой, цветом, декором. При детальной расшифровке стеклоделие может быть описано 30-ю признаками, которые определяют химико-технологическое и морфологическое сходство и различия школ. Эти теоретические выкладки автор применил к исследованию стеклянных изделий II—I тысячелетий до н. э. В стеклоделии этого времени существовало и развивалось не менее трех школ. Месопотамская школа и связанное с ней золистое стекло из тройной шихты эволюционировали по пути получения бесцветного прозрачного стекла, в обработке использовались горячие и холодные способы (резание и шлифование). Изменения в египетской школе коснулись стекловарения: тугоплавкие стекла II тысячелетия до н. э. в I тысячелетии до н. э. сменились менее тугоплавкими. Часть изделий из двойного содового стекла связывается с Финикией, которая, по мнению Ю. Л. Щаповой, в начале I тысячелетия до н. э. становится новым центром стеклоделия. Эволюция финикийской школы при сохранении состава стекла и технологических приемов в эпоху эллинизма продолжалась

в рамках египетского стеклоделия, где были освоены рецептура, технология и некоторые формы финикийской школы. Обобщая закономерности эволюции школ, автор приходит к выводу, что «каждый эволюционный этап в стеклоделии отмечен изменением какой-либо одной характеристики производства, а не всех сразу». Кроме того, замечено, что технологические приемы обработки стекла усложняются в тот момент, когда его состав становится оптимальным. Эволюция технологии в свою очередь определяет расширение номенклатуры изделий.

Два последующих доклада были посвящены геофизическим методам изучения древних производственных комплексов.

Доклад М. В. Калашникова и А. К. Станюковича (Москва) «Археолого-геофизическое изучение древнерусской железоделательной мастерской в Подмосковье» подводил итоги комплексных исследований по изучению металлургической мастерской домонгольского времени. Исследования проводились в два этапа: детальная магниторазведка с квантовым магнитометром М-33 и археологические раскопки по той же сети. Магниторазведка позволила выявить ряд аномалий, связанных с обширным скоплением шлака — отходами железоделательного производства — и тремя глинобитными печами — домницей и печами вспомогательного назначения. Геофизические данные после математической обработки не только характеризуют положение объектов в плане, но и коррелируют с их конструктивными особенностями и степенью их сохранности. Данные по моделированию сыродутного процесса, полученные ранее Б. А. Колчиным и О. Ю. Круг, позволили авторам по массе шлакового отвала определить максимально возможную продолжительность существования производства — 7—11 лет. Вещевой материал позволил датировать комплекс второй половиной — концом XII в. и констатировать здесь не только железоделательное, но и кузнечное и ювелирное производства. По мнению авторов, мастерская связана с расположенным в 0,5 км от нее обширным Деспинским селищем, являвшимся, очевидно, раннесредневековым волостным центром.

В докладе В. М. Слукина (Свердловск) «Археолого-геофизические исследования в Уральском металлургическом центре XVIII в.» изложены результаты работ на территории крупнейшего на Урале центра горнозаводского дела конца XVII—XVIII в.— Невьянского завода, в настоящее время готовящегося к музеефикации. Задачами исследований являлось картирование подземных сооружений завода и техногенных отложений, искажающих исторический ландшафт. Применен комплекс методов, включающих электроразведку (симметричное электропрофилирование, вертикальное зондирование и метод заряженного тела) и гравиразведку. Съемка проводилась как над известными подземными сооружениями (получение эталонных аномалий), так и на перспективных площадях, где выявлено более 40 аномалий. После отбраковки аномалий от современных коммуникаций проведена частичная проверка остальных, во время которой была выявлена система из двух подземных ходов. Картирование техногенных отложений и контрольная шурфовка выявили напластования шлака черных и цветных металлов с древесным углем и прослойками фракционированной руды. Исследования показали высокую эффективность примененных методов в условиях старого промышленного предприятия с плотной застройкой.

В докладе О. Р. Квирквелия и И. Н. Киселева (Москва) «Информационная база математического моделирования производственных процессов в археологических исследованиях» поставлен вопрос о применении математических, внутренне непротиворечивых моделей историко-экономических и историко-социологических реконструкций. Уже сама подготовка данных в соответствии с требованиями математического моделирования является полезной для упорядочения исходной информации. Моделирование же, как показывают авторы на примере обработки верхнепалеолитических нуклеусов Грузии (по данным Н. З. Бердзенишвили), позволяет получать дополнительную (скрытую), отсутствующую непосредственно в археологическом материале информацию.

Последние пять докладов совещания были посвящены изучению керамики — наиболее массового археологического материала.

В докладе И. С. Жущиховской (Владивосток) «Петрографические и спектрохимические исследования древней керамики Приморья» приведены результаты изучения керамики янковской и кроуновской культур раннего железного века. Полученные данные касались вопросов сырьевой базы гончарства, некоторых особенностей технологии и организации производственного процесса. Установлен местный характер керамической базы, включавшей глины, отощающие непластичные материалы и красящие пигменты (охры). Отмечена связь гончарства ряда памятников с конкретными сырьевыми источниками. Выявлены общие и специфические для рассматриваемых культур приемы и принципы приготовления формовочной массы, что дает новые материалы для решения вопроса о корреляции керамических традиций данных культур. Анализ состава формовочной массы керамики из обжигательных печей янковской культуры позволил установить индивидуальные отличия сосудов, изготовлявшихся разными гончарами, их рабочий «почерк». Изделия разных мастеров помещались для обжига в одну печь. Таким образом, трудовой процесс вплоть до стадии обжига носил индивидуальный характер и лишь на этой стадии становился коллективным.

Доклад А. А. Узянова (Москва) «Динамика технологического стереотипа: механизм смены орнаментальной технологии в керамике роменской культуры» посвящен анализу материалов хорошо стратифицированного (на четыре горизонта) городища Горналь. Изучение 570 сосудов из построек с применением критерия

Пирсона и частотного коэффициента ассоциации позволило автору по 50-летним отрезкам времени в рамках IX — третьей четверти X в. проследить как динамику развития орнаментации, так и систему связей синхронных и несинхронных комплексов. Выявлено, что из основных орнаментальных приемов — пальцево-ногтевого и инструментального (преимущественно веревочный штамп) — первый господствует в древнейший период и на протяжении IX в. постепенно заменяется вторым. На городище удалось выделить две противостоящие по орнаментации керамики группы жилищ и проследить циклы развития наиболее массовых композиционных разновидностей орнаментов, включающие резкое возрастание доли вида композиции, затем резкое ее сокращение, после чего следует некоторое увеличение доли вида, возвращающее процесс к состоянию «равновесия». Циклы эти сдвинуты на половину столетия. Частотный анализ набора орнаментальных композиций каждого из жилищ позволил реконструировать процесс передачи «орнаментальных стереотипов» между поколениями и механизм образования новых «стереотипов», что может отражать не только структуру внутрипоселенческих связей, но и систему родственных отношений.

Доклад М. Г. Гусакова (Москва) «Гончарная метрология по материалам зарубинецкой культуры» посвящен анализу соотношения высот и объемов сосудов из зарубинецких могильников. Проведенная методом ранжирования вариационного ряда корреляция высот и объемов, несмотря на большие допуски в вычислении последних, позволила установить их квазилинейную зависимость, соответствующую возрастающему ряду римских мер длины и объема. Данные закономерности отмечены только для зарубинецкой культуры. Сосуды других культур раннего железного века Восточной Европы (скифской, дьяковской и милоградской) римской системой мер не описываются.

В докладе Э. В. Корочкина и Ю. М. Лесмана (Ленинград) «Информационные оценки сложности формы керамических сосудов» предложена методика количественных оценок сложности формы керамики и сделана попытка оценить информационные затраты при ее производстве. С помощью аппарата теории информации найдена мера сложности, зависящая от точности обработки поверхности профилированного сосуда. Гончарный круг позволяет гончару сократить информационные затраты, при этом задается лишь контур сосуда, воспроизведение которого по окружности происходит механически. Частичная лепная профилировка сосуда соответствует ручному заданию формы для его нижних частей и только контура для верхних частей. В этом случае прогрессивность технологии оценивается долей информации, вносимой гончарным кругом в общее значение сложности формы. Анализ изменения во времени как величин самих сложностных оценок, так и показателей прогрессивности технологии позволяет по-новому взглянуть на динамику становления и развития ремесленного гончарного производства.

В докладе С. В. Белецкого (Москва) и Ю. М. Лесмана (Ленинград) «О стилистических особенностях в орнаментике древнерусской круговой керамики (по материалам Пскова)» анализировалась встречаемость орнаментальных элементов на различных типах формы древнерусских гончарных сосудов. Для сравнения различных методик анализ проводился как с построением графов по рассчитанным коэффициентам связи, так и с применением разработанной и ранее опубликованной Ю. М. Лесманом методики, базирующейся на аппарате теории распознавания образов и заключающейся в определении расстояния между анализируемыми объектами в двоичном многомерном пространстве признаков. Эта методика позволила получить трехступенчатую иерархическую классификацию, более четкую и более структурно организованную, чем наглядно видимая в графе связей. В результате проведенного исследования удалось выявить ряд групп — «стилей», различающихся последовательным обеднением орнаментации, причем, как показывает стратиграфическое распределение керамики в культурном слое Пскова, ряд этот является не только хронологическим, но, возможно, содержит информацию о различном происхождении орнаментальных традиций разных «стилей».

Дискуссию по докладам открыл Е. Н. Черных (Москва). Выразив удовлетворение содержательностью совещания, он особо остановился на ряде докладов, посвященных древней цветной металлургии. В частности, результаты, полученные Н. В. Рындиной, заставляют исследователей внимательнее отнестись к взятию проб металла, поскольку вместо собственно металла можно исследовать его покрытие. По докладу И. Г. Равич, А. В. Седова и М. С. Шемаханской он заметил, что авторы концентрируют внимание на единственном Мушистонском месторождении комплексных руд, тогда как в рассматриваемом регионе существуют древние горные выработки на месторождениях как станнина, так и касситерита (Зирабулак-Зиаэтдинские горы), возможно относящиеся к кушанскому времени. Технология кушанской металлургии скорее всего была множественной, могли использоваться как комплексные руды, так и касситерит, в последнем случае олово, безусловно, являлось лигатурой. По докладу Л. В. Коньковой Е. Н. Черных заметил, что сходство дальневосточных бронз с карасукскими может объясняться не только импортом вещей, но и перенесением технологии группами мастеров-литейщиков.

А. М. Бианки (Ленинград) подчеркнул, что авторы докладов, ставящих вопрос о получении сложных сплавов непосредственно из природных руд, заставляют по аналогии усомниться также в реальности мышьяковой металлургии. Как отмечено в докладе Н. В. Рындиной, мышьяк очень летуч и токсичен, что приводило бы к высокой смертности среди металлургов. Возможно, мышьяк просто содержался в рудах и как составная часть переходил в сплавы.

И. Г. Равич сообщила о только что полученных результатах исследования мышьяковых и оловянных бронз, проведенного совместно с Н. В. Рындиной. Были выплавлены употреблявшиеся в древности составы двойных мышьяковых и оловянных бронз, для которых построены кривые «состав — свойство» (ковкость в горячем и холодном состоянии, твердость в литом состоянии и после ковки, цвет и др.). Как оказалось, при близких концентрациях легирующих компонентов мышьяковые и оловянные бронзы близки по свойствам. Оптимальным сочетанием ковкости и твердости обладают бронзы с 4—5% мышьяка и 6—7% олова. Сопоставление кривых с опубликованными данными Е. Н. Черных и И. Р. Селимханова показало, что орудия из мышьяковых бронз чаще всего содержат 1—2% мышьяка, тогда как из оловянных — 5—7% олова, т. е. в случае мышьяковых бронз древние металлурги не выходили на оптимальный состав, а в случае оловянных легко его получали. Это, очевидно, объясняется летучестью мышьяка, что, возможно, и привело к замене мышьяковых бронз оловянными. Получение мышьяковых бронз с 4—5% мышьяка и более, вероятно, требовало специальной технологии. В этой связи изучение высокомышьяковых сплавов представляется интересным и перспективным.

Н. В. Рындина, выступившая по докладу Г. Л. Силантьева, заметила, что полученные им результаты о среднеазиатском и ближневосточном импорте в Приморье должны быть более подробно доказаны с привлечением самых различных методов исследования, поскольку они могут отражать лишь традиции, воспринятые через промежуточные центры стеклоделия. Ю. Л. Щапова добавила, что исследованные Г. Л. Силантьевым категории вещей совпадают с материалами центров Средней Азии и Ближнего Востока по ряду признаков, в частности по составу, морфологии и технике изготовления. На Дальний Восток вещи могли попадать как в виде готовых изделий, так и полуфабрикатов — стеклянных палочек, из которых вещи производились на месте.

А. К. Станюкович привел другие примеры трансконтинентальных связей Дальнего Востока даже с Восточной Европой. И там и там многочисленны находки идентичных сердоликовых среднеазиатских бус, известны находки дальневосточных вещей на северокавказских, салтовских, древнерусских и скандинавских памятниках. У чжурчжэней бытовали европейские типы кресал, на памятниках мохэского и бохайского времени Амура и Приморья известны находки сасанидских бронз и вещей салтовского облика. Проблема связей Приморья с другими регионами Евразии требует специального изучения, которое уже начато. Он отметил также положительную сторону работы, проведенной Ю. М. Лесманом и С. В. Белецким, которые впервые попытались осмыслить роль простого линейного и волнистого орнаментов древнерусских кружальных сосудов как исторического источника.

Ю. Л. Щапова отметила ясность и содержательность серии докладов, посвященных изучению древних технологий, и значительно большую сложность и меньшую доступность слушателю некоторых докладов, посвященных изучению керамики. Сложность метода снижает возможность его освоения и применения археологом, особенно когда для этого требуется специальная математическая подготовка. Доклады И. С. Жущиховской и М. Г. Гусакова, по мнению Ю. Л. Щаповой, представляют собой пример эффективного применения достаточно простых методик. Следует лишь отметить, что результаты, полученные М. Г. Гусаковым, могут объясняться не только влиянием античной культуры, но и конвергентным развитием мер длины и объема, исходя из естественных размеров и пропорций человеческого тела.

А. А. Узянов отметил, что, к сожалению, лишь в парадигме а не в действительности существует всеобъемлющий метод изучения керамики. Не создано еще классической обобщающей работы, охватывающей все аспекты. Поэтому каждая конкретная работа по керамике в силу сложности источника не претендует на универсальность.

Ю. М. Лесман согласился с Ю. Л. Щаповой и А. А. Узяновым относительно значимости общих установок и проблем для решения конкретных задач и указал на происходящий сейчас процесс формирования новой парадигмы. Старые методы, конечно, не исчерпали себя, но и новые содержат важную именно в рамках формирующейся парадигмы информацию. Предлагая эти методы, приходится останавливаться на их обосновании, подчас достаточно сложном, тогда как на стадии практического применения эти методы просты. В последние годы произошел определенный спад в новых разработках археологических приложений математики, что определяется отсутствием профессионально подготовленных специалистов, способных работать на стыке археологии и математики, в то время как в ряде других областей на стыке археологии и естественных наук (антропологии, палеогеографии, палинологии, физической химии в различных ее аспектах и др.) такие специалисты-смежники уже имеются, что нашло свое отражение, в частности, в программе совещания.

В резолюции совещания подведены основные итоги, выражено удовлетворение участников ходом работы, отмечена активная деятельность оргкомитета, работавшего в рамках Комиссии по применению естественнонаучных методов в археологии Московского общества испытателей природы.

Следующее совещание по проблеме «Археология и естественные науки» решено провести в 1983 г.

Станюкович А. К., Силантьев Г. Л., Лесман Ю. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АСб.ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
ВА — Вопросы антропологии. Москва
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВИ — Вопросы истории
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГМИНВ — Гос. музей искусства народов Востока
ГЭ — Гос. Эрмитаж
ЗНОРАО — Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ИАИЯЛИ — Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР. Сухуми
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры
ИЗ — Исторические записки. М.— Л.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИИС — Из истории Сибири. Томск
ИИЯЛ БФ АН СССР — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Уфа
ИКФВГО — Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Сыктывкар
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
ИФС КомиФАН — Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар
КБН — Корпус боспорских надписей / Под ред. акад. В. В. Струве. М.— Л.: Наука, 1965
КМЗВИ — Киевский музей западного и восточного искусства
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва
ЛГУ — Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова
ЛГПИ — Ленинградский гос. педагогический институт им. А. И. Герцена
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАЕСВ — Материалы по археологии европейского северо-востока
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Марийская археологическая экспедиция
МГУ — Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.— Л.
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь
МИСО — Материалы по истории Смоленской области
МКАЭН — Международная конференция археологических и этнографических наук
МОПИ — Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской
НиС — Нумизматика и сфрагистика. Киев
НС — Нумизматический сборник. Москва
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский гос. археологический музей
ООН — Отделение общественных наук
ПАЭС — Поволжское археолого-этнографическое совещание
ПАДИУ — Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972
ПГУ — Пермский гос. университет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. М.— Л.
Сб.ОРЯС — Сб. Отделения русского языка и словесности АН СССР
СГМИИ — Сообщения Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Ленинград
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис
ТИИАЭ КиргССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Киргизской ССР. Фрунзе
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. М.— Л.
ТМАО — Труды Московского археологического общества
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР
Тр.АГМ — Труды Абхазского гос. музея. Сухуми
Тр.ГИМ — Труды Гос. Исторического музея. Москва
Тр.КИЧПЕ — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода Европы
ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.— Л.
Тр.ПАО — Труды Псковского археологического общества. Псков
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского гос. университета. Саратов
ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов
AAH — Acta Arhaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AH — Arhaeologia Hungarica. Budapest
AI — Ancient India. Bulletin of the Arhaeological survey of India. New Delhi
AMitt — Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts zu Athen (Rom)
AN — Ancient Nepal. Bulletin of the Department of Archaeology of Nepal. Kathmandu
AsP — Asian Perspectives. Bulletin of the Far-Eastern Prehistoric Association. Hongkong — Honolulu
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
CIWP — Carnegie Institute of Washington Publication. Washington
CRAIBL — Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belle-lettres. Paris
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
IPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxine. Ed. V. Latyschev. Petripoli
Kanchenjungha — Bi-weekly Megazine, Sikkim issue. Gangtok, Sikkim
MDA — Memoirs of the Department of Archaeology. Karachi
SM — Schweizer Münzblätter. Bern
SMYA — Suomen muinaismuisto-yhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.01.83. Подписано к печати 28.03.83 Т-00074 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6+1 цвет. вкл. Усл. кр.-отт. 92,8 тыс. Уч.-изд. л. 31,4 Бум. л. 9,5
Тираж 3375 экз. Зак. 2414

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 10